This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

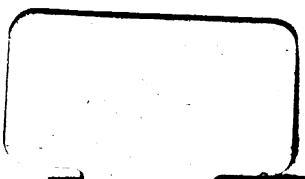
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 2044 021 941 489

Digitized by Google

PS1a0 475.65

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Ч13
1895 №9

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

0216815
Vol. 14

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

№ 9. СЕНТЯБРЬ.

HARVARD UNIVERSITY
FEB 15 1974
74*2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невскаго просп.) № д. 11.
1895.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

Digitized by Google

PStar 475.65 [illegible]

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ

«УКАЗАТЕЛЬ

статей, напечатанныхъ въ журналѣ «Наблюдатель» за 12 лѣтъ, съ 1882 по 1894-й годъ (по фамиліямъ авторовъ)».

Цѣна: 25 к. безъ перес.; съ перес. 30 к.

Печатаются изданія редакціи:

I.

Князь В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ

Литературно-біографическій очеркъ, въ связи съ личными воспоминаніями. *А. П. Пятковскаго.* Изданіе второе, съ приложеніемъ портрета кн. Одоевскаго и писемъ къ автору отъ современниковъ князя: *барона А. Г. Жомини* и *княгини М. А. Вяземской.*

HARVARD UNIVERSITY
FEB 15 1974

Первое изданіе внесено въ «Каталогъ ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства народнаго просвѣщенія». (Спб. 1889 г., № 1378).

74*2

II.

ПО ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ

Сборникъ публицистическихъ статей и этюдовъ. *Его же.* (Сюда войдутъ нѣкоторыя статьи изъ книги: «Живые вопросы», уже давно не имѣющейся въ продажѣ).

III.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БЕЦКІЙ И ЕГО ВРЕМЯ

Историческая монографія въ двухъ частяхъ: 1) Біографическій очеркъ Бецкаго, съ изложеніемъ его педагогической системы; 2) С.-Петербургскій Воспитательный Домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго (по документамъ нѣсколькихъ казенныхъ архивовъ вѣдомства Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи). *Его же.* Къ книгѣ будетъ приложенъ портретъ Бецкаго.

При выпискѣ этихъ книгъ изъ Главной Конторы, подписчики «Наблюдателя» будутъ пользоваться значительною уступкою.

87799
ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА им. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1895 Г. ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

ГОДЪ XIV „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ XIV

Выходитъ ежемѣсячно 1-го числа, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Вступивъ **въ 14-й годъ** изданія нашего журнала, мы будемъ вести его въ томъ же твердо установившемся направленіи, съ которымъ хорошо знакомы наши постоянные читатели. **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»**, прежде всего, стремился быть журналомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія* [1]). Общее же направленіе нашего журнала,—насколько намъ удалось выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики,—мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*. Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли *за прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни—въ сторону свѣта, правды, нравственнаго и экономическаго благосостоянія*—съ сохраненіемъ, притомъ, всѣхъ заслуживающихъ уваженія историческихъ основъ нашего національнаго быта. Мы отрицали и аракчеевщину, идущую сверху, и пугачевщину, поднимающуюся снизу. Слѣдуя этому пути, мы отходили оди-

[1]) «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ) былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ прошлаго года, а въ настоящее время вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

Digitized by Google

наково-далеко и отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «консервативной» прессы, и отъ буржуазно-космополитическаго «либерализма», весьма преклоннаго къ еврейству и защищающаго, главнымъ образомъ, его интересы. Изъ нашей прогрессивной программы мы навсегда и рѣшительно исключили фальшиво-гуманныя еврейскія симпатіи, которыя вторгнулись въ русскую прессу 60-хъ годовъ подъ либеральнымъ флагомъ «религіозной терпимости», благодаря тогдашнему полному невѣжеству относительно настоящаго—антисоціальнаго, а вовсе не религіознаго—смысла еврейскаго ученія; теперь же онѣ поддерживаются у насъ однимъ давленіемъ еврейскаго капитала. Разъясненію подлиннаго смысла талмуда и шулханъ-аруха,—этихъ *гражданскихъ* и *политическихъ* кодексовъ еврейства,—а также и способовъ ихъ практическаго примѣненія, мы посвятили цѣлый рядъ изслѣдованій и этюдовъ: проф. *Ѳ. И. Леонтовича*, *А. П. Пятковскаго*, *М. В. Неручева*, *А. А. Быкова*, *А. Н. Котельникова*, *Н. Тембе (Н. А. Туганъ-Барановскаго)*, *С. Трушко* и др. Своими документальными—историческими и статистическими—данными эти изслѣдованія значительно разогнали напущенный евреями туманъ и поставили, такъ называемый, «еврейскій вопросъ» на принадлежащую ему политико-экономическую почву [1]).

Этого *прогрессивно-національнаго направленія* мы намѣрены держаться неуклонно и на будущее время, не смотря на все тайное и явное противодѣйствіе небезкорыстныхъ служителей якобы «гонимаго племени».

Въ 1894 г., въ журналѣ были напечатаны: 1) **Горный ручей**, романъ *І. І. Ясинскаго*; 2) **Желѣзомъ и кровью**, историческій романъ изъ временъ завоеванія Кавказа при Ермоловѣ, *Д. Л. Мордовцева*; 3) **Съ добрымъ сердцемъ**, повѣсть *А. А. Виницкой*; 4) **Весною**, очерки *Ф. Д. Нефедова*; 5) **Неудача генерала Постромкова**, повѣсть *Н. Д. Маслова* (автора романа: «Изъяны воли»); 6) **Золоченая богема**, романъ *В. Свѣтлова*; 7) **Жизнь съизнова**, романъ *Н. Ѳ. Бажина*; 8) **Жертва иллюзіи**, романъ *К. В. Назарьевой*; 9) **Свѣтъ клиномъ сошелся**, повѣсть *В. А. Рышкова*; 10) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова*; 11) **Повѣсть честнаго гражданина** (по поводу «Дневника» Никитенка) *К. П. Медвѣдскаго*; 12) **Памиры и памирскій вопросъ**, *В. Острогорова*; 13) **Военное воздухоплаваніе**, *М. И. Венюкова*; 14) **Крестьянское хозяйство и народное продовольствіе**, *И. О. Фесенко*; 15) **О задачахъ городскаго самоуправленія**, *А. Н. Котельникова*; 16) **Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны**, *В. В. Птицына*; 17) **Казенный раввинатъ**, *Н. Тембе*; 18) **За-**

[1]) См. «*Наблюдатель*» 1882 г. №№ 2, 5 и 6; 1883 г. № 9; 1891 г. №№ 4, 5 и 6; 1892 г. №№ 2, 5 и 11; 1893 г. №№ 5 и 11; 1894 г. №№ 1 и 2; 1895 г. № 1.

Digitized by Google

дачи женскаго образованія, *Н. Цакни*; 19) Къ вопросу о народной переписи, *Статистика;* 20) Падшіе ангелы (изъ жизни «отдаленныхъ мѣстъ») *С. Ф. Годлевскаго*; 21) Изъ американской жизни, *В. Святловскаго*; 22) Кавказскія минеральныя воды въ 1893 г., *Н. Щирскаго;* 23) Законность управленія и кодификація права, *Н. П. Дружинина*; 24) Д. В. Григоровичъ, *К. Говорова*; 25) Чехи на Волыни, *А. П. Липранди*; 26) Работа, какъ наказаніе, *А. О. Дукмасова*; 27) Наша драматическая труппа, *В. Свѣтлова*; 28) На трехъ выставкахъ, *И—а*; 29) Первые шаги въ устройствѣ русской церкви въ Прагѣ, *гр. П. А. Кутузова*; 30) Наша журналистика, *К—скаго*; 31) Министерство земледѣлія, *В. Г. Швецова*; 32) Теорія Броунъ-Секара и ея примѣненіе, *Его же;* 33) Двѣ системы средняго образованія, *Одного изъ родителей*; 34) Путь къ Берлинскому трактату, *Б. К. П.* 35) Наша музыкальная жизнь, *В. С. Баскина;* 36) Юліанъ Отступникъ, историч. романъ *Феликса Дана*; 37) Рабъ свѣта, политическій романъ (съ англ.) *Генри Сетона Мерримена*; 38) Лурдъ, романъ *Эмиля Золя*; 39) Заслуженный успѣхъ (по поводу книги Дьяконскаго: «Евреи и ихъ вѣроученіе») *А. П. Пятковскаго*; 40) И смѣхъ, и горе, фельетоны *Ефима Простосердова* и пр., и пр.

Въ 1895 г., кромѣ вышепоименованныхъ беллетристовъ, въ журналѣ снова примутъ участіе: **А. К. Шеллеръ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Д. И. Стахѣевъ, В. Л. Марковъ, И. Д. Ахшарумовъ** и мн. др.

Воспоминанія **А. П. ПЯТКОВСКАГО** (**«Изъ моего прошлаго»**), обѣщанныя читателямъ въ прошломъ году, отложены, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, до 1895 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Безъ доставки	12 р.	6 р.—к.	3 р.—к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
» пересылкою въ другія мѣста Россіи . . .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
» » за границу	17 »	9 » — »	5 » — »

Полугодовая и трехмѣсячная подписка, съ доставкой и пересылкой внутри Россіи, разсчитана въ равныхъ доляхъ съ годовой, безъ надбавки.

Digitized by Google

Всѣ подписчики „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ (годовые, полугодовые и трехмѣсячные), желающіе получить ВТОРОЕ, дополненное, изданіе монографій А. П. Пятковскаго въ 2-хъ частяхъ: «ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ», приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р. Къ оставшимся, въ небольшомъ количествѣ, экземплярамъ приложенъ портретъ автора.

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра. Гг. служащимъ—разсрочка (мѣсячная или по третямъ) за поручительствомъ гг. казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Пушкинская ул., близъ Невскаго пр., № 11), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 38), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ Москвѣ,—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета). Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.

Оставшіеся въ складѣ полные экземпляры журнала за 1894 г. продаются: за 10 руб. безъ пересылки и за 12 руб. съ перес. въ Россіи.

Digitized by Google

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ „НАБЛЮДАТЕЛЯ".

Въ Главной Конторѣ, изъ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія «Наблюдателя», полные экземпляры журнала имѣются въ небольшомъ количествѣ только за 1893 и 1892 г.г.

Содержаніе журнала за 1893 г.

1) **Совѣсть зазрила**, романъ *А. Михайлова*; 2) **Лицемѣры**, романъ *І. І. Ясинскаго*; 3) **Ночь**, романъ *Н. Є. Бажина*; 4) **Волчья яма**, романъ *П. Лѣтнева*; 5) **Надорванныя силы**, романъ *К. В. Назарьевой*; 6) **Къ чему?** романъ *И. Д. Ахшарумова*; 7) **Призраки минувшаго**, романъ *В. Свѣтлова*; 8) **Изъ любопытства**, разсказъ *А. А. Виничкой*; 9) **Что дѣлается въ деревнѣ?** разсказы *В. А. Рышкова*; 10) **Изъ воспоминаній**, *В. Р. Зотова*; 11) **Очерки иностранной литературы**, *Его же*; 12) **Борьба съ холерою**, *Н. П. Дружинина*; 13) **Эрнестъ Ренанъ** (по поводу его смерти) *В. В. Чуйко*; 14) **Неурожаи прошлаго вѣка** (по архивнымъ матеріаламъ) *П. В. Безобразова*; 15) **Артемій Петровичъ Волынскій**, историческая характеристика, *К. В. Ярошa*; 16) **Къ вопросу о преобразованіи государственнаго банка**, *Л. Н. Нисселовича*; 17) **О задачахъ искусства**, *К. Говорова*. 18) **Послѣдній могиканъ идейной поэзіи** (по поводу «Стихотвореній А. М. Жемчужникова») *Его же*; 19) **А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки**, *С. Ѳ. Шарапова*; 20) **Глинка и его Русланъ**, *В. С. Баскина*; 21) **Гуно и Чайковскій**, *Его же*; 22) **Иллинойсъ и Чикаго**, *М. И. Венюкова*; 23) **Ирландія въ 1893 г.** *Его же*; 24) **Народъ по еврейскому законодательству, древнему и новому**, *Н. Тембе*; 25) **Галаха и Агада** (къ еврейскому вопросу) *Его же*; 26) **Уѣздныя письма**, *Ѳ. Э. Ромера*; 27) **Изъ жизни французскаго резервиста**, *Ж. де-Кервильи*; 28) **Парижскія письма**, *Его же*; 29) **Условія правильнаго классическаго воспитанія и его нынѣшняя постановка**, *Одного изъ родителей*; 30) **Панамскій каналъ и его исторія**, *И. П.*; 31) **Философія права, какъ самостоятельный предметъ юридическаго факультета**, *А. Н. Котельникова*; 32) **Тяжелый годъ** (по поводу голодовки) *В. Бирюковича*; 33) **Тамбовскій оригиналъ и полемистъ** (по архивнымъ источникамъ) *И. И. Дубасова*; 34) **Школа жизни**, *М. Слобожанина*; 35) **Наша драматическая сцена подъ новымъ управленіемъ**, *В. Свѣтлова*; 36) **Михайловскій театръ**, *В. И.*; 37) **Бетховенъ, какъ человѣкъ и музыкантъ**, *В. Е. Чешихина*; 38) **Судъ и жизнь**, *А. О. Дукмасова*; 39) **Земельная неурядица въ Уфимской губерніи**, *А. Якимова*; 40) **По дорогѣ въ Корсику и на островѣ**, *М. В.*; 41) **Наташа** (быль изъ станичной жизни) *Н. Затонскаго*;

Digitized by Google

42) **Наша журналистика**, *К-скаго;* 43) **Изнанка сцены** (театральный очеркъ) *В. Свѣтлова;* 44) **Студенческіе годы**, *Бывшаго студента;* 45) **Общественные идеалы Фридриха Нитцше**, *В. В. Чуйко;* 46) **Нужды нашего сельскаго хозяйства**, *В. Бирюковича;* 47) **Изъ жизни въ деревнѣ**, *И. Васина;* 48) **По цѣлебному предгорью Кавказа**, *М. Слобожанина;* 49) **Гимнъ торжествующей толпы** (произведенія гр. Л. Н. Толстаго) *К. П. Медвѣдскаго;* 50) **Докторъ Паскаль**, романъ *Эмиля Золя;* 51) **Партизаны**, романъ *Ганса Гофмана;* 52) **Американскій претендентъ**, романъ *Марка Твена* (съ англ.); 53) **Призракъ**, повѣсть *Перѣса Гальдоса* (съ испанскаго); 54) **Бѣлое братство**, романъ *А. Конанъ-Дойля* (съ англ.); 55) **Новая система**, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, *Бьёрнстерна-Бьёрнсона* (съ норвежск.); 56) **Разсказы Матильды Серао** (съ итальянск.) переводъ *П. Лѣтнева;* 57) **Мой пріятель Мюссаръ**, разсказъ *Л. Галеви* и пр., и пр.

Фельетоны *Ефима Простосердова*: «**И смѣхъ, и горе**» помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра: **8** р. безъ перес.; **10** р. съ перес. За полгода: **4** р. безъ перес.;—**5** р. съ перес. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

Содержаніе журнала за 1892 г.

1) **Изъ трясины на дорогу**, романъ *А. Михайлова (А. К. Шеллера);* 2) **Петербургскіе туманы**, романъ *І. І. Ясинскаго;* 3) **Итоги**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 4) **Священный огонь**, романъ *Г. Таранскаго;* 5) **Вмѣсто хлѣба—камень**, романъ *П. Лѣтнева;* 6) **Ораторы**, романъ *К. В. Назарьевой;* 7) **По призванію**, романъ *В. Свѣтлова;* 8) **Лукавый попуталъ**, разсказъ *Ф. Д. Нефедова;* 9) **Карьера**, разсказъ *І. І. Ясинскаго;* 10) **Событіе** (картины изъ обыденной жизни) *А. А. Виницкой;* 11) **За что погибъ человѣкъ?** разсказъ *П. Добротворскаго;* 12) **Безъ цѣли**, повѣсть *кн. Б. А. Щетинина;* 13) **Желѣзнодорожный царекъ**, разсказъ *А. Молотова;* 14) **Что дѣлается въ деревнѣ?** *В. Рышкова;* 15) **Голодовки и способы ихъ предупрежденія**, *М. И. Венюкова;* 16) **Эволюція въ исторіи уголовнаго права**, проф. *Бѣлогриць-Котляревскаго;* 17) **Послѣднія произведенія гр. Толстаго**, *В. В. Чуйко;* 18) **Крестьянскій судъ въ его послѣднемъ фазисѣ**, *Н. П. Дружинина;* 19) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова;* 20) **Тамбовскіе дипломаты XVIII вѣка**, *И. И. Дубасова;* 21) **Художественныя выставки Рѣпина и Шишкина**, *В. В. Чуйко;* 22) **Любовь въ мірѣ животныхъ**, *П. В. Безобразова;* 23) **Религіозное движеніе въ Англіи**, *В. Флурансова;* 24) **Евреи въ Одессѣ**, *Л. М.;* 25) **Евреи вокругъ Одессы**, *В. Трушко;* 26) **Четырехсотлѣтіе открытія Америки**, *М. И. Венюкова;* 27) **Первая выставка народныхъ картинъ въ Петербургѣ**, *В. П. Воленса;* 28) **Можно ли поднять нашу земледѣльческую промышленность?** *А. К. Гриневскаго;* 29) **Очеркъ этическихъ ученій въ современномъ обществѣ**, *В. В. Чуйко;* 30) **Колумбовская всемірная выставка**, *М. И. Венюкова;* 31) **Научныя новости**, *Его же;* 32) **Наши театры**, *В. В. Чуйко;* 33) **Альфредъ Теннисонъ** (литер.-біографич. очеркъ) *Его же;* 34) **Шелли** (опытъ литературной характеристики) *Его же;* 35) **Оклеветанный геній** (А. С. Пушкинъ) *К. Го-*

Digitized by Google

ворова; 36) **Торжествующій разночинецъ**, *Его же*; 37) **Англійскій публицистъ XVII в.** (Даніэль Дефоэ) *А. С. Залшупина*; 38) **Генрихъ Гейне**, *В. В. Чуйко*; 39) **Опытъ литературной фальсификаціи** (по поводу книги г. Песковскаго: «Роковое недоразумѣніе») *А. П. Пятковскаго;* 40) **Какою должна быть крестьянская школа?** *Г. Яковлева;* 41) **Современное русское міросозерцаніе и его отраженіе въ литературѣ**, *К. П. Медвѣдскаго*; 42) **Профессіональные союзы во Франціи**, *Г.;* 43) **Позитивизмъ передъ судомъ научной критики**, *В. В. Чуйко*; 44) **О международномъ правительствѣ**, *В. А. Бѣлинскаго;* 45) **Курьезы талмудической мудрости**, *Н. Тембе;* 46) **Музыкально-театральная выставка въ Вѣнѣ**, *В. С. Баскина;* 47) **Наши театры**, *В. В. Чуйко;* 48) **Парижскія письма**, *Ж. де-Кервильи;* 49) **Разгромъ**, романъ *Эмиля Золя*; 50) **По тернистой дорогѣ**, романъ *Георга Эберса;* 51) **Ксантиппа**, историческій романъ *Франца Маутнера*; 52) **Народный учитель**, повѣсть *Эдмонда де-Амичиса;* 53) **Отверженный**, разсказъ *Матильды Серао*; 54) **Наша журналистика**, *К—скаго* и пр.

Фельетоны **Ефима Простосердова: «И смѣхъ, и горе»** помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра: 6 р. безъ перес.; съ пересылкою 8 р. За полгода: 3 р. безъ перес.; съ перес.—4 р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%

КРОМѢ ТОГО, ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

I.

„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія",

монографіи и критическія статьи **А. П. Пятковскаго**, въ 2-хъ частяхъ, *второе*, дополненное, изданіе. СПб., 1888 г. (около 40 печатн. листовъ).

Содержаніе 1-й части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и другихъ предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-й части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I до Александра I-го); 2) Журнальный тріумвиратъ (изъ исторіи русской журналистики 30-хъ годовъ: Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ, въ связи съ личными воспоминаніями; 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Отзывы объ обоихъ изданіяхъ: въ «Голосѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Всемірной Иллюстраціи» и пр.

Digitized by Google

Къ оставшимся экземплярамъ втораго изданія приложенъ портретъ автора. **Цѣна 3 р. съ перес.** *Подписчики «Наблюдателя» (годовые, полугодовые и разсроченные) приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р.*

II.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.

изданіе 3-е, подъ редакціею А. П. Пятковскаго. Съ приложеніемъ портрета автора, факсимиле и статьи о его жизни и сочиненіяхъ.

С.-Петербургъ. 1862 г.

Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкою.

Изданіе одобрено ученымъ комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія, Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и бывшимъ IV-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Во избѣжаніе излишней переписки и возвращенія денегъ, Главная Контора считаетъ необходимымъ предупредить, что изданные редакціею въ разное время: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**; 2) **Сераписъ**, историческій романъ *Георга Эберса*; 3) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Шпильгагена*; 4) **Князь В. Ѳ. Одоевскій**, литературно-біографическій очеркъ, *А. П. Пятковскаго*; 5) **Живые вопросы**, критическіе очерки и этюды изъ современной жизни, *Его-же*, 6) **Утѣха жизни**, романъ *Эмиля Золя* и 7) **Гражданскіе мотивы**, сборникъ стихотвореній—уже распроданы.

Digitized by Google

СЧАСТЛИВЫЕ УГОЛКИ.

I.

Я ѣхалъ на итальянскія озера среди довольно печальныхъ условій.

Аграрное движеніе, вызванное крестьянскимъ безземельемъ, разгорѣлось въ Ломбардіи; холера изъ Генуи перевалила черезъ Апенины въ Миланъ. Въ Брешіи собирались митинги, а въ ея округѣ уже вспыхнуло волненіе. Тройственный союзъ отразился здѣсь такою гнетущею бѣдностью, военныя издержки столь непосильнымъ бременемъ легли даже на владѣльцевъ лучшихъ участковъ, что самые ярые проповѣдники и сторонники «величія во что бы то ни стало» умолкли и остерегались появляться на улицахъ. И до этой «mania grandiosa» деревенское хозяйство здѣсь, вслѣдствіе высокихъ арендныхъ платежей и налоговъ, не только не представляло никакихъ выгодъ, но напротивъ—являлось крайне убыточнымъ для населенія. Не говоря уже о простыхъ «contadini»—даже помѣщики бросали поля и основывали фабрики. Соперничество Америки убивало сѣверную Италію и изъ одной Брешіи за три-четыре года выселилось въ Аргентину 3,600 взрослыхъ работниковъ. Нигдѣ постепенно возрастающая народная бѣдность не является до такой степени опасной для господствующаго образа правленія. Савойская династія, на которую, еще недавно, чуть не молилась страна, очень много потеряла за послѣдніе годы, причемъ республиканцы настолько же выиграли и усилились. Даже полуграмотный народъ ужь научился узнавать своихъ истинныхъ враговъ. Онъ съ ненавистью относится къ «политикѣ авантюровъ», къ безсмысленнымъ союзамъ, къ отдаленнымъ походамъ, къ проблематическимъ выгодамъ эѳіопскаго плѣненія, причемъ въ новоприобрѣтаемую землю нельзя даже пере-

Digitized by Google

селяться, ибо тамъ нечего дѣлать. Нужно еще сказать, что въ Брешіи пока лучше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ нѣкогда богатой и счастливой Ломбардіи. Еще на дняхъ, въ Тревиліо старикъ-отецъ перебилъ жену и дѣтей мотыкою—а потомъ явился и донесъ на самого себя.

— Мнѣ было невыносимо видѣть ихъ умирающими день за днемъ. Лучше ужь разомъ.

Слѣдствіе выяснило, что весь этотъ округъ питается исключительно кукурузой, а въ нѣкоторыхъ семьяхъ и этого не было.

Проституція—растетъ не по днямъ, а по часамъ. Въ публичные дома Алжира, Орана, Константинополя, Триполи, Александріи, Каира, Суэца и Адена — ломбардскія дѣвушки уходятъ сами за безцѣнокъ, лишь бы хоть чѣмъ нибудь помочь своимъ семьямъ и самимъ быть сытыми. Даже въ австрійское владычество, такое прискорбное явленіе здѣсь было неизвѣстно. Дешевизна живаго товара отсюда отразилась даже на уменьшеніи своеобразнаго вывоза изъ Бранденбурга и Помераніи, до сихъ поръ господствовавшихъ на всѣхъ восточныхъ рынкахъ разврата. Вольнонаемныя дѣвицы Амаліи и Каролины, изъ Кенигсберга и Штетина, за ненадобностью остаются дома, потому что благородные эллинскіе Аристиды и Ѳемистоклы, торгующіе этою частью, предпочитаютъ нынче итальянокъ и за красоту, и за дешевизну...

Самоубійства, прежде неслыханныя въ этомъ жизнелюбивомъ народѣ, подъ солнцемъ, которое дѣлаетъ смерть какою-то безобразною выдумкою — умножаются и, что̀ ужаснѣе всего, жертвами такой душевной болѣзни дѣлаются молодые люди въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ. Сумашествія тоже—не рѣдкость. Мѣстные дома для помѣшанныхъ переполнены, армія тоже поставляетъ сюда немало жертвъ; нищенство — прежде бывшее только промысломъ, удѣломъ лѣнивыхъ и развратныхъ—стало необходимостью для цѣлыхъ деревень... Менѣе всего такихъ тяжелыхъ явленій—замѣчается въ Брешіи и дальше къ Гардскому озеру. Не оттого ли такъ силенъ наплывъ сюда путешественниковъ, и такихъ именно, какихъ брешіане прежде у себя и не видали? Напримѣръ, наши соотечественники! Ужь на что, кажется, народъ прямолинейный. Точно на нихъ шоры надѣты—ни правой, ни лѣвой стороны не видятъ и катаются

Digitized by Google

себѣ по магистральнымъ желѣзнодорожнымъ линіямъ. И тѣ заглянули сюда. Когда я пріѣхалъ въ Брешію—въ ея гостинницахъ слышался русскій говоръ, въ театрѣ пѣли «московскіе итальянцы», т. е. москвичи, учившіеся у итальянскихъ профессоровъ пѣнія и дебютировавшіе здѣсь. По окрестностямъ бродятъ художники, имена которыхъ оканчиваются на «овъ» и «скій», и даже нѣсколько виллъ было куплено подъ самымъ городомъ блуждающими петербуржцами и одесситами. Что же всѣхъ манитъ сюда? Я думаю, помимо хорошихъ гигіеническихъ условій—еще и красота этого небольшаго города съ его семидесятитысячнымъ населеніемъ. Наши живописцы въ восторгѣ отъ холмовъ и горъ, у подножья которыхъ расположился городъ. Brixia древнихъ еще изстари славилась въ Италіи. Римляне временъ императоровъ ѣздили сюда пользоваться ключами, цѣлебное дѣйствіе которыхъ извѣстно до сихъ поръ. Катуллъ на Лаго-ди-Гардо построилъ себѣ знаменитую виллу; латинскіе поэты не разъ въ шумномъ Римѣ вздыхали объ уединеніи и поэтическихъ созерцаніяхъ этого уголка.

Брешія расположена на высотѣ ста сорока семи метровъ, на послѣднемъ холмѣ изъ группы центральныхъ Альпъ. Ея крѣпость пользуется заслуженнымъ уваженіемъ у стратеговъ, а здѣшняя оружейная фабрика, занимая тысячу рабочихъ, каждый годъ выпускаетъ около ста тысячъ ружей. Прошлое города—полно легендъ. Жители его не чистые итальянцы, потому что до римскаго завоеванія вся эта мѣстность была населена сеноманами—гальскимъ племенемъ. Брешія переходила потомъ изъ рукъ въ руки; на ея улицахъ и подъ ея стѣнами кипѣли такія побоища, о которыхъ даже средневѣковые поэты не могутъ намъ дать должнаго понятія. Едва ли за это время нашелся бы здѣсь камень, не обрызганный благородною кровью защитниковъ своей родины. Здѣсь выздоравливалъ раненый Баярдъ; въ теченіе трехъ дней Брешію грабилъ Гастонъ де-Фуа... Потомъ являлась чума—и все, что она оставила въ живыхъ, подобрали голода и пожары. Смѣлые кондотьери Вероны и Венеціи разбивали себѣ лбы о крѣпкія стѣны Брешіи; среди ея гражданъ, «всего меньше было властолюбивыхъ тирановъ», аттестуетъ ее знаменитый, недавно умершій историкъ Чезаре Кантù. Ужь недавно—въ войнѣ съ Австріей—Брешія прославилась геройскою защитою противъ нѣмецко-славянскаго вой-

Digitized by Google

ска. Здѣсь родился и выросъ любимый ученикъ Абеляра—Арнольдъ Брешіанскій, и славный художникъ Моретто называлъ Брешію не только своимъ отечествомъ, но и ласковою матерью!

Но, разумѣется, сюда влекутъ путешественниковъ вовсе не историческія впечатлѣнія.

Брешія теперь—одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и улыбающихся городовъ сѣверной Италіи. Чистота ея вошла въ пословицу. Хорошій горный воздухъ славится повсюду. На ней лежитъ что-то свѣтлое. На ея улицахъ васъ веселою волною охватываетъ радостный шумъ южной толпы, кроткой и мирной, то праздничное оживленіе, которымъ такъ дорожатъ сѣверяне, появляющіеся здѣсь. Рядомъ съ площадями, гдѣ ключемъ кипитъ дѣятельность и жизнь настоящаго дня, въ величавомъ покоѣ своемъ—стоятъ пустынные старые кварталы, гдѣ, среди домовъ, считающихъ свой возрастъ шестью и семью столѣтіями, возвышаются древніе соборы—въ родѣ la Rotonda (VII вѣка!) съ фресками IX вѣка, и другіе, съ замѣчательными остатками древняго искусства. Едва ли еще не старѣе Sant-Afra или San-Barnaba, выстроенный на мѣстѣ Геркулесова храма... А напримѣръ: «Санъ-Джіованни-Евангелистъ»—храмъ IV вѣка, полный величавыхъ воспоминаній, задумчивый и царственный посреди своей безмолвной площади. Дворцы, бролетто, ложи и башни этого города пользуются глубокимъ уваженіемъ историковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, надъ ихъ изученіемъ долго работали двое русскихъ—археологъ и художникъ, посланные нашимъ правительствомъ. Близъ города ихъ особенное вниманіе привлекаютъ развалины Веспасіанова храма, удивительно сохранившіяся!..

Наканунѣ своего отъѣзда на Лаго-ди-Гардо—я зашелъ въ одинъ изъ старыхъ соборовъ.

Тишина—какая бываетъ только въ лѣсу, въ часы безвѣтреннаго вечера.

Тонкія колонны уходятъ вверхъ и тамъ развѣтвляются; словно закутавшіяся въ потемки, мраморныя статуи чуть мерещутся въ придѣлахъ... Какой-то католикъ въ черной шапочкѣ прошелъ къ алтарю, слегка присѣвъ передъ его распятіемъ—мнѣ казалось, что это скользнулъ призракъ. Прохладно... Нищій безшумно подобрался ко мнѣ и безъ слова протянулъ шапку...

Digitized by Google

— Ecceleпza... иностранецъ?..

Я скорѣе угадалъ, чѣмъ разслышалъ его вопросъ...

— Я тоже не здѣшній,—прошамкалъ онъ.

— Кто же вы?

— Русскій!..

Мое изумленіе—легко понять. Встрѣтить соотечественника въ типичнѣйшемъ представителѣ соборнаго нищенства... Я, впрочемъ, сейчасъ же подумалъ, что меня обманываютъ—и заговорилъ съ нимъ по русски. Нищій чуть не заплакалъ.

— Я давно не слышалъ своего языка.

— Да вѣдь здѣсь бываютъ наши.

— Мнѣ ихъ не удалось встрѣтить, да и совѣстно... Еслибы я зналъ, что вы именно русскій—я бы не подошелъ къ вамъ.

— Почему?

— Потому что дома... я зналъ лучшіе дни... Во мнѣ, разумѣется, трудно угадать офицера одного изъ блестящихъ полковъ... А между тѣмъ—мнѣ такъ улыбалась жизнь, какъ рѣдко кому!.. Мои товарищи давно уже командуютъ корпусами, управляютъ губерніями... Слава богу, что они забыли меня! Да я и самъ себя забылъ. Вотъ уже десятый годъ медленно умираю на паперти этого собора. Хорошо еще, что епископъ здѣшній добръ ко мнѣ. Велѣлъ меня не трогать. А то—какъ православному—брешіанское духовенство запрещало мнѣ просить милостыню у католическаго храма...

— Отчего вы не вернетесь назадъ?

— Не могу... Опустился... Да и чѣмъ я буду жить тамъ? Здѣсь быть нищимъ все таки легче, чѣмъ тамъ, гдѣ меня знаютъ и могутъ вспомнить... Нѣтъ, ужь лучше такъ.

Я спрашивалъ его о прошломъ, но старикъ только отмахнулся.

— Прощайте... Благодарю васъ.

— Вы не хотите ничего услышать о Россіи?

— Нѣтъ... Не потому, чтобы я не любилъ ея... Но лучше забыть. Не такъ болитъ душа.

На другой день я хотѣлъ показать бѣднаго старика-соотечественника одному богатому русскому — и повелъ его сюда. Былъ праздникъ—на площади изъ собора слышалось торжественное пѣніе органа. Въ дверяхъ его издали виднѣлись сотни свѣчей, горящихъ въ сизыхъ отъ ѳиміама сумеркахъ. На

Digitized by Google

паперти стояли нищіе; я нашелъ своего—сгорбленнаго, казавшагося еще болѣе несчастнымъ, чѣмъ вчера.

— Вотъ онъ.

Я только что хотѣлъ подойти къ нему, какъ онъ вздрогнулъ, отвернулся и быстро заковылялъ прочь отсюда.

— Послушайте...

Я хотѣлъ было остановить его—куда!.. Онъ даже не оглянулся.

Послѣ я уже не могъ его видѣть.

Мнѣ надо было ѣхать на Гардское озеро...

II.

Темная синева неба, зелень очарованныхъ береговъ, лазурь несравненнаго озера, городки, на чистыхъ улицахъ которыхъ вы уноситесь въ незапамятную старь, въ легендарные средніе вѣка... Какъ все это хорошо! Развалины говорятъ вамъ здѣсь о Катуллѣ, Виргиліѣ; гребцы поютъ канцоны старыхъ поэтовъ; что-то яркое, праздничное на всемъ и больно становится за далекую родину. Вспоминается, какъ она мучится въ родовыхъ боляхъ календарной весны, какъ морозы напослѣдокъ застуживаютъ ее, какъ отпѣваютъ бѣдную неугомонныя вьюги, какъ тяжко дышется и скверно живется теперь дома! А тутъ-то: солнце во всю; потянетъ вѣтромъ—и въ прохладной волнѣ его струятся благоуханія пышныхъ розъ, такихъ алыхъ, такихъ безстыдно-страстныхъ! Платаны въ зеленыя облака окутались и ревниво обступили бѣлую виллу, заслоняя ее отъ горячихъ ласкъ ненасытнаго солнца. Горы полувоздушными чудятся. На ихъ вершинахъ снѣга—такими царственными мантіями въ тысячахъ красивыхъ складокъ ложатся внизъ, что смотришь и не насмотришься. Понимаешь, почему чужеземецъ, попадая сюда, усвоиваетъ влюбленное выраженіе глазъ. Эту природу можно дѣйствительно обожать, какъ женщину, желать ее безъ конца, тосковать въ разлукѣ, ревновать ее къ другимъ, искать одиночества съ нею, подмѣчать въ ея божественномъ лицѣ тысячи смѣняющихся впечатлѣній. Солнце ярче поднялось, тѣни легли на голубое озеро, облачко набѣжало,—и вся она иначе смотритъ, что-то новое въ ней, незнакомое, неподмѣченное...

Digitized by Google

Вотъ на высотѣ старая башня... Я потомъ взбирался сюда во время непогоды. Какъ все кругомъ было и красиво, и грандіозно! Невольно мои впечатлѣнія вписывались въ памятную книгу—риѳмованными строчками:

На гребни горъ ложатся тучи...
Уже ударилъ первый громъ.
Сѣдой туманъ окуталъ тучи
И быстро въ воздухѣ ночномъ
Несутся буйные порывы
Слѣпаго вихря. Дождь сѣчетъ
Долинъ притихнувшихъ оливы,
Съ платановъ злобно листья рветъ...
Слѣпящей молніи струею
На мигъ одинъ озарено,
Изъ ветхой башни надо мною
Блеснуло круглое окно.
Чу... Всемогущіе раскаты,
Во мракѣ бѣлые лучи,—
Какъ будто горъ мятежныхъ латы
Громятъ небесные мечи.
И страшно мнѣ за замокъ старый,
За пошатнувшійся утесъ;
Боюсь, что темныхъ тучъ удары
Его снесутъ въ бездонный плёсъ,—
Въ тѣ воды, что̀ въ сѣдомъ туманѣ
Неразличимыя шумятъ
И, обреченную заранѣ,
Спокойно жертву сторожатъ.

Мимо всей этой красоты быстро-быстро неслись наши вагоны. Какіе-то городки мелькаютъ въ глазахъ. Клочки лазури среди мрачныхъ утесовъ... Не это ли Гардское озеро?

Дезенцано! Мнѣ до сихъ поръ мало что говорило это звучное имя. Я зналъ, что въ его окрестностяхъ много римскихъ мозаикъ и памятниковъ, что въ 878 году — веронскій монастырь св. Зенона, ссылаясь на хартію Карломана, прибралъ къ рукамъ этотъ городъ... Не безъизвѣстно мнѣ было и о томъ, сколько крови пролилось у стѣнъ и башенъ этого гардскаго захолустья. Что касается до славы средневѣковыхъ побоищъ, то Иродъ съ его избіеніемъ [illegible] младенцевъ — малая

Н 13
1895 N 9
87799
Кирг. ССР им. Н. Г. Чернышевского
Digitized by Google

чишка и щенокъ рядомъ съ ломбардо-венеціанскими кондотьери готическаго рисунка. Одинъ изъ такихъ, взявъ разъ Дезенцано—разрѣшилъ своимъ солдатамъ въ теченіе недѣли творить здѣсь все, что̀ имъ угодно. Впрочемъ, надо отдать имъ справедливость. Они такъ этимъ воспользовались, что ужь на пятый день—имъ нечего было дѣлать на... пустомъ мѣстѣ!..

— Дезенцано! — кричитъ во все горло кондукторъ, когда поѣздъ останавливается.—Дезенцано! — еще громче подхватываетъ другой, точно предполагая пассажировъ оглохшими...

— Ну—глотки!—завидуетъ русскій пѣвецъ, сопровождающій меня.—Съ дѣтства орутъ. Немудрено, что въ театрѣ эдакая прорва ухитряется весь оркестръ покрыть. Поди-ка попробуй потягаться съ нимъ...

Я выхожу: маленькій городокъ, тихія улицы, словно еще грезящія о Карлѣ Великомъ, жившемъ здѣсь нѣкоторое время. Арки вверху... Башни старыя-старыя, важныя, нахмурившіяся. Жутко дѣлается, далекою старью вѣетъ отовсюду; кажется, что еще вчера веронскіе монахи св. Зенона были здѣсь властителями, и властителями жестокими. Въ 778 г. Карлъ Великій подарилъ имъ этотъ городокъ, и они такихъ замковъ понастроили кругомъ, точно вмѣсто иноческихъ сутанъ на нихъ блистали рыцарскія латы, а руки, занятыя мечемъ, и не носили креста никогда. Какое безмолвіе на площадяхъ! На одной фонтанъ меланхолически разсказываетъ что-то облупившемуся дряхлому храму, красныя мраморныя колонны котораго оперлись на спины львамъ, разинувшимъ разъ навсегда, лѣтъ шестьсотъ назадъ, свои пасти. Надъ входомъ каменное изваяніе... Лицо плоское, борода лопатой, тѣло точно медвѣжье, мечъ въ рукахъ больше самого, на головѣ рога. Спрашиваю, что̀ сіе обозначаетъ: прекрасный незнакомецъ оказывается Карломъ Великимъ... А тамъ дальше, угломъ, вдвинулся старый палаццо, покривился и точно размышляетъ, на какую сторону ему будетъ спокойнѣе упасть: вправо или влѣво? Старики думаютъ долго. Очевидно, это отлично понимаетъ бородатый рыбакъ, потому что онъ преспокойно въ тѣни этого палаццо разлегся на довольно таки археологической мостовой и дрыхнетъ, очень мало заботясь о томъ, что въ эту самую минуту, какъ я имъ любуюсь, оселъ съ философскимъ равнодушіемъ переступилъ черезъ него передними ногами и вдругъ задумался и застылъ,

Digitized by Google

наклоня свою длинноухую башку... Ни рыбаку, ни ослу и дѣла нѣтъ—первому, что на него сыплется уголь изъ корзинъ, которыми нагруженъ второй, а сему послѣднему, что одна изъ нихъ вотъ-вотъ рухнетъ прямо на всклоченную голову спящаго бѣдняка... Весь этотъ городенка похожъ на него. Какъ этотъ подъ старымъ дворцомъ, такъ и Дезенцано у Гардскаго озера заснулъ и до сихъ поръ видитъ старый сонъ: папу Пія V, отлучающаго его отъ церкви за то, что онъ не подчинился волѣ его святѣйшества и не согласился признавать себя собственностью намѣстника апостола Петра... Снятся ему воины св. престола, осаждающіе стѣны его, уже и тогда (1566 г.) полуразвалившіяся. Впрочемъ, эти солдафоны слишкомъ привыкли одѣваться пестро и жить сладко, чтобы при этихъ великихъ качествахъ еще сохранить и храбрость. Дезенцанцы ихъ побили и прогнали, а на отлученіе не обратили особеннаго вниманія. Зато папа Григорій XIII весьма благоволилъ къ нимъ и, вновь сопричисливъ ихъ къ церкви Христовой, разрѣшилъ имъ даже «безданно и безпошлинно грѣшить въ теченіе пятнадцати лѣтъ». Грезится маленькому городку красавица Біанка Матуччи... Какой-то веронскій кондотьери захватилъ ея мужа, чтобы заставить ее—отдаться ласкамъ побѣдителя. Она все утро простояла—вотъ тутъ на колѣняхъ у оконъ его дворца, такого теперь мрачнаго и облупившагося. Когда кондотьери выходилъ на балконъ, она молила пощадить плѣнника и не обезчещивать ея. Онъ только смѣялся и въ послѣдній разъ кинулъ ей:

— Вечеръ научитъ тебя покорности и ночью мы будемъ счастливы.

Біанка Матуччи въ отвѣтъ выхватила ножъ и, крикнувъ тирану: «получай тѣло, котораго ты такъ добивался»—ударила себя въ самое сердце...

Послѣдній сонъ, который видитъ скромное и тихое Дезенцано—это войска, проходившія мимо на героическій бой подъ Сольферино. Тутъ мирный городенка немало былъ удивленъ превратностью судебъ. Сегодня ночевалъ здѣсь Францъ-Іосифъ и грозилъ всѣхъ вѣрноподданныхъ дезенцанцевъ перевѣшать, если они только вообразятъ, что Италія не фикція, а дѣйствительность, и не прошло двадцати четырехъ часовъ, какъ швабскому цезарю пришлось убираться восвояси, а въ Дезенцано

Digitized by Google

пріѣхалъ ночевать Наполеонъ III. Дезенцанцы, убѣдившіеся, что «Италія» существуетъ налицо, обрадовались, и тотчасъ же Викторъ-Эммануилъ, какъ настоящій «re-galantuomo», осчастливилъ свой городъ, стащивъ у здѣшняго «синдако» его супругу. Вотъ «его величество» такъ дѣйствительно былъ объединителемъ своего королевства. Нѣтъ города, гдѣ бы не указывали здѣсь его дѣтей,—все бравыхъ молодцовъ съ такими бородами и усами, что нѣтъ никакой возможности сомнѣваться въ ихъ высокомъ происхожденіи, хотя и съ лѣвой стороны... Между тѣмъ, здѣсь у приходской церкви, гдѣ (не шутите!) есть настоящіе образа Пальмы Старшаго, Тьеполо и Брентано, живетъ до сихъ поръ «дама королевской милости», знаменитая тѣмъ, что, приревновавъ Vittorio къ какой-то веронской графинѣ, сначала оттрепала ту, а потомъ, въ сознаніи своего «полнаго права», такъ обработала самого «galantuomo», что тотъ и впослѣдствіи, въ родительской заботливости о цѣлости сыновнихъ реберъ, нѣсколько разъ совѣтовалъ легкомысленному въ юности Гумберту:

— Пожалуйста, избѣгай дезенцанскихъ красавицъ. У нихъ слишкомъ зоркіе глаза и притомъ свинцовые кулаки, и (что съ ними подѣлаешь!) онѣ вѣдь совсѣмъ не вѣрятъ въ нашу «неприкосновенность».

Когда я пріѣхалъ въ Дезенцано, пароходъ, совершающій рейсы отсюда (съ южнаго пункта озера) къ Ривѣ (сѣверному), уже отошелъ. Я по неволѣ остановился въ отелѣ. Бедекеръ горячо рекомендуетъ «великолѣпный королевскій отель Майера». Можно ли было не вѣрить Бедекеру,—Бедекеру, про котораго самъ Бисмаркъ сказалъ:

— Въ Германіи только двѣ настоящія знаменитости,—это я и Бедекеръ.

По темной и грязной улицѣ, спотыкаясь объ апельсинныя корки и собственнымъ плечомъ сдвигая съ мѣста непоколебимыхъословъ, я добрался до входа въ отель. Но, увы,—онъ былъ недоступенъ. Въ немъ стоялъ чей-то мулъ; его дубасили въ два полѣна лакеи гостиницы, но животное присемъ обнаруживало такую трогательную твердость въ бѣдствіяхъ, какой не выказалъ даже и великій Наполеонъ на островѣ св. Елены. Мнѣ оставалось одно,—перелѣзть черезъ мула, что я и исполнилъ, никого не удививъ. Очевидно, это было въ порядкѣ вещей...

Digitized by Google

— У скотины есть характеръ!—съ уваженіемъ говорилъ намъ Herr Майеръ, несомнѣнно нѣмецъ, и нѣмецъ самой мутной воды. По крайней мѣрѣ, на стѣнахъ его отеля германцы въ каскахъ били французовъ въ кепкахъ, Бисмаркъ красовался въ нѣсколькихъ видахъ, добродушнымъ бульдогомъ поглядывая на путешественниковъ, мирившихся съ грязью и дороговизною майерова заведенія; хозяйская собака называлась Гравелотомъ, и я твердо увѣренъ, что на набрюшникѣ Frau Майеръ былъ вышитъ все тотъ же неизбѣжный желѣзный канцлеръ. Дѣло въ томъ, что Frau Майеръ была въ томъ положеніи, которое мужчины изъ любезности называютъ интереснымъ, а согласитесь: кому же изъ германскихъ Амалій нелестно произвести на свѣтъ маленькаго Бисмарка?.. Весь вечеръ самъ Herr Майеръ доказывалъ намъ, что Германія есть «первый націонъ» во всей вселенной, и что съ этимъ не соглашаться могутъ только свиньи да французы, что̀ по его, Herr Майера, мнѣнію—значитъ одно и то же. Увы, тогда еще не было русско-французскаго соглашенія, иначе и мы бы сподобились причисленія къ этой зоологической семьѣ.

Нужно было видѣть, съ какимъ презрѣніемъ слушали его итальянцы. Они не противорѣчили ему, но, право, отвращеніе такъ сказывалось въ ихъ взглядахъ, на ихъ лицахъ, что Frau Майеръ, надѣвшая къ вечеру чистыя митеньки и до нельзя членовредительствовавшая за фортепьяно надъ Шубертомъ, обидѣлась и обозвала ломбардцевъ—шарманщиками. Тѣ, впрочемъ, не остались въ долгу и, уходя спать, я имѣлъ удовольствіе слышать, какъ почтенный Herr Майеръ изъ себя выходилъ. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ оскорбленныхъ заносчивою нѣмкой оказался художникомъ-каррикатуристомъ и изобразилъ въ кругѣ (въ родѣ рафаелевой мадонны) «Una famiglia stupida». Бисмаркъ въ чепчикѣ, сидя въ креслѣ, наказывалъ Herr Майера, разложивъ его у себя на колѣняхъ,—нелитературнымъ мѣстомъ къ верху. Передъ нимъ Frau Майеръ стояла на колѣняхъ, молитвенно сложивъ руки и повторяя (лента изо рта съ готическими буквами): «о, Боже, дай силы моему Фридриху благополучно перенести свое счастіе». Tableau это было изображено углемъ на стѣнѣ залы. Почтенный Майеръ бѣсился, желая и уничтожить рисунокъ, написанный съ удивительнымъ сходствомъ, и обуреваясь корыстолюбіемъ, ибо его увѣряли,

Digitized by Google

что художникъ—авторъ карикатуры—величайшая знаменитость Италіи и англичане со всѣхъ сторонъ будутъ ѣздить сюда, въ Дезенцано, любоваться на его замѣчательное произведеніе, пока не появится традиціонный американецъ и не купитъ кусокъ стѣны съ изображеніемъ, на вѣсъ чистаго золота. Благодаря этому, вставъ на другой день, я имѣлъ удовольствіе видѣть: «Una Famiglia stupida» еще красующеюся на стѣнѣ въ залѣ... Увы, посѣтивъ Дезенцано еще черезъ два года, я уже не встрѣтилъ ни этой каррикатуры, ни ея оригиналовъ. Майеръ съ своей Амаліей оставилъ Италію навсегда...

Какъ ни благословенна эта страна, какъ ни великолѣпно ея голубое небо, какъ ни прекрасны бирюзовыя воды чуднаго озера, но, надо сказать правду, народу здѣсь живется скверно. Я посѣщалъ деревушки, окружающія Дезенцано, и былъ удивленъ несказанно. Крестьянинъ работаетъ круглый годъ, не складывая рукъ, и какъ работаетъ! Итальянцы въ этомъ отношеніи жестоко оклеветаны путешественниками и совершенно напрасно ославлены лѣнтяями и бездѣльниками. У пригардскаго поселянина почти не бываетъ праздника, и при такихъ условіяхъ онъ все таки довольствуется одною кукурузой, часто приготовленною на водѣ. Масло для него слишкомъ дорого. Нѣсколько разъ въ годъ они ѣдятъ ту же кукурузу въ видѣ ньокковъ, т. е. лепешекъ, обжаренныхъ въ салѣ, но и то не всѣ. Остальнымъ это удается сдѣлать только въ пятницу карнавала. Мясо достается имъ дважды въ годъ: индюкъ къ рождеству и ягненокъ на пасху (l'agnelo di Pasqua) [1]); въ остальное время они облизываются, видя, какъ эти сокровища кушаютъ ихъ капелланъ и мѣстная аристократія. Хорошо еще, если въ большой праздникъ бѣдному мужику удастся полакомить себя кусочкомъ «саламэ»—мѣстной колбасы. Поэтому неудивительно, что пеллагра и другія болѣзни заставляютъ чуть не вырождаться здѣшнее населеніе. Есть деревушки (одна у самаго Гардскаго озера), гдѣ мнѣ показалось, что я попалъ въ какую-то больницу для тифозныхъ. Зеленыя лица, слабыя, колеблющіяся, ревматическія ноги, лихорадочно горящіе глаза... Обратная сторона медали, разумѣется, ускользаетъ отъ туриста, который, разъ зарядивъ себя восторгомъ, такъ ужь и не разстается съ нимъ, пока съ быстротою курьерскаго поѣзда объѣз-

[1]) Крестьяне въ комскихъ палестинахъ знаютъ только индюка на пасху!

Digitized by Google

жаетъ Италію. Крестьянина онъ не встрѣчаетъ, а если и видитъ, то при исключительныхъ условіяхъ. Понятно, что такой путешественникъ изъ своей поѣздки выноситъ нѣсколько балетныя впечатлѣнія. Главнымъ образомъ разоряютъ здѣшнихъ крестьянъ страшные налоги, почти учетверившіеся со времени объединенія. Итальянскій сѣверъ, именно Ломбардія, недаромъ и не безъ основанія жалуется на сицилійскій югъ. Населеніе Неаполя и южнѣе не желаетъ платить податей или не можетъ, потому что тамъ вся земля распредѣлена между нѣсколькими аристократическими семьями. Савойцы, не желающіе раздражать впечатлительныхъ южанъ, невполнѣ довольныхъ Италіей «единой и нераздѣльной», наверстываютъ всѣ минусы на ломбардскомъ сѣверѣ. Посему въ Миланѣ, Брешіи, Веронѣ — вы услышите сѣтованія:» насъ заставляютъ платиться за южанъ, мы держимъ Неаполь и Сицилію, точно дорого стоющую кокотку, на содержаніи, и разоряемся». Ломбардія была бы раемъ, еслибы королевство итальянское оканчивалось Римомъ, предоставивъ партенопейскихъ ладзарони ихъ собственной участи. Въ самомъ дѣлѣ, въ общій бюджетъ Италіи Ломбардія вноситъ $^1/_5$, тогда какъ ея населеніе не составляетъ и $^1/_{10}$ части. Вообще, въ данномъ случаѣ, принимая старое сравненіе Италіи съ сапогомъ, надо согласиться, что до сихъ поръ голенище къ нему пришито искусственно—точно изъ другой совсѣмъ пары...

Тѣмъ не менѣе, не смотря на ужаснѣйшія условія существованія, ломбардскіе крестьяне, отказывая себѣ во всемъ и вырождаясь, употребляютъ самыя страшныя усилія, чтобы дать образованіе дѣтямъ. На помощь имъ приходитъ правительство. Обученіе у нихъ дешево и сердито. Въ университетахъ Павіи, Пармы, Падуи и Равенны немало здѣшняго крестьянства. Едва ли не большинство студентовъ дается деревней. Какъ они живутъ—другой вопросъ. Имъ и въ городахъ, за недостаткомъ средствъ, приходится вести почти ту же жизнь, что и дома. Нетопленная комната, оборванное платье, недостаточная пища... Кончивъ университетъ, они не увеличиваютъ собою городскаго грамотнаго пролетаріата, а возвращаются обратно въ деревню, часто къ плугу, къ мотыкѣ. И надо сказать правду, въ этой образованной деревенщинѣ—разгадка громадныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ Италіею за послѣднее время, успѣховъ, не смотря на народную нищету и озлобленіе. Денегъ нѣтъ, голода

Digitized by Google

часты, населеніе не знаетъ, куда ему дѣваться, а между тѣмъ фабрики умножаются, ввозъ все меньше и меньше, и на зло тарифамъ Италія заполоняетъ окрестныя страны своими дешевыми произведеніями. Въ нихъ, въ этихъ образованныхъ крестьянахъ, залогъ ея процвѣтанія въ будущемъ. Они уже идутъ дальше отцовъ и обрабатываютъ землю согласно указаніямъ науки, заводятъ различныя промышленныя предпріятія и вообще ищутъ и находятъ, при самыхъ ограниченныхъ средствахъ, способы развивать свое благосостояніе. Они же—главная сила смѣлаго, одушевленнаго пламеннымъ патріотизмомъ либеральнаго большинства. Безъ нихъ всю Италію потрясали бы происки «черной камарильи» и недовольнаго своимъ униженіемъ стараго дворянства. Въ нихъ главный противовѣсъ какъ революціоннымъ попыткамъ этихъ послѣднихъ, такъ и безумной страсти Рима къ политической авантюрѣ. Поэтому и здѣсь не только не боятся университетскаго образованія, но расширяютъ его насколько могутъ. То и дѣло открываются новые университеты, крестьянству облегчается доступъ туда. Просвѣщенная и задающаяся просвѣтительными задачами власть прекрасно понимаетъ, что съ каждымъ выходящимъ изъ университета гражданиномъ она пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе партизановъ. Отъявленные обскуранты, въ родѣ Криспи (такого, каковъ онъ теперь!) не осмѣливаются налагать рукъ на это лучшее достояніе современной Италіи—на легкость, дешевизну и общедоступность ея низшаго, средняго и высшаго образованія...

Еще пригардскому крестьянину живется, все таки, нѣсколько лучше. У него есть подспорье, которымъ не могутъ пользоваться другіе. Дѣло въ томъ, что сѣверная часть озера принадлежитъ Австріи, ну, а контробанда на водѣ гораздо легче, чѣмъ на сухомъ пути. Понятно поэтому, что Рива, Тремозино, Тосколано и другіе городки занимаются ею весьма усердно, къ крайнему негодованію офиціальныхъ финансистовъ. Въ горахъ, окружающихъ Гардское озеро, нерѣдкое явленіе—цѣлые караваны контробандистовъ. У меня до сихъ поръ въ памяти одинъ такой, на который я наткнулся близъ Тремозино. Мы отправились съ пріятелемъ поздно вечеромъ въ горную деревушку. Ночь застала насъ въ дорогѣ, и какая ночь! Она риемованными строчками вписалась въ мою памятную книжку, и я прошу позволенія у читателей такъ и привести ее здѣсь:

Digitized by Google

Ночь... Утесовъ силуэты
Словно въ воздухѣ висятъ;
Мглой и тучами одѣты,
Подъ луною горы спятъ.
Крикъ совы, лѣсовъ молчанье,
Водопада дальній шумъ,
Звѣздъ задумчивыхъ мерцанье
И—идемъ мы наобумъ.
Всюду гротовъ черныхъ зѣвы,
Всюду бездны... Путь далекъ...
Вонъ въ часовнѣ кроткой Дѣвы
Тускло брежжетъ огонекъ.
Вѣковыхъ платановъ сѣни
Вѣчный миръ ея хранятъ.
Чу!.. Загадочныя тѣни
По утесу вверхъ скользятъ.
Прямо къ нимъ ведетъ дорожка...
Горный край безлюденъ, дикъ...
И ползетъ впередъ сторожко
Нашъ отважный проводникъ.
Тихій шопотъ... Смѣхъ...
— Синьоры,
Путь открытъ во всѣ концы;
Это наши черезъ горы
Переходятъ молодцы.
Мы сошлись. Какіе люди,
Великаны на подборъ!
Руки сильны, крѣпки груди,
Рѣчь свободна, ясенъ взоръ...
За спиной мѣшокъ тяжелый,
Ножъ за поясомъ... Въ рукахъ
Блещутъ ружья... Смѣхъ веселый
Такъ и носится въ горахъ.
Мы идемъ тропой скалистой...
Путь труднѣе, гуще мракъ...
— Кто они?
— Контробандисты...
— Что въ мѣшкахъ у нихъ?
— Табакъ!..

Digitized by Google

У часовни, полонъ вѣры,
Каждый шепчетъ: «Божья Мать,
Помоги, чтобъ доганьеры [1])
Не успѣли насъ поймать,
А накроютъ—Пресвятая,
Вѣрныхъ слугъ не оставляй!
Какъ начнется битва злая,
Нашимъ пулямъ вѣрность дай,
Мышцамъ крѣпость, чтобъ глубоко
Ножъ врагу направить въ грудь.
Обѣщаемъ: издалека,
Какъ окончимъ трудный путь,
Привести Тебѣ наряды:
Шолкъ такой, такой атласъ,
Что дукессы были бъ рады
Пріодѣться въ нихъ хоть разъ.
Если насъ ты не обманешь—
Расфрантишься въ пухъ и прахъ,
Щеголять, мадонна, станешь
Въ бриллiантовыхъ серьгахъ.
Если жь нѣтъ—тебѣ убытокъ.
Ты подумай: доганьеръ
Можетъ дать тебѣ улитокъ
Да оливокъ, напримѣръ.
У него мундиръ въ заплатахъ
И разорваны штаны...
Пусть онъ въ этихъ пышныхъ латахъ
Станетъ жертвой сатаны».
И опять тропой скалистой,
Межъ ущелій, безднъ и кручъ,
Побрели контробандисты
Въ царство звѣздъ, луны и тучъ.
Мы остались у мадонны
До разсвѣта—на плитахъ.
Видимъ: вдругъ кладетъ поклоны
Передъ статуей монахъ:
— Дѣва, милостива буди
И услышь ихъ,—шепчетъ плутъ,—

[1]) Таможенные.

Digitized by Google

Пусть и грѣшны эти люди,
Но, что̀ сказано—дадутъ.
Съ доганьерами, Марія,
Право, можно околѣть.
Это нищіе такіе,
Ихъ не стоитъ и жалѣть.
Дѣва, видишь, какъ я плачу,
Какъ я скорбенъ, тощъ, забытъ,—
Ниспошли же имъ удачу
Чтобъ и я былъ тоже сытъ»!—
И колышутся платаны,
И подъ шелестъ ихъ вѣтвей
Непроглядные туманы
Все сгущаются грознѣй.
Громче ропотъ водопада,
Ночь зловѣща и темна,
Только свѣтится лампада
Предъ мадонною одна.
Дремлетъ падре безмятежно,
Ликъ мадонны чуть дрожитъ—
И какъ будто шепчетъ нѣжно:
«Успокойся... будешь сытъ»!..

«Доганьеры» и «доганы» (таможенные и таможни) дѣйствительно являются предметами величайшаго отвращенія для крестьянства.

— Между нами и счастьемъ стоитъ таможня, — говорятъ они.

Контробандистъ здѣсь—нѣкоторымъ образомъ народный герой, потому и держать себя онъ старается «соотвѣтственно». Слово его свято и нерушимо. Ему можно ввѣрить значительныя суммы безъ всякихъ документовъ. Итальянскій національный банкъ—можетъ обмануть и обманываетъ, итальянскій контробандистъ—никогда! Это человѣкъ чести. За оскорбленія онъ мститъ по рыцарски и ни на какія уступки съ совѣстью не идетъ. Большія деньги, пріобрѣтаемыя «войною съ таможней», онъ не копитъ, а щедро швыряетъ ихъ кругомъ. Случалось, что здѣшніе молодцы этого цеха—зимою въ Миланѣ имѣли абонированную ложу въ театрѣ la Scala, держали дорогихъ француженокъ, одѣвались у первыхъ портныхъ. Приходила весна

Digitized by Google

и они опять возвращались на родное озеро, надѣвали костюмъ горнаго охотника и до послѣднихъ чиселъ холодной осени занимались своимъ промысломъ. Ихъ слову вѣрятъ не только частные люди, но и правительство. На Комскомъ озерѣ я познакомился съ бывшимъ контробандистомъ Constantino, содержавшимъ лодки въ Hôtel Villa d'Esté. Онъ провелъ на каторгѣ въ Анконѣ пять лѣтъ за убійство въ стычкѣ таможенныхъ или, по нашему, пограничной стражи. Когда его округъ ходатайствовалъ за него передъ королемъ—il re Umberto отвѣтилъ:

— Я его помилую, если онъ *дастъ слово* не заниматься больше контробандой.

Constantino думалъ полгода и, наконецъ, давъ требуемое слово, былъ освобожденъ. Съ тѣхъ поръ, хотя ему и представлялись всяческіе соблазны, онъ ни разу не нарушилъ даннаго слова.

Какъ въ Испаніи, такъ и здѣсь, народныя пѣсни славятъ контробандистовъ, какъ какихъ нибудь Баярдовъ—рыцарей безъ страха и упрека. Это лучшіе женихи. Всякая здѣшняя красавица мечтаетъ о любовникѣ-контробандистѣ!

Я какъ-то встрѣтилъ молодаго красиваго парня, котораго въ наручникахъ вели куда-то господа карабинеры. Вся деревня провожала его: женщины плакали, мужчины съ воодушевленіемъ кричали ему вслѣдъ:

— Будь спокоенъ, главное!..

— Придетъ время—вернешься; мы тебя встрѣтимъ, какъ роднаго.

— За свою сестру не бойся: мы ее сбережемъ и замужъ выдадимъ всей деревней.

— Что это такое?—спрашиваю.

— А видите ли... Бѣднякъ заспорилъ о чемъ-то съ доганьеромъ. А доганьеры, извѣстно, birbanti и ladri (разбойники и воры), имъ до всего есть дѣло, они служатъ «своему» правительству въ ущербъ бѣднымъ людямъ, которымъ Господь-Богъ вовсе не для того далъ желудокъ, чтобы онъ пустовалъ, и зубы, чтобы они только щелкали на чужую кукурузу. Луиджи, знаете, былъ отличный «контробандистъ», ну, этотъ mascalzone (мерзавецъ) доганьеръ и изловилъ его ночью въ лодкѣ. Тотъ изъ Ривы везъ себѣ разныя вещи въ Пескьеру къ купцамъ... Луиджи не хотѣлъ сдаваться: таможенный его схватилъ за

Digitized by Google

шиворотъ,—poveretto (бѣдняжка) и ударилъ его ножемъ въ грудь, чтобы тотъ не совалъ носа въ чужія дѣла. Только всего и было!.. Вотъ теперь взяли sfortunato giovine (несчастнаго юношу). Что подѣлаешь! Развѣ «савойцы» понимаютъ настоящихъ людей?..

Гардское озеро рѣже всѣхъ другихъ ломбардскихъ озеръ посѣщается путешественниками. Сами итальянцы говорятъ, что его прелесть портятъ austriachi, нѣмцы, потому что они одни являются сюда изъ Ривы и дѣлаютъ на пароходахъ «турнэ», не останавливаясь нигдѣ. Англичанъ немного, русскіе явились только въ послѣднее время, крайне изумивъ мѣстныхъ глубокомысленныхъ географовъ, твердо вѣрившихъ, что la Russia и la Prussia въ сущности одно и то же, а Pietroburgo есть ничто иное, какъ Brandenburgo... Разумѣется, я говорю про деревенскихъ политиковъ. Городскіе—выше ихъ. Хотя въ одной изъ почтовыхъ конторъ, куда я подавалъ заказное письмо въ Петербургъ, чиновникъ удивленно спросилъ меня:

— Cosa e Pietroburgo? (Что такое Петербургъ).

— il Capitale (столица).

— Dove? (гдѣ).

Я ему пояснилъ. Онъ пожалъ плечами.

— Неужели вы не знаете Петербурга?

— Синьоръ,—гордо проговорилъ онъ.—Я учился, я много учился (и онъ даже вздохнулъ устало—вотъ-де, до какой степени я образованъ)... Я даже очень много учился... Но знай я, гдѣ Петербургъ, я бы не сидѣлъ здѣсь, а былъ министромъ въ Римѣ!..

Но отсутствіе англичанъ придаетъ Гардо еще бо́льшую прелесть. Это озеро—одно изъ красивѣйшихъ въ мірѣ и самое большое въ Италіи. «Benacus» древнихъ, оно когда-то манило на свои поэтическіе берега римскихъ поэтовъ и философовъ, укрывавшихся въ тишинѣ и кроткомъ мирѣ его окрестностей отъ треволненій и потрясеній вѣчнаго города. Оно простирается въ длину на 66 верстъ и въ самомъ широкомъ мѣстѣ между его берегами насчитывается 16 верстъ. Вся поверхность Гардо равняется 300 квадратныхъ верстъ. Высокій діапазонъ итальянцевъ заставляетъ ихъ называть его бездоннымъ, потому что между Граньяно и Кастеллетой глубина его доходитъ до 600 метровъ. Какъ и всѣ итальянскія озера, оно имѣетъ громад-

Digitized by Google

ную важность въ общей экономіи страны. Это «регуляторы водъ». Въ нихъ собирается весь излишекъ влаги. Съ Альпъ водопады и потоки бѣшено несутся сюда весною, переполняютъ ихъ, и въ засуху всѣ вытекающія отсюда рѣки питаются ими въ волю. Минчіо давно бы высохъ, еслибы не озеро Гардо. Мрачныя горы Пескьеры, долины этого счастливаго уголка, давно бы обезплодѣли и обезлюдѣли, еслибы оно не кормило ихъ. Благодаря ему же, въ самое сухое время — въ воздухѣ окрестныхъ городовъ и деревень сохраняется необходимая доля влажности и растительность развертывается здѣсь съ такою пышностью и силой, что въ этомъ отношеніи берегамъ озера Гардо уступаетъ даже знаменитая итальянская Кампанья. Долины своими устьями, примыкающими къ берегамъ озера, «пьютъ» его воды и, благодаря этому, кажутся сплошными садами; онѣ удивляютъ поразительнымъ разнообразіемъ воспитывающихся въ нихъ растительныхъ породъ, размѣрами, какихъ здѣсь достигаютъ деревья, гущиною листьевъ, яркостью цвѣтовъ и ихъ ароматомъ... Въ нѣкоторыхъ ущеляхъ, заполоненныхъ зелеными облаками рощъ, задыхаешься, такъ они напоены жаркимъ дыханіемъ безчисленныхъ розъ, словно въ истомѣ и нѣгѣ раскрывшихъ алые манящіе лепестки. «Наши долины были бы раемъ, еслибы сюда не являлись чиновники и не разоряли насъ», говорятъ на Гардо. «Дѣлая единую Италію, мы никогда не думали, что намъ придется вздыхать о временахъ австрійскаго владычества! Тогда жилось лучше, мы не знали не только голода, какъ теперь, но и нужда не стучалась къ намъ въ двери. Правда, эти проклятые tedeschi (нѣмцы) давили насъ, но зато они не отнимали куска хлѣба изо рта». Прибавьте, что это мнѣ приходилось слышать отъ человѣка, у котораго дѣдъ и дядя погибли въ войнѣ за независимость Италіи. Одинъ служилъ въ королевскихъ войскахъ и дрался съ австрійцами, другой былъ отличенъ самимъ Гарибальди. Много нужно настрадаться, чтобы забыть такія преданія! «Сицилійцы и неаполитанцы захватили все. Они менѣе всего боролись съ врагами Италіи, а теперь савойская династія возводитъ ихъ въ министры, въ правители страны. Имъ насъ не жалко. Они хотятъ, чтобы и мы стали такими же ладзарони, какъ и ихъ соотечественники». Поэтому вы здѣсь всюду наткнетесь на оригинальное явленіе. Ломбардцы и вообще

Digitized by Google

сѣверяне считаютъ границу Италіи за Римомъ. Неаполь и Сицилія — видите, оказываются незаконнорожденными дѣтьми Италіи и за равноправныхъ ихъ ни миланцы, ни веронцы, ни брешіане не признаютъ. Какъ-то на пароходѣ я спрашиваю у пріятеля, синьора Трецци, съ кѣмъ онъ говорилъ.

— Онъ по типу не итальянецъ?

— Разумѣется. Онъ и не итальянецъ на самомъ дѣлѣ. Онъ родился въ Неаполѣ. Мать его была сиракузянка, а отецъ изъ Солерно. Мы—настоящіе—не считаемъ ихъ за своихъ.

Чѣмъ не древне-римское «civis romanus»?

Не смотря на сѣверное положеніе озера, лимонныя плантаціи здѣсь развиваются прекрасно; въ извѣстные мѣсяцы пароходъ, плывущій посрединѣ Гардо, бываетъ весь обвѣянъ благоуханіемъ ихъ; отъ ихъ запаха и аромата лилій, кровь приливаетъ къ вискамъ. Немудрено поэтому, что озеро Гардо мѣстные поэты называютъ пріютомъ любви, съ чѣмъ совершенно согласны вѣнскія влюбленныя парочки, потому что онѣ на первыхъ порахъ бѣгутъ сюда. Поэтому я рѣшительно не совѣтую всѣмъ, кто въ Бога вѣруетъ, являться сюда въ печальномъ одиночествѣ,—невольно пожелаешь жену ближняго твоего. Примѣры вѣдь заразительны и въ Италіи людямъ, слишкомъ рано утрачивающимъ нѣкоторыя движенія юности, совѣтуютъ обыкновенно покататься по Гардскому озеру.

Итальянцы даже Минчіо, питающуюся его чистыми водами, называютъ святою, благословенною рѣкою. Вообще это особенный мірокъ. Здѣсь дуютъ *свои собственные* вѣтры: Sovero (сѣверный) и Ога (южный) и когда они разбѣсятся на бирюзовомъ просторѣ глубокихъ водъ, пароходы не выходятъ изъ «гаваней» Пескьеры и Дезенцано. Мѣстные жители съ ужасомъ разсказываютъ, что разъ буря на Гардо опрокинула и поглотила настоящій пароходъ, а брызги озера, когда оно расшалится, кропятъ даже мраморныя колонны виллъ, расположенныхъ на извѣстной высотѣ. Виргилій называлъ его «моремъ» (Fluctibus et fremitu assurgens Benace marino). Катуллъ, жившій здѣсь на мысѣ Сирміоне, величалъ его въ извѣстные моменты «ужаснымъ» и сравнивалъ его волны съ хребтами адскихъ чудовищъ. Современные гурманы не съ меньшимъ уваженіемъ относятся къ Гардо. Если они и не воспѣваютъ его бурь, то облизываются при воспоминаніяхъ о чудесныхъ

Digitized by Google

форелях, угрях, щукахъ, карпахъ, лососяхъ, харіусахъ, линяхъ, которыми ихъ угощаютъ на здѣшнихъ пароходахъ. Воды озера кишмя-кишатъ этою рыбой и—какъ это ни странно—мѣстному населенію всего рѣже приходится ѣсть эту изысканную пищу. Оно слишкомъ бѣдно для этого и весь уловъ поневолѣ продаетъ въ города. Замѣчательно, что въ бирюзовыхъ водахъ Гардскаго озера живутъ два рода морскихъ рыбъ и морскіе раки.

Кстати, по поводу того, что мѣстному крестьянину приходится трудиться и въ горахъ, и въ полѣ, и въ саду, и въ озерѣ—на чужіе рты—здѣсь очень популярна знаменитая пѣсенка Пьера Дюпона, переведенная однимъ итальянскимъ поэтомъ съ такими характерными измѣненіями, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести ее для русскаго читателя въ такомъ же пересказѣ:

Мы, чья лампа догораетъ
Утромъ рано съ пѣтухами,
Мы, кого нужда сгоняетъ
Къ наковальнямъ за громами.
Мы, что̀ съ жизнью безотходной
Каждой мышцей вѣчно бьемся,
Передъ старостью холодной
Безъ защиты остаемся.
Другъ за друга стой смѣлѣй!
Пить сберемся ль въ круговую,
Пусть хоть пушки грянутъ—пей
За свободу міровую!..
Изъ земли скупой и скудной
И изъ моря добываетъ
Наша сила битвой трудной
Все, что̀ краситъ и питаетъ.
Зрѣлый плодъ, колосья съ нивы,
Злато, перлы—полной чашей...
Овцы бѣдныя! на диво
Ткутъ плащи изъ шерсти вашей!
Другъ за друга и т. д.
Что̀ приноситъ намъ работа,
Хоть сгибаетъ наши спины?
Гдѣ плоды труда и пота?

Digitized by Google

Мы не люди, а машины!
Трудъ нашъ землю то и дѣло—
Чудесами покрываетъ,
Но лишь медъ оконченъ—смѣло
Пчелъ хозяинъ выгоняетъ.
Другъ за друга и т. д.
Въ жалкихъ рубищахъ готовы
Мы съ лачугами сживаться,
Гдѣ однѣ ночныя совы
Да грабители гнѣздятся.
Но и въ нашихъ жилахъ страстно
Кровь горячая клокочетъ—
Поле, лѣсъ и полдень ясный,
Кто же ихъ изъ насъ не хочетъ!
Другъ за друга и т. д.
Всякій разъ, какъ благородно
Нашу кровь мы проливали,
Доступъ къ Риму всенародно
Чужеземцу облегчали...
Былъ уже Депре́тисъ жаденъ—
Криспи мы хвалили сдуру;
Но, какъ волкъ, онъ безпощаденъ
И деретъ седьмую шкуру!..
Другъ за друга и т. д.
Говорятъ, насъ Гумбертъ любитъ,
Сынъ «il re-galantuomo»,
Но за нѣмцевъ насъ онъ губитъ,
Словно мы чужіе дома.
Нищеты мы носимъ узы,—
И чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе—
За какіе-то союзы,
Чтобы чортъ ихъ взялъ скорѣе!..
Другъ за друга и т. д.
И надеждой здѣсь, въ Санъ-Тельмо,
Расцвѣтали, какъ амуры,
Предъ улыбками Вильгельма
Наши новые Кавуры...
Для подобныхъ превращеній,
Честно кровью истекая—

Саратов. Областная БИБЛИОТЕКА Периодика.

026375 Digitized by Google

Умиралъ въ пылу сраженій
Лучшій цвѣтъ роднаго края!..

III.

Пароходъ отъ Дезенцано отваливалъ очень рано. Наканунѣ мы все время проговорили съ бывалыми людьми о Гардо и его данникахъ: рѣкѣ Сарка (Sarca) и потокахъ Понале и Тосколано, и о главномъ — котораго здѣсь называютъ сыномъ озера. Объ этой рѣкѣ Данте говоритъ:

...Mincio si chiama
Fino a Governo, dove cade in Po...

Мы встали въ 6 часовъ, когда косой свѣтъ солнца заливалъ еще только вершины горъ и ихъ снѣговыя короны плавали въ морѣ золотисто-розоваго тумана. Изъ него кое-гдѣ выступали голубоватые горные скаты съ лиловыми утесами. Городокъ уже проснулся и кипѣлъ необычайной суетой. Всѣ спѣшили на пристань посмотрѣть на иностранцевъ,—единственное удовольствіе, доступное дезенцанцамъ, разумѣется, кромѣ опернаго театра, безъ котораго ни одинъ итальянскій городъ существовать не можетъ, какъ бы онъ малъ ни былъ. Нѣкоторые здѣшніе «Козьмодемьянски» обладаютъ даже двумя-тремя храмами искусства, куда на карнавалы и ярмарки слетаются разныя пѣвчія птицы, талантами поскромнѣе и цѣною подешевле. Тѣмъ не менѣе, въ каждыхъ итальянскихъ «Чебоксарахъ» хоть мѣсяцъ въ году да есть особый сезонъ—Stgione importante, когда на маленькую сцену являются пѣть крупные оперные артисты. Такъ, при мнѣ въ крошечномъ Копельяно были объявлены знаменитые баритонъ Кашманъ и теноръ Моретти; въ какомъ нибудь Дезенцано пѣли Пасква и Тетрацини и дирижировалъ оркестромъ illustrissimo Usiglio. Въ такіе праздники мѣстные граждане дѣлаются необыкновенно горды. Они говорятъ про своихъ артистовъ:

— Вы знаете: онъ поетъ въ миланской la Scala и у насъ!

Это, вмѣстѣ съ сооруженіемъ памятниковъ на площадяхъ величиною въ ладонь, является преобладающею страстью итальянцевъ. Около Дезенцано—маленькій городенка весь въ тѣни своихъ башенъ. Точно крошечный рисунокъ изъ исторіи среднихъ вѣковъ. На его площади—дряхлый соборъ и монументъ: необы-

Digitized by Google

чайно растопыренный петелъ съ мечемъ въ одной и какою-то алебардой въ другой рукѣ.

— Кто это?—спрашиваю.

— Какъ! Вы не знаете?.. Вы!

И мѣстный сципіонъ-извощикъ отступилъ отъ меня, очевидно негодуя.

— Это Паоло Паулуччи.

— Что онъ сдѣлалъ?

Сципіонъ пожалъ плечами.

— Великій полководецъ... Въ XV столѣтіи онъ во главѣ полутораста нашихъ знаменитыхъ согражданъ взялъ штурмомъ сосѣднее Латико! А потомъ защищалъ нашъ городъ отъ гнусныхъ дезенцанцевъ.

Поставьте рядомъ съ этимъ нижегородскаго извощика, который на мой вопросъ:

— Кому это памятникъ?

— Кто жь его знаетъ... Генералу поди!..

Генераломъ оказался Козьма Мининъ.

У парохода уже суетились влюбленныя вѣнскія парочки, возвращавшіяся назадъ, по окончаніи медоваго мѣсяца въ Италіи. Палуба была завалена всевозможнымъ грузомъ, среди котораго бѣгали, прыгали и неистово возились, похожіе на обезьянъ, черномазые матросики и лакеи въ ободранныхъ куртках.

— А вашей дамѣ тоже кофе? — на бѣгу спросилъ меня одинъ такой, по привычкѣ.

— Какой дамѣ?

— Какъ какой!—обидѣлся онъ.—Извѣстно, какія бываютъ дамы.

— Я безъ дамы.

— Cosa? (чего-съ)—не сообразилъ онъ.

— Я одинъ.

Онъ не безъ любопытства окинулъ меня съ ногъ до головы и побѣжалъ сообщить повару, что нашелся чудакъ, пріѣхавшій на Гардское озеро безъ дамы. Поваръ начисто выбритый—совсѣмъ портретъ Юлія Цезаря, только въ бѣломъ фартукѣ,—поднялся изъ кухни, уставился на меня, поморгалъ, поморгалъ, покачалъ неодобрительно головой и, проворчавъ: «странные люди водятся in questo mondo»! исчезъ опять въ свое святилище.

Digitized by Google

Я до такой степени былъ пораженъ неприличіемъ моего одиночества, что не рискнулъ даже оспорить двойной счетъ, представленный мнѣ впослѣдствіи лакеемъ и за меня, и за воображаемую даму. Порокъ такимъ образомъ былъ наказанъ, а добродѣтель въ лицѣ вѣнскаго банкира,—рядомъ со мною ухитрившагося взять на буксиръ не одну, а двухъ дамъ, — торжествовала...

Розовый туманъ мало по малу разсѣивался, коронованныя серебряными вѣнцами горы выступали все болѣе и болѣе въ своемъ августѣйшемъ величіи, окруженныя другими, менѣе великолѣпными, покорно склонившими хребты у ихъ подножій... Каменное Дезенцано съ башнями и храмами золотилось подъ лучами и до него, наконецъ, добравшагося солнца. Когда нашъ пароходъ, вспѣнивъ бирюзовую воду озера, отвалилъ отъ пристани,—городъ, весь заключенный въ стѣны и стройно заканчивающійся замкомъ, показался даже красивъ,—такъ красивъ, что я, еще наканунѣ не знавшій, куда дѣваться въ немъ отъ неимовѣрной скуки, сталъ жалѣть, что такъ скоро оставлю этотъ чудесный уголокъ. Впрочемъ, скоро мнѣ пришлось вернуться сюда: была дивная, ясная, лунная ночь, озеро все млѣло, засыпая подъ едва-едва касавшимися его лучами тоскующаго мѣсяца, и я невольно повторилъ про себя вдохновенныя строки Маффеи:

Ma gia regna nel ciel queta e serena
La tua, notte o Benaco! Ad una—ad una
Sotto l'ampie ali sue le stelle aduna
Finchè l'azzura immensita n'a piena...
Dai troni alpestri che ti fan corona
Vereconda reina alza la luna
E quel lume gentil sulla tua bruna
Onda con dolce tremolio balena...

«Твоя ночь, о, Бенако, спокойная и ясная, уже царитъ въ небесахъ. Подъ необъятными крылами ея одна за другой собираются звѣзды, пока лазурная безконечность не переполнится ими...

«Стыдливая царица-луна подымается съ альпійскихъ троновъ, вѣнчающихъ тебя короной, и ея кроткій свѣтъ съ нѣжнымъ трепетомъ волнуется, мерцая на твоемъ сумракѣ».

Digitized by Google

Но въ это раннее утро, когда золотистый туманъ поблѣднѣлъ и разсѣялся и только въ синевѣ небесной скользили розовые отсвѣты, озеро нежданно подарило насъ такою счастливою, безмятежною, кроткою и радостною улыбкой, что на зло времени и разстоянію—въ снѣгахъ далекаго сѣвера она согрѣваетъ меня до сихъ поръ. Отъ нея тепло дѣвается на душѣ, будни отходятъ назадъ и праздничнымъ блескомъ охватываетъ душу. Въ какую-то неоглядную даль—все сіяя, каждою каплею свѣтясь, раскинулось бирюзовое Гардо... На немъ не было покоя, покой — слишкомъ неподвиженъ; нѣтъ, но не было и волненія. Озеро дышало, именно дышало широко, упруго и медлительно, слегка покачивая лодки съ красными и желтыми парусами, которые подъ этимъ освѣщеніемъ казались не кусками крашенаго холста, а ярко оперенными блестящими крылами птицъ, на минуту опустившихся къ голубой поверхности и точно приникшихъ къ родной груди... Позади стояли эмалевыя горы: до того живы были ихъ краски! Эти оттѣнки зелени и сини, эти кобальтовыя вершины, лиловатыя скалы, темень ущелій, морщины сбѣгающихъ внизъ рытвинъ, облака садовъ у берега и башни, вырывавшіяся изъ ревниво обступившихъ ихъ платановъ, были такъ хороши, что я не слышалъ и не видѣлъ ничего кругомъ, хотя и видѣть и слышать было что! Налѣво выступы альпійскихъ предгорій, уходя въ тѣнь, казались совсѣмъ ляписъ-лазуревыми, притомъ какими-то прозрачными, точно это были не тяжелыя массы первозданныхъ громадъ, а ихъ миражъ, легкое марево, ждавшее только вѣтра, чтобы всколыхнуться и унестись далеко-далеко... Туманъ на озерѣ хотя и разсѣялся, и яркія крылья челноковъ были видны богъ вѣсть на какомъ просторѣ, но между горами онъ еще клубился и тысячами хлопьевъ выползалъ медленно изъ ихъ ущелій; на минуту бѣлыя облака его приникали къ водѣ и, свертываясь, уносились, оставляя по себѣ влажный слѣдъ на поверхности утесовъ... Что-то чудовищное, грандіозное было въ этихъ молочныхъ, будто живыхъ клубахъ, по очереди показывавшихся изъ-за горъ и исчезавшихъ. Цвѣтъ воды изумителенъ... Тополи, замки и башни на берегахъ отражались въ ней, слегка колыхаясь... Призрачный міръ поэтическихъ фантомовъ окружалъ насъ, и по мѣрѣ того какъ пароходъ двигался впередъ, оставляя за собою двѣ полосы пѣны, точно

Digitized by Google

широкія серебряныя кружева, по мѣрѣ того какъ берега, точно щеголяя, показывали намъ свои сокровища, всю эту неописанную прелесть южной природы, избалованной солнцемъ и небомъ,—чувство страстнаго восторга охватывало меня. Я думаю, влюбленный юноша такъ смотритъ въ очи своей красавицы. То мрачныя, то идиллическія картины проносились мимо, изъ ущелій порою выбѣгали бѣлые потоки, водопады падали съ отвѣсовъ темныхъ скалъ и каждая подробность казалась мнѣ новою строкою этой геніально задуманной и божественно выполненной картины, которую мы зовемъ Лаго ди-Гардо...

Вотъ скала... Она вся лиловая подъ этимъ освѣщеніемъ. Тѣни ложатся на нее густою сѣнью... Вы не шутите. Это мѣсто святое. Не вѣрите? Вотъ вамъ и легенда. Ее знаетъ здѣсь всякій мальчишка.

На скалѣ, въ пещерѣ дикой,
Въ облакахъ, среди орловъ,
Жилъ пустынникъ, мужъ великій,
Нищъ, безмолвенъ и суровъ.

Онъ въ своей звѣриной шкурѣ
Былъ добычей жадныхъ блохъ.
Не случалось горной бурѣ
Заставать его врасплохъ.

Сильный духомъ, твердый въ вѣрѣ,
Слушалъ онъ, какъ громъ гремѣлъ—
И сидѣлъ себѣ въ пещерѣ,
И псалмы тихонько пѣлъ.

Въ разныхъ случаяхъ печальныхъ
На скалѣ его крутой
Изо всѣхъ селеній дальнихъ
Шелъ народъ къ нему толпой.

Онъ творилъ за чудомъ чудо;
Не однимъ былъ славенъ онъ:
Пьянства бичъ, гонитель блуда,
Исцѣлялъ неплодныхъ жонъ.

Да, горами движетъ вѣра.
Онъ молитвою своей
Какъ-то даже, для примѣра,
Двумъ дѣвицамъ далъ дѣтей!

Digitized by Google

Освятила благость неба
Столь великіе труды:
Онъ жирѣлъ отъ корки хлѣба,
Часто пьянъ былъ отъ воды.
Наконецъ, его высокій
Духъ пріяли небеса
И въ пещерѣ одинокой
Совершились чудеса.
Въ бозѣ ревностью палимы,
Приходя издалека,
Находили пилигримы
Бочки винъ, окорока.
Пуховикъ былъ здѣсь къ тому же:
Камень сталъ вдругъ мягче розъ,
Такъ Господь—святаго мужа
И прославилъ, и вознесъ!

Скала—отошла назадъ. Опять новыя и новыя детали этой чудной поэмы Катуллова озера. Новыя волшебныя неожиданности свѣто-тѣни...

— Не правда ли хорошо?—вырвалось у сосѣда справа.

— O, ja!.. Ganz gemütlich,—закатила глаза сантиментальная нѣмка.

Будь подъ руками у меня ножъ,—не ручаюсь!—я могъ бы зарѣзать ее за это ganz gemütlich. По этому ganz gemütlich я угадалъ въ ней берлинку, на склонѣ дней вышедшую замужъ и потому до безобразія сладкую... Я перешелъ на другой конецъ парохода; увы, и тутъ была счастливая парочка. И не только счастливая сама по себѣ, но пламенно желавшая и другимъ показать это. Она садилась къ нему на колѣни, онъ обнималъ ее при всѣхъ. Очевидно, «законный бракъ» здѣсь понимался, какъ бракъ публичный. Этими нравами отличается въ особенности Вѣна. Вѣнецъ никогда не поѣдетъ въ Италію одинъ. Въ вѣнскихъ газетахъ цѣлыми столбцами читаются объявленія: «Человѣкъ зрѣлаго возраста, желающій совершить пріятное и веселое путешествіе по Италіи, ищетъ попутчицу, молодую, обладающую хорошимъ характеромъ, любящую природу и искусство. Просить прислать фотографическія карточки—желательнѣе въ бальныхъ костюмахъ, съ обозначеніемъ условій». Вотъ эти-то господа зрѣлаго возраста, убѣдившіеся

Digitized by Google

по бальнымъ костюмамъ въ наличности теоретически положенныхъ каждой дамѣ даровъ природѣ, — отправляются съ ними по Италіи, и если ихъ мало въ южной и средней, зато ближайшее къ австрійскому Тиролю, и само на половину австрійское, Лаго ди-Гардо кишмя кишитъ ими. Обладающія «чувствомъ природы и знаніемъ искусства» дамы тратятъ восклицательные знаки на каждомъ шагу, причемъ «зрѣлый возрастъ» убѣждается къ своему удовольствію, что онъ не обманулся и судьба послала ему именно такую спутницу, которая ему и требовалась.

Еще чаще въ вѣнскихъ изданіяхъ являются зазыванія такого рода и не со стороны грубой части человѣческаго рода— сами дамы прибѣгаютъ къ этому средству, чтобы сдѣлать путешествіе «пріятное и полезное для ихъ самообразованія». «Молодыя и красивыя дамы» ищутъ «серьезныхъ спутниковъ» для экскурсій по Италіи, причемъ таковые могутъ быть и пожилыми, но при одномъ условіи, чтобы они были хорошо сохранившимися. За молодыми и красивыми дамами слѣдуютъ «пріятныя и обладающія добрымъ характеромъ *дѣвушки*» (слово: дѣвушки, въ предупрежденіе превратныхъ толкованій, печатается курсивомъ). Часто дѣвушки съ добрымъ характеромъ обѣщаютъ много удовольствій и рекомендуютъ свою «сговорчивость». Разумѣется, при всѣхъ этихъ условіяхъ, довольно мудрено сохранить одиночество бѣднымъ вѣнцамъ. Мы еще не дошли до такихъ пріемовъ высшей культуры.

Вѣнскія парочки, пользующіяся любовью «на прокатъ», являются сюда черезъ Тріентъ и Риву, изъ Дезенцано ѣдутъ въ Верону; мимоходомъ смотрятъ св. Антонія въ Падуѣ и, проведя недѣлю въ Венеціи, возвращаются домой черезъ Тріестъ и Зиммерингъ: онъ въ свою контору, лавку и бюро, она—въ безвѣстность, до новаго объявленія «зрѣлаго возраста», жаждущаго дамы въ «бальномъ костюмѣ». Какъ хотите, а вѣнцы не дураки и понимаютъ, гдѣ раки зимуютъ... На сей разъ мои спутницы-вѣнки были самыя настоящія, 84-й пробы. Шиньоны—на вѣсъ, бюсты на выносъ, глаза, какъ ложки, плечи круглыя, таліи тонкія... Берлинскія трехъэтажныя кувалды оглядывавшія ихъ довольно враждебно, тотчасъ же подзывали къ себѣ своихъ собакевичей и затѣмъ уже не позволяли имъ отлучаться ни на шагъ, въ огражденіе своего супружескаго

Digitized by Google

права. Надо признаться, что гг. берлинцы не безъ зависти посматривали на вѣнцевъ и только пыхтѣли и сопѣли, когда желавшія показать, что и онѣ «тоже счастливы», прусскія Амальхенъ съ выраженіемъ разнѣженныхъ индюшекъ въ лицѣ спрашивали ихъ:

— Скажи мнѣ, Фридрихъ, въ виду этой чудной природы, какъ ты меня любишь?

Фридрихъ мычалъ что-то неудобо переводимое и очевидно желалъ бы лучше, «въ виду этой чудной природы», швырнуть за бортъ поэтическую индюшку.

Другія сантиментальныя кухарки берлинскаго пошиба фыркали на все. По ихнему, Потсдамъ и Штетинъ лучше Лаго ди-Гардо, а вѣнки—всѣ слишкомъ разряжены для порядочныхъ женщинъ.

— О, мой Фридрихъ! Покажемъ имъ, что мы не нуждаемся въ шолкѣ и атласѣ, чтобы любить другъ друга.

Фридрихъ свирѣпо хмурится, мысленно адресуя ко всѣмъ чертямъ свою супругу.

Длиннымъ мысомъ вытянулся въ озеро Сирміоне. Отъ него, изящнаго, величаваго, не отрывается взглядъ туриста, память котораго еще полна представленіями о Катуллѣ.

Въ звучныхъ стихахъ, Кардуччи говоритъ объ этой жемчужинѣ Гардо:

Ecco: la verde Sirmio nel lucido lago sorride,
Fiore de le penisole.
Il sol la guarda e vezzeggia: somiglia d'intorno il Benaco
Una gran tazza argentea,
Cui placido olivo per gli orli nitidi corre
Misto a l'eterno lauro...

Вилла римскаго поэта стояла здѣсь въ мѣстности, называвшейся Mansio Sirmione; и среди царственныхъ развалинъ ея вамъ укажутъ массивныя арки, уцѣлѣвшія на зло времени, на которыхъ покоились легкія стѣны даннымъ давно рухнувшаго зданія. Отсюда, съ этой высоты—такъ далеко видно озеро въ самомъ широкомъ своемъ мѣстѣ. Взглядъ блуждаетъ по его лазури, по чуднымъ далямъ, по этимъ горамъ, что ласково и нѣжно легли своими чудовищными хребтами вокругъ Гардо. Потомъ здѣсь поставили свой замокъ веронскіе Скали-

Digitized by Google

геры. Тамъ теперь помѣщается мѣстное «municipio» и у входа въ его башни вы увидите камни съ римскими надписями, извлеченные изъ остатковъ виллы находчивыми строителями. Тишина царитъ теперь въ дивныхъ садахъ Сирміоне. Такая тишина, что въ ней невольно слышатся голоса легендарнаго прошлаго. Струи фонтановъ, падающія въ мраморные бассейны, оплакиваютъ поэта, такъ любившаго этотъ идиллическій уголокъ. Старыя деревья, опустя вѣтви, задумались о немъ же и только одни платаны кажутся молодыми, хотя надъ ихъ вершинами прошли столѣтія. Платанъ въ этомъ отношеніи счастливое дерево. Онъ всегда молодъ. На его корѣ вѣка не оставляютъ морщинъ. Она также свѣжа, сѣдины лишаевъ и мху не покрываютъ ея вовсе... Темные траурные кипарисы—повсюду. Они къ лицу развалинамъ. Въ кипарисахъ природа надѣваетъ на себя трауръ по далекому, навсегда угасшему поэтическому вѣку, когда пѣвцы были истинными властителями думъ и царили въ сердцахъ. Оливы сѣроватой зеленью серебрятся на склонахъ за руинами, тутовыя деревья раскидываются могучими массами зелени и дышутъ такою полнотою жизни, такой красотой, что, казалось, на нихъ однихъ эта почва могла бы истощить творческія силы. У остатковъ римскихъ бань тополи весело сквозятъ на солнцѣ. Вотъ жизнерадостное дерево! Въ немъ каждый листокъ трепещетъ и нѣжится въ свѣтѣ, зноѣ и прохладѣ.

А гротъ Катулла! Принадлежалъ ли онъ дѣйствительно Каю Валерію Катуллу, или нѣтъ—какое мнѣ дѣло, но какъ красивъ этотъ подземный дворецъ съ его чудовищными арками и циклопическими стѣнами!... Та часть, которая вверху покоилась на нихъ, уже не существуетъ, но по размѣрамъ уцѣлѣвшаго основанія видно, что это была за громада! Нѣсколько коринѳскихъ коллонъ еще лежитъ въ пыли около; въ раскопкахъ кругомъ находятъ множество медалей, статуй и мозаикъ. Это дивное сооруженіе занимало 24,000 квадратныхъ метровъ, и все нынѣшнее населеніе мыса Сирміоне не только легко бы размѣстилось здѣсь, но осталось бы еще достаточно пространства для наличности обоего пола Дезенцано и Пескьеры. Тутъ, впрочемъ, все дышетъ воспоминаніями о Катуллѣ. Онъ родился около—въ Веронѣ, въ 86 году до Р. Х., и, кончивъ свое образованіе въ Римѣ, возвращался постоянно сюда. Разсказываютъ,

Digitized by Google

что здѣсь стояла чудесная мраморная вилла Лезбіи, въ которую онъ былъ влюбленъ... Во дворцѣ Сирміоне отецъ Катулла не разъ принималъ Юлія Цезаря... Замокъ Скалигеровъ со своими величавыми башнями и стѣнами—кажется жалкимъ, рядомъ съ этими остатками старыхъ римскихъ дворцовъ. Эти твердыни печально смотрятъ въ спокойную даль Гардскаго озера. Для нихъ уже нѣтъ настоящаго и будущаго. Все это отжило и отзвучало, и только воскресаетъ въ памяти и фантазіи поэта, да и то въ неясныхъ чертахъ!

Около—небольшая церковка, гдѣ простодушный капелланъ украшалъ при мнѣ лиліями алтарь мадонны и мимоходомъ щипалъ розовыя щочки дѣвушекъ, приносившихъ ему цвѣты. Овечки краснѣли, а пастырь взиралъ на нихъ еще благосклоннѣе. Очевидно, онъ со своимъ стадомъ жилъ въ полномъ согласіи и мирѣ.

— Неужели до сихъ поръ продолжались владѣнія Катулла?—спросилъ я его, указывая на руины, никому, кромѣ римлянъ, судя по ихъ могучимъ пропорціямъ, не принадлежащія.

— Э! Не все ли намъ равно?.. Эти язычники горятъ въ огнѣ неугасимомъ. Туда имъ и дорога. Хотя Господь и съ такой дряни, какъ они, посылаетъ своимъ священнослужителямъ малый прибытокъ. Вотъ, напримѣръ, вы пріѣхали сюда Катуллову виллу смотрѣть, а кстати оставите двѣ-три лиры на украшеніе нашей мадонны...

И онъ хитро подмигнулъ мнѣ, кстати по дорогѣ потрепавъ по круглому и пышному плечу такую Маріетту, что я, право, пожалѣлъ, почему я не художникъ. Священникъ во вкусѣ Рабле остался позади, когда эта Маріетта догнала меня.

— Синьору не угодно ли будетъ остановиться здѣсь? У насъ есть чистая комната.

— Увы!..

И я проклялъ судьбу путешественника. Кажется, чего лучше—*оставайся*, а тутъ неугомонный пароходъ или экипажъ, запряженный нетерпѣливыми конями, или поѣздъ съ локомотивомъ, уже разводящимъ паръ, наконецъ, гидъ, мысленно посылающій васъ къ чорту,—ждутъ васъ. Надо прощаться и уходить, съ сожалѣніемъ поглядывая на круглыя плечи Маріетты.

Digitized by Google

Какимъ унынiемъ вѣяли на меня руины Сирмiоне, когда въ слѣдующiй разъ я посѣтилъ ихъ лунною ночью. Было тихо. Мечтательный, серебряный свѣтъ покоился на обломкахъ мрамора и придавалъ таинственное что-то поднявшимся среди этого запустѣнiя деревьямъ. Воображенiе подсказывало такъ много. Шумная, полная блеска и красоты, жизнь инаго мiра воскресала въ краскахъ и звукахъ. Слышалось за двѣ тысячи лѣтъ долетавшее пѣнiе семиструнныхъ лиръ, музыка идиллическихъ флейтъ, грезились полныя нѣги, стройныя и манящiя движенiя гадитанскихъ плясуній и торжественно въ недвижномъ воздухѣ, строфа за строфою, текли импровизацiи теперь уже полупонятныхъ поэтовъ. Какая жизнь, какiе люди! Въ бѣшеномъ вихрѣ вакханалiй тонетъ послѣдній разумъ,—все для тѣла, все для наслажденiя,—а рядомъ на мраморныхъ аренахъ сотнями умираютъ гладiаторы, звѣрь терзаетъ когтями кинутую ему нагую мученицу и на осмоленныхъ столбахъ—вѣчными свѣточами будущаго горятъ проповѣдники новыхъ идеаловъ, новыхъ, еще неслыханныхъ началъ человѣческаго самосознанiя... И далеко-далеко, въ легендарныя глубины сказочнаго края, идутъ на смерть или на побѣду желѣзные легiоны!.. Глухой гулъ ихъ движенiй слышится еще здѣсь, хотя нынѣшнiй день съ его суетою, мѣщанскими грошовыми интересами, стеръ давно самые слѣды отгорѣвшей, отдышавшей, отмучившей и отпраздновавшей саму себя жизни... Чу... что это за пѣнiе? Тихое-тихое... крадущееся, не смотря на ночь, на безмолвiе и безлюдье окрестностей? Таинственное, печальное и смиренное въ одно и то же время. Не изъ катакомбъ ли донеслись гимны первыхъ христiанъ?—и взглядъ упорно прикованъ въ голубую даль: не покажутся ли тамъ, точно выходящiя изъ земли, изъ могилъ, бѣлыя фигуры молящихся... Нѣтъ, тамъ только лунный свѣтъ...

Днемъ въ Сирмiоне—уже не было этихъ впечатлѣнiй. Озеро все горѣло и лучилось; зелень, точно лакированная, блестѣла. Вездѣ полнота жизни, всюду—торжествующее «сегодня» и ни звука, ни грезы о далекомъ-далекомъ прошломъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ это озеро становится все красивѣе и изящнѣе. Западный берегъ террасами—одна выше другой—уходитъ въ недосягаемую высоту, гдѣ царственно плаваютъ въ лазури вершины причудливыхъ горъ. Между ними подымаются

Digitized by Google

на второмъ планѣ другія, за ними третьи... И конца имъ нѣтъ, и даже тамъ, гдѣ даль сливается въ одну марь, мерещатся еще какія-то очертанія!.. То пропадутъ, то выступаютъ... Ближе къ озеру — зелень самая высокая. Точно ей хочется перерасти эти горы. Все рвется вонъ изъ мѣры; а тамъ, гдѣ человѣкъ подчинилъ ее себѣ и разбилъ плантаціи,—плодовыя деревья сплошь осыпаны розовымъ цвѣтомъ, точно алыя облака скучились, приникли къ землѣ и не хотятъ ее оставить вовсе... Налѣво отъ насъ мелькнула Манерба съ развалинами храма Минервы, гдѣ итальянскій поэтъ Гальдо видѣлъ олимпійскихъ боговъ, которые сошли сюда въ ясную лунную ночь и, за недостаткомъ жрецовъ, сами совершали моленіе великой богинѣ...

Вы не знаете Гальдо, или Гуальдо? Это одинъ изъ симпатичнѣйшихъ поэтовъ молодой Италіи. Онъ мало извѣстенъ за ея границами... Не хотите ли познакомиться съ нимъ? Муза его нѣжна, онъ любитъ полутоны,—мягкость красокъ; ничего рѣзкаго, угловатаго. Нѣтъ даже паѳоса въ его стихотворныхъ мелопеяхъ. Вотъ, напримѣръ, его *Венеція*:

Подъ твердью голубой, какъ небеса востока,
Вся въ зеркалѣ лагунъ своихъ отражена,
Гондола черная задумалась глубоко...
О смерти грезитъ ли, иль о любви она?..

Загадка смѣлости, величія эмблемы,
О славѣ прошлаго свидѣтельствуя намъ,—
Изъ дивныхъ мраморовъ безсмертныя поэмы,—
Стоятъ дворцы торжественные тамъ.

Какія дивныя плывутъ воспоминанья!
Въ груди моей восторгъ смѣняется тоской...
И я плыву впередъ... Шумъ... говоръ... восклицанья—

Ріальто и на немъ народъ снуетъ толпой,
А вдалекѣ опять и нѣга, и молчанье,
И голубыхъ лагунъ мечтательный покой...

За Манербо есть маленькое урочище со старымъ замкомъ, одиноко стоящимъ на высокомъ и отвѣсномъ утесѣ. Прежде

Digitized by Google

онъ соединялся съ горами длиннымъ хребтомъ. Землетрясеніе раскололо его и до башень нѣтъ никакой возможности добраться. Подъ этими небесами не можетъ быть пяди земли безъ легенды; есть такая и по поводу этихъ башень. Путь къ нимъ уничтоженъ не землетрясеніемъ, а былъ, видите, у Карла Великаго колдунъ, который зачаровалъ въ одной изъ нихъ свою дочь и приказалъ утесу разсѣсться. Дочь, изумительная красавица, спитъ, вся обвитая тамъ ползучею растительностью; спитъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній изъ рода Карла Великаго не придетъ сюда и волшебнымъ мечемъ не прорубитъ къ ней ступеней...

— Да развѣ есть еще родъ Карла Великаго?—спросилъ я у разсказывавшаго мнѣ эту легенду итальянца.

— Явно, нѣтъ!.. Но, знаете, короли вообще не церемонились и потому у нихъ сколько угодно тайныхъ дѣтей, а у тайныхъ—еще болѣе тайные.

И какою стариною вѣетъ здѣсь ото всего!.. Самая «Манерба» происходитъ отъ храма Минервы, нѣкогда стоявшаго здѣсь. Впослѣдствіи, когда римляне ввели въ моду иноземныхъ боговъ—въ пещерахъ около Минервы поклонялись персидскому божеству Митрасъ. Стѣны Rocca di Manerba брали не разъ лонгобарды и опять занимали ихъ римляне, пока не пришли варвары и не разрушили ихъ. Возстановленныя изъ руинъ, онѣ были опять взяты Людовикомъ XII. Причемъ, вѣроятно, для пріученія его жителей къ твердости въ бѣдствіяхъ—треть ихъ была перебита!..

Вотъ красивый островъ Лекки... Какъ онъ хорошъ со стройными колоннами своихъ дворцовъ, съ садами и террасами, по которымъ вьется виноградъ... Изъ-за кровель домовъ—уносятся въ голубое небо строгіе, молитвенные кипарисы!.. Островъ этотъ теперь купленъ герцогомъ Гаэтано де-Феррари изъ Генуи. Говорятъ, у него собраны тутъ истинныя сокровища искусства и устроена великолѣпная библіотека. Но онъ строго хранитъ ее для себя одного. По крайней мѣрѣ, русскій профессоръ, работавшій въ здѣшнихъ архивахъ и монастыряхъ, не получилъ доступа въ книгохранилище ревниваго дуки. Лучше всего отвѣтъ, данный его свѣтлостью:

— Я не для того покупаю рукописи и книги, чтобы другіе ими пользовались.

Digitized by Google

Гораздо умнѣе отвѣтилъ какой-то турокъ, у котораго во владѣніи оказались древніе манускрипты:

— Зачѣмъ тебѣ знать чужія мысли, когда у каждаго человѣка должны быть свои!

Мы тихо подходили къ заливу Салò, минуя утесистые выступы мысовъ, изящные острова, похожіе на букеты цвѣтовъ, поднявшіеся изъ воды и отраженные ею. Когда изъ ихъ зелени подымаются бѣлыя стѣны счастливыхъ виллъ, невольно зависть щемитъ сердце: почему мы обречены въ самомъ дѣлѣ жить на чухонскихъ болотахъ, задыхаться въ ихъ душныхъ туманахъ, въ этомъ стихійномъ насморкѣ анемической природы нашего ингерманландскаго сѣвера? А тутъ что за красота! Въ глубинѣ залива—городки, точно высѣченные изъ одной каменной глыбы каждый: до того они скучены, стройны и цѣльны. Налѣво Pontes, направо Гардоне и въ глубинѣ, при впаденіи Вальчіано въ Гардо,—Салò, красивый, радостный, праздничный, съ шумною набережной, съ толпами веселаго люда на узенькихъ улицахъ, прячущихся въ тѣни старинныхъ арокъ, которыми соединились противоположные дома; съ пестротою тряпокъ, свѣсившихся съ балконовъ; съ галлереями на кровляхъ, заставленными цвѣтами; съ садами, выходящими отъ стѣнъ къ самой водѣ и встрѣчающими насъ благоуханнымъ привѣтомъ пышныхъ цвѣтовъ; со старыми стѣнами замка; четырехугольныя башни его хмурятся на суету нынѣшняго мѣщанскаго дня; сотни лодокъ, то подымающія, то опускающія розовые и желтые паруса, колеблются въ заливѣ... Горы надъ Салò—сплошь въ зелени. Она наводненіемъ свѣжей листвы залила овраги и ущелья черезъ край, поднялась надъ ними и грозитъ оттуда затопить самый городъ... Нѣтъ-нѣтъ да и пахнетъ на насъ ароматомъ апельсинныхъ цвѣтовъ... Еще дальше вокругъ этого счастливаго городка—плантаціи въ легкихъ бѣлыхъ колонкахъ, на которыхъ утверждены еще болѣе легкія кровли, защищающія дорогіе сорта фруктовыхъ деревьевъ отъ слишкомъ страстныхъ, изсушающихъ, знойныхъ поцѣлуевъ солнца. И весь этотъ городокъ отраженъ водою,—такъ онъ и опрокинулся въ нее съ зелеными горами, съ маревомъ перепутавшихся домовъ, точно приподымающихся одинъ надъ другимъ, чтобы заглянуть, кого это принесла нелегкая на пароходѣ въ тихій и мирный заливъ?

Digitized by Google

Тихій и мирный—истинное прибѣжище для поэта! Прочтите, что̀ о немъ сказалъ тотъ же Кардуччи:

... porge dal seno lunato a sinistra
Salò le braccia candide,
Lieta come fanciulla che in danza entrando abandonna
Le chiome e il velo a l'aure,
E ride e gitta fiori con le mane piene, e di fiori
Le esulta il capo giovine!

Другой мѣстный поэтъ Грамона говоритъ:

Когда душѣ усталой больно—
Изъ душныхъ стѣнъ бѣги въ Салò:
Смотри, какъ озеро привольно—
У самыхъ ногъ его легло!
Благоуханныя пустыни,
Въ какое царство алыхъ розъ
Уходятъ дивныя святыни,
Пріюты лѣности и грезъ!..
Казалось, старь перешагнула
Десятки отжитыхъ вѣковъ—
И ухо ловитъ стихъ Катулла
Въ тиши задумчивыхъ садовъ...

Въ Салò всего 5,000 жителей, но они на узенькихъ и улыбающихся улицахъ шумятъ, вѣроятно, изъ патріотизма (чѣмъ городъ меньше, тѣмъ патріотизмъ его гражданъ выше) одинъ за сто. Каждый радъ показать вамъ свой городъ, каждый наперерывъ хочетъ похвалиться ратушею, старинной, но прекрасной, однимъ изъ тѣхъ палаццо, какими по справедливости гордятся здѣшніе лѣтописцы. Не шутите, и у крошечнаго Салò есть такіе, и не только есть, они даже доказываютъ, что Салò когда-то была самостоятельною республикою, которая несомнѣнно сдѣлалась бы грозою для цѣлаго свѣта, еслибы прожила болѣе 5 лѣтъ—краткаго срока, отпущеннаго судьбою для ея самостоятельнаго существованія.

— Что же у васъ только и есть, что одна ратуша?—хотѣлъ я подогрѣть патріотизмъ сальскаго гражданина, вызвавшагося показать мнѣ городъ.

— Нѣтъ, у насъ есть еще соборъ,—подмигнулъ онъ мнѣ.— Но это будетъ стоить вамъ, по крайней мѣрѣ... двадцать пять чентезимовъ!..

Digitized by Google

Выговоривъ такую страшную сумму (25 чент.=¼ лиры или ¼ нашего четвертака) онъ зажмурился, очевидно самъ себя считая величайшимъ мошенникомъ во всей вселенной...

— Но можно взять и дешевле,—сконфузился онъ безъ всякаго участія съ моей стороны.

Я посулилъ ему франкъ, что̀ заставило его прійти въ неистовый восторгъ.

— Знаете, иностранцы великодушны, но мои сограждане—неблагодарны...

— Почему это?

— Какъ же. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ былъ бы зàживо поставленъ памятникъ, а я остаюсь безъ онаго, и не только безъ онаго, но, какъ видите, и безъ штановъ, потому что (и онъ отвернулъ фалды сюртука) развѣ такую ветошь можно считать штанами?

— Что же вы сдѣлали для Салò?

— Я?..—изумился онъ моему невѣжеству.

— Да, вы...

— Но вѣдь я—Піетро Артано...

— Никогда не слыхалъ.

— Неужели?—горестно изумился онъ.—Неужели у *васъ* ничего не говорятъ обо мнѣ?...

Онъ на минуту погрузился въ трогательное сожалѣніе о невѣроятной забывчивости человѣчества и потомъ выпрямился, толкнулъ себя въ грудь и произнесъ громовымъ голосомъ:

— Я послалъ вызовъ Наполеону III...

— Когда, по какому случаю?

— Да раньше, чѣмъ Орсини бросилъ свою бомбу, я изъ Салò, *заказнымъ* письмомъ, вызвалъ Наполеона III на поединокъ, обязываясь по его требованію прибыть на какую ему угодно границу—на бельгійскую, или германскую, или ломбардскую, все равно,—и драться на оружіи, какое онъ изберетъ. Я требовалъ только путевыхъ издержекъ, потому что я человѣкъ бѣдный и не могу тратиться «для его удовольствія»...

— Ну, и что же онъ вамъ отвѣтилъ?

— Онъ?.. Трусомъ оказался... Ни слова!.. Вы понимаете, точно повѣсилъ замокъ на свой ротъ. Ни единаго слова!..

— Можетъ быть, его испугали «путевыя издержки»?

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Да!.. Пожалуй... Но тѣмъ не менѣе

Digitized by Google

мое coraggio произвело на него большое впечатлѣніе и достаточно было потомъ *какому-то* Орсини бросить *какую-то бомбу*, чтобы Наполеонъ III сообразилъ, что если у Италіи найдется еще два такихъ доблестныхъ сына, какъ я, Піетро Артано изъ Салò, и этотъ, знаете, bambino (ребенокъ) Орсини, то вѣдь мы когда нибудь и доберемся до него?.. Ну, понятно, Наполеонъ III испугался и объявилъ этимъ проклятымъ тедескамъ войну... Италія—освобождена и едина, а я хожу... безъ штановъ!.. Какъ вамъ это покажется?.. Да, въ нашей прекрасной странѣ неблагодарность современниковъ заставляетъ насъ надѣяться на благословенія потомковъ.

— И государство не назначило вамъ пенсіи!

— Нѣтъ (Nno!)—ударилъ онъ себя въ грудь.

— Не можетъ быть...

— Клянусь вамъ именемъ моей бѣдной матери! (Guiro sul nome della mia povera Madre.)

— Это ужасно.

— Еще бы... Я обращался къ Виктору-Эммануилу, Кавуру, къ Umberto, къ Депретису, Криспи, ко всѣмъ. И ни чентезима!.. Ничего... Я просилъ гражданъ, но мои соотечественники въ Салò дадутъ мнѣ развѣ вотъ это.

И онъ театрально наклонился, захватилъ горсть земли и эффектно швырнулъ ее передъ собою.

— И то только тогда, когда не станетъ ихъ великаго гражданина.

«Великій гражданинъ»—своимъ неподдѣльнымъ комизмомъ заинтересовалъ меня больше, чѣмъ соборъ въ Салò съ его старинною и граціозною бѣлою башнею, такъ красиво рисовавшеюся въ ясномъ и прозрачномъ воздухѣ.

Правду сказать, эти маленькіе итальянскіе «Тетюши» заинтересовали меня очень. Я цѣлый день ходилъ здѣсь по улицамъ, забирался въ церкви, любуясь на образа, писанные Пальмою старшимъ и Романино, таращилъ глаза на дворцы: коммунальный, городской, юстиціи... Вмѣстѣ съ великимъ гражданиномъ охалъ при видѣ Pallazo Martinengo и сокрушался, что всепобѣдное время накладываетъ свою руку на всѣ прекрасные остатки старины; зашелъ въ Новый театръ, гдѣ, о, великолѣпіе, была опера... Шло «Риголетто», безъ хоровъ, понятно. Но пѣвцы пѣли отлично. Сопрано было очень недурное

Digitized by Google

и сдѣлало такую трель на верхнемъ mi, что публика, какъ одинъ человѣкъ, встала и бѣшено аплодировала пѣвицѣ. Правда, теноръ былъ хамоватъ. Въ «donna e mobile»—онъ повернулъ передъ собою стулъ и сѣлъ на него такимъ раскорякою, что та же восторженная публика шикала ему.

— Dio, che animale!

(Боже, какое животное!..)

Экскурсій отсюда вамъ предложатъ множество. Самая очаровательная—это въ удобной коляскѣ къ заброшенному въ альпійскую глушь, живописнѣйшему, судя по разсказамъ, озеру Идро, въ чистыя воды котораго глядятся патріархальные и старинные итальянскіе городки, для которыхъ подъ тѣнью ихъ замковъ, кажется, до сихъ поръ продолжаются еще средніе вѣка... За послѣднія сто лѣтъ они только разъ проснулись: въ великую эпопею войны за объединеніе Италіи. Въ войска Виктора-Эммануила отсюда явилась наивная, смѣлая молодежь, надъ которою сначала смѣялись пьемонтцы, но послѣ перваго боя—смѣхъ уступилъ мѣсто безграничному уваженію. Горцы съ озера Идро дрались такъ отчаянно, ихъ аттаки были столь неудержимы и стремительны, что, пропуская ихъ мимо себя, Викторъ-Эммануилъ потомъ высоко подымалъ свою шляпу. Они умирали съ крикомъ «Evviva Italia» и съ такою блаженною улыбкою на лицѣ, точно подобная смерть была для нихъ величайшимъ счастіемъ! Прибрежные жители на Идро говорятъ съ гордостью: «у насъ нѣтъ семьи безъ траура. Каждая посылала сыновей умирать за отечество и изъ нихъ домой почти никто не вернулся»... Въ Салò хотѣли поставить имъ памятникъ, но Идро обидѣлось. «Мы и сами сберемся сдѣлать это». И до сихъ поръ еще откладываютъ свои сбереженія съ этою цѣлью.

Право, мнѣ на другой день жаль было прощаться съ Салò. Ужь очень оно красиво и изящно!..

Массы замковъ по берегамъ. Четырехъугольныя башни съ зубцами зорко слѣдятъ своими подслѣповатыми окнами за нашимъ пароходомъ и за неприличнымъ поведеніемъ новыхъ берлинскихъ и вѣнскихъ парочекъ. Ихъ, очевидно, очень много. Вчера было достаточно, сегодня еще больше. Должно быть, на всѣ гардскіе пароходы хватитъ съ излишкомъ.

Мы вышли на середину озера, и на противоположной сто-

Digitized by Google

ронѣ его разомъ развернулись передъ нами одинъ другаго красивѣе и живописнѣе Чизано, Бардолино, Гардо... Отъ одного къ другому виллы... надо всѣмъ ляпись-лазуревыя горы... Между нами и берегомъ — лодочки съ красными и желтыми крыльями парусовъ. Одна летитъ на перерѣзъ пароходу. На ея парусѣ, на мгновеніе, мелькаетъ изображенная простодушнымъ художникомъ мадонна... Каменныя деревушки застѣнчиво выглядываютъ и робко улыбаются намъ изъ-за зеленыхъ стѣнъ обступившихъ ихъ тополей... Вотъ одинокая башня... Близко-близко мы проходимъ отъ нея. Какая-то красавица смотритъ въ окно... бросаетъ цвѣты... Они падаютъ на берегъ, а намъ некогда даже оглянуться. Изъ облаковъ розоваго пара подымается царственная вершина Бальбо, хребетъ котораго, какъ сторожащее озеро баснословное чудовище, легъ вдоль всего восточнаго берега Гардо и загнулся даже вдоль его сѣверной оконечности... За нимъ, по ту сторону, узенькая и великолѣпная долина Адиже,—здѣсь бассейнъ Гардо, съ безчисленными ручейками и водопадами, низвергающимися въ его бирюзовыя воды со стремнинъ и утесовъ Монте Бальбо.

Мы не видѣли Пескьеры. Она осталась позади, за мысомъ Сирміоне, но крошечные городки восточнаго веронскаго берега—удивительны. Совѣтую путешественникамъ не пожалѣть нѣсколькихъ дней и останавливаться во всѣхъ. Это не будетъ потеряннымъ временемъ. Какъ хорошъ, напримѣръ, надъ городкомъ Gardo старый замокъ la Rocca... Какъ суровы его башни и какъ мрачны легенды о заключенной въ нихъ вдовѣ императора Лотаря — королевѣ Аделаидѣ! Въ самомъ городѣ всего полторы тысячи жителей. Рядомъ городъ Бардолино, еще дальше—Лазиза; въ обоихъ 2,500 жителей и въ обоихъ—старые замки, новыя виллы, древніе соборы и будто только что выросшія изъ ихъ темнаго камня колокольни; отличныя картины въ церквяхъ и довольно скверные отели на берегу.

Черезъ маленькій «республиканскій» городишка Гардоне свирѣпо бѣжитъ и пучится рѣка Техино, точно чудовищный змѣй, разѣвающій пасть на трепещущаго грѣшника. Кажется, еще мгновеніе—она смоетъ внизъ всѣ дома, башни и церкви... И не понимаешь, чего она разбѣсилась такъ?.. Кажется, вотъ съ Бальбо, выше, она же сочится едва замѣтною бѣлой ниткой,—а не угодно ли, какъ расшумѣлась внизу! Вы не шутите

Digitized by Google

съ Гардоне. Лѣтъ двадцать назадъ онъ прославился на весь міръ. Когда король проѣзжалъ мимо—депутація отсюда явилась къ нему и «синдако» въ великолѣпной рѣчи потребовалъ у его величества ни болѣе, ни менѣе, чтобы тотъ, оставаясь королемъ Италіи, считался только президентомъ Гардской республики. Синдако ссылался на «испытанную» доблесть своихъ согражданъ. Ихъ онъ почему-то называлъ Цинцинатами, а себя Вашингтономъ. Закончилъ онъ угрозой, что посреди этихъ Цинцинатовъ найдется немало и Муцій Сцеволъ, которые въ случаѣ чего сожгутъ себѣ не только правыя, но и лѣвыя руки, У всѣхъ этихъ городовъ въ озерѣ маленькіе молы; за ними чуть колышутся въ индиговой водѣ черныя лодочки; на каменныхъ набережныхъ спятъ безпечные Цинцинаты-рыбаки, подставивъ—и безъ того пылающіе самымъ республиканскимъ цвѣтомъ—носы безпощадному золотому лучу солнца.

Въ этихъ городахъ все сегодняшнее—маленькое, уютное, красивое. Зато «вчера» оставило грандіозныя воспоминанія. Я не могу забыть палаццо, стоящаго среди задумчиваго сада на самомъ берегу озера. Онъ теперь не обитаемъ. Окна его заколочены. Въ залахъ стоитъ сумракъ и тишина—а нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ онъ жилъ такъ шумно, столько событій совершилось среди его мраморовъ, эти колонны были свидѣтелями такихъ кровавыхъ драмъ, что мѣстный поэтъ недаромъ восклицаетъ: «когда бы вы могли говорить—сколько людей сошлось бы сюда плакать и молиться». Такъ и мерещатся здѣсь мрачные Скалигеры, на мраморѣ пола чудится тѣнь мрачнаго Данте; синьоріо бродилъ въ садахъ этого дворца, задумывая мѣры, создавшія такое величіе его излюбленной Веронѣ. Въ одной изъ залъ дворца, до сихъ поръ вамъ показываютъ мѣсто, гдѣ была убита двоюродная сестра падуанскихъ Эццелиновъ, знаменитая красавица Біанка. Она бѣжала сюда съ однимъ изъ своихъ пажей. Оба думали укрыться ото всего свѣта въ густой тѣни этихъ садовъ. Но ихъ узналъ какой-то монахъ и донесъ объ этомъ въ Падую. Эццелино зналъ, что, потребуй онъ сестру,—повелители Вероны и Гардо не отдадутъ ея. Тогда онъ послалъ наемныхъ убійцъ. Одѣвшись рыцарями—они попросили гостепріимства у бѣдной Біанки. Та приняла ихъ. Вечеромъ пажъ игралъ на лютнѣ, она пѣла имъ—и въ минуту, когда и тотъ, и другая не ожи-

Digitized by Google

дали этого, средневѣковые Спарафучилло внезапно подошли и «зарѣзали» обоихъ. По приказанію Эццелино, головы его сестры и ея любовника были доставлены въ Падую. Онъ вывѣсилъ ихъ на башнѣ своего замка и черезъ глашатаевъ объявилъ во всеуслышаніе:

— Такъ Эццелино караетъ оскорбителей своей чести.

Честь, впрочемъ, была тутъ непричемъ.

Кровожадный тиранъ самъ былъ влюбленъ въ Біанку и, дѣйствуя такъ, подчинялся только гнуснѣйшей ревности.

Спарафучилло, впрочемъ, тоже не имѣли возможности воспользоваться выгодами своего преступленія. Возмущенные веронцы поймали ихъ и... сварили живыми въ смолѣ!

Каковы времена были?..

Теперь палаццо молчитъ среди своихъ садовъ. Его хозяева—въ Римѣ и сюда не заглядываютъ вовсе. Одна легенда живетъ въ этомъ безмолвіи.

Василій Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Тоска.

Тоскою мрачной и мучительной
Душа усталая полна
И храмъ любви, мой храмъ спасительный,
Исполненъ сумрака и сна.

Тамъ тишина; вхожу въ смущеніи
Туда, какъ схимникъ въ старый скитъ.
Несу тоску, несу мученіе,
Слезу очей и жаръ ланитъ.

И каплютъ слезы покаянія
О лучшей, объ иной порѣ,
Когда былъ вздохами желанія
Раздутъ огонь на алтарѣ.

Когда сіяла обольстительно
Мнѣ очарованная даль
И такъ тепло, и такъ мучительно
Любилъ я пѣсни и печаль.

Напрасно съ позднею лампадою
Ищу невозвратимыхъ грезъ,—
За все былое—мнѣ наградою
Тоска и горечь жаркихъ слезъ.

Но какъ роса траву цѣлебную
Вновь оживляетъ по веснѣ,
Мечту любви, мечту волшебную,—
Уже не вызовутъ онѣ!..

К. Фофановъ.

Digitized by Google

ГЕРМАНІЯ ВЪ РОССІИ.

Статья первая.

«Нѣмецъ идетъ»! Этотъ предостерегающій кличъ вотъ уже цѣлое десятилѣтіе раздается по всей русской землѣ и, будируя безпрестанно общественное мнѣніе, не сходитъ со страницъ русскихъ газетъ. Не съ развернутыми знаменами, не съ оружіемъ въ рукахъ шествуетъ на нашу землю врагъ,—нѣтъ: онъ не бряцаетъ своимъ оружіемъ, не видны его боевыя полчища, не слышно ихъ воинственныхъ кликовъ... Но онъ вотъ уже три десятилѣтія идетъ на русскую землю, идетъ тихо, неслышно, но медленно и послѣдовательно, все болѣе и болѣе заливая ее своей волной. Безъ шума, безъ войны, шло и идетъ мирное завоеваніе — сначала нашихъ окраинъ, а затѣмъ и болѣе отдаленныхъ губерній, — и не успѣли мы опомниться, какъ въ нихъ уже размѣстились цѣлыя германскія полчища, утвердивъ у насъ свой вездѣсущій Vaterland.

Мы, наконецъ, увидѣли опасность; раздалась тревога; со всѣхъ сторонъ послышался окрикъ: *нѣмецъ идетъ*!—и на сцену неожиданно, во всей своей неприглядной полнотѣ, выступилъ *вопросъ о нѣмецкой колонизаціи въ Россіи*. Однимъ изъ первыхъ я поднялъ этотъ вопросъ на страницахъ: сначала «Варшавскаго Дневника» и «Южнаго Края», а затѣмъ—«Новаго Времени» и «Московскихъ Вѣдомостей». Голосъ мой былъ подхваченъ всею русскою печатью и «нѣмецкій вопросъ» сразу же сталъ вопросомъ общественнымъ и государственнымъ. Выпущенная мною въ 1890 году брошюра: «Мирное завоеваніе нашихъ окраинъ» немало переполошила наши не только общественныя, но и даже правящія сферы, вызвавъ ожесточенную полемику со стороны нашей антинаціональной печати. Противъ меня учиненъ былъ цѣлый походъ: на страницахъ «либерально-еврейскихъ» органовъ меня пачкали грязью, въ сатирическихъ журналахъ я изображался въ карикатурахъ. Точно я и въ самомъ дѣлѣ совершилъ тяжкое преступленіе тѣмъ, что поднялъ завѣсу, скрывавшую вражьи козни, и заговорилъ о нѣмецкой колонизаціи не какъ о явленіи «культурномъ», не только безобидномъ, но и даже полезномъ для насъ (какимъ ее изображала до

Digitized by Google

того наша антинаціональная «либеральная» клика), а какъ о соціально-экономическомъ бѣдствіи и политической каверзѣ исконныхъ враговъ нашего отечества. Вполнѣ понятно, что на меня взъѣлась за это германская печать, и что я былъ преданъ ею анаѳемѣ. Но отъ нея не отставала и часть нашей русской (?) печати, ополчившейся противъ моего «квасного патріотизма» и моихъ «вымышленныхъ страховъ» и не называвшая меня иначе, какъ «нелѣпымъ нѣмцеѣдомъ»!..

Травля эта возымѣла свое дѣйствіе: я началъ получать угрожающія письма; меня стали разыскивать и въ имѣніе ко мнѣ,—на Волыни, гдѣ я тогда жилъ,—начали являться различные подозрительные субъекты, домогавшіеся свиданій со мною; я, конечно, уклонялся отъ этого и мнѣ, письменно и черезъ жидовъ, начали предлагать деньги за то, чтобы я болѣе ничего не писалъ о нѣмецкой колонизаціи. Не успѣвъ и въ этомъ, меня начали преслѣдовать со всѣхъ сторонъ: имѣніе, гдѣ я жилъ, окружено нѣмецкими колоніями и дѣло вскорѣ дошло до того, что даже въ саду своемъ я не могъ гулять безъ револьвера въ карманѣ; угрожали даже моимъ роднымъ, которые, также какъ и я, не могли выѣхать изъ дома иначе, какъ въ сопровожденіи надежныхъ людей.

Положеніе становилось, наконецъ, невыносимымъ и я долженъ былъ обратиться за защитой къ губерискоій администраціи. Но... она (во главѣ ея стоялъ тогда нѣмецъ) предупредила меня: въ одинъ прекрасный день, становымъ приставомъ мнѣ была предъявлена для прочтенія и подписи офиціальная бумага, подписанная губернаторомъ на имя уѣзднаго исправника, которому предписывалось объявить мнѣ, что «волынская губернія находится въ условіяхъ усиленной охраны и потому литературная дѣятельность его (т. е. моя) не можетъ быть терпима, и если онъ (т. е. я) не прекратитъ ея, то будетъ высланъ административнымъ порядкомъ» [1]).

Очутившись такимъ образомъ «между молотомъ и наковальней»,— я вынужденъ былъ, наконецъ, продать свое имѣнье за что попало и, покинувъ родное гнѣздо, очутившееся въ самомъ центрѣ нашей Ново-Германіи, уѣхать сначала въ Харьковъ, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ меня уже не преслѣдуютъ и не вмѣняютъ въ политическую неблагонадежность и тяжкое государственное преступленіе то, что̀ монаршимъ словомъ признано нынѣ—служеніемъ престолу и отечеству «къ вящшей славѣ и величію Россіи»...

[1]) Интересно, что эти «условія усиленной охраны» ничуть не помѣшали нѣмцамъ заполонить своими полчищами ту же волынскую и другія пограничныя губерніи. А русскимъ землевладѣльцамъ, о водвореніи которыхъ въ краѣ столь настойчиво печется въ послѣднее тридцатилѣтіе центральное правительство, эти «условія» угрожаютъ административной высылкой изъ края!

Digitized by Google

I.

Въ послѣдніе годы, вопросъ о нѣмецкой колонизаціи успѣлъ уже настолько выясниться и такъ рельефно обнаружилъ всѣ свои темныя и неприглядныя стороны, что въ настоящее время не должно быть уже двухъ мнѣній относительно значенія нѣмецкихъ колоній въ Россіи, ихъ роли въ нашей общественной и государственной жизни, а также цѣлей и задачъ, преслѣдуемыхъ невидимыми руководителями этого нѣмецкаго Drang nach Osten. Вопросъ этотъ видимо интересуетъ общество; его считаютъ уже вопросомъ, не только созрѣвшимъ, но и перезрѣвшимъ, и съ нетерпѣніемъ ждутъ его разрѣшенія. Его безпрестанно обсуждаютъ въ печати, въ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ, предлагая различныя мѣры къ прекращенію нашествія нѣмцевъ на русскую землю. Но, въ концѣ концовъ, все таки приходится сознаться, что въ области этого вопроса, не смотря на всю его зловредность, обширность и важность, нами не сдѣлано еще ровно ничего.

Въ истекшее десятилѣтіе, правда, въ законодательствѣ нашемъ появилось нѣсколько новыхъ статей, ограничивающихъ права нѣкоторыхъ иностранцевъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ имперіи, но эти нѣсколько статей, эти частичныя и робкія мѣропріятія съ нашей стороны, оказываются мало дѣйствительными и ужь во всякомъ случаѣ не столь существенными, чтобы, не говоримъ уже искоренить, но хотя бы даже ослабить вѣковое зло, пустившее чрезвычайно глубокіе корни и разросшееся просто до чудовищныхъ размѣровъ.

Вопросъ этотъ еще ждетъ своего разрѣшенія и на печати лежитъ, конечно, священнѣйшій долгъ помочь этому разрѣшенію и ускорить его. Благодаря цѣлому ряду ошибокъ и подъ вліяніемъ хотя бы невольнаго, но великаго заблужденія, мы создали у себя государство въ государствѣ—«Германію въ Россіи», дальнѣйшая поддержка которой, особенно при нынѣшнемъ политическомъ положеніи Европы, являлась бы прямо преступленіемъ.

Недавно вышла книга г. А. А. Велицына: «Нѣмцы въ Россіи». Правда, заглавіе ея нѣсколько преувеличено и неточно, такъ какъ въ ней заключаются только «очерки историческаго развитія и настоящаго положенія нѣмецкихъ колоній на югѣ и востокѣ Россіи» и нѣтъ вовсе ничего о самой существенной, самой важной части нѣмецкихъ завоеваній въ Россіи—о завоеваніяхъ на нашихъ западныхъ окраинахъ; но тѣмъ не менѣе обширное и весьма добросовѣстное изслѣдованіе г. Велицына, обрисовывающее «ту грозную

Digitized by Google

силу германизма, которая темной тучей надвигается съ запада на наше отечество и послушнымъ и дѣятельнымъ орудіемъ которой служатъ наши нѣмецкія колоніи»,—изслѣдованіе это является весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу совсѣмъ бѣдную литературу по нѣмецкому вопросу. Оно вызвало живѣйшій интересъ къ себѣ среди русской печати и общества, и это обстоятельство лучше всего, конечно, говоритъ о томъ, насколько жизненнымъ является въ настоящее время затронутый вопросъ. Но, повторяю, въ изслѣдованіи г. Велицына идетъ рѣчь только о менѣе существенной и менѣе важной части вопроса—о нѣмецкихъ колоніяхъ въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ и на Волгѣ. Колоніи эти существуютъ уже цѣлое столѣтіе и вопросъ о нихъ имѣетъ тамъ, особенно на Волгѣ, только экономическое значеніе, лишь косвенно затрогивая политическіе интересы государства.

Совсѣмъ иное значеніе представляетъ этотъ вопросъ въ западной Россіи. Если въ южныхъ и поволжскихъ губерніяхъ вопросъ о нѣмецкой колонизаціи имѣетъ прежде всего экономическое значеніе и, лишь косвенно затрогивая общегосударственные интересы наши, не представляется существенно грознымъ, то въ пограничныхъ западныхъ и привислянскихъ губерніяхъ главное значеніе его—политическое. Достаточно только припомнить, что районъ этотъ—*пограничный съ Германіей* и Австро-Венгріей, и что главный контингентъ его колонистовъ составляютъ *выходцы изъ Германіи*, чтобы понять, насколько существенно затрогиваются этой «колонизаціей» политическіе интересы Россіи и какое угрожающее значеніе имѣетъ здѣсь «нѣмецкій вопросъ».

Не одна пограничность этого района играетъ тутъ роль. Всѣ вообще губерніи западной Россіи, особенно же губерніи привислянскаго, а также сѣверо-западнаго краевъ, и безъ того отличаются необыкновенной пестротой и разношерстностью своего народонаселенія, въ массѣ котораго русскій—*политически-благонадежный*—элементъ составляетъ лишь весьма незначительный процентъ (во многихъ губерніяхъ едва отъ 2,5 до 0,1%). Мы не успѣли еще покончить здѣсь съ вопросами: польскимъ, еврейскимъ и другими, оставшимися намъ въ наслѣдіе отъ Польши, какъ въ самое короткое время, можно сказать на нашихъ глазахъ, здѣсь возникъ и до чудовищной величины разросся еще болѣе сложный и несравненно болѣе «неудобный» вопросъ—нѣмецкій, который, при малѣйшемъ нарушеніи политическаго равновѣсія въ Европѣ, грозитъ намъ большими неурядицами въ пограничномъ нашемъ районѣ и легко можетъ привести къ весьма печальнымъ для насъ послѣдствіямъ...

Всѣ тридцатилѣтнія усилія наши къ обрусенію западнаго края

Digitized by Google

совершенно неожиданно привели нынѣ лишь къ тому, что эти, тридцать лѣтъ тому назадъ, польско-еврейскія губерніи преобразились въ настоящее время въ нѣмецко-польско-еврейскія! Прежде русская государственность была поставлена въ необходимость вести въ западномъ краѣ непрерывную борьбу съ польской интригой, съ тайной и явной польско-ксендзовской пропагандой и еврейской кабалой,—нынѣ ей, кромѣ всего этого, приходится еще выступать на борьбу и съ прочно водворившимся уже тамъ нѣмецкимъ Vaterland'омъ и враждебнымъ нашей національности германизмомъ.

Все это, разумѣется, придаетъ особенное значеніе нѣмецкому вопросу въ западной пограничной части нашего отечества, ставя его наряду съ наиболѣе жизненными и наиболѣе неотложными вопросами государственной важности. Россія—для русскихъ прежде всего, а не для нѣмцевъ. Объ этомъ въ послѣднее десятилѣтіе столько уже писалось и говорилось. Но до сихъ поръ мы и шагу еще не сдѣлали для огражденія своихъ національныхъ и государственныхъ интересовъ отъ тайныхъ и явныхъ посягательствъ со стороны чуждыхъ и враждебныхъ намъ германскихъ пришельцевъ. Величайшею ошибкой было съ нашей стороны заполоненіе своихъ западныхъ окраинъ нѣмцами, которые, воспользовавшись нашими слабостью и близорукостью, не замедлили водрузить на нихъ знамя германизма. Но всякая ошибка, *во время сознанная*, поправима, если не вполнѣ, то отчасти.

Ни въ какомъ другомъ государствѣ немыслимо такое явленіе, какъ наша нѣмецкая колонизація. Только мы, съ своимъ недавнимъ антинаціонализмомъ и quasi-либерализмомъ, могли не только допустить, но, собственноручно, затрачивая на это огромные капиталы, устраивать у себя нѣмецкій Vaterland. И теперь еще во имя «свободы» мы часто готовы жертвовать своими насущными интересами. Загляните въ наши космополитическіе журналы,—что тамъ проповѣдуется въ этомъ смыслѣ, какіе только гимны ни распѣваются по адресу всякихъ инородцевъ и иностранцевъ! Имъ какъ будто и дѣла нѣтъ, что даже самое «свободное» государство въ мірѣ—Сѣверо-Американскіе Штаты ограждаютъ себя отъ наплыва иностранцевъ, закрывая доступъ въ свои предѣлы даже такимъ въ сущности мирнымъ колонистамъ, какъ китайцы и евреи. Германія и Австрія—«свободныя» конституціонныя государства, но однако (я уже не говорю о томъ, какъ погнали бы оттуда русскихъ колонистовъ, еслибы мы вздумали отправить ихъ туда!) посмотрите, какъ старательно и систематически изгоняется изъ Познани и Галиціи все славянское, привившееся тамъ вѣками и имѣющее всѣ права на существованіе, и въ силу исторіи, и въ силу конституціи...

Digitized by Google

А «варварская» Россія въ то же время безпрепятственно наводняется нѣмцами, и мы не только до сего времени ничего не предпринимали противъ этого вражьяго нашествія, но считаемся еще съ открытыми стремленіями пришельцевъ къ *вытѣсненію* насъ изъ приглянувшихся имъ нашихъ губерній и къ полному господству въ нихъ! «Сплоченная идеей германизма, враждебная ко всему русскому и стремящаяся всячески установить свое владычество надъ нами, тихо, но неуклонно надвигается на насъ масса нѣмецкой національности,—говоритъ А. А. Велицынъ. — Правда, здѣсь не гремятъ еще пушки и не льется кровь, но развѣ эти внѣшніе атрибуты такъ уже существенно необходимы для завоеванія? То, что происходитъ теперь на югѣ (и на западѣ Россіи) есть форменное зовоеваніе со всѣми его характеристическими свойствами».

Какой, въ самомъ дѣлѣ, смыслъ нѣмцамъ вступать съ нами въ открытый бой, когда мы и такъ, не только безъ войны, но даже безъ малѣйшаго сопротивленія, отдаемъ именно, что имъ нужно и чего они хотятъ? Война съ Россіей для Германіи—дѣло весьма рискованное: помимо огромныхъ жертвъ, которыя требуются для веденія ея, открытая война можетъ въ настоящее время и кончиться для нея очень печально. Но, повторяю, зачѣмъ все это, когда она безъ жертвъ, безъ риска, безъ кровопролитія,—правда, медленно, но зато вѣрно,—одна за другой мирно завоевываетъ наши губерніи, утверждая въ нихъ свой нѣмецкій Vaterland и обезпечивая себѣ вѣрный успѣхъ въ будущей войнѣ?..

II.

Начало поселенія нѣмцевъ въ западной Россіи относится къ концу прошлаго столѣтія, когда край этотъ въ значительной части своей находился еще подъ владычествомъ Польши. Первое нѣмецкое поселеніе—Михалинъ—возникло въ 1791 году, въ бердичевскомъ уѣздѣ (кіевской губерніи) въ имѣніи графа Потоцкаго (близъ села Махновки), который предоставилъ колонистамъ разныя льготы и пособія. Затѣмъ, въ 1801 году, такимъ же образомъ образовалась колонія Карлосъ-Вальдъ (или Карлсвальдъ) въ острожскомъ уѣздѣ (на Волыни); въ 1804 году возникла колонія Антоновка въ луцкомъ уѣздѣ; 1811 году—Софіевка въ ровенскомъ уѣздѣ; въ 1816 году—Александровка во владиміръ-волынскомъ уѣздѣ; въ 1817 году—Вальдгеймъ въ новгородъ-волынскомъ уѣздѣ и Черкасская въ дубенскомъ уѣздѣ; въ 1824 году—Голендры во владиміръ-волынскомъ уѣздѣ; въ 1832 году—Дунаевцы въ ушицкомъ уѣздѣ (на Подоліи); въ 1833 году—Коростышевъ (при мѣстечкѣ) въ радомысль-

Digitized by Google

скомъ уѣздѣ, и Люгилевка въ ушицкомъ уѣздѣ; въ 1835 году—Старый Запустъ и Станиславовка въ луцкомъ уѣздѣ; въ 1836 году—Шрахдорфъ въ новгородъ-волынскомъ уѣздѣ. Всего, съ 1791 по 1840 годъ, образовалось въ юго-западномъ краѣ *четырнадцать* нѣмецкихъ колоній, въ которыхъ поселилось *840 нѣмецкихъ пришельцевъ*: 450—изъ Пруссіи, 29—изъ другихъ германскихъ государствъ, 64—изъ Австріи, 208—изъ царства польскаго и 63—изъ колоній внутреннихъ (южныхъ и поволжскихъ) губерній Россіи [1]).

Съ 1840 по 1861 гг., въ двадцатидѣтній промежутокъ времени, въ юго-западномъ краѣ образовалась уже *двадцать одна* нѣмецкая колонія, съ числомъ поселенцевъ въ 991 человѣкъ, вышедшихъ: 470—изъ Пруссіи, 30—изъ другихъ германскихъ государствъ, 162—изъ Австріи, 253—изъ царства польскаго и 76—изъ колоній внутреннихъ губерній Россіи. За этотъ промежутокъ времени родилось въ краѣ 568 человѣкъ нѣмцевъ и, такимъ образомъ, къ 1861 году въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ (кіевской, волынской и подольской) было *тридцать пять* нѣмецкихъ колоній, населеніе которыхъ составляло 2,373 человѣка; изъ нихъ 224 человѣка въ кіевской губерніи, 451—въ подольской и 1,697 человѣкъ, т. е. болѣе двухъ третей,—въ волынской губерніи. Въ тотъ же промежутокъ времени, до 1861 года, въ шесть губерній сѣверо-западнаго края (виленскую, ковенскую, гродненскую, минскую, могилевскую и витебскую) переселилось изъ Пруссіи, Австріи и царства польскаго 6,500 человѣкъ нѣмцевъ и, слѣдовательно, всего въ девяти западныхъ губерніяхъ состояло къ 1861 году 8,873 нѣмецкихъ поселенца. Цифра эта, конечно, незначительна для края съ 12-милліоннымъ населеніемъ (въ 1861 году). Это были лишь единичныя переселенія нѣмцевъ, ничего общаго съ позднѣйшею колонизаціей не имѣвшія и едва ли поэтому можно придавать имъ какое бы то ни было, не только политическое, но даже и экономическое значеніе.

Не то мы видимъ съ начала шестидесятыхъ годовъ. Польскій мятежъ 1863 года заставилъ насъ позаботиться объ ослабленіи въ западныхъ губерніяхъ польскаго преобладанія и, по умиротвореніи края, правительство стало всячески поощрять переселеніе въ него не-польскихъ элементовъ, предоставляя имъ различныя льготы и содѣйствуя прочному обоснованію ихъ въ краѣ. Съ этого времени западный край нашъ сдѣлался какою-то обѣтованною землей, куда изъ сосѣднихъ государствъ стали стекаться всѣ, кто по какимъ либо

---

[1]) См. «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ» (въ 1870—71 гг.). Томъ седьмой, выпускъ I, стр. 298—315.

Digitized by Google

причинамъ вынужденъ былъ оставить свое отечество и искать себѣ пріюта и пропитанія въ чужихъ краяхъ. Политическія ли убѣжденія, религіозныя ли несогласія, или, наконецъ, экономическія невзгоды гнали изъ родной страны, — все это стремилось въ гостепріимную Россію и обосновывалось главнымъ образомъ въ ея пограничныхъ западныхъ губерніяхъ. Число переселенцевъ возрастало съ каждымъ годомъ, и колоніи ихъ густою сѣтью покрывали весь край. Для привлеченія ихъ, въ 1862 году иностранные поселенцы западнаго края были освобождены нами (правила 18 декабря 1861 года) отъ рекрутской повинности, причемъ новые поселенцы освобождались еще, кромѣ того, въ теченіе пяти лѣтъ отъ всѣхъ податей и повинностей, какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ. Въ сѣверо-западномъ краѣ имъ ко всему этому раздавались еще даромъ казенныя земли. Все это способствовало, разумѣется, усиленію прилива къ намъ иностранцевъ и положило начало той колонизаціи, которая, принимая съ того времени все бо́льшіе размѣры, обратилась впослѣдствіи въ систему мирнаго завоеванія нашихъ западныхъ окраинъ.

Въ 1861 году, въ юго-западномъ краѣ вновь поселилось 278 иностранцевъ, въ 1862 году—298, въ 1863 году—427, въ 1864 году—347, въ 1865 году—475, въ 1866 году—655, въ 1867 году—1,011, въ 1868 году—943, въ 1869 году—1,003, въ 1870 году—1,170 человѣкъ. Всего, за десять лѣтъ (1861—1871 гг.), вновь поселилось въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ 6,607 иностранцевъ; изъ нихъ: 531 человѣкъ основались въ кіевской губерніи, 618 человѣкъ—въ подольской и 5,458 человѣкъ, т. е. болѣе 80%,—на Волыни.

Главный контингентъ этихъ пришельцевъ составляли нѣмцы, выходцы изъ Германіи и царства польскаго. По даннымъ, собраннымъ этнографическо-статистической экспедиціей императорскаго русскаго географическаго общества, въ 1871 году ихъ числилось въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ 27,071 человѣкъ (13,530 мужчинъ и 13,641 женщ.); изъ нихъ: 1,331 человѣкъ—въ кіевской губерніи, 1,034 человѣка—въ подольской и 24,704 человѣка на Волыни. Всего въ это время было уже въ краѣ 221 нѣмецкая колонія, въ которыхъ числилось 4,773 двора; изъ нихъ 13 колоній съ 259 дворами въ кіевской губерніи, 15 колоній съ 205 дворами въ подольской и 193 колоніи съ 4,309 дворами—въ волынской губерніи.

По уѣздамъ, колоніи и ихъ поселенцы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Digitized by Google

№	Губерніи.	УѢЗДЫ.	Колоніи.	Дворовъ въ нихъ.	Число посел. обоего пола.
1	Кіевская.	Кіевскій	3	50	235
2		Радомысльскій	7	143	774
3		Бердичевскій	1	52	248
4		Сквирскій	2	14	76
5	Подольская.	Ямпольскій	5	36	214
6		Ушицкій	2	20	85
7		Ольгопольскій	2	105	538
8		Балтскій	1	7	34
9		Литинскій	2	17	82
10		Брацлавскій	3	20	105
11	Волынская.	Новгородъ-Волынскій . .	35	764	4,446
12		Овручскій	2	115	591
13		Владиміръ-Волынскій . .	6	274	1,615
14		Луцкій	68	1,021	6,763
15		Заславльскій	5	76	458
16		Дубенскій	11	88	456
17		Острожскій	5	305	1,578
18		Житомірскій	17	655	3,499
19		Ровенскій	44	1,011	5,298
		Итого въ 19 уѣздахъ . .	221	4,773	27,071

По свидѣтельству г. Воронина, изучавшаго, по порученію высшей мѣстной администраціи, бытъ нѣмецкихъ поселенцевъ въ юго-западномъ краѣ, «болѣе одной трети поселенцевъ внесли сюда не однѣ рабочія руки и свой личный трудъ, но и значительный капиталъ, давшій имъ возможность пріобрѣсти въ собственность до 30 тысячъ десятинъ земли, на которой они образовали самостоятельные поселки; такіе же поселки основаны и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, у которыхъ они взяли въ аренду болѣе 42 тысячъ десятинъ. Въ хозяйство ими затрачено болѣе милліона рублей серебромъ» [1]). Далѣе г. Воронинъ указываетъ, что «съ мѣстнымъ населеніемъ они (т. е. нѣмцы) не имѣютъ не только ничего общаго, но большею частью находятся во враждѣ съ нимъ и не оказываютъ никакого вліянія на хозяйство малоруссовъ. Не смотря на значительное число поселившихся въ юго-западномъ краѣ нѣмцевъ, только 5,966 душъ записаны по ревизіи, а остальные не пожелали принять русскаго подданства и проживаютъ въ краѣ въ качествѣ иностранцевъ. Такимъ образомъ, бо́льшая часть нѣмцевъ-колонистовъ составляютъ status in statu; они образуютъ свое самоуправленіе, заводятъ молельни и школы по своему усмотрѣнію и въ спорахъ съ мѣстнымъ населеніемъ обращаются къ дипломатическимъ агентамъ своего (т. е. германскаго) правительства. Ведя лучше хозяй-

[1]) Всѣ эти данныя относятся къ 1870 году.

Digitized by Google

ство и будучи лучшими ремесленниками, они представляютъ для мѣстнаго хозяйства и ремесленнаго труда сильную конкурренцію, не неся повинностей и не дѣлаясь вообще гражданами, такъ что, къ сожалѣнію, ихъ нельзя не считать узурпаторами» [1]).

Въ такомъ положеніи находилась колонизація въ 1870 году. Собственно, это были еще только зачатки ея, но, не смотря на это, уже и тогда бросалось въ глаза заносчивое поведеніе и пренебрежительное отношеніе къ Россіи нѣмецкихъ поселенцевъ, которыхъ безпристрастный изслѣдователь не постѣснился назвать въ офиціальномъ донесеніи своемъ «узурпатороми». Приливъ ихъ въ край тѣмъ временемъ все продолжалъ усиливаться, и колонизація охватывала все большій и большій районъ. Нѣмцевъ обуяло вдругъ такое неудержимое влеченіе въ Россію, что, спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1875 году, въ правительственныхъ сферахъ уже былъ возбужденъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли допускать дальнѣйшій наплывъ германскихъ выходцевъ въ пограничныя губерніи юго-западнаго края, гдѣ ихъ, по собраннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ даннымъ, числилось въ это время уже 53,146 человѣкъ, т. е. вновь прибыло съ 1870 года свыше 20 тысячъ человѣкъ; земли во владѣніи и пользованіи ихъ находилось уже 165,635 десятинъ, въ числѣ которыхъ до 60 тысячъ десятинъ собственной. Главная масса пришельцевъ по прежнему группировалась въ пограничной волынской губерніи, гдѣ число ихъ въ 1875 году доходило уже до 40 тысячъ человѣкъ, что́ по отношеніи къ общему населенію губерніи (два милліона человѣкъ) составляло около 2%.

Поводомъ для возбужденія вопроса о прекращеніи дальнѣйшаго доступа нѣмцамъ въ юго-западный край послужило то обстоятельство, что,—какъ замѣчено было высшей администраціей,—поселившіеся колонисты упорно сохраняютъ свою національную обособленность, уклоняются отъ русскаго подданства и, причисляя себя къ высшей культурной расѣ, съ презрѣніемъ относятся къ туземному русскому населенію. Даже чрезъ нѣсколько поколѣній, оставаясь фанатически преданными сынами Германіи, они совершенно не дорожатъ интересами страны, давшей имъ пріютъ и благосостояніе, игнорируютъ мѣстную власть и, стремясь стать въ независимое отъ нея положеніе, въ случаѣ столкновеній съ нею обращаются къ защитѣ дипломатическихъ агентствъ Германіи. При всемъ этомъ, колонисты крѣпко удерживаютъ за собою разъ занятую ими землю, обращая такимъ образомъ колонизацію въ систему мирнаго и послѣдовательнаго завоеванія края.

[1]) «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край». Томъ VII, выпускъ I, стр. 299—300.

Digitized by Google

Все это, при тогдашнихъ размѣрахъ колонизаціи, не представляло еще ничего грознаго и опаснаго, и еслибы тогда (въ 1875 г.) были приняты какія нибудь мѣры къ ограниченію дальнѣйшаго наплыва къ намъ германскихъ выходцевъ, то, безъ сомнѣнія, теперь намъ не пришлось бы разбираться въ нѣмецкомъ вопросѣ на окраинахъ и, во всякомъ случаѣ, онъ никогда не принялъ бы той острой формы, въ какой предсталъ предъ нами въ послѣднее время. Но въ ту пору мы слишкомъ были увлечены наносными quasi-либеральными утопіями и въ Петербургѣ столь господствовало еще поклоненіе всякой иноземщинѣ, что не только было оставлено безъ вниманія представленіе мѣстной администраціи и не принято никакихъ мѣръ къ ограниченію дальнѣйшаго иноплеменнаго нашествія на наши окраины, но оно, это нашествіе, было признано даже полезнымъ (!) въ культурномъ отношеніи.

Конечно, нѣмцамъ былъ на руку нашъ слѣпой антинаціонализмъ; съ готовностью принявъ на себя роль нашихъ культуртрегеровъ, они со второй половины семидесятыхъ годовъ, а особенно съ 1879 года (годъ возникновенія австро-германскаго союза, преобразившагося впослѣдствіи въ тройственную лигу), открыли цѣлый походъ на наши, граничащія съ Германіей и Австріей, западныя окраины. Достаточно указать, что въ 1881 году численность иностранцевъ въ юго-западномъ краѣ доходила, по собраннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ, до 103,108 человѣкъ, т. е. въ шестилѣтіе 1876—1882 гг. вновь переселилось 49,962 человѣка (въ среднемъ ежегодно переселялось по 8,327 человѣкъ). Площадь ихъ земельнаго владѣнія и пользованія увеличилась къ 1882 году до 552,717 десятинъ, изъ числа которыхъ 400 тысячъ десятинъ находились въ волынской губерніи (6% или семнадцатая часть всего ея пространства). А численность колонистовъ на Волыни увеличилась къ этому времени до 87,731 человѣка, что составляло уже 4,2% общаго ея населенія.

Въ губерніяхъ сѣверо-западнаго края въ 1882 году числилось 81,500 поселенцевъ, болѣе половины которыхъ (до 45 тысячъ человѣкъ) группировалось въ пограничной ковенской губерніи, что составляло 3,5% ея населенія. Всего, такимъ образомъ, въ пограничныхъ нашихъ западныхъ губерніяхъ къ 1882 году было уже *184,600 нѣмецкихъ поселенцевъ*. Цифра внушительная!

III.

Необходимо замѣтить, что нѣмцы встрѣтили въ западномъ краѣ весьма благопріятныя условія для массоваго перехода въ него и

Digitized by Google

разселенія на помѣщичьихъ земляхъ. Польскіе помѣщики, въ рукахъ которыхъ и теперь еще находится въ западныхъ, особенно въ сѣверо-западныхъ, губерніяхъ милліоны десятинъ земли—а въ шестидесятыхъ годахъ они были тамъ собственниками почти всѣхъ частновладѣльческихъ земель,—польскіе помѣщики, говорю я, всегда съ радостью встрѣчали нѣмецкихъ пришельцевъ и тѣмъ охотнѣе селили ихъ на своихъ земляхъ, что нѣмцы оказались далеко не разборчивыми, беря, что̀ попало, и арендуя зачастую такіе участки, которые до того считались неудобными для земледѣльческой культуры. Къ тому же нѣмцы являлись въ край не съ пустыми карманами; въ большинствѣ случаевъ они приносили съ собою болѣе или менѣе значительныя денежныя суммы, часто даже цѣлые капиталы, — и это обстоятельство составляло очень большой соблазнъ для помѣщиковъ, испытывавшихъ на себѣ всѣ невыгодныя послѣдствія, какъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, лишившихъ ихъ даровaго крестьянскаго «быдла», такъ и мятежа 1863 года.

Такъ или иначе, но нѣмцы встрѣтили въ западномъ краѣ весьма радушный пріемъ со стороны мѣстнаго землевладѣльческаго класса и безъ всякихъ затрудненій, почти даже безъ поисковъ, находили нужныя для ихъ разселенія земли. Потрясенные событіями шестидесятыхъ годовъ, помѣщики спѣшили сбывать свои имѣнія; мѣстныхъ покупателей было мало: полякамъ и евреямъ съ 1865 года пріобрѣтеніе земель запрещено; продавать ихъ русскимъ—противно правиламъ польской добродѣтели. И вотъ, при такихъ-то условіяхъ, явились на выручку нѣмцы. Понятно, поляки торжествовали ихъ нашествіе и, видя въ нихъ достойныхъ своихъ замѣстителей, сбывали имъ земли почти задаромъ; масса имѣній была продана нѣмцамъ по 10—15 рублей за десятину,—теперь эти земли не купить и по 75 рублей; 40—50 рублей за десятину—считалось хорошей цѣной дажѐ въ подольской губерніи. Въ аренду на 36 лѣтъ земли отдавались по 25—30 копѣекъ за десятину и еще до сихъ поръ по этой цѣнѣ нѣмцы пользуются въ западныхъ губерніяхъ сотнями тысячъ десятинъ; теперь за аренду такихъ земель платится 4—5 и болѣе рублей, а въ подольской губерніи, южной части волынской и въ кіевской губерніи арендная плата доходитъ до 8 и 10 рублей за десятину. На подмогу нѣмцамъ пришло и правительство: съ одной стороны, оно предоставило имъ, — какъ упоминалось уже выше,—различныя льготы, освободивъ ихъ отъ всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, въ томъ числѣ и воинской (правила 18 декабря 1861 года), а съ другой—воспретивъ законами 10 іюля и 10 декабря 1865 года евреямъ и полякамъ пріобрѣтать вновь земли въ западныхъ губерніяхъ, оно признало правоспособными

Digitized by Google

къ пріобрѣтенію недвижимой собственности въ нихъ всѣ остальныя сословія православнаго и *протестантскаго исповѣданій*, предоставивъ имъ различныя льготы и преимущества (освобожденіе отъ купчихъ пошлинъ и пр.) и даже организовало выдачу имъ изъ казны ссудъ на покупку польскихъ имѣній (правила 5 и 23 марта 1864 года). Наравнѣ съ русскими, *нѣмцамъ раздавались* въ шестидесятыхъ годахъ *конфискованныя* (за участіе владѣльцевъ въ мятежѣ) *польскія имѣнія* на самыхъ льготныхъ условіяхъ (даромъ и съ разсрочкою покупной суммы на нѣсколько десятилѣтій). А въ сѣверо-западномъ краѣ (въ трехъ губерніяхъ его—виленской, ковенской и гродненской), кромѣ всего этого, еще раздавались нѣмецкимъ колонистамъ, наравнѣ съ русскими, казенныя земли *даромъ*, причемъ правительство затрачивало еще значительныя средства на поселеніе ихъ. Это называлось *русской* колонизаціей, организованной въ видахъ обрусенія края! [1]).

Ничего нѣтъ удивительнаго, что при такихъ условіяхъ пограничныя и сосѣднія съ ними западныя губерніи наши стали быстро заполняться съ шестидесятыхъ годовъ нѣмецкими колонистами, обильною волной хлынувшими въ нихъ. Надѣленные всевозможными льготами и признанные нами (въ семидесятыхъ годахъ) культуртрегерами Россіи, нѣмцы нескончаемыми вереницами потянулись къ намъ, съ усердіемъ и настойчивостью «культивируя» (по своему, конечно) наши западныя окраины. Во время славянскихъ неурядицъ на Балканскомъ полуостровѣ (1875—1876 гг.) и нашей турецкой кампаніи (1877 — 1878 гг.), когда мы всецѣло были поглощены великимъ дѣломъ освобожденія единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ, изнемогшихъ подъ тяжестью османскаго ига,—нѣмцы, пользуясь отвлеченіемъ нашего вниманія, усердно работали въ это время надъ расширеніемъ своихъ владѣній у насъ и германизаціей нашихъ окраинъ. Кромѣ безчисленнаго множества колонистовъ, съ этого времени, а особенно съ начала восьмидесятыхъ годовъ, изъ Германіи стали являться къ намъ крупные капиталисты, начавшіе скупать въ волынской, ковенской и другихъ пограничныхъ губерніяхъ огромныя земельныя пространства, обращая ихъ, путемъ заселенія тысячами нѣмецкихъ колонистовъ, въ «уголки Германіи». Съ этого времени началось уже форменное порабощеніе нашихъ окраинъ нѣмцами и вытѣсненіе изъ нихъ всего, что противорѣчитъ духу и стремленіямъ германизма. Изданный нами въ 1887 году законъ, воспретившій *иностраннымъ под-*

[1]) Подробно объ этой колонизаціи см. въ моей статьѣ: «Русское дѣло въ западномъ краѣ» (главы XV — XVI), въ «Наблюдателѣ» текущаго года, № 5 (май).

Digitized by Google

данныхъ пріобрѣтать вновь земли въ двадцати двухъ губерніяхъ западной Россіи, къ сожалѣнію, уже запоздалъ, да и все равно онъ не могъ остановить иноплеменнаго нашествія, такъ какъ дѣйствіе его ограничивается лишь иностранными подданными и, принимая русское подданство, нѣмцы совершенно парализуютъ его дѣйствіе. Вообще эта первая (и—увы!—послѣдняя до сего времени) попытка съ нашей стороны оградить западныя окраины отъ дальнѣйшаго нѣмецкаго заполоненія оказалась безуспѣшной, и мирное завоеваніе какъ этихъ окраинъ, такъ и южныхъ губерній, продолжается по сей день.

Сколь грозны и нынѣ размѣры иноплеменнаго нашествія на наши окраины, можно судить изъ того, что съ 1882 года въ юго-западный край вновь переселилось нѣмцевъ *свыше ста тысячъ человѣкъ* и въ настоящее время въ трехъ губерніяхъ этого края числится уже *233 тысячи нѣмцевъ*, что̀ составляетъ почти *три процента* (2,9%) общаго ихъ народонаселенія (8,067 тысячъ человѣкъ). Число нѣмецкихъ колоній въ краѣ возросло въ настоящее время до 920, во владѣніи и пользованіи которыхъ находится до *полутора милліона десятинъ* земли!

Въ шести губерніяхъ сѣверо-западнаго края—виленской, ковенской, гродненской, минской, могилевской и витебской—численность нѣмецкаго населенія составляетъ въ настоящее время *127 тысячъ человѣкъ*, что̀ по отношенію къ общему народонаселенію края (9,368 тысячъ человѣкъ) составляетъ почти *полтора процента* (1,4%). Число самостоятельныхъ нѣмецкихъ колоній здѣсь менѣе значительно (всего около 200), чѣмъ въ юго-западномъ краѣ,—и происходитъ это оттого, что значительная часть пришельцевъ разселена здѣсь небольшими группами, не образующими особыхъ самостоятельныхъ поселеній. Площадь земельнаго владѣнія нѣмцевъ въ сѣверо-западномъ краѣ составляетъ свыше *милліона десятинъ* (включая сюда и нераспроданныя еще имѣнія княгини Гогенлов).

Всего, такимъ образомъ, численность нѣмецкаго населенія въ девяти западныхъ губерніяхъ составляетъ въ настоящее время огромную цифру — *360 тысячъ человѣкъ*, что̀, по отношенію къ общему народонаселенію ихъ (17.435 тысячъ человѣкъ), составляетъ *слишкомъ два процента* (2,1%). Нѣмцы образуютъ здѣсь до 1,120 самостоятельныхъ колоній, во владѣніи и пользованіи которыхъ находится до *двухъ съ половиною милліоновъ десятинъ земли*, что̀ по отношенію къ общему пространству края (43.055 тысячъ десятинъ) составляетъ до *5%*, *т. е. двадцатую часть его.*

Чтобы рельефнѣе изобразить картину нѣмецкаго заполоненія западныхъ нашихъ губерній и нагляднѣе обрисовать тѣ грозные

Digitized by Google

размѣры, какихъ достигло уже въ настоящее время это мирное завоеваніе,—приведу цифровыя данныя относительно каждой изъ девяти перечисленныхъ выше губерній западнаго края, показавъ въ нихъ общее народонаселеніе, численность нѣмецкаго элемента и процентное отношеніе его къ первому (въ исходящемъ порядкѣ [1]):

№	ГУБЕРНІИ (курсивомъ обозначены пограничныя губерніи).	Общее населеніе. (въ тысячахъ).	Численность нѣмецкаго элемента.	% отношеніе нѣмцевъ къ общему насел.	Т. е. на тысячу жителей приход. нѣмцевъ.
1	*Волынская*	2,457	182	7,4	74
2	*Ковенская.*	1,642	62	3,8	38
3	Витебская	1,426	32	2,3	23
4	*Подольская*	2,720	29	1,1	11
5	Гродненская	1,550	15	1,	10
6	Кіевская	2,890	22	0,8	8
7	Виленская	1,388	5	0,4	4
8	Минская	1,898	7	0,4	4
9	Могилевская	1,464	6	0,4	4
	Итого	17,435	360	2,1	21

Такимъ образомъ, мы видимъ, что главная масса нѣмецкихъ поселенцевъ западнаго края сосредоточена *въ пограничныхъ губерніяхъ* его—волынской и ковенской, составляя въ нихъ до тринадцатой части всего населенія. Чѣмъ далѣе отъ границы, тѣмъ пришлое нѣмецкое населеніе становится рѣже и наименьшій процентъ его видимъ въ могилевской и минской губерніяхъ, которыя, изо всѣхъ западныхъ, наиболѣе удалены отъ германской и австрійской границъ.

Обстоятельство это какъ нельзя лучше обрисовываетъ дѣйствительный характеръ нашей нѣмецкой колонизаціи.

А. Липранди.

(*Окончаніе будетъ*).

[1]) Таблица эта составлена, главнымъ образомъ, на основаніи офиціальныхъ данныхъ, ежегодно собираемыхъ мѣстными губернскими статистическими комитетами. Необходимо, однако, замѣтить, что данныя эти всегда ниже дѣйствительныхъ, во-первыхъ, потому что онѣ собираются весьма примитивнымъ способомъ (чрезъ становыхъ приставовъ и волостныхъ писарей, которые въ большинствѣ случаевъ ограничиваются лишь перепиской прошлогоднихъ цифръ), а, во-вторыхъ, потому, что нѣмцы всегда старательно скрываютъ дѣйствительную численность свою, что̀ не разъ уже удостовѣрялось офиціальнымъ путемъ. Курсивомъ обозначены пограничныя губерніи.

Digitized by Google

КРУГОВАЯ ПОРУКА.

(Романъ въ двухъ частяхъ).

Часть первая.

I.

— Напечатано, Костя... Ты видѣлъ?

— Что такое напечатано? — спросилъ молодой студентъ, отрываясь отъ книги и смотря на вошедшую дѣвушку.—Ахъ, твое объявленіе! Удивительное событіе, подумаешь.

— Можетъ быть, и найду хорошій урокъ!

— Все можетъ быть!..

Костя опять уткнулся въ книгу, переводя или списывая что-то. Вообще онъ любилъ свою «сестренку», какъ друга и товарища дѣтскихъ лѣтъ, но—занимаясь—всего больше любилъ спокойствіе.

— Я тебѣ мѣшаю, Костя?—спросила дѣвушка, помолчавъ.—Ты не сердись... Я сейчасъ уйду, а только... Поговорить мнѣ хотѣлось.

Студентъ отложилъ перо, откинулъ волосы, больше по привычкѣ, чѣмъ изъ необходимости, потому что они были законно коротки, и, закуривая папиросу, заявилъ:

— Пожалуйте, Зоя Юрьевна... Садитесь. Извольте говорить, спрашивать все, что̀ вамъ угодно, а затѣмъ... Съ Богомъ... проваливайте!

— Что же, идти мнѣ къ Котлубаевымъ?—серьезно спросила Зоя.

— А отчего же не идти?

— Да такъ... Я не знаю... Я хотѣла знать твое мнѣніе.

— Вотъ чудакъ-человѣкъ! Ты ищешь уроковъ? Да, ищешь? Желаешь кусокъ хлѣба зарабатывать, слѣдовательно... Предлагаютъ урокъ, иди и бери.

Digitized by Google

— Но ты помнишь, что говорила Марья Викентьевна?

— Ну? Что она тамъ говорила, эта сплетня ходячая, развѣ я могу помнить?

Зоя нѣсколько замялась.

Она такъ много думала о словахъ Марьи Викентьевны, придавала имъ такое большое значеніе, что забывчивость Кости удивила и даже огорчила ее.

— Какъ странно... Мы же говорили съ тобою,—начала она, по женской привычкѣ, прямо съ укора.—Ты же помнишь... Ну,—быстрѣе продолжала Зоя, замѣтивъ неудовольствіе кузена,—о томъ, что Котлубаевы знали папу... что они... ну, бранятъ его.

— Да тебѣ-то, учительницѣ, какое дѣло? Это до тебя касается? Да?

— Нѣтъ, не касается, но... все таки.

Костя пожалъ плечами и заглянулъ въ книгу, а потомъ въ рукопись. Онъ вспомнилъ, что слово, затруднявшее его, можно замѣнить другимъ, болѣе удачнымъ, и взялся за перо.

— Я тебѣ мѣшаю?.. Можно потомъ...

— Не прыгай, Зоя, и не дури! Пришла поговорить и кончимъ дѣло. Экая манера женская... Тутъ слово одно... затрудняло... Ты не знаешь, какъ перевести?..

Молодой студентъ очень грубо произнесъ французское слово и Зоя мгновенно перевела его, дѣлая по привычкѣ нужное поясненіе. Костя нахмурилъ брови. Онъ не любилъ сознаваться, если не зналъ чего нибудь, и очень рѣдко спрашивалъ, особенно Зою, прекрасно изучившую языки, предпочитая рыться въ словарѣ.

— Дурацкій лексиконъ!.. Надо купить Макарова... Нѣтъ у Рейфа.

Нужное слово было у Рейфа, но Костя не такъ искалъ. Въ другое время Зоя указала бы ошибку и между ними поднялся бы жестокій споръ, но сегодня ей было не до того.

— Ну, хорошо, Зоя, слушай,—заговорилъ молодой человѣкъ.—Съ этимъ вопросомъ нужно покончить разъ навсегда. Ты носишь фамилію своей матери, слѣдовательно... Не для чего и сообщать каждому: Сорохтинъ мой отецъ!

— Стыдиться? Отказываться, если спросятъ? Да?

— Опять то же! Вѣчное донъ-Кихотство!—съ досадой пре-

Digitized by Google

рвалъ Костя.—Ты знаешь, должна знать, какъ я любилъ и люблю твоего отца, а моего дядю, но вмѣстѣ съ тѣмъ я очень радъ, да, да, радъ,—злись, сколько хочешь,—что не ношу его фамиліи!

— То есть не хочешь носить. Твоя настоящая фамилія Вронскій-Сорохтинъ!

— Ну, да, не хочу... Вовсе не желаю сражаться, какъ ты, съ вѣтряными мельницами! Вспомни, что̀ ты вынесла въ гимназіи, когда слушался процессъ дяди?.. Пріятно было? То же будетъ и въ томъ домѣ, гдѣ ты станешь давать уроки... Каждая лѣнтяйка-ученица будетъ шпильки дѣлать...

— Значитъ, надо скрывать... Молчать, когда его станутъ ругать, позорить?—упрямо повторила Зоя, пристально смотря на брата.

— А, полно... Сама ты сочиняешь какую-то драму! Всѣ забыли процессъ дяди, но если слышатъ фамилію, такъ, конечно, спрашиваютъ: не тотъ ли, который...

«Можетъ быть, Костя правъ... Дѣйствительно, слышатъ и потому спрашиваютъ»...—подумала дѣвушка и сказала бодрымъ тономъ:

— Значитъ, идти къ Котлубаевымъ?

— Понятно, иди, да старайся подороже за уроки взять. Жалѣть этихъ господъ не слѣдуетъ...

— Пятнадцать за мѣсяцъ?..

— И глупо такъ рѣшать!—серьезно возразилъ Костя.—Ты смотри на обстановку, на костюмъ, на квартиру... Спроси 25 р., а тамъ... ну, можно уступить.

— Торговаться?

— А, ну, тебя, Зоя! Надоѣло! Хочешь слушаться, такъ слушайся, нѣтъ,—не надо... Мнѣ заниматься только мѣшаешь.

Зоя постояла въ нерѣшимости, а затѣмъ тихо вышла изъ комнаты брата.

«Пойти къ мамѣ? Сестру спросить? Нѣтъ, неудобно. Есть вопросы, о которыхъ можно говорить только съ Костей, да и то не всегда».

Философствуя, онъ разсуждаетъ иначе, а на практикѣ,—тоже иначе... Когда онъ говоритъ искренно? Молодой человѣкъ заявлялъ иногда, что надо «умѣть жить»... Можетъ быть, въ этомъ и заключалось умѣнье?

Digitized by Google

II.

Котлубаевы жили на Ивановской улицѣ, и съ Таврической, гдѣ въ громадномъ домѣ ютилось сборное семейство Роде, нужно были идти добрый часъ.

Дальность разстоянія не смущала дѣвушку. Она привыкла ходить много, не уставая и не жалуясь. Послѣдніе три года въ гимназіи, а потомъ на курсахъ, она ежедневно передвигалась съ одного конца города на другой, именно передвигалась, а не шла, потому что машинально переходила улицы, перерѣзывая ихъ наискосокъ, и все думала, думала... Думать Зоѣ привелось очень много. Ея молодая жизнь рѣзко распадалась на двѣ части: *до* «несчастья» и *послѣ* него.

Насколько была прекрасна первая половина, настолько же мрачна и ужасна вторая, но дѣвушка не теряла энергіи и вѣрила, что выбьется на свѣтъ. Она имѣла право вѣрить въ свою силу воли. У нея были испытанія и она съ честью вышла изъ перваго и самаго тяжкаго столкновенія съ жизнью. Не всякій справился бы! Осматривая и очищая платье—«мундиръ», какъ она называла свой парадный костюмъ,—Зоя стояла у окна маленькой и темной комнаты. Погода была тусклая, и дѣвушка съ трудомъ находила пятна на юбкѣ, хотя знала, что ихъ много, очень много.

«Нехорошая привычка у Вѣры, старшей сестры... Разсѣянная, небрежная, она схватитъ, что̀ попало, и надѣнетъ, а потомъ броситъ и даже не скажетъ. Хорошо, что сегодня есть время вычистить и осмотрѣть платье, а потомъ начнутся уроки... Тутъ не до того будетъ!» Зоя вѣрила въ пользу объявленій и не сомнѣвалась, что приглашенія такъ и посыплятся. Только выбирай. Теперь строго. Объявленія имѣютъ право помѣщать не всѣ. Нуженъ дипломъ, разрѣшеніе, свидѣтельство. Она цѣлую недѣлю хлопотала, прежде чѣмъ добилась.

«Сказать мамѣ и Вѣрѣ, что я иду сговариваться насчетъ урока, что объявленіе мое помѣщено»? соображала дѣвушка, ощущая стремленіе похвастаться энергіей. «Нѣтъ, не скажу,—рѣшила она быстро.—Мама будетъ волноваться, а потомъ, едва только успѣешь войти, сейчасъ разспросы, толки... Нѣтъ, если устроится, тогда скажу».

Digitized by Google

Зоя взглянула на часы и стала торопливо одѣваться, но дѣло не спорилось. У джерси оказались оторваны пуговицы, въ корсажѣ—другой изъянъ. Просто бѣда съ Вѣрой! Все оборветъ и никогда, никогда не зашьетъ... Дѣвушка взяла иголку и, стоя возлѣ окна, принялась пришивать пуговицы. Подъ вліяніемъ легкой досады на сестру,—любимицу и балованное дитятко мамы,—Зоя думала, какъ о недосягаемомъ счастьѣ, имѣть свою отдѣльную комнату... Даже не комнату, хотя бы уголокъ, но свой, куда никто не смѣетъ входить, разбрасывать или трогать вещи...

И вѣдь такое счастье было! Они имѣли громадную квартиру, прекрасную обстановку, даже лошадей...

Кажется, были лошади? Зоя смутно помнила то счастливое время, да, впрочемъ, она мало пользовалась катаньемъ. Вѣра всегда ѣздила съ мамой, нарядная, хорошенькая, веселая... Зоя была хворымъ ребенкомъ и ее окружали домашнимъ комфортомъ... Какихъ только игрушекъ, какихъ вещей ни привозилъ папа!

Помнится, Зоя не могла скоро понять движеніе земли. Гувернантка пожаловалась на лѣность дѣвочки, а папа... папа улыбнулся своею милою, грустною и ласковою усмѣшкою и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, къ телефону. Гувернантка, m-elle Друмъ, разсердилась, стала ворчать, а потомъ заявила: «не буду съ вами разговаривать»... Черезъ полчаса, или черезъ часъ, отецъ внесъ въ дѣтскую роскошный планетарій, стоившій рублей 200, если не дороже...

— Теперь поймешь, моя дѣвочка!—сказалъ онъ и самъ, просто и увлекательно, сталъ объяснять движеніе планетъ.

Таковъ онъ былъ всегда и во всемъ, милый, чудный, обожаемый папа! Онъ никогда не считалъ виноватымъ *человѣка*... Онъ все, все понималъ, все оправдывалъ, ко всему снисходилъ.

— И такого человѣка, какъ онъ, *могли* осудить!—прошептала Зоя, вспыхивая отъ негодованія и острой боли въ душѣ.

Эти слова всегда, всегда вырывались у нея, когда она думала объ отцѣ, окруженномъ двойнымъ обожаніемъ: и какъ идеальный человѣкъ, и какъ страдалецъ. Теперь Зоя не могла думать ни объ отдѣльной комнатѣ, ни объ урокѣ, ни о сестрѣ; мысль объ отцѣ порабощала все остальное и привыч-

Digitized by Google

ная боль, которую ни забыть, ни изжить нельзя, снова охватила дѣвушку и лицо ея стало опять печальнымъ, какъ при воспоминаніи о дорогомъ умершемъ. Зоя была уже совсѣмъ одѣта, когда Вѣра подошла къ дверямъ.

— Ты что дѣлаешь? Одѣваешься? Мама тебя зоветъ.

— Сейчасъ...

— Ты что это? Кажется, не въ духѣ?

— Нисколько...

Вѣра оглядѣла комнату, какъ бы ища чего либо достойнаго вниманія и, не найдя ничего, способнаго заинтересовать маму въ ея пересказѣ, пошла въ столовую. Зоя послѣдовала за нею, по дорогѣ одѣвая барашковую шапочку на свою курчавую хорошенькую головку.

Сестры мало походили одна на другую. Вѣрѣ было уже сильно за 20, хотя она сохраняла чисто юношескую подвижность, говорила быстро и часто острила и шутила, зная, что мама восхищается каждымъ словомъ своей любимицы. Красивая, хорошо сложенная дѣвушка, съ чертами лица, приближающимися къ правильнымъ, Вѣра казалась холодной, неискренней и въ смѣхѣ ея всегда звучала принужденность. На Зою смѣхъ сестры дѣйствовалъ какъ-то непріятно и она рѣдко улыбалась въ отвѣтъ на «милыя» шутки Вѣры, на ея вымученное остроуміе.

Старшая дочь Ольги Арсеньевны Роде и извѣстнаго дѣльца, Сорохтина, выросла и возмужала, окруженная роскошью и лестью. Переходъ къ бѣдности и позору засталъ ее въ самомъ разгарѣ молодости, успѣха и горделиваго самомнѣнія. У нея былъ женихъ, человѣкъ, готовый сдѣлать офиціальное предложеніе, знавшій, что его любятъ, и вдругъ—произошла катастрофа. Все рухнуло разомъ, настоящее и будущее. Гордая дѣвушка не хотѣла выказать своего отчаянія; она начала холодно смѣяться и желчно острить. Тогда—это помогло, выгодно выдвигая умственныя способности Вѣры, и она усвоила эту манеру, хотя подъ вѣчнымъ смѣхомъ вырывалось самое безпросвѣтное отчаянье, отчаянье старѣющей дѣвушки.

Первое время Вѣра имѣла въ семьѣ авторитетъ старшей и разумной. Мать совсѣмъ растерялась послѣ страшнаго и неожиданнаго несчастья, когда сегодняшній богачъ очутился въ тюрьмѣ; Костя кончалъ гимназію, Зоя переходила во второй

Digitized by Google

классъ и смотрѣла дичкомъ, только что начинающимъ понимать жизнь,—и Вѣра хотѣла по своему вкусу установить строй семьи. Ея планъ былъ: не показывать людямъ ни своего отчаянія, ни бѣдности. Продолжать прежнюю жизнь, хотя бы въ долгъ, но бороться до послѣднихъ силъ, а затѣмъ... Что будетъ затѣмъ,—она не говорила, но въ глубинѣ души была убѣждена, что сдѣлаетъ хорошую партію и вернетъ семьѣ прежнее благосостояніе.

Но ея не послушались. Родственники, Костя, даже Зоя—всѣ стали говорить, что надо покориться, измѣнить строй жизни и, такъ сказать, считать себя побѣжденными.

Вѣра понимала, что, при скромной и тихой мѣщанской обстановкѣ, бракъ, о которомъ она мечтала, является невозможнымъ и много, много сценъ происходило въ квартирѣ Роде, прежде чѣмъ дѣвушка примирилась.

— Я зарабатываю уроками 25 рублей, а ты ботинки станешь въ десять рублей покупать! Немыслимо,—сказалъ Костя, вносившій плату за свое содержаніе.

— Значитъ, мнѣ носить рыночную обувь въ 40 копѣекъ?!

— Между роскошью и нищетою есть средина,—спокойно возразилъ юноша.—Я тоже привыкъ къ хорошей жизни, а теперь...

Тяжело было покориться Вѣрѣ и она изливала свое горе матери, безхарактерной и доброй, больше всѣхъ жалѣвшей свою любимицу и себя. Костю и Зою мать считала «деревянными» и повторяла, что имъ—легко...

Также точно думала и Вѣра, принимая отсутствіе жалобъ и слезъ за неспособность чувствовать, а сама то рыдала, какъ безумная, то надо всѣмъ смѣялась, язвила и злобно иронизировала. «Если *ее* до сихъ поръ никто не полюбилъ, значитъ и любви нѣтъ! Если ей съ мамой нѣтъ счастья, значитъ и вовсе его не бываетъ»... Таковы были ея убѣжденія и, понятно, сестры не могли сходиться нравственно, хотя родственно любили одна другую, по своему, но каждая обожала маму и поклонялась памяти отца.

Зоя походила на Юрія Андреевича и гордилась своимъ сходствомъ. У нея была отзывчивая, добрая душа, широкая натура и свѣтлый разумъ.

Еще недавно, сравнительно, Зоя была и вспыльчива, и

Digitized by Google

шумливо, задорно весела, но, переживъ катастрофу и увидѣвъ изнанку людскихъ отношеній,—очень измѣнилась.

Вдумчивая и наблюдательная, она вѣчно слѣдила за собою и постоянно опредѣляла, *что* думаетъ тотъ или другой, разговаривая съ нею.

Пріятнаго такая привычка не даетъ, но Зоя уже успѣла пострадать за излишнюю довѣрчивость и расплывчивость... Теперь она дѣлалась осторожнѣй.

III.

Ольга Арсеньевна сидѣла за столомъ и пила кофе.

Маленькая, худощавая, со сморщеннымъ, но все еще розовымъ лицомъ, она казалась и старше, и моложе 45 лѣтъ, смотря по настроенію и по костюму. Когда она была весела и здорова, когда надѣвала свое сѣрое шолковое платье, всѣми неправдами спасаемое отъ залога, всѣ домашніе искренно восхищались ея наружностью.

Но похвалы дочерей, знакомыхъ, и преданной Дарьюшки—не радовали Ольгу Арсеньевну. Она улыбнется въ отвѣтъ на льстивыя, быть можетъ, слишкомъ шумныя замѣчанія, а потомъ уйдетъ къ себѣ и горько, горько плачетъ. Жалко ей себя, жалко прежней счастливой и беззаботной жизни; жалко Юрія, которому она отдала и молодость, и красоту, и свободу; жалко, что во время не думала о будущемъ. Деньги летѣли, какъ щепки, безъ счета, безъ всякой заботы, а теперь приходится даже кофе пить безъ сливокъ... Подадутъ синеватое жидкое молоко, и то хорошо...

— Однако, долго ты одѣваешься, Зоя!—съ укоромъ сказала Ольга Арсеньевна.—Второй разъ зову, а ты нейдешь...

— Я не слыхала, мама.

— Замечталась, конечно, и не помнишь!.. Я же приходила за тобою. Окликнула, а ты стоишь передъ зеркаломъ и поешь... Кажется... тарарабумбію!..

Это была одна изъ милыхъ шутокъ Вѣры. Она старалась придумывать что либо самое несообразное, и радовалась, если насмѣшитъ маму.

— Ахъ, Вѣруня моя! Вѣдь скажетъ тоже Зоя и тарарабумбія,—улыбаясь, подхватила старушка.—А ты куда собралась, дружокъ?

Digitized by Google

— Въ городъ пойду, мама...

И, опасаясь дальнѣйшихъ вопросовъ, на которые отвѣчать правду не хотѣлось, дѣвушка добавила:

— Къ Бѣляковой зайду... Насчетъ урока попросить. У нея много знакомыхъ.

— Насчетъ урока... Такъ... такъ. А къ Котлубаевымъ?

— Не знаю. Можетъ быть, и къ нимъ...

— Тамъ надо непремѣнно взять урокъ, Зоя!—быстро и серьезно заговорила Вѣра, наливая себѣ стаканъ кофе.—А ты хочешь? Горячій еще... Только сливокъ нѣтъ. Великолѣпныя были сливки! Знаешь, блѣдно-голубыя и съ густымъ осадкомъ. Нашъ лавочникъ очень щедрый... Кромѣ сливокъ, даетъ гущу. Даромъ даетъ...

— Отчего *надо* взять урокъ у Котлубаевыхъ?—перебила Зоя надоѣдливую рѣчь сестры.—Если угодно...

— Слышишь, мама! Она не возьметъ, я знаю, что не возьметъ! Если я прошу, если мнѣ важно...

— Почему же тебѣ важно, скажи, Вѣра... Я никакъ не думала, что тебя можетъ интересовать... Не все равно: Котлубаевы, Ивановы...

— Слышишь, мама!—опять обратилась Вѣра къ матери и затѣмъ, шутливо-серьезнымъ тономъ, значенія котораго Зоя никогда не умѣла понимать правильно, продолжала:—Ты подумай... Котлубаевы живутъ открыто, весело; у нихъ jour fix'ы... Гостей масса...

— Ну, такъ что же?

— Какъ что? Познакомишься, станешь бывать, меня введешь. Хоть какое нибудь развлеченіе... Ты не замѣчаешь, а вѣдь я умираю съ тоски.

— Конечно, конечно, Вѣрочка права,—согласилась мать.—Надо ей въ обществѣ бывать... Ты находишь удовольствіе цѣлые вечера съ Костей сидѣть, а Вѣра все со мною, да со мною... Эдакъ рехнуться можно! Нужно же и ее пожалѣть.

— Конечно, мама, я понимаю, но... Давая уроки, заводить знакомство... Неудобно...

— Я такъ и знала, что Зоя не захочетъ!

Подобный споръ могъ продолжаться до безконечности, такъ какъ сестры не понимали другъ друга, повторяя каждая свой доводъ.

Digitized by Google

По мнѣнію Вѣры, уроки давали возможность входить въ домъ, пріобрѣтать новыя знакомства, именно новыя, съ такими людьми, которые не знали бы позорнаго прошлаго семейства Роде. Зоя смотрѣла на занятіе уроками, какъ на *дѣло*, дающее средства къ жизни.

— Скоро вы кончите болтовню?—раздался голосъ Кости, шедшаго изъ кухни, гдѣ онъ только что вымылся.—Ты, вѣрно, завтра пойдешь, Зоя?—добавилъ онъ съ усмѣшкой и началъ вытирать лицо и руки, стоя въ дверяхъ столовой.

Вѣру покоробило отъ такого неприличія, но за послѣднее время она стала больше ладить съ Костей, льстя ему довольно ловко.

— Спроси хоть его!—заключила она, обращаясь къ сестрѣ.—Костя—человѣкъ умный...

«Умный человѣкъ» только что вытеръ лобъ и глаза, и съ ожесточеніемъ теръ щоки.

— Въ чемъ дѣло?

Ольга Арсеньевна стала объяснять сама и передавала довольно справедливо. Вѣра слѣдила за нею, боясь, что мама сдѣлаетъ поблажку Зоѣ, а та стояла въ сторонѣ, спокойная по внѣшности, но досадующая на эту сцену.

— Намъ необходимо завести новыя знакомства. Съ прежними—разошлись! Ни одного дома у насъ семейнаго нѣтъ. Вотъ Вѣрочка и говоритъ...

— Совершенно справедливо, мамочка!—согласился Костя, съ дѣтства привыкшій называть такъ чужую для него женщину.—Но дѣло-то въ чемъ?

— Я хочу, чтобы Зоя не фыркала, какъ она имѣетъ привычку, и постаралась бы, ну... сойтись съ Котлубаевыми. Поймите же, тамъ jour fix'ы бываютъ!—закончила она насмѣшливымъ тономъ, такъ что опять было неясно: серьезно она говорила или издѣвалась.

Зоя пристально смотрѣла на Костю. Ей важно было знать, *какъ* отнесется Костя.

Правду скажетъ онъ или станетъ поддакивать, потому что Вѣра удостоила назвать его умнымъ человѣкомъ...

— Эхъ, господа, медвѣдя не убили, а шкуру дѣлите! Еще сойдется ли Зоя въ условіяхъ, возьметъ ли урокъ—ничего не извѣстно...

Digitized by Google

И Костя пошелъ по коридору къ себѣ въ комнату, продолжая жмуриться и растирать щоки, шею и грудь. Онъ очень заботился о своемъ здоровьѣ и цвѣтѣ лица, и зналъ, что массажъ вызываетъ румянецъ.

Шутливое замѣчаніе студента пристыдило Вѣру и Ольгу Арсеньевну.

— Я вовсе не тороплюсь,—прошептала старшая сестра.—Я говорила вообще...

— Понятно, никто не торопитъ... Такъ совѣтуютъ тебѣ... А не хочешь—не надо...

— Да я, мама...

— Хороша, хороша! Ты не можешь, чтобы не поспорить. Отцовская кровь...

Зоя поцѣловала маму, кивнула головой Вѣрѣ и пошла въ переднюю.

— Зоя! А, Зоя!—крикнула старушка, замѣтивъ, что Вѣра сдѣлала какой-то знакъ.—На минутку...

Дѣвушка вернулась.

— Пожалуйста, не забудь, что я тебѣ вчера говорила... Помнишь?

Зоя отлично помнила, но ей хотѣлось, чтобы мать повторила тѣ жестокія слова, которыя поразили ее вчера. Она пристально смотрѣла на старушку.

— Не надо говорить, ну... объ Сорохтинѣ... Забыли и слава богу... Пользы никакой, а горя довольно уже было...

Зоя ничего не возразила матери, ни да, ни нѣтъ, но теперь, идя по Таврической, возлѣ сада, думала, что поступила нехорошо. «Пусть онѣ скрываютъ, если имъ стыдно, но она, Зоя, не стыдится, она вѣритъ въ невинность отца и готова всюду, вездѣ защищать его имя».

Такое отношеніе матери къ близкому человѣку, къ отцу ея дѣтей, положило начало нравственнаго несогласія Зои съ мамой. Сколько разъ приставала она, еще дѣвочкой-подросткомъ, съ вопросомъ: виноватъ папа или нѣтъ. Ей отвѣчали съ убѣжденіемъ: «нѣтъ, не виноватъ», а между тѣмъ стыдились... Зоя читала весь процессъ, печатавшійся тогда во всѣхъ газетахъ. Дома она не хотѣла спрашивать этой книги, изданной отдѣльно и хранившейся у матери подъ замкомъ, но въ первый день свободы, когда она отвоевала, наконецъ, право уходить изъ дому,

Digitized by Google

не говоря куда и зачѣмъ, дѣвушка провела въ публичной библіотекѣ.

Зоя прочитала все, отъ доски до доски, вдумываясь въ ужасную и гнусную, какъ ей казалось, рѣчь обвинителя, въ показанія свидѣтелей, и съ восторгомъ вчитывалась въ рѣчь защитника, правдивую, горячую, талантливую... Не повѣрить ей—могли только злые, грубые или... подкупленные люди, потому что правда била въ глаза.

И все таки Юрія Андреевича Сорохтина осудили, приговорили къ ссылкѣ и онъ умеръ въ Сибири, отъ разрыва сердца, въ день полученія извѣстія, что онъ... прощенъ. Случись такая исторія съ другимъ, постороннимъ, она тоже надрывала бы душу Зои, впечатлительной, вѣрующей въ правду, а тутъ пострадалъ ея отецъ, милый, чудный, идеально хорошій человѣкъ. Ей хотѣлось кричать объ этомъ фактѣ, говорить съ каждымъ и съ каждою, изливая свои доводы, но мама, Вѣра, даже Костя повторяли:

— Забыли всѣ и слава богу! Довольно было горя...—Да, горя было, дѣйствительно, немало.

Быстро идя по панелямъ, переходя съ одной улицы на другую и выгадывая, гдѣ ближе пройти, Зоя думала о прошломъ. Вѣра воспитывалась въ пансіонѣ, а Зою отдали въ гимназію, записавъ ее Сорохтиной, по фамиліи незаконнаго отца.

Какъ это случилось — неизвѣстно. Попросила ли Ольга Арсеньевна, или начальство любезничало, но Зоя считалась Сорохтиной почти до II класса, когда ее стали называть Юрьевой, по крестному отцу. Въ самомъ фактѣ перемѣны фамиліи не было ничего ужаснаго. Маленькая непріятность и только, но обстоятельства, которыя сопровождали эту исторію, навсегда запечатлѣлись въ памяти дѣвушки.

Отецъ не жилъ съ ними офиціально, т. е. у него была другая квартира, дѣловая, но все свободное время онъ проводилъ съ ними, а лѣтомъ поселялся на одной дачѣ. Эти мѣсяцы были полны счастья для всей семьи, въ особенности для Зои и Кости, съ которыми онъ гулялъ, катался, ловилъ рыбу сѣтями и острогой; Вѣра была слишкомъ «барышней» и, оставаясь съ отцемъ, старалась казаться очень умной, серьезной, и «занимала» его разговорами.

Но Сорохтину надоѣдали эти разговоры и въ обществѣ.

Digitized by Google

Онъ охотнѣе слушалъ споры Кости съ Зоей и болтовню своего «сорванца-фантазерки», которая поражала отца неожиданными выходками. Отецъ съ хохотомъ разсказывалъ, какъ Зоя, лѣтъ 7—8, шла съ нимъ по лѣсу. Всѣ устали и шли молча. Вдругъ Сорохтинъ замѣтилъ, что толстенькая дѣвочка, вся пунцовая, горько плачетъ. Объ чемъ? Что случилось?—съ тревогою спросилъ отецъ.—Лѣнь платокъ изъ кармана вынуть!—совершенно правдиво отвѣчала Зоя и всѣ захохотали отъ такого наивнаго сознанія. Такова была Зоя во всѣхъ проявленіяхъ. Правдивая по натурѣ, она положительно не умѣла лгать. Ей нельзя было даже поручить сказать, что отца нѣтъ дома, или что мама нездорова, если они хотѣли избавиться отъ надоѣдливаго посѣщенія.

— Отчего же ты не сказала?—спросятъ ее.

— Да онъ увидитъ, что это неправда...

Мать бранила Зою, но отецъ восхищался, и мало по малу дѣвочка привыкла находить сочувствіе у папы, а выговоры слышать отъ мамы. Жили Сорохтины очень богато и весело, а при такихъ условіяхъ матерямъ некогда воспитывать дѣтей. Вѣра вѣчно находилась въ гостинной, возлѣ мамы, и, конечно, впитывала существующіе примѣры, повторяя слышанное и поражая раннимъ развитіемъ, которое почему-то считаютъ умомъ. Попробовала было Ольга Арсеньевна отдать Зою въ пансіонъ, но эта попытка окончилась скандаломъ. Классная дама придиралась къ ней и несправедливо наказала одну изъ дѣвочекъ. Зоя пошла объясняться, а та, въ наказаніе дерзкой, поставила ей нуль за французскій. Зоя только улыбнулась, зная, что папа *ей* повѣритъ, и тутъ же сообщила подругамъ, что нулей ставить никто не смѣетъ.

— Я вотъ скажу папѣ, а тотъ скажетъ министру и mademoiselle зададутъ! Имъ запрещено ставить нули!

Дѣвочка слышала разговоръ въ гостинной, между отцомъ и знакомымъ попечителемъ учебнаго округа, кліентомъ Сорохтина, но вообразила, что это былъ самъ министръ.

Подруги стали шептаться и двѣ изъ нихъ насплетничали mademoiselle, та — начальницѣ, и пошла переборка. Ольгу Арсеньевну попросили въ пансіонъ и предложили: примѣрно наказать «подрывающую основы» бунтовщицу или взять ее изъ пансіона. Она выбрала послѣднее, но въ каретѣ долго и

Digitized by Google

сурово бранила Зою. Дѣвочка молчала. Она и сама перетрусила, боясь, что такого разговора вовсе не было, а она во снѣ его видѣла. Такія вещи съ нею случались.

Дома, когда отецъ узналъ, въ чемъ дѣло, онъ громко засмѣялся.

— Экія дуры! — сказалъ онъ. — Чего испугались! А ты, сорванецъ, съ чего взяла эту исторію?

— Ты говорилъ, папа... Помнишь, когда у насъ министръ обѣдалъ... Онъ сказалъ... Ты радовался. Помнишь?

Зоя съ мольбой смотрѣла на отца, боясь, что онъ не вспомнитъ факта. Вокругъ уже смѣялись Вѣра, мать, Костя, даже гувернантка и няня, въ силу врожденной жестокости ожидавшіе сцену возмездія.

Отецъ задумался.

— Ну, помню!.. Ну, конечно, говорили объ отмѣткахъ. Запрещено нули ставить... Правильно! Только то не министръ былъ, дружокъ, а...

Сорохтинъ назвалъ фамилію сравнительно важнаго кліента и, обращаясь къ Ольгѣ Арсеньевнѣ, добавилъ:

— Поняла! Сообразила!

Ольга Арсеньевна сказала по французски, что онъ непозволительно балуетъ Зою и что ее слѣдовало бы нашлепать... Въ это мгновеніе долго крѣпившійся ребенокъ зарыдалъ и, обнимая ноги отца, прижался къ нему. Сорохтинъ съ укоромъ взглянулъ на Ольгу Арсеньевну и, взявъ Зою на колѣни, сталъ говорить съ нею.

— Я не стану тебя наказывать, дѣвочка... Ну, не плачь, довольно... А только вотъ что, слушай меня: не надо передавать все, что̀ слышишь. Не надо...

— Я думала, онъ правду сказалъ,—сквозь слезы прошептала Зоя.—И ты говорилъ Костѣ!.. Запрещены нули!..

— Правда, конечно... А все таки... Ну, будетъ. Цѣлуй папу!

IV.

Таковъ онъ былъ всегда, во всемъ, этотъ милый, милый папа. Прислуга обожала его, знакомые считали умницей и относились съ уваженіемъ, мама смотрѣла влюбленными гла-

Digitized by Google

зами; Костя хотѣлъ быть «дядей Юрой» и больше никѣмъ; даже кліенты восторгались имъ—и вдругъ, богъ вѣсть откуда, нависла мрачная туча.

Зоя потомъ уже возстановила порядокъ событій, а сперва ей казалось, что кто-то оклеветалъ папу и его схватили и увезли въ тюрьму ни съ того, ни съ сего. Какъ живо, какъ ярко помнила Зоя эти мрачные дни, когда у нихъ въ домѣ все, все измѣнилось. Первые дни пріѣзжали знакомые навѣстить, вѣрнѣе, узнать, что̀ случилось, а потомъ ни души не стало... Какъ легко сходились съ богатою, но нелегальною семьей, такъ же легко и разошлись. Одни поспѣшили отрицать самый фактъ знакомства, другіе — большинство — прямо перестали кланяться. Помнитъ Зоя, что папа сталъ нѣсколько озабоченнѣе, точно его безпокоила не сильная, но ноющая боль.

Юрій Андреевичъ никогда не посвящалъ домашнихъ въ свои тревоги. Если у него устроится хорошее выгодное дѣло, онъ скажетъ за обѣдомъ или за завтракомъ, при всѣхъ, просто и свободно, что вотъ-де окончилъ процессъ, давшій чистогаломъ столько-то тысячъ. Онъ говорилъ всегда съ насмѣшливымъ добродушіемъ, подсмѣиваясь и надъ собою, и надъ людьми. Вѣра усвоила было эту симпатичную и подкупающую манеру, но при ея темпераментѣ и складѣ получилось только внѣшнее сходство, далеко непріятное, тогда какъ Сорохтинъ являлся обаятельнымъ.

Ольгу Арсеньевну онъ не посвящалъ въ свои дѣла и когда случилось «несчастье», никто не вѣрилъ, чтобы подруга дѣльца не была его соучастницей. Дѣлали обыски, выемки, но при всемъ желаніи не могли придраться и привлечь семью въ качествѣ свидѣтелей для бо̀льшей огласки процесса.

Враги и завистники увѣряли, что слѣдователи и прокуроры подкуплены, но то же самое утверждала и семья обвиняемаго. Тѣ и другіе искали объясненія фактовъ, казавшихся имъ странными: одни—въ исключительной снисходительности, другіе—въ безпримѣрной жестокости. Въ сущности была *правда*, та безличная, чистая правда, которая часто кажется возмутительнымъ безправіемъ.

Да, папа задумывался и долго, по ночамъ, ходилъ по своему кабинету. Иногда Зоя вбѣгала къ нему среди дня и заставала

Digitized by Google

отца стоящимъ у камина, въ такой точно позѣ, въ какой она видѣла его на судѣ, въ послѣдній часъ процесса.

Онъ точно отвѣчалъ на рѣчь невидимаго обвинителя, точно повторялъ ту фразу, которую сказалъ за часъ до своего осужденія:

— Клянусь Богомъ, я не виноватъ!

«Виноватъ папа или невиноватъ? Господи, какая мука! Какъ бы хотѣла я знать»!—думала Зоя, переходя Невскій возлѣ Знаменской, гдѣ шумная улица теряетъ свой характеръ. «Точно я бы меньше его любила, еслибы знала правду... Нѣтъ, онъ *не* виноватъ, но его осудили, потому что люди злы, несправедливы, завистливы»...

И опять картина за картиной встаетъ въ памяти дѣвушки. Не полны и отрывочны эти сцены, но онѣ вызываютъ горькую муку безсильнаго отчаянія, знакомаго людямъ, потерявшимъ дорогое и любимое существо.

Сегодня утромъ былъ живъ, вечеромъ—холодный трупъ...

Такъ было и съ Сорохтинымъ.

Утромъ, уходя въ гимназію, Зоя видѣла отца. Онъ показался ей блѣднымъ.

— Сердце болитъ, дѣтка,—отвѣчалъ онъ.—Не заснулъ всю ночь... Да и работалъ долго. Въ гимназію идешь?

— Да, папа! Сердце? Отчего?

Юрій Андреевичъ замѣтилъ тревогу въ глазахъ дѣвочки, взъерошилъ шутливымъ жестомъ ея курчавые волосы и съ напряженною веселостью сказалъ:

— Оттого, что дѣтка нехорошо учится... Я хочу, чтобы у тебя была круглая дюжина... Учись, Зоикъ мой... учись!

Дѣвочка ушла. Въ этотъ день въ гимназіи она была крайне разсѣянна и, вещь немыслимая, получила единицу за диктовку. И, дѣйствительно, что̀ она написала!

Вмѣсто Muller—Butter, вмѣсто nein—kein...

Мудрая учительница не допускала мысли, что ученица была бы разстроена, и, въ качествѣ свободномыслящей, на богатыхъ дѣвочкахъ срывала свой стародѣвичій нравъ.

— Все о балахъ, да объ нарядахъ мечтаете, — сказала она.—Такъ вотъ вамъ баллъ...

Дѣвочки разсмѣялись. Современное товарищество развиваетъ недобрыя чувства въ груди дѣтей. Учиться стало труд-

Digitized by Google

нѣе, способности хуже, «благодарностей» не принимаютъ и многое зависитъ отъ личной симпатіи или антипатіи учительницъ...

Вернувшись домой, Зоя продолжала хмуриться и избѣгала встрѣчи съ отцомъ. Онъ могъ спросить объ отмѣткахъ и узнать, *какъ* она исполнила его совѣты...

Но Сорохтину было не до того.

Онъ вернулся домой передъ самымъ обѣдомъ и заперся въ кабинетѣ. Здѣсь онъ что-то писалъ и жегъ какія-то письма, а вечеромъ—вечеромъ пріѣхали *они* и увезли отца.

Въ эту ночь вся семья не ложилась спать. Какъ испуганное стадо, всѣ сбились въ одну комнату и то молчали, то начинали говорить всѣ разомъ и разражались рыданіями. Прежде всѣхъ опомнилась Вѣра. Она захватила въ свои руки власть, уложила спать подавленную и растерявшуюся мать, прикрикнула на Зою и сказала:

— Ложись сейчасъ... Завтра ты должна идти въ гимназію...

— До того ли ей?—вступилась было мама, но Вѣра произнесла фразу, ставшую закономъ:

— Никто ничего не долженъ знать!

Всѣ повиновались, находя распоряженіе разумнымъ, но эта попытка скрыть правду причинила много излишняго горя.

Скрытность возбуждаетъ въ ближнихъ стремленіе допытаться, и если преступникъ можетъ завоевать участіе откровеннымъ признаніемъ, то даже герою не прощаютъ желанія сохранить свою тайну.

Такъ было и здѣсь. Еслибы Ольга Арсеньевна бросилась къ знакомымъ, начала жаловаться на арестованнаго, выставляя себя жертвою обмана,—ей стали бы сочувствовать, ей и дѣтямъ, но она поступила благороднѣе.

Ничего не зная фактически, но продолжая вѣрить любимому человѣку, она гордо замкнулась въ своей семьѣ и страшное слово: «союзники» было произнесено... Пошли слухи, сплетни, начались клеветы. Стали говорить, что Сорохтинъ разорялся для своей незаконной семьи, что все это *онъ* виноваты, «тянувшія» съ человѣка. Пронеслось извѣстіе, что у Сорохтина есть еще двѣ семьи—законная и другая—полузаконная, и что всѣ тянули съ него, требовали, грозили...

Digitized by Google

Въ прошломъ его есть какое-то ужасное преступленіе, убійство или еще хуже, и вотъ—онъ все откупался. Грабилъ, откупался и, наконецъ, погибъ...

— Этого нужно было ждать!—замѣчали мудрые.

— И кто бы могъ подумать?..—говорили наивные, пока вся семья, пришибленная и безгранично жалкая, ничего, ничего не знала.

Потомъ разрѣшили свиданія, но толковать о дѣлѣ, какъ извѣстно, не позволяютъ, и всѣ бесѣды ограничивались обмѣномъ горькихъ улыбокъ и просьбъ беречь здоровье.

Слѣдствіе тянулось больше полутора года. Чиновникамъ хотѣлось отличиться и они хитрили, стараясь создать болѣе грандіозное обвиненіе; притягивали новыхъ и новыхъ лицъ, собирали всякіе слухи, басни и т. д., забывая прислушиваться къ голосамъ, говорившимъ нѣчто иное. Въ это время, помимо семейнаго горя, Зоѣ пришлось вынести серьезное столкновеніе въ стѣнахъ гимназіи. Здѣсь у нея было двѣ подруги: Леля Крапивина и Ирманъ. Онѣ любили Зою и пользовались ея добротою и щедростью, но въ то же время первыя пустили слухъ, что Зоя—дочь того Сорохтина, который сидитъ въ тюрьмѣ и будетъ сосланъ въ Сибирь... Ирманъ знала это навѣрное. Ея отецъ служилъ чѣмъ-то въ окружномъ судѣ и говорилъ за обѣдомъ мамѣ. Дѣвочки повѣрили, зашумѣли, заволновались и Зою осыпали вопросами. «Дочь каторжника», «каторжница»,—эти слова бросила какая-то злая лѣнтяйка и, хотя ее примѣрно наказали, кличка осталась.

Тутъ узнала Зоя цѣну дружбы, узнала, на что способны, не злыя въ сущности, но глупыя дѣвочки. Однѣ подчинялись Ирманъ, другія повиновались родителямъ, приказавшимъ не знакомиться богъ вѣсть съ кѣмъ, третьи негодовали, что Зоя смѣетъ важничать... Много горькаго испытывала дѣвушка въ этотъ годъ и, наконецъ, какъ-то сказала Костѣ. Тотъ вспыхнулъ отъ негодованія за такую травлю, хотѣлъ жаловаться, писать въ газетахъ, но Вѣра сказала:

— Пустяки, просто перевести ее въ другую гимназію и конецъ...

— Можетъ выйти и держать экзаменъ,—замѣтила Ольга Арсеньевна.—Не все равно...

Но Зоя не согласилась. Она рѣшилась остаться въ этой

Digitized by Google

гимназіи, стала носить свою новую фамилію, Юрьевой, и прекрасно занималась, не обращая вниманія на товарокъ, желавшихъ примириться. Теперь она сознательно выдерживала характеръ, ни съ кѣмъ не сходясь и ни съ кѣмъ не враждуя. Но какъ она обрадовалась, когда окончился этотъ искусъ, съ какимъ восторгомъ шла на курсы, гдѣ никто не будетъ знать, что она Сорохтина, ставшая Юрьевой, незаконная дочь чуднаго человѣка, сгубленнаго врагами.

И, дѣйствительно, изо всѣхъ товарокъ по гимназіи, на курсахъ оказалась только одна Ирманъ, полу-еврейка, полу-русская. Зоя смѣло подошла къ ней.

— Вы можете вредить мнѣ лично, сколько вамъ угодно,— сказала она,—но я васъ прошу...

Голосъ Юрьевой зазвенѣлъ. Ирманъ, успѣвшая поумнѣть и сознать свою неправду, порывисто протянула ей руки.

— Будемъ друзьями. Прости меня...

— Но я прошу,—заключила Зоя,—пощадите тѣхъ, кого я люблю... Моя фамилья Юрьева... Забудьте, что вы знали ту, прежнюю...

— Честное слово! О, конечно! Еще бы! Развѣ я не понимаю... Честное слово даю...

Зоя пожала руку бывшему врагу, но горячность, съ которою Ирманъ обѣщала хранить тайну, не понравилась ей.

«Не воображаетъ ли она, что я... я стыжусь фамиліи моего отца»? съ досадой думала Зоя, по прежнему мечтая «пострадать» ради своего милаго папы.

Ореолъ терзаній Сорохтина, его трагическая смерть, все прошлое—дѣлали Юрія Андреевича какимъ-то мученикомъ въ глазахъ пылкой Зои, и она обожала, она поклонялась его памяти.

V.

Котлубаевы жили довольно богато по внѣшности, такъ какъ прежняя обстановка еще сохранялась. Новыхъ вещей они не покупали, снисходительно замѣчая, что «папà такой оригиналъ»... Онъ привыкъ къ прежнимъ болѣе покойнымъ кресламъ и диванамъ, и станетъ тосковать, какъ ребенокъ. Нужно покоряться...

Digitized by Google

Зою поразили и квартира, и обстановка. Чѣмъ-то старымъ, ветхозавѣтнымъ пахнуло на нее, пока она ожидала въ гостинной выхода хозяйки. Малиновая мебель краснаго дерева, громадныя зеркала, старинный, стоившій большихъ денегъ, рояль, жардиньерки, коверъ,—все было такое древнее, что Зоѣ казалось, будто она очутилась въ провинціи, въ забытой усадьбѣ, далеко отъ столицы съ ея модами и прихотями.

Изъ дальней комнаты слышался мужской кашель, старческій и упорный, способный разстроить нервы, а изъ другаго конца квартиры доносился звукъ скрипки. Кто-то игралъ, и игралъ очень хорошо,—съ чувствомъ исполняя одну изъ старинныхъ итальянскихъ мелодій прошлаго вѣка.

Дѣвушка прислушалась. Ей вспомнилось, что она слышала эту пьесу, давно, въ счастливое время юности. Папа взялъ ее на какой-то концертъ... Тамъ играли любители-дѣти и виртуозы-юноши. Было удивительно хорошо и весело. Послѣ концерта танцовали... Папа хвалилъ хоръ дѣтей, восхищался солистами, а когда они ѣхали домой, сказалъ задумчиво:

— Будетъ ли у тебя какой нибудь талантъ?.. Ты чѣмъ хочешь быть? А?

— Актрисой... Савиной!

— Только не актрисой, дѣтка... Нѣтъ, нѣтъ! Лжи тамъ много, да ты и не справишься. Съ твоей натурой...—Онъ задумался. — Пѣвицей, художникомъ, да, пожалуй. Надо тебя учить на скрипкѣ играть. Вотъ и будешь, какъ тотъ юноша, пожинать лавры... Хочешь?

Эта ласкающая мелодія напомнила такъ много послѣдующихъ эпизодовъ, что Зоя не слыхала, какъ передъ нею очутилась хозяйка дома.

— M-elle Юрьева? Васъ зовутъ?..

— Зоя Юрьевна,—краснѣя, отвѣчала дѣвушка, зная, что сходство отчества и фамиліи всегда наводитъ на непріятное подозрѣніе.

— Меня зовутъ Марья Львовна, такъ легче говорить,—пояснила Котлубаева и крѣпко пожала руку Зои.

— Васъ рекомендуетъ моя хорошая знакомая и я буду очень рада, если... Можно взглянуть на вашъ дипломъ?

Зоя подала ей оба диплома и Марья Львовна съ интересомъ разсматривала ихъ.

Digitized by Google

Котлубаева была лѣтъ 28—9, блондинка, съ черными большими глазами, очень изящной формы. Она была близорука или усвоила дурную привычку, но постоянно щурила глаза, отъ чего на вискахъ появились мелкія морщинки.

Высокая, стройная, съ задумчивымъ, даже печальнымъ выраженіемъ лица, Марья Львовна очень понравилась Зоѣ. Ей казалось, что у этой дѣвушки есть своя жизнь и есть горе, никому не извѣстное, но тяжелое, раньше времени согнавшее румянецъ со щекъ.

— Я не знаю, сойдемся ли мы въ условіяхъ,—сказала Котлубаева, возвращая дипломы.—Какая вы ученая... сколько труда потратили... Да, конечно, вы имѣете право получать высокую цѣну.

«Торговаться надо. Всѣ они, господа, хитрые», вспомнила Зоя слова Кости и она поспѣшила пренебречь его совѣтомъ, спросивъ:

— Скажите, съ кѣмъ заниматься? Какіе предметы... сколько времени? Постоянный урокъ или временный?

— Временный!—серьезно отвѣчала Марья Львовна.—Это вамъ неудобно, понимаю, но... У меня большое знакомство и если... Однимъ словомъ, я могу васъ рекомендовать.

— О, это мнѣ все равно! Уроковъ можно достать всегда: и по газетамъ, и такъ... Я не боюсь... Мнѣ хотѣлось знать подробности.

— У меня гоститъ племянница, Наташа. Она до весны останется... Дѣвочкѣ 10 лѣтъ.

Котлубаева просто и правдиво сообщала всѣ подробности, не скрывая, что Наташа лѣнива, разсѣянна и страшно избалована матерью. Теперь ея мать за границей, а весной возьметъ дѣвочку и поѣдетъ въ деревню или опять на воды.

— Можетъ быть, и вы даже согласитесь поѣхать съ нею,— добавила Марья Львовна, желая подкупить дѣвушку, которая ей очень нравилась.

— Трудно такъ далеко загадывать... Да я и не хотѣла бы уѣзжать изъ Петербурга...

— У васъ есть родные?

— Да, мама, сестра, братъ...

«Не стану говорить ничего больше»! мысленно рѣшила Зоя и добавила:

Digitized by Google

— Какое время вамъ удобно?

Марья Львовна задумалась. Ей хотѣлось имѣть особу, которая отдавала бы имъ весь день, но гонораръ могла предложить весьма малый, и это смущало ее. Попадись одинокая дѣвушка,—можно прельстить обѣдомъ, завтракомъ, а тутъ своя семья; въ обѣдѣ не нуждается.

Условія времени оказались подходящими. Два часа занятій, отъ 5—7 ч., и два раза въ недѣлю отъ 3—5 ч. побыть съ Наташей или почитать папашѣ, который плохо видитъ. Теперь нужно рѣшить, какой гонораръ?

— Скажите лучше вашу цѣну,—нѣсколько смущаясь и прищуривая глаза, вымолвила хозяйка.

— Я не знаю средствъ ни вашихъ, ни вашей сестры...

— Моей кузины,—поправила Марья Львовна.—Но не все ли это равно? *Вашъ* трудъ... Во что вы цѣните ваше время... наконецъ, сколько вы получаете въ другихъ мѣстахъ? Вы живете далеко?—быстро спросила она.

— На Таврической.

— Это тамъ, далеко, подъ Смольнымъ?!. Ну, тогда, конечно, вамъ нельзя. Такая даль!..

И улыбаясь, отъ чего ея лицо дѣлалось еще симпатичнѣе, Котлубаева добавила:

— У меня была сегодня одна: живетъ на Островѣ... Она на извощика считаетъ 30 рублей, да за урокъ столько же... Я не могу!

— А сколько же *вы* ей предложили?—торопясь окончить непріятную торговлю, быстро спросила Зоя.

— Ну... 25 руб. Больше не могу!

— А это... Не много будетъ?—просто вымолвила Юрьева.

— Что? Что такое? *Вы* спрашиваете: не много ли 25 рублей?

Обѣ дѣвушки, пожилая сравнительно, и, по неволѣ болѣе практичная, улыбаясь, глядѣли одна на другую.

— Нѣтъ, совсѣмъ, совсѣмъ не много! Я думаю, что вамъ будетъ невыгодно... Далеко ходить.

— Въ такомъ случаѣ, я готова... Когда начать уроки? Завтра можно? Отлично!—говорила она, принимая молчаніе Котлубаевой за согласіе.—А насчетъ чтенія вашему отцу, вы не стѣсняйтесь.. Я могу каждый день приходить пораньше и читать... Я очень люблю читать вслухъ.

Digitized by Google

— Какая вы... хорошая!—искренно и тепло вырвалось у Марьи Львовны.—Я думаю, мы сойдемся съ вами.—Она протянула руку Зоѣ, но дѣвушка, вспомнивъ, что входитъ въ домъ съ обманомъ, скрывая свое настоящее званіе безправной,—удержалась отъ порыва обнять симпатичную хозяйку.

Она взглянула ей прямо въ глаза, улыбнулась и, отвѣчая на пожатіе, прошептала:

— У меня много свободнаго времени... А ходить далеко я не боюсь.

Котлубаева позвонила. Явился деньщикъ и Марья Львовна приказала позвать Наташу. Будущая ученица понравилась Зоѣ. Свободная, веселая, она вбѣжала въ комнату, присѣла незнакомкѣ, но, узнавъ, что это—учительница, слегка задумалась.

— Я буду внимательна,—сказала она,—только, m-elle, не кричите на меня, если можно... Когда закричитъ дѣдушка, или дядя Поль, или мама, я .. испугаюсь и все забываю... Тетя Маня спрашиваетъ, я все помню и знаю, а когда учительница,—забываю. А они думаютъ, что я нарочно... Тетя, скажи m-elle...

— Да, она очень нервная,—подтвердила Котлубаева и добавила по французски, что отецъ Наташи окончилъ жизнь самоубійствомъ, а мать—истеричная.

VI.

Урокъ назначенъ былъ на завтра, и Зоя могла вернуться домой, но ей незачѣмъ было спѣшить. Дѣвушка пошла по Ивановской, соображая, что теперь можетъ застать свою пріятельницу, бывшую курсистку, вышедшую замужъ за доктора Тарховскаго. Анна давно звала ее къ себѣ, но Юрьевой не удавалось быть въ этихъ краяхъ, а идти нарочно, въ гости, казалось страннымъ. Зоя еще сравнительно недавно почувствовала себя свободной отъ опредѣленныхъ занятій. Раньше все ея время было разграничено и только по воскресеньямъ она могла дѣлать, что хочется. Но по воскресеньямъ Костя бывалъ дома, а, слѣдовательно, уходить являлось неудобнымъ. Они любили читать, бесѣдовать и спорить какъ два симпатизирующіе другъ другу, но во многомъ несогласные люди.

Digitized by Google

— Ахъ, еслибы ты не была такая фантазерка, изъ тебя вышелъ бы толкъ!—говорилъ Костя.

— Меня возмущаетъ твоя практичность, возражала въ свою очередь Зоя, но вмѣстѣ съ тѣмъ самое несходство характеровъ влекло ихъ другъ къ другу.

Совѣтоваться—Зоя всегда шла къ Костѣ, а тотъ, въ рѣдкія минуты молодаго увлеченія, спѣшилъ ей разсказать свои думы, планы и мечты. Знакомые новой формаціи считали ихъ влюбленными, пожалуй, даже обрученными, такъ какъ не знали, есть ли между ними узы родства. Ольга Арсеньевна и Вѣра, упорно скрывавшія свою прикосновенность къ дѣлу Сорохтина, говоря съ новыми знакомыми, называли Костю то жильцомъ, то дальнимъ родственникомъ, а прежніе знакомые совершенно исчезли...

Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, очень легко затеряться. Перемѣнились обстоятельства, переѣхалъ человѣкъ на другой конецъ города и можно десятки лѣтъ не встрѣчать былыхъ друзей, не посѣщая, конечно, тѣхъ пунктовъ, гдѣ всѣ сходятся. Подъ именемъ Зои Юрьевой никому бы и въ голову не пришло искать дочь извѣстнаго въ свое время Сорохтина. Одни помнили, что былъ какой-то процессъ, другіе знали и про осужденіе, но очень, очень немногіе сохранили воспоминаніе о всей драмѣ съ трагическою смертью въ заключеніе.

Оттого-то Ольга Арсеньевна и Вѣра, а отчасти и Костя, желали, чтобы фамилью Сорохтина не произносили въ ихъ семьѣ, точно также, какъ фамилію Роде. Квартира была нанята на имя Вѣры Юрьевой, и подруга богатаго дѣльца, Ольга Арсеньевна Роде, тоже какъ бы исчезла изъ Петербурга.

Зоя робко позвонила у дверей Тарховскихъ. На огромной хорошо вычищенной доскѣ, стояла надпись: докторъ медицины, Сергѣй Михайловичъ Тарховскій. Пріемъ тогда-то. «Бѣдные ежедневно отъ 8—10 ч. безплатно». Эта маленькая строчка подкупила Зою въ пользу пріятельницы. Вообще, ко всѣмъ новымъ знакомымъ дѣвушка относилась очень симпатично, вѣрила тому, что говорилось, и, только убѣдившись въ отрицательныхъ фактахъ, круто измѣняла свое мнѣніе. Зою называли перемѣнчивой и часто бранили за непонятное для другихъ охлажденіе, но она была слишкомъ правдива, чтобы притворяться. Нравился ей человѣкъ,—она не скрывала симпатіи, но,

Digitized by Google

разочаровываясь, отходила въ сторону, не сообщая никому своихъ наблюденій и выводовъ. «Пусть обжигаются сами»! строптиво рѣшала она, убѣдившись, что чужому мнѣнію все равно не повѣрятъ...

— Анна Дмитріевна дома?

Очень благообразный лакей, отворившій ей двери, отвѣтилъ утвердительно. Онъ спросилъ, какъ доложить объ ней, но едва Зоя назвала свою фамилью, какъ дверь залы распахнулась и сама хозяйка выбѣжала къ ней.

— Юрьева, милая! Вотъ хорошо! Пойдемъ... пойдемъ. Какъ кстати... У насъ гости... завтракаемъ? Сережа «птичку» спрыскиваетъ... Сережа... Савурскій... Сюда!..

Въ дверяхъ появились докторъ въ военномъ мундирѣ, съ блестящимъ значкомъ, и высокій рослый брюнетъ, съ курчавою бородой.

— Сережа! Савурскій! Да помогите же ей!—шумѣла Анна, непривычно,—какъ показалось Зоѣ,—веселая и оживленная, суетясь, но ничего въ сущности не дѣлая.—Ахъ, какіе вы... мямли!.. Пойдемъ, пойдемъ, Юрочка... Это она, господа, моя пріятельница, Юрьева! Помните, я говорила объ ней. Ученая она, у, у... какая ученая!

Хорошенькая и пикантная Анна очевидно чувствовала, что ее любятъ и восхищаются, находя милымъ все, что она дѣлаетъ. Это замѣчалось въ ея игривой шаловливости, въ звонкомъ смѣхѣ, въ дѣтской манерѣ поджимать губы или дѣлать гримаски.

Въ залѣ, куда Анна провела Зою, хозяйка дома представила пріятельницѣ мужчинъ, съ комическою важностью называя каждаго.

— Мой собственный супругъ... Сергѣй Михайловичъ Тарховскій, называется Сережкой. Чудный докторъ! Въ три дня моритъ людей или излѣчиваетъ... смотря по надобностямъ... наслѣдниковъ...

— Анна! Такъ рекомендовать!

— Не нравится?!. Что дѣлать... Правда!.. А это,—продолжала молодая женщина прежнимъ тономъ,—Левъ Даниловичъ Савурскій... Понимаешь, *самъ* Савурскій! Нашъ извѣстный, нашъ талантливый, нашъ... и такъ дальше...

Всѣ смѣялись, пожимая руку Зои. Изъ столовой вышло еще два господина, но тѣхъ Анна представила очень просто:

Digitized by Google

— Хохловъ... Барышовъ... Добрые ребята, но пальца въ ротъ не клади!

— Откушу обязательно, если палецъ выросъ на хорошенькой ручкѣ,—поддакнулъ Барышовъ, а Хохловъ только улыбнулся.

— «Законъ... законъ, законъ себѣ поставимъ... для ра, для ра, для радости лишь жить»!—басилъ кто-то въ столовой и всѣ засмѣялись, а докторъ сказалъ:

— Коробочку-то мы и забыли!

— Коробочка, сюда! Васъ нужно!—звонко крикнула Анна.

Переваливаясь, выплылъ изъ столовой грузный господинъ, съ отвислыми щеками, двойнымъ подбородкомъ и съ жидкою растительностью на блѣдно-желтомъ лицѣ.

— Г. Коробовъ! Персона, другъ и покровитель молодыхъ талантовъ. Хорошій человѣкъ, но... золъ, скупъ и грубъ!—лукаво подмигивая, говорила Анна.

Всѣ захохотали особенно громко, съ оттѣнкомъ льстивости; а Тарховскій на мгновенье тревожно взглянулъ въ лицо «Коробочки». Онъ боялся: не пересолила ли Анна, не обидѣлся ли Коробовъ, нужный, вліятельный человѣкъ, играющій съ нимъ въ дружбу, послѣ того какъ молодому врачу удалось спасти его отъ смерти. Семенъ Семеновичъ принадлежалъ къ послѣднимъ представителямъ вымирающаго типа самодуровъ, способныхъ озолотить или проглотить человѣка, смотря по настроенію.

Но Анна умѣла вліять на «Коробочку». Она познакомила его съ Юрьевой и, взявъ подъ руку Зою и Семена Семеновича, направилась въ столовую.

Молодая дѣвушка успѣла проголодаться, а на столѣ стояли всякія прелести гастрономическаго свойства, любимыя Зоей съ давнихъ поръ. Анна и ея мужъ усердно угощали Юрьеву, и Зоя, просто, но изящно, съ видимымъ тактомъ и умѣньемъ, кушала различные примѣры.

— Не хотите ли устрицъ?—предложилъ докторъ. Гости переглянулись. Они помнили, какъ трудно было пріучить Анну ѣсть эти деликатесы, и думали, что Зоя откажется.

— Какая прелесть! Пожалуйста!

Ловко, какъ опытный любитель, Юрьева ѣла устрицы, болтая и смѣясь въ этомъ миломъ обществѣ, гдѣ къ ней отнеслись всѣ такъ дружески-любезно. Коробовъ стоялъ въ сто-

Digitized by Google

ронѣ и наблюдалъ за Зоей. Она ему положительно нравилась; эта оригинальная дѣвушка съ курчавой головкой, просто, но крайне изящно державшаяся, свободная, и въ то же время хорошо воспитанная.

— Ваше здоровье!—поднимая бокалъ, сказалъ Коробовъ, обращаясь къ Зоѣ.—За здоровье молодой дѣвушки, умѣющей кушать устрицы. Ура!

— Ура, ура! Слава!

Юрьевой было и стыдно, и... пріятно.

Завтракъ прошелъ очень весело.

Присутствіе хорошенькой женщины всегда бодритъ общество мужчинъ, возбуждая соревнованіе въ остроуміи, и хотя Анну всѣ любили, но все таки появленіе молодой, изящной и, главное, красивой дѣвушки придало особый интересъ.

За Зоей ухаживали, старались угадать, но въ то же время смутно сознавали, что она принадлежитъ къ иному типу, не похожему на Анну.

Шутки перемѣшивались съ серьезными рѣчами и, мало по малу, заговорили о литературѣ и театрѣ, о музыкѣ, о публичной лекціи, только что прочитанной въ Соляномъ городкѣ. Разговоръ направлялъ Савурскій.

Онъ бесѣдовалъ съ другими, но, видимо, желалъ опредѣлить, чѣмъ или кѣмъ увлекается Зоя.

Современныя барышни—Левъ Даниловичъ былъ очень опытенъ по этой части,—несомнѣнно имѣютъ своего идола.

Влюбленныя въ Фигнера увлекаются оперой, обожающія Аполлонскаго бредятъ драмой и т. д., измѣняя одному кумиру для другаго и утѣшаясь, въ концѣ концовъ, возможностью выйти замужъ за кого бы то ни было, но только за человѣка съ положеніемъ.

Савурскаго и Коробова заинтересовала «новенькая». Она была «курсистка» и «барышня изъ общества»,—т. е. представляла двойной интересъ.

«Мужнія жоны» и «пѣвички», — уже надоѣли имъ и оба они были очень довольны, что «докторица», какъ шутя называлась Анна, нашла имъ такую «цацу».

Они не знали, что Зоя зашла случайно, потому что Тарховская давно уже обѣщала познакомить ихъ «со своею пріятельницей, студенточкой», никого въ сущности въ виду не имѣя.

Digitized by Google

Вообще Анна ревниво оберегала свое положеніе общаго баловня въ кружкѣ добрыхъ знакомыхъ, но такъ или иначе, а нужно было ей допустить какую нибудь подругу или пріятельницу.

«Зоя подходящая»!—соображала молодая женщина. «Надо ее приручить... приласкать. Пусть почаще бываетъ... Ей веселѣе будетъ, да и мнѣ удобнѣе, чѣмъ одной»!

Невинность и довѣрчивость Зои облегчала планъ Тарховской, и пока дѣвушка спокойно и серьезно отвѣчала Савурскому на вопросы о свой дѣятельности, «докторица» начала дѣйствовать.

— Развѣ ты даешь уроки? Вотъ охота! Да это — пытка, Юрокъ мой!..

— Нисколько не пытка,—возразилъ ея мужъ.—Я, студентомъ и гимназистомъ, тоже занимался уроками и, собственно говоря...

— Ахъ, ты мужчина! Это другое дѣло. Намъ же и платятъ меньше, и требуютъ больше... Женскій трудъ...

Зоѣ показалось, что на нее смотрятъ съ сожалѣніемъ, считаютъ несчастной неудачницей,—и породистая кровь Сорохтина закипѣла въ ея жилахъ.

— Я имѣю сравнительно хорошіе уроки... Рублей на пятьдесятъ въ мѣсяцъ...

— На пятьдесятъ? Это цѣлый мѣсяцъ труда!—воскликнула Анна, мелькомъ взглянувъ на остатки завтрака, тоже стоившаго рублей пятьдесятъ.—Хорошъ заработокъ! Нѣтъ, женскій трудъ непростительно эксплуатируется.

— Нельзя сравнивать, Анюта,—возразилъ докторъ, подмѣтившій взглядъ жены.—Мы учимся 16—20 лѣтъ и, конечно, представляемъ извѣстный капиталъ... Для женщины зарабатывать 50 р. это очень, очень хорошо...

— На перчатки хватитъ,—шутливо подхватилъ Коробовъ.—У меня знакомая есть, такъ ей нужно въ мѣсяцъ двѣ дюжины...

— Ну, это пустяки. Дюжины—за глаза довольно!..

На одномъ концѣ стола спорили, сколько надо «хорошо воспитанной» женщинѣ перчатокъ въ мѣсяцъ, а Савурскій, облокотившись одною рукой на столъ, сидѣлъ, обернувшись къ Зоѣ, и говорилъ съ нею довольно тихо.

Digitized by Google

— Не бываете на симфоническихъ? Но я васъ видѣлъ... видѣлъ... Гдѣ—не помню... отлично помню лишь ваше лицо... У васъ нѣтъ брата? Старшаго?

— Есть, т. е. нѣтъ,—поправилась Зоя,—роднаго нѣтъ... Дальній, троюродный... Только мы не похожи...—И дѣвушка покраснѣла, сообразивъ, что, говоря такимъ образомъ, она точно отрекается отъ Кости.

— Да, но я помню... Можетъ быть, вы бываете въ судѣ? Не интересуетесь уголовными процессами? Нѣтъ?

Зоя встала изъ-за стола. Разспросы Савурскаго начинали ее безпокоить. «Вѣроятно, онъ зналъ папу и во мнѣ видитъ сходство... Я бы сказала ему прямо, но... здѣсь неудобно», думала дѣвушка и опять ей вспомнилось, что практическіе и горячо возмущавшіе ее совѣты матери и сестры оказываются пригодными... «Да, *неудобно* называть себя дочерью Сорохтина»!

— Я недавно окончила курсы и не имѣла времени бывать ни въ концертахъ, ни въ судѣ... Меня очень интересуетъ и то, и другое... Какъ будетъ громкое дѣло, непремѣнно пойду...

— И я съ тобою, Юрокъ! Пойдемъ слушать Савурскаго... Ахъ, какъ онъ говоритъ, какъ говоритъ! Скоро будетъ что нибудь эффектное?

Анна бросила вопросъ, но отвѣта не слыхала. Коробовъ сказалъ что-то забавное и всѣ поспѣшили засмѣяться, всѣ, кромѣ Савурскаго, тоже представлявшаго изъ себя извѣстную единицу. Коробовъ пользовался значеніемъ, благодаря богатству, родовому и нажитому собственною головой; Савурскій всего добился самъ, талантомъ, энергіей и поразительною силой воли, и, какъ всѣ люди, завоевавшіе положеніе съ большимъ трудомъ, ставилъ себя выше всѣхъ. Левъ Даниловичъ не любилъ Коробова и при случаѣ не прочь былъ поязвить толстокожаго богача, но Семенъ Семеновичъ былъ человѣкъ нужный, и адвокатъ многое прощалъ ему, утѣшаясь надеждой, что они еще посчитаются.

На глазахъ Савурскаго случалось столько катастрофъ... Крезы превращались въ нищихъ, а бѣдняки начинали княжить... Кто знаетъ, чѣмъ кончитъ Коробочка, способный одинаково и унижать и унижаться?

Анна любила говорить и возбуждать вниманіе, но слушать

Digitized by Google

не умѣла... Когда Савурскій хотѣлъ отвѣтить на ея вопросъ, веселый голосокъ молодой женщины звенѣлъ уже на другомъ концѣ комнаты. Хохловъ, обиженный невниманіемъ хозяйки, вздумалъ уходить и Анна удерживала его, говоря громко:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставайтесь. Не пущу! Я прошу... я разсержусь!—тихо шепнула она и, отнимая шляпу, пожала руку молодаго человѣка.

Новичокъ въ дѣлахъ любовной игры, Хохловъ тревожно оглянулся. Онъ боялся, что мужъ замѣтилъ что нибудь, но Тарховскій громко разсказывалъ какой-то случай изъ своей практики.

— Вы любите... вамъ нравится педагогія? — спрашивалъ между тѣмъ Савурскій.—Мнѣ хочется знать: вамъ *нужно* давать уроки, или эта профессія вамъ симпатична?

— Нѣтъ, не особенно люблю... Нужно!—правдиво отвѣтила Зоя, сама удивляясь своей откровенности. Другимъ—она отвѣчала бы условною правдой, но Левъ Даниловичъ видимо серьезно интересовался ея личностью.

— Я такъ и думалъ... Да, да, конечно, такъ и быть должно.

— Отчего? Я осуждаю себя, стараюсь выработать любовь къ этому дѣлу. Отчего вы угадали?

— Вы такъ молоды. Вамъ самой еще хочется учиться, читать, жить, а тутъ... Надо всю себя отдать сухому занятію. И развѣ можно выработать любовь? Она есть или нѣтъ ея... Нѣтъ, напрасно вы...

Савурскій говорилъ просто, какъ старый знакомый. Зоѣ нравилась его манера, и она невольно поддалась его обаянію, стала искреннѣе. Остальные гости шумѣли и хохотали. Ихъ разговоромъ никто не интересовался.

— Я хочу и должна зарабатывать деньги. Мое образованіе стоило такъ дорого, да и наконецъ не стану я жить на чужой счетъ!

— Вамъ лѣтъ восемнадцать?

— Двадцать одинъ, т. е. почти... Скоро будетъ.

— А какъ вы смотрите на службу въ конторѣ, въ правленіи желѣзной дороги?

— Ну, это такое счастье, о которомъ и мечтать не смѣешь!

— Такъ что вы бы хотѣли?..

Digitized by Google

— Еще бы! Обезпеченный заработокъ и свободные вечера... Я знаю стенографію, языки, могу имѣть вечернія занятія.

Глаза Зои заблестѣли отъ радостнаго ожиданія. Неужели нынче такой счастливый день? Этотъ Савурскій очень внимателенъ. Можно похлопотать... Левъ Даниловичъ ехидно усмѣхнулся и, наклонясь къ дѣвушкѣ, прошепталъ:

— Скажите два слова Коробову... Онъ сила! Все отъ него зависитъ. Любезный онъ человѣкъ...

Зоя отодвинулась. Ея лицо стало холодно.

— Я не нуждаюсь въ протекціи г. Коробова... У меня есть уроки. Я говорила вообще, между прочимъ...

Савурскій съ восторгомъ взглянулъ на Зою. Онъ привыкъ встрѣчать иное отношеніе. Не только женщины, но даже мужчины хватались за всякую протекцію и кумовство, а тутъ бѣдная дѣвочка и такъ горда... Да, въ ней есть что-то свое, недюжинное.

Юрьевой стало досадно на себя. Она не умѣла выдержать характера и чувствовала, что разсуждать о принципахъ и порицать людей гораздо легче, чѣмъ быть стойкой.

Въ теченіе этого дня она нѣсколько разъ измѣняла себѣ и ей было стыдно, почти больно.

— Мнѣ пора,—сказала Зоя, подходя къ хозяйкѣ и протягивая руку.—Позволь тебя поблагодарить и проститься... Меня ждутъ дома...

Анна стала шумѣть, уговаривать и просить, но Зоя не уступала. Всѣ молча слушали этотъ поединокъ, любуясь двумя хорошенькими женщинами.

Докторъ помогъ Юрьевой.

— Зоя Юрьевна—человѣкъ дѣловой, и если ей надо, такъ надо. Не задерживай ея, Анюта. Она лучше пожалуетъ къ намъ еще разъ и поскорѣе. Да? Пожалуете? У насъ субботы...

— Да, да, я жду тебя непремѣнно, Юрокъ!—повинуясь словамъ мужа, сказала Анна.

Простившись съ хозяевами и поклонившись гостямъ, Зоя ушла съ тяжелымъ ощущеніемъ на душѣ.

Отчего измѣнилось ея настроеніе, она и сама не знала...

VII.

Уроки и чтеніе старику Котлубаеву были очень пріятны Зоѣ Юрьевой. Съ Маріей Львовной онѣ симпатизировали одна

Digitized by Google

другой, хотя видѣлись урывками. Котлубаева говорила, что отецъ въ восторгѣ отъ чтенія Зои, и сердечно благодарила за то, что дѣвушка такъ любезно тратитъ лишнее время.

Къ себѣ, на jour fix'ы, она не приглашала, и Зоя была очень довольна тактичностью молодой хозяйки. Мысленно дѣвушка рѣшила не бывать ни у Котлубаевыхъ, ни у Тарховской, находя, что это не ея общество... Она долго и много размышляла объ Аннѣ и пришла къ заключенію, что тамъ, въ семействѣ доктора, есть что-то странное...

Что именно, она не могла опредѣлить, но во всякомъ случаѣ, разсказывая Костѣ о своемъ посѣщеніи, умолчала обо многомъ.

Мама и Вѣра ежедневно разспрашивали о жизни Котлубаевыхъ, интересуясь, какъ одѣвается Марья Львовна, много ли прислуги, какая сервировка и т. д., и Зоя, скрѣпя сердце, должна была сообщать каждую мелочь.

Ее раздражала такая бѣдность интересовъ, но когда онѣ начинали жаловаться на тоску или проклинать свою жизнь, дѣвушка спѣшила развлечь ихъ.

Вѣра нашла себѣ дѣло и теперь часто бывала внѣ дома. Она поступила на кулинарные курсы, такъ, просто, безъ всякой опредѣленной цѣли, чтобы было куда уходить.

Ее томила тоска и неумѣнье взяться за дѣло.

— Буду ходить на курсы, хоть знакомыхъ себѣ заведу,— сказала Вѣра и, заложивъ нѣсколько золотыхъ бездѣлушекъ, заплатила за ученье.

Мѣсяцъ занятій Зои подходилъ къ концу и дома ожидали получки ею денегъ. Послѣднюю недѣлю не было дровъ, и будущій «мастеръ кулинарнаго дѣла», Вѣра, ворчала. Съ переводомъ Кости тоже случилась заминка. Издатель уѣхалъ въ Москву, а редакторъ не могъ или не хотѣлъ уплатить слѣдуемыхъ 24 рублей. Костя отрывался отъ занятій, бѣгая къ издателю, но все не заставалъ его дома. Онъ возвращался злой, раздражительный и придирался къ Зоѣ.

Наканунѣ своей получки, дѣвушка чувствовала себя очень пріятно. Наконецъ-то она внесетъ въ семью извѣстную сумму,— первыя деньги, заработанныя личнымъ трудомъ! Зоѣ очень хотѣлось сдѣлать подарки мамѣ, Вѣрѣ и Костѣ. Такъ, мелочь какую нибудь... Себѣ она должна купить сапожки... Надо бы

Digitized by Google

перчатки, ну, да можно подождать. Отъ Котлубаевыхъ она получитъ 25 р. и 15 р. отъ Лугинскихъ. Цѣлое состояніе. Костя вноситъ за себя 25 р. и мама находитъ, что это «очень много»... Довольна, значитъ! Слѣдовательно, если Зоя внесетъ 30 р., мама найдетъ достаточнымъ. А на *свои* десять рублей Зоя можетъ побаловать домашнихъ. Во всякомъ случаѣ, дѣвушка рѣшила посовѣтоваться съ Костей. За послѣднее время они какъ-то мало бывали вмѣстѣ. Зоя возвращалась домой поздно, да и, кромѣ того, удивительная новость—Вѣра стала приходить въ комнату Кости. Прежде—Вѣра недружелюбно относилась къ Костѣ, а теперь они стали сближаться.

— Можно къ тебѣ?—спросила Зоя, стукнувъ въ дверь.

Молодой человѣкъ лежалъ на диванѣ; въ комнатѣ было темно; свѣтъ падалъ узкой полосою изъ окна, выходившаго въ переднюю.

— Извини... Я ужасно усталъ.

— Лежи, Костя!.. Мнѣ поговорить хотѣлось.

— Не стану я лежать при тебѣ,—вѣжливо, но далеко не мягко, отвѣчалъ Костя, лѣниво поднимаясь съ дивана.

Зоя поняла, что выбрала неудобную минуту. У Кости бывало настроеніе, когда онъ во всемъ начиналъ противорѣчить, точно практикуясь въ искусствѣ говорить за и противъ, какъ понадобится... Онъ готовился быть адвокатомъ и любилъ иногда устраивать такія пробы, доводя Зою до отчаянья, защищая то, что всегда отрицалъ. Дѣвушка терялась, горячилась, не понимала и допытывалась: шутитъ онъ или измѣнилъ свое мнѣніе. Ея пылкость забавляла Костю, и онъ дразнилъ ее, а потомъ, вдоволь измучивъ, заявлялъ:

— Я твердъ и непоколебимъ! Но я долженъ умѣть и доказывать, и отрицать. Кто больше дастъ, тому и служить надо...

Это была шутка, конечно, но Зоя горячилась и возмущалась, а Костя, со своею вѣчною усмѣшечкою, подъ которой скрывалась незрѣлая рѣшимость и на хорошее, и на дурное,—отшучивался. Въ сущности, ни Зоя, ни товарищи Кости не знали его убѣжденій, какъ не зналъ еще ихъ и самъ онъ, готовый отлиться въ ту или другую форму, смотря по обстоятельствамъ. При жизни Сорохтина, Костя началъ было являться тѣмъ безпокойнымъ протестантомъ, который ко всему отно-

Digitized by Google

сится съ критикой, все порицая и осуждая, но тогда—были независимыя средства, было положеніе... Еслибы Костя могъ остаться протестантомъ и играть роль демагога,—это больше нравилось бы ему, но въ жизни преуспѣвали практики, покорные и ловкіе, а Костя, алчущій богатства, бросался изъ стороны въ сторону. Сохранять внѣшнее свободомысліе, обдѣлывая свои дѣлишки,—среди молодежи неудобно. Наученные зрѣлищемъ горькаго опыта старшихъ, съ колыбели извѣрившіеся въ значеніе фразы—товарищи требовали «дѣла»... Но Костя не желалъ проявлять какой нибудь дѣятельности... У него на рукахъ была семья, о которой онъ долженъ заботиться, слѣдовательно,—онъ обязанъ учиться, а не заниматься политикой.

И все таки, часами или минутами, но прорывалась молодая удаль. Костя возмущался неправдою, низкопоклонствомъ и т. п. явленіями, посвящая Зою въ свои мысли.

Въ такіе дни Костя являлся въ глазахъ дѣвушки героемъ, мученикомъ идеи, и, сложивъ руки, она умоляла его беречь себя... Вѣдь она знаетъ, какой онъ отчаянный! Помнитъ его еще гимназистомъ, зачинщикомъ всякихъ новшествъ... За послѣднее время, молодаго человѣка все больше и больше одолѣвали мысли практическаго характера, но дѣлиться ими съ Зоей—являлось неудобнымъ. На такой почвѣ могло происходить сближеніе съ Вѣрой и съ Ольгой Арсеньевной, горячо одобрявшими все практичное, обѣщающее улучшеніе положенія. Слово «протестантъ» немного смущало Костю. Нѣкоторые изъ товарищей, считая его «своимъ», втягивали въ различныя затѣи, тогда какъ другіе юные практики имѣли основаніе видѣть въ немъ единомышленника. Ничего нечестнаго и дурнаго не существовало въ помыслахъ Кости, но не всѣ люди понимаютъ, что опредѣленныя убѣжденія въ наше время слагаются крайне медлительно... Прежде, юноша отдавался темпераменту, а потомъ уже подыскивалъ и находилъ основанія; теперь, малокровная молодежь долго примѣриваетъ, колеблется и... нерѣдко такъ и остается на распутьѣ...

Осторожность замѣняетъ пылъ; способность приспособляться является высшею мудростью...

Надо быть готовымъ носить и фракъ, и мундиръ, и блузу,—что придется... «Лишнихъ людей и безъ насъ много»,—говоритъ молодежь, стараясь быть, «какъ всѣ»...

Digitized by Google

— Такъ что же ты спрашивала? Сколько отдать въ семью? Ты получишь 40?.. Ну, 15 оставь себѣ...

— Я думаю десять оставить...

— Нѣтъ, нѣтъ, ты должна одѣться. Нельзя все въ одномъ платьѣ ходить... Въ ихъ обществѣ надо ставить себя выше. А что̀ насчетъ мѣста въ правленіи? Ты не узнавала еще?

— Я пойду надняхъ... Меня зоветъ Анна.

— Конечно, конечно. Какъ не поддерживать такое знакомство? Я слышалъ, у доктора Тарховскаго большая и хорошая практика... Да, вотъ что, ты не знаешь: онъ женатъ?

Зоя удивилась.

— Женатъ ли? Но вѣдь Анна...

— Не наивничай, Зоя. Не люблю! Я спрашиваю: женатъ ли законнымъ образомъ...

— Не знаю.

— Вотъ чудакъ-человѣкъ! Да неужели не видно? Кольцо носитъ онъ?

— Не замѣтила... Да не все ли равно, наконецъ. Оба они очень милые, приличные... Общество у нихъ хорошее,— добавила Зоя, вспомнивъ Савурскаго, который ей понравился.

— Я и не отговариваю тебя бывать у нихъ. Тебѣ нѣтъ дѣла, въ законѣ живутъ люди или нѣтъ, но *знать* нужно. И какъ ты не наблюдательна! Вѣдь это сейчасъ видно... Первое: если *она* за докторомъ ухаживаетъ, значитъ ея положеніе непрочно, сирѣчь не женаты... Второе: бываютъ у нихъ пожилыя дамы или больше мужское общество?

Зоя улыбнулась. Да, Анна видимо ухаживала за своимъ докторомъ больше, чѣмъ онъ за нею, а дамскаго общества у нихъ не было. Все таки дѣвушкѣ казалось страннымъ, чтобы Анна рѣшилась... Къ тому же, Анна называла доктора «мужемъ», держалась такъ гордо... Въ качествѣ современной дѣвушки, Зоя многое знала и понимала, и вовсе не разыгрывала роли «невинности», разсуждая о различныхъ вопросахъ,—но ее удивляла проницательность Кости.

— Мнѣ тоже все равно,—замѣтилъ Вронскій,—но только... Если они не женаты, можно ихъ немножечко... ну, эксплуатировать...

— Эксплуатировать?

— Ну, да, пожалуйста, не бойся словъ! Надо тебѣ Вѣру

Digitized by Google

познакомить съ ними, вотъ въ чемъ дѣло. Бѣдная Вѣра, вѣдь она просто съ ума сходитъ отъ тоски...

Ревнивое чувство зашевелилось въ душѣ Зои. Ей была непріятна заботливость Кости.

— Какъ ты сталъ внимателенъ...

Молодой человѣкъ отвернулся, скрывая смущеніе, но затѣмъ, съ привычною дерзостью, казавшеюся многимъ силой убѣжденія, сказалъ:

— Вѣра красива, умна, находчива... Они будутъ очень рады такой гостьѣ.

Вронскій говорилъ такимъ тономъ, будто онъ дѣлалъ одолженіе Аннѣ Тарховской, отпуская Вѣру бывать тамъ. Зоя вспыхнула.

— Надо знать: захотятъ ли они?..

— Это твое дѣло. Постарайся.

Юрьева молчала. Костя понималъ ея недовольство и опять, тономъ старшаго и непогрѣшимаго, добавилъ:

— Не развивай въ себѣ такого эгоизма, Зоя. Если тебѣ улыбается возможность заводить связи и выгодныя знакомства, надо думать и о сестрѣ. Наконецъ, ты сообрази: намъ же съ тобою будетъ легче. Теперь только мы съ тобою вносимъ въ семью, а пристрой Вѣру, и она тоже станетъ платить свою долю.

Все это было справедливо и практично, но не понравилось Зоѣ. Точно она будетъ тяготиться тѣмъ, что ея заработокъ пойдетъ въ семью! Знакомить Вѣру съ Котлубаевыми и съ Тарховскими—дѣвушкѣ не хотѣлось по другимъ основаніямъ. Она знала, что пойдутъ вѣчные пересуды, начнется бабья болтовня и разговоры, отъ которыхъ ей и теперь тошно дѣлается... Вѣра и мама обладаютъ искусствомъ проникать въ чужія души и выворачивать ихъ на изнанку, толкуя все вкривь и вкось. Но если знакомить Вѣру необходимо, то лучше съ Тарховскими... Семью Котлубаевыхъ Зоя сохранитъ для себя.

Вечеромъ, за чаемъ, опять поднялся тотъ же разговоръ. Костя видимо сообщилъ о немъ Вѣрѣ, и старшая сестра была особенно ласкова съ Зоей.

— Ты завтра непремѣнно получишь деньги?—спросила мать и добавила:—Мы уже третій день беремъ въ долгъ...

— Непремѣнно, мамочка. Лугинскіе и Котлубаевы отдадутъ завтра. О, какія богатыя мы будемъ!

Digitized by Google

— Богатыя!—съ горечью прошептала Ольга Арсеньевна.— А сколько намъ нужно...

Начали дѣлать счетъ и ужаснулись. Не только сорока, но даже 80 руб. не хватило бы, чтобы вновь заслужить право кредитоваться. Всѣ притихли. Невольно вспомнилось счастливое прошлое, когда всѣ потребности и прихоти удовлетворялись. «Надо сказать папѣ»... Говорили—и все являлось, какъ по волшебству?..

—Да, надо уплатить въ лавки, и жалованье прислугѣ, и въ булочную, но прежде всего тебѣ теплые чулки и калоши, мама. Это обязательно!—сказала Вѣра и гордо поглядѣла на всѣхъ, точно хвастаясь, что вотъ-де она одна вспомнила...

Но она только случайно предупредила Зою. Та рѣшила завтра же, изъ своего заработка, принести мамѣ въ подарокъ именно теплые калоши и чулки... Ей было жаль, что сестра какъ бы нарушила тайну, отняла прелесть сюрприза, но ничего не сказала. Молчаніе Зои поразило и мать, и сестру. По привычкѣ видѣть дурное въ непонятномъ, онѣ подумали, что дѣвушка становится скупа и эгоистична...

— Милая ты моя Вѣрушка! Заботишься о мамѣ! — порывисто сказала старушка

— Каждому свое, мама... Не умѣю говорить о любви, зато... умѣю любить!

И Вѣра быстро взглянула на Костю.

VIII.

Мари Котлубаева тревожно ходила по комнатѣ.

Сегодня надо заплатить по счету за сигары и вино для отца, надо отдать дѣчнику хотя 20 рублей, надо... Дѣвушка вспыхивала отъ ужаса при мысли о необходимости говорить съ поставщиками и стискивала до боли свои изящныя маленькія ручки.

— Что дѣлать? Что дѣлать? Господи, какое отчаянье? Какъ счастливы люди, имѣющіе право жить скромно, не обязанные скрывать своей нищеты, да, нищеты!.. Вѣдь мы нищіе, да, да, нищіе!—со злобою повторяла она.—Еще хуже... Тѣ могутъ руку протягивать, а мы—не смѣемъ!

Digitized by Google

Въ двери постучали. Вошелъ братъ Мари, гвардеецъ, служащій въ одномъ изъ неблестящихъ полковъ, некрасивый, но очень симпатичный молодой человѣкъ, лѣтъ 29. Павелъ Львовичъ былъ въ тужуркѣ, съ блестящимъ воротничкомъ и манжетами. Его черные волосы были гладко причесаны, усы закручены, точно онъ только что вернулся отъ парикмахера. Лицо молодаго поручика было озабочено, глаза смотрѣли устало.

Мари съ тоскою взглянула на брата. Она видѣла, что ему что-то нужно, что онъ пришелъ по дѣлу, но стѣсняется, потому что дѣло имѣетъ финансовую подкладку.

— У насъ *завтра* гости, Мари? Да? Кажется, завтра *наши* четвергъ?

— Завтра.

— Ага, такъ вотъ что, Мари, можно мнѣ позвать къ намъ Свентицкаго? Тотъ скрипачъ, о которомъ я разсказывалъ...

— Пожалуйста... Зови!

— Какъ ты странно говоришь, Мари! Точно ты недовольна чѣмъ-то.

— Недовольна?! Я погибаю, понимаешь, погибаю...

— Отчего? Что случилось? Ахъ, опять счеты...—добавилъ онъ, замѣтивъ на столѣ различныя записки.—И много?

Эти слова, вполнѣ естественныя, всегда возмущали Мари. Много ли?—спрашиваютъ отцы, мужья, братья,—и вынимаютъ изъ бумажника нужную сумму, но здѣсь нельзя было ожидать поддержки. Поль мужественно и честно боролся съ нуждой, стараясь ничего не брать изъ семьи. Онъ давалъ уроки гимнастики въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ и, въ качествѣ страстнаго любителя музыки, уклонялся отъ всѣхъ товарищескихъ кутежей. Молодой поручикъ тоже игралъ извѣстную роль, чтобы скрывать постигшую его отца бѣдность. Онъ прилично одѣвался, бросалъ, когда это было необходимо, десятокъ рублей, ради поддержанія достоинства мундира, но день за днемъ отказывалъ себѣ во всемъ. Много разъ говорилъ онъ сестрѣ, что надо измѣнить строй жизни и не тянуться выше средствъ, но Мари и сама страстно желала такой перемѣны. Они, однако, ничего не могли измѣнить, потому что отецъ, какъ блажной ребенокъ, не признавалъ положенія ни опаснымъ, ни тягостнымъ. Каждое замѣчаніе дѣтей, самое почтительное и робкое, встрѣчалось,

Digitized by Google

какъ желаніе забрать его въ руки, возбуждало укоры, что Мари *не умѣетъ* хозяйничать и оттого у нея выходитъ такъ много денегъ.

— При Настасьѣ Дмитріевнѣ всегда хватало, а тебѣ—мало!—язвительно говорилъ старикъ, багровѣя отъ гнѣва.—Выжили мнѣ Настасью Дмитріевну, а теперь фокусничаете... Должно хватить. Должно!

И Котлубаевъ продолжалъ привередничать, требуя и того, и другаго, постоянно упрекая дочь, что она выжила его друга и экономку, Настасью Дмитріевну, которая *должна* была выйти замужъ и уѣхать.

Отъ этой фаворитки отца Мари выдерживала очень многое. При ней, правда, все шло лучше, но потому, что отецъ еще служилъ и занимался дѣлами, а затѣмъ случился крахъ и положеніе ухудшалось съ каждымъ годомъ. Настасья Дмитріевна пробовала было завлечь Поля, но встрѣтила отпоръ со стороны молодаго человѣчка, а такъ какъ наживаться возлѣ Котлубаева было не съ чего, то она вышла замужъ за какого-то ничтожнаго маленькаго человѣка и уѣхала въ Рязань. Время отъ времени старикъ писалъ ей жалобныя письма, умоляя вернуться, но Настасья Дмитріевна Ловецкая отдѣлывалась только обѣщаніями.

— Знаешь, я готова сама просить Ловецкую, чтобы та пріѣхала и стала хозяйничать,—сказала Мари.—Моихъ силъ больше нѣтъ... Не умѣю я или...

— Не умѣешь? Напротивъ, я поражаюсь, какъ ты все устраиваешь!—искренно подхватилъ братъ, и измученная незамѣтными, быть можетъ, но тягостными заботами, дѣвушка съ благодарностью взглянула на него. Только дружба Поля и поддерживала ее, только съ нимъ могла она говорить откровенно.

— Получая какихъ нибудь двѣсти рублей въ мѣсяцъ, жить такъ, какъ мы живемъ! Это геніальность. Нѣтъ, нѣтъ, не надо Настасью... Лучше...

— Что лучше?

— Лучше я женюсь на Крупинковой!

— Полно, Поль! мнѣ не до шутокъ...

— Какія тамъ шутки. Барышня влюблена въ меня по уши.

— Это я знаю... Но тебѣ она не нравится, это я тоже знаю.

Digitized by Google

— Такъ что же... Стерпится—слюбится! А ты *эту* пытку любишь?—серьезно спросилъ онъ, указывая на пачку счетовъ.

— Послушай, Поль... Мнѣ тяжело, мнѣ страшно тяжело, но еслибы ты... Нѣтъ, нѣтъ, я и допускать не хочу, чтобы ты серьезно... женился на нелюбимой дѣвушкѣ изъ-за денегъ. Никогда! Ты долженъ быть счастливъ въ семейной жизни...

— Ахъ, Мари, но вѣдь 200 тысячъ, кромѣ... Знаешь, когда я подумаю, какое бы это было счастье... Шагистику по боку, мундиръ тоже; отцу пенсію, а самъ сталъ бы заниматься музыкой... Милая, ты подумай только: вѣдь я бы оперу могъ кончить, поставить... Эдакое счастье!

Онъ нарочно не говорилъ ничего о томъ, какъ облегчилось бы положеніе сестры, хотя оно очень заботило молодаго человѣка.

Женская жизнь короче мужской, и Поль зналъ, что Мари уже очень на возрастѣ. Еще нѣсколько лѣтъ и ее назовутъ старой дѣвой... Общество безжалостно относится къ такимъ несчастнымъ существамъ. Оно не спрашиваетъ, почему дѣвушка не вышла замужъ, и Мари, всю жизнь отдавшая семьѣ, будетъ такимъ же посмѣшищемъ, какъ и другая, дѣйствительно недостойная счастія. Поль горячо любилъ сестру и удивлялся мужской глупости. На такой дѣвушкѣ, какъ Мари, можно жениться и небогатому человѣку. Она скромна, дѣловита, и обладаетъ добрымъ любящимъ сердцемъ, а женятся часто на такихъ, что только руками разведешь...

Мари молча слушала мечты Поля. Да, у него есть талантъ, онъ могъ бы прославиться и заработать много денегъ, но чтобы добиться успѣха,—нужны средства.

— Ахъ, проклятыя, проклятыя деньги!—вырвалось у Котлубаевой.—Сколько изъ-за нихъ горя выносишь...

— То-то и есть. А когда я женюсь...

— Довольно, Поль. Надоѣло... Не до того теперь... Не знаю, что сдѣлать. Если я сегодня не заплачу все, завтра вечеръ нельзя устроить... Всѣ знаютъ, что нашъ четвергъ... Ахъ, проклятый Сорохтинъ!

— Съ чего ты объ немъ вспомнила! Вотъ переходъ неожиданный...

— Кто же виноватъ въ нашемъ разореніи?.. Онъ, и только

Digitized by Google

онъ! Не подведи онъ тогда папу, не ограбь... Звонятъ? Ахъ, это изъ магазина...

Мари притихла, боясь, чтобы кредиторъ не услышалъ, что она дома. Поль тоже молчалъ, нервно кусая губы. Это ничтожное въ сущности униженіе возмущало его гордость и онъ опять подумалъ:

«Женюсь, право, женюсь»!

Дѣвушка подала письмо Марьѣ Львовнѣ и ушла. Взглянувъ на адресъ, Котлубаева покраснѣла и спрятала конвертъ подъ бумаги.

«Онъ будетъ»! промелькнуло у нея въ головѣ и теперь ей хотѣлось во что бы то ни стало уладить денежный вопросъ, чтобы обычная вечеринка завтра удалась и все было бы хорошо, прилично. Мари соскучилась, долго не видавъ Хотимскаго, и написала къ нему. Онъ отвѣтилъ на другой день, значитъ тоже желаетъ ее видѣть.

«Ахъ, только бы устроить это дѣло съ кредиторами... Передохнуть»...

— Нельзя ли занять у кого нибудь?—предложилъ братъ, думая, что, женившись, можетъ отдать долгъ.—Но занять побольше. Пусть проценты возьмутъ. Занять тысячу, расплатиться со всѣми и успокоиться хотя на время.

— Я уже думала объ этомъ... Но чѣмъ отдать? Когда?.. Занять можно у Магорина.

— Ты думаешь: онъ дастъ?

— Конечно. Онъ мнѣ предлагалъ...

— Возьми, Мари. Смѣло бери. Я уплачу. Ну, на полгода.

И, замѣтивъ тревогу въ глазахъ сестры, Поль добавилъ съ принужденнымъ смѣхомъ:

— Не воображай чего нибудь... Я просто... Мнѣ исторію полка поручаютъ писать.

Мари повѣрила или хотѣла повѣрить, но все таки не удержалась, чтобы не сказать:

— Только не бракъ изъ-за денегъ, Поль, милый! Ради бога, не надо. Гибель это, а не спасеніе.

— Такъ что жениться мнѣ, сестрица, не разрѣшаете? Или жениться я могу только на нищей?

— Когда полюбишь, тогда...

— А богатую любить нельзя?

Digitized by Google

— Ну, мнѣ съ тобою не сговориться!.. Иди, Поль, къ себѣ и завтра привози Свентицкаго. Ко мнѣ скоро пріѣдетъ Магоринъ.

— Тебѣ нипочемъ брать у него деньги? Не неловко?..

— А что? Отчего неловко?

— Такъ... мнѣ казалось, онъ за тобою ухаживалъ одно время. Да и теперь, кажется, того...

— Что ты вспомнилъ! Сто лѣтъ тому назадъ. Теперь онъ женатъ, я съ женою его хороша... Нѣтъ, у него удобно. Онъ ведетъ наше дѣло... Иди же, иди. Опять звонятъ.

Довольный, что сестра успокоилась, Поль нарочно медлилъ уходить. Онъ остановился въ дверяхъ и сказалъ:

— А когда же ты меня съ учительницей познакомишь? Я слышу ея чтеніе папѣ! Кажется, симпатичная барышня?

— Славная дѣвушка. Завтра, завтра! Да уходи же, Павлушка. Надоѣлъ!

— Благодарю васъ... Дождался отъ сестрицы ласковаго слова!

— Не ворчи.

Заемъ не облегчалъ положенія, но отодвигалъ катастрофу, а Мари такъ нужно было немножечко отдохнуть. Болѣе нетерпѣливые изъ кредиторовъ грозили взысканіемъ и можно было ихъ смирить, уплативъ хотя часть. Обращаться къ Магорину,—дѣло не совсѣмъ пріятное. Поль угадалъ, но колебаться невозможно. Изъ худшаго надо брать лучшее. Еще дастъ ли денегъ Леонидъ Ивановичъ? Мари успокоилась, вообразивъ, что это такъ просто... Прежде, да, онъ предлагалъ, но онъ тогда ухаживалъ, считался влюбленнымъ и папа еще былъ богатъ... Правда, Магоринъ слышалъ, что Мари не поѣхала за границу съ отцомъ, потому что не было денегъ. Тогда онъ и сказалъ:

— У меня возьмите... Я всегда, всегда къ вашимъ услугамъ...

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ, и все могло измѣниться, но измѣнилось ли? Магоринъ женатъ, но, кажется, не особенно счастливъ въ семьѣ и послѣднее время каждый четвергъ бываетъ у Котлубаевыхъ. Мари вспомнилось, что онъ даже смотритъ какъ-то особенно, и вдругъ почувствовала себя неловко. Лично ее занималъ Хотимскій, и она никого другаго не замѣчала.

Digitized by Google

IX.

Магоринъ пріѣхалъ позже, чѣмъ обѣщалъ. Зоя уже занималась съ Наташей, нѣсколько взволнованная тѣмъ, что Мари не отдала ей денегъ.

Допустить, что Котлубаевы—богачи, какъ ей казалось,—сидятъ съ рублемъ въ карманѣ,—она не могла. «Забыла, вѣрно... Ей не до того. Но какъ я могу напомнить?.. Нѣтъ, нѣтъ, стыдно. Да теперь и нельзя: гости у Марьи Львовны». Зоя старалась протянуть урокъ, не взирая на напоминаніе дѣвочки, что давно пора кончить. Она все прислушивалась: не уйдетъ ли гость.

Юрьевой очень важно было получить деньги сегодня. Она сдѣлала маленькую неосторожность,. обычную, впрочемъ, для неопытныхъ труженицъ. Убѣжденная, что Котлубаева непремѣнно отдастъ ей за уроки, Зоя истратила деньги, полученныя отъ Лугинской на подарки мамѣ, сестрѣ и Костѣ, а на остальныя—купила то, что̀ просила Вѣра для хозяйства. Но дома ждали *денегъ*. Онѣ были крайне нужны, нужны именно сегодня. Между тѣмъ, Магоринъ сидѣлъ въ гостинной и не думалъ уходить...

Тревожное настроеніе Мари, вызванное письмомъ Хотимскаго и отчасти необходимостью просить у Леонида Ивановича денегъ, онъ объяснилъ болѣе выгодно для себя. Магоринъ принадлежалъ къ «случайнымъ людямъ». Вышедши изъ простаго класса, онъ разбогатѣлъ, сталъ кататься на рысакахъ, брать призы и считать себя персоной. Женился онъ на деньгахъ, но жены не любилъ и долго, упорно заглядывался на Марію Львовну. Какъ практикъ, онъ не надѣялся на успѣхъ въ любовномъ смыслѣ, но вѣрилъ въ силу денегъ.

Котлубаева не отличала его среди прочихъ и даже,—какъ ему передали,—говорила о немъ съ пренебреженіемъ барышни хорошей фамиліи къ разночинцу, выскочившему въ люди, благодаря двумъ-тремъ дѣламъ, на которыхъ онъ нажился.

Крупный и грубоватый, онъ восхищался именно нѣжностью и граціозностью Мари, и нерѣдко по дорогѣ домой отъ Котлубаевыхъ, послѣ ихъ вечеринки, на которой всего было маловато, но подавалось хорошо, по барски,—Магоринъ кряхтѣлъ

Digitized by Google

и вертѣлъ головою. Дома умѣли понимать значеніе такихъ признаковъ.

Леонидъ Ивановичъ завидовалъ чужому и порицалъ свое. На завтра жена выслушивала рѣзкія замѣчанія, насмѣшки и издѣвательства, а рядомъ—похвалы Маріи Львовнѣ Котлубаевой, у которой «картошка въ мундирѣ вкуснѣе трюфелей будетъ, а у насъ трюфели, какъ картошка».

Еслибы Магорина любила мужа, она могла бы возненавидѣть Мари, но простоватая женщина дорожила только домашнимъ спокойствіемъ и потому покорно и наивно просила Котлубаеву поучить ее, какъ надо хозяйничать.

— Отъ васъ пріѣдетъ, не нахвалится, а дома все не такъ, да не то.

Мари охотно дѣлилась своими познаніями, а потомъ, шутя, журила Магорина, что онъ огорчаетъ свою славную женушку. И, въ самомъ дѣлѣ, Мари жалѣла Катерину Николаевну, очень добрую и сердечную, но удивительно безтолковую и многорѣчивую барыню, способную доказывать цѣлыхъ полчаса, что лѣтомъ жарко, а зимой—холодно. Никто ей, конечно, не возражалъ, и она, ободренная, пускалась въ иллюстраціи.

Въ такія минуты Магоринъ не выдерживалъ. Ему надоѣдалъ самый звукъ ея ровнаго однообразнаго голоса и онъ дико кричалъ:—Замолчишь ты, наконецъ?!.

Катерина Николаевна терялась, плакала и вздыхала, считая себя несчастной.

— О погодѣ, молъ, и то не смѣй сказать... А другія-то, Господи, и про газеты, и про царей, и про все говорятъ.

Мало по малу Леонидъ Ивановичъ такъ «сократилъ» свою Катерину, что она больше молчала. Только съ дамами, а особенно съ Маріей Львовной, она отводила душу, высказывая свои жалобы.

— Онъ меня даже слова лишилъ! Прежде я думала, а теперь... теперь и думать не смѣю,—говорила поблѣднѣвшая отъ непривычной муштровки бѣдная толстуха.

— Ну, что подѣлываетъ милая Катерина Николаевна? — между прочимъ, спросила Мари.—Я все къ ней собираюсь. Да вотъ некогда было.

— Непріятности? Хлопоты у васъ?

— Нѣтъ, просто некогда.

Digitized by Google

Магоринъ замолчалъ. Мари начинала тяготиться его присутствіемъ и въ то же время опасалась, что онъ сейчасъ уйдетъ. Начать разговоръ о деньгахъ страшно трудно, неловко и стыдно, а не высказать своей просьбы—еще страшнѣе. Въ передней раздавались звонки и Мари знала, *кто* звонитъ, съ кѣмъ ведетъ борьбу преданный деньщикъ.

— Вы будто ждете кого-то, Марія Львовна? Можетъ быть, я мѣшаю?

— Нисколько... я вамъ такъ рада.

— Даже рады? За что же жалуете?

Леонидъ Ивановичъ смотрѣлъ на Мари притягивающимъ, почти жаднымъ взоромъ.

— Развѣ вы не знали, что мы всѣ—и я—очень расположены къ вамъ и къ Катеринѣ Николаевнѣ?

Магоринъ завертѣлъ головою. Онъ тоже нѣсколько смущался, хотя хорошо обдумалъ планъ своихъ дѣйствій. Вчера онъ купилъ еще векселекъ старика Котлубаева, а сегодня ѣхалъ съ извѣстною цѣлью.

— Если расположены дѣйствительно, а не на словахъ, то... Дѣло у меня есть къ вамъ. Можно поговорить съ глазу на глазъ?

— Пожалуйста.

— А сюда никто не войдетъ?

— Вы меня пугаете, Леонидъ Ивановичъ!—смѣясь, сказала Мари, но смѣхъ ея звучалъ невесело.

— Да вамъ, можетъ быть, что нибудь извѣстно? — спросилъ Магоринъ съ искреннимъ участіемъ.

Котлубаевой было чего опасаться, и эта вѣчная тревога сказалась въ той порывистости, съ которой дѣвушка встала и заперла дверь.

— У меня тамъ учительница. Она можетъ войти, чтобы проститься. («Ай, ай, ай, вѣдь надо ей отдать сегодня»!—опять вспомнила Мари и щоки ея снова вспыхнули). Больше намъ никто не помѣшаетъ. Пожалуйста. *Что* же можетъ быть мнѣ извѣстно?—совершенно овладѣвъ собою, докончила Мари.

Интеллигентный кулакъ, Магоринъ завидовалъ истиннымъ господамъ. Прижать ихъ гдѣ можно, потѣшить свою силушку, было для него громаднымъ удовольствіемъ. Онъ любилъ Мари, любилъ со всѣмъ пыломъ необузданной натуры русскаго само-

Digitized by Google

дура, и все таки нравилось ему мучить эту гордую дѣвушку, хотѣлось довести дѣло до желаннаго конца.

Мари краснѣла и блѣднѣла; она сильно волновалась, но воспитаніе брало верхъ надъ физическими и нравственными ощущеніями. Магоринъ въ кулакѣ держалъ котлубаевскую честь и все таки Мари обращалась съ нимъ гордо и спокойно. Другая бы испугалась и, ничего еще не зная, стала бы хныкать, какъ хнычетъ Катерина, если куличи пересидѣли или не досидѣли, а эта... «Пожалуйста», говоритъ... Точно ему, Магорину, милость оказываетъ...

— Вы хотѣли мнѣ сообщить что-то важное, — напомнила дѣвушка, озабоченная его молчаніемъ и думая, что, пожалуй, теперь нельзя будетъ занять денегъ.

— Да, хотѣлъ. Вотъ въ чемъ дѣло... Вы знаете, что вашъ батюшка далъ вексель г-жѣ Ловецкой.

— Вексель? Ей? Настасьѣ...

— Дмитріевнѣ,—досказалъ Магоринъ.—И большой, на 20 тысячъ. До востребованія. А это знаете, что̀ означаетъ? Захочетъ, такъ завтра же можетъ взыскать.

Леонидъ Ивановичъ криво усмѣхнулся. Мари сидѣла, опустивъ голову. Это неожиданное извѣстіе какъ-то пришибло ее и въ то же время будто развязывало руки.

Тутъ ужь нечего было бороться. Стоило ли крыть крышу или заботиться о фундаментѣ, если началось землетрясеніе?

X.

— Она, эта особа, или—вѣрнѣе—ея мужъ, канцелярскій служитель въ г. Рязани, желаетъ продать этотъ вексель, и совершенно случайно онъ попалъ ко мнѣ въ руки. Мой знакомый сталъ спрашивать:—сто̀итъ ли его купить?

Магоринъ выжидалъ мгновенье, другое, думая, что Мари скажетъ что нибудь.

Дѣвушка молчала. Она терзалась вопросами: какъ найти сотню рублей, а тутъ приходилось бросать тысячи. Свое близкое дѣло становилось чужимъ.

— Я сказалъ ему, что не сто̀итъ, и онъ отступился. Вексель у меня. Хотите, я его куплю?

— Зачѣмъ? — спросила Мари, стараясь быть спокойной,

Digitized by Google

хотя все внутри у нея дрожало и въ горлѣ сохло отъ волненія.—Зачѣмъ вы это станете дѣлать? Получить половину, даже треть такой суммы съ отца—невозможно. Спасти насъ, т. е. папу—тоже невозможно...

— Но вашъ процессъ?

— Вы въ него вѣрите?—вопросомъ на вопросъ отвѣчала Мари.—Наконецъ, если даже случится такое чудо и мы выиграемъ процессъ, то... Нѣтъ, не будемъ говорить объ этомъ. Не надо, не надо!..

Мари встала, сжимая ладонями виски. Магоринъ видѣлъ, что дѣло идетъ не такъ, какъ ему хотѣлось... Ни испуга, ни слезъ, ни просьбъ, словомъ, ничего подходящаго.

— Я надѣюсь, что процессъ можно выиграть, — дѣловито замѣтилъ Леонидъ Ивановичъ.—Я говорилъ съ адвокатомъ. Не полностью, но часть отвоевать можно,—слѣдовательно, положеніе можетъ улучшиться.

Мари хотѣла что-то сказать, но Магоринъ остановилъ ее:

— Дослушайте меня. Я куплю этотъ вексель... Я рѣшилъ, такъ и будетъ, но... надо, чтобы вашъ отецъ не далъ вторичнаго, потому что...

Онъ опять усмѣхнулся и повелъ плечами, какъ бы говоря: «второй разъ я выкупать не стану». Котлубаевой стало неловко и обидно.

— Я васъ прошу ничего такого не дѣлать, — рѣшительно заговорила она.—Для насъ нѣтъ никакого спасенія. Все равно, крахъ неизбѣженъ, такъ пусть онъ теперь случится, теперь же, благодаря векселю...

Мари задыхалась отъ волненія, отъ вспыхнувшей злобы къ отцу, поступавшему, какъ неразумный ребенокъ, какъ эгоистъ. Магоринъ молча, съ участіемъ глядѣлъ на нее, и этотъ взоръ располагалъ Котлубаеву къ полной откровенности. Дѣйствовать было невозможно, но хотѣлось говорить и, погибая, крикнуть, что погибаешь не по своей винѣ. Малодушное стремленіе! Но кто съумѣлъ бы удержаться отъ него въ такую минуту? Дѣвушкѣ вспомнилась вся ея блестящая, по внѣшности, и ужасная въ дѣйствительности жизнь,—отреченіе отъ личнаго счастья и покоя во имя долга къ семьѣ; вспомнилось наивно безпощадное отношеніе того, кому приносились эти безкровныя жертвы...

Digitized by Google

Громко, какъ смѣло обвиняющая, но не жалующаяся тайкомъ, высказывала Мари свой взглядъ.

— Мы живемъ выше средствъ... мы должаемъ, не имѣя возможности отдать долгъ,—говорила она,—и я, я сама, являюсь обманщицей. Я обѣщаю уплату, но *чѣмъ* уплатить?—не знаю...

— Да, да, понимаю. Вашъ отецъ — баринъ. Онъ не можетъ помириться съ бѣдною сѣрою обстановкой... Я давно вижу и только удивляюсь: какъ вы справляетесь.

— Видите? Вотъ, вотъ, очень рада. Еще бы! Вы знаете хозяйство. Но еслибы вы знали все... все... Мы имѣемъ около 200 руб. въ мѣсяцъ. Эти деньги и плата за уроки, которую отдаетъ намъ братъ, и мой заработокъ за переводы. Но я должна работать тайкомъ. Узнай отецъ—бѣда. Позоръ!.. Брать безъ отдачи—не стыдно, а работать за деньги—позоръ. И все, все у него такъ. Я держу дерзкую кухарку. Почему? Потому что другая не станетъ мнѣ помогать обманывать всѣхъ. Да, да. Я должна обманывать. Папа желаетъ давать jour fix'ы. Скучно ему безъ гостей, безъ винта. Ему нужна массажистка, чтица, нужны хорошія сигары и рюмочка, одна рюмочка, но дорогаго ликера или коньяка. А ужинъ? У насъ долженъ быть хорошій ужинъ, вино, сладкое, все *должно* быть, иначе... Я буду выносить такіе упреки, брань, ахъ!.. Привыкъ отецъ къ извѣстному строю и нельзя возражать ему, нельзя. Вы не знаете, а чтобы подешевле купить всѣ припасы, я пускаюсь на уловки. Мы покупаемъ битыя яйца вмѣсто крѣпкихъ, черствыя булки вмѣсто свѣжихъ и вновь пропекаемъ ихъ... мы... ну, да, фальсификаціей занимаемся и все ради одного: только бы не подумалъ кто, что мы бѣдны!

Мари горько засмѣялась. Магорину становилось сердечно жаль бѣдную дѣвушку, но онъ не прерывалъ ея, понимая, что эти жалобы, о которыхъ она сама потомъ пожалѣетъ, все таки облегчаютъ наболѣвшую душу.

— И вотъ, когда у насъ идетъ такая мучительная борьба съ нуждою, папа,—вы все знаете, такъ что я могу говорить съ вами откровенно,—папа даетъ векселя! Какія же силы тутъ нужны? Да стоитъ ли биться, терзаться, если...

Дѣвушка не докончила фразы и крупныя слезы покатились по ея щекамъ,—слезы безсилія, самыя горькія слезы жалости къ себѣ, къ своей загубленной жизни.

Digitized by Google

— Не волнуйтесь, дорогая Марія Львовна! все поправимо...

Мари услыхала только первыя два слова, и протестующая сила снова вспыхнула въ ея груди.

— Не волноваться? Да вѣдь погибаемъ же мы, погибаемъ! Сегодня... ну, я буквально съ ума схожу, не зная, какъ заплатить нужные долги. Я терзаюсь при мысли, что папа будетъ завтра безъ сигаръ, безъ вина, а тутъ... тысячи бросаются... Мы такъ и знали съ Полемъ: завтра выиграется процессъ и папа все способенъ отдать Ловецкой!

— Онъ всегда былъ такой, вашъ отецъ. Но прежде было, что̀ бросать, а теперь—нечего. Да, Марья Львовна, насчетъ векселя мы еще поговоримъ, а пока... Вы сказали, что расположены ко мнѣ... вотъ и докажите. Позвольте мнѣ... Ну, однимъ словомъ, возьмите у меня рублей... рублей... Сколько вамъ тамъ надо?

Мари была деликатна и хорошо воспитана. Ее покоробила фраза, вполнѣ естественная въ устахъ Магорина: «сколько вамъ тамъ надо». Давая деньги, по ея мнѣнію, нужно быть болѣе мягкимъ и любезнымъ, чѣмъ когда либо, а Леонидъ Ивановичъ привыкъ говорить о дѣлахъ тономъ дѣльца и считалъ вполнѣ естественнымъ такое отношеніе.

«Любовь—любовью, а рубль—рублемъ», разсуждалъ онъ и неторопливо открылъ бумажникъ. Мари невольно заглянула туда и чуть не ахнула. «Радужныя» тѣснились, жались и, кажется, рвались на волю.

— Пятьсотъ хватитъ пока?—спросилъ Магоринъ, вынувъ пять радужныхъ, но не закрывая еще бумажника.—Вы не стѣсняйтесь. Я могу...

Хвастливая нотка въ головѣ купчины, сознаніе собственнаго униженія и безпросвѣтная тоска—все разомъ охватило Котлубаеву.

— Довольно... довольно. Благодарю васъ... Я вамъ отдамъ. Могу поручиться...

Магоринъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на Мари. Страдающее существо исчезло, и передъ нимъ опять была та гордая и спокойная аристократка, которую онъ и любилъ, и ненавидѣлъ.

«Неужели она комедію со мною разыграла»! подумалъ онъ, досадливо слѣдя, какъ Мари взяла и спрятала въ карманъ

Digitized by Google

ассигнаціи. «Нѣтъ, нѣтъ, все это гордыня... Воспитаніе! Неприлично показывать свое волненіе. Вотъ моя, та сейчасъ принялась бы выть и причитать».

Мари торопливо спрятала деньги. Нужда научила ее скрытности. Надо было сохранить втайнѣ самый фактъ, такъ какъ иначе всѣ потянутся за деньгами. Удовлетворить всѣхъ невозможно; необходимо успокоить самыхъ надоѣдливыхъ и дерзкихъ кредиторовъ. Кроткіе—тѣ подождутъ... Страдая отъ людской жестокости, Мари сама повторяла ту же вѣковую несправедливость, заставляя терпѣть покорнаго, чтобы избавиться отъ укоровъ строптиваго.

Дѣвушка горячо поблагодарила Магорина и, протягивая ему руку, сказала:

— Еслибы вы знали, какое громадное одолженіе вы мнѣ сдѣлали!

Магоринъ просто остановилъ ее:

— Полноте, есть о чемъ говорить! Могъ—и услужилъ...

— Какое счастье имѣть эту возможность! Вотъ чему я завидую...

— Пожелаете, можете имѣть еще бо̀льшее счастье,—небрежно сказалъ Магоринъ, и Мари вспомнила объ этихъ словахъ потомъ, оставшись одна, когда Леонидъ Ивановичъ ушелъ, назвавшись завтра въ гости.

«Что̀ онъ хотѣлъ этимъ сказать? Какъ онъ странно смотрѣлъ... Неужели? Пустяки, пустяки»!—быстро добавила она, вспоминая слова брата. «Просто такъ расположенъ»...

И все таки Мари было тяжело, что она взяла деньги у Магорина. Братъ спросилъ: какъ она устроилась, и дѣвушка отвѣчала довольно уклончиво. Ее грызло сознаніе, что она точно выплакала участье къ себѣ. О векселѣ, выданномъ Ловецкой, Мари тоже ничего не сказала Полю. Она опасалась столкновенія между отцомъ и братомъ.

Завтра четвергъ, будутъ гости, *онъ* пріѣдетъ—и Маріи Львовнѣ хотѣлось, чтобы все сохраняло колоритъ семейнаго счастія, манящаго, какъ она мечтала, холостяковъ.

XI.

Простая и весьма естественная случайность,—неполученіе платы за уроки,—ставила Зою въ крайне тягостное положеніе.

Digitized by Google

Деньги нужны, дома ждутъ денегъ! И мама, и Вѣра будутъ ворчать, а, главное, щеголяя воображаемымъ знаніемъ людей, станутъ твердить пророческимъ тономъ:

— И не получишь... Не получишь! Надуютъ...

Наташа сказала учительницѣ, что тетя Мари будетъ дома около шести часовъ. Въ это время они обѣдаютъ. Развѣ зайти вторично? Неловко... Подумаютъ, что я съ голоду умираю... Странно, отчего всѣ стыдятся показывать свою нужду? Точно *мы* виноваты. Да, работаю, да, мнѣ нужны деньги. Не буду скрывать, вотъ и все!

Зоя быстро составила планъ дѣйствій. Она зайдетъ къ Тарховской, посидитъ до шести, а затѣмъ къ Котлубаевымъ, и тогда домой.

Анна была одна, видимо разстроенная, и крайне обрадовалась Зоѣ.

— Милая! какъ хорошо, что ты пришла... Я хотѣла писать къ тебѣ. Ты у насъ тутъ всѣхъ съ ума свела, всѣ тобою бредятъ. Даже мой Сергѣй...—съ неуловимымъ выраженіемъ гордости и легкой досады добавила она.—Вѣдь онъ очень строгъ, но отъ тебя—въ восторгѣ. Знаешь, какъ тебя прозвали? Героиня мелодрамы на реальной почвѣ. Ха, ха, ха!

— Не понимаю ни остроумія, ни даже значенія.

— Ахъ, не сердись, Зоя... Ничего злаго... Вѣдь ты прехорошенькая, оригинальная, умница, все такое и вдругъ... «своимъ трудомъ снискивать пропитаніе»! Ну, вотъ... театрально.

— Развѣ я рисуюсь?

— Ну, сказала тоже! Въ томъ-то и прелесть: все это правдиво, жизненно, и вмѣстѣ съ тѣмъ похоже на театръ. Да, Савурскій отъ тебя въ восторгѣ. Онъ говоритъ, что знаетъ твоего родственника... Сорохтина, кажется. Есть такой?

— Есть!—какъ-то выпрямляясь, отвѣчала Зоя, готовая дать отпоръ, если заговорятъ объ ея отцѣ.

Но ея тревога была напрасна. Анна слышала о Костѣ Вронскомъ или Сорохтинѣ, а, можетъ быть, о томъ и о другомъ. Процесса она не помнила, да и не интересовалась имъ, особенно сегодня, когда у нея была своя тревога.

Анна поссорилась съ Сергѣемъ, и онъ «закатился». Зная ревность своей подруги, докторъ всегда наказывалъ ее такими выходками; молодая женщина плакала, страдала и мучилась.

Digitized by Google

— Ну, такъ вотъ Савурскій спрашивалъ: не женихъ ли твой этотъ Вронскій. Вѣдь Левъ Даниловичъ чудакъ. Онъ требуетъ отъ женщины идеальной чистоты, а самъ... Ахъ, Зоя, какіе они всѣ гадкіе, подлые... подлые!

— Кто? А, мужчины... За что ты ихъ такъ бранишь?

Въ хорошенькомъ будуарѣ Анны было уютно, тепло. Топился каминъ. Назябшись, уставъ и проголодавшись, Зоя чувствовала себя какъ-то особенно хорошо. Теперь ей хотѣлось слушать что нибудь умиротворяющее, спокойное... Вотъ музыку бы... И кто это такъ чудно играетъ у Котлубаевыхъ?.. Наташа сказала: «дядя Поль». Какой онъ? Да, да, офицеръ... гвардеецъ. Конечно, фатъ, шаркунъ; но какъ играетъ!

— Тебѣ что, Михеичъ?—спросила Анна, увидя входящаго деньщика.

— Записка къ барину.

— Дай сюда!

Михеичъ видимо колебался. Анна почти вырвала записку и, когда деньщикъ ушелъ, стиснула губы и со злобою смотрѣла на изящный надушенный конвертикъ.

— Экія онѣ всѣ гадкія, отвратительныя!

— Да что съ тобою сегодня! И мужчинъ, и женщинъ—всѣхъ костишь? За что?

Анна всегда отличалась порывистостью и должна была уйти съ курсовъ, благодаря своей нетерпимости. Не взлюбивъ кого нибудь, она преслѣдовала врага съ мелочною жестокостью, но, расположившись, дѣлалась рабою. Правда, она легко обижалась и негодовала, но въ основѣ была всегда справедлива и Зоя цѣнила въ ней сердечную искренность. Анна могла сдѣлать глупость, но подлости—никогда. Она злилась и порицала, но клеветать не умѣла.

— За что ругаю?—вскакивая, заговорила молодая женщина.—Ну, ну, скажи,—честно поступать такъ... Вотъ записка... Больная пишетъ, зоветъ доктора. А ты думаешь: ей надо доктора? Лѣчить ее надо? Нѣтъ! То-то и гадко... Мужъ волнуется, доктору за визитъ платитъ, а она... пококетничать на законномъ основаніи хочетъ. Даже хуже, чѣмъ кокетничать!

— Да неужели?

— Ты не знаешь... Далеко отъ тебя это горе, а я... И вѣдь что противно... Наши мужчины... Ахъ, какъ они мелочны, какъ

Digitized by Google

узко самолюбивы! Вѣдь вѣрить всякой фразѣ блажной бабенки! Воображаетъ, что одержалъ побѣду... Я знаю, напримѣръ, одну... Хавская, Надежда. Намазанная, за сорокъ лѣтъ, бабанахалка... И вотъ... ха, ха, въ любовь играетъ! Пишетъ Сергѣю пламенныя посланія, къ себѣ постоянно зоветъ...

— И онъ... онъ ѣздитъ?

Анна видѣла изумленіе Зои и поняла причину. Значитъ Юрьева вынесла хорошее впечатлѣніе, если такъ удивилась.

Любящая женщина стала защищать своего Сережку, но то, что она говорила, роняло не только самого Тарховскаго, но и подругу его, способную оправдывать такіе поступки.

— Нельзя не ѣздить, дружокъ. Смотри, съ чего хлѣбъ ѣшь,—говорила Анна, но въ ея тонѣ не было привычной убѣдительности.—Эти господа платятъ хорошо... Вѣдь Сережа зарабатываетъ тысячъ пять-шесть, а почему? У него слава прекраснаго дамскаго доктора. Ничего, въ сущности, врачъ не можетъ сдѣлать... Но эти дамы... Какъ не стыдно только? Вѣдь замужемъ. Наконецъ, онѣ знаютъ, что Сергѣй тоже женатъ.

Анна очень тихо произнесла это слово и быстро взглянула на пріятельницу. Она видимо ожидала услыхать словечко, отравляющее ея жизнь, отнимающее и покой, и увѣренность въ прочности положенія.

Но Зоя молчала. Она вспомнила слова Кости: «они не женаты», вспомнила маму, свое нелегальное состояніе, и ей стало сердечно жаль Анну.

— Милая ты моя!—прошептала она и прижалась къ Тарховской. Та обняла ее, поцѣловала въ лобъ и, все еще боясь вопроса, готоваго сорваться съ губъ пріятельницы, вдругъ вспомнила, что Зоя голодна, быть можетъ.

— А я тебя и не накормила. Хороша! Говорятъ: счастье дѣлаетъ эгоистичнымъ, нѣтъ, и несчастье тоже. Пойдемъ. У меня осталась пулярка... икра есть, сыръ.

XII.

Анна не хотѣла ѣсть,—на словахъ,—но много, хотя лѣниво, ѣла, увѣряя, между прочимъ, что у нея совсѣмъ нѣтъ апетита.

Тарховская, какъ очень многія женщины, любила притворяться больною, особенно когда ссорилась съ Сережей или

Digitized by Google

капризничала. Мужъ-докторъ—не всегда удобный субъектъ. Нельзя испугать близкаго человѣка загадочнымъ недугомъ, нельзя рисоваться нежеланіемъ лѣчиться, словомъ, нѣтъ возможности изводить мужа своими страданіями.

Идеально внимательный *дамскій* врачъ, въ нѣсколько лѣтъ добившійся блестящей практики и горячаго порицанія отъ товарищей, завидовавшихъ Тарховскому, всегда шутливо относился къ болѣзнямъ Анны. Причину ихъ онъ зналъ отлично и, если не находилъ нужнымъ мириться съ Анной, то давалъ совѣтъ:

— Выпей стакана два вотъ этой водицы, сдѣлай согрѣвающій компрессъ и изволь лежать въ постели... Не разговаривать и не волноваться!

Анна возмущалась такимъ способомъ лѣченія, когда онъ примѣнялся къ ней лично. Другихъ паціентокъ, особенно хорошенькихъ, она и сама стала бы лѣчить самымъ суровымъ образомъ. По крайней мѣрѣ, шутя и остря, въ добрые часы семейнаго счастья, когда Сережу отрывали отъ нея изъ-за истерики у какой нибудь блажной бабенки, Анна совѣтовала дѣйствовать строго и рѣшительно.

Сегодня Тарховскіе поссорились. Сергѣй Михайловичъ сказалъ, что не вернется домой къ обѣду и не поѣдетъ съ Анной въ театръ, тогда какъ молодая женщина знала, что онъ будетъ въ театрѣ, но... не съ нею! И обѣдать навѣрное онъ останется у Хлоповыхъ, потому что профессоръ Хлоповъ, обладающій двумя дочерьми, сильно ухаживаетъ за Сережей.

Все это мучило Анну, пока она лѣниво, но основательно, насыщалась и угощала Зою. Острая досада улеглась подъ вліяніемъ сытости. Облокотившись надъ кофейнымъ приборомъ, молодая женщина не проклинала и не бранила мужчинъ, но ей хотѣлось говорить, изливаться и жаловаться.

— Ты была влюблена, Зоя?—неожиданно спросила Анна.—Скажи правду. Не стѣсняйся...

— Да чего же тутъ стыдиться?!. Была... Мнѣ нравился одинъ... И знаешь, какъ странно: очень пожилой, некрасивый, хмурый человѣкъ.

— А онъ тоже влюбился?

— Нѣтъ, что ты!—быстро возразила Зоя.—Какъ можно? Онъ и не зналъ, и не подозрѣвалъ даже. Это былъ другъ моего отца.

Digitized by Google

— Кто такой?

— Онъ не здѣшній... Ты его не знаешь,—возразила молодая дѣвушка и опять у нея точно стукнула въ головѣ мысль, что она какъ бы отрекается отъ отца, боится выдать тайну...

Еслибы Анна обнаружила настойчивое любопытство, Юрьева сказала бы правду, но пріятельница была занята своею мыслью.

— Савурскій, да?—задумчиво вымолвила она.—Ты какъ думаешь: можетъ Савурскій нравиться?

— Конечно! Онъ такой... глубокій, не похожій на всѣхъ.

— Умница Зоя! Это ты вѣрно сказала. Да, да, онъ глубокій, хотя... Ахъ, всѣ они нынче стараются напускать на себя цинизмъ, разгулъ... И не хочется иному быть такимъ гадкимъ, любви ищетъ, настоящей, честной, но... Какъ можно быть искреннимъ? Нарочно ломаетъ себя. Помнишь, какъ мы, бывало, изъ важности курить начинали? Тошнитъ, голова болитъ, противно, а все таки стараешься. Глупо это ужасно. Всѣ боятся оригинальности. Всѣ одинъ другому подражаютъ. Круговая порука какая-то!

— Полно, полно. Гдѣ же всѣ одинаковы? Я знаю...

Зоя назвала нѣсколько именъ и Анна мысленно представляла себѣ этихъ людей. Да, они были тогда различны; они носили отпечатокъ среды, изъ которой вышли, но что станется съ ними при столкновеніи съ жизнью... И они тоже уступятъ общему настроенію, падутъ на колѣни передъ золотымъ тельцомъ, станутъ жрецами Венеры и Вакха, зная, что только одновѣрцы тянутъ другъ друга.

— Наконецъ, вотъ мой кузенъ, Костя, тотъ, объ которомъ ты спрашивала,—заключила Зоя.—Его товарищи, все молодежь, кончаютъ курсъ. Эти берегутъ себя и свое чувство: ни кутежей, ни легкихъ увлеченій... Я знаю: нѣкоторые имѣютъ невѣстъ... кончатъ экзамены, получатъ мѣста, женятся... Нѣтъ, теперь молодежь стала гораздо серьезнѣе и чище. Я знаю сама очень многихъ, слышу и отъ Кости, и отъ нашихъ курсистокъ... Нынче почти не случается этихъ... ну, нелегальныхъ союзовъ.

Зоя покраснѣла, вспомнивъ, что нечаянно задѣла Анну. Ей было досадно за свою безтактность, но она могла успокоиться. Тарховская не слыхала послѣдней фразы или не замѣтила ея. Она глубоко задумалась и прошептала:

Digitized by Google

— Да, да, счастливыя! Имѣть семью, имѣть дѣтей, ничего не бояться... Не трепетать, что тебя, какъ башмакъ старый, можно сбросить... Да, это умно, это — честно! повѣрь, Зоя, нынче ничто не охраняетъ женщины... Ничто! Пожалуй, мы сами виноваты... хлопотали о своей самостоятельности и вотъ...

— Достигли кое-чего. Слава богу! — горячо подхватила Юрьева.—Теперь можно жить своимъ трудомъ, добиваться положенія.

— А потеряли-то мы сколько! Прежде мужчина *жалѣлъ* женщину, а теперь... Поигралъ, бросилъ и считаетъ себя правымъ, главное—принципіально правымъ, вотъ что обидно. Сходились, молъ, такъ разсуждали или должны были разсуждать. Нѣтъ, Зоя, у насъ положеніе женщины ужасно... ужасно... Если живетъ парочка внѣ брака, все тяжелое ложится *на нее*, а не на мужчину. Ей могутъ руки не протянуть, къ ней дамы не поѣдутъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе, а когда *онъ* броситъ *ее*, сейчасъ разсужденія: «женщина самостоятельна... женщина не ребенокъ... Насильно любить нельзя»... Нѣтъ, Зоя, много тутъ неправды, вопіющей неправды!

Зоя опять вспомнила положеніе своей матери и взволнованнымъ тономъ сказала:

— Да, я совершенно съ тобою согласна. Совершенно! И я удивляюсь, какъ можно рѣшиться на такой поступокъ.

— Какъ рѣшиться?—съ тихимъ, горькимъ смѣхомъ повторила Анна.—А если любишь? Ну, такъ любишь, что двѣ жизни, а не одну, готовъ отдать. Не знаешь ты еще, не испытала. И вѣдь не уговариваютъ тебя, не увлекаютъ. Представляютъ даже всѣ невыгоды положенія, всю опасность, а ты... вотъ какъ бабочка на огонь, глупо, безсмысленно, страстно рвешься къ погибели, ну... и гибнешь!

— Но мужчина, если онъ порядочный, честный человѣкъ, онъ долженъ...

— Ничего онъ не долженъ! «Женщина не ребенокъ... Она самостоятельна»! Да и наконецъ, если этотъ «честный мужчина», какъ ты говоришь, любя, будетъ убѣждать разстаться, то... Да, я первая назову его и трусомъ, и тряпкой, и... глупостей надѣлаю. Это не исходъ, Зоя!

— Такъ что же тогда? Отдаваться темпераменту и... погибать?

Digitized by Google

Анна встала; Юрьева послѣдовала ея примѣру. Надо было торопиться къ Котлубаевымъ, иначе придется идти домой безъ денегъ. Интересная бесѣда съ Тарховской заставила Зою временно забыть все.

— Исходъ есть,—смотря куда-то въ сторону, сказала Анна.—Простой, естественный и невозможный, вмѣстѣ съ тѣмъ. Они, мужчины, должны быть честнѣе... Погоди, погоди, я сейчасъ объясню. Если мужчина *не могъ* жениться и устроился союзъ нелегальный, пусть онъ-то, по крайней мѣрѣ, относится къ своей подругѣ, *какъ къ женѣ*... А у насъ этого-то и нѣтъ! На словахъ, *онъ* признаётъ такой союзъ серьезнымъ, крѣпкимъ, а на дѣлѣ... Первый же *онъ* подрываетъ уваженіе къ своей подругѣ, первый, первый! Ахъ, какъ я много думала объ этомъ вопросѣ... Вѣдь ничѣмъ, кромѣ своей жизни, или «чести»,—какъ у насъ принято говорить,—она пожертвовать не могла, но въ бракѣ *онъ* даетъ ей имя, положеніе, заботу, все даетъ; а въ такомъ союзѣ—ласку, пока не надоѣла, и невозможную, оскорбительную требовательность.

— Я бы не стала выносить!

— Любишь, такъ станешь... Все, все сдѣлаешь, чтобы только сохранить его! Какъ собака, руку станешь лизать, бьющую грубую руку. Знаешь, когда я слышу или читаю, что женщина, *любя*, бросила человѣка изъ-за несходства убѣжденій,—я не вѣрю. Нѣтъ, не вѣрю! Другія причины были. Разбойника, негодяя,—да, негодяя!—любить, обожать станешь. Да, для всѣхъ негодяй, а ко мнѣ добръ. Иногда удивляются: хорошая женщина, а онъ—мазурикъ. Какъ могла она любить? Да здѣсь, здѣсь, возлѣ меня, онъ милъ и дорогъ, а тамъ, за стѣнами моей квартиры,—провались весь міръ!

Анна точно преобразилась. Ея лицо поблѣднѣло, губы вздрагивали, глаза блестѣли. Она говорила страстно и сильно. Зоя соглашалась съ нею, но далеко не во всемъ, хотя ея рѣчь захватывала молодую дѣвушку.

— Не уважая, я бы не могла...—начала она, но Тарховская властно прервала ее.

— Это все романъ, фразы, условная правда, а вѣдь я съ тобою искренно говорю. При *нихъ*, — ничего такого сказать нельзя... Ты видѣла, какъ я себя держу? Да, да, кокетничаю, дразню, заставляю ухаживать за собою. Ты думаешь: иначе

Digitized by Google

ихъ удержишь? Никогда! Узнай Сережа, *какъ* я его люблю; пойми онъ, что я на жертвы готова, такъ онъ... ха. ха! и жертвы потребуетъ, и... все таки броситъ.

— Онъ тебя уважаетъ... любитъ.

— Любитъ несомнѣнно, уважаетъ,—нѣтъ. Никого, кромѣ себя, онъ не признаётъ! А любитъ онъ меня, знаешь, когда? Вотъ какъ тогда, когда ты зашла. Гости, вино, всѣ мною любуются, ухаживаютъ, а онъ чувствуетъ: моя!.. Въ каждомъ изъ нихъ до сихъ поръ сидитъ крѣпостникъ, повѣрь мнѣ. Онъ видитъ, что за мною бѣгаютъ и боится: а вдругъ, да она *сама* меня броситъ... Вотъ въ чемъ для нихъ ужасъ... Первый бросающій всегда у нихъ правъ. На кого Богъ, на того и люди.

Анна замѣтила удивленный взглядъ Зои и, проводя рукой по разгорѣвшимся щекамъ, сказала намѣренно небрежнымъ тономъ:

— Заговорила я тебя совсѣмъ!.. Да, кстати, у меня къ тебѣ два дѣла: первое, приди къ намъ въ субботу вечеромъ. Вся наша компанія будетъ въ сборѣ... Всѣ тебя жаждутъ... Придешь? А второе...

Анна на мгновенье замялась, а затѣмъ, съ усиленной развязностью, закончила:

— Ты однако знай, что мы... не женаты! Я говорю для того,— пояснила она,—что ты вѣдь маменькина дочка, такъ чтобы непріятностей не вышло.

— А у меня къ тебѣ просьба, Анна... Позволь мнѣ привезти съ собою сестру мою Вѣру. Она—веселая, милая. Вотъ мы вмѣстѣ и явимся.

Тарховская порывисто пожала руку Зои.

— Спасибо тебѣ, спасибо!

XIII.

Котлубаеву молодая дѣвушка не застала. «Въ магазины поѣхали», — сказала прислуга, и Зоя возвратилась домой въ угрюмомъ настроеніи духа.

Вмѣсто удовольствія, принесенные подарки доставятъ непріятность. Зоя была виновата сама, истративъ часть денегъ, прежде чѣмъ вся получка будетъ въ ея рукахъ, но все таки она роптала на Марью Львовну. «Поѣхала въ магазины, зна-

Digitized by Google

читъ есть деньги»! думала она. «Неужели же всѣ они такіе безсердечные, эгоисты. Богатство должно дѣлать людей добрыми. Вотъ папа былъ»...

А дома, дѣйствительно, съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія Зои. Приходили мелкіе кредиторы, забѣгала прачка, такъ какъ всѣ знали, что «Юрьевы-господа имѣютъ сегодня получку»... Они привыкли, что деньги надо ловить, являясь непремѣнно въ тотъ же день, даже въ часы получки: не застанешь,—самъ виноватъ. Денегъ-то немного, а дыръ и не сосчитать. И вотъ просятъ всѣ, жалуются, указываютъ *на свою* бѣдность.

— Меня пожалѣйте... Нѣтъ, меня... Тотъ-то богатый, а я... своимъ трудомъ!—басила прачка,—мать четверыхъ дѣтей.

Да, всѣмъ *нужно* отдать, всѣ оказывали довѣріе и въ будущемъ окажутъ кредитъ. Всѣхъ жалко, стыдно передъ всѣми бѣдной Вѣрѣ, десять разъ выходившей въ кухню.

— Какъ запоздала Зоя! что съ нею?—говоритъ Ольга Арсеньевна, вновь раскладывая пасьянсъ.—Зашла куда нибудь.

— Ахъ, Зоя всегда такая... словесница! На словахъ—и принципы, и чуткость, и психологія, а вотъ подумать, что дома ждутъ...

Костя не ворчалъ, но и не заступался за Зою, не желая сердить Вѣру. Обѣдали тихо, безъ разговоровъ, время отъ времени поглядывая на часы и покачивая головами. Голоса въ кухнѣ стихли. Изо всѣхъ кредиторовъ осталась только прачка и дремала, склонившись надъ столомъ. Она рѣшилась не уходить безъ получки и, ради 2 р. 84 к., готова была сидѣть до утра. Кухарка ходила въ комнаты подавать обѣдъ, а Зоя проскользнула къ себѣ незамѣтно, довольная, что ея никто не видѣлъ.

Переодѣвшись (носить дома хорошее платье было невыгодно) дѣвушка забрала всѣ подарки, развернувъ ихъ предварительно, и пошла къ дверямъ. На порогѣ она остановилась и, перекрестившись, какъ школьница передъ труднымъ экзаменомъ, вошла въ столовую.

«Получила»!—сообразила Вѣра, увидѣвъ издали теплыя калоши и чулки для мамы. «Слава богу»!

— Проголодалась? Садись скорѣе. Супъ еще теплый,—сказала она, прикасаясь ладонями къ мискѣ.—На второе—котлеты.

Digitized by Google

— И съ подарками? Ахъ, ты, милая моя Зоя!—ласково и радостно говорила Ольга Арсеньевна. — Вотъ такъ милая дѣточка!

— А мы-то ее тутъ бранили!—замѣтилъ Костя.

— Я не получила отъ Котлубаевой...—мрачно вымолвила Зоя, кладя подарки на столъ.—Ужасную глупость сдѣлала... Получила отъ Лугинскихъ и вотъ купила. А тамъ не отдали сегодня... Вѣроятно, завтра...—извиняющимся тономъ заключила она.

Подарки мгновенно потеряли значеніе. Теперь они являлись доказательствомъ беззаботности Зои, показателемъ ея невниманія, эгоизма, нежеланія помочь семьѣ. Ворчали и мама, и Вѣра. Даже Костя, всегда заступающійся и понимающій значеніе и силу случая,—осуждалъ Зою.

— И какъ было не подумать! Можно ли вѣрить этимъ господамъ? Надо было остаться и ждать, хотя бы до ночи.

Зоя молчала. Она теперь только видѣла, какъ страшно необходимы ея деньги. Раньше—имъ не придавали такого значенія... называли грошами, сравнительно съ потребностями, конечно...

— Надо было дождаться возвращенія Котлубаевой! — настойчиво повторяла Вѣра.—Еще надуетъ, пожалуй!

— Можетъ быть, они тобою недовольны, оттого такъ и поступаютъ,—говорила мать.—Я помню...

Слѣдовалъ разсказъ, какъ отецъ,—самъ правдивый, идеальный отецъ,—*нарочно* не отдалъ кому-то денегъ въ назначенный день, потому что работа была сдѣлана не такъ хорошо... Ольга Арсеньевна добавила хвастливымъ тономъ, что это она и настояла... Ея добавка была напрасна.

Зоя и такъ не сомнѣвалась, что тутъ дѣйствовалъ совѣтъ мамы.

— А со мною... развѣ меня не надували эти господа?—вмѣшался Костя.—Вѣдь у насъ учитель, гувернантка—рабы... Учи ихъ безпутныхъ дѣтей, а когда надо платить, тогда заставляютъ ждать. Нѣтъ, я съ ними теперь иначе поступаю.

И Костя разсказывалъ, *какъ* онъ дѣйствуетъ, чтобы не могли обмануть его. Зоя слушала и возмущалась принципами интеллигентнаго кулачества. Ей не хотѣлось вѣрить, что Костя, ея другъ и братъ, способенъ съ извѣстною цѣлью отказаться отъ

Digitized by Google

ученика чуть не наканунѣ экзамена. Эксплуатируя родительскую любовь или страхъ, что «Васенька не выдержитъ», Костя начиналъ диктовать свои условія... Прежде—были неправы къ нему, теперь онъ сознательно поступалъ неправильно, увѣряя себя, что такъ нужно.

Ольга Арсеньевна и Вѣра сочувственно кивали головами и бросали на Зою укорительные взоры, какъ бы говорившіе: «Вотъ какъ нужно поступать. Учись»!

Наконецъ, Зою прорвало... Она забыла, что провинилась передъ всѣми, не принеся денегъ; забыла, что мама и сестра терпѣть не могли споровъ вообще, а принципіальныхъ въ особенности; забыла даже, что подарки ея, съ такою любовью купленные, почти не обратили на себя вниманія, и съ негодованіемъ сказала:

— Значитъ, по твоему такъ: надуетъ тебя лавочникъ, и ты *долженъ* его тоже надуть? Принципъ справедливости! Значитъ, твое образованіе и воспитаніе ни къ чему тебя не обязываютъ? Нѣтъ?

— Они, эти господа, отцы вислоухихъ сыновей, не меньше меня образованы! Тоже въ университетахъ были. Это странное дѣло. Они богаты, знатны, у нихъ все есть, но они желаютъ съ меня, съ пролетарія, наживаться и, по твоему, это надо терпѣть?.. Подставить лѣвую щеку, когда ударили по правой?

— Просто надо имъ письмо написать и... и... рѣзкое!—рѣшила Вѣра.—Лучше отказаться отъ урока, чѣмъ даромъ башмаки...

— Извините, пожалуйста!—раздался въ дверяхъ звучный, пріятный голосъ и на порогѣ появился молодой офицеръ въ гвардейскомъ мундирѣ.

— Позвольте представиться: Котлубаевъ, Павелъ Львовичъ, дядя вашей ученицы Наташи. Моя сестра просила вамъ передать конвертъ. Тутъ и письмо... Она ждетъ вашего отвѣта... благопріятнаго,—добавилъ Поль просительнымъ тономъ, а затѣмъ, обращаясь къ Ольгѣ Арсеньевнѣ, добавилъ, почтительно кланяясь:

— Вы меня извините, пожалуйста... Дверь была открыта... Ваша служанка сказала: «не надо докладывать»... Я такъ и ворвался... Пожалуйста, извините!

Digitized by Google

Гвардейскій мундиръ, представительная внѣшность, любезный тонъ, наконецъ, сознаніе собственной вины—все подкупало «сборную» семью.

— Прошу садиться. Вы оказали намъ такую честь...—начала Ольга Арсеньевна, вспоминая, что въ прежнія времена умѣла быть прекрасной хозяйкой.

XIV.

Зоя читала милую записку Котлубаевой. Она вынула изъ конверта 25-рублевую депозитку и спокойно положила ее на столъ, возлѣ матери.

Ольга Арсеньевна смутилась. Послѣ разговора, только что здѣсь происходившаго, ей было неловко брать эти деньги и непріятно, что Зоя передала ихъ сейчасъ при гостѣ. Поль объяснялъ, что сестра очень сожалѣла, что ей пришлось уѣхать изъ дому... Она рѣшила послать къ Зоѣ Юрьевнѣ, но... не знала адреса... Пришлось поѣхать въ адресный столъ и вотъ онъ вызвался исполнить порученіе Мари. Здѣсь такія славныя мѣста около Тавриды, столько историческихъ воспоминаній. Онъ очень любитъ этотъ запущенный, но красивый садъ... Какъ хорошо здѣсь весною!

Какъ человѣкъ воспитанный и привыкшій къ обществу, Поль не разспрашивалъ, не разсказывалъ, но говорилъ, стараясь занять собесѣдниковъ. Мать и Вѣра оживились. Въ нихъ проснулось свѣтское умѣнье и обѣ онѣ съ честью поддерживали разговоръ.

Костя не принималъ въ разговорѣ никакого участія. Онъ рекомендовался, пожалъ руку нежданному гостю и отошелъ въ сторону, куря папиросу и досадливо смотря на Зою и на остальныхъ.

Благодаря густымъ клубамъ дыма, выраженія его лица не было видно, но Зоя угадывала, что Костя злится, и—радовалась... Онъ былъ недоволенъ, что Зоя ничего не говорила ему объ офицерѣ. Угадывая ея намѣренную скрытность, Костя сердился за то, что Вѣра и тетка растаяли, едва увидѣвъ гвардейскій мундиръ, и за то, что самъ не можетъ вмѣшаться въ бесѣду... Между тѣмъ, Поль и обѣ женщины, со свѣтскою развязностью, обманывали другъ друга.

Digitized by Google

Не бывая ни въ театрахъ, ни въ оперѣ, по одной и той же причинѣ, безденежью, они щеголяли другъ передъ другомъ любовью къ зрѣлищамъ и бойко, со словъ газетныхъ рецензій, высказывали свои мнѣнія. Поль читалъ больше, чѣмъ Юрьевы, и—главное—имѣлъ подъ руками нѣсколько газетъ. Его вранье выходило болѣе правдивымъ или, вѣрнѣе, въ его словахъ даже не сомнѣвались, такъ какъ мундиръ гвардейца доказывалъ, что Котлубаевъ имѣетъ средства.

Люди обманывающіе всегда почти инстинктивно чувствуютъ, что имъ не довѣряютъ, и невольно обличаютъ себя обиліемъ доказательствъ. Ольга Арсеньевна особенно много говорила о своей любви къ оперѣ, пользуясь тѣмъ, что оперы даются изъ сезона въ сезонъ все тѣ же, съ поразительнымъ постоянствомъ.

— Вѣдь намъ очень легко доставать билеты, благодаря Костѣ,—не удержалась Вѣра, желая втянуть въ разговоръ кузена и щегольнуть, что и у нихъ есть мундирная единица.

«Экая дура!» подумалъ Костя и довольно рѣзко отозвался:

— Ну, при моихъ занятіяхъ, довольно трудно посѣщать театры. Вѣдь я курсъ кончаю!

— Передайте, прошу, Марьѣ Львовнѣ мою благодарность. Я постараюсь быть...

— Навѣрное?—съ милой улыбкой переспросилъ Поль. Зоя покраснѣла и отъ смущенія, и отъ досады на то, что смущается.

— Да, да, она будетъ! Мы вамъ такъ признательны,—безтактно вмѣшалась мать, чувствуя себя старшей и желая показать свое значеніе въ семьѣ. Ей очень хотѣлось, чтобы Котлубаевъ пригласилъ ея любимицу, Вѣру, и она ни съ того, ни съ сего добавила:

— Хотя Зоя нигдѣ одна не бываетъ, но къ вашей сестрицѣ—дѣло другое. Мои дочери,—я говорю,—всюду вмѣстѣ, всюду... Неразлучныя!

Вѣра вспыхнула отъ досады, и, со своею постоянною манерою серьезно шутить, сказала:

— Кромѣ тѣхъ дней, когда мы порознь, а такихъ дней... около трехсотъ...

Котлубаевъ докурилъ папиросу, положилъ окурокъ въ пепельницу и сталъ прощаться.

Почтительно поклонившись Ольгѣ Арсеньевнѣ и сестрамъ,

Digitized by Google

онъ пожалъ руку Костѣ. Зоя проводила гостя до дверей, поблагодаривъ за вниманіе. Поль спросилъ вполголоса, тѣмъ дружескимъ тономъ, который иногда устанавливается между малознакомыми, но хорошо знающими другъ друга людьми:

— Но вы пріѣдете? Да?

— Непремѣнно!—рѣшительно отвѣчала Зоя и привѣтливо улыбнулась.

Съ минуты возвращенія домой, она только сейчасъ почувствовала себя легко. Котлубаевъ уѣхалъ. Едва затворились за нимъ двери, какъ начался тотъ мѣщанскій разгулъ, который Зоя такъ ненавидѣла. Каждое слово Поля повторялось, переворачивалось, истолковывалось и вкривь, и вкось. Ничему не вѣрили и все объясняли по своему. Даже самый фактъ пріѣзда Котлубаева съ деньгами приняли за желаніе посмотрѣть: *какъ* живутъ Юрьевы.

Ольга Арсеньевна находила это вполнѣ естественнымъ, но Зоя возмущалась. Мать говорила, что, приглашая въ свой домъ гостью, барышню, Котлубаева хотѣла знать, какова семья, но молодая дѣвушка видѣла въ посѣщеніи Поля самое естественное желаніе исправить непріятную случайность.

— Какая наивность!—воскликнула Вѣра.—Не могли они развѣ прислать деньги съ деньщикомъ, съ посыльнымъ? Конечно, хотѣлъ посмотрѣть, какъ мы живемъ...

— Очень имъ нужно!

— А какія онъ хорошія папиросы куритъ! Платокъ надушенъ иланжиланомъ... Со вкусомъ молодой человѣкъ! А ты замѣтила, мама, какъ онъ сказалъ...

И опять начиналось пережевываніе различныхъ подробностей, обличающее, что у людей слишкомъ мало впечатлѣній, но очень много способности къ пересудамъ. Костя давно ушелъ къ себѣ, а Зоя сидѣла въ углу, на диванѣ, кутаясь въ платокъ.

Все, что говорили мама и сестра, могло быть самою святою истиною, но дѣвушкой овладѣвали тоска, досада и безсильная злоба за эти пересуды.

«Да что же это,—думалось ей,—какая я стала нетерпимая!.. Точно и не люблю ни мамы, ни Вѣры? Нѣтъ, нѣтъ, люблю, а только... Не нравится мнѣ ихъ манера судачить».

Наговорившись досыта, вспомнили о подаркахъ, прине-

Digitized by Google

сенныхъ Зоей. Въ суматохѣ, когда пріѣзжалъ Котлубаевъ, пакеты сбросили на диванъ, а теперь стали разбирать ихъ, хвалить, спрашивать, что̀ стоитъ, и благодарили Зою. Той радости, которую ощущала дѣвушка, неся домой покупки, сдѣланныя на свои первыя *трудовыя* деньги,—не вызвали ни слова признательности, ни одобренія вкусу и умѣнью Зои. Да, ожиданіе было лучше осуществленія!...

Смутное недовольство, почти разочарованіе ощущала дѣвушка; но, зная, что Вѣра способна заподозрить ее въ раскаяньѣ по поводу сдѣланныхъ подарковъ, старалась быть веселой и разговорчивой.

— Тебѣ самой надо чулки купить! Зачѣмъ ты мнѣ даришь, когда самой нужно?—благородничала Вѣра, въ сущности очень довольная подаркомъ.

Зоя схватила сестру за талію и стала кружить ее по комнатѣ, въ порывѣ какой-то злой и смѣлой энергіи. Ей точно хотѣлось забыться, или не на что было истратить вспыхнувшую въ груди силу. Въ такія минуты люди начинаютъ или придираться, или высказывать свою любовь... Накипаетъ въ душѣ нѣчто новое, неясное, возбуждающее не то слезы, не то смѣхъ.

— Не бранись, Вѣрòкъ! Не бранись. Вѣдь это мои первыя трудовыя деньги!—смѣясь, воскликнула Зоя и бросилась на диванъ.

Ольга Арсеньевна молча встала, подошла къ Зоѣ и, крѣпко обнявъ ее, сказала:

— Спасибо, моя дѣвочка!

— Полно, мама, за что? Милая, я такъ счастлива!—со слезами на глазахъ говорила Зоя и нѣжно, горячо цѣловала свою мать.

Теперь она чувствовала, что опять любитъ маму, горячо, хорошо любитъ; чувствовала свою несправедливость и съ безмолвнымъ раскаяньемъ цѣловала руки, щоки и плечи старушки, мысленно давая слово быть терпимѣе...

— Счастливая Зоя!—вырвалось у Вѣры.

— Чѣмъ? Въ чемъ ея счастье?—спросилъ Костя, появляясь въ дверяхъ.—Что у васъ тутъ было? Слышу: кружатся такъ, что столы дрожатъ, а потомъ поцѣлуи... Трогательная сцена?

Digitized by Google

Мать и Зоя молчали. Онѣ сидѣли обнявшись, счастливыя, радостныя. Вѣра по своему объясняла случившееся:

— Зоя—счастливая! Она *сама* зарабатываетъ деньги. Она можетъ и подарки дѣлать, и себѣ все, что̀ нужно... Мамѣ, конечно, пріятно... Да, я завидую Зоѣ... Счастливая, счастливая!

Зоя торжествовала. Наконецъ-то ее признали полезнымъ членомъ семьи! Она жадно смотрѣла на Костю, ожидая, что̀ *онъ* скажетъ...

— Тебѣ-то нечего завидовать, Вѣра!—сказалъ онъ.—Зоя вноситъ деньги, конечно, но ты—хозяйка... Безъ тебя мы бы пропали. Безъ денегъ Зои мы жили, но отними тебя—капутъ. Каждый долженъ дѣлать свое...

Костя былъ правъ, но Зоѣ стало холодно отъ его словъ и ей показалось даже, что мама отодвинулась отъ нея...

XV.

Вечеринка у Котлубаевыхъ очень удалась. Гостей собралось немного, но все люди нужные или интересные. Балласта, въ видѣ несимпатичныхъ жонъ, являющихся вмѣстѣ съ мужемъ, пріятнымъ гостемъ; мужей, которые сами по себѣ никому не нужны, но терпимы, какъ свѣтскій налогъ,—такихъ знакомыхъ Мари умѣла ловко отстранять. Несимпатичная жена была абонирована въ день ея вечеринки, ненужный мужъ ѣхалъ на засѣданіе... При извѣстной неделикатности, они могли пріѣхать около часу ночи, но у Котлубаевыхъ не балъ, даже не парадный вечеръ... Собирались и разъѣзжались сравнительно рано, а послѣ ужина папа шелъ спать и оставались только «свои».

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Хотимскій, человѣкъ, котораго страстно любила Мари.

Онъ давно, но сравнительно рѣдко, бывалъ у нихъ, и Котлубаевой казалось, что Оскаръ Владиміровичъ относится къ ней болѣе чѣмъ симпатично... Небогатый, безъ опредѣленнаго положенія, онъ служилъ въ одномъ изъ казенныхъ учрежденій и получалъ небольшое содержаніе, словомъ, какъ женихъ, не представлялъ ничего завиднаго; но Мари полюбила его, полюбила упрямо, настойчиво, какъ умѣютъ любить немолодыя

Digitized by Google

дѣвушки, зная, что—это ихъ послѣдняя надежда, послѣдній порывъ угасающей способности. Пріятель Поля, скрипачъ Свентицкій, пріѣхалъ, чтобы дать концертъ. Зоя любила музыку, не на словахъ, не шумливо и восторженно, какъ у насъ теперь все любятъ и ненавидятъ, но искренно понимала и наслаждалась звуками мелодіи.

Она не знала свѣтскаго запрета: не разговаривать, пока играютъ, но по душѣ не могла бы болтать или слушать болтовню, когда въ воздухѣ дрожатъ чудные звуки, когда они затрогиваютъ самыя сокровенныя струны души, пробуждаютъ забытое и нашептываютъ несбыточно прекрасное...

Когда Поль сталъ играть на скрипкѣ, Зоѣ вдругъ сдѣлалось холодно и жутко.

Ей почудилось, что она слышала уже давно его игру, давно, на томъ благотворительно-аристократическомъ вечерѣ, на которомъ была съ отцомъ. Неужели это былъ онъ? Изящный, красивый мальчикъ въ бархатной курткѣ, съ длинными кудрями, онъ казался иностранцемъ... Его всѣ хвалили, имъ восхищались, повторяли его имя.

«Какъ называли его тогда? Маркизъ... Да, да, какой-то маркизъ»... силилась вспомнить Зоя. «Что же, былъ это Поль или нѣкто другой, очень похожій... Ахъ, да, вотъ въ чемъ дѣло! Этотъ юноша участвовалъ въ живыхъ картинахъ, изображая маркиза Позу... Оттого его такъ называли и въ афишахъ, и въ средѣ зрителей»...

Поль подошелъ къ Юрьевой. Какъ артистъ въ душѣ, не избалованный поклоненіемъ женщинъ, бѣгающихъ только за «признанными знаменитостями», молодой человѣкъ былъ сердечно признателенъ Зоѣ за ея вниманіе. Общность вкусовъ роднитъ людей, а умѣнье понимать музыку обличаетъ благородную натуру.

Молодые люди разговорились.

— Вы никогда не участвовали въ концертахъ?—между прочимъ, спросила Зоя.

— Теперь не имѣю ни права, ни охоты, а прежде, лѣтъ десять тому назадъ, участвовалъ... Одинъ разъ...

Павелъ Львовичъ увлекся, разсказывая о своихъ юношескихъ впечатлѣніяхъ. Очень просто, но образно нарисовалъ онъ картинку того вечера и добавилъ, улыбаясь:

Digitized by Google

— Да, есть вещи, которыя какъ-то не забываются, есть особенныя ощущенія, обладающія удивительною живучестью... Вотъ сцена, подмостки, напримѣръ... Разъ выступилъ, испыталъ это жгучее и сладкое волненіе, и конецъ... Погибъ человѣкъ!

— Отчего же погибъ?.. Талантъ...

— Вотъ въ томъ-то и весь вопросъ. *Есть талантъ*, приноси всѣ жертвы, никого и ничего не жалѣй. Замѣтьте, я говорю съ убѣжденіемъ: никого и ничего. Но если это только способность, даже дарованіе,—взвѣшивай, разсчитывай, торгуйся съ самимъ собою изъ-за каждаго шага...

Голосъ Котлубаева звучалъ печалью. Очевидно, молодой человѣкъ не признавалъ въ себѣ таланта и болѣлъ душой. Зоѣ хотѣлось утѣшить его, вымолвить это чудное словечко, поднимающее изъ праха за облака, но она не рѣшалась льстить изъ чувства симпатіи.

Въ комнату вошелъ Савурскій и направился къ хозяйкѣ, сидѣвшей въ гостинной, вмѣстѣ съ Наташей, Хотимскимъ и Магоринымъ.

— Вотъ одинъ изъ такихъ неудачниковъ!—сказалъ Поль, говоря съ Зоей такимъ тономъ, какъ будто они были знакомы много лѣтъ и хорошо знали другъ друга.

— Неудачникъ? Онъ? Что вы? Богачъ... Чудесное положеніе... Его всѣ знаютъ.

— И все таки несчастнѣйшій человѣкъ!

— Но отчего же, отчего?—допытывалась Юрьева, заинтересованная словами Поля.

Она слѣдила взоромъ за статною фигурой дѣльца и ей казалось, что дѣйствительный неудачникъ не могъ бы ни держаться такъ гордо, ни говорить тономъ, не допускающимъ возраженій. Неудачники, которыхъ знала Зоя,—имѣли другой видъ.

— А вотъ отчего,—оживленно говорилъ Котлубаевъ,—у Савурскаго былъ моментъ, когда онъ могъ прославиться разомъ... изъ неизвѣстности попасть въ знаменитости... Тутъ дѣло одно было. Я хорошо, слишкомъ хорошо его знаю, потому что отецъ разорился, благодаря ему... Вамъ Мари не разсказывала?—быстро спросилъ Поль, не любившій ни слушать вторично, ни повторяться.

Digitized by Google

— Нѣтъ, о чемъ?

— Да вотъ о томъ, какъ мы изъ богатыхъ людей стали бѣдняками?

— Развѣ? Неужели вашъ отецъ разорился?

— Да, да, но это такъ, между прочимъ... Не знаю, зачѣмъ я вамъ сталъ говорить... Я хотѣлъ про Савурскаго. Онъ былъ помощникомъ извѣстнаго адвоката Христовича, но тотъ уѣхалъ и поручилъ ему вести дѣло... тоже очень и очень извѣстнаго дѣльца Сорохтина.

Зоя едва не выдала себя, услыхавъ отъ Поля фамилію отца, но успѣла овладѣть своимъ волненіемъ, рѣшаясь не перебивать, не возражать.

Наконецъ-то она узнаетъ, *что* говорятъ въ обществѣ.

— Сорохтинъ? Развѣ это былъ дѣлецъ?

— О, о, какой! Интереснѣйшій человѣкъ въ сущности. Умница, обаятельный, щедрый, и вмѣстѣ съ тѣмъ... Ахъ, что это, Ловецкая явилась?

Зоя обернулась и увидала проходившую мимо ихъ уголка, скрытаго ширмой, высокую блондинку, полную, съ намазаннымъ, нѣкогда красивымъ, лицомъ. Мазалась Ловецкая и нагло, и неизящно. Ея волосы сверкали золотымъ отливомъ, щоки поражали яркимъ румянцемъ, но всего ужаснѣе были вѣки глазъ, покрытыя черною тушью. Издали—глаза ея казались провалившимися, и вся ея фигура, всѣ манеры—все поражало вульгарностью.

Мари встала ей навстрѣчу, смущенная, но исполняющая долгъ хозяйки. Выраженіе злобы, отвращенія и безсильной досады скользнуло въ лицѣ Поля. Онъ забылъ, о чемъ говорилъ, и смотрѣлъ на Ловецкую, какъ человѣкъ, способный сдѣлать дерзость.

— Знакомая отца... жена его... прежняя,—добавилъ молодой человѣкъ, желая пояснить Зоѣ причину появленія такой особы и какъ бы опасаясь, что дѣвушка сочтетъ ее знакомою Мари.

— Такъ что же этотъ дѣлецъ?.. Вы начали...

— Да, да,—оживляясь, подхватилъ Котлубаевъ,—я говорилъ о Сорохтинѣ. Это—типъ былъ!.. Громадныя деньги зарабатывалъ и давалъ своимъ товарищамъ срывать куши, но, понимаете, онъ дѣлалъ преступленія на законномъ основаніи!

Digitized by Google

— Преступленія?

— Вамъ это трудно понять, Зоя Юрьевна, тутъ надо быть юристомъ, или... пострадать, какъ мы пострадали... Мой отецъ довѣрилъ Сорохтину 40 тысячъ на дѣло... Оно должно было дать полмилліона, а дало... тюрьму, позоръ и ссылку для Сорохтина.

— Значитъ, онъ былъ виновенъ?

— Какъ вамъ сказать? И да, и нѣтъ... Съ точки зрѣнія *буквы* закона, онъ правъ, но съ нравственной... Зла онъ много сдѣлалъ людямъ, тѣмъ людямъ, которые ему довѣряли... Вѣдь всѣ эти деньги давались ему на слово, безъ документа.

— Но зачѣмъ же? Зачѣмъ? *Онъ* не хотѣлъ? Я спрашиваю: Сорохтинъ отказывался дать расписки или тамъ эти... документы?..

— И не то!.. Нѣтъ! Трудно объяснить. Видите ли, есть дѣла, въ которыхъ нельзя ни давать, ни брать расписокъ... Мой отецъ, и другіе тоже, всѣ они рисковали. Эти деньги шли на взятки, на подкупы, можетъ быть... Сорохтинъ не могъ давать расписокъ! Потомъ, на судѣ оказалось, что онъ... жилъ страшно богато... имѣлъ чуть ли не три семьи. У его жены осталось огромное состояніе...

Зоя хотѣла крикнуть: «неправда... ложь»! но закусила губу и молчала. «Надо узнать, надо все узнать»!..

Не подозрѣвая, какія нѣжныя струны затрогиваетъ онъ, Поль продолжалъ говорить о Савурскомъ, упоминая, между прочимъ, имя Сорохтина.

— Вотъ тутъ-то онъ и не съумѣлъ показать себя. Онъ такъ неудачно велъ все дѣло, въ отсутствіи Христовича, что тотъ уже не могъ исправить всѣхъ ошибокъ. Вѣдь только потомъ добрались, что нѣтъ состава преступленія.

— Его оправдали... Его признали невиновнымъ! Онъ могъ вернуться изъ ссылки, но умеръ,—горячо возразила Зоя и добавила, понижая тонъ:—У насъ, въ гимназіи, была родственница Сорохтина, его племянница или дочь...

— Это не то, Зоя Юрьевна!.. Преступленія Сорохтина несомнѣнны... и зла онъ много сдѣлалъ, непоправимаго, жестокаго... хорошимъ людямъ сдѣлалъ зло. Его не оправдали, да и не могли оправдать, тутъ нѣчто другое. Понимаете, законъ *не предусмотрѣлъ* такихъ правонарушеній, нѣтъ статьи, по которой его слѣдовало судить. Это...

Digitized by Google

И Котлубаевъ сталъ объяснять, приводя примѣры, не дошедшіе до суда. Факты были некрасивы, — Зоя инстинктомъ понимала это,—но тотъ же инстинктъ любви къ отцу и привычка обожать его память заставляли дѣвушку не вѣрить словамъ Поля и даже видѣть въ нихъ стремленіе оклеветать человѣка, виновнаго только въ разореніи семьи Котлубаевыхъ. Поль случайно коснулся имени Сорохтина, но, коснувшись, естественно увлекся. Онъ хотѣлъ обрисовать Савурскаго, медленно добившагося выдающагося положенія, но, говоря о немъ, невольно сравнивалъ съ Сорохтинымъ. Зоя узнала то, о чемъ никогда не слыхала раньше. Ея отецъ, Сорохтинъ, занималъ нѣкогда мѣсто товарища прокурора въ Сибири и, благодаря этому, зналъ тайны очень богатыхъ людей. Переѣхавъ въ Москву послѣ выхода въ отставку, Сорохтинъ недолго состоялъ въ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ, но долженъ былъ выйти изъ среды товарищей. Изъ-за чего?—Котлубаевъ отозвался незнаніемъ, а Зоѣ показалось неловкимъ настаивать и выказывать любопытство...

Точно кошмаръ, давило дѣвушку мрачное сознаніе, что здѣсь есть правда, ужасная, позорная правда, но все таки ей не хотѣлось вѣрить словамъ Поля. Негодованіе, вызываемое непріятнымъ извѣстіемъ, нерѣдко обращается на вѣстовщика, ни въ чемъ, конечно, неповиннаго. Зою раздражала необходимость слушать Котлубаева, и самый голосъ молодаго человѣка, его наружность, манеры, — все, все казалось ей теперь несимпатичнымъ. Ограждая свою колеблющуюся вѣру въ отца, свою любовь и уваженіе къ нему, Зоя естественно должна была видѣть въ Полѣ клеветника.

Сказать ему: «я дочь того, кого вы позорите»!—невозможно... Надо было раньше заявить, а не теперь... Да и наконецъ, придется потерять урокъ, а тамъ, дома, нужда.

«Можетъ быть, мама, Вѣра и Костя знаютъ объ отцѣ эту позорную правду и только отъ нея скрывали истину? Не оттого ли всѣ они такъ упорно таятъ свою близость къ Сорохтину? Не оттого ли мама взяла честное слово съ нея: «не болтать объ отцѣ»? Господи, мука какая! Сколько противорѣчій... Непонятнаго сколько! То, что говорилъ Котлубаевъ,—ужасно, ужасно... *Не предусмотрѣно закономъ*, и оттого онъ правъ! Нѣтъ, невѣроятно... Добрый, чудный, умный, ласковый папа,—

Digitized by Google

развѣ могъ онъ дѣлать зло, разорять людей, довѣрявшихъ ему? «Три семьи было»? «Жена имѣетъ огромное состояніе»? Да объ немъ ли все это говорится»?

Зоя провела рукой по лбу. Злость, чисто физическая злость затравленнаго звѣрка, кипѣла въ ея душѣ и, когда Котлубаевъ, говоря о Савурскомъ, сказалъ что-то не въ его пользу,—Зоя вдругъ вступилась и начала горячо защищать его. Молодой человѣкъ загадочно усмѣхнулся.

— Какой счастливецъ этотъ Савурскій! Вотъ и Мари, и всѣ дамы, и дѣвушки удивительно располагаются къ нему... Особенное искусство привлекать женскія сердца!.. Я думаю, что тайна его владычества...

Что бы ни сказалъ теперь Поль, Зоя все равно стала бы возражать и спорить... Онъ сердилъ, возмущалъ ее, этотъ человѣкъ, съ наивною дерзостью сорвавшій завѣсу и поколебавшій вѣру, которою жила Зоя.

— Онъ никого не любитъ и потому ровенъ со всѣми. Онъ никѣмъ и ничѣмъ не дорожитъ, и потому замѣчательно уступчивъ и мягокъ. Что онъ такое въ самомъ дѣлѣ? — никто не знаетъ,—говорилъ Поль.

— А другіе... Точно *можно* узнать человѣка?!. Вотъ вы... Вы мнѣ казались такимъ справедливымъ, добрымъ, а между тѣмъ...

Зоя тяжело перевела дыханіе. Котлубаевъ думалъ, что она шутитъ, но дѣвушка закончила болѣе сухимъ, раздражительнымъ тономъ:

— Ни объ комъ вы не сказали добраго слова... ни объ комъ! Послушать васъ, такъ всѣ люди—преступники. Вы даже мертвыхъ не щадите!..

Мари подходила къ нимъ, ища брата, и Зоя быстро встала. Ей хотѣлось уѣхать изъ этого дома, бѣжать отъ людей, бывшихъ врагами ея покойнаго отца.

Поль клеветалъ на Сорохтина... А если онъ говорилъ правду? Такъ или иначе, но здѣсь ей не мѣсто.

XVI.

Однако, уйти Юрьевой не удалось.

Марья Львовна искренно привязалась къ милой дѣвушкѣ и не хотѣла ее отпускать. Зоя осталась, присматриваясь къ

Digitized by Google

гостямъ, стараясь опредѣлять ихъ взаимныя отношенія и нравственныя качества.

Поль отказался пѣть и играть, благодаря присутствію Ловецкой, которую оба они, братъ и сестра, одинаково ненавидѣли. Гости разошлись, образуя кружки, и всѣмъ было весело, легко. Мари умѣла занимать, не стѣсняя, и управлять бесѣдой, не выказывая владычества. Свентицкій уѣхалъ на другой вечеръ, но обѣщалъ вернуться къ ужину; Магоринъ сидѣлъ въ кабинетѣ, гдѣ играли въ винтъ, но время отъ времени выходилъ и, остановившись, смотрѣлъ на Мари. Сегодня она была особенно оживлена, интересна и очень любезна.

Благодаря деньгамъ Магорина, ей не нужно было дрожать, какъ всегда, при мысли: хватитъ ли закусокъ, вина и жаркаго. Всего было запасено съ избыткомъ, и Ловецкая завистливо поглядывала на сервировку стола, фрукты и т. д. Она соображала, что дѣла Котлубаевыхъ вѣроятно поправились и, слѣдовательно, можно сорвать со старика подарокъ. Лукавая женщина начинала даже каяться, что продала вексель... Можно было, пожалуй, получить полностью? Впрочемъ, передача документа устроена какъ будто безъ ея вѣдома. Надо пріѣхать завтра къ старику и подвинтить его.

Савурскій видимо обрадовался, встрѣтивъ Зою. Онъ усѣлся возлѣ, сталъ интересоваться ея занятіями и самъ предложилъ похлопотать о мѣстѣ.

— Пожалуйста. Вы сдѣлаете мнѣ громадное удовольствіе и одолженіе!

— А, надоѣли уроки? Я говорилъ... Помилуйте, вѣдь это...

Зоя мечтала отказаться отъ занятій съ Наташей, чтобы не бывать у Котлубаевыхъ. Слова Поля, что Сорохтинъ разорилъ ихъ семью, удручали молодую дѣвушку... Дочь «преступника» не должна бывать въ ихъ честномъ домѣ! Интересно, однако, на какія же это «честныя дѣла» давалъ старикъ Котлубаевъ десятки тысячъ, разсчитывая получить сотни? Странно все это, загадочно, а спрашивать нельзя! Юрьевой вспомнилось теперь, что старикъ Котлубаевъ брюзжалъ на кого-то, «ограбившаго» его, «надувшаго», и т. д. Неужели онъ говорилъ о Сорохтинѣ?

«Да, да, попрошу Савурскаго достать мѣсто и мнѣ, и Вѣрѣ», рѣшала Зоя. «Онъ можетъ... только чтобы сюда не ходить больше»...

Digitized by Google

И Юрьева очень мило и любезно бесѣдовала съ адвокатомъ, который плотоядно глядѣлъ на дѣвушку. Они говорили о Тарховскихъ, объ общихъ знакомыхъ, и весело смѣялись: онъ—довольный, что быстро приручилъ «студенточку», она,—стремясь задавить мучительную тоску.

— Черезъ недѣлю и вамъ, и сестрѣ будутъ мѣста... Ручаюсь вамъ,—говорилъ Савурскій.—Только въ разныхъ правленіяхъ... Ничего?

— Еще лучше!—вырвалось у Зои.

Адвокатъ лукаво прищурилъ глаза.

— Правда? Лучше? И я тоже думаю.

Юрьевой опять что-то не понравилось въ его тонѣ, но она себя же обвинила въ нетерпимости. Въ это мгновенье, изъ залы раздалось пѣніе Поля. Зоя обернулась къ дверямъ.

— Вы — поклонница нашей будущей знаменитости? — съ ироніей спросилъ Савурскій.

— Нѣтъ!—рѣшительно отвѣчала Зоя, и ей стало казаться, «что голосъ Поля также непріятенъ, какъ самъ этотъ клеветникъ».—Я люблю самый романсъ,—пояснила она.

— Часто бываете въ оперѣ?

— Совсѣмъ не бываю!

Зоѣ вспомнилось хвастовство матери передъ Котлубаевымъ и, точно мстя за него, она добавила, смѣясь:

— И нéкогда и нé на что!

— У меня два кресла. Пожалуйста... къ вашимъ услугамъ. Любите читать—я всѣ журналы получаю. Все, что̀ захотите...

Савурскій шелъ проторенной дорожкой. Такъ онъ всегда начиналъ ухаживать за «студентками», зная, что ихъ честныя, наивныя сердца всегда можно подкупить новою книжкой, билетомъ въ оперу, да мѣстомъ для голодающей подруги.

Не привыкли учащіяся и трудящіяся женщины къ рыцарскому вниманію мужчинъ. Товарищи по ремеслу ихъ не балуютъ, а люди инаго круга воображаютъ, что съ интеллигентною дѣвушкой можно разсуждать только о наукѣ. Левъ Даниловичъ не впадалъ въ такую ошибку, и его любили въ средѣ молодежи, хотя на душѣ его было немало проступковъ идейнаго и даже нравственнаго характера...

Уловивъ свободную минутку, Мари осталась наединѣ съ Хотимскимъ. Оба они ожидали этой возможности, оба хитрили,

Digitized by Google

стараясь освободиться отъ бесѣды съ другими и, наконецъ, очутились вдвоемъ.

Самообладающая и гордая Мари чувствовала себя наивною пансіонеркою, а Хотимскій, первый разъ въ жизни попавшій въ положеніе героя романа, окончательно растерялся. Мари написала ему загадочно-нѣжное письмо. Она любитъ его... Она, дочь человѣка, обладающаго связями, такая партія, да это счастье... Правда, Мари не молода, не особенно красива, но она умная, славная дѣвушка. За нею навѣрное хорошее приданое. Со средствами люди!.. Еще бы, братъ — гвардеецъ... живутъ богато. Какая обстановка... ужины, вино... Конечно, надо сдѣлать предложеніе... А если она пошутила? Если просто такъ... подурачилась? Говорятъ, свѣтскія барышни любятъ почудить? Разсердится еще вдругъ?

Совершенно не знающій женщинъ, Хотимскій очень любилъ разсуждать объ нихъ и, какъ всѣ ему подобные теоретическіе практики, придавалъ особенное значеніе отрицательнымъ качествамъ. Чтобы хвалить и видѣть хорошее — надо *знать*; передавать дурное можно и съ чужихъ словъ... Чѣмъ сильнѣе бранитъ человѣкъ то, чего не понимаетъ, тѣмъ болѣе свѣдущимъ кажется онъ въ наше время.

— Я вамъ такъ благодаренъ...—началъ Хотимскій робкимъ тономъ.—Ваше вниманіе, ваша доброта...

Женщины не любятъ излишней робости въ человѣкѣ, возбуждающемъ ихъ влеченіе, и истолковываютъ его въ невыгодномъ для себя смыслѣ. Такъ было и съ Мари. Она тревожно глядѣла на Оскара Владиміровича, желая, чтобы онъ сказалъ наконецъ завѣтное слово... Вѣдь любитъ же онъ ее, любитъ! Она сдѣлала шагъ, на который не всякая способна. Въ ея запискѣ, между строкъ, можно прочесть признаніе... Неужели не понялъ онъ? Но Хотимскій мнется, волнуется, а не смѣетъ говорить. Онъ такой скромный... Надо помочь ему. Сейчасъ войдутъ—помѣшаютъ.

Никто не помѣшалъ, однако, и признаніе состоялось. Кто сказалъ первый слово: «люблю»,—неизвѣстно. Сегодня, подъ вліяніемъ героическаго настроенія, Хотимскій считалъ, что *онъ* выказалъ больше энергіи. Со временемъ, быть можетъ, они будутъ каяться и проклинать эту минуту.

— Да, люблю; давно, давно люблю!—просто и смѣло со-

Digitized by Google

знавалась Марія Львовна, съ лаской и нѣжностью смотря въ некрасивое лицо Хотимскаго.

Тотъ взялъ ея руку, пожалъ, и снова поцѣловалъ. Слова Мари смущали его, выбивали изъ колеи. Думая о бракѣ, онъ представлялъ себѣ иную картину... Онъ могъ жениться по любви на бѣдной простенькой модисткѣ, — изъ порядочныхъ, конечно,—и тогда бы игралъ извѣстную роль. Онъ могъ составить себѣ партію, женясь на немолодой, некрасивой, но богатой дѣвушкѣ, но тогда не было бы разговоровъ о любви, а тутъ что-то странное... Въ головѣ Хотимскаго скользило подозрѣніе, обычное для людей его пошиба. Неспособный къ горячему увлеченію, онъ удивился, замѣчая, что Мари такъ въ него «втюрилась». Въ *любовь* же онъ не вѣрилъ, слѣдовательно...

«Можетъ быть, ей *нужно* выйти замужъ»?—съ пошловатою хитростью соображалъ онъ.—«Или отецъ мало приданаго даетъ, такъ она своею нѣжностью хочетъ меня закружить»?

И вотъ, когда старѣющая дѣвушка вполнѣ чисто и искренно говорила Хотимскому, что любитъ его давно уже, что она такъ счастлива теперь, встрѣтивъ сочувствіе, практичный вскормленникъ столичныхъ чердаковъ, мечтающій о бракѣ, какъ о выгодной сдѣлкѣ, думалъ: когда же нужно сдѣлать офиціальное предложеніе.

«Сколько за нею дадутъ? Вѣдь ея отецъ можетъ мнѣ, кромѣ того, мѣсто доставить... Ну, конечно! Попрошу ее»...

— Вы позволите мнѣ завтра явиться къ вашему батюшкѣ?—сказалъ Хотимскій, очень довольный, что снующіе гости мѣшаютъ вести болѣе опредѣленный разговоръ.

Онъ чувствовалъ, что вчера, даже сегодня, до настоящаго объясненія, Мари ему больше нравилась... Сдѣлавшись ближе къ нему, она какъ бы теряла извѣстную долю прежняго очарованія и ярче замѣчались ея недостатки...

«Зубы желтые... Морщинки на вискахъ... сложена ничего себѣ, но пополнѣть бы не вредно»!..

— Нѣтъ, нѣтъ, не завтра,—быстро возразила Мари.—Отца надо подготовить, и вообще... Я вамъ напишу, а вы... отвѣчайте мнѣ. Я знаю, вы очень заняты, у меня тоже много работы. Я...

— Изъ магазина къ модисткѣ, а отъ модистки въ магазинъ! У васъ много работы? Знаю я свѣтскихъ барышень...

Digitized by Google

Мари покоробило отъ его смѣха. Ей хотѣлось дружески посвятить его въ свои дѣла и, вообще, въ будущемъ мужѣ найти настоящаго друга, съ которымъ можно говорить обо всемъ, а онъ... онъ повторялъ пошлыя шутки мужчинъ, принципіально издѣвающихся надъ женщинами.

— Узнаете меня поближе, такъ увидите!

За ужиномъ Мари была очень оживлена и любезна. Счастье красило ее, придавая выраженію лица что-то особенное, и Савурскій, знатокъ и любитель женщинъ, сидѣвшій возлѣ Зои, говорилъ ей, что Котлубаева сегодня похожа на Джульету...

— Но кто—Ромео,—ума не приложу!—заключилъ онъ.

— Славная она, Марья Львовна!

— Да, славная, а потому и не оцѣнена по достоинству. Когда она еще была моложе и они обладали хорошими средствами, наша милая хозяйка ожидала наслѣднаго принца, Бову Королевича. Теперь же...

— А развѣ они бѣдны въ настоящее время?

— Да ихъ тоже разорилъ Сорохтинъ!—совершенно спокойно, какъ нѣчто непреложное, вымолвилъ Савурскій и продолжалъ расказывать различныя подробности о Мари, ея отцѣ и братѣ, называя послѣдняго артистической натурой, талантливымъ и прекраснымъ человѣкомъ.

Мари усердно угощала Зою, но дѣвушка, проголодавшаяся за цѣлый вечеръ, все таки ничего не ѣла... Въ этомъ домѣ, гдѣ порицали ея отца, среди людей, считавшихъ Сорохтина негодяемъ, ей нельзя было ни ѣсть, ни пить. Бѣжать должна бы она отсюда, но...

Зоя видѣла теперь на практикѣ, какъ трудно, почти невозможно оставаться стойкою и защищать свои убѣжденія. Уйти, отказаться отъ урока, порвать связи, да, это нетрудно, но, торжествуя, она заставитъ нуждаться свою семью...

Зоя осталась. Она надѣялась, что, познакомившись съ Савурскимъ, узнаетъ отъ него всѣ подробности, всю правду, которая и страшила ее, и привлекала...

Многіе изъ гостей понимали, какое непріятное впечатлѣніе производитъ Ловецкая, и съ цѣлью подчеркнуть свое уваженіе къ Мари, наперерывъ одинъ передъ другимъ предлагали тосты за любезную хозяйку.

Ловецкая багровѣла отъ злобы; старикъ Котлубаевъ него-

Digitized by Google

довалъ за такую безтактность и бросалъ на дочь сердитые взгляды, а Хотимскій наслаждался, видя общую симпатію къ Марьѣ Львовнѣ. Теперь онъ начиналъ любить ее значительно больше, и ему хотѣлось бы подчеркнуть, что онъ не просто ея знакомый... Кое-гдѣ на ужинахъ, въ своей средѣ, Хотимскій рѣшался провозглашать тосты, но здѣсь такой способности за нимъ не знали и всѣ переглянулись съ удивленіемъ, когда молодой человѣкъ всталъ и, откашливаясь, постучалъ ножемъ объ тарелку. Мари испугалась. Это была вспышка чисто материнской тревоги за сына-птенчика, впервые показывающаго свое искусство.

— Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ, уважаемый...— началъ Хотимскій, обращаясь къ старику Котлубаеву.

Всѣ слушали внимательно: одни улыбаясь, другіе серьезно. Оскаръ Владиміровичъ съ честью вышелъ изъ испытанія. Ловко подобранныя и обязательно льстивыя фразы всегда производятъ пріятное ощущеніе. Онѣ щекочатъ слухъ и, понятно, возбуждаютъ благодарныя улыбки. Хотимскій умѣло коснулся радушія хозяина, любезности Мари и таланта Поля. Марья Львовна глубоко, съ облегченіемъ, вздохнула.

Только теперь сознавала она всю силу тревоги за Оскара Владиміровича. Всматриваясь въ лица гостей, она видѣла, что тостъ Хотимскаго всѣмъ понравился, и ей становилось еще пріятнѣе. Онъ не осрамился въ сущности, и только; но Мари казалось, что Оскаръ Владиміровичъ совершилъ нѣчто удивительное, грандіозное.

— Очень, очень хорошо. Замѣчательно! Какое у васъ краснорѣчіе!—шепнула Мари, когда Хотимскій подошелъ къ ней, чтобы чокнуться.

— Я говорилъ только для васъ!..

Вкусно облизываясь и охорашиваясь, точно лѣнтяй, случайно сорвавшій пятерку, Хотимскій вернулся на свое мѣсто, на дальнемъ концѣ стола, и Мари слѣдила за нимъ нѣжнымъ взоромъ.

«Сюда, рядомъ съ собою, милый, посадила бы я тебя»,— думала Мари, сама раздувая свою любовь къ ничтожному, ничего интереснаго не представляющему, человѣку.

— Вотъ поразилъ меня нашъ Молчалинъ,—насмѣшливо сказалъ Магоринъ, обращаясь къ Мари.—Каковъ! Рѣчи произноситъ.

Digitized by Google

— Про кого вы говорите? — холодно спросила Марья Львовна.—Ахъ, да, объ Оскарѣ Владиміровичѣ... Ну, что же тутъ смѣшнаго? Очень мило сказалъ...

Магоринъ пожалъ плечами.

— Зависитъ отъ вкуса... Я не люблю разночинцевъ, особенно нахальныхъ...

И Мари промолчала. Въ ея душѣ кипѣло желаніе заступиться за милаго человѣка, но она не смѣла сказать ни слова. Магоринъ выручилъ ее сегодня... Она должна быть къ нему любезной и снисходительной, должна скрывать свои ощущенія...

Блѣдная рѣчь ничтожнаго человѣка раззадорила Савурскаго. Зоя сказала, что любитъ слушать рѣчи, и красивый адвокатъ всталъ, откинулъ волосы назадъ и произнесъ блестящую рѣчь. Все затихло, замерло; всѣ смотрѣли на Савурскаго, боясь шелохнуться, чтобы не помѣшать оратору. Возбужденный присутствіемъ интересной «студентки», Левъ Даниловичъ щегольнулъ. Казалось, онъ хотѣлъ показать свою силу и, дѣйствительно, въ теченіе десяти—двадцати минутъ Савурскій всецѣло овладѣлъ общественнымъ вниманіемъ. Слушатели смѣялись, потомъ становились серьезны, почти мрачны, а затѣмъ слезы умиленія показывались у нихъ на рѣсницахъ. Онъ царилъ надо всѣми, заставляя думать и чувствовать такъ, какъ хотѣлъ онъ самъ. Въ формѣ тоста, адвокатъ разсказалъ дѣло, которое будетъ слушаться на дняхъ въ судѣ, и картина за картиной рисовались передъ слушателями.

Зоя дрожала отъ нервной тревоги. Она слушала, не сводя глазъ съ лица Савурскаго, а тотъ, отлично зная производимое впечатлѣніе, не обращалъ на нее никакого вниманія.

«Боже мой, какая сила слова!»—думала Зоя. «Да, такимъ и долженъ быть проповѣдникъ истины, добра и правды. Да, такой заставитъ думать по своему. Какъ легко, образно, какъ красиво говоритъ онъ. Ахъ, умница»!

Громкія рукоплесканія покрыли послѣднія слова рѣчи и, подъ оглушительный гулъ ихъ, Савурскій наклонился къ Зоѣ и сказалъ:

— Какъ я радъ, что *вамъ* понравилось!

Съ Савурскимъ чокались, его хвалили, имъ восторгались, и только два человѣка, эгоистически настроенные, были имъ

Digitized by Google

недовольны. Хотимскій мысленно роптал, думая, что адвокатъ заговорилъ *нарочно*, чтобы уничтожить впечатлѣніе, произведенное *его* рѣчью, а Мари... Мари находила, что со стороны Савурскаго бестактно высказывать свою силу... Для нея—рѣчь Хотимскаго была лучше. Вѣдь онъ не готовился... онъ не адвокатъ!

— Смотрите, Зоя Юрьевна, васъ хочетъ съѣсть офицеръ!—шепнулъ ей Савурскій.

Поль пристально смотрѣлъ на Зою, машинально разминая въ рукахъ хлѣбный шарикъ. Лицо Котлубаева было блѣдно, глаза печальны. Онъ смотрѣлъ на Юрьеву и, дѣйствительно, думалъ о ней, о Савурскомъ.

«Въ чемъ заключается тайна обаянія такихъ людей, какъ Левъ Даниловичъ? Что влечетъ къ нимъ женщинъ и дѣвушекъ? Слава, мода? Странно! Не понимаю. Вотъ и эта милая, умная, простая дѣвушка, а вѣдь и она тоже... поддается. Да, пожалуй, всѣхъ ихъ влечетъ смутная жажда побѣды надъ человѣкомъ, отрицающимъ въ женщинѣ все, кромѣ забавы... Каждая думаетъ: я не поддамся. А между тѣмъ... Неужели и Зоѣ предстоитъ та же судьба? Нѣтъ, я предостерегу ее»...

К. Назарьева.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Звѣздочка.

На небо глядѣлъ я... Душа трепетала
Предъ чуднымъ величьемъ красы міровой,
И вѣяло грустью отъ жизни земной.
А звѣздочка тихо мерцала, мерцала...

И лучъ ея нѣжный, казалось, привѣтомъ
Сіялъ мнѣ изъ страшныхъ небесныхъ глубинъ;
Восторженный трепетъ души былъ отвѣтомъ
На это сіянье... Темно... Я одинъ.
Окрестность заснула давно и мечтала,
А звѣздочка тихо мерцала, мерцала...

И новыя чувства въ груди шевелились,
И свѣтлыя думы неслись далеко:
Мгновенья земныя какъ будто сроднились
Съ загадочной вѣчностью... Какъ мнѣ легко!..
Какъ много волненій,—но жизни какъ мало!
А звѣздочка тихо мерцала, мерцала...

Еще разъ взглянулъ я на небо,—вставала
Угрюмая туча надъ темной горой...
Все ближе и ближе... Ужь вотъ надо мной
И звѣздочка скрылась—мерцать перестала!

Зачѣмъ она скрылась? Зачѣмъ этой тучей
Лучъ нѣжный и чудный оторванъ отъ насъ?
И грустно мнѣ, грустно, что свѣтъ тотъ погасъ,
Какъ гаснетъ отрада предъ скорбью могучей...

В. Булгаковъ.

Digitized by Google

Воспоминанія уланскаго корнета *).

(Николаевское время).

Отъ автора.

Несомнѣнно, что отдалившееся отъ насъ время царствованія государя Николая Павловича представляется теперь, въ своей почти полувѣковой перспективѣ, историческимъ временемъ, интересъ къ которому будетъ для насъ увеличиваться по мѣрѣ нашего отъ него отдаленія. Отдаляемся мы отъ него не только годами, но и нашимъ, быстро шагающимъ, развитіемъ. Великія гуманныя начала, положенныя въ основаніе общественныхъ и государственныхъ реформъ незабвеннаго Царя-Освободителя, рѣзко разграничили области нашего русскаго прошлаго и нашего русскаго настоящаго. Бытовыя черты русской жизни,—какъ выражались онѣ въ гражданской и военной службѣ, въ духовенствѣ, въ помѣстномъ дворянствѣ до крымской войны,—интересны теперь не столько сами по себѣ, сколько по сравненію ихъ съ условіями нашего современнаго быта во всѣхъ его видахъ. Сравнивая же тѣ и другія условія — прошлаго и настоящаго—невольно повторишь слова поэта:

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

Такъ не похоже, во многомъ, наше прошлое съ нашимъ настоящимъ, раздѣленныя только съ небольшимъ сорока годами, но годами, пережитыми нами такъ, какъ бы мы пережили цѣлыя столѣтія. Нашъ поворотъ въ сторону европейскаго движенія, какъ послѣдствіе крымской войны, какъ фактъ назрѣвшей исторической необходимости, можно сравнить развѣ только съ реформой Петра Великаго. Но петровская реформаторская дѣятельность, насильственно навязавъ неподготовленнымъ къ ней народнымъ массамъ свои новшества, по неволѣ ограничивалась внѣшнимъ характеромъ; тогда какъ реформы Александра II глубоко проникли въ народныя массы, уже исторически къ ней подготовленныя и нуждавшіяся въ ней.

*) «Воспоминанія» эти доставлены намъ В. Л. Марковымъ.

Digitized by Google

Въ нашей отечественной исторіи едва ли можно найти другую эпоху, такую плодотворную и отрадную по своимъ послѣдствіямъ для блага государства и самосознанія русскаго народа, какую переживаемъ мы, современники. И именно наше самосознаніе обязываетъ насъ дорожить нашей исторіей, въ какой бы литературной формѣ ни изображалась она. Одушевляемый такимъ убѣжденіемъ, авторъ предлагаемыхъ здѣсь воспоминаній смѣетъ думать, что и его скромные разсказы возстановятъ въ памяти военныхъ стариковъ нѣкоторыя бытовыя черты «николаевской» военной службы, и познакомятъ съ ними нынѣшнюю молодежь, по своей обязательной «воинской повинности», не могущую даже составить себѣ понятіе о нашей былой военной службѣ, съ ея двадцатипятилѣтнимъ солдатскимъ срокомъ.

I.

Мнѣ не холодно въ юнкерской шинелькѣ, «подбитой уксусомъ»,— по юнкерскому выраженію. Форменный воротникъ, вмѣстѣ съ толстымъ, тоже форменнымъ галстукомъ, успѣли уже отъ Чугуева натереть мнѣ непривычную къ такимъ хомутамъ «барчуковскую» шею,—ту самую бѣлую выхоленную шею, что̀ такъ любила цѣловать до̀ма маменька. Я же былъ «маменькинъ сынокъ». Занятый новизной своего положенія, пріемомъ, ожидающимъ меня «въ полку», я мало обращалъ вниманія на отвратительную, кочковатую дорогу и на тряскую «перекладную» телѣгу. Кругомъ гладкая безъ конца степь, утомительная своимъ однообразіемъ, какъ ладонь ровная, безъ враговъ, бѣжитъ за мною и по сторонамъ, далеко опережая меня.

На побурѣвшей, выжженной лѣтнимъ солнцемъ, степи безъ признака тѣни бѣлѣлись каменные четырехъугольные — одинъ въ одинъ—столбы, смѣняясь съ точностью, способною раздражить или навести уныніе даже на легкомысленнаго юношу. Я же, какъ русскій человѣкъ, не терпѣлъ вообще нѣмецкой точности. Между этими бѣлыми столбами, которые впрочемъ, скоро смѣнились желтыми, чернѣлась взбуравленная копытами и колесами широкая полоса большой дороги, по которой вьется блестящая лента, подсушенная осеннимъ вѣтромъ и до глянца накатанная шинами. По сторонамъ темнѣлись частые, большіе скирды «степова̀го» сѣна, подходившіе и къ самой дорогѣ. Никогда еще я не видѣлъ такихъ степей и столько сѣна!

— Уланское,—замѣтилъ ямщикъ, зѣвая громко.

Digitized by Google

Я въѣхалъ въ «Уланщину», какъ народъ называлъ военное поселеніе на Украйнѣ. Оно начиналось съ высокой бѣлой каменной пирамиды—столба межеваго. Какъ межевые, такъ и поверстные столбы были выкрашены по цвѣтамъ киверовъ уланскихъ полковъ, расположенныхъ по округамъ военнаго поселенія. Такимъ образомъ, въ первомъ округѣ столбы были красные, во второмъ—бѣлые, въ третьемъ—желтые, въ четвертомъ—синіе. Я глядѣлъ на это скучное однообразіе степи и вдыхалъ съ удовольствіемъ сильный ароматъ степнаго сѣна, напоминавшій лѣто. Глазъ мой привыкъ къ болѣе разнообразнымъ и картиннымъ мѣстамъ съ частыми помѣщичьими усадьбами, лѣсистыми оврагами и мелкой однодворческой чрезполосностью. Во внимательности, съ какою я присматривался къ этимъ новымъ для меня мѣстамъ съ чуждымъ мнѣ характеромъ, заключалась, конечно, тайная печаль, близкая къ страху. Страхъ неизвѣстности, во власть которой довѣрчиво предавалъ я себя, мѣшалась во мнѣ съ молодою грустью по родной семьѣ, по родной и милой мнѣ деревнѣ. Мои молодыя силы, еще не испытанныя, мои молодыя надежды, еще не помятыя, не омраченныя жизнью, двигали меня впередъ ужь по такому естественному закону, который требовалъ этимъ готовымъ юношескимъ силамъ и надеждамъ—движенія, выхода изъ деревенскаго покоя и косности, теперь уже не удовлетворявшихъ ихъ. Душа и умъ словно трепетали за что-то близкое; я пыталъ свою судьбу и мысленно заглядывалъ въ будущее, — такое, какимъ я представлялъ его себѣ...

Вылъ холодный вѣтеръ, разрывая тучи, расчищая звѣздное небо. Въ быстро надвигающихся осеннихъ сумеркахъ скрипятъ и чернѣютъ, медленно тянущіеся, чумацкіе обозы. Моя почтовая тройка безпрестанно объѣзжаетъ длинныя улицы, тѣсно уставленныхъ на ночь вдоль дороги, возовъ съ сѣномъ, соломой, дровами и мѣшками съ зерномъ; волы паслись, костры весело пылали, озаряя ужинающихъ или отдыхающихъ подводчиковъ.

— Казенный нарядъ,—замѣтилъ ямщикъ.

— Какой такой нарядъ?—простодушно спросилъ я.

— А въ полкъ фуражъ и провіантъ везутъ военные поселяне, по наряду,—пояснилъ онъ.—Сила ихъ идетъ, не разминѣшься!..

За тѣсными рядами нагруженныхъ возовъ бѣлѣютъ тучные рогатые волы. Промежъ возовъ яркіе огни. Въ ихъ красномъ дрожащемъ свѣтѣ страшными кажутся загорѣлыя чубатыя рожи хохловъ съ висячими усами, въ короткихъ свиткахъ, и кругло-остриженныя, по солдатски, головы военныхъ поселянъ въ форменныхъ сѣрыхъ кафтанахъ.

Digitized by Google

— Баба!—сказалъ мнѣ ямщикъ, указывая кнутомъ влѣво. Я всмотрѣлся: сбоку дороги, на курганѣ, неявственно чернѣлся каменный истуканъ. Тьма и безлюдье казались мнѣ приличными символами мрачнаго духа, олицетвореннаго въ этой «бабѣ». Жутко въ степи, въ темнотѣ; сожалѣешь о родномъ домѣ, о родной ласкѣ, о сытномъ и мирномъ домашнемъ теплѣ.

Нѣсколько колокольчиковъ и множество бубенчиковъ быстро приближались навстрѣчу, оглушая и радуя меня. Во весь духъ неслась лихая тройка, за нею отстала другая, третья, четвертая. Передній коренникъ скакалъ, отчаянно задравъ голову подъ дугу; пристяжныя, на отлетѣ, чуть не разстилались по землѣ, подкидывая задомъ.

— Юнкаря гуляютъ! Ратѣевская тройка!—не безъ удовольствія замѣтилъ ямщикъ, торопливо сворачивая съ дороги. Бѣдовые господа! не свернулъ—лупка тебѣ тутъ же. Безпардонные!

— Берегись! Съ дороги прочь!—кричали голоса.

Едва мы свернули, мимо меня, чуть не зацѣпивъ валькомъ пристяжной за нашу пристяжную, стрѣлой пролетѣлъ фаэтонъ съ открытымъ верхомъ, съ юнкерами «борисоглѣбцами», моими будущими товарищами: въ моихъ глазахъ мелькнули желтые околыши уланскихъ фуражекъ, лихо надѣтыхъ на бекрень или сдвинутыхъ на остриженный затылокъ. По неистовому крику и безобразному хохоту, я догадался, что развеселая компанія пьянѣшенька.

— Съ гррра̀домъ! Разноси!—ухарски выкрикивалъ на козлахъ молодцоватый юнкеръ, съ фуражкою блиномъ на затылкѣ, въ накинутой на широкія плечи толстой сѣрой шинели, съ открытою грудью въ канаусовой рубашкѣ. Я примѣтилъ его грузинскій носъ. Нагнувшись впередъ, съ вытянутыми въ рукахъ возжами, онъ ловко правилъ тройкой, которую усердно настегивалъ кнутомъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ, на козлахъ, юнкеръ въ новой дублёнкѣ. Этотъ весело подмигнулъ мнѣ, оскаливъ усмѣшкою, блеснувшіе въ темнотѣ, бѣлые зубы. Бросился мнѣ въ глаза профиль хорошенькаго молоденькаго юнкера, отважно свѣсившагося изъ фаэтона и кланявшагося мнѣ такъ, что я за него испугался—вотъ-вотъ упадетъ. Веселые крики и насмѣшки, явно на мой счетъ, бросали меня то въ жаръ, то въ холодъ. Самолюбіе мое было задѣто такимъ пошлымъ отношеніемъ товарищей, еще мнѣ незнакомыхъ, прежде чѣмъ я явился въ полковой штабъ. Второй тарантасъ и еще двѣ телѣжки съ юнкерами промчались, убѣдивъ меня въ томъ, что юнкера—народъ бѣдовый и,—какъ ямщикъ выразился,—«господа безпардонные». Я оглянулся на нихъ и посмотрѣлъ вслѣдъ имъ съ недоумѣніемъ и чувствомъ для меня новымъ, неопредѣленнымъ, но

Digitized by Google

живымъ, захватывающимъ всего меня. Я не только сочувствовалъ подкутившимъ юнкерамъ, даже жалѣлъ, что я не съ ними. Какъ бы увлекаемый пронесшимся мимо меня молодымъ разгуломъ, я надвинулъ фуражку на ухо, хотя никто не могъ быть свидѣтелемъ моей молодцоватости, и крикнулъ ямщику: «пошелъ»! такъ, какъ до этой минуты я не кричалъ, да и кричать не умѣлъ. Товарищи—видно—научили.

Должно быть, иной примѣръ заразителенъ: и ямщикъ, подобравъ возжи и взмахнувъ кнутомъ надъ хвостами тройки, «ухнулъ». Тройка разошлась. Засвѣтились огоньки. Слава богу, вотъ и Ново-Борисоглѣбскъ—штабъ полка!

У поднятаго пестраго шлагбаума и бѣлаго караульнаго домика, хотя безъ караула,—ямщикъ поѣхалъ тише.

— Ратѣевъ юнкарь отличается,—замѣтилъ ямщикъ.—Что за кучера-то у него на фаэтонѣ; носатый,—онъ самый. Когда это везешь его на почтовыхъ, ну, не дреми. Не любитъ. Пошелъ, да пошелъ—не то въ затылокъ тебя двинетъ. А угодилъ—цѣлковый на водку... Господинъ — и говорить нечего, изо всѣхъ гремитъ по полку.

Вѣтрянки шумятъ крыльями на широкихъ выгонахъ, со всѣхъ сторонъ охватывающихъ огромную слободу. Бѣлѣются по сторонамъ манежи, команды, эскадронныя конюшни, цейхгаузы; потянулись: безконечная, широкая улица «штаба», ровная четырехъугольная площадь, обсаженная рядомъ гигантскихъ тополей, окруженная бѣлыми парадными домиками подъ черепицей и оградами самой казенной постройки; вездѣ свѣтятся окна; звяканье сабель и мѣрный шагъ медленно движущагося по деревянной платформѣ часоваго улана въ клеенчатомъ киверѣ и бѣлой амуниціи сверхъ сѣрой длинной шинели, съ карабиномъ на плечѣ; пестрыя сошки, окно за желѣзной рѣшеткой и въ растворенныхъ дверяхъ кордегардіи караульные уланы со вспыхивающими трубочками, — утверждаютъ меня въ мысли, что это гауптвахта, куда, вѣроятно, и я попаду въ свое время.

На плацу, съ крашеными столбиками и итальянскими тополями, пятиглавая деревянная церковь.

Проѣзжая мимо ея, я набожно перекрестился и горячо помолился Богу, какъ только молится неопытный и безпомощный юноша, брошенный судьбою въ чужую сторону, среди чужихъ людей. «Поселянскіе» домики о трехъ окнахъ по фасаду, бѣленькіе, съ красными ставнями и желтыми тесовыми фронтонами однообразныхъ соломенныхъ крышъ, строго, словно солдатскій строй, выровнены по широкой песчаной улицѣ, наводя на меня своимъ однообразіемъ

Digitized by Google

невольное уныніе. Кирпичныя ограды и даже плетни — казеннаго вида. Наконецъ, я на «постояломъ».

II.

Чуть-свѣтъ поднялся я искать квартиры, и наконецъ нашелъ. Одинъ, на чужой сторонѣ, среди чужихъ людей! И скучно, и жутко. Родина, семья, отчій домъ теперь представлялись мнѣ въ лицѣ моего вѣрнаго «личарды»—крѣпостнаго малаго Алешки, посланнаго отцомъ со мною въ качествѣ повара, камердинера и factotum'а. Онъ «ходилъ на оброкѣ», нанимаясь въ нашемъ губернскомъ городѣ по трактирамъ, любилъ читать «читательныя» книги,—какъ онъ называлъ книги свѣтскаго содержанія, т. е. романы суздальскаго издѣлія,—а потому считался въ нашей дворнѣ образованнымъ человѣкомъ. Онъ былъ постарше меня года на четыре. Въ нанковомъ сюртукѣ, въ смазныхъ сапогахъ, грязныхъ съ дороги, въ длинныхъ голенищахъ которыхъ прятались его старенькіе штаны, со вспутанной головой, онъ, казалось мнѣ, поглядывалъ вокругъ себя безнадежно и съ понятнымъ мнѣ сожалѣніемъ о губернскихъ трактирахъ съ громогласной «машиной» и всегда развеселыми гостями, которыхъ онъ кормилъ селянками съ осетриной или съ почками, пирогами и прочею вкусною благодатью, подходящею къ купеческому апетиту. Онъ теперь даже меньше величался передо мною своею трактирною свѣтскостью и хлыщеватымъ самомнѣніемъ, и сами вытаращенные, тараканьи глаза его и его желтые тараканьи усы замѣтно потеряли свою обычную храбрость. И путь на передкѣ перекладной помялъ таки его.

Мы молча, невесело взглянули другъ на друга, прежде чѣмъ онъ помогъ мнѣ раздѣться. Отъ него несло дымомъ и жаренымъ.

— Усталъ и голоденъ, вотъ какъ голоденъ!—замѣтилъ я, обрадованный вѣрными признаками того, что поваръ позаботился о нашемъ обѣдѣ.—Накорми меня, Алеша. Ты и столъ накрылъ, братъ? молодцомъ!—похвалилъ я его, при видѣ салфетки, скромно прикрывавшей конецъ сосноваго стола, а на ней одинокаго прибора со стаканомъ и графиномъ воды.

— Сейчасъ, барчукъ; дѣло не за мною, извольте за столъ садиться: готово...

Я въ первый еще разъ сѣлъ обѣдать въ одиночку, сѣлъ за «свой столъ». Такая самодовольная мысль нѣсколько ободрила меня, тѣмъ болѣе, что не одинъ же я здѣсь, въ полку, «маменькинъ сынокъ», начинаю свою новую, самостоятельную жизнь. Здѣсь много насъ, далеко оставившихъ своихъ близкихъ и ласковую, милую ро-

Digitized by Google

дину. Спасибо Алешкѣ! я пообѣдалъ отлично, чуть ли не двѣ тарелки щей капустныхъ убралъ и полъ-сковородки котлетъ съ уксусомъ и лукомъ. Сытый, я гораздо снисходительнѣе отнесся къ своей низенькой, но просторной комнатѣ, оклеенной дешевенькими «шпалерами», съ глинянымъ, впрочемъ, очень гладкимъ и чистымъ поломъ, въ три окошка на улицу, изъ которыхъ одно было за низкой досчатой переборкой, отдѣлявшей мою маленькую спаленку отъ остальной части комнаты, которую я предназначилъ для пріемной, столовой и гостинной. Въ висячемъ на стѣнѣ красномъ шкафчикѣ за стеклянной дверцей Алешка, подъ моимъ личнымъ руководствомъ, разставилъ скромную посуду, пріѣхавшую со мною во вмѣстительномъ погребцѣ; простой столъ мы скрыли подъ нарядной—яркими букетами—шерстяной скатертью; широкую длинную лавку украсили ковромъ; бархатный ковершикъ, съ картиною бедуина на верблюдѣ и источника подъ пальмами, мы прибили надъ постелью. На лежанкѣ уставили самоваръ, кастрюли и прочія кухонныя принадлежности; книги помѣстились въ уголку на лавкѣ.

Исполненный любопытства къ новому мѣсту, новымъ людямъ и новой жизни, я чувствовалъ какую-то тихую, сладкую грусть. Мать вспоминалась мнѣ чаще всѣхъ. Но мнѣ не сидѣлось дома. Въ возбужденномъ состояніи я одѣлся и вышелъ на улицу. Въ «лейбикѣ»,—синей курткѣ тонкаго сукна,—надвинувъ на бекрень уланскую фуражку съ желтымъ околышемъ, путая иногда смѣшно сапогами, съ непривычки цѣплявшими за шпоры, я направился по главной улицѣ штаба — «Офицерской». Офицерская улица была такою же неизбѣжною принадлежностью полковаго штаба въ военныхъ поселеніяхъ, какъ «Московская» улица есть принадлежность губернскаго города, а солдатъ Ивановъ и поручикъ Ивановъ—необходимые чины русскаго полка.

Навстрѣчу мнѣ шли два высокихъ молодца, въ формѣ славнаго нижегородскаго драгунскаго полка. Кавказская форма бросилась мнѣ въ глаза: высокія черныя папахи съ надписью на мѣдныхъ блестящихъ знакахъ «за отличіе», куртки съ патронами на груди, широкіе шаровары съ краснымъ лампасомъ, шашки съ боку—какъ нельзя лучше шли къ этимъ широкоплечимъ, статнымъ, усатымъ лихачамъ. Я невольно подумалъ, что свободная кавказская форма приспособлена къ боевымъ обязанностямъ точно также, какъ кургузая, щеголеватая уланская форма—для плацъ-парада. Кавказцы шли съ гордой осанкой, съ самоувѣренностью храбрецовъ, «видавшихъ виды», закаленныхъ въ горной войнѣ, которымъ «самъ чортъ не братъ». Они смѣялись слишкомъ откровенно и на мой счетъ—это я сейчасъ понялъ. Красные, словно хмѣлемъ налитые, большіе

Digitized by Google

глаза одного изъ нихъ, красавца съ темными вьющимися усами, вызывали на бой не только меня, но, какъ мнѣ показалось, весь свѣтъ и всю тьму. Этотъ наглый, твердый взглядъ какъ бы говорилъ: «молокососъ-уланишка! тоже кавалеристъ, маменькинъ сынокъ! тебя бы къ намъ, въ Дагестанъ»! Веселая развязность, съ какою онъ подходилъ, свидѣтельствовала мнѣ о его готовности на всякій подходящій скандалъ. Товарищъ его, бѣлоголовый, бѣлоусый и еще пошире его въ плечахъ, съ солдатскимъ георгіемъ на груди,—смахивалъ на русскаго нѣмца и имѣлъ болѣе благоразумное выраженіе. Я—самъ не знаю отчего—вспыхнулъ и почувствовалъ, что слегка дрожу. Я понялъ вызовъ и готовъ былъ на него отвѣчать. Со мною, до этой минуты, никогда ничего подобнаго не было. Сознаніе, что я обязанъ поддержать «честь мундира», мною надѣтаго, если въ томъ настанетъ надобность, сообщало мнѣ смѣлость и легкость, съ которыми я стремился навстрѣчу этимъ молодцамъ. Видя необходимость свернуть хоть немножко передъ этой, напрямикъ ломившей, воинственной парой, я, скрѣпя сердце, взялъ въ сторону, но все таки покачнулся, задѣтый плечемъ усатаго нахала съ выпученными глазами. Очевидно, онъ не могъ лишить себя такого невиннаго удовольствія и измѣнить своимъ благороднымъ чиръ-юртскимъ привычкамъ.

Отъ такого грубаго, ничѣмъ не вызваннаго съ моей стороны, толчка, кровь ударила мнѣ въ голову; я остановился, обернулся и задыхающимся голосомъ воскликнулъ:—Милостивый государь! вы невѣжа!

Оба они тоже обернулись ко мнѣ.

— Что вы сказали?—спросилъ меня нахалъ.

— Что вы невѣжа!—твердо отчеканилъ я, вѣроятно, перемѣнившись отъ гнѣва въ лицѣ.

— Вѣжливости я пріѣхалъ у васъ здѣсь учиться, господинъ уланъ,—насмѣшливо сказалъ онъ мнѣ.—Тамъ, откуда мы пріѣхали, учатся головы рубить, и этому мы можемъ и васъ поучить, господа! Если же вы считаете себя оскорбленнымъ, господинъ уланъ, мы готовы дать вамъ удовлетвореніе, когда и на чемъ вамъ угодно!—спокойно замѣтилъ бѣлобрысый богатырь, съ любезной улыбкой поигрывая головкой своей боевой шашки.—Развѣ ты его толкнулъ, Астафьевъ?

— Нечаянно,—пояснилъ иронически нахальный красавецъ.

— Въ такомъ случаѣ тебѣ слѣдуетъ извиниться, Астафьевъ.

— Я не прочь, Вихманъ.

— За чѣмъ же дѣло стало?—Миролюбивый русскій нѣмецъ изъ Дагестана посматривалъ на меня совсѣмъ пріятельски.—Объ насъ

Digitized by Google

могутъ подумать, что мы съ тобою забіяки... это же нашъ будущій камрадъ...

— Pardon, monsieur!—обратился ко мнѣ нахальный красавецъ, сильно попахивая сивушкой, и теперь уже съ любезностью вполнѣ порядочнаго человѣка протягивалъ мнѣ руку въ бѣлой, безукоризненно свѣжей замшевой перчаткѣ.—Виноватъ!

Мнѣ только оставалось пожать предложенную руку, хоть я и ждалъ совсѣмъ другой развязки. Волненіе мое улеглось.

— Юнкеръ Астафьевъ!—представился мнѣ мой обидчикъ, очевидно когда-то знакомый съ условіями свѣтской жизни и иногда припоминавшій ихъ себѣ.

— Юнкеръ Вихманъ!—представился его бѣлобрысый товарищъ далеко не такъ ловко и любезно, какъ онъ.

Я долженъ былъ себя назвать, дивясь, что могутъ быть такіе старые юнкера. Я стоялъ растерянный, все еще сжимая рукою эфесъ сабли, самъ не зная, покончено ли между нами это глупое столкновеніе, и можно ли его покончить однимъ словомъ обидчика: «Pardon», да еще чуть ли не со смѣхомъ въ глаза сказаннымъ. Добродушное лицо Вихмана помогло мнѣ воздержаться отъ принятія вызова или отъ предложенія его Астафьеву. Повидимому, Вихманъ понялъ мою душевную борьбу и, узнавъ, что я свободенъ располагать своимъ временемъ, пригласилъ меня зайти къ нимъ на квартиру. Онъ мнѣ нравился, и я согласился.

По пути они сообщили мнѣ, что присланы сюда въ Россію съ Кавказа; что ихъ болѣе десяти человѣкъ нижегородскихъ драгунъ прикомандированы къ полкамъ нашей уланской дивизіи для узнанія службы.

— Почему же не прикомандировали васъ къ одной изъ драгунскихъ дивизій?—спросилъ я.

— Потому что драгунскій корпусъ, возвратясь изъ Венгріи, расположенъ еще на западныхъ границахъ, или идетъ оттуда сюда,— отвѣчалъ Вихманъ.

— Ну, а зачѣмъ вамъ узнавать нашу манежную и гарнизонную службу, когда вы свою боевую службу знаете?—спросилъ я.

— Для офицерскаго экзамена. Мы давно выслужили свои сроки для производства. Мы лѣтъ по двѣнадцати служимъ, слава богу! Мы, въ горахъ, воевали вѣдь съ черкесами, аулы ихъ жгли, а не пустяшничали, какъ вы тутъ, уланчики, пустяшничаете. Тамъ некогда заниматься вашей шагистикой. Мы тамъ и мундштука не знаемъ—на уздечкахъ все...

— Двѣнадцать лѣтъ—и юнкера еще?—въ недоумѣніи задался я вопросомъ, на который Вихманъ со смѣхомъ сказалъ:

Digitized by Google

— У насъ юнкеръ-Жабровскій болѣе пятнадцати лѣтъ служитъ, да десять рядовымъ отдулъ.

— Сколько же ему отъ роду лѣтъ?

— Да не всѣ ли пятьдесятъ.

Оба кавказца весело захохотали надъ моимъ очевиднымъ изумленіемъ, что можно быть юнкеромъ и пятидесяти лѣтъ.

— Какъ же это такъ?—повторялъ я,—не понимаю.

— Мы тамъ больше штрафованный народъ,—пояснилъ мнѣ веселый Вихманъ.—Вотъ мой благородный другъ Астафьевъ, генеральскій сынокъ, попалъ въ полкъ нашъ изъ пажескаго корпуса—рядовымъ.

Вихманъ сочувственно взглянулъ на своего товарища, какъ бы ему самому предоставляя честь объяснить причины, приведшія его изъ столицы на Кавказъ и низведшія изъ пажей въ солдаты.

— Въ «амбразуру» хватилъ дежурнаго офицера,—кратко замѣтилъ Астафьевъ со скромностью человѣка, не придающаго особеннаго значенія своему поступку, за который надѣлъ солдатскую «лямку».

— И прочіе мои товарищи—все это жертвы своего юношескаго, впрочемъ, благороднаго увлеченія,—продолжалъ Вихманъ въ своемъ неизмѣнявшемся веселомъ тонѣ.—Жабровскій, старецъ, пострадалъ за отечество. Не смѣйтесь: именно за отечество. Втроемъ—онъ, панъ Жигмонтъ Жабровскій съ Замѣхова, остатній каштелянъ; толстобрюхій ксендзъ, да обанкрутившійся поссесоръ панъ Богушъ—возстали мятежемъ на русскія власти, пошли на русскія арміи, но были ими побѣждены и плѣнены, къ своему горю. Теперь неудавшійся мятежникъ превратился въ почтеннаго служаку; изъ него выдетъ хорошій русскій офицеръ, кисло усмѣхающійся при одномъ словѣ: «повстанецъ» или «рухавка». Смѣшнѣе его никто не разскажетъ про «польское повстаніе» и его личное въ немъ участіе. Мы животики надрываемъ, когда онъ въ духѣ и не брюзжитъ, по своему обыкновенію, а разсказываетъ... Есть между нами и герой романа—Карбовскій-Дашкевичъ. Попалъ на Кавказъ за то, что знаменитая балерина и красавица испанка, Лолла-Монтесъ, предпочла его баварскому королю. Героя нашего выслали изъ Мюнхена въ Чиръ-Юртъ...

— Онъ объ одномъ жалѣлъ, что съ нимъ не выслали и Лоллу-Монтесъ,—замѣтилъ мрачный Астафьевъ, а Вихманъ добавилъ:

— Онъ божится, что Лолла, предпочитая его, не служившаго тогда русскаго дворянина,—баварскому королю, поступила именно такъ, какъ слѣдовало поступить пылкой красавицѣ-испанкѣ, нашедшей въ немъ все то, что ей было нужно, что ей нравилось вообще

Digitized by Google

въ мужчинѣ и чего не могъ дать ей король, не смотря на все свое могущество и богатство. Это убѣжденіе нѣсколько примиряло любовника Лоллы съ рѣзкимъ переходомъ его изъ нѣжныхъ объятій любимой красавицы къ кровопролитнымъ штурмамъ дагестанскихъ заваловъ. Впрочемъ, Кавказъ взялъ свое, и онъ теперь слышать не можетъ, когда ему напоминаютъ Лоллу и баварскаго короля.

— Любви онъ теперь предпочитаетъ чихирь, а балету—духанъ, по моему, по кавказски,—замѣтилъ неразговорчивый Астафьевъ.

— Итакъ,—весело продолжалъ Вихманъ,—всѣ мы, увлекавшіеся юноши, попавшіе по волѣ начальства на «погибельный Кавказъ» изъ Питера, изъ Варшавы, изъ Мюнхена, отовсюду—ставъ брадатыми мужами, не только отрицаемся своихъ юношескихъ увлеченій, но не хотимъ о нихъ и слышать. Къ моему прискорбію, только мой благородный другъ Астафьевъ пребываетъ неисправимымъ...

Вихманъ заставилъ себя чувствительно вздохнуть, тогда какъ глаза его лукаво смѣялись, глядя на товарища.

— Чего тебѣ надо отъ меня, нѣмецъ? — сурово замѣтилъ Астафьевъ со взглядомъ красныхъ опухшихъ глазъ, совсѣмъ не поощрявшемъ прохаживаться на его счетъ. Но Вихманъ закончилъ:

— Онъ остался тѣмъ же горячимъ пажемъ, готовымъ «хватить въ амбразуру» всякаго, кто только на него не такъ взглянетъ.

— И хвачу!—кратко, но рѣшительно подтвердилъ неудавшійся пажъ, превращенный въ отчаяннаго рубаку-кавказца.—Хвачу!

III.

Просторная квартира кавказскихъ друзей бросилась мнѣ въ глаза своимъ азіатскимъ характеромъ: не дешевые персидскіе ковры почти закрывали стѣны; на нихъ развѣшаны винтовки, шашки, ятаганы, пистолеты, кинжалы, пороховницы, очевидно восточнаго происхожденія, блестѣвшіе своими насѣчками, своими золочеными арабесками. Постели ихъ щеголяютъ яркими канаусовыми одѣялами и подушками. На лавкѣ кожаные мѣшки,—походные вьюки, полные походнымъ имуществомъ, застегивающіеся ремнями и перекидывающіеся черезъ вьючное сѣдло. Астафьевъ не утерпѣлъ—похвалился мнѣ своимъ кожанымъ мѣшкомъ съ гнѣздами, полными бутылокъ—«бутылочникомъ», вмѣщавшимъ въ себѣ запасы рома и коньяка, и сопровождавшимъ его въ горныхъ экспедиціяхъ. «Бутылочникъ» представился мнѣ въ полной исправности, даже съ штопоромъ и стаканчикомъ, хоть сейчасъ же на вьюкъ, хотя ни-

Digitized by Google

какая экспедиція не угрожала теперь его владѣльцу въ мирной Андреевкѣ. «Пьяная кабура» эта,—по словамъ храбраго кавказца, мудрая выдумка нѣкоего прославившагося пьяницы-капитана,—всегда готова къ «инспекторскому смотру». Меня удивилъ не только строгій порядокъ квартиры такихъ забубенныхъ рубакъ, но и ихъ цивилизованные вкусы, сказывавшіеся въ убранствѣ большаго стола, тоже исчезавшаго подъ персидскимъ ковромъ. Стеариновыя свѣчи, въ высокихъ нейзильберовыхъ подсвѣчникахъ съ розовыми и голубыми розетками; массивная чернильница, сафьянный бюваръ съ письменными принадлежностями, дагеротипные кабинетные портреты родныхъ лицъ, красивые прессъ-папье—съ фигурами собаки, коня подъ сѣдломъ, хищника-чеченца,—невольно заставили меня вопросительно взглянуть на Вихмана.

— Это моя слабость, безиндрясы эти! — замѣтилъ онъ, понявъ мой недоумѣвающій взглядъ.—Астафьевъ заботится только о нашемъ погребѣ, т. е. о спиртныхъ напиткахъ; до стола и удобствъ ему дѣла нѣтъ. Пьяная же часть у него процвѣтаетъ...

— Неугодно ли удостовѣриться?—Астафьевъ не безъ гордости протянулъ руку по направленію къ неуклюжей лежанкѣ, скромно завѣшанной ситцевой шторой, приглашая меня обратить туда вниманіе. Онъ отдернулъ штору, и я увидѣлъ баттарею тѣсно сдвинутыхъ бутылокъ съ разноцвѣтными этикетами, пирамиду свѣтлыхъ коробокъ съ сардинками и чуть ли не полъ-круга голландскаго сыра.

— На лежанкѣ-то винный погребокъ?—задался я вопросомъ вслухъ, не понимая, какъ же это можно вино держать въ тепломъ мѣстѣ. Вѣдь печи топить начали.

— Мы не топимъ своей квартиры, даже зимой,—замѣтилъ мнѣ Вихманъ, опять понявшій мой вопросъ о лежанкѣ.—Мы оба не выносимъ тепла.

— А когда холодъ большой? морозы? вы тогда мерзнуть должны въ своей квартирѣ?

— Никогда,—весело возразилъ мнѣ Вихманъ,—мы съ нимъ и въ палаткахъ зимой не мерзли. Полушубокъ, папаха, суконные чулки...

— И водка!—добавилъ Астафьевъ.—Мы съ водкой ничего и никого не боимся. Кстати: выпьемъ-ка, уланъ, за наше знакомство?—Я поблагодарилъ, сказавъ, что только что пообѣдалъ, да и водки не пью...

— Такъ вина, шампанскаго?—предложилъ онъ.

— Я вообще не употребляю спиртныхъ напитковъ, господа. Благодарю васъ!—замѣтилъ я, конфузясь именно отъ того, что не могу показаться имъ «настоящимъ» военнымъ.

*

Digitized by Google

Астафьевъ въ полномъ изумленіи вытаращилъ на меня свои красные, огромные глаза, и засвисталъ съ самымъ безнадежнымъ видомъ. Онъ даже сдѣлалъ ко мнѣ шагъ.

— Какой же ты уланъ?—сказалъ онъ съ обиднымъ для меня презрѣніемъ.—Уланъ вѣчно пьянъ! а ты отъ шампанскаго отрекаешься? ну, а въ карты? тоже швахъ?..

— Не играю.—Я страдалъ за свою, очевидную мнѣ самому, *плохость* и сознавалъ, что не выдержу съ честью военнаго экзамена у этого кавказскаго вояки, зимующаго въ нетопленой квартирѣ, обращающагося «на ты» съ почти незнакомымъ ему юнкеромъ, готоваго—наконецъ—«хватить въ амбразуру» всякаго, а слѣдовательно и меня, и начинающаго свое новое знакомство съ толчка и дерзости!..

Онъ не замедлилъ «привести себя въ порядокъ»,—его слова,—т. е. хватилъ добрый серебряный стаканчикъ водки и, вмѣсто закуски, звучно щелкнулъ языкомъ.

Пока я размышлялъ о томъ наглядномъ превосходствѣ кавказской военной школы передъ нашей «армейской», которое мнѣ представлялось и въ этихъ бравыхъ драгунахъ, и въ ихъ истинно «военной жилкѣ», въ умѣньѣ приспособиться ко всякимъ обстоятельствамъ, вездѣ устроиться по своему, по домашнему,—хозяева, за перегородкой, успѣли переодѣться. Передо мною возсѣдали теперь не драгуны, а линейные казаки въ канаусовыхъ рубахахъ, сверхъ которыхъ наброшены въ рукава широкія бѣлаго сукна черкески, въ широкихъ канаусовыхъ же шароварахъ, въ сафьяныхъ башмакахъ, въ чевякахъ, съ дымящимися трубками въ зубахъ. Я убѣждался, что кавказцы умѣютъ терпѣть и выносить ужасы горныхъ экспедицій, но умѣютъ и «кейфовать» не по нашему, не «по русски». Они сидѣли на низенькой широкой лавкѣ, на коврѣ, свободно поджавъ подъ себя ноги на восточный манеръ, покуривая и прихлебывая изъ стакановъ темное кахетинское вино, красовавшееся въ графинѣ на столѣ. Астафьевъ замѣтилъ мнѣ, что привезъ съ собой нѣсколько бурдюковъ этого чуднаго вина, безъ котораго «въ Россіи» пришлось бы ему околѣвать; ибо здѣшнюю бурду можно пить только съ отчаянія. Какъ я ни вертѣлся, а стаканъ кахетинскаго очутился и въ моей рукѣ; цѣльное вино зашумѣло и въ моей головѣ. Я помаленьку входилъ во вкусъ кавказскихъ обычаевъ и въ интересы тамошней опасной военной службы, о прелестяхъ которой, на перебой одинъ передъ другимъ, съ увлеченіемъ повѣствовали мнѣ оба драгуна. Оказалось, что Астафьевъ ходилъ въ двадцати слишкомъ экспедиціяхъ; дрался на дуэли, за аванпостами, съ пѣхотнымъ капитаномъ, сдѣлавшимъ ему дерзость.

Digitized by Google

Дрались ночью, оба пьяные, при пьяныхъ секундантахъ, въ канаусовыхъ рубашкахъ, на шашкахъ, а не на пистолетахъ, чтобы выстрѣлами не встревожить отряда; пѣхотинца онъ убилъ—сошло: показали убитаго насчетъ черкеса. Въ убитомъ, на завалѣ, капитанѣ,—славномъ изобрѣтателѣ «пьяной кабуры»—кровожадный юнкеръ жалѣлъ не человѣка, а забубенаго кутилу, сотоварища пьяныхъ оргій. Въ немъ самомъ уже давно умеръ «человѣкъ»; это я понималъ и чувствовалъ.

— Вотъ жизнь-то гдѣ—на Кавказѣ у насъ!—со вздохомъ сожалѣнія похвалялся Астафьевъ, помачивая длинные усы въ стаканѣ съ кахетинскимъ.—Раздолье! вина—пей, не хочу! нашимъ братомъ тамъ дорожатъ, не то, что здѣсь. А начальство-то наше? Отцы! у нихъ подлостью не выслужишься. Сами ранами да рубцами поднялись, заслужили генеральство, не по протекціи!..

— Мы опять вернемся на Кавказъ, офицерами, въ свой полкъ,—замѣтилъ Вихманъ.—Въ «Россію» къ вамъ ни за какія коврижки! У насъ въ Чиръ-Юртѣ да и въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ разлюбезное житье. Кто тамъ привыкъ—того сюда не потянетъ. Нѣтъ, тутъ у васъ не то совсѣмъ, люди не тѣ, скука!

Кавказцы оказались восточными людьми не только по костюму, но и по гостепріимству.

— Мой домъ—твой домъ, кунакъ!—смѣясь, говорилъ бѣлобрысый нѣмецъ Вихманъ, всячески желавшій сгладить непріятность первой нашей встрѣчи и пощеголять предо мною своимъ знаніемъ горскихъ обычаевъ и горскаго гостепріимства.—Другъ не накормитъ грязью своего нижайшаго слугу,—раздѣлитъ съ нимъ достарханъ. Алла верды!

И онъ поставилъ передо мною большой подносъ, полный изюму, миндалю, шепталы, орѣховъ,—въ увѣренности, не обманувшей его, что отъ такого лакомства не откажется маменькинъ сынокъ, какимъ они считали меня.

Въ то время какъ мы съ Вихманомъ забавлялись достарханомъ,—онъ поглощалъ его усерднѣе насъ, чѣмъ и слѣдовало объяснить раннюю порчу его зубовъ, — Астафьевъ мрачно тянулъ кахетинское, стаканъ за стаканомъ. Графинъ опорожнился. Усатое же лицо его, красивое само по себѣ, теперь пугало меня своимъ сквернымъ и страшнымъ выраженіемъ. Опустивъ хмѣльную голову, неподвижно уставясь въ полъ пылающими глазищами, онъ отъ времени до времени издавалъ неясные звуки, произносилъ безсмысленныя слова и такъ покачивался, что я ждалъ—вотъ-вотъ онъ повалится. Вихманъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ слѣдилъ за измѣненіемъ въ его лицѣ, теперь уже не красномъ, а синемъ. И вдругъ осторожно,

Digitized by Google

чтобы не возбудить вниманія совсѣмъ осовѣвшаго товарища, направился къ углу горницы, взялъ стоявшія тамъ обѣ шашки съ плечевыми ремнями, снятыя ими по возвращеніи домой, унесъ ихъ и спряталъ куда-то за перегородкой.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?—спросилъ я, когда онъ, по прежнему, осторожно и недовѣрчиво поглядывая на товарища, подсѣлъ опять ко мнѣ и горстью широкой руки всыпалъ себѣ въ ротъ изюму пополамъ съ миндалемъ.

— Надо, — отвѣтилъ петербургскій нѣмецъ шопотомъ: — Астафьевъ въ такомъ видѣ дѣлается Orlando furioso, даже хуже! Онъ можетъ васъ изрубить шашкой... Онъ теперь уже грёзитъ аттакой... слышите?

— Аннасыни, Бабасыни сыхейнъ!—разслышалъ я, въ неясныхъ звукахъ, издаваемыхъ пьянымъ драгуномъ, татарское проклятіе, вслѣдъ за которымъ онъ вскочилъ такъ быстро, какъ нельзя было ожидать отъ его ослабѣвшаго тѣла, пронзительно воскликнулъ:— гй-гй-гй! явно подражая черкесамъ, и, нагнувшись впередъ, съ правою рукою, вытянутою какъ бы для того, чтобы рубить шашкой, бросился въ уголъ, откуда только-что исчезло оружіе.

Не давъ опомниться Астафьеву, изумленному тѣмъ, что не нашелъ въ углу шашки, Вихманъ орломъ налетѣлъ на него сзади, схватилъ его, какъ говорится, «подъ силу» и, какъ малаго ребенка, отнесъ на постель.

Черезъ минуту, которую богатырь нѣмецъ простоялъ молча, возлѣ засыпавшаго пьяницы, я услыхалъ его сладкій храпъ, свидѣтельствовавшій уже о его полной неспособности вредить и драться.

— Видите? —многозначительно замѣтилъ мнѣ Вихманъ, опять подсаживаясь ко мнѣ и заключая въ свою объемистую руку нѣсколько волоцкихъ орѣховъ, сейчасъ же затрещавшихъ безъ малѣйшаго его усилія.—Прямо къ шашкѣ, разбойникъ! Сколько мнѣ съ нимъ хлопотъ, съ пьянымъ; сколько разъ я его—такимъ вотъ манеромъ—отъ убійства спасалъ. Вѣдь съ обнаженной шашкой онъ на васъ бросился бы. Ему спьяну аттака мерещится—онъ и рубитъ черкесовъ, т. е., кто ему подъ глупую шашку попадетъ. А трезвый—душа малый. Ну, теперь мертвое тѣло, пока не проспится. Успокойтесь, голубчикъ мой!—Онъ меня дружески поцѣловалъ.

— Вотъ вы удивляетесь, что мы привыкли зимовать въ нетопленой хатѣ, т. е., что зимою своей печи топить не будемъ,—заговорилъ онъ.—Разсказать бы вамъ хотя бы зимнюю нашу экспедицію въ Малую Чечню въ 1849 году. Вышли мы изъ Михайловской станицы 20-го ноября, а вернулись 20-го декабря, и все но-

Digitized by Google

члеги и днёвки на снѣгу; даже безъ палатокъ, голубчикъ, у пылающихъ костровъ. Вотъ гдѣ мы натерпѣлись, кузькину мать узнали.

— Ахъ, милѣйшій Вихманъ, разскажите! Пожалуйста,—обратился я къ нему, просительно взявъ за обѣ руки.—Разсказомъ своимъ вы угостите кунака лучше еще, чѣмъ достарханомъ. Пожалуйста! кунаку нельзя вѣдь отказывать?

— Нельзя, да я и не намѣренъ отказывать. Вспоминать кавказскую одиссею мнѣ всегда пріятно, хотя не со всякимъ пріятно дѣлиться пережитымъ впечатлѣніемъ. Но съ вами, голубчикъ!..— Онъ опять меня поцѣловалъ, какъ бы досказывая этимъ поцѣлуемъ недоконченную фразу.

Закуривъ «файку», онъ началъ:

— Тогда я служилъ въ Сунджанскомъ казачьемъ полку, подъ командою славнаго генерала Слѣпцова. Слыхали?

— Еще бы!—нѣсколько обидѣвшись на такой вопросъ, сказалъ я.—Кто-жь изъ насъ не знаетъ подвиговъ Слѣпцова, Пассека, Полтинина, Бакланова и прочихъ кавказскихъ героевъ того времени, да и настоящаго?—Я нарочно похвалился передъ нимъ своимъ знакомствомъ съ историческими лицами завоеванія Кавказа.

— А! ну, и отлично! Тѣмъ пріятнѣе мнѣ разсказывать—вы по военному интересуетесь нашимъ Кавказомъ... Такъ въ ноябрѣ—это было въ сорокъ девятомъ году—начальникъ владикавказскаго округа генералъ Ильинскій, съ двухтысячнымъ отрядомъ, сдѣлалъ набѣгъ на дикія мѣста карабулаковъ, для наказанія или покоренія галашевскихъ обществъ. Онъ прошелъ лѣснымъ Нестеровскимъ ущельемъ, а мы одновременно, изъ станицы Михайловской, перейдя въ бродъ рѣку Ассу, пошли со Слѣпцовымъ на укрѣпленье Ачхой, а оттуда къ «воротамъ» Бумутскаго ущелья. Между обоими ущельями: Нестеровскимъ и Бумутскимъ, по теченію рѣки Ассы, верстъ на восемьдесятъ тянется черный лѣсистый кряжъ, а на немъ гнѣздились аулы хищниковъ галашевцевъ, просто не приступные. Тамъ у нихъ, особенно въ бумутскомъ обществѣ, собирались абреки со всѣхъ мѣстъ для набѣговъ, такъ какъ тамъ же скрывался Шамиль, бѣжавшій десять лѣтъ назадъ изъ взятаго нами Ахульго... Бѣжалъ-то онъ всего съ четырнадцатью мюридами, да оттуда на Газаватъ, поднялъ Чечню... Хорошо, голубчикъ. Идемъ мы форсированнымъ шагомъ. Впереди Слѣпцовъ съ своими восьмью сотнями сунженцевъ-лихачей; горныя орудія, три батальона тенгинцевъ съ полковникомъ Веревкинымъ. Мѣсячная ночь и морозъ страшнѣйшій: кругомъ забѣлѣло, земля гудѣла подъ орудіями и отрядомъ, солдаты говорили: «земля-мать стонетъ, жалѣетъ дѣтокъ

Digitized by Google

своихъ, которымъ вернуться изъ экспедиціи не суждено». Далеко завидѣли: «ворота» ущелья чернѣютъ по мѣсяцу. Поздно въ эти ворота прошли, стали какъ бы въ низину—вся подъ копнами сѣна. Направо, налѣво отвѣсныя горы въ густомъ лѣсу. Впереди оврагъ, по дну шумитъ рѣка Фортанга; за оврагомъ, поперекъ его, эдакая какъ бы природная земляная крѣпость. Конечно, коней мы пустили къ сѣну, а сами на мерзлую землю полегли. Не курили, не разговаривали, Слѣпцовъ тоже на копну сѣна залегъ, въ шинель завернулся. Ну,—признаться—жутко показалось мѣсто по́ ночи. Отдохнувши, тронулась пѣхота, а за нею мы, сунженцы, перешли оврагъ. До́ свѣта еще полѣзли мы—по два въ рядъ—на ужасную крутизну. И вся въ лѣсу. Глядь: идти некуда—завалъ. Разбросали деревья, выбрались. Рысью пошли. Слышимъ: защелкали—та̀, та̀, та̀!—«Гя-у-ръ» визжатъ. Подо мною плясалъ лихой кабардинецъ, думаю—вынесетъ. Разсвѣло. Видимъ: Слѣпцовъ, верхомъ, въ желтой черкескѣ,—словно самъ горецъ,—глядитъ съ обрыва внизъ. Глубокая котловина внизу. Это аулъ Хандылбасъ, съ чинарами кругомъ; посрединѣ его—ручей. Слѣпцовъ оставилъ надъ Хандылбасомъ двѣ сотни, а съ остальными пошелъ къ аулу Аршты на лѣсной горѣ. Оттуда горцы, со скотомъ и добромъ, бѣжали въ лѣсъ. Муллу въ бѣлой чалмѣ—помню—я подстрѣлилъ. Скота тутъ много мы отбили. На опушкѣ лѣса пошла перестрѣлка. Горцы высыпали на высоты, гдѣ лѣпились ихъ аулы. Ракетами мы зажгли аулъ: главный разбойничій притонъ покончили. Пошли къ Нестеровскому ущелью. Налѣво глубокій оврагъ, направо отвѣсная стѣна—хребетъ. По его крутому склону, узкою дорожкой, прошли мы болѣе трехъ часовъ и встрѣтили часть галашевскаго отряда. А горцы—пѣшіе и конные—съ гребня, съ верху по насъ стрѣляютъ, отъ насъ не отстаютъ. Да, спасибо, высоко очень надъ нами шли,—не достали до насъ ихъ пули. Мы же ихъ ракетами разгоняли, Вечеромъ перевалили черезъ Галашевскій хребетъ, въ бродъ Ассу перешли. Хотя ночь была темная, но мы шли при заревѣ горѣвшаго сѣна, много его мы у нихъ тогда пожгли. Стали на позицію, къ отряду генерала Ильинскаго. Морозъ, холодъ, зубъ на зубъ не попадаетъ, а ложись на мерзлую землю. Сдѣлавши верстъ болѣе восьмидесяти—какъ вѣдь намъ спалось-то у костровъ пылающихъ! И не простудился вотъ я, благодарю Бога... Вѣдь до того привыкли къ этимъ кострамъ, за мѣсячный походъ, что вспоминались они даже на квартирахъ... Такъ что жь мнѣ послѣ того значитъ нетопленая горница?

— Мѣстность горная, небось, красива? спросилъ я. — Поэты ею восторгаются...

— Но передать восторгъ свой не могутъ... нѣтъ! Вотъ этотъ

Digitized by Google

горный кряжъ въ лѣсахъ, что̀ тянется отъ верховья рѣки Сунджи до Малой Чечни — великолѣпіе! Громадныя, въ лѣса окутанныя горы, между ними глубокія ущелія; а надъ лѣсными горами, еще гораздо выше ихъ, зубчатыя скалы идутъ непрерывной грядой и снѣговыя вершины выше облаковъ—Кавказскій хребетъ. А ужь изъ этого хребта—опять гораздо выше его—выдѣляется бѣлый Казбекъ. Картина!

Съ удовольствіемъ я провелъ нѣсколько часовъ съ этимъ добрымъ кавказскимъ нѣмцемъ и разстались мы пріятелями.

IV.

Утромъ я охорашивался передъ своимъ складнымъ зеркаломъ, одѣтый въ красивый уланскій мундиръ, желая убѣдиться: молодецъ ли я? Казалось мнѣ, что я молодецъ и въ уланы гожусь, но мнѣ хотѣлось, чтобы такимъ показался я и своему начальству. Что-то оно скажетъ? Самолюбіе мучило меня ужасно, не менѣе неизвѣстности моего будущаго. Превосходство кавказцевъ, какъ воякъ, преслѣдовало меня. Шелъ я, неловко цѣпляясь за свои кавалерійскія шпоры и совсѣмъ не умѣя носить сабли, бившей меня по ногамъ. Но, одушевляемый благороднымъ воинскимъ духомъ, я подъ собою земли не чуялъ. Кавказцы не давали мнѣ покоя и подзадоривали меня.

Огромная площадь—«плацъ», съ деревянною церковью посерединѣ, съ высокими тополями по сторонамъ—показался мнѣ днемъ еще пустыннѣе, чѣмъ ночью. Плацъ со всѣхъ четырехъ сторонъ окружали бѣлыя строенія: офицерскіе домики, длинныя казармы, гауптвахта, канцелярія, домà бригаднаго и полковаго командира. У послѣдняго, подъ окнами, отъ пестрой будки и обратно, лѣниво переступая съ ноги на ногу, двигался часовой въ сѣрой шинели съ бѣлою перевязью по груди, въ высокомъ киверѣ подъ клеенчатымъ чехломъ, съ карабиномъ на плечѣ. Его тяжелое шмурыганье по твердо-убитой дорожкѣ и унылое бряцанье сабли были единственными звуками, — вмѣстѣ съ крикомъ сорокъ въ полковничьемъ саду,—нарушавшими глубокую тишину полковаго штаба. Но, подходя къ часовому, я услыхалъ гармоническій аккордъ духоваго оркестра, донесшійся изъ «трубáческой команды».

Я, конечно, заставлялъ себя улыбаться и «быть молодцомъ»; въ душѣ же робѣлъ, особенно очутясь въ просторной залѣ съ бѣлыми стѣнами и крашенымъ поломъ, безукоризненно чистымъ, также какъ окна и стулья, словно только что отлакированные. Торжественною показалась мнѣ тишина залы, потому что въ ея углу, подъ золо-

Digitized by Google

ченымъ образомъ, на красивомъ станкѣ, стояли строго выровненные три полковые штандарта въ новенькихъ черныхъ клеенчатыхъ чехлахъ съ ясными мѣдными наконечниками, съ широкими зелеными тесьмами. Тутъ же блестѣла сабля, обернутая серебряной портупеей, арестованная подъ штандартами, тогда какъ владѣлецъ ея, какой нибудь провинившійся корнетъ, отсиживалъ на гауптвахтѣ.

Вышколенный благообразный молодой деньщикъ въ форменномъ казакинѣ, безъ шума, сдерживая даже свое дыханіе, на носкахъ толстыхъ казенныхъ сапогъ отправился «доложить его высокоблагородію господину полковнику», вѣжливо освѣдомившись о моей фамиліи. Я не переставалъ себя подбадривать, улыбался и выдѣлывалъ изъ себя молодца,—потому что, думалъ я, военнымъ долженъ быть только молодецъ. Это вѣдь не штафирка несчастный! Полковника я ждалъ, какъ какой-то неизбѣжной большой опасности, послѣ которой пойдутъ тоже неизбѣжныя, но уже меньшія опасности. Я встрепенулся: послышался гдѣ-то начальническій голосъ, начальническое откашливанье: «такъ говорятъ и откашливаются только начальники», увѣрилъ я себя. Приближались мѣрные, тоже «начальническіе» шаги и въ тактъ имъ звякали шпоры. Я вытянулся.

Полковникъ Клеронъ въ длинноломъ двубортномъ уланскомъ сюртукѣ, наглухо застегнутомъ на всѣ серебряныя пуговицы, красиво потряхивая на ходу густыми серебряными эполетами на широкихъ плечахъ, настоящимъ, а не «выдуманнымъ» въ родѣ меня, молодцомъ, вошелъ въ залу и сталъ передо мною.

— Господинъ полковникъ, честь имѣю явиться: юнкеръ ввѣреннаго вамъ полка!—какъ смогъ бойко и молодцомъ представился я, назвавъ свою фамилію.

— Хогошо, хогошо, юнкегъ! Здгастуйте!—поощрительно отвѣтилъ онъ, грасируя, причемъ обычно строгое выраженіе его сѣрыхъ начальническихъ глазъ смѣнилось вдругъ болѣе мягкимъ и пріятнымъ выраженіемъ; густыя свѣтлыя брови на розовой подкладкѣ приподнялись; добродушная усмѣшка открыла еще крѣпкіе, хотя желтые зубы. Онъ мнѣ понравился.

— Какой губерніи?—спросилъ онъ, грасируя, съ лукавой усмѣшкой, внимательно наблюдая за моими потугами блистательно исполнить военный обрядъ явки къ начальству, очевидно его не удовлетворившій. Я отвѣтилъ: какой губерніи.

— Хорошая сторона, помѣщики хлѣбосолы, живутъ весело, — замѣтилъ онъ.

И не утерпѣлъ — слегка, собственноручно, поправилъ мою «стойку».

Digitized by Google

— Молодцомъ Господь васъ создалъ, а стоять не умѣете, юнкеръ... Свободнѣе, какъ съ дамой въ кадрили стойте. Опустите плечи... вотъ такъ, такъ, отлично. Ну, да мы тутъ васъ выправимъ!..

Онъ поправилъ кончиками пальцевъ висѣвшій на шеѣ георгіевскій крестъ и засмѣялся мнѣ въ глаза, какъ бы и меня приглашая засмѣяться, что я и исполнилъ, къ его видимому удовольствію. Мнѣ онъ очень нравился и я его больше совсѣмъ уже не боялся. Я даже хорошо разсмотрѣлъ его свѣтловолосую, чуть тронутую сѣдиной, низко остриженную голову; его характерный, съ горбинкой, носъ; на худощавомъ, загорѣломъ лицѣ съ алыми щеками рѣзко бѣлѣлись свѣтлые усы и баки, а также начесанные «виски». Желтый кантъ темносиняго воротника также рѣзко выдавалъ кирпичный цвѣтъ толстой, въ морщинахъ, шеи. Взглядъ, движенія, походка, голосъ—все соотвѣтствовало статной и мужественной фигурѣ полковника, выправленной въ строгой школѣ гвардейскаго полка.

— Хогошо, хогошо, юнкегъ,—повторялъ онъ одобрительно.—Вы при штабѣ останетесь, въ юнкерской командѣ... Явитесь къ поручику Бугайченку...

— Слушаю, господинъ полковникъ!—смѣло выкрикнулъ я, въ восторгѣ, что онъ меня молодцомъ назвалъ.

— Прошу васъ, юнкеръ, службой заняться, ѣздой въ особенности,—напутствовалъ онъ меня тономъ добраго отца, поучающаго сына.—Ведите себя хорошо, не берите примѣра съ нѣкоторыхъ вашихъ товарищей, въ родѣ Астафьева... Слышите?..

— Слушаю, господинъ полковникъ, постараюсь!..

— Прощайте. Съ Богомъ!..

Какъ умѣлъ, я сдѣлалъ «налѣво-кругомъ», съ мыслью похвалиться своею ловкостью передъ начальникомъ и вызвать его одобреніе; но чуть не упалъ, благодаря предательскимъ шпорамъ. Хоть бы провалиться мнѣ со стыда! Даже вышколенный деньщикъ прыснулъ со смѣху въ сторону.

Опозоренный, какъ мнѣ казалось, малиновый отъ бросившейся мнѣ въ голову крови, шелъ я по пути къ квартирѣ поручика Бугайченка, разспрашивая о ней встрѣчныхъ солдатъ. Завѣдывавшій учебными командами при штабѣ полка, поручикъ встрѣтилъ меня въ ермолкѣ, въ старенькомъ халатѣ, но уже въ рейтузахъ и сапогахъ со шпорами, извиняясь, что «еще не одѣтъ».

— Садитесь,—не то пригласилъ, не то приказалъ онъ мнѣ грубымъ басомъ, очевидно привыкшимъ къ громкой командѣ въ полѣ.—Мы по солдатски живемъ, юнкеръ, и вамъ надо къ военной жизни

Digitized by Google

привыкать... Вы «маменькинъ сынокъ»? Да? не краснѣйте, улану краснѣть не полагается...

Здоровенный, неуклюжій, съ посѣдѣвшей черноволосой головой, по солдатски остриженной, съ топорными чертами лица, попорченнаго оспой, круглаго какъ мѣсяцъ и темнаго, словно изъ сапожнаго товара, съ очень некрасивыми, когда-то черными, какъ бы по природѣ спутанными усами, — посѣдѣвшій поручикъ показался мнѣ мужиковатымъ, даже слишкомъ; въ старенькихъ зеленыхъ глазахъ сказывалась настойчивость вмѣстѣ съ жестокостью. Онъ мнѣ не понравился.

Съ грубою солдатскою откровенностью, повидимому, ничѣмъ не стѣсняющеюся, не только присутствіемъ незнакомаго ему, только что явившагося въ полкъ юнкера, почтенный поручикъ сбросилъ съ себя халатъ, ермолку и подошелъ къ ясно вычищенному тазу съ рукомойникомъ, у котораго ждалъ его, стоя на вытяжку, сухопарый блѣдный деньщикъ, съ полотенцемъ черезъ плечо и съ мыломъ въ рукѣ.

— Со льдомъ? — кратко спросилъ его поручикъ, обращаясь, впрочемъ, не къ нему, а къ тазу, и быстро разстегнулъ воротъ рубашки.

— Такъ точно!—перепеломъ вскрикнулъ деньщикъ, имѣвшій видъ человѣка, всегда на сторожѣ, сознающаго опасность и готоваго ее предупредить. Старый, очевидно, поручиковъ сюртукъ и поручиковы же выношенные рейтузы,—конечно, безъ штрипокъ,— болтались на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Выглядывалъ онъ, не смотря на кажущуюся бодрость и готовность услужить своему барину, унылымъ, обиженнымъ слугой.

— Добре, братику Юшка, добре! — Поручикъ нагнулъ голову къ самому тазу, а деньщикъ ловко окатилъ ее холодной водой. Поручикъ только покрякивалъ съ видимымъ наслажденіемъ, очень меня удивлявшимъ. На дворѣ заморозки, холодно, а онъ потираетъ огромными лапами свою, словно изъ прочной опойки, толстую загорѣлую шею, горло, и, какъ утка, фыркаетъ, полоская ротъ.

— Спасибо!—кратко, по начальнически, буркнулъ поручикъ, быстро схвативъ полотенце.

— Радъ стараться!—тою же заученою скороговоркой, перепеломъ, оторвалъ деньщикъ и быстро исчезъ съ тазомъ и рукомойникомъ.

Извинясь предо мною, поручикъ усердно принялся возить полотенцемъ по лицу и прочимъ частямъ своего тѣла, подвергшимся холодному обмыванью. Затѣмъ приступилъ къ своему несложному офицерскому туалету.

Digitized by Google

— Ну, камрадъ, извините стараго солдата,—обратился онъ одѣтый, подсѣвъ къ столу, на которомъ кипѣлъ самоваръ, и пригласивъ меня сѣсть рядомъ.—Прошу любить да жаловать. Товарищъ я хорошій, а начальникъ строгій. Слышите, юнкеръ: строгій я начальникъ! На службѣ—вы меня ужь извините-съ,—товарищей нѣтъ-съ, нѣтъ-съ. На службѣ я строгъ.

Я не сомнѣвался, конечно, въ служебной строгости почтеннаго лѣтами, но не чиномъ, офицера. Я понималъ, что всѣ люди могли ему представляться только какъ начальники или какъ подчиненные; что во мнѣ его благородіе усматривало только юнкера учебной команды,—съ которымъ ему нечего церемониться,—а не незнакомаго ему молодаго человѣка, равнаго съ нимъ по общественному положенію и, быть можетъ, выше его по развитію и образованію.

Мнѣ стало понятно, что во всѣхъ его поступкахъ и отношеніяхъ руководящимъ началомъ была воинская дисциплина, эта — по его словамъ—«душа военнаго дѣла» и, конечно, душа самого его благородія. Наливъ себѣ и мнѣ по стакану чая, онъ закурилъ длинную трубку и сталъ звучно глотать горячій чай и затягиваться за каждымъ глоткомъ дымомъ, выпуская его колечками.

— Лошадь любите?—спросилъ онъ, не глядя на меня, занятый своими колечками.

— Очень люблю, господинъ поручикъ.

— А вы маменькинъ сынокъ? а?

Я рѣшительно совралъ, отвѣтивъ, что я не маменькинъ сынокъ, подъ которымъ подразумѣвалъ теперь нѣженку-барченка, нѣчто предосудительное и негодное къ военной службѣ. Я былъ вынужденъ какъ бы отречься отъ самого себя. Званіе «маменькина сынка» стало мнѣ нестерпимо, особенно послѣ знакомства съ кавказцами и вообще при такой грубой и непривлекательной обстановкѣ, въ какой я очутился. Поручикъ грубъ не только вслѣдствіе своего грубаго воспитанія, но и по своей грубой природѣ; сидѣлъ я на старомъ, тоже грубомъ стулѣ, въ такой же непривѣтно, грубо глядѣвшей комнатѣ. Просторная, со скудною мебелью, съ бѣлыми голыми стѣнами и некрашенымъ поломъ, она угнетала меня своимъ пустыннымъ и казарменнымъ видомъ. Пріунывъ духомъ, я высиживалъ съ твердою рѣшимостью выносить до конца тяжелыя ощущенія, полученныя мною въ этотъ тяжелый день моего вступленія въ новую жизнь, моего знакомства съ новыми людьми и ихъ порядками. Сознаніе необходимости мириться со всѣмъ этимъ въ интересѣ моей собственной службы, ради которой я сюда пріѣхалъ, оторвавшись и отъ нѣжной матери, и отъ всего, что̀ я любилъ, сообщало мнѣ нравственную силу побороть свою впечатлительность,

Digitized by Google

иногда заставлявшую меня страдать. Этотъ день «явокъ» по службѣ утомилъ меня. Когда поручикъ полоскался, юношеское самолюбіе, вопреки моему самообладанію, ударило даже мнѣ въ лицо яркой краской молодой крови; горло сдавили слезы, подступившія изъ глубины оскорбленной души; шевельнулся во мнѣ гордый вопросъ: долженъ ли я, дворянинъ, сносить невѣжество этого мужика въ поручичьемъ чинѣ и до чего онъ можетъ довести свое ко мнѣ грубое невниманіе? Но я не тронулся съ мѣста и не ушелъ,—а какъ хотѣлось мнѣ уйти изъ поручиковой квартиры, сказавъ ему громко, чтобы деньщикъ слышалъ: «Невѣжа»! Заговаривали во мнѣ простые и, какъ мнѣ казалось, благоразумные даже вопросы: «Зачѣмъ я у этого поручика? зачѣмъ являлся полковнику? зачѣмъ сюда въ полкъ пріѣхалъ? Развѣ необходимо «служить»? Развѣ всѣ эти непріятности, сегодня мною испытываемыя, и называются «сутью службы»?

— Прекрасно,—пробасилъ поручикъ.—Я маменькиныхъ сынковъ не люблю, признаться. Они—ребята ловкіе на паркетѣ, парлефрансэ съ барышнями; а въ манежѣ да на плацу—дрянцо; фронтовикъ не изъ нихъ выходитъ. Вы, конечно, танцуете, юнкеръ? и по французски маракуете?

— Танцую-съ... и по французски-съ...

— Стало быть, образованный молодой человѣкъ, — кратко, но рѣшительно замѣтилъ поручикъ.—До свиданія, юнкеръ! — прибавилъ онъ, видя, что я поднялся и вытянулся, и сунулъ мнѣ свою здоровую темную лапу съ понятнымъ начальническимъ дозволеніемъ пожать ее, конечно, съ должнымъ подобострастіемъ, не забывая неизмѣримой іерархической пропасти, раздѣляющей юнкера отъ поручика, подчиненнаго отъ прямаго начальника.

Я опомнился только на улицѣ и зашагалъ. Въ моихъ ушахъ еще раздавалось басистое приказаніе поручика, которымъ онъ меня напутствовалъ:—«Завтра въ восемь утра верховая ѣзда и пѣшее ученье. Быть въ лейбикахъ и фуражкахъ. Пожалуйте, юнкеръ, въ команду. Займитесь службой—совѣтую, совѣтую»!..

Николаевскій офицеръ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

СЕСТРА.

Романъ Эрнста Вильденбруха.

(Въ двухъ частяхъ, переводъ съ нѣмецкаго).

XIII.

Въ субботу, въ домѣ Нерингов царило какое-то томленіе. Фреда была мрачнѣе ночи. Персиваль сначала подшучивалъ надъ сестрой, желая разсѣять ея дурное расположеніе духа; но, видя, что усилія его безполезны, замолчалъ. Старикъ Нерингъ покачивалъ головой: совершенно обыкновенная вещь становилась какимъ-то трагическимъ происшествіемъ. Онъ сознавалъ, что виновата въ этомъ Фреда, и съ безпокойствомъ думалъ: «Что жь будетъ дальше, въ серьезныхъ вещахъ, если такіе пустяки способны совершенно выбить ее изъ колеи»?! Будущность дочери сильно его тревожила.

Озабоченность отца не ускользнула отъ проницательности Фреды. Это еще болѣе укрѣпляло ее въ мысли, что прежней мирной жизни втроемъ—насталъ конецъ. Когда, послѣ, старикъ особенно ласково обнялъ ее и поцѣловалъ, она вдругъ расплакалась и ушла къ себѣ, оставивъ отца и брата въ немаломъ смущеніи.

Насталъ вечеръ. Въ семь часовъ гостинную и залу освѣтили. Старикъ Нерингъ рѣшилъ, что чтеніе будетъ происходить въ его кабинетѣ, на верху, послѣ чего всѣ сойдутъ внизъ ужинать. Фреда хлопотала въ столовой, Персиваль сидѣлъ въ гостинной. Теперь и онъ ощущалъ нѣкоторое безпокойство. Онъ чувствовалъ себя до извѣстной степени отвѣтственнымъ за исходъ литературнаго вечера, и когда вспоминалъ, какъ дурно прочелъ Шоттенбауеръ свое стихотвореніе, то спрашивалъ себя, не безъ тревоги, каково-то онъ нынче будетъ чи-

Digitized by Google

тать. А что, какъ не лучше? Тогда Фреда одолѣетъ его насмѣшками! Пробило половина восьмаго и, вслѣдъ затѣмъ, раздался въ передней звонокъ.

— Фреда!—крикнулъ Персиваль,—онъ пришелъ.

— Ну, и веди его на верхъ,—отвѣчала она изъ столовой,—я потомъ приду.

Персиваль вышелъ въ переднюю. Шоттенбауеръ стоялъ въ тепломъ пальто; въ одной рукѣ у него былъ цилиндръ, въ другой—рукопись. Онъ имѣлъ крайне безпомощный видъ.

— Препоручите мнѣ вашу рукопись,—ласково сказалъ молодой хозяинъ,—и снимите съ себя пальто. Отецъ ждетъ васъ на верху, въ своемъ кабинетѣ... Мы полагаемъ, что тамъ вамъ будетъ удобнѣе читать,

— Однако!—продолжалъ онъ, взвѣшивая на рукѣ толстый свертокъ, связанный веревочкой.

— О, я очень скоро читаю и надѣюсь, что не злоупотреблю вашимъ вниманіемъ.

Большой самонадѣянности въ этихъ словахъ не было. Старикъ Нерингъ встрѣтилъ гостя на порогѣ своего кабинета.

— Милости просимъ,—проговорилъ онъ радушно, протягивая ему руку,—сынъ мой сказалъ, что вы согласились прочесть намъ пьесу вашего сочиненія...

Персиваль, положивъ рукопись на столъ, взялъ изъ рукъ Шоттенбауера шляпу и отнесъ ее внизъ. Снимая перчатки, Шоттенбауеръ молча и внимательно осмотрѣлъ небольшую, но теплую и уютную комнату. На кругломъ столѣ горѣла лампа съ зеленымъ абажуромъ; по стѣнамъ, между книжными шкафами, висѣли гравюры въ старинныхъ, чернаго дерева, рамкахъ.

— Ну, какъ вы находите: можетъ ли обстановка моего кабинета расположить васъ къ чтенію?—спросилъ, улыбаясь, хозяинъ, слѣдившій за взглядами своего молчаливаго гостя. — Нравится вамъ здѣсь?

— О, да! Чрезвычайно! — искренно отвѣтилъ Шоттенбауеръ. Уютная и комфортабельная обстановка и самъ привѣтливый старикъ благотворно подѣйствовали на одинокаго, безроднаго поэта.

Персиваль вернулся и оба они съ отцомъ старались завести съ гостемъ какой нибудь разговоръ. Фреда все не появлялась.

Digitized by Google

— Я слышалъ, что вы написали уже нѣсколько драмъ,— сказалъ старикъ,—всѣ онѣ также объемисты, какъ эта?

— Почти,—отвѣчалъ Шоттенбауеръ, застѣнчиво улыбаясь. Онъ хотѣлъ прибавить что-то, но ничего не сказалъ; глаза его уставились въ дверь, за которой послышалось легкое шуршанье женскаго платья; минуту спустя, на порогѣ показалась высокая и стройная фигура Фреды. То невыразимое, страдальчески-блаженное чувство, которое овладѣваетъ человѣкомъ при видѣ любимаго существа, охватило Шоттенбауера. Онъ забылъ, гдѣ находится, пересталъ сознавать все окружающее и только образъ этой женщины ярко выступилъ передъ нимъ. Голосъ Персиваля заставилъ его очнуться.

— Позвольте мнѣ представить васъ моей сестрѣ!

Фреда бросила на него такой же пытливый и загадочный взглядъ, какъ тогда на мосту. На ея застывшемъ лицѣ не было и тѣни улыбки, ни малѣйшаго признака привѣтливости. Блѣдная, строгая и холодная, она вскинула на него глаза, выражавшіе презрѣніе, почти ненависть. Шоттенбауеръ все это видѣлъ, чувствовалъ, понималъ и, не доискиваясь причины такого явнаго недружелюбія, еще сильнѣе полюбилъ ее. На низкій поклонъ гостя, она отвѣтила легкимъ кивкомъ головы и прошла въ уголъ кабинета.

— Начнемте,—сухо предложила она, усаживаясь на стулъ.

Шоттенбауеръ впервые слышалъ ея голосъ. Удивительно, какъ этотъ спокойный, ровный голосъ подходилъ ко всей ея наружности. Персиваль, желая загладить холодность сестры, осыпалъ Шоттенбауера своимъ вниманіемъ; онъ придвинулъ къ круглому столу стулъ, приблизилъ лампу.

— Хорошо ли вамъ будетъ видно?

— Прекрасно, благодарю васъ.

Шоттенбауеръ развернулъ рукопись и расправилъ листы. Они долго продолжали коробиться, стулъ оказался слишкомъ низкимъ, бѣдный поэтъ чувствовалъ свою неловкость и застѣнчивость. Начало было плохо. Сконфуженный Шоттенбауеръ поднялся съ мѣста, ища чего-то глазами. Фреда не шевелилась и молчала, словно наслаждаясь его смущеніемъ.

— Вамъ слишкомъ низко,—добродушно замѣтилъ старикъ Нерингъ.—Бѣдѣ этой можно пособить.—Онъ взялъ подушку и самъ положилъ ее на стулъ Шоттенбауера.

Digitized by Google

— Хорошо такъ?

Тотъ молча поклонился.

Но лишь только онъ произнесъ первый стихъ своей трагедіи,—Персиваль понялъ, что опасенія его были напрасны. Смущенія какъ не бывало. Голосъ автора звучалъ сильно, повелительно. Читая свое произведеніе, Шоттенбауеръ какъ бы вторично создавалъ его, и оно дышало силой и мощью. Плавные стихи лились, какъ звуки музыки, выражая то радость, то горе, то любовь, то ненависть. Характеры и поступки дѣйствующихъ лицъ подчинялись строгой послѣдовательности, во всемъ живая жизнь била ключемъ. За первымъ актомъ, безъ передышки, послѣдовалъ второй. Авторъ ни разу не поднялъ головы, повидимому забылъ о слушателяхъ и въ ободряющихъ похвалахъ не нуждался. А слушатели сидѣли, притаивъ дыханіе, молча и неподвижно, какъ это обыкновенно бываетъ, когда люди поражены чѣмъ-то необыкновеннымъ, когда передъ ними разоблачается величіе генія.

Что происходило тамъ въ углу, гдѣ сидѣла Фреда? Трудно сказать. Она незамѣтно, все дальше и дальше отдвигалась въ тѣнь, пока совсѣмъ не очутилась внѣ свѣта лампы,—и до конца чтенія не подавала признака жизни.

Сидѣвшіе за круглымъ столомъ противъ автора, старикъ хозяинъ и Персиваль, не спускали глазъ съ маленькаго, невзрачнаго человѣка съ большой головой, который, нагнувшись надъ листами бумаги, какъ алхимикъ надъ своей ретортой, уносилъ слушателей въ другой міръ, гдѣ они жили и чувствовали вмѣстѣ съ героями его фантазіи. Старикъ Нерингъ весь превратился въ слухъ; ему казалось, что онъ самъ давно хотѣлъ сказать все то, что теперь слышалъ, въ такой чудной гармоничной формѣ.

Когда, послѣ трехчасоваго чтенія, Шоттенбауеръ кончилъ и всталъ, царившая все время тишина еще нѣкоторое время продолжалась. Всѣ какъ бы замерли, потрясенные, очарованные. Старикъ Нерингъ первый нарушилъ молчаніе.

— Молодой человѣкъ, — произнесъ онъ прерывающимся голосомъ, взявъ его за обѣ руки, — молодой человѣкъ!—Онъ восторженно смотрѣлъ на поэта, губы его шевелились, глаза наполнились слезами, но онъ не находилъ болѣе словъ и кончилъ тѣмъ, что привлекъ автора къ себѣ, обнялъ его и горячо расцѣловалъ, приговаривая:

Digitized by Google

— Прекрасно, восхитительно. Благодарю васъ!

— Позвольте и мнѣ, въ знакъ благодарности, пожать вамъ руку,—сказалъ Персиваль, подходя къ Шоттенбауеру, когда отецъ выпустилъ его изъ своихъ объятій. Драма ваша, отъ начала до конца, великолѣпна, восхитительна, безукоризненна!

— Она вамъ нравится? — смущенно спросилъ Шоттенбауеръ, совсѣмъ сконфуженный произведеннымъ фуроромъ.

— Нравится—совсѣмъ не подходящее слово:—горячо подхватилъ Персиваль,—она меня восхитила, привела въ восторгъ!

Шоттенбауеръ, весь сіяя отъ удовольствія, сталъ искать глазами третьяго слушателя; но Фреды уже не было въ комнатѣ; она воспользовалась общимъ волненіемъ и незамѣтно вышла. Старикъ-хозяинъ, не желая, чтобы хорошее настроеніе испортилось, поспѣшно предложилъ сойти внизъ ужинать.

— Фреда у насъ заботливая хозяйка, — сказалъ онъ, — и пошла уже распоряжаться, а ты, Перси, могъ бы спуститься въ подвалъ и принести намъ бутылочку хорошаго вина.

— Шампанскаго?—спросилъ сынъ.

— Нѣтъ, такую чисто-нѣмецкую трагедію надо вспрыснуть нѣмецкимъ виномъ!

— Стало быть, Маркобруннеръ или Шорлахбергеръ? Что вы предпочитаете?—обратился онъ къ гостю.

Шоттенбауеръ улыбнулся, какъ человѣкъ, не знающій толку въ винахъ.

— Шорлахбергеръ... за его поэтичное названіе!—пошутилъ онъ.

— Такъ его и выберемъ!—весело воскликнулъ Персиваль и бѣгомъ спустился съ лѣстницы.

Проходя черезъ столовую, онъ увидѣлъ Фреду, задумчиво расхаживавшую кругомъ стола.

— Сегодня мы пьемъ рейнвейнъ!—объявилъ онъ сестрѣ.— Отецъ приказалъ. Дай мнѣ ключъ отъ подвала.

Фреда неохотно вынула изъ кармана связку ключей.

— Рейнвейнъ? Вечеромъ? Какое неблагоразуміе!

— Я тебѣ говорю, что отецъ приказалъ, — повторилъ нетерпѣливо Персиваль, почти насильно овладѣвая ключемъ.

— Но онъ ему вреденъ.

— Когда онъ такъ хочетъ!

— Завтра вы оба будете съ головной болью, — сказала Фреда, насмѣшливо скрививъ губы.

Digitized by Google

— Ты поклялась испортить отцу весь вечеръ?—вспылилъ Персиваль.

— Какъ такъ?—спросила Фреда, съ притворнымъ удивленіемъ.

— Какъ такъ?—передразнилъ онъ, топнувъ ногой.—Что это ты на себя напускаешь, Фреда? Я тебя не понимаю... съ нимъ ты до неприличія холодна... едва поздоровалась. А теперь драпируешься въ какое-то равнодушіе! Къ чему это? Никогда не повѣрю, чтобы трагедія тебѣ не понравилась. Этого быть не можетъ!

Фреда съ материнской нѣжностью погладила его по головѣ.

— Не волнуйся такъ, дорогой мой! Чего ты отъ меня хочешь?

— Чтобы ты съ нимъ была привѣтливѣе!

— Съ этимъ новоиспеченымъ Шекспиромъ?—она нервно засмѣялась, но, видя, что братъ снова готовъ вспылить, схватила его за плечи.

— Не сердись, мой хорошій! Я благовоспитанная дѣвица и съумѣю быть вѣжливой. Уходи! они уже идутъ сюда.

Когда, немного погодя, Персиваль вернулся изъ погреба, съ запыленными бутылками рейнвейна, отецъ съ Шоттенбауеромъ входили въ столовую; Фреда, съ противоположнаго конца комнаты, пошла къ нимъ навстрѣчу.

— Я еще не имѣла случая поблагодарить васъ за доставленное намъ удовольствіе,—сказала она ледянымъ тономъ.—Ваша драма чрезвычайно интересна.

Шоттенбауеръ молча поклонился; по лицу его пробѣжала тѣнь. Какія банальныя слова и какой отталкивающій тонъ! Онъ не требовалъ отъ нея никакихъ горячихъ восторговъ,—но и не ожидалъ такой пустой свѣтской фразы. Способна ли эта дѣвушка понимать поэзію? Грустныя размышленія эти не помѣшали ему, однако, почувствовать электрическую искру, пробѣжавшую по всему его тѣлу. Ощущеніе это было вызвано прикосновеніемъ его руки къ протянутой рукѣ Фреды. Все мгновенно было забыто! Правда, рука ея была холодна, какъ ледъ, но Шоттенбауеръ чувствовалъ, что холодъ этотъ только наружный.

— Я должна признаться,—продолжала Фреда, засмѣявшись непріятнымъ смѣхомъ, — что я отъ васъ ничего подобнаго не ожидала.

Digitized by Google

Эта дерзость сестры, какъ громъ, поразила Персиваля; отецъ въ смущеніи что-то пробормоталъ; одинъ Шоттенбауеръ громко и отъ души разсмѣялся.

— Я вамъ вѣрю!—отвѣтилъ онъ просто.

Озадаченные отецъ и сынъ посмотрѣли другъ на друга. Не комедія ли это, чтобы не выказать, что онъ обидѣлся? Но въ веселости его слышалась искренняя нотка, и ни тѣни притворства нельзя было подмѣтить.

Слова, сказанныя Фредой, какъ молнія, освѣтили Шоттенбауеру характеръ этой гордой дѣвушки. Она не покорится добровольно, ее надо взять съ бою! Такая натура ему именно и нравилась.

Фреда же твердо рѣшила про себя, что Шоттенбауеръ такъ проникнутъ самомнѣніемъ, что даже грубость и насмѣшки принимаетъ за похвалу. «Погоди!—злобно думала она,—съумѣемъ приподнести тебѣ что нибудь еще почище, авось поймешь»! Садясь съ веселымъ лицомъ за столъ, она думала, какъ бы больнѣе уязвить этого ненавистнаго человѣка, чтобы онъ почувствовалъ страданіе отъ укола. За ужиномъ, старикъ Нерингъ, поднявъ свой стаканъ, пожелалъ, чтобы пьеса Шоттенбауера вездѣ имѣла такой же успѣхъ, какъ у нихъ въ домѣ.

— Отъ души желаю, чтобы ваше произведеніе сдѣлалось извѣстно и прославило ваше имя!

Старикъ чокнулся съ Шоттенбауеромъ; Персиваль, въ свою очередь, послѣдовалъ примѣру отца и залпомъ выпилъ свой стаканъ. Фреда, все съ той же злой улыбкой на лицѣ, протянула къ нему черезъ столъ свою руку со стаканомъ. Шоттенбауеръ дотронулся до него своимъ.

— Вы, во всякомъ случаѣ, обнаруживаете большую смѣлость!—сказала она небрежно.

— Смѣлость?—спросилъ онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.—Почему?

— Историческая драма въ наше время... да еще въ стихахъ!

— Что за вздоръ, — перебилъ ее недовольнымъ тономъ отецъ,—такое сужденіе убиваетъ поэзію.

Персиваль весь вспыхнулъ и, наполняя снова стаканъ гостя, сказалъ:

— Надо вамъ сказать, что сестра—неумолимый критикъ!

Digitized by Google

Выраженіе лица Фреды не измѣнилось. Что отецъ и братъ будутъ недовольны, она это знала. Но вопросъ: какъ *онъ* отнесется къ ея мнѣніямъ!

— То, что̀ говоритъ фрейлейнъ Нерингъ, совершенно справедливо,—замѣтилъ Шоттенбауеръ,—я знаю это по горькому опыту. Но это нисколько не мѣняетъ дѣла. Писать иначе я не буду... да и не могу!

— Браво!—одобрилъ старикъ.

— Поэтому я и лестный отзывъ вашъ, относительно моего мужества, принять не могу,—продолжалъ поэтъ, обращаясь къ Фредѣ съ легкой ироніей.—Не направленіе времени дѣйствуетъ на творчество писателя, а его собственная натура.

— Браво, тысячу разъ браво!—воскликнулъ старикъ Нерингъ.

Фреда внутренно кипѣла отъ гнѣва. Какое демонское самомнѣніе, какая несокрушимая увѣренность въ своихъ силахъ! Съ какимъ унизительнымъ снисхожденіемъ обращается этотъ человѣкъ съ ея отцомъ и братомъ, а ей онъ прямо прочелъ нравоученіе: «ты, молъ, дитя мое, сказала сейчасъ глупость, но придетъ время, и ты перемѣнишь свой образъ мыслей». Дерзость, только въ вѣжливой формѣ.

— Что мнѣ главнымъ образомъ не нравится въ нашей пресловутой эпохѣ,—началъ хозяинъ,—что̀ мнѣ просто противно, такъ это именно то, что индивидуальности писателя не даютъ простора... ее приносятъ въ жертву направленію настоящаго времени, а все, что̀ идетъ въ разрѣзъ съ нимъ, всякая самобытность, безпощадно подавляется, уничтожается!

— Pereant! — воскликнулъ Персиваль и снова осушилъ свой стаканъ до дна.

— Перси,—ласково сказала ему сестра,—не пей такъ много, другъ мой!

— Почему?—возразилъ онъ,—въ погребѣ еще вина много.

— Да,—поддержалъ его отецъ,—и такіе вечера, какъ сегодняшній, не часто повторяются... Пейте, друзья мои! Пейте, поэтъ; это вино также самобытно, какъ и ваша драма, они другъ къ другу подходятъ. Мнѣ въ васъ именно то и нравится, что вы идете своей дорогой, и ни на кого, и ни на что не обращаете вниманія.

Послѣдовало всеобщее молчаніе, какъ это обыкновенно бы-

Digitized by Google

ваетъ, когда человѣческія чувства доходятъ до крайнихъ предѣловъ и слова безсильны выразить полноту души.

Послѣ ужина, Персиваль принесъ сигары. Подвигая ящикъ къ гостю, старикъ Нерингъ сказалъ:

— У меня до васъ есть просьба, мой другъ,—оставьте мнѣ вашу рукопись еще дня на два.

Шоттенбауеръ подумалъ немного и затѣмъ попросилъ старика принять его рукопись въ подарокъ, въ память сегодняшняго вечера.

— Вы дарите мнѣ ее?—спросилъ старикъ и, когда Шоттенбауеръ кивнулъ утвердительно головой, онъ всталъ и обнялъ поэта.

— Вы мнѣ сдѣлали безцѣнный, дорогой подарокъ, благодарю васъ. Я буду хранить вашу рукопись, какъ святыню!

Персиваль налилъ себѣ и гостю по стакану вина и дружески предложилъ ему выпить съ нимъ брудершафтъ.

— Молодецъ Персиваль!—крикнулъ старикъ, одушевляясь.

Лицо Шоттенбауера сіяло отъ счастья. Сердце его сочувственно отзывалось на искреннюю ласку. Фреда молча и враждебно смотрѣла на все происходившее вокругъ нея. Задорная улыбка исчезла съ ея лица и, когда братъ предложилъ Шоттенбауеру выпить съ нимъ брудершафтъ, она поблѣднѣла и стальные глаза ея стали мрачнѣе ночи. Но припадокъ гнѣва длился не долго; дѣвушка быстро овладѣла собою и, когда брудершафтъ былъ выпитъ, на лицѣ ея опять блуждала неопредѣленная, холодная улыбка.

Шоттенбауеръ сидѣлъ, низко опустивъ голову, и менѣе чѣмъ когда либо дерзалъ взглянуть въ лицо Фреды.

— Однако, скажите мнѣ, другъ мой,—началъ старикъ Нерингъ,—вы мнѣ вашу рукопись дарите... Но вѣдь такую вещь надо отдать въ театръ; развѣ вы не намѣрены это сдѣлать?

— Я снялъ съ нея копію и послалъ въ театръ...—Онъ засмѣялся своимъ обычнымъ короткимъ смѣхомъ,—но я могъ бы этого и не дѣлать.

— Ея не приняли?

— Не приняли,—отвѣтилъ Шоттенбауеръ.

Фреда придвинулась къ столу.

— Въ какой театръ вы ее посылали?—продолжалъ разспрашивать Нерингъ.

Digitized by Google

— Въ Берлинскій королевскій театръ.

— И тамъ трагедію вашу не приняли? да почему же?

Въ лицѣ Шоттенбауера появилось выраженіе не то презрѣнія, не то ироніи. Онъ встряхнулъ головой и, прямо посмотрѣвъ Фредѣ въ лицо, сказалъ съ разстановкой:

— Потому что сюжетъ моей драмы историческій, и она написана стихами... Это не современно.

Всѣ поняли, почему объясненіе это относилось къ Фредѣ, но такъ какъ онъ самъ говорилъ иронически, то всѣ громко расхохотались, а Фреда смѣялась больше всѣхъ. Подперевъ голову рукою, она пристально смотрѣла на Шоттенбауера; а тотъ, находясь подъ магнетизмомъ ея взгляда, тоже не спускалъ съ нея глазъ. «Что съ нею?—думалъ онъ.—Она такъ смѣялась, какъ будто радовалась моей неудачѣ, въ смѣхѣ ея слышалось недоброжелательство, почти ненависть»... И вдругъ ему пришла въ голову дикая мысль: каково-то будетъ это язвительное насмѣшливое лицо, когда онъ покроетъ его страстными поцѣлуями? Голова его закружилась, на лбу выступилъ холодный потъ... Онъ почувствовалъ себя въ ея власти и почти насильно заставилъ себя отвести взглядъ отъ этой дѣвушки, въ которой чуялъ врага. Лицо его сдѣлалось сумрачнымъ, руки судорожно сжались.

— А все таки придетъ время, когда моя трагедія будетъ поставлена!—сказалъ онъ.

Слова эти противорѣчили его обычной скромности. Былъ ли тому виной лишній стаканъ вина, но въ немъ вдругъ закипѣла мрачная злоба. Онъ вспомнилъ о той горькой минутѣ, когда ему вернули изъ Берлина рукопись и онъ прочиталъ, выраженный въ письмѣ, безсмысленный отказъ. Фреда, замѣтивъ въ немъ эту перемѣну, обрадовалась. Наконецъ-то она попала въ больное мѣсто этого самодовольнаго нахала. «Хвастовство безсильной злобы—плохой признакъ!—думала она.—Хвастай, грози, непризнанный поэтъ; трагедіи твои преблагополучно пролежатъ подъ спудомъ, никому не интересныя и никому не нужныя»!

Пока она мысленно злорадствовала, отецъ и Персиваль уныло курили свои сигары. Съ той минуты какъ веселое расположеніе гостя исчезло, прекратился и оживлявшій ихъ, весь вечеръ, подъемъ духа. Шоттенбауеръ замѣтилъ это и встрепенулся.

Digitized by Google

— Я все таки несовсѣмъ еще потерялъ надежду, — проговорилъ онъ, улыбаясь,—я сдѣлалъ еще попытку въ другомъ мѣстѣ... если и тутъ не удастся... ну, тогда!.. А пока ничего не рѣшено...

— Что вы предприняли?—спросилъ старикъ.

— Я послалъ мою трагедію герцогу Мейнингенскому... Вѣдь онъ въ настоящее время—провидѣніе всѣхъ драматическихъ писателей Германіи.

— Великолѣпная мысль!

Шоттенбауеръ вскочилъ съ мѣста, за нимъ встали оба хозяина, и всѣ трое, оживленно разговаривая и жестикулируя, стали ходить по столовой. Фреда, сидя неподвижно на мѣстѣ, смотрѣла на нихъ, находя, что картина въ высшей степени комична.

— Герцогъ, безъ сомнѣнія, приметъ вашу трагедію!

— Дай Богъ.

— Онъ будетъ возить ее всюду съ собой, пріѣдетъ съ нею въ Берлинъ, и тогда мы всѣ поѣдемъ смотрѣть ее на сценѣ.

— Вы не могли придумать ничего удачнѣе!

— Намъ надо еще разъ выпить за ея успѣхъ.

Всѣ трое взялись за стаканы, чокнулись и выпили.

— У васъ, кажется, уже нѣсколько трагедій написано?

— Одну изъ нихъ я могу прочесть вамъ, она окончена.

— Чудесно!—воскликнулъ старикъ, потирая руки.—Когда же мы назначимъ чтеніе? Въ будущую субботу? Хотите?

— Съ удовольствіемъ.

— Еще просьба,—прибавилъ старикъ,—у меня есть друзья, которые тоже очень интересуются литературой... Это майоръ Беннеке и его жена...

— Кудрявая тетя?—перебилъ его Шоттенбауеръ, смѣясь.

— Да. Вы ее знаете?

— Много про нее слышалъ.

— Тѣмъ лучше. Вы ничего не будете имѣть, если въ слѣдующій разъ они тоже будутъ слушателями?

— Всякій приглашенный вами гость будетъ мнѣ пріятенъ, а майорша Беннеке въ особенности.

— Вы не только великій поэтъ, но и милый, хорошій человѣкъ!—съ чувствомъ сказалъ старикъ и крѣпко пожалъ гостю руку.

Digitized by Google

Было уже половина втораго. Шоттенбауеръ взялся за шляпу.

— Итакъ, до свиданья! До будущей субботы,—напомнилъ хозяинъ.

— Рѣшено!

Шоттенбауеръ подошелъ къ Фредѣ прощаться. Она слегка привстала и протянула ему руку. Персиваль пошелъ проводить гостя въ переднюю, и лишь только дверь за ними затворилась, Фреда закинула назадъ голову и захохотала.

— Я готовъ сейчасъ же сѣсть и снова прочесть всю трагедію съ начала до конца!—сказалъ старикъ Нерингъ, продолжая ходить по комнатѣ.

— Ну, папа,—возразила Фреда,—мнѣ кажется, пора положить предѣлъ восхищеніямъ!

— Неужели ты не хочешь сознаться, что случай вышелъ совсѣмъ необыкновенный? Приходитъ незнакомый человѣкъ, съ виду невзрачный и неказистый, и вдругъ читаетъ вамъ великолѣпнѣйшую вещь своего сочиненія!

Фреда презрительно улыбнулась.

— Однако, дирекція королевскаго театра эту великолѣпнѣйшую вещь совсѣмъ не такъ высоко цѣнитъ.

— Ахъ, что они понимаютъ!

— Во всякомъ случаѣ, не меньше насъ.

Въ это время Персиваль вернулся въ столовую. Онъ прямо подошелъ къ сестрѣ:

— Ну-съ, господинъ учитель, что вы скажете?

— Скажу, что мнѣ хотѣлось бы знать, у кого изъ васъ обоихъ завтра больше будетъ болѣть голова?

Персиваль взялъ ее за обѣ руки и гнѣвно сжалъ ихъ.

— Я спрашиваю, что ты *про него* скажешь, про его трагедію и про все!..

— Что онъ не бездарный...

— Какъ снисходительно! Ну, и на томъ спасибо...

— И, что еслибъ у него, на самомъ дѣлѣ, былъ такой громадный талантъ, какъ онъ воображаетъ, то Шекспиръ передъ нимъ оказался бы жалкимъ писакой...

И послѣ этого насмѣшливаго изреченія, она вдругъ совершенно преобразилась: шаловливо бросилась на шею, сперва отцу, потомъ брату, и расцѣловала ихъ.

Digitized by Google

— Идите, спать пора, кутилы!—крикнула она и, опустивъ висячую лампу, погасила огонь.

— Что ты дѣлаешь, Фреда?—воскликнулъ отецъ полусердито.

Но Фреда, повторивъ еще раза два: «ступайте спать»!—исчезла за дверью.

XIV.

Фреда съ безпричиннымъ смѣхомъ вбѣжала въ свою спальню и тотчасъ же стала раздѣваться. Снявъ платье передъ своимъ туалетомъ, она взглянула въ зеркало и вдругъ ей вспомнились слова изъ сказки: «свѣтъ мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи: кто на свѣтѣ всѣхъ милѣй»!—и т. д. «Какой вздоръ»! подернула она плечами, опять засмѣялась и легла въ постель. Потушивъ свѣчку, съ намѣреніемъ тотчасъ же заснуть, она, къ досадѣ своей, почувствовала, что сна нѣтъ ни въ одномъ глазу... Ворочаясь и постоянно мѣняя положеніе, она, противъ воли, припоминала малѣйшія подробности вечера. Впечатлѣнія принимали преувеличенные размѣры, ей стало вдругъ казаться, что вечеръ этотъ знаменателенъ въ ея жизни, что онъ примѣшанъ къ ея судьбѣ, оставитъ неизгладимый слѣдъ въ будущемъ... «Глупость какая!—старалась она тутъ же себя успокоить,—вѣдь онъ ушелъ изъ нашего дома, его здѣсь нѣтъ»! И затѣмъ съ тяжкимъ вздохомъ прибавляла: «нѣтъ, онъ тутъ... тутъ! не избавиться мнѣ больше отъ него. Персиваль пилъ съ нимъ брудершафтъ, отецъ цѣловалъ и обнималъ его... Онъ теперь свой человѣкъ! втерся въ семью... Духъ его поселился въ нашемъ домѣ... Его драмы, его твореніе, частица его самого—въ отцовскомъ кабинетѣ, на столѣ»! Наединѣ съ собой, молодая дѣвушка сознавалась, что этотъ ужасный человѣкъ обладаетъ изъ ряда выходящимъ талантомъ, который, рано или поздно, проложитъ ему путь къ славѣ. Увы, горячо любимый ею Персиваль не можетъ съ нимъ соперничать! Персиваль самъ это понялъ и преклонился передъ нимъ, не только изъ благоразумія и мягкости, а потому что искренно восхищался талантливымъ поэтомъ и отъ всего сердца полюбилъ его. Отецъ тоже находится подъ его обаяніемъ... Нѣтъ! Это какое-то дьявольское навожденіе... Она одна, Фреда, избѣгла его чаръ.

Digitized by Google

А хотѣлось этому постылому человѣку подчинить и ее своему вліянію,—ну, да этому не бывать! Онъ ошибется въ разсчетѣ... Пусть отецъ, братъ, весь міръ падутъ ницъ передъ его геніальностью,—ей какое до этого дѣло? «Талантомъ не купишь любви»! При послѣднемъ словѣ, она даже громко засмѣялась. Она, Фреда, полюбить его? Какая чудовищная мысль! Она всѣхъ чужихъ мужчинъ ненавидитъ, а *его* болѣе всѣхъ.

И Фреда вспомнила, какъ онъ стоялъ передъ нею, какъ грудь его тяжело дышала и какую безумную страсть выражали его глаза. Слѣдовательно, она напрасно волнуется, напрасно видитъ въ немъ свою злую судьбу.—побѣду надъ этимъ неуклюжимъ титаномъ одержала она, а не онъ надъ нею. Онъ, какъ рабъ, распростертъ у ея ногъ; въ ея волѣ растоптать его.

На слѣдующій день, въ воскресенье, въ домѣ Нерингов царило безмятежное спокойствіе. У обоихъ мужчинъ голова была тяжела, Фреда иронически на нихъ поглядывала. Въ понедѣльникъ вечеромъ они отправились къ майору и застали тамъ Терезу Вальновъ съ матерью. Предложеніе присутствовать въ будущую субботу при чтеніи было съ радостью принято майоромъ и майоршей, которымъ Персиваль и его отецъ сообщили съ мельчайшими подробностями все, что̀ знали о Шоттенбауерѣ, причемъ не забыли и расхвалить до небесъ его трагедію.

Фреда вернулась домой не въ духѣ; разсказы о Шоттенбауерѣ и похвалы его трагедіи раздражали ее; кромѣ того, Персиваль счелъ нужнымъ пригласить на слѣдующую субботу также и Терезу Вальновъ съ матерью; онѣ обѣ, разумѣется, не отказались отъ приглашенія. Все это, въ глазахъ Фреды, не предвѣщало ничего хорошаго; счастье, которымъ она до сихъ поръ наслаждалась, ускользало изъ ея рукъ. Въ теченіе недѣли разнесся слухъ по городу, что явился еще другой поэтъ, кромѣ Персиваля Нерінга, и гораздо лучше его, и что это никто иной, какъ служащій въ судѣ оригиналъ Шоттенбауеръ. На одномъ танцовальномъ вечерѣ, Фреду осаждали вопросами по этому поводу; она должна была отвѣчать и лестно отзываться о талантѣ Шоттенбауера, ненавистнаго человѣка, перевернувшаго вверхъ дномъ всю ея жизнь,—иначе ее могли заподозрить въ зависти изъ-за брата. Какая мука!

Digitized by Google

Въ субботу не было еще семи часовъ, какъ пріѣхали супруги Беннеке, за ними вслѣдъ явилась и Тереза съ матерью. Ровно въ половинѣ восьмаго, звонокъ въ прихожей возвѣстилъ прибытіе поэта,—Персиваль поспѣшилъ ему навстрѣчу. Глаза всѣхъ устремились на дверь. «Точно какого нибудь герцога ждутъ»! съ отвращеніемъ подумала Фреда.

Шоттенбауеръ вошелъ и былъ всѣмъ представленъ старикомъ Нерингомъ. Рукопись его на этотъ разъ лежала въ черномъ кожаномъ портфелѣ. Въ немъ самомъ замѣчалось больше увѣренности и развязности, чѣмъ въ прошлую субботу.

«Ужь онъ у насъ чувствуетъ себя, какъ дома»! злилась мысленно Фреда.

— Къ несчастью, мы перваго нумера не слыхали,—сказалъ майоръ, протягивая поэту руку,—зато съ тѣмъ бо́льшимъ любопытствомъ будемъ слушать второй! Мой старый другъ Нерингъ приходитъ въ совершенный восторгъ, когда говоритъ о вашей трагедіи.

Когда рѣчь зашла о томъ, гдѣ сегодня происходить чтенію, то Фреда выразила мысль, что въ кабинетѣ отца слишкомъ мало мѣста для всего общества. Старикъ Нерингъ предложилъ самому автору рѣшить, гдѣ ему читать: въ гостиной или въ кабинетѣ.

— О, что до меня касается,—сказалъ Шоттенбауеръ,—то я, конечно, предпочитаю уютную зеленую комнату всѣмъ остальнымъ.

— Итакъ, идемте всѣ въ зеленую комнату!—скомандовалъ старый хозяинъ, взявъ подъ руку майоршу и направляясь въ кабинетъ.

Фреда закусила губы. Это нестерпимо! Онъ уже распоряжаться начинаетъ въ ихъ домѣ. Майоръ Беннеке предложилъ руку фрау Вальновъ, а Персиваль Терезѣ. Фреда, замѣтивъ, что ей придется идти съ Шоттенбауеромъ, поспѣшно подошла къ дверямъ столовой.

— Идите всѣ на верхъ, я сейчасъ тоже приду.

Шоттенбауеръ, съ портфелемъ подъ мышкой, послѣдовалъ за всѣми. Онъ снова усѣлся за круглый столъ, слушатели размѣстились, гдѣ попало. Шоттенбауеръ не начиналъ, онъ ждалъ Фреду. Наконецъ, портьера распахнулась и она вошла. Такъ какъ всѣ мѣста уже были заняты, то ей пришлось сѣсть на

Digitized by Google

стулъ передъ самой дверью, какъ разъ противъ Шоттенбауера. Свѣтъ лампы падалъ прямо на ея лицо. Поэтъ на минуту смутился... но, овладѣвъ собою, сталъ читать съ еще бо̀льшимъ увлеченіемъ, чѣмъ въ первый разъ. Эта трагедія тоже была въ стихахъ, но короче и сжатѣе первой. Она сразу, мощной силой таланта, приковала къ себѣ вниманіе слушателей, не ослабѣвавшее до самаго конца.

Впечатлѣніе получилось громадное. Майоръ, по обыкновенію, шумно выражалъ свой восторгъ, вскакивалъ съ мѣста, дѣлясь восхищеніемъ съ присутствующими, обращаясь то къ тому, то къ другому съ восклицаніемъ одобренія. Майорша напрасно дергала его за рукавъ, усаживала и усовѣщивала. За концомъ, какъ и въ первый разъ, послѣдовало глубокое молчаніе; даже майоръ присмирѣлъ на нѣсколько секундъ. Зато потомъ раздался взрывъ искреннихъ похвалъ, автора окружили со всѣхъ сторонъ, каждый выражалъ, какъ умѣлъ, то, что̀ чувствовалъ. Фрау Вальновъ и Тереза не отставали отъ другихъ.

Фреда вышла, выведенная изъ себя... «Какъ глупо выражаются эти двѣ особы,—думала она о Терезѣ съ матерью,—какія плоскія фразы! ужь лучше бы молчали, это не ихъ ума дѣло». Она́ не могла внутренно не сознавать, что у Шоттенбауера богато одаренная натура, даже слишкомъ богато. Чувство, испытываемое ею въ эту минуту, походило на то отвращеніе, которое является у человѣка, когда онъ смотритъ на груды золота и думаетъ о людяхъ, терпящихъ нужду. А въ богатствѣ, которымъ природа такъ щедро наградила Шоттенбауера, нуждался Персиваль! Но стоитъ ей только захотѣть, и она будетъ полновластно распоряжаться всѣми этими сокровищами. Гости сошли въ столовую. Впереди шла майорша подъ руку съ Шоттенбауеромъ... Фреду кольнуло въ сердце: и тутъ онъ становился поперекъ дороги ея брату. Кудрявая тетя измѣнила своему любимцу для этого новоявленнаго Шекспира! Но, увидавъ брата подъ руку съ Терезой, веселаго и оживленнаго, она съ горечью поняла, что онъ и самъ не нуждался въ майоршѣ... Тереза красива, молода и любезна, мужчины вообще предпочитаютъ ее Фредѣ... и братъ очевидно увлекается ею. Быть можетъ, и Шоттенбауеръ послѣдуетъ общему примѣру... И отлично! По крайней мѣрѣ, Фредѣ не о чемъ будетъ безпокоиться.

Digitized by Google

Но она ошиблась. Шоттенбауеръ усадилъ майоршу и тотчасъ же подошелъ къ ней, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на Терезу. Самолюбіе Фреды было, противъ ея воли, польщено. Выраженіе, которое Шоттенбауеръ впервые прочелъ въ ея глазахъ, обрадовало его.

— А вамъ понравилось?—спросилъ онъ чуть слышно.

На лицѣ дѣвушки опять появилась прежняя ядовитая улыбка.

— Послѣ столькихъ похвалъ, неужели вы еще нуждаетесь въ моемъ одобреніи?

Она отлично понимала, что именно ея-то одобренія онъ и жаждетъ, и изъ злобнаго чувства не выражала его. Она радовалась, что въ ея власти—отравить его тріумфъ, «сбить съ него спесь», какъ презрительно выражалась она про себя. За ужиномъ она съ намѣреніемъ усѣлась противъ него, чтобы терзать ненавистнаго человѣка холоднымъ взглядомъ и язвительной усмѣшкой, въ отвѣтъ на его нѣмую мольбу о сочувствіи...

Пили нѣсколько разъ за здоровье талантливаго писателя, желали ему успѣха; старикъ Нерингъ выразилъ благодарность судьбѣ, приведшей въ его домъ геніальнаго поэта, Послѣдній тостъ,—за здоровье присутствующихъ дамъ,—былъ провозглашенъ Персивалемъ. Майорша блаженствовала.

— Ну, дѣти мои,—сказала она,—мы сегодня такъ пріятно провели время, что надо намъ опять собраться вмѣстѣ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Въ будущую среду вы должны всѣ у меня обѣдать. И вы, мой милый поэтъ, разумѣется, тоже придете,—прибавила добродушная старушка, ласково похлопывая пухлой ручкой по рукѣ Шоттенбауера.

— Безъ сомнѣнія, придетъ,—отвѣтилъ за него Персиваль.—Ему до васъ путь не далекъ, онъ живетъ какъ разъ противъ вашего дома.

— Правда?—спросила кудрявая тетя.

— Да.

— Такъ это у васъ по ночамъ такъ долго горитъ огонь?

— Конечно, у него!—вмѣшался опять Персиваль.—Онъ сидитъ у себя въ кабинетѣ въ роскошномъ халатѣ... Знаешь,—обратился онъ къ Шоттенбауеру,—ты долженъ снять съ себя фотографію въ этомъ халатѣ; тогда никто не устоитъ передъ тобой, понимаешь? Никто, никто, никто!

Digitized by Google

Говоря это, молодой человѣкъ покосился на сестру, и такъ многозначительно, что та поспѣшила опустить глаза въ тарелку, а Шоттенбауеръ покраснѣлъ до ушей. Но Персиваль такъ расшалился, что вскочилъ съ мѣста, подбѣжалъ къ сестрѣ и, схвативъ обѣими руками ея голову, сталъ покачивать ее то вправо, то влѣво.

— Нельзя ли смотрѣть повеселѣй, г-нъ учитель!—приговаривалъ онъ.—Сегодня мы кутимъ!

И такъ велика была его власть надъ этой упрямой дѣвушкой, что она, взглянувъ сначали угрюмо и сурово въ его сіявшіе радостью и счастіемъ глаза, вдругъ повеселѣла и стала смѣяться. Шоттенбауеръ молча, съ недоумѣніемъ, наблюдалъ за этими необыкновенными отношеніями между братомъ и сестрой.

XV.

Въ среду, въ половинѣ пятаго, къ майору съѣхались приглашенные гости. Всѣ были въ сборѣ, недоставало одного Шоттенбауера. Прошло уже четверть часа, сверхъ назначеннаго для обѣда часа, а его все еще не было. Гости и хозяева стали подходить къ окнамъ.

— Я надѣюсь, что онъ не забылъ о нашемъ приглашеніи!—тревожился майоръ.

Въ это время послышался стукъ колесъ по мостовой; къ подъѣзду во весь духъ подкатилъ извощикъ, и Шоттенбауеръ, въ лоснящемся цилиндрѣ, поспѣшно соскочилъ съ дрожекъ.

— Парадный цилиндръ!—колко замѣтила Фреда, стоявшая у окна.

Дверь распахнулась и Шоттенбауеръ вошелъ, весь разгоряченный и взволнованный.

— Прошу извинить меня,—сказалъ онъ, съ трудомъ переводя духъ,—мнѣ передъ самымъ обѣдомъ пришлось съѣздить къ предсѣдателю по дѣлу, вотъ почему я и опоздалъ.

Наскоро поздоровавшись съ хозяевами, онъ подошелъ къ старику Нерингу. Глаза его горѣли.

— Сегодня вечеромъ я ѣду въ Мейнингенъ!—объявилъ онъ.

— Герцогъ принялъ вашу драму?

— Принялъ!—радостно воскликнулъ Шоттенбауеръ.

Digitized by Google

Всѣ столпились вокругъ поэта, осыпая его поздравленіями, пожеланіями и вопросами. Во время этой суматохи, никто не замѣтилъ, какъ Персиваль и Тереза отошли въ сторону, какъ Персиваль что-то горячо говорилъ молодой дѣвушкѣ, нагнувшись къ ея лицу и взявъ ее за обѣ руки, и какъ она чуть слышно отвѣтила: «да» и покраснѣла.

— Обѣдать!—закричалъ майоръ.—Обѣдать, и шампанскаго! И какъ можно больше шампанскаго.

Но тутъ случилась новая непредвидѣнная помѣха.

— Нельзя ли подождать еще минуту, дядюшка?—попросилъ Персиваль хозяина и, взявъ Терезу за талію, подвелъ ее къ своему отцу.—Папа!—произнесъ онъ торжественно,—лучшаго мѣста, какъ домъ нашей милой кудрявой тети, и лучшаго времени, какъ этотъ часъ, съ котораго начнется будущая слава нашего друга,—нельзя было выбрать, чтобы объявить тебѣ... просить тебя...

Старикъ Нерингъ не далъ сыну кончить. Онъ обнялъ будущихъ супруговъ и горячо прижалъ ихъ обоихъ къ сердцу.

— Перси... дорогой сынъ мой!—говорилъ растроганный старикъ, цѣлуя ихъ обоихъ поперемѣнно.—Что вы на это скажете?—обратился онъ къ фрау Вальновъ.

Та тоже обняла свою дочь и ея жениха, а затѣмъ съ достоинствомъ протянула руку старику Нерингу.

— Персиваль, ты милый мальчикъ!—начала майорша, взявъ своего любимца за руки,—и отлично сдѣлалъ, выбравъ мой домъ, чтобы объявить себя женихомъ Терезы; за это я прощаю всѣ шалости и глупости, которыя ты до сихъ поръ дѣлалъ и, вѣроятно, еще будешь дѣлать.—Слезы умиленія катились по пухлому лицу старушки. Персиваль опустился на колѣни и съ чувствомъ поцѣловалъ ея руку.

— Ну, теперь идемте, наконецъ, обѣдать!—скомандовалъ майоръ, просовывая руку фрау Вальновъ подъ свой локоть.—Ты, старый пріятель, предложи-ка руку моей женѣ, нашъ поэтъ—Фредѣ, а разбойникъ Перси—своей нареченной!—Шоттенбауеръ окинулъ глазами комнату; онъ искалъ Фреду. Она сидѣла въ креслѣ на противоположномъ концѣ гостинной, и ему пришлось сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы подойти къ ней. Когда онъ предложилъ ей свою руку, она взглянула на него и Шоттенбауеръ испугался происшедшей въ ней перемѣнѣ.

Digitized by Google

Лицо ея было мертвенно-блѣдно; въ глазахъ, вмѣсто обычнаго—дерзкаго и насмѣшливаго—выраженія, застыло какое-то тупое страданіе. Шоттенбауеръ не посмѣлъ заговорить съ нею; она молча встала и взяла его руку. Казалось, она даже не замѣтила, съ кѣмъ идетъ подъ руку; она апатично подвигалась впередъ, забывъ все окружающее. Видя ее такой подавленной, Шоттенбауеръ не вытерпѣлъ и спросилъ ее:

— Что съ вами, фрейлейнъ?

— Что можетъ со мною быть? Я радуюсь общей радости.

Она принужденно, глухо засмѣялась. Шоттенбауеръ не понималъ ея, но чувствовалъ, что она не нуждается въ утѣшеніи. Это одна изъ тѣхъ натуръ, которыя сами себѣ даютъ счастье, а если не могутъ, то молча и одиноко страдаютъ. Онъ невольно прижалъ ея руку къ себѣ. «Сильная дѣвушка»! подумалъ онъ. Шумно и весело размѣстилось все общество вокругъ стола. Вниманіемъ всѣхъ преимущественно пользовался Шоттенбауеръ.

— Итакъ, вы сегодня же ѣдете въ Мейнингенъ?

— Да. Я только что получилъ телеграмму отъ мейнингенскаго управляющаго; онъ извѣщаетъ меня, что репетиціи начнутся съ завтрашняго дня и что герцогъ желаетъ, чтобы я присутствовалъ на нихъ... Поэтому я и поспѣшилъ испросить отпускъ у предсѣдателя.

Самъ герцогъ приглашалъ его! Это обстоятельство вызвало благоговѣйное молчаніе.

— Депеша при васъ?

Шоттенбауеръ вынулъ изъ боковаго кармана телеграмму и подалъ ее Нерингу. Затѣмъ она пошла по рукамъ и обошла весь столъ. Нерингъ вторично взялъ ее.

— Шоттенбауеръ,—сказалъ онъ,—вы подарили мнѣ рукопись вашей трагедіи, подарите мнѣ и эту депешу; я приложу ее къ рукописи и все вмѣстѣ спрячу въ семейный архивъ.

— Возьмите все, г. Нерингъ: и депешу, и, если желаете, обѣ мои рукописи,—тогда я оставлю въ вашемъ домѣ мою душу и сердце!

Нерингъ собирался что-то отвѣтить, но майоръ громкимъ голосомъ крикнулъ:

— Шампанскаго! бокалы!

И золотистая влага, пѣнясь, полилась въ подставленные бокалы.

Digitized by Google

Майоръ предлагалъ тостъ за тостомъ: за здоровье всѣхъ Нерингoвъ, настоящихъ и будущихъ членовъ этой семьи,— при этомъ онъ лукаво взглянулъ на Шоттенбауера,—за неизмѣнную, тридцатилѣтнюю дружбу его со старикомъ Нерингомъ,— за талантливаго поэта, и т. д. Шоттенбауеръ посмотрѣлъ на часы.

— Мнѣ пора!—сказалъ онъ, вставая.

Всѣ разомъ умолкли, понимая, что отъѣзжающій шелъ навстрѣчу новой, невѣдомой будущности.

— Прощайте, г. Нерингъ!—задушевно произнесъ Шоттенбауеръ, нѣсколько разъ пожимая ему руку.

— Вы какъ будто навѣки уѣзжаете.

— Я надѣюсь, что еще вернусь...

— Да и я тоже надѣюсь!—весело сказалъ старикъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ этого желаете? Ну, тогда до свиданія!

Не желая безпокоить общество, Шоттенбауеръ сдѣлалъ общій поклонъ.

— До свиданья! До свиданья!—послышалось со всѣхъ сторонъ и всѣ руки потянулись къ отъѣзжающему, такъ что онъ принужденъ былъ обойти всѣхъ поочередно.

— Телеграфируйте изъ Мейнингена!—просилъ Нерингъ.

— Да, да, телеграфируйте!—подхватила майорша.

— И письмо напишите оттуда, съ подробностями.

Шоттенбауеръ, взявшись за ручку двери, взглянулъ на Фреду. Она сидѣла, высоко поднявъ голову, и смотрѣла на него. Она вся какъ будто застыла, глаза ея выражали нѣмое отчаяніе и непреклонную волю. Шоттенбауеръ невольно ей поклонился,—она не отвѣтила на его поклонъ. Всю ночь, сидя въ вагонѣ, онъ видѣлъ передъ собой лицо этой гордой дѣвушки.

Всю эту ночь не спала тоже и Фреда. Придя въ свою комнату, она раздѣлась, бросилась на кровать, закрыла глаза, стараясь ни о чемъ не думать. Но она не вольна была въ этомъ, и мысли, одна за другой, лѣзли и назойливо толпились въ ея головѣ. Все измѣнилось въ ея мирномъ домашнемъ уголкѣ. Точно кто-то умеръ, кого-то приходится оплакивать... Да, Персиваль умеръ для нея!

Она вскочила и, сидя на кровати, обнявъ обѣими руками

Digitized by Google

колѣни, горько, безумно зарыдала. Но слезы не облегчали ея, а скорѣе удваивали ея страданія. Она испытывала страшныя муки ревности, которыя рвутъ сердце на части. Итакъ, все кончено! Онъ измѣнилъ ей, не предупредивъ ни однимъ словомъ, покидалъ ее съ веселымъ лицомъ и спокойной душой, даже не подозрѣвая ея горя. Ей было бы легче, еслибы онъ дѣйствительно умеръ, тогда и *та* плакала бы вмѣстѣ съ нею надъ его гробомъ... А теперь ей приходится скрывать свои слезы... Что подумали бы объ ней, еслибы видѣли ея отчаяніе? Что она—злая или сумашедшая! А, можетъ быть, она и на самомъ дѣлѣ сумашедшая? Благоразумные люди не допускаютъ такихъ исключительныхъ привязанностей; у нихъ на все мѣра, граница, рамка... А она такъ не можетъ! Весь смыслъ ея жизни заключается въ братѣ,—больше она никого не любитъ. Съ самаго ранняго дѣтства, на немъ сосредоточила она всѣ нѣжныя чувства своего сердца. Она мечтала, что ея Перси будетъ знаменитымъ, геніальнымъ человѣкомъ... И что же?.. онъ теперь весь отдается этой глупой, пустой дѣвчонкѣ, жертвуетъ для нея будущностью и надѣваетъ на себя хомутъ семьянина. И за что все достается *тому* въ удѣлъ? Злая, слѣпая судьба сегодня еще такъ ужасно надъ нею насмѣялась, показавъ ей ясно, какъ различны пути Шоттенбауера и Персиваля: одинъ, подобно орлу, взвился въ поднебесье, а другой, мелкая пташка, оставался сидѣть на жердочкѣ, удовлетворяясь сосѣдствомъ своей самки... Ненависть ея къ *тому*, къ избраннику судьбы, дошла до тѣхъ предѣловъ, когда уже о чувствѣ справедливости не можетъ быть и рѣчи. Всѣ свои настоящія и будущія мученія она приписывала Шоттенбауеру, старалась обвинить его въ нихъ; не могла простить ему и того, что онъ дерзалъ ее любить и какъ будто надѣялся замѣнить ей Персиваля. «Безумный глупецъ, — смѣялась она злобно, — замѣнить Персиваля! Пусть ты будешь знаменитымъ писателемъ, геніальнымъ человѣкомъ,—а любви моей все таки не добьешься. Я заставлю тебя испытывать всѣ тѣ муки, которыя въ настоящую минуту сама испытываю. Я не позволю тебѣ подавить превосходствомъ моего Персиваля, буду эксплуатировать твой умъ и талантъ въ его пользу»!

Придя къ такому рѣшенію, Фреда какъ будто немного успокоилась; она глубоко вздохнула, голова ея тяжело упала на подушку и она заснула.

Digitized by Google

XVI.

Однако, острое чувство отчаянія не могло длиться безконечно; Фреда до нѣкоторой степени смирилась передъ несправедливостями судьбы и стала спокойнѣе смотрѣть впередъ. По ея мнѣнію, какая-то стихійная сила повернула вверхъ дномъ весь строй ея счастливой жизни; Персиваль самъ неразумно шелъ навстрѣчу несчастью; не имѣя возможности помѣшать его браку, Фреда чувствовала, что и подъ ея ногами почва колебалась: прежняя непоколебимая твердость ея пошатнулась, вдали стояло что-то невѣдомое, темное, неотразимое, къ чему она, противъ воли, подвигалась. До сихъ поръ она не могла представить себѣ, что у нея можетъ быть своя отдѣльная судьба, не связанная съ судьбою любимаго брата... Теперь другая женщина заняла ея мѣсто и отодвинула Фреду на задній планъ...

Тотчасъ послѣ завтрака, прежде чѣмъ идти на службу, Персиваль побѣжалъ къ невѣстѣ, оставивъ сестру вдвоемъ съ отцомъ. Теперь придется ей привыкать къ такому порядку вещей... И что̀ его тянетъ къ *той*? Любовь? Такъ вотъ что значитъ эта пресловутая любовь! Жалкое, противное и глупое чувство... Чѣмъ Тереза могла поработить ея брата? Фи!!. Смѣшно! Умомъ? Тереза и умъ—два понятія несовмѣстимыя. «Женственностью»—какъ говорится въ книгахъ... Отъ этой женственности,—т. е., по мнѣнію Фреды, убожества,—мужчины теряютъ головы и сходятъ съ ума. Мерзость какая!

Все передобѣденное время Фреда просидѣла въ своей комнатѣ, за рабочимъ столикомъ у окна. Тутъ ей невольно вспомнился тотъ день, когда Шоттенбауеръ, проходя мимо ихъ дома, взглянулъ на нее тѣмъ страннымъ взглядомъ, который такъ сильно возмутилъ ее. Зачѣмъ же она такъ строго относится къ Терезѣ, когда сама обладаетъ той, присущей женщинамъ, презрѣнной силой, отъ которой мужчины сходятъ съ ума? Вотъ и она сама нехотя поработила человѣка, чувствуетъ, что онъ въ ея власти... Это сознаніе вдругъ показалось Фредѣ унизительнымъ и оскорбительнымъ. Она встала и нервно прошлась по комнатѣ. Развѣ она старалась понравиться кому нибудь изъ жалкихъ представителей сильнаго пола? Вотъ ужь неповинна-то

Digitized by Google

въ кокетствѣ! Какое же право имѣла тупая, неразумная сила природы поступать съ нею, какъ съ остальными женщинами? Какъ смѣютъ мужчины смотрѣть на нее съ вожделѣніемъ, имѣть дерзость мечтать объ обладаніи ею? Это по истинѣ отвратительно!

Дѣвушка снова сѣла къ окну и взяла работу въ руки, но, сдѣлавъ нѣсколько стежковъ, опустила шитье на колѣни, и воображенію ея представилась иная картина: театръ, шумныя выраженія восторга публики, овація автору... а онъ, увѣнчанный лаврами, устремилъ свой взглядъ на нее одну...

«Господи!—воскликнула, вскочивъ съ мѣста, Фреда,—я, кажется, начинаю думать о немъ... Это невыносимо! Впрочемъ, нужно же объ чемъ нибудь думать! О нашемъ семейномъ очагѣ—не стоитъ... онъ опустѣлъ. О Персивалѣ и Терезѣ?!. Богъ съ ними»...

Она накинула на плечи платокъ, съ намѣреніемъ идти въ садъ. Въ передней она встрѣтилась съ почтальономъ, который принесъ депешу, адресованную просто на имя Неринга. Фреда сочла себя вправѣ вскрыть депешу, такъ какъ и она тоже носила эту фамилію. Она вернулась въ свою комнату и прочла слѣдующее:

«Нахожусь на репетиціи. Герцогъ присутствуетъ, драма ему нравится. Подробности письмомъ. Кланяюсь.

Шоттенбауеръ».

«Какое было бы счастье,—подумала Фреда со вздохомъ,—еслибы вмѣсто этого имени стояло: «Персиваль»! Телеграмма растравила ея раны. Опять охватило ее отчаяніе за брата, ненависть къ дѣвушкѣ, отнявшей его у Фреды, и зависть къ тому, которому все удавалось... Она вышла въ гостинную и быстрыми шагами стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Прошло немало времени, пока она настолько успокоилась, что могла подняться на верхъ къ отцу. Старикъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, когда дочь подала ему открытую депешу.

— Изъ Мейнингена,—равнодушно сказала она.—Я вскрыла, потому что не сказано, кому именно изъ Неринговъ адресована она.

— Видишь,—сказалъ отецъ, прочитавъ депешу,—все идетъ превосходно. Недаромъ мы возлагали надежды на герцога.

Старикъ радовался отъ души. Фреда искоса посматривала

Digitized by Google

на него. «Какъ мало у него самолюбія»!—внутренно возмущалась она.—«Я больше страдаю за Персиваля, чѣмъ онъ. Впрочемъ, и самъ Персиваль не понимаетъ моихъ мученій... Онъ похожъ на отца»...

Невольно подошла она къ старику и поцѣловала его почтенную сѣдую голову.

— И ты, я вижу, радуешься его успѣху!—сказалъ онъ, взглянувъ на дочь.

Фреда быстро отвернулась; въ глазахъ отца она опять увидѣла то лукавое выраженіе, котораго она не терпѣла. Старикъ добродушно засмѣялся. Онъ сложилъ депешу и, выдвинувъ ящикъ стола, прибавилъ:

— И ее надо спрятать въ архивъ.... Впрочемъ,—спохватился онъ,—прежде надо показать ее Персивалю... Воображаю, какъ онъ обрадуется.

Фреда молча кивнула головой. «Какъ ему не радоваться?—подумала она.—Самолюбія у него не больше, чѣмъ у тебя, бѣдный добрякъ. И какая только рыбья кровь течетъ въ вашихъ жилахъ»!

Она поспѣшно вышла изъ кабинета, чтобы скрыть подступавшія къ глазамъ слезы.

XVII.

Персиваль, вернувшись къ обѣду, сталъ очень оживленно разсказывать о томъ, что онъ сдѣлалъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Сперва онъ былъ у невѣсты, затѣмъ на службѣ,—тамъ уже всѣ, начиная со сторожа, знали, что онъ помолвленъ, и всѣ поздравляли его. Со службы онъ отправился въ редакцію мѣстной газеты, гдѣ будетъ объявлено о его предстоящей свадьбѣ, потомъ заказалъ въ типографіи пригласительныя карточки.

— Вѣдь это необходимо!—серьезно прибавилъ онъ.

— Разумѣется,—отвѣчалъ отецъ.

— Пора обѣдать,—сказала Фреда.

За столомъ Персиваль продолжалъ разсказывать, какъ его ласково принялъ предсѣдатель, какъ совѣтовалъ поскорѣе сдать экзаменъ на ассесора, обѣщая ему тогда хорошее мѣсто съ большимъ окладомъ.

— Ты, стало быть, скоро начнешь готовиться къ экзамену?

Digitized by Google

— Непремѣнно... Чѣмъ скорѣе сдамъ экзаменъ, тѣмъ скорѣе наша свадьба...

— Это благоразумно, другъ мой,—одобрилъ отецъ.—Ты знаешь, я не богатъ, у невѣсты твоей тоже не особенно много; теперешнее жалованье твое очень не большое и вамъ будетъ трудно жить: по одежкѣ протягивай ножки... О томъ, что̀ стоитъ жизнь, люди узнаютъ только когда женятся. Пить шампанское часто не придется!..

— Когда намъ захочется шампанскаго, мы придемъ его пить къ тебѣ, папа.

— Очень радъ, приходите. Я надѣюсь, что Фреда дастъ намъ ключи отъ погреба.

Старикъ посмотрѣлъ на дочь, стараясь вовлечь ее въ разговоръ. Но дѣвушка ничего не отвѣтила. Никогда еще такъ безучастно не относилась она къ разговору отца съ братомъ. Ей казалось, что интересы эти—посторонніе, до нея не касающіеся. Такъ вотъ какая жизнь предстоитъ Персивалю! Отъ нея несетъ кухоннымъ чадомъ, непротопленными изъ экономіи комнатами... Онъ поглощенъ теперь бо̀льшимъ окладомъ жалованья, повышеніемъ по службѣ,—и съ какимъ увлеченіемъ оба они толкуютъ объ этомъ!

— Ты хотѣлъ показать ему депешу,—произнесла она машинально, чтобы сказать что нибудь.

— Ахъ да, я чуть было не забылъ о ней.

Старикъ принесъ телеграмму. Персиваль отнесся къ ней безразлично, прочиталъ, улыбнулся и передалъ отцу. Всѣ его мысли прикованы были къ Терезѣ, ему некогда было думать о Мейнингенѣ! Едва успѣли встать изъ-за стола, какъ принесли литографированныя объявленія о помолвкѣ. Поднялись вопросы о томъ, кому посылать приглашенія, кому нѣтъ; надо было писать адресы. Фредѣ пришлось помогать. Только успѣли покончить съ этимъ дѣломъ, какъ въ передней раздался звонокъ и въ гостинную вошла невѣста въ сопровожденіи матери. Фреда сдѣлала надъ собой большое усиліе, чтобы быть вѣжливой съ гостями. Ей и прежде всегда противно было смотрѣть на воркованье влюбленныхъ; нѣжности же брата съ невѣстой возбуждали въ ней отвращеніе. Она ушла вскорѣ въ садъ освѣжиться. Какъ тамъ въ гостинной пахнетъ бѣдностью, матерьяльнымъ стѣсненіемъ, мелочнымъ разсчетомъ грошей на хозяйство!

Digitized by Google

Жизнь ея Персиваля, ея божества, растратится на подобные ежедневные пустяки! Пройдя два раза вокругъ сада, она опять услыхала звонокъ. Просто смѣшно! Домъ ихъ превращается въ трактиръ. Подходя къ дому, она узнала голосъ Нанетхенъ, которая прибѣжала излить свои чувства; Фреда застала въ гостинной слѣдующую картину: восторженная учительница музыки, соединивъ въ своихъ объятьяхъ жениха и невѣсту, нѣжно прижимала ихъ къ груди. Затѣмъ она обратилась къ Фредѣ, тоже обняла ее и съ умиленіемъ расцѣловала.

— Воображаю, какъ ты счастлива, Фреда! — щебетала она радостно.—Я сама въ восторгѣ.

И шарообразная учительница вытерла навернувшіяся слезы.

Въ столовой, за послѣобѣденнымъ кофе, умиленіе Нанетхенъ перешло въ болтливую веселость, особенно когда она узнала, что Персивалю обѣщано хорошее мѣсто, здѣсь въ городѣ.

— Завтра же, дѣти мои,—затараторила она,—начну пріискивать для васъ квартиру... маленькую, уютную, какъ гнѣздышко! Надѣюсь, что и для бѣдной, старой Нанетхенъ найдется у васъ мѣсто за печкой... Дѣти, дѣти, какъ я рада за васъ! Фреда, мой ангелъ, налей мнѣ еще чашку кофе. Такого кофе, какъ у тебя, не найдется въ цѣломъ свѣтѣ. Не мѣшаетъ тебѣ, будущая фрау Нерингъ, поучиться у золовки, какъ его варить!..

Только что Нанетхенъ собралась уходить, какъ въ столовую вошли майоръ съ майоршей. Новые гости встрѣчены были радостными криками. Фредѣ пришлось бѣжать хлопотать объ ужинѣ.

— Не могу ли я помочь тебѣ?—ласково предложила ей Тереза. Видно было, что ей хотѣлось сдѣлать что нибудь пріятное для суровой золовки, заставить ее хоть немножко полюбить себя.

Фреда посмотрѣла на нее холодными, удивленными глазами.

— Что ты, милая,—подумай, что̀ скажетъ твой женихъ? Нѣтъ, нѣтъ, твое мѣсто въ гостинной.

Съ этими словами она вышла, захлопнувъ за собою дверь. Тереза печально вернулась на свое мѣсто. Фреда, долго хлопотавшая по хозяйству, возвратилась къ гостямъ только передъ ужиномъ. За столомъ она сидѣла молча, угрюмая и неподвиж-

Digitized by Google

ная, точно посторонняя, между чужими людьми. Тотчасъ послѣ ужина, Нанетхенъ выразила желаніе сыграть что нибудь.

— Когда я въ такомъ расположеніи духа, какъ теперь, то музыка мнѣ необходима.

Всѣ вышли въ залу и учительница стала играть что-то очень шумное и бравурное.

— Персиваль,—сказала она, кончивъ пьесу,—спой намъ что нибудь.

— Послѣ ужина пѣть трудно.

— Ничего, спой, спой!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Молодой человѣкъ подошелъ къ фортепіано и сталъ перебирать ноты. Ему видимо не хотѣлось пѣть.

— Что же бы мнѣ выбрать? Фреда, посовѣтуй!

Но, сидѣвшая противъ инструмента, Фреда ничего ему не отвѣтила. Онъ взялъ первый попавшійся романсъ и довольно безцвѣтно спѣлъ его; но пѣніе, должно быть, воодушевило его: онъ досталъ другую тетрадь и второй романсъ пропѣлъ съ чувствомъ, поглядывая на Терезу. Фреда поблѣднѣла и вышла изъ залы. Это былъ ея любимый романсъ,—братъ пѣлъ его всегда для нея, а теперь очевидно поетъ для невѣсты,—этого она не въ силахъ вынести! Слезы душатъ ее... и чтобы не расплакаться при всѣхъ, она ушла наверхъ и долго тамъ ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Когда она спустилась опять внизъ, общество, не замѣтившее ея отсутствія, собиралось расходиться. Персиваль сказалъ, что проводитъ невѣсту и ея мать до дому; старикъ Нерингъ тоже вызвался идти съ ними.

— Не пойдешь ли и ты, Фреда?—спросилъ онъ дочь.

— Нѣтъ, у меня дома есть дѣло.

— Всегда заботливая и неутомимая хозяйка!—замѣтилъ майоръ.

Майорша подошла къ дѣвушкѣ и поцѣловала ее.

— Ты что-то блѣдна сегодня, душечка. Не относись слишкомъ серьезно къ жизни... Иди по тому пути, который тебѣ назначенъ свыше и не мудрствуй!..

«Не мудрствуй»... Да, Фреда за послѣднее время убѣдилась, что человѣкъ—не господинъ своей судьбы, что не въ его силахъ отстранить отъ себя горе или удержать ускользающее счастье! Оставшись одна и вспомнивъ, какъ безцвѣтно

Digitized by Google

прошелъ весь нынѣшній день, она стала поспѣшно тушить лампы и свѣчи, не желая дожидаться возвращенія отца и брата, и ушла въ свою спальню. Ей хотѣлось быть одной. «Неужели,— думала она,—потянутся такіе же будничные пошлые дни? Персиваль поэтъ, — превратится въ дюжиннаго чиновника и семьянина, забудетъ о высокихъ цѣляхъ жизни и погрузится въ мелочи? Слѣдовательно, и ей, Фредѣ, ничего инаго не предстоитъ, такъ какъ весь интересъ ея сосредоточивается на братѣ. Ей не вынести такой жизни, она задохнется»! Тутъ она вспомнила о Шоттенбауерѣ,—въ эту минуту его судьба, можетъ быть, рѣшается, онъ тоже идетъ къ новой жизни... но какъ мало общаго между его стремленіями и стремленіями Персиваля! А какая у него странная наружность... Онъ дуренъ, но какіе выразительные, страстные глаза... Какая значительная улыбка, безсознательно говорящая: «рано или поздно ты будешь моею и покоришься моей власти»!

Фреда возмутилась. Гордо закинувъ назадъ голову, съ вызывающимъ смѣхомъ, она прошептала: «Погоди праздновать побѣду, самодовольный нахалъ! Я еще не принадлежу тебѣ. Посмотримъ!» Услыхавъ, что отецъ и братъ вернулись домой, она поспѣшно раздѣлась, легла въ постель и задула свѣчу.

XVIII.

Слѣдующій день былъ такимъ же скучнымъ, какъ и предъидущій; главнымъ предметомъ разговора между отцомъ и сыномъ были неинтересныя мелочи повседневной жизни, такъ что, когда вечеромъ пришло письмо съ мейнингенскимъ штемпелемъ, Фреда нетерпѣливо схватила его изъ рукъ горничной: въ немъ, по крайней мѣрѣ, иной міръ, другіе интересы! Письмо было адресовано на имя отца и вскрыть его, какъ депешу, дѣвушка считала себя не вправѣ; поэтому она поторопилась снести его на верхъ.

Нерингъ разорвалъ конвертъ и спросилъ дочь:

— Читать вслухъ?

— Нѣтъ,—отвѣчала она совершенно равнодушно,—я его послѣ сама прочту.—А между тѣмъ, съ нетерпѣніемъ ожидала, когда онъ кончитъ.

— Все идетъ отлично!—сказалъ отецъ, подавая ей письмо,—

Digitized by Google

его трагедію будутъ скоро играть.—При этомъ лицо старика сіяло такою же искреннею радостью, какъ и вчера, когда разговоръ шелъ объ обѣщанномъ Персивалю мѣстѣ.

Фреда стала читать письмо. Шоттенбауеръ поэтическимъ слогомъ описывалъ свои волненія, надежды, ожиданія. Герцога, просвѣщеннаго покровителя искусствъ, онъ осыпалъ похвалами и съ восторгомъ отзывался о его тонкомъ литературномъ чутьѣ. Говорилъ также о своемъ знакомствѣ съ артистами мейнингенской труппы, первоклассными исполнителями, на которыхъ онъ прежде смотрѣлъ только издали, но которыя сдѣлались ему такими близкими людьми. Шоттенбауеръ заключалъ письмо словами: «Есть же на свѣтѣ уголокъ, гдѣ человѣка не считаютъ безумнымъ, оттого что онъ одной практической жизнью не довольствуется!» и прибавлялъ, что трагедію его будутъ играть въ скоромъ времени. Прочитавъ письмо, Фреда встала и направилась къ двери. Старикъ, продолжавшій сидѣть за письменнымъ столомъ, крикнулъ ей вслѣдъ:

— Понравилось тебѣ то, что онъ пишетъ?

Дѣвушка что-то невнятно пробормотала въ отвѣтъ.

— Покажи письмо Персивалю.

— Ахъ,—раздражительно отвѣтила она,—ему теперь вовсе не до этого.

Она положила письмо на столъ въ кабинетѣ и сошла внизъ, гдѣ встрѣтилась съ невѣстой брата и ея матерью, которыя пришли вмѣстѣ съ Персивалемъ.

Поздно вечеромъ, старикъ Нерингъ, лежавшій уже въ кровати, слышалъ изъ своей спальни, какъ кто-то тихо вошелъ въ его кабинетъ.

— Это ты, Фреда?—спросилъ онъ.

— Мнѣ казалось,—отвѣтила она, шаря рукою по столу,—что я забыла здѣсь ключи.—Вслѣдъ затѣмъ она вышла. Письма на столѣ уже не было; Нерингъ спряталъ его въ «архивъ».

Фреда испытывала какое-то странное безпокойство. Она обошла весь домъ,—вездѣ было темно, всѣ спали. На дворѣ дулъ сильный мартовскій вѣтеръ, въ саду верхушки деревьевъ гнулись и раскачивались. Фреда вспомнила, что первое вѣяніе весны всегда дѣйствуетъ раздражительнымъ образомъ на людей, поэтому, вѣрно, и она находится въ такомъ нервномъ состояніи.

Digitized by Google

Слѣдующіе два дня прошли также однообразно, какъ и предыдущіе. Отецъ и Персиваль пребывали въ благодушномъ настроеніи, Фреда на видъ была совсѣмъ спокойна, но, сидя за работой у себя въ комнатѣ, она часто задумывалась и шитье падало изъ ея рукъ на колѣни. Ночью въ передней вдругъ раздался звонокъ. Телеграфный разсыльный, весь покрытый мокрымъ мартовскимъ снѣгомъ, подалъ депешу. Фреда, сошедшая со свѣчею въ рукѣ, взяла ее отъ горничной и прошла въ гостинную, гдѣ еще сидѣли отецъ и Персиваль. Дѣвушка молча подала имъ телеграмму.

Вскрывъ ее, старикъ прочелъ слѣдующее:

«Громадный успѣхъ. Извините, что безпокою. Потребность подѣлиться радостью. Поклонъ всѣмъ. Шоттенбауеръ».

Слезы показались на глазахъ старика. Въ порывѣ восторга, онъ бросился обнимать и цѣловать Фреду, приговаривая:

— Милый, хорошій человѣкъ!

Фредѣ показалось страннымъ, почему отецъ счелъ нужнымъ излить свое умиленіе именно на нее. Она совершенно безучастно отнеслась къ его ласкамъ, лицо ея было блѣдно и строго. Подъ первымъ впечатлѣніемъ, отецъ и Персиваль хотѣли тотчасъ же отвѣчать сочувственной телеграммой; но на городскомъ телеграфѣ ночнаго дежурства не было, надо были идти за городъ, на желѣзнодорожную станцію, а погода была убійственная; поэтому рѣшили послать телеграмму рано утромъ.

— Но спать мы все таки не въ состояніи!—сказалъ старикъ Нерингъ.—Персиваль, принеси сигаръ, а ты, Фреда, устрой намъ пуншъ; мы выпьемъ за здоровье талантливаго автора.

— Великолѣпная мысль!—подхватилъ Персиваль и побѣжалъ на верхъ за лучшими сигарами, а сестра его занялась приготовленіемъ пунша. Она видимо хлопотала съ удовольствіемъ; блѣдныя до той минуты, щоки ея покрылись легкимъ румянцемъ. Когда стаканы были налиты, отецъ высоко приподнялъ свой и сказалъ:

— Да здравствуетъ нашъ милый Шоттенбауеръ! Дай ему Богъ постояннаго успѣха!

Затѣмъ, и отецъ, и сынъ, оба безсознательно чокнулись сперва съ Фредой, какъ будто выраженное пожеланіе относилось тоже и къ ней.

Digitized by Google

— Жаль, что супруги Беннеке не съ нами,—сказалъ Нерингъ,—какъ бы они были рады!

Фреда вдругъ вскочила съ мѣста, сѣла между отцомъ и братомъ и, обнявъ одного лѣвой, другаго правой рукой, стала попеременно цѣловать ихъ.

— Кого еще намъ нужно, папа? Намъ такъ хорошо втроемъ. За здоровье васъ обоихъ! — прибавила она, взявъ свой стаканъ и выпивъ изъ него два хорошихъ глотка.

Недоумѣвающіе сначала, мужчины вдругъ отъ души захохотали.

Дѣвушка была неузнаваема: куда дѣвался ея суровый и задумчивый видъ послѣднихъ дней! Глаза ея блестѣли, лицо дышало счастьемъ. Она поддалась впечатлѣнію минуты, которая напоминала ей прежнюю счастливую жизнь. Милые ея сердцу—съ нею, а тѣ, которыхъ она не любила—далеко...

«Жаль,—думала она, держа одной рукой руку отца, а другой обнимая брата,—жаль, что человѣку не дана власть останавливать бѣгущее время; я бы дальше идти ему не позволила»!

Отецъ же и братъ рѣшили въ душѣ, что хорошее настроеніе Фреды вызвано депешей; нѣтъ сомнѣнія, что она по уши влюблена въ Шоттенбауера...

XIX.

На другой день, Шоттенбауеру была отправлена телеграмма съ поздравленіями и пожеланіями, послѣ чего Нерингъ, съ полученной изъ Мейнингена депешей въ карманѣ, отправился въ редакцію мѣстнаго листка, намѣреваясь возвѣстить всему городу удачу Шоттенбауера. Новость была принята редакціей съ благодарностью.

— Возьмутъ мейнингенцы его трагедію съ собой, когда поѣдутъ путешествовать?

— Объ этомъ, какъ видите, въ депешѣ не сказано, но оно само собою разумѣется.

— Такъ мы можемъ это прибавить?

— Прибавляйте!—позволилъ, смѣясь, Нерингъ.

Новость появилась въ вечернемъ нумерѣ, и съ этого дня Шоттенбауеръ сталъ знаменитостью города.

Digitized by Google

— Представьте себѣ, трагедія Шоттенбауера, маленькаго чиновника здѣшняго суда, была сыграна по желанію герцога въ Мейнингенѣ и имѣла колоссальный успѣхъ... Можетъ ли это быть?

— Разъ это напечатано, стало быть, такъ и есть.

Въ пивной, за чиновничьимъ столомъ, къ этой новости относились скептически. «Гвардеецъ», вставивъ въ глазъ монокль, спрашивалъ:

— Гдѣ объ этомъ пишутъ?

— Въ мѣстномъ листкѣ.

— А! въ мѣстномъ листкѣ, — повторилъ онъ, и въ тонѣ его слышалось недовѣріе.

Кто-то принесъ газету и подалъ ее гвардейцу.

— Вотъ, прочтите сами.

— Господи, да я вамъ вѣрю! — онъ пожалъ плечами съ презрительной гримасой. Ему почему-то показалось, что ему лично нанесли кровную обиду и, съ этого дня, неповинный Шоттенбауеръ пріобрѣлъ въ немъ врага.

Майоръ и кудрявая тетя всѣмъ и каждому сообщали о его удачѣ.

— Ну, что вы о нашемъ Шиллерѣ скажете? — спросилъ кого-то майоръ.

И весь городъ сталъ повторять, что Шоттенбауера называли Шиллеромъ; многіе даже утверждали, что авторъ трагедіи самъ себя такъ величалъ. Нашлись люди, которые смѣялись надъ его колоссальнымъ самомнѣніемъ; но были и такіе, которые возмущались имъ. Между послѣдними находился учитель нѣмецкой литературы. Его негодованіе было такъ велико, что онъ спрашивалъ себя, не будетъ ли кстати написать сатирическую комедію (онъ втайнѣ тоже пописывалъ пьесы для театра) и осмѣять въ ней этого заносчиваго выскочку... Всѣ эти сплетни и пересуды не доходили до Неринговъ, не зналъ о нихъ ничего и самъ Шоттенбауеръ, который, по окончаніи отпуска, вернулся домой, счастливый и радостный. Его первое появленіе на службу дало поводъ къ новой сплетнѣ, которая дошла и до Неринговъ слѣдующимъ образомъ.

— Говорятъ,—сказала Тереза, сидя у нихъ съ матерью за послѣобѣденнымъ кофеемъ, — что директоръ страшно распекъ Шоттенбауера, опоздавшаго на одинъ день изъ отпуска. Онъ

Digitized by Google

сказалъ ему, что въ Мейнингенѣ чиновникъ могъ дѣлать, что хочетъ, что это его начальника ничуть не интересуетъ, но что по службѣ онъ обязанъ быть всегда пунктуальнымъ и работать. Послѣ этой головомойки, директоръ послалъ ему на домъ цѣлую кипу актовъ...

— Можетъ быть, многое и прибавили,—замѣтилъ Персиваль, закуривая сигару.

— Можетъ быть!—скромно поддержала фрау Вальновъ,— но ты вѣдь знаешь, милый Персиваль, что его сослуживцы не особенно хорошо къ нему относятся, а въ городѣ только и разговора о томъ, какимъ надменнымъ и заносчивымъ вернулся Шоттенбауеръ.

— Кто этотъ вздоръ сочиняетъ? — недовольнымъ тономъ спросилъ Нерингъ.—Это гнусная клевета!

— И я того же мнѣнія, — смиренно проговорила фрау Вальновъ,—и если повторяю слухи, то только потому, что человѣку не мѣшаетъ всегда знать, какія распускаютъ о немъ новости...

Разговоръ этотъ вызвалъ во Фредѣ два противоположныхъ чувства. Она негодовала на будущихъ родственницъ за то, что онѣ видимо радовались недоброжелательству общества къ Шоттенбауеру. Что онъ всѣмъ имъ сдѣлалъ? Ничего! Слѣдовательно, одна зависть говоритъ въ нихъ. Обѣ дамы были ей въ этотъ моментъ до крайности противны. Но, съ другой стороны, Фреда чувствовала, что и сама не огорчается тѣмъ, что Шоттенбауеръ нажилъ себѣ враговъ. «Такъ-то, мой милѣйшій! Не мѣшаетъ узнать, что лавровые вѣнки тоже имѣютъ свои непріятныя стороны»,—злорадствовала про себя сестра Персиваля...

Въ это время, въ передней раздались чьи-то быстрые шаги, дверь распахнулась и сіяющій Шоттенбауеръ остановился на порогѣ.

— Шоттенбауеръ!—крикнулъ, вскакивая со стула, Нерингъ.

Вошедшій бросился къ нему и заключилъ его въ свои объятія, затѣмъ обнялъ и расцѣловалъ Персиваля, а потомъ, недолго думая, подошелъ къ Фредѣ, взялъ ея руку и горячо поцѣловалъ три раза. Онъ былъ такъ счастливъ, такъ любилъ весь свѣтъ и всѣхъ людей, что о свѣтскихъ стѣсненіяхъ не могло быть и рѣчи.

Digitized by Google

Фрау Вальновъ и Тереза сердечно привѣтствовали его.

— Персиваль,—шепнулъ старикъ, — надо бы за Беннеке сбѣгать!

Онъ не успѣлъ договорить, какъ Персиваль выскочилъ уже въ переднюю и, выдя на улицу, скорыми шагами направился черезъ мостъ къ дому майора. Фреда вышла, чтобы приготовить еще кофею, и думала: «Если директоръ, дѣйствительно, такъ дурно его принялъ, и если правда, что товарищи такъ недружелюбно къ нему относятся, то это его, повидимому, мало тревожитъ... или онъ презираетъ всѣ эти дрязги»? Когда она опять вернулась въ столовую, Шоттенбауеръ стоялъ передъ ея отцомъ и декламировалъ большой монологъ героя.

— Тише, Фреда, онъ представляетъ Неспера.

Дѣвушка остановилась въ дверяхъ. Пришедшій въ экстазъ декламаторъ показался ей смѣшнымъ.

— Такъ вотъ какой видъ имѣлъ Несперъ! — насмѣшливо замѣтила она вслухъ.—Значитъ, его фотографическіе портреты мало на него похожи.

Шоттенбауеръ захохоталъ, какъ всегда это дѣлалъ, когда она надъ нимъ смѣялась.

— Нѣтъ, слава богу, у него былъ совсѣмъ другой видъ... Вы не можете себѣ представить, что̀ чувствуетъ авторъ, когда въ первый разъ видитъ героевъ своей фантазіи облеченными въ плоть и кровь!..

Рѣчь Шоттенбауера была прервана подкатившими къ крыльцу дрожками. Опередивъ мужчинъ, кудрявая тетя влетѣла въ комнату въ шляпѣ и накидкѣ, прямо направилась къ Шоттенбауеру и нѣсколько разъ поцѣловала его. Ему пришлось до поздней ночи разсказывать о герцогѣ, о его труппѣ и о томъ, какъ шло представленіе. Прощаясь съ нимъ, старикъ Нерингъ посовѣтовалъ ему хорошенько отдохнуть и выспаться.

— Прежде надо еще заняться докладами, а потомъ ужь думать объ отдыхѣ.

— Но доклады написать вы можете и завтра.

— Видите ли, черезъ двѣ недѣли мою трагедію будутъ вторично играть въ Мейнингенѣ, а чтобы снова получить отпускъ, надо усиленно поработать надъ дѣлами... Нашъ директоръ сталъ что-то придираться ко мнѣ...—По лицу его скользнула не то насмѣшливая, не то грустная улыбка.—Впрочемъ,—

Digitized by Google

продолжалъ онъ,—мнѣ все равно. Съ тѣхъ поръ какъ я знаю, что нѣмецкая литература не можетъ обойти моихъ произведеній молчаніемъ, я къ подобнаго рода непріятностямъ отношусь совершенно равнодушно.

Простившись со всѣми, Шоттенбауеръ подошелъ къ Фредѣ и, протянувъ ей руку, посмотрѣлъ на нее долгимъ взглядомъ; казалось, что ему хотѣлось что-то сказать ей, но онъ молча поклонился и поспѣшно вышелъ въ переднюю.

XX.

Всю слѣдующую недѣлю Шоттенбауеръ не показывался къ Нерингамъ, да и нигдѣ его не было видно. Вѣроятно, онъ сидѣлъ, не разгибая спины, надъ своими актами и составлялъ доклады.

Какъ-то разъ, въ концѣ недѣли, старикъ Нерингъ вернулся со своей ежедневной послѣобѣденной прогулки, съ лицомъ крайне озабоченнымъ. На вопросы сына и дочери, онъ разсказалъ слѣдующее: гуляя за городомъ, въ своемъ любимомъ сосновомъ лѣсу, онъ увидалъ издали тоже прогуливавшагося Шоттенбауера, который какъ будто избѣгалъ съ нимъ встрѣчи. Нерингъ, однако, окликнулъ его, и когда тотъ подошелъ, то старикъ замѣтилъ, что онъ былъ блѣденъ и смущенъ.

— Что съ вами?—спросилъ онъ его,—какая нибудь непріятность?—Шоттенбауеръ сперва замялся, но вслѣдъ затѣмъ съ унынiемъ отвѣтилъ:

— Мою драму въ Мейнингенѣ вторично ставить не будутъ.

— Но вѣдь было уже рѣшено!—воскликнулъ въ недоумѣніи Нерингъ.

— Какъ же! Я такъ радовался, вполнѣ былъ увѣренъ,—и вдругъ отмѣна...

— Ну, не падайте, духомъ; если мейнингенцы будутъ разъѣзжать съ вашей трагедіей, то этимъ все опять поправится!

— Въ томъ-то и дѣло, что они ея съ собой не берутъ...

Тутъ ужь и Нерингъ присмирѣлъ.

— Да отчего же все это произошло?

— Не знаю!.. Репертуаръ измѣнили, пишетъ мнѣ управляющій театромъ.

Digitized by Google

Шоттенбауеръ поникъ головой. Первая скорбь, нанесенная ему красивымъ чудовищемъ, именуемымъ театромъ, наполняла его душу.

— Помните,—началъ онъ опять,—въ какомъ восторженномъ духѣ я писалъ вамъ изъ Мейнингена? Герцогъ, его труппа... Я считалъ здѣсь дни и минуты, когда опять буду между ними... И вотъ они измѣнили своему слову, и такъ безцеремонно обошлись со мной!..

Въ городѣ они распростились, и Нерингъ сказалъ печальному поэту:

— Вы, однако, придете къ намъ?

— Да, потомъ, когда немного успокоюсь.

Такъ они и разстались. На другой день о неудачѣ зналъ весь городъ. Противники Шоттенбауера потирали руки и разсказывали вездѣ, что трагедія его вовсе не имѣла такого громаднаго успѣха, какъ говорили; ее дали одинъ разъ и она провалилась...

«Гвардеецъ» сидѣлъ за пивнымъ столомъ, съ моноклемъ въ глазу, и бросалъ торжествующіе взгляды; преподаватель нѣмецкой литературы призывалъ всѣхъ въ свидѣтели, что съ самаго начала онъ пророчилъ пьесѣ провалъ, что провести его—мудрено! На лицѣ его опять появилось выраженіе олимпійскаго спокойствія,—литературное равновѣсіе возстановлено, минутная вспышка погасла сама собою. Онъ выдвинулъ ящикъ своего письменнаго стола, гдѣ хранились рукописи его драматическихъ произведеній, и съ любовію посмотрѣлъ на нихъ. Люди благоразумные ждутъ, чтобы ихъ мысли совсѣмъ созрѣли... Дураки же несутъ ихъ на житейскій базаръ въ сыромъ видѣ и только портятъ ими желудки другимъ и себѣ!.. Это сравненіе показалось ему такимъ глубокимъ, что онъ тотчасъ же записалъ его.

Между тѣмъ, тотъ, къ которому относились съ такимъ злорадствомъ, сидѣлъ одинъ у себя дома и старался переварить свое фіаско. Ждать успѣха и мало на него надѣяться очень непріятно, но съ этимъ положеніемъ можно свыкнуться; насладиться же успѣхомъ, и затѣмъ потерять его—невыносимо!

И Шоттенбауеръ, дѣйствительно, страдалъ... Еще дома, сидя за новой, предпринятой работой и чувствуя въ себѣ силу творчества, онъ мирился съ обманувшей его надеждой; но на

Digitized by Google

улицѣ, когда знакомые и незнакомые смотрѣли на него, кто съ выраженіемъ обидной жалости, кто съ ехиднымъ торжествомъ,— ему становилось невыносимо. Немало безпокоила его мысль, какъ ко всему этому отнесется Фреда; онъ вспоминалъ, какой у нея былъ довольный видъ, когда онъ разсказалъ, что берлинскій театръ не принялъ его трагедіи. Теперь она, по всей вѣроятности, ликуетъ! Это предположеніе мѣшало ему идти къ Неринамъ. Насмѣшливаго взгляда и язвительной улыбки дѣвушки онъ не въ состояніи былъ бы теперь вынести. Онъ зналъ, что она его не любитъ,—и зеркало ясно говорило ему почему... Ея холодное и суровое обращеніе съ нимъ только еще больше усиливало его страсть, еще сильнѣе влекло его къ ней. Увѣренность, что онъ, рано или поздно, все таки одержитъ надъ нею побѣду, покоритъ ее своимъ умомъ и талантомъ, удвоивала въ немъ силу творчества. Идти къ ней послѣ постигшей его драму неудачи, послѣ его восторженныхъ разсказовъ,—было слишкомъ тяжело для его самолюбія.

Шоттенбауеръ сидѣлъ передъ своимъ письменнымъ столомъ, погруженный въ свои грустныя думы, когда въ его комнату вошелъ почтальонъ и передалъ ему письмо. Прочитавъ его, поэтъ вдругъ радостно вскрикнулъ. Весь міръ кругомъ него преобразился... Онъ схватилъ шляпу, накинулъ на плечи пальто и вышелъ. Дома ему не сидѣлось, жизнь снова показалась ему прекрасной!

XXI.

Шоттенбауеръ не шелъ, а почти бѣжалъ по улицамъ. «Гвардеецъ» и его товарищъ, мимо которыхъ онъ стремительно пролетѣлъ, посмотрѣли ему вслѣдъ съ немалымъ изумленіемъ.

— Точно сошедшій съ рельсовъ паровозъ!—замѣтилъ насмѣшливо товарищъ.

— Скорѣе пущенный волчокъ! — поправилъ его «гвардеецъ».

Въ окнѣ цвѣточнаго магазина выставленъ былъ великолѣпный букетъ. Шоттенбауеръ купилъ его. Судя по тому, какъ онъ, улыбаясь, смотрѣлъ на всѣхъ встрѣчныхъ, можно было подумать, что онъ сошелъ съ ума, и еслибы онъ самъ себѣ далъ ясный отчетъ, зачѣмъ купилъ букетъ, то, вѣрно, тоже за-

Digitized by Google

подозрилъ бы себя въ ненормальности... Красивыя розы ему понравились; онъ вспомнилъ о Фредѣ и совершенно безсознательно пріобрѣлъ его, не раздумывая, что такая трата ему не по средствамъ.

Онъ шелъ къ Нерингамъ, но, подойдя къ ихъ дому, разомъ отрезвился. Мысль, какъ она приметъ его подарокъ, мелькнула у него въ головѣ, но возвращаться было уже поздно, дверь растворилась и, въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе, онъ былъ уже въ комнатѣ, гдѣ засталъ все семейство въ сборѣ. Съ букетомъ въ одной рукѣ, со шляпой въ другой, онъ стоялъ смущенный и весь красный, представляя такую смѣшную картину, что всѣ присутствующіе не выдержали и расхохотались.

— Что эти цвѣты означаютъ?—спросилъ старикъ-хозяинъ.

— Я сейчасъ былъ сильно обрадованъ,—отвѣтилъ, все больше и больше конфузясь, Шоттенбауеръ и, не зная, какъ выпутаться изъ объясненія, онъ рѣшительно подошелъ къ Фредѣ и подалъ ей букетъ.

— Позвольте мнѣ... эти цвѣты...

Смутиться и покраснѣть пришлось теперь Фредѣ.

— Этотъ роскошный букетъ для меня?..—Она медленно протянула руку и взяла букетъ, какъ вдругъ почувствовала, что Шоттенбауеръ сильно сжалъ ея пальцы, и, еще больше смутясь, опустила глаза. Взглядъ поэта выражалъ пламенную страсть.

— Но разскажите же, что̀ именно случилось?—спросилъ Нерингъ. — Вы говорите, что были чѣмъ-то обрадованы, — чѣмъ же?—Шоттенбауеръ, вынувъ изъ кармана письмо, подалъ его старику.

— Вотъ прочтите, что̀ я сейчасъ получилъ.

Письмо было изъ Берлина, отъ одного театральнаго директора, устраивавшаго новый театръ. Оказалось, что онъ былъ въ Мейнингенѣ, присутствовалъ при представленіи его трагедіи и убѣдительно просилъ автора позволить ему поставить ее на своемъ театрѣ, причемъ осыпалъ произведеніе восторженными похвалами.

— Это можно назвать началомъ великой будущности!— сказалъ Нерингъ, прочитавъ вслухъ письмо.

Всѣ молча согласились съ этимъ мнѣніемъ. Самому Шот-

Digitized by Google

тенбауеру судьба его представлялась въ видѣ женщины, закрытой фатою, сквозь которую устремлялся на него таинственный и загадочный взглядъ.

— Ну, другъ мой,—сказалъ, вставая со стула, Нерингъ,—день, говорятъ, хвалится вечеромъ; но мнѣ сдается, что должно произойти что-то хорошее, несказанно пріятное для васъ и для насъ!

Старикъ протянулъ дружески руки и Шоттенбауеръ подошелъ къ нему.

— Скажите мнѣ, ради бога,—началъ онъ вполголоса,—но совершенно откровенно, вы меня не презираете?

— За что?

— За то, что я такъ малодушно упалъ духомъ послѣ неудачи, а теперь чуть съ ума не схожу отъ радости при маленькомъ лучѣ надежды...

— Послушайте, Шоттенбауеръ, позвольте мнѣ, вмѣсто отвѣта, пожелать вамъ всегда имѣть возлѣ васъ человѣка, который понималъ бы васъ. Такой человѣкъ сочувственно отнесется къ вашему настроенію, но презирать васъ онъ никогда не будетъ... Я же,—продолжалъ старикъ, отечески поглаживая поэта по плечу,—кажется, васъ немного понимаю!

Всѣ глаза были устремлены на тихо разговаривавшихъ мужчинъ, поэтому никто не замѣтилъ волненія Фреды. Цвѣты лежали передъ нею на столѣ; сама она, всѣмъ корпусомъ наклонившись впередъ, жадно прислушивалась къ словамъ отца, блѣдная, неподвижная. Когда разговоръ кончился, она неслышно встала, взяла букетъ и скрылась. Шоттенбауеръ, обернувшись въ ея сторону и не видя ея болѣе, сталъ прощаться.

— Мы сегодня вечеромъ у майора,—сказалъ ему старикъ,—приходите и вы туда.

Фреда вошла въ гостинную, когда гость уже былъ въ передней.

— Куда ты дѣвала букетъ?—спросилъ отецъ.

— Тамъ оставила...

— Такому великолѣпному букету мѣсто въ гостинной!

— Пожалуй, я принесу его сюда.

Дѣвушка вышла и вслѣдъ затѣмъ вернулась, неся въ рукахъ вазу съ цвѣтами. Она поставила ее на круглый столъ и нагнулась, какъ бы расправляя цвѣты. Фрау Вальновъ и

Digitized by Google

Тереза съ любопытствомъ слѣдили за ея медленными движеніями.

— Какія чудныя розы!—сказалъ отецъ, подходя къ столу.—Ты, кажется, его даже не поблагодарила?

Фреда не тотчасъ отвѣтила. Грудь ея высоко поднималась, ноздри раздулись.

— Не понимаю, право,—выговорила она, наконецъ,—что это ему вздумалось...

Она хотѣла отойти отъ стола, но отецъ обнялъ ее за талію и удержалъ на мѣстѣ.

— Что ему вздумалось?.. Вѣдь ты слышала, онъ былъ обрадованъ.

— Что же тутъ общаго?

— Что общаго?—внушительно повторилъ старикъ,—а вотъ что: нѣкоторые люди, богато одаренные, когда чѣмъ нибудь обрадованы, испытываютъ потребность порадовать другихъ. Такіе люди, дитя мое, великодушны, щедры отъ природы!

— Но зачѣмъ онъ именно мнѣ поднесъ ихъ,—вотъ что я желаю знать!

— Ты это желаешь знать? Будто не знаешь?

Отецъ и дочь говорили почти шопотомъ. Фреда молчала; отецъ видѣлъ и чувствовалъ, что въ ней бушевала цѣлая буря, что она страдала; но какія чувства волновали ее до такой степени? Отчего она нервно вздрагивала, какъ отъ физической боли? «Загадочная, неукротимая дѣвушка!—думалъ старикъ, съ участіемъ глядя на нее, — какую неприглядную будущность готовитъ она себѣ, добровольно обрекая себя на одиночество»!

Фреда подняла голову и, взглянувъ на печальное лицо отца, не вытерпѣла и, схвативъ его за руки, увлекла въ сосѣднюю комнату. Тамъ она съ рыданіемъ бросилась ему на грудь.

— Папа, папа!—говорила она, всхлипывая,—не мучь, не терзай меня.

— Фреда, дитя мое!—утѣшалъ ее отецъ,—кто же тебя терзаетъ?

— Вы всѣ!

Она сѣла на стулъ и продолжала неудержимо плакать.

— Другъ мой, Фреда,—говорилъ совсѣмъ растерявшійся отецъ,—будь благоразумна! Скажи, развѣ я тебя къ чему ни-

Digitized by Google

будь принуждаю? Ты вѣдь хорошо меня знаешь, развѣ я деспотъ? Развѣ я стѣсняю твою свободу въ чемъ нибудь?

— Господи!—воскликнула дѣвушка, вскакивая со стула,— зачѣмъ я не такая, какъ всѣ?!. что мнѣ дѣлать? Я не могу, не могу!..

Отецъ хотѣлъ что-то сказать, но она замахала руками, отерла слезы и опять овладѣла собою.

— Успокойся, папа, ты видишь: я снова сдѣлалась благоразумной.

Она подошла къ старику, обвила его шею руками и крѣпко поцѣловала его.

— Бѣдный папа, не справиться тебѣ со мною!

— Слушай, дочка: то, что̀ я сегодня сказалъ Шоттенбауеру, годится и для тебя: хорошо было бы тебѣ всегда имѣть при себѣ человѣка, который понималъ бы тебя...

— Но вѣдь ты при мнѣ, папа.

— Дорогая моя, не забывай, что я уже старикъ!

Она судорожно схватила его за плечи.

— Папа!!.

— Ну, не пугайся, я вѣдь еще твердо стою на ногахъ.

Фреда задумчиво прошлась по комнатѣ.

— Знаешь, папа, что̀ мнѣ пришло въ голову... Помнишь, въ прошломъ году докторъ совѣтовалъ тебѣ пройти курсъ лѣченія...

— Да, на какихъ нибудь стариковскихъ водахъ!—улыбаясь, отвѣтилъ отецъ.

— Хоть бы и на стариковскихъ, лишь бы онѣ принесли тебѣ пользу. Вотъ я и придумала: когда Перси поѣдетъ въ Берлинъ, сдавать свой экзаменъ, къ которому надо ему еще подготовиться...

— Разумѣется!

— Но къ осени онъ уже сдастъ его?

— Надо полагать, что сдастъ.

— Такъ вотъ: какъ только станетъ теплѣе, мы домъ нашъ запремъ и всѣ разъѣдемся: Перси въ Берлинъ, а мы съ тобой куда нибудь на воды.

— Удеремъ?—лукаво улыбаясь, подмигнулъ старикъ.

— Почему же удеремъ?

Отецъ покачалъ головой.

Digitized by Google

— Знаешь ли, другъ мой, ты напрасно считаешь своего стараго отца за такого дурака!

— Сознайся, однако,—краснѣя, пробормотала Фреда,—что мысль моя вовсе недурна!

— Не спорю. Но куда же мы поѣдемъ... въ Карлсбадъ что ли?

— Нѣтъ, тебѣ, слава богу, Карлсбадъ не нуженъ.

— Но вѣдь въ Гаштейнѣ и иныхъ горныхъ мѣстностяхъ такъ рано сезонъ не открывается.

— Ну, такъ не на воды... Поѣдемъ въ сѣверную Италію, поселимся на берегу озера, кстати я тамошнихъ мѣстъ совсѣмъ не знаю... Говорятъ, весной тамъ прелестно...

— Да,—отвѣчалъ отецъ съ хитрой усмѣшкой,—нѣмецкихъ газетъ тамъ нѣтъ, слухи о томъ, что̀ дѣлается на нѣмецкой сценѣ, туда не доходятъ...

Фреда взглянула на отца и разсмѣялась.

— Ты, право, былъ бы отличнымъ судебнымъ слѣдователемъ, папа!

— Итакъ, мы ѣдемъ въ сѣверную Италію и поселяемся на берегу Комскаго озера, да?

— Да, почему бы и не на берегу Комскаго озера!

— На берегу этого озера находится вилла герцога Мейнингенскаго, извѣстная всѣмъ вилла—Карлотта. Мы будемъ гулять въ саду этой виллы и, такъ какъ газетъ у насъ не будетъ, то я, сидя съ тобою подъ листьями магноліи, буду читать тебѣ письма нѣкоего человѣка, писанныя изъ Мейнингена.

— Папа!—вскрикнула, какъ ужаленная, Фреда и, подойдя къ отцу, зажала ему ротъ рукою. Старикъ привлекъ ее и, какъ ребенка, посадилъ къ себѣ на колѣни.

— Знаешь, дитя мое,—сказалъ онъ,—въ жизни каждаго человѣка есть много такого, отъ чего ни уйти, ни избавиться онъ не можетъ.

— Смерть всегда ото всего избавитъ!—рѣзко отвѣчала дѣвушка, вставая.

Тяжело вздохнулъ старикъ и тоже поднялся съ мѣста; отецъ и дочь разошлись по своимъ комнатамъ. Но Фредѣ не сидѣлось у себя; она на цыпочкахъ подошла къ двери кабинета и заглянула туда. Старикъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ; ящикъ, въ которомъ хранился «архивъ», былъ выдви-

Digitized by Google

нутъ; письма, депеши и рукопись Шоттенбауера лежали передъ нимъ. Замѣтя на его добромъ старческомъ лицѣ выраженіе тихой грусти, Фреда не захотѣла его безпокоить и ушла къ себѣ также тихо, какъ и пришла. Полчаса спустя, она опять вернулась и на этотъ разъ постучалась въ дверь.

— Войди, войди!

Дѣвушка, входя, видѣла, какъ отецъ задвинулъ ящикъ и повернулъ ключъ въ замкѣ.

— Не пора ли намъ идти къ майору?

— Да, пожалуй, что и пора. Ты готова?

— Готова.

— Такъ пойдемъ!

Но Фреда не двигалась съ мѣста.

— Что же ты?

Дѣвушка бросилась къ нему на шею.

— Ты на меня сердишься, папа?

— И не думаю сердиться. За что же? Ты вольна распоряжаться своимъ будущимъ.

— И потому,—ласково отвѣчала Фреда, цѣлуя отца,—не будемъ пока говорить о будущемъ, а удовольствуемся настоящимъ, т. е. отправимся къ кудрявой тетѣ!

XXII.

Было уже довольно поздно, когда Шоттенбауеръ пришелъ къ Беннекамъ. Майорша очень ему обрадовалась; она надѣялась, что онъ сколько нибудь оживитъ общество, которое сегодня что-то ужь очень было молчаливо. Майоръ встрѣтилъ гостя со стаканомъ вина въ рукѣ.

— Милости просимъ, Шиллеръ. А что, Берлинъ заговорилъ!.. Поздравляю, поздравляю. Къ чорту всѣхъ противниковъ, завистниковъ и сплетниковъ!

Шоттенбауеръ, улыбаясь, подошелъ къ хозяйкѣ и поцѣловалъ ея руку. Майорша поцѣловала его въ лобъ.

— Это я про запасъ васъ цѣлую,—сказала она,—скоро вы будете такимъ знаменитымъ человѣкомъ, что не позволишь себѣ съ вами такого фамильярнаго обращенія. Вспомните ли вы когда нибудь въ Берлинѣ про насъ грѣшныхъ, когда на васъ со всѣхъ сторонъ будутъ сыпаться лавры?

Digitized by Google

— Неужели вы серьезно думаете, что я могу забыть васъ?— съ упрекомъ сказалъ Шоттенбауеръ.

Старикъ Нерингъ съ любовью посмотрѣлъ на него.

— Дайте ему стаканъ вина,—обратился онъ къ майоршѣ,— посмотрите, какой у него утомленный видъ. Вы все сидите надъ вашими актами, Шоттенбауеръ?

Поэтъ, дѣйствительно, имѣлъ видъ переутомленнаго человѣка; майорша ошиблась въ ожиданіяхъ: онъ, также какъ и Фреда и ея отецъ, былъ чѣмъ-то озабоченъ и говорилъ мало.

— Знаешь, Шоттенбауеръ,—громко, черезъ весь столъ, сказалъ Персиваль,—дверь нашего дома скоро наглухо заколотится и все семейство Неринговъ разбредется въ разныя стороны.

Шоттенбауеръ съ недоумѣніемъ взглянулъ на пріятеля.

— Да, что вы на это скажете?—вмѣшалась майорша,— они уѣзжаютъ!

— Уѣзжаютъ?..—Онъ мелькомъ взглянулъ на Фреду и замѣтилъ, что она сильно покраснѣла.

— Да,—продолжала майорша,—уѣзжаютъ въ такое время года. Это почти невѣроятно!

— Тетя,—сказалъ Персиваль,—я былъ бы очень радъ, еслибы кто нибудь поѣхалъ сдать за меня экзаменъ. Надо тебѣ сказать,—обратился онъ къ поэту,—что на дняхъ я ѣду въ Берлинъ, чтобы готовиться къ экзамену... Слѣдовательно, я поступаю въ высшей степени благоразумно.

— Ты—дѣло другое! Но твой отецъ и Фреда... совсѣмъ не понимаю, что имъ вздумалось!

— Отецъ и Фреда хотятъ, чтобы этотъ вѣтрогонъ дѣйствительно готовился къ экзамену,—пояснилъ Нерингъ,—а не шлялся бы по два раза въ недѣлю сюда. Вотъ они и прибѣгаютъ къ радикальному средству,—запираютъ дверь своего дома передъ его носомъ и уѣзжаютъ... Что же касается до времени года, то фрау Беннеке напрасно безпокоится: мы ѣдемъ въ теплую страну, вѣроятно, на берега озера Комо.

Фреда сидѣла, все время опустивъ глаза въ тарелку. Отецъ, со свойственной ему деликатностью, поставилъ дѣло такъ, какъ будто планъ этотъ былъ имъ самимъ составленъ.

— На озеро Комо?—воскликнула майорша.

— Чему жь тутъ удивляться,—смѣясь, замѣтилъ Нерингъ,— поѣдемте вмѣстѣ, это будетъ самое лучшее.

Digitized by Google

— А что, и въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ вдругъ майоръ.

— Что ты? Образумься!—накинулась на него жена.—Озеро Комо за тысячу миль отсюда!.. Мы, другъ мой, преспокойно останемся дома, а лѣтомъ, какъ всегда, поѣдемъ въ Теплицъ.

— Въ такомъ случаѣ, мы увидимся въ Теплицѣ,—замѣтилъ Нерингъ,—лѣтомъ мнѣ предстоитъ курсъ лѣченія.

Разговоръ продолжался въ этомъ духѣ, но не клеился; такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Шоттенбауеру. Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ знакомъ былъ съ этими людьми, онъ замѣчалъ въ ихъ разговорѣ что-то недосказанное, какое-то желаніе скрыть свои мысли... У Неринговъ о предстоящемъ путешествіи не было и рѣчи, а теперь о немъ говорятъ, какъ о дѣлѣ давно рѣшенномъ. Неужели всему этому причиной былъ его букетъ и то, что онъ почти признался въ любви Фредѣ? При этой мысли, сердце его болѣзненно сжалось. Она отъ него бѣжала... онъ ничего не возбуждалъ въ ней, кромѣ безпокойнаго желанія уйти отъ него какъ можно дальше!

Всѣ встали изъ-за стола; мужчины закурили сигары, а Шоттенбауеръ все продолжалъ себя мучить разными предположеніями. Не разсердился ли на него и старикъ Нерингъ за его глупое поднесеніе букета?.. Въ самомъ дѣлѣ, какая дикая выходка: бѣжать по улицамъ съ сіяющимъ лицомъ и громаднымъ букетомъ, вломиться въ домъ Неринга... Немудрено, если завтра разнесется по городу вѣсть о предложеніи, сдѣланномъ... и кѣмъ же? некрасивымъ, бѣднымъ, ничтожнымъ чиновникомъ изъ суда. И все это произошло отъ радости, вслѣдствіе письма директора театра! Онъ опрометчиво скомпрометировалъ гордую, неприступную Фреду. Фантазія молодаго человѣка представила ему его поведеніе относительно любимой дѣвушки въ самомъ ужасномъ свѣтѣ, и онъ, подавленный и уничтоженный, не могъ выговорить ни одного слова. Перемѣна, происшедшая въ его расположеніи духа, всѣми была замѣчена; онъ это видѣлъ, это его безпокоило; но разговаривать онъ былъ не въ состояніи; сердце его рвалось на части, рыданія подступали къ горлу и душили его. Собравшись наконецъ съ духомъ, онъ всталъ и сталъ прощаться.

— Прошу извинить меня, — сказалъ онъ майоршѣ,— мнѣ сегодня необходимо еще поработать.

— Вы, право, слишкомъ много работаете!—отвѣтила ста-

Digitized by Google

рушка: — васъ это утомляетъ, не надрывайте такъ вашихъ силъ.

Простившись молча съ майоромъ, Шоттенбауеръ подошелъ къ старику Нерингу. При мысли, что онъ видитъ его, быть можетъ, въ послѣдній разъ, Шоттенбауеръ чуть не заплакалъ.

— Мы съ вами до отъѣзда еще увидимся?—ласково спросилъ старикъ, пожимая холодную руку бѣднаго поэта и заботливо смотря на него.

— Вы надолго уѣзжаете?

— Вѣроятно, до осени.

Шоттенбауеръ покачалъ головой.

— Что вы хотите сказать?

— Мы, мелкіе чиновники, люди кочующіе... Какъ знать, быть можетъ, осенью меня уже тутъ не будетъ.

Онъ хотѣлъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки вышла страдальческая гримаса и глаза наполнились слезами. Простившись наскоро общимъ поклономъ съ остальными, онъ вышелъ въ переднюю. Удручающее молчаніе воцарилось послѣ его ухода. Всѣ чувствовали, что человѣкъ этотъ удалился съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Фреда сидѣла, какъ истуканъ, блѣднѣе и холоднѣе обыкновеннаго. Достаточно было взглянуть на нее, чтобы отгадать причину отчаянія Шоттенбауера.

При прощаніи, майорша шепнула ей:

— Милое дитя мое, дозволь мнѣ дать тебѣ совѣтъ, какъ еслибы я была твоею матерью.

— Дорогая тетя!—также тихо отвѣтила Фреда,—еслибы ты и дѣйствительно была моею матерью, то вѣрь мнѣ, ничто бы не измѣнилось. Изъ жалости нельзя жертвовать собою... губить свою жизнь. Это было бы уже слишкомъ!

Замѣтивъ, что фрау Вальновъ стояла настолько близко, что любопытныя уши ея могли подслушать разговоръ, Фреда сверкнула глазами и, гордо поднявъ голову, подошла къ ней.

— Знаете ли,—сказала она развязно,—что означалъ сегодняшній букетъ? Папа держалъ пари съ Шоттенбауеромъ, что его драму будутъ играть въ Берлинѣ, а авторъ утверждалъ противное. Когда онъ проигралъ, то, не зная, какъ уплатить свой проигрышъ, принесъ дорогой букетъ.

Фрау Вальновъ вспыхнула; она чуяла, что ее обманываютъ, даже не заботясь о томъ, повѣритъ ли она... Ей точно дали

Digitized by Google

обидный урокъ: если, молъ, хочешь разносить вѣсти, то разноси вотъ въ какомъ смыслѣ! Послѣ этого, къ дѣвушкѣ снова вернулось ея самообладаніе, и она весело простилась съ хозяевами.

Выдя на улицу, Нерингъ взглянулъ на окна Шоттенбауера. Они были темны, но не прошло и минуты, какъ свѣтъ зажженной лампы озарилъ ихъ. «Онъ дома», — прошепталъ старикъ и, какъ бы успокоенный очевидностью, взялъ подъ руку дочь и пошелъ дальше.

Послѣ всѣхъ непріятныхъ волненій, Фреда съ наслажденіемъ отдавалась холодному спокойствію, которое, по ея мнѣнію, составляетъ счастье человѣка. Субъектъ, насильно ворвавшійся въ ея жизнь—удаленъ; она снова свободна, побѣда за нею. Она чувствовала, что отецъ ея страдалъ, и отъ души жалѣла его, но утѣшала себя тѣмъ, что своей любовью и заботами о немъ заставитъ его скоро позабыть случайный эпизодъ съ Шоттенбауеромъ. И что это всѣ сговорились навязывать ей непріятнаго человѣка? Осенью, когда они вернутся, его, богъ дастъ, ужь тутъ не будетъ. И отлично! Въ концѣ концовъ, онъ—человѣкъ деликатный, скромный... даже хорошій. Но мало ли на свѣтѣ хорошихъ людей? Это еще не причина, чтобы полюбить его.

Персиваль, провожавшій невѣсту, догналъ ихъ около дома. Придя домой, мужчины разошлись по своимъ комнатамъ, а Фреда, по обыкновенію, обошла всѣ комнаты, прежде чѣмъ подняться къ себѣ. Когда она вошла въ темную гостинную, обоняніе ея было поражено пріятнымъ запахомъ розъ, и она невольно подошла къ столу, на которомъ стоялъ букетъ. «Какъ тутъ хорошо!—вздохнула молодая дѣвушка, упиваясь свѣжимъ ароматомъ цвѣтовъ,—и все это приходится покинуть и уѣзжать куда-то»...

Она поставила свѣчу на столъ и стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ; видно было, что она боролась съ какой-то мыслью. Немного погодя, она опять подошла къ букету, вынула его изъ вазы и, холодно смотря на него, размышляла, куда его выкинуть. «Конечно, въ помойную яму! Завядшіе цвѣты обыкновенно туда бросаютъ». Но исполнить этого она была не въ силахъ. Накинувъ на плечи платокъ, она вышла въ садъ и, вырывая изъ букета отдѣльно каждую розу, раз-

Digitized by Google

бросала ихъ по кустарникамъ, разсаженнымъ вдоль забора. Такимъ образомъ, она завтра ихъ больше не увидитъ и онѣ не напомнятъ ей ни о комъ. Успокоенная этой мыслью, дѣвушка вошла снова въ гостинную, взяла оставленную тамъ свѣчку и пошла къ себѣ. Падавшій на ея руки свѣтъ отъ свѣчки заставилъ ее обратить вниманіе на блиставшія на ея пальцахъ капли воды, оставленныя букетомъ; капли эти походили на слезы... Недолго думая,—чтобы не сказать: черезчуръ поспѣшно,—она вынула изъ кармана платокъ и вытерла имъ свои руки.

Часть вторая.

I.

Планамъ Фреды Нерингъ благопріятствовала погода. Тепло становилось ощутительнымъ. Къ мысли, что старикъ съ дочерью ѣдутъ за границу, всѣ успѣли привыкнуть; она больше не казалась уже такой странной. Въ домѣ ихъ царила та суета, которая всегда предшествуетъ отъѣзду на продолжительное время.

Персиваль, посвистывая и напѣвая, расхаживалъ по дому. Экзамена онъ не боялся, потому что всегда усердно работалъ. Два мѣсяца въ Берлинѣ пролетятъ незамѣтно, а затѣмъ онъ женится на Терезѣ и заживетъ счастливой семейной жизнью. Фреда хлопотала съ утра до вечера. Ея постояннымъ чтеніемъ были теперь путеводители. Планъ путешествія они значительно расширили; каждое утро она являлась къ отцу съ Бедекеромъ въ рукахъ и читала ему вслухъ о прелестяхъ такъ называемой Ривьеры, куда ей непремѣнно хотѣлось ѣхать.

— Я, папа, даже и мѣсто выбрала, гдѣ намъ всего удобнѣе будетъ жить, именно въ Бордигеро; тамъ не такъ шумно, какъ въ Санъ-Ремо, и не такъ много больныхъ, какъ въ Ментонѣ. Какъ тамъ будетъ хорошо, папочка! Перси будетъ писать намъ два раза въ недѣлю; мы постоянно будемъ слѣдить за его успѣхами... Господи, какое это будетъ спокойное, пріятное существованіе!

Старикъ Нерингъ улыбался и думалъ про себя, что онъ точно также спокойно и пріятно провелъ бы это время, сидя у себя дома и читая письма Персиваля... Но данное дочери обѣ-

Digitized by Google

щаніе онъ хотѣлъ непремѣнно выполнить, въ особенности видя, съ какимъ удовольствіемъ она готовилась къ путешествію. Кромѣ того, онъ зналъ, какъ она была впечатлительна и какъ сильно могла страдать; а на немъ самомъ слишкомъ больно отзывались ея страданія. Чѣмъ ближе подходилъ день отъѣзда, тѣмъ неуютнѣе становился домъ Неринга. Комната Фреды походила на модный магазинъ. Когда уѣзжаешь на долгое время, надо позаботиться и о туалетѣ.

Персиваль уложилъ всѣ свои книги, и комната его опустѣла. Въ гостинной мебель и бронза закутаны были чехлами. Только кабинетъ старика сохранялъ еще прежній видъ. Чтобы не безпокоить отца, Фреда намѣревалась приняться за него передъ самымъ отъѣздомъ. Всѣ знакомые спѣшили еще разъ съ ними повидаться и пожелать имъ счастливаго пути. Дверь передней то и дѣло отворялась, впуская и выпуская гостей. Вальновы—мать и дочь, почти не выходили изъ дома своихъ будущихъ родственниковъ. Раза два въ день забѣгала толстая Нанетхенъ; она была грустна и слезы поминутно туманили ея глаза; безконечные вопросы ея, ахи и охи раздражали Фреду. Навѣщали ихъ также нерѣдко и майоръ съ майоршей; майору тяжело было разставаться на долгій срокъ со своимъ старымъ другомъ, а майорша, не рѣшавшаяся откровенно говорить съ Фредой, представляла собою нѣмой упрекъ. Не приходилъ только одинъ Шоттенбауеръ, и это очень огорчало старика Неринга. День отъѣзда былъ близокъ, а поэтъ все не являлся. Молодая дѣвушка внутренно радовалась своей проницательности... вѣдь она такъ и надѣялась, что несносный претендентъ пропадетъ, исчезнетъ! Съ отцомъ они избѣгали говорить объ этомъ предметѣ, а Персиваль былъ такъ поглощенъ своей невѣстой и мыслями о своей будущности, что совсѣмъ забылъ о новомъ пріятелѣ. Отъ Беннековъ тоже ничего нельзя было узнать о немъ: съ того злополучнаго вечера Шоттенбауеръ и у нихъ не былъ. Только всевѣдущая фрау Вальновъ какъ-то сообщила, что поэтъ никуда не уѣзжалъ изъ города и продолжалъ ходить на службу; да по вечерамъ старикъ Нерингъ, гуляя, видѣлъ свѣтъ въ его окнахъ. Зайти къ нему самъ Нерингъ не рѣшался; пришлось бы тогда звать его къ себѣ, а этого онъ, изъ-за Фреды, такъ сурово оттолкнувшей его отъ себя, не могъ сдѣлать. Старикъ видимо грустилъ; онъ всѣмъ сердцемъ

Digitized by Google

полюбилъ талантливаго, застѣнчиваго оригинала и мечталъ, что скоро назоветъ его своимъ сыномъ; но мечтамъ его, какъ видно, не суждено было сбыться.

Наконецъ, все остальное было уложено, и Фредѣ пришлось заняться разборкою и укладкою отцовскихъ вещей.

— Папа,—сказала она,—твое бѣлье и платье я сама уложу, но книги и бумаги, которыя ты желаешь съ собой взять, потрудись отобрать и уложить уже самъ.

— Хорошо, мой другъ.

Сундукъ былъ принесенъ и поставленъ около двери кабинета. Послѣ обѣда, Фреда, заглянувъ въ сундукъ, увидала, что отецъ положилъ въ самый низъ нѣсколько книгъ и какой-то толстый пакетъ, перевязанный веревочкой. Ей захотѣлось посмотрѣть, что̀ это такое; она раздвинула газетную бумагу, служившую оберткой, и увидала трагедіи Шоттенбауера, его депеши, письмо,—словомъ, весь «архивъ»... Дѣвушка смутилась, точно подглядѣла чужую тайну, поспѣшно сдвинула опять бумагу, положила пакетъ на мѣсто и сверху стала укладывать бѣлье, платье и другія вещи.

II.

Въ одинъ свѣтлый апрѣльскій день, семейство Нерингъ разъѣхалось. Отецъ съ дочерью отправились утромъ на вокзалъ, а Персиваль, проводивъ ихъ, долженъ былъ ѣхать послѣ обѣда въ Берлинъ. Фрау Вальновъ и Тереза собирались было тоже проводить отъѣзжающихъ, но Фреда отклонила ихъ отъ этого намѣренія. Ей хотѣлось, при прощаньѣ, быть одной съ Персивалемъ; она въ первый разъ разставалась съ нимъ на такое продолжительное время. Всѣ трое усѣлись въ коляску; старикъ Нерингъ былъ задумчивъ и почти грустенъ; Персиваль серьезенъ; одна Фреда казалась веселой, улыбалась и разговаривала. Было ли у нея на душѣ также весело, сказать трудно, но если она и сожалѣла о чемъ нибудь, то только о томъ, что разставалась съ братомъ.

— Итакъ рѣшено,—говорила она, держа руку Персиваля,—по пріѣздѣ въ Берлинъ, ты намъ немедленно напишешь!

— Обязательно. Я буду писать въ Бордигеро, до востребованія.

Digitized by Google

— А затѣмъ пиши два раза въ недѣлю.

— Ну, хоть и не такъ часто, а писать буду, извѣщать о себѣ и сообщать всякія новости.

Фреда улыбнулась. На что ей «всякія новости»? Ее интересуетъ только то, что̀ лично до него касается. Она даже почти забыла о существованіи Терезы! Любовь къ брату полновластно царила въ ея сердцѣ, и эта любовь вытѣсняла всѣ другія привязанности.

Подъѣхали къ вокзалу. Настала минута послѣдняго прощанія и всѣмъ троимъ стало невыносимо грустно. Изъ глазъ Персиваля скатились двѣ слезы, Фреда тоже плакала, лицо старика было печально и серьезно. Онъ нѣжно обнялъ сына и крѣпко поцѣловалъ его. Фреда, въ свою очередь, бросилась ему на шею и горячо покрывала поцѣлуями щоки, лобъ, глаза. Наконецъ, она выпустила его изъ своихъ объятій и бросилась въ вагонъ. Отецъ, прежде чѣмъ войти за нею, потихоньку шепнулъ сыну:

— Если что нибудь услышишь о Шоттенбауерѣ, напиши мнѣ.

— Хорошо,—отвѣчалъ Персиваль, пожимая руку старика.

Наконецъ, дверь вагона захлопнулась за путешественниками, раздался рѣзкій свистокъ и поѣздъ тронулся. Сперва было рѣшено ѣхать безостановочно до Генуи, однако вечеромъ, во Франкфуртѣ, старикъ почувствовалъ такую усталость, что пришлось остановиться въ гостинницѣ переночевать.

— Я считалъ себя гораздо крѣпче,—замѣтилъ Нерингъ, слабо улыбаясь.

Дочь предложила ему остаться весь слѣдующій день во Франкфуртѣ, но онъ ни за что не соглашался и желалъ какъ можно скорѣе доѣхать до мѣста. Онъ могъ наслаждаться жизнью только при непремѣнномъ условіи нѣкоторой домовитости и осѣдлости. Цыганская и кочевая обстановка была ему не понутру. Въ Базелѣ они сѣли на Сенъ-Готардскую дорогу. Фреда сидѣла у окна вагона и любовалась великолѣпными ландшафтами; самъ старикъ, въ первый разъ ѣхавшій по этой дорогѣ, восхищался природой не меньше дочери.

Послѣ обѣда, они переѣхали границу Италіи, а поздно ночью прибыли въ Геную. Отправляясь въ гостинницу въ открытомъ экипажѣ, Фреда съ любопытствомъ смотрѣла по сто-

Digitized by Google

ронамъ. Весь городъ спалъ; дворцы съ колоннами и мраморными лѣстницами придавали ему величественный видъ. Подъѣзжая къ гостинницѣ, которая находилась на берегу моря, они услышали плескъ волнъ и увидали цѣлый лѣсъ мачтъ. Море было неспокойно; волны съ шумомъ разбивались о каменную пристань, канаты и снасти на судахъ трещали и скрипѣли. Фреда вдругъ почувствовала себя подавленной, уничтоженной. Послѣ мирной и уютной тишины роднаго городка, ей вдругъ стало жутко и она рада была, когда вошла въ свою комнату. Старикъ, повидимому, испытывалъ то же самое чувство.

Отдохнуть путешественникамъ пришлось недолго; шумъ и крикъ въ гавани начался съ ранняго утра, а итальянское солнце побѣдоносно сквозило во всѣ щели закрытыхъ ставней. Фреда встала гораздо раньше отца, усѣлась къ отворенному окну и съ любопытствомъ смотрѣла на уличную суету. Все было для нея ново, дико, непонятно. Справа отъ гостинницы высились горы и, глядя на нихъ, молодая дѣвушка думала: «Тамъ, за ними, родина! Тамъ тишина и спокойствіе, тамъ тоже весна, но не такая яркая и жгучая, какъ здѣсь». Вспомнилось Фредѣ, какъ она дома, ранней весною, выходила по утрамъ въ садъ; съ какимъ трепетомъ ожидала 19 апрѣля, потому что каждый годъ, день въ день, 19-го апрѣля прилетали соловьи и, послѣ двухъ-трехдневнаго отдыха, начинали пѣть. Первое пѣніе соловья всегда радостно встрѣчалось всѣмъ семействомъ. И нынче прилетятъ соловьи, но никто ихъ не встрѣтитъ!.. Дѣвушка, какъ бы опомнясь, вскочила съ мѣста. «Что за дурацкая сантиментальность?—возмутилась она.—Тоска по родинѣ. Глупости»!.. Она засмѣялась. Другія страны, другіе нравы. Не можетъ же быть вездѣ то же самое, что въ ихъ родномъ городѣ. Надо отрѣшиться отъ своихъ провинціальныхъ предразсудковъ, допотопныхъ воззрѣній и привычекъ...

Вдругъ дѣвушка невольно отскочила отъ окна въ самую глубь комнаты. Картина, представившаяся ея глазамъ, казалась ей невѣроятной. У пристани стояло судно съ каменнымъ углемъ,—люди, разгружавшіе его, были почти безъ одежды. Въ душѣ Фреды происходила странная борьба. «Провинціальная нѣмецкая шепетильность»!—говорила она себѣ, но подойти къ окну не рѣшалась. Стиснувъ зубы отъ досады, она наконецъ

Digitized by Google

принудила себя, но тотчасъ же снова отскочила, бросилась въ кресло и... зарыдала! Проплакавъ нѣкоторое время, она стала одѣваться. «Что со мною?—спрашивала она себя.—О чемъ я разревѣлась»?—но отвѣтить себѣ не могла, да и не хотѣла. Просто на просто она уже тосковала; первыя впечатлѣнія на чужбинѣ поразили ее своею неприглядностью и чуткіе нервы возмущались.

III.

За завтракомъ Фреда замѣтила, что у отца былъ видъ далеко неудовлетворительный: онъ ѣлъ и пилъ какъ бы по обязанности, безъ всякаго апетита.

— Хорошо ли ты спалъ, папа?—спросила она ласково.

— Ну, можно бы и лучше,—улыбаясь своей доброй улыбкой, отвѣчалъ отецъ,—но ты не безпокойся, пожалуйста. Когда же ѣдемъ мы дальше?

— Развѣ мы тутъ въ Генуѣ кое-чего не посмотримъ?

— Разумѣется, нельзя же такъ проѣхать мимо всего. Тебѣ придется взять на себя руководство,—прибавилъ старикъ и засмѣялся, какъ бы говоря: «ты вѣдь вообще всѣмъ руководишь; тебѣ вѣдь о достопримѣчательностяхъ Генуи что нибудь извѣстно».

— Вотъ кто намъ скажетъ и укажетъ, что̀ смотрѣть и гдѣ побывать!—отвѣчала дѣвушка, похлопывая по путеводителю Бедекера.—Ты теперь закури сигару, а я прочту, что̀ тутъ сказано о Генуѣ; затѣмъ мы и отправимся.

Старикъ усѣлся въ кресло и сталъ курить; онъ больше всего любилъ спокойствіе и ему пріятнѣе было сидѣть въ большой, прохладной комнатѣ гостинницы, чѣмъ таскаться по улицамъ, гдѣ шумно и нестерпимо жарко.

Въ теченіе четырехъ дней, они осматривали достопримѣчательности города и только на пятый опять сѣли въ вагонъ и поѣхали дальше. Дорогой у нихъ, съ одной стороны, было море, съ другой—сожженныя солнцемъ горы.

— Нѣтъ нигдѣ зелени!—сѣтовалъ старикъ.

Фреда, съ неизмѣннымъ Бедекеромъ въ рукахъ, утѣшала его тѣмъ, что въ Бордигеро растутъ пальмы. «Настоящія пальмы, папа»!

Digitized by Google

— А, пальмы!—протянулъ старикъ.

— И кипарисы,—докладывала Фреда,—и цѣлые лѣса оливковыхъ деревьевъ.

— Лѣса?.. Вотъ это хорошо!—замѣтилъ старикъ, вспомнившій о своемъ любимомъ лѣсѣ за городомъ на родинѣ.

Въ Бордигеро они пріѣхали послѣ обѣда. Лишь только они вышли изъ вагона, Фреда сказала:

— Ахъ, папа, посмотри, какъ красивы эти горы!

Картина, представившаяся ихъ глазамъ, была дѣйствительно великолѣпна: вершины приморскихъ Альпъ были покрыты снѣгомъ; но старикъ тѣмъ не менѣе искалъ чего-то глазами.

— Гдѣ же лѣса?—спросилъ онъ наконецъ.

— Да вотъ же!—показала Фреда на откосы горъ, на которыхъ въ самомъ дѣлѣ густо росли деревья, но зелень ихъ была сѣро-мутноватая, а не ярко-зеленая, какъ на сѣверѣ.

— Какіе же это лѣса?—спросилъ старикъ съ недоумѣніемъ.

За Фреду отвѣтилъ швейцаръ той гостинницы, къ которой они подошли.

— Это оливковые лѣса,—пояснилъ онъ.

— Оливковые! — повторилъ старикъ съ оттѣнкомъ презрѣнія.

— Пойдемъ въ наши комнаты, папа,—весело сказала Фреда, взявъ отца подъ руку,—завтра мы въ этихъ рощахъ будемъ гулять, и тогда оливковыя деревья, вѣрно, тебѣ понравятся.

Гостинница находилась въ красивой мѣстности и сверху до низу была полна жильцами. Отцу и дочери Нерингъ отвели двѣ маленькія комнаты на самомъ верху; ихъ раздѣлялъ коридоръ. Одна изъ нихъ выходила окномъ на море, другая въ садъ, съ видомъ на горы и оливковыя рощи; въ этой послѣдней и поселился старикъ, избѣгавшій моря, металлическій блескъ котораго утомлялъ его зрѣніе.

Они не успѣли еще разложиться, какъ раздался звонокъ, призывавшій къ общему столу. Старикъ охотнѣе остался бы у себя въ комнатѣ, но изъ-за дочери спустился внизъ. Въ обширной, ярко-освѣщенной столовой собралось большое общество. Новоприбывшимъ были указаны ихъ мѣста за длиннымъ столомъ. Обращенные на нее взгляды мужчинъ и дамъ смутили Фреду и смущеніе это усилилось, когда она услышала, что всѣ

Digitized by Google

говорятъ по англійски, французски и итальянски, а по нѣмецки никто.

Хозяинъ отеля, нѣмецкій швейцарецъ, подошелъ къ нимъ и извинился, что пока не могъ ихъ помѣстить лучше.

— Вы въ настоящее время, къ сожалѣнію, не встрѣтите здѣсь никого изъ соотечественниковъ,—прибавилъ онъ,—тѣ, которые были здѣсь зимою, уѣхали; имъ тутъ было уже слишкомъ жарко.

Во всемъ этомъ было мало утѣшительнаго для старика Нерінга; онъ съ грустью думалъ о томъ, что здѣсь ему не съ кѣмъ будетъ перемолвить и слова. Для всѣхъ нѣмцевъ тутъ оказалось слишкомъ жарко, а онъ какъ разъ въ эту жару и въѣхалъ.

Туалеты обѣдавшихъ дамъ тоже сильно смущали Фреду; ихъ платья изъ дорогихъ матерій были въ высшей степени изящны и сшиты по самой послѣдней модѣ. Дѣвушка мысленно сравнила свои скромные туалеты и должна была сознаться, что они никуда не годились. Сегодня, положимъ, она прямо съ дороги, и ея простенькій темно-сѣрый костюмъ ей къ лицу. Но завтра... завтра она будетъ имѣть весьма жалкій видъ рядомъ съ элегантными посѣтительницами табль-д'ота!

Наконецъ обѣдъ, съ безчисленнымъ количествомъ блюдъ, былъ конченъ; Фреда съ отцомъ вышли на террасу, гдѣ уже вѣяло вечерней прохладой. Тамъ хозяинъ гостинницы вручилъ имъ письмо, ожидавшее ихъ на почтѣ. Оно было отъ Персиваля. Дѣвушка страшно обрадовалась. Она бѣжала изъ своего дома, а между тѣмъ первая настоящая радость на чужбинѣ вызвана была письмомъ съ родной стороны, и не потому только, что оно было отъ брата, а потому, что было писано по нѣмецки и пришло изъ Германіи. Никогда не думала она, сидя въ своемъ маленькомъ городкѣ, что въ ней столько любви и привязанности къ родинѣ. Старикъ Нерингъ протянулъ руку за письмомъ, но дочь не дала его.

— Не здѣсь, папа, не среди всѣхъ этихъ чужихъ людей прочтемъ мы его, а одни у себя.

Отецъ и дочь стали ходить взадъ и впередъ по террасѣ; огни электрическихъ лампъ у входа гостинницы освѣщали ее. Какой-то изящно одѣтый молодой человѣкъ, сидѣвшій одинъ за отдѣльнымъ столомъ и допивавшій за сигарой свой черный

Digitized by Google

кофе, не спускалъ глазъ съ Фреды и прислушивался къ тому, что̀ обычные посѣтители говорили про вновь прибывшихъ.

— Это, безъ сомнѣнія, нѣмцы.

— Должно быть, они сегодня пріѣхали; вѣрно, отецъ съ дочерью.

— Она очень недурна, граціозна и, кажется, съ темпераментомъ.

— Маргарита эта только что получила письмо отъ своего Фауста; вотъ она и радуется,—посмотрите, какъ она прижимаетъ письмо къ сердцу. Эти нѣмецкія дѣвушки—такія сантиментальныя!

Всѣ засмѣялись. Разговоръ прекратился, такъ какъ Фреда съ отцомъ проходили мимо въ эту минуту. Молодой человѣкъ, сидѣвшій за отдѣльнымъ столомъ, всталъ и посмотрѣлъ дѣвушкѣ прямо въ лицо.

— Чортъ возьми!—проговорилъ онъ сквозь зубы.

Фреда, чувствуя себя предметомъ всеобщаго любопытства, покраснѣла и слегка опустила глаза. Она была очаровательна въ эту минуту.

Придя въ комнату отца, она присѣла къ лампѣ и стала читать письмо Персиваля. Много времени для этого не потребовалось. Онъ извѣщалъ, что благополучно прибылъ въ Берлинъ, нанялъ квартиру и намѣревался засѣсть за занятія. Письмо свое онъ заключалъ словами: «какіе вы счастливые! въ настоящую минуту вы безмятежно блаженствуете на югѣ».

Старикъ и Фреда обошли эти слова молчаніемъ... Прощаясь съ отцомъ, дѣвушкѣ пришлось употребить надъ собою усиліе, чтобы придать своему лицу веселое выраженіе. Въ своей комнатѣ она не зажгла свѣчи, а усѣлась къ открытому окну. Передъ ея глазами разстилалось темное, безпредѣльное море; надъ нимъ ярко сіяли звѣзды. Картина была величественная. Фреда сознавала это, но наслаждаться все таки не могла: сердце ея болѣзненно сжималось, ей было какъ-то жутко, не по себѣ. Чтобы положить конецъ тяжелому ощущенію, она затворила окно, спустила стору и легла спать.

IV.

На другой день, въ часъ, все общество опять собралось въ столовой для завтрака. Все утро Фреда занималась приве-

Digitized by Google

деніемъ въ порядокъ своихъ туалетовъ, а старикъ сидѣлъ одинъ у себя. Солнце жгло такъ сильно, что выйти изъ дому не было возможности.

Занявъ за столомъ свои мѣста, старикъ и Фреда замѣтили, что напротивъ ихъ сидѣлъ молодой человѣкъ въ изящномъ костюмѣ, съ брилліантовой булавкой въ галстукѣ и въ золотомъ браслетѣ на правой рукѣ. «Вѣрно какой нибудь богатый англійскій лордъ,—подумала Фреда,—разматывающій по бѣлому свѣту свои деньги и скуку». Она взглянула мелькомъ на его лицо и встрѣтилась глазами съ его равнодушнымъ, усталымъ взоромъ. Она только и успѣла замѣтить, что онъ тщательно причесанъ и усы его подвиты.

Вечеромъ, когда они опять сошли въ столовую къ обѣду, «лордъ» уже сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Фреда была сильно взволнована; сегодня ей приходилось соперничать съ нарядными француженками и итальянками. Она надѣла платье съ открытымъ лифомъ и накинула на плечи бархатную пелеринку, которую сняла, когда сѣла за столъ. Взоры обѣдающихъ устремились на нее, какъ бы говоря: «посмотримъ, какова эта Гретхенъ!» Не смотря на опущенныя рѣсницы, она замѣтила, что «лордъ» не сводилъ съ нея глазъ, и женское чутье подсказывало ей, что она производитъ эффектъ своей наружностью. Дамы одобрительно перешептывались, мужчины съ очевиднымъ удовольствіемъ посматривали на нее. Дѣвушка испытывала совершенно незнакомое ей до сихъ поръ чувство удовлетвореннаго самолюбія. Старикъ, казалось, ничего не замѣчалъ и Фреда досадовала, что ея тріумфъ не производитъ на него никакого впечатлѣнія.

Тотчасъ послѣ десерта, молодой незнакомецъ всталъ и съ торжественной вѣжливостью поклонился Нерингу и его дочери. Послѣдняя покраснѣла до ушей и отвѣтила на поклонъ. Вечеръ былъ дивный, и старикъ предложилъ ей пройтись по взморью; но Фреда, изъ-за своего наряднаго платья, отклонила прогулку и они отправились на террасу. Все общество раздѣлилось на группы,—кто усѣлся на балконѣ, кто на террасѣ, и всѣ пили послѣобѣденный кофе. Нерингъ также, по совѣту дочери, усѣлся за отдѣльный столикъ, закурилъ сигару и спросилъ кофе.

Digitized by Google

Вечеромъ, въ своей комнатѣ, дѣвушка зажгла обѣ свѣчки, спустила съ себя накидку и долго разсматривала себя въ зеркало. Самодовольная улыбка не сходила съ ея губъ, хотя вовсе не шла къ ея строгому, холодному лицу. Выраженіе этой свѣтски-тщеславной улыбки дѣлало Фреду неузнаваемой.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Русалки.

Въ часъ, когда полночь крыломъ утомленнымъ
Вѣетъ неслышно надъ озеромъ соннымъ,—
Звонко плескаясь, всплываетъ изъ водъ
Блѣдныхъ русалокъ живой хороводъ.
Воды разбитыя сыплются въ брызги,
Слышатся пѣсни, и хохотъ, и визги,
Словно съ отвѣсныхъ нагорныхъ громадъ
Прядаетъ звонко веселый каскадъ...
Плещутся въ водахъ прозрачныхъ русалки,
Въ пряди волосъ заплетая фіалки.
Воздухъ дрожитъ отъ веселаго смѣха,
Вторитъ ему и унылое эхо.
Но пролетаютъ поспѣшно часы;
Хохотъ стихаетъ. Какъ жемчугъ росы,
Сыплются брызги веселымъ каскадомъ,
И подымается, медленнымъ рядомъ
Бѣлыхъ видѣній, изъ дремлющихъ водъ
Стройныхъ русалокъ живой хороводъ,
И, облекаясь туманною дымкой,
Тонетъ, какъ призракъ, во тьмѣ невидимкой.
Тише и тише, и вотъ ужъ замолкъ
Хохотъ русалокъ. Сверкаетъ, какъ шолкъ,
Озера гладь пеленой серебристой,
Воздухъ струится волною душистой,
И легкокрылая лѣтняя ночь
Съ шорохомъ тихимъ уносится прочь...

Леонидъ Афанасьевъ.

Digitized by Google

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ РАБОЧІЯ КОЛОНІИ.

V.

Идея рабочихъ колоній получила впервые осуществленіе въ Нидерландахъ, по иниціативѣ генерала Ванъ-денъ-Боша, основателя извѣстнаго «Нидерландскаго благотворительнаго общества». Въ 1818 году Ванъ-денъ Бошъ сдѣлалъ первую попытку борьбы съ нищенствомъ при помощи сельскихъ колоній, гдѣ, взамѣнъ обязательнаго и посильнаго труда, давалось не только полное содержаніе, но и извѣстная заработная плата, служившая первоначальнымъ фондомъ при выходѣ колониста изъ заведенія. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ, однако, вскорѣ побудилъ общество передать колоніи государству, и эти учрежденія вскорѣ измѣнили свой характеръ и приблизились къ типу рабочихъ домовъ, въ которыхъ, въ настоящее время, отбываютъ наказаніе за нищенство, бродяжничество и пьянство. Въ 1891 году, въ 5 колоніяхъ перебывало 6,895 человѣкъ, причемъ средняя годовая цифра содержащихся равнялась 3,450.

Примѣру Голландіи вскорѣ послѣдовала Германія. Въ 1837 году въ «Камеральной газетѣ» прусскаго государства объ этомъ предметѣ впервые появилась статья Карла Яна; практическое же осуществленіе дѣла, поскольку оно затрогиваетъ одинъ земледѣльческій трудъ, впервые осуществлено пасторомъ Бодельшвингомъ. Въ 1876 году, въ Вильгельмсдорфѣ близь Билефельда, въ Вестфаліи, онъ положилъ основаніе первой рабочей колоніи, которая, къ началу восьмидесятыхъ годовъ, сложилась уже въ образцовое учрежденіе. Съ того времени подобныя заведенія распространились по всей Германіи, и въ 1891 году тамъ ихъ уже считалось 26.

Обратимся теперь къ основнымъ положеніямъ этихъ новыхъ заведеній для предупрежденія и призрѣнія нищенства, являющимся результатомъ какъ опыта, такъ и теоретической разработки предмета на конференціяхъ въ Ганноверѣ, въ октябрѣ 1883 года, и въ февралѣ 1886 года въ Берлинѣ [1]). Колоніи суть частныя благотво-

[1]) Мы пользуемся статьей Berthold'a въ извѣстномъ журналѣ Шмоллера: «Jahrbücher für Gesätzgebung». T. II.

Digitized by Google

рительныя учрежденія, организуемыя обществами при матеріальномъ содѣйствіи общинъ и городовъ даннаго района; такихъ обществъ въ 1891 году было 17. Въ колоніи принимаются всѣ способные къ работѣ безъ различія званія и религіи, лишенные по какой либо причинѣ средствъ къ существованію, не исключая и освобожденныхъ изъ тюремъ. Каждая колонія образуетъ отдѣльную сельскохозяйственную единицу, со всѣми необходимыми принадлежностями и обстановкой. Главное занятіе—земледѣліе; что же касается до ремесленной дѣятельности, то она стоитъ на второмъ планѣ и направлена, главнымъ образомъ, на изготавленіе различныхъ предметовъ, потребныхъ самой колоніи. Завѣдываніе колоніей поручается такъ называемому «отцу дома», съ нѣсколькими помощниками или «братьями». Каждый колонистъ при поступленіи въ колонію получаетъ платье, стоимость котораго онъ долженъ отработать, пищу и жилище. Жизнь колонистовъ подчиняется строгому режиму, соотвѣтственно главнымъ цѣлямъ колоній—«поддержать и реабилитировать колониста въ нравственномъ отношеніи и пріучить его къ нормальной трудовой жизни». Вотъ, напр., какъ распредѣлена жизнь въ будни и въ праздникъ въ берлинской колоніи, въ мѣстности, называемой «Видингъ». Въ 5 час. утра раздается звонокъ, и колонисты встаютъ; по слѣдующему звонку направляются въ мастерскія. Черезъ часъ—завтракъ, состоящій изъ супа съ кускомъ хлѣба; немного спустя, краткая молитва, послѣ которой одинъ изъ колонистовъ прочитываетъ отчетъ обо всемъ, что произошло вчера въ колоніи. Затѣмъ отправляются снова на работу до половины десятаго, когда наступаетъ двухчасовой перерывъ. Въ 12 часовъ обѣдъ, состоящій изъ овощей и мяса съ хлѣбомъ въ достаточномъ количествѣ. Время до часа колонисты могутъ употреблять по своему усмотрѣнію. Одни курятъ и бесѣдуютъ, другіе гуляютъ во дворѣ или въ саду, третьи читаютъ книги. Ровно въ часъ звонокъ опять призываетъ на работу, которая продолжается—съ краткимъ перерывомъ въ 4 часа для закуски,—до трехъ четвертей седьмаго, когда раздается сигналъ о прекращеніи работы. Послѣ ужина, происходящаго въ 7 час., колонисты предоставляются самимъ себѣ, а въ 9 час. идутъ спать. По субботамъ работаютъ только до 5 час. пополудни; до 7 час. колонисты чистятъ и чинятъ платье, и производятъ необходимыя покупки. Въ воскресенье—полный отдыхъ; колонисты, имѣющіе приличную одежду, идутъ въ одну изъ ближайшихъ церквей; для остальныхъ совершается богослуженіе въ собственной капеллѣ. Вечеромъ колонисты собираются вмѣстѣ, бесѣдуютъ, читаютъ, поютъ; нерѣдко устраиваются цѣлые вокально-музыкальные вечера, на которые являются многіе изъ бывшихъ колонистовъ, также инспекторъ коло-

Digitized by Google

ніи, пасторъ и др. лица. Водка въ колоніяхъ не терпится вовсе, куренье табаку допускается только въ нерабочіе часы. Сверхъ того, обращается большое вниманіе на религіозную сторону жизни. Нарушающіе правила колонисты исключаются изъ заведенія на время или навсегда. Время пребыванія въ колоніи весьма различно, что зависитъ отъ цѣли учрежденія и индивидуальности колонистовъ, и колеблется между 4-мя мѣсяцами (minimum) и однимъ годомъ (maximum).

Расходы колоніи слагаются изъ заработной платы колонистамъ, которая, во избѣжаніе конкурренціи вольнымъ работникамъ, вообще ниже, чѣмъ въ данномъ округѣ; затѣмъ изъ расходовъ на пищу, платье и содержаніе помѣщенія и администраціи. За первыя двѣ недѣли колонисты платы не получаютъ, затѣмъ имъ выдаются деньги, причемъ, не смотря на незначительные размѣры платы и личные расходы во время пребыванія въ колоніи, нѣкоторые къ выходу сберегаютъ до 30 марокъ. Расходъ на содержаніе колонистовъ колеблется отъ 35 до 100 пфениговъ въ день. Средства слагаются изъ добровольныхъ и единовременныхъ пожертвованій и безпроцентныхъ ссудъ, преимущественно со стороны общинъ и ландтаговъ.

Отношенія и взаимная связь между колоніями осуществляется и регулируется центральнымъ совѣтомъ, Centralvorstand-Deutscher-Arbeitercolonie, существующимъ съ февраля 1882 года, и состоящимъ изъ представителей отъ каждой колоніи, съ подлежащими ея вѣдѣнію убѣжищами (о нихъ ниже). Этотъ совѣтъ находится въ Берлинѣ и имѣетъ свой литературный органъ: «Die Arbeiter Colonie». Ему подчинены отдѣльныя общества, о которыхъ мы выше упоминали, «Vereine für Arbeiter-colonie», которыя обнимаютъ обыкновенно одинъ административный округъ и имѣютъ мѣстные комитеты, Local Comites, подчиненные центральному комитету.

Опуская любопытныя подробности статьи Berthold'a относительно состава населенія въ колоніяхъ, цифръ поступленія и выхода изъ нихъ, какъ зависящія, главнымъ образомъ, отъ мѣстныхъ условій, мы не можемъ не отмѣтить нѣкоторыхъ обнаружившихся уже отрицательныхъ сторонъ въ дѣятельности этихъ новыхъ учрежденій, которыя слѣдуетъ принять во вниманіе и нашимъ будущимъ устроителямъ рабочихъ колоній. Такъ, раздаются жалобы, что въ мѣстахъ существованія колоній лѣтомъ замѣчается усиленное дезертирство мѣстныхъ подмастерьевъ, портныхъ и сапожниковъ, которые очевидно предпочитаютъ пребываніе in's Grüne въ рабочихъ колоніяхъ сидѣнью въ душныхъ городскихъ мастерскихъ. Далѣе, уже народился особый типъ такъ называемыхъ *бродячихъ колонистовъ*, которые

Digitized by Google

только тѣмъ и занимаются, что кочуютъ изъ одной колоніи въ другую. Для устраненія этого послѣдняго зла, по постановленію центральнаго совѣта, съ 1886 года заведены особыя счетныя карточки, въ которыхъ, при подробномъ опредѣленіи личности колониста, отмѣчается также, былъ ли онъ ранѣе въ какой либо колоніи, почему вышелъ и теперь вновь находится въ безпомощномъ состояніи. Эти свѣдѣнія центральный совѣтъ сообщаетъ всѣмъ колоніямъ и такимъ путемъ администрація ихъ имѣетъ возможность отказать въ пріемѣ явнымъ лѣнтяямъ и закоснѣлымъ бродягамъ. Но само собою разумѣется, что лучшимъ средствомъ устраненія этого рецидива нищенства является устройство колонистовъ въ работу на сторону. Эта отрасль дѣятельности колоній еще недостаточно развита, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ, при содѣйствіи администраціи и центральнаго совѣта, устраиваютъ уже теперь на мѣста не менѣе 60% выходящихъ колонистовъ.

Однимъ изъ важныхъ подспорій въ дѣятельности колоній являются такъ называемыя *убѣжища* (Natural Verpflegung-Stationen). Это нѣчто въ родѣ этапныхъ пунктовъ, въ которыхъ направляющійся въ колонію получаетъ первое пособіе, и, такимъ образомъ, избавляется отъ необходимости просить «Христа ради». Помощь на этихъ этапныхъ пунктахъ оплачивается будущимъ колонистомъ также работой. Само собою очевидно, какъ важно устройство подобныхъ этапныхъ пунктовъ; потому что въ противномъ случаѣ, чтобы достигнуть колоніи, неимущій долженъ былъ бы побираться,—и это для многихъ является сильнымъ искушеніемъ,—и вообще предпочесть такому существованію трудовую жизнь въ колоніи. Въ настоящее время, въ Германіи насчитывается болѣе двухъ тысячъ такихъ убѣжищъ. Въ одной Пруссіи ихъ было въ 1892 году 892 и расходовалось на нихъ 542,853 марки, т. е. 270,000 руб. сер. Результатомъ такого расхода было сбереженіе въ тюремномъ бюджетѣ въ 1.622,000 мар. и замѣтное уменьшеніе нищенства въ 868 округахъ.

До 1892 года, въ 26 колоніяхъ, начавшихъ, какъ мы видѣли, основываться съ 1882 года, получило пріютъ всего 15,425 человѣкъ. Годовая стоимость содержанія одного колониста колебалась между 63 и 21 рублемъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Примѣру Голландіи и Германіи послѣдовали также Бельгія и Франція, а въ недавнее время и Австрія. Въ Бельгіи, въ 1862 году, была устроена обширная колонія въ Марксласѣ, которая оцѣнивается теперь болѣе чѣмъ въ 14 милліоновъ франковъ; изъ этой суммы 2½ мил. франк. пріобрѣтено работами колонистовъ. Въ эту колонію помѣщаются также и лица, приговоренныя къ краткосроч-

Digitized by Google

нымъ арестамъ, въ возрастѣ не ниже 14 лѣтъ (по закону 1891 года) и по собственному желанію. Всего въ колоніи содержится 4,000 человѣкъ. Недавно во Франціи парижскій городской совѣтъ также рѣшилъ устроить подобную же сельско-хозяйственную колонію на свои средства, причемъ предположено холостыхъ помѣстить въ особо устроенныхъ баракахъ, а женатыхъ—въ отдѣльныхъ домикахъ съ участками земли.

Въ послѣднее время имѣются извѣстія объ учрежденіи подобныхъ колоній также и въ Австріи. Здѣсь онѣ возникли, благодаря неутомимой дѣятельности организатора призрѣнія нищихъ въ этой странѣ, Іосифа Шеффеля. Онъ устроилъ также мастерскія для бѣдныхъ и цѣлую сѣть убѣжищъ, Verpflegsstationen,—и въ результатѣ получилось значительное, а въ иныхъ мѣстахъ и совершенное исчезновеніе нищенства.

VI.

Вопросъ объ устройствѣ у насъ рабочихъ колоній для нищихъ впервые возникъ лѣтъ семь тому назадъ и явился отголоскомъ того движенія къ землѣ, которое охватило нѣкоторые слои нашего общества, главнымъ образомъ, благодаря проповѣди гр. Л. Н. Толстаго. Вотъ что говорилъ объ этомъ предпріятіи въ вольно-экономическомъ обществѣ одинъ изъ иниціаторовъ симпатичнаго дѣла, Н. А. Крыловъ, въ своемъ докладѣ «о сельско-хозяйственныхъ колоніяхъ, какъ средствѣ уменьшенія городскаго пролетаріата».

Въ нашихъ столицахъ и большихъ городахъ живетъ масса трудоваго люда,—преимущественно крестьянъ,—бросившаго, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, привычныя занятія на мѣстѣ и обратившагося къ городскимъ заработкамъ. Но и въ городахъ значительная часть такого люда часто лишается заработка, впадаетъ въ нужду и переходитъ въ лучшемъ случаѣ въ ряды нищихъ и бродягъ, а въ худшемъ—изъ нея выходятъ пьяницы и преступники. Городской пролетаріатъ замѣтно растетъ количественно, и съ этимъ фактомъ считается не только правительство,—противодѣйствуя размноженію нищенства и репрессивными мѣрами, и филантропическими предпріятіями,—но и общество, т. е. преимущественно городское населеніе, которое точно также приходитъ на помощь въ этомъ отношеніи правительству, не столько, впрочемъ, по экономическимъ, сколько по религіозно-нравственнымъ побужденіямъ. Это прокормленіе нищихъ и вообще мѣры къ искорененію нищенства обходятся въ милліоны рублей, составляющіеся главнымъ образомъ изъ копѣекъ и лептъ, собираемыхъ въ видѣ мелкихъ крупицъ со

Digitized by Google

всего народа. Но расходованіе этихъ милліоновъ почти безплодно, какъ безплодна и борьба съ нищенствомъ репрессивными мѣрами.

Въ послѣднія пять лѣтъ благотворительная практика намѣтила новую форму помощи городскому пролетаріату, а именно: «дома трудолюбія», возникшіе по частной иниціативѣ добрыхъ людей, въ ограниченномъ количествѣ, но потомъ признанные и со стороны правительства цѣлесообразными учрежденіями для борьбы съ нищенствомъ. Мало по малу намѣчается повсемѣстная организація цѣлой сѣти «домовъ трудолюбія», устройство которыхъ какъ бы вмѣняется въ обязанность мѣстнымъ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ. Къ сожалѣнію, опытъ «домовъ трудолюбія» не подтверждаетъ связанныхъ съ ними предположеній и возложенныхъ на нихъ ожиданій. Въ экономическомъ или комерческомъ отношеніи, «дома трудолюбія» оказываются негодными, а воспитательное значеніе ихъ низводится до минимума.

Новой, болѣе цѣлесообразной и прочной мѣрой въ борьбѣ съ нищенствомъ являются безспорно *сельско-хозяйственныя колоніи*. Такія учрежденія болѣе соотвѣтствуютъ исконнымъ привычкамъ нищенствующаго люда, ближе подходятъ къ бытовымъ условіямъ труда, несравненно выгоднѣе въ комерческомъ отношеніи и, наконецъ, заключаютъ возможность полнѣйшей реабилитаціи бывшаго земледѣльца, впавшаго въ бѣдность и испорченнаго городскою жизнью. Задачу учрежденія подобныхъ колоній приняло на себя вновь организующееся «общество по устройству сельско-хозяйственныхъ колоній». Цѣль его заключается въ «доставленіи людямъ обоего пола, не имѣющимъ ни постоянныхъ занятій, ни средствъ къ существованію, возможности правильно и прочно устроить свою жизнь на основаніяхъ здороваго и производительнаго труда, въ устройствѣ оставленныхъ на произволъ судьбы дѣтей посредствомъ воспитанія и профессіональной подготовки къ трудовой жизни, а также въ призрѣніи увѣчныхъ, убогихъ и престарѣлыхъ изъ числа находящихся въ вѣдѣніи общества».

Для осуществленія этихъ цѣлей, предполагается пріобрѣтать возможно обширные участки земли, внѣ города и не слишкомъ близко къ большимъ центрамъ населенія (что представляетъ значительныя преимущества въ экономическомъ, гигіеническомъ и нравственномъ отношеніяхъ) и устраивать колоніи людей, которые пожелали бы навсегда оставить свое скитальчество и нищенскій промыселъ, поселиться въ нихъ и подчиниться установленному режиму. Главнѣйшими основаніями такого общежитія должны быть: трудъ, соотвѣтствующій потребностямъ и условіямъ, наивозможно здоровый, умѣренный и безусловно трезвый образъ жизни, съ необходимымъ

Digitized by Google

отдыхомъ и развлеченіями физическими и духовными, исключительно разумно-нравственнаго характера. Первоначально проэктируемыя колоніи предполагается населять лицами, желающими трудиться и способными къ работѣ; затѣмъ будутъ приниматься остающіяся безъ призрѣнія дѣти и, наконецъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ устройства и средствъ колоніи, въ нихъ будутъ призрѣваться увѣчные, убогіе и престарѣлые, не могущіе работать и нуждающіеся въ пристанищѣ, пропитаніи и уходѣ. Основнымъ занятіемъ въ колоніи должно служить земледѣліе и, вообще, сельское хозяйство во всѣхъ его формахъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и къ тѣмъ средствамъ, которыми колоніи будутъ располагать. Въ зимнее время, когда всѣ эти работы пріостанавливаются, колонисты будутъ заниматься различными ремеслами и изготовленіемъ разныхъ предметовъ, какъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей, такъ и на продажу; съ этою цѣлью въ колоніяхъ будутъ устраиваться, подъ руководствомъ опытныхъ инструкторовъ, мастерскія: плотничныя, столярныя, малярныя, слесарныя, кузнечныя, портняжныя, сапожныя, сукновальни, гончарныя, для изготовленія деревянной посуды и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей, для дубленія кожъ и проч. Для женщинъ будутъ устроены особыя мастерскія: швейныя, ткацкія, вязальныя, прядильныя, кружевныя, прачешныя и т. п. Престарѣлые, больные и слабосильные, не могущіе работать наравнѣ съ прочими членами колоніи, будутъ заниматься болѣе легкими работами: присмотромъ за работами взрослыхъ и дѣтей, уходомъ за больными и малолѣтними, остающимися въ ясляхъ, домашнимъ хозяйствомъ, полотьемъ грядъ, собираніемъ цѣлебныхъ травъ, ягодъ, грибовъ и т. п.; совсѣмъ же старые и безсильные освобождаются совершенно отъ работъ и призрѣваются на средства колоніи. Для дѣтей предполагается устроить школы и, по окончаніи элементарнаго образованія, они будутъ обучаться ремеслу, смотря по способностямъ каждаго. Изъ прибылей отъ хозяйства и мастерскихъ колоній часть будетъ отчисляться на погашеніе расходовъ по содержанію ея членовъ и на уплату повинностей, а причитающіеся на каждаго работника остатки будутъ записываться на его счетъ и приращиваться изъ процентовъ. Эти сбереженія будутъ служить обезпеченіемъ работнику въ случаѣ окончательнаго выбытія изъ колоніи, женитьбы или замужства, расходовъ на усовершенствованіе себя или своихъ дѣтей въ какой либо отрасли знанія или искусства и т. п. По прошествіи извѣстнаго времени, члены колоніи, пожелавшіе окончательно посвятить себя сельскому хозяйству и трудомъ своимъ заработавшіе извѣстную сумму денегъ, будутъ получать отъ колоніи отдѣльные

Digitized by Google

участки земли, согласно съ мѣстными условіями и удобствами, и поселяться на нихъ въ качествѣ арендатора, причемъ имъ будетъ даваться необходимый строительный матеріалъ и первоначальное обзаведеніе. При этомъ размѣръ годовой арендной платы будетъ опредѣляться извѣстнымъ процентомъ съ общей стоимости арендуемаго имущества. Общество будетъ принимать также мѣры къ тому, чтобы арендаторы могли пріобрѣтать инвентарь въ собственность на выгодныхъ для себя условіяхъ. Участки будутъ сдаваться въ аренду на продолжительные сроки, причемъ арендаторъ, добросовѣстно исполнявшій свои обязанности, получаетъ предпочтительное право на возобновленіе аренды. Что касается до внутренняго управленія общественными дѣлами колоніи, то, если на первое время нельзя будетъ возложить его на кого либо изъ поселившихся въ ней лицъ,—оно будетъ поручаться постороннимъ лицамъ за вознагражденіе, въ видѣ ли платы, или же въ видѣ пользованія какими либо выгодами жительства въ колоніи. Съ упроченіемъ осѣдлости колонистовъ, управленіе предполагается организовать изъ нихъ самихъ. Средства проэктируемаго общества предполагается составить, на первое время, обычными въ благотворительныхъ обществахъ способами. Такъ, по свидѣтельству г. Крылова, одно лицо уже изъявляло согласіе пожертвовать на это благое дѣло 10 т. руб., но составители проэкта общества признали возможнымъ приступить къ осуществленію его не ранѣе, какъ составится капиталъ въ 90—100 т. рублей, необходимый для учрежденія первой образцовой колоніи на участкѣ земли размѣромъ до 3,000 десятинъ.

Въ связи съ докладомъ Н. А. Крылова находится докладъ г. Л. Оболенскаго по тому же вопросу борьбы съ нищенствомъ, сдѣланный также въ вольно-экономическомъ обществѣ, зимою того же 1890 года, и въ которомъ также шла рѣчь о сельско-хозяйственныхъ колоніяхъ. Оба докладчика какъ будто исходили изъ одного источника, взаимно подкрѣпляя и дополняя другъ друга. Г. Оболенскій, прежде всего, разъяснилъ сложный окольный путь сравнительныхъ выводовъ и предположеній, къ которому онъ долженъ былъ прибѣгнуть для опредѣленія количества нищихъ въ Россіи, точной статистики которыхъ у насъ никогда не велось. Принимая въ разсчетъ, что во Франціи нищіе составляютъ 3,98% всего населенія, причемъ въ Парижѣ этотъ процентъ поднимается до 10%; въ Германіи до 3,4%, возрастая въ Берлинѣ до 6,8%, въ Англіи до 3% населенія, г. Оболенскій, путемъ аналогіи и различныхъ поправокъ къ приведеннымъ даннымъ, обусловленныхъ особенностями занятій и характера русскаго народа, приходитъ къ выводу, что въ

Digitized by Google

Россіи количество нищихъ можно опредѣлить въ 600 т. человѣкъ; эта армія нищихъ распредѣляется въ странѣ далеко не равномѣрно, достигая наибольшей густоты въ столицахъ, понижаясь въ губернскихъ городахъ и сокращаясь до минимума въ деревняхъ и селахъ; въ общемъ же населеніи Россіи нищіе составятъ не болѣе 0,37%. Тѣмъ не менѣе, чтобы прокормить и содержать эту громадную армію, нужно ежедневно расходовать до 66 тыс. руб., или въ годъ болѣе 22 милл. руб. Въ виду такой огромной ежегодной цифры расхода, невольно является вопросъ, какъ избѣжать столь значительной и притомъ непроизводительной затраты средствъ, не оставляя въ то же время нищихъ безъ помощи и призрѣнія, а, напротивъ, предоставляя имъ возможность заработка? При этомъ страна выигрывала бы не только отрицательно, но и положительно, т. е. увеличивая свое богатство добавочнымъ трудомъ нищихъ.

Историческій очеркъ мѣропріятій, предпринимавшихся въ Европѣ для борьбы съ нищими, привелъ г. Оболенскаго также къ выводу, что репрессивныя и благотворительныя мѣры противъ нищенства совершенно безплодны и не достигаютъ цѣли.

«Поищемъ другихъ мѣръ помощи нищимъ. Постараемся,—говорилъ г. Оболенскій,—дать нищимъ помощь болѣе правильную и организованную, менѣе унизительную и даже возвышающую ихъ физически и нравственно; а 22 милл. руб., которые тратитъ теперь нація непроизводительно въ видѣ грошей или плохо организованной помощи, употребимъ въ дѣло такъ, чтобы они не были вычетомъ изъ ея благосостоянія и производительности, но дали бы увеличеніе народнаго богатства».

Огромную армію нищихъ онъ раздѣлилъ на 4 категоріи: 1) желающихъ и способныхъ работать, но не имѣющихъ работы; 2) не могущихъ работать временно; 3) вовсе не могущихъ работать, и 4) не желающихъ работать, т. е. лѣнтяевъ, тунеядцевъ и т. п. По мнѣнію г. Оболенскаго, трудъ почти всѣхъ нищихъ и всѣхъ категорій можно эксплуатировать; нужно только создать для этого благопріятныя условія, умѣло соединить средства и заручиться безкорыстнымъ участіемъ благотворителей. Исходною точкою проэктируемыхъ имъ мѣръ онъ принимаетъ *бюро труда*, сѣтью которыхъ можно покрыть всѣ города Россіи, а деревенскими органами ихъ должны быть волостныя и сельскія правленія, приходскія попечительства и т. п. Къ участію въ устройствѣ и веденіи бюро труда должны быть привлечены правительственныя, общественныя и благотворительныя учрежденія, представители суда, отдѣльныя лица—благотворители и т. п. На обязанности этихъ бюро, организованныхъ въ порядкѣ подчиненности и объединенія въ столичныхъ

Digitized by Google

бюро, должно лежать предоставленіе соотвѣтствующей работы всѣмъ нуждающимся въ ней. Если предложеніе труда превышаетъ спросъ на него, въ такомъ случаѣ около столицъ и большихъ городовъ должны быть устроены работодательныя *колоніи* по проэкту, развитому г. Крыловымъ. Соединеніе такихъ колоній съ сиротскими и воспитательными учрежденіями обезпечило бы членамъ колоній такую массу труда, что скорѣе можно ожидать недостатка въ рабочихъ рукахъ, чѣмъ избытка ихъ. Для нищихъ второй категоріи могутъ быть устроены въ колоніяхъ больницы, служащія также для заболѣвшихъ членовъ колоніи, дѣтей и т. п. Дѣти и больные (3-я категорія) могутъ быть эксплуатируемы въ колоніяхъ для мелкихъ и легкихъ работъ. Для нищихъ четвертой категоріи должна быть создана принудительная работа, а для нѣкоторой части ихъ должны быть устроены врачебно-воспитательныя рабочія колоніи; наконецъ, особый видъ работы долженъ быть устроенъ для малолѣтнихъ преступниковъ и выпущенниковъ изъ тюремъ.

Набросавъ схему рекомендуемыхъ имъ мѣръ, г. Оболенскій намѣтилъ и рѣшеніе вопроса о средствахъ на осуществленіе грандіознаго плана. По его мнѣнію, на это могутъ быть обращены тѣ же милліоны, которые теперь затрачиваются на нищихъ правительствомъ, общественными и благотворительными учрежденіями, а также всѣ убытки, причиняемые нищими и пьяницами, что̀ въ сложности составитъ болѣе 100 мил. руб. Помянутые милліоны,—какъ полагаетъ г. Оболенскій,—могутъ быть собраны въ видѣ налога, причемъ, по его разсчету, съ каждаго плательщика придется по 20 коп. въ годъ. Но еслибы этотъ сборъ нашли затруднительнымъ сдѣлать въ одинъ годъ, его можно было бы разсрочить на 20 лѣтъ, и тогда онъ составитъ взносъ по копѣйкѣ въ годъ съ человѣка, и при этомъ, все таки, не будетъ постояннымъ обложеніемъ, такъ какъ каждая копѣйка погашаетъ капиталъ, употребленный на осуществленіе организованной помощи бѣднымъ. При организуемой г. Оболенскимъ системѣ борьбы съ нищенствомъ, нравственная и религіозная совѣсть людей можетъ быть удовлетворяема добровольными частными приношеніями; при этомъ подобные жертвователи должны получать извѣстное право голоса въ управленіи дѣлами въ центральныхъ или мѣстныхъ учрежденіяхъ.

VII.

Доклады гг. Крылова и Оболенскаго вызвали въ вольно-экономическомъ обществѣ оживленныя и продолжительныя пренія, въ которыхъ принимали участіе наиболѣе видные представители этого

Digitized by Google

общества; интересующихся подробностями дѣла мы отсылаемъ къ трудамъ этого почтеннаго общества [1]). Мы скажемъ только, что всѣ мѣры, предлагавшіяся къ искорененію нищенства обоими докладчиками, носили характеръ преслѣдованія, а не предупрежденія зла; онѣ направлены были на борьбу съ нищенствомъ, но не затрогивали причинъ, порождающихъ эту общественную язву, и, слѣдовательно, не устраняли продолженія ея убійственнаго дѣла.

На эту, такъ сказать, внутреннюю, органическую сторону нашего нищенства и, попутно, на вопросъ объ устройствѣ сельскохозяйственныхъ колоній обратилъ исключительное вниманіе третій докладчикъ въ томъ же вольно-экономическомъ обществѣ, г. Линевъ въ своемъ обширномъ и интересномъ докладѣ: «Причины русскаго нищенства и необходимыя противъ нихъ мѣры». Не задаваясь вопросомъ объ искорененіи нищенства, докладчикъ трактуетъ только о возможномъ его уменьшеніи. Идя этимъ путемъ, говоритъ г. Линевъ, мы должны прежде всего устранить все то, что способствуетъ развитію нищенства, что вызываетъ бурныя теченія этого соціальнаго зла и даетъ наружные припадки. И на вопросъ о томъ, кто такіе эти страшные враги русскаго бѣдняка,—враги, заставляющіе его искать спасенія въ нищенствѣ, съ вѣчно протянутой рукой,—называетъ: пьянство, безземелье и малоземелье, безработицу, обиліе праздниковъ, въ которые крестьяне *обязаны* бездѣльничать; кулачество, безпомощность, извѣстныя юридическія препятствія къ честному труду и, наконецъ, профессіональное нищенство, борьба съ которымъ въ настоящее время не достигаетъ желательныхъ результатовъ. Отсылая интересующихся взглядами автора на указанныя причины нищенства и средствами, предлагаемыми имъ для борьбы съ ними, къ самому докладу г. Линева, изданному и отдѣльной брошюрой подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, мы здѣсь коснемся только мнѣній автора о занимающихъ насъ сельско-хозяйственныхъ колоніяхъ,—мнѣній высказанныхъ имъ по поводу мѣръ борьбы съ безработицей.

«Зло это (безработица)—говоритъ авторъ—сосредоточивается не только главнымъ образомъ, но и почти исключительно въ городахъ, такъ какъ именно въ города направляется и безработный деревенскій людъ»... Здѣсь-то именно «необходимо, прежде всего, гарантировать рабочему человѣку кусокъ хлѣба и ночлегъ; необходимо избавить его отъ крайне унизительнаго для человѣческаго достоинства и страшно деморализующаго стоянія на теперешнихъ своего рода невольничьихъ рынкахъ; необходимо дать ему заинтересованнаго только въ его благѣ, попечительнаго посредника между нимъ и ра-

[1]) «Труды Вольно-экономическаго общества», 1891 г., № 5—7.

Digitized by Google

ботодателемъ; необходимо, наконецъ, созданіе для него резервнаго работодательнаго фонда».

А для всего этого обязательно: 1) Учрежденіе въ каждомъ городѣ городскихъ рабочихъ конторъ («бюро труда» г. Оболенскаго), которыя бы служили посредниками между работоискателемъ и работодателемъ. Такія конторы, замѣнивъ собою теперешніе рынки въ большихъ городахъ, въ то же время въ небольшихъ избавятъ рабочаго человѣка отъ скитаній въ поискахъ за работой по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, отъ чуть ли не подворнаго обхода всѣхъ домовладѣльцевъ и квартирантовъ. Эти же конторы сослужатъ немалую службу и нашему сельскому хозяину, который, нуждаясь порой въ рабочемъ человѣкѣ, не имѣетъ теперь возможности никуда письменно обратиться за нимъ, не имѣетъ возможности даже узнать о наличности свободнаго рабочаго люда; 2) учрежденіе при каждой рабочей конторѣ пріюта для рабочихъ, въ которомъ ищущему работы, независимо отъ ночлега лѣтомъ, а зимой, и вообще въ холодное время года—и деннаго пребыванія, предоставлялась бы еще, по крайней мѣрѣ, необходимая порція хлѣба съ квасомъ, и 3) учрежденіе близъ всѣхъ большихъ и вообще губернскихъ городовъ особыхъ *колоній* земледѣльческаго и ремесленнаго труда, въ которыя рабочія конторы, въ случаѣ отсутствія спроса, соотвѣтствующаго числу рабочихъ, могли бы временно направлять ихъ. Задача завѣдующихъ такими колоніями, которыя въ нѣкоторыхъ частяхъ могутъ быть устроены по типу, предложенному гг. Крыловымъ и Оболенскимъ, по мнѣнію г. Линева, сводится такимъ образомъ преимущественно къ тому, чтобы обезпечить въ нихъ наличность производительнаго платнаго труда, что, впрочемъ, и не составитъ никакого затрудненія, если такія колоніи будутъ поставщиками всего необходимаго, хотя бы только и для нѣкоторыхъ городскихъ благотворительныхъ заведеній.

Послѣднія учрежденія, по мнѣнію г. Линева, независимо отъ своей главной задачи, должны ответить и еще на нѣкоторые запросы. Такъ, замѣняя собою во всѣхъ отношеніяхъ кой-гдѣ уже существующіе дома трудолюбія, они въ то же время могутъ и должны замѣнить какъ всѣ уже существующія колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, такъ и замѣстить ихъ тамъ, гдѣ еще ихъ нѣтъ; они же должны явиться и мѣстомъ всяческаго воздѣйствія, преимущественно нравственнаго, на тѣхъ, кто, не смотря на существованіе рабочихъ конторъ и пріютовъ и на свою способность къ труду, все таки, по лѣни или привычкѣ къ пьянству, будутъ продолжать нищенствовать. Конечно, сообразно всѣмъ этимъ задачамъ, колоніи должны раздѣляться на отдѣленія, съ различными условіями труда

Digitized by Google

въ каждомъ. Такъ, собственно, работодательное отдѣленіе должно представлять собою собраніе совершенно полноправныхъ, добровольныхъ тружениковъ, по отношенію къ которымъ колонія является только работодателемъ и, какъ всякій работодатель, она имѣетъ право требовать лишь подчиненія заведенному у себя порядку и нѣкотораго возмѣщенія своихъ расходовъ. Отдѣленіе для малолѣтнихъ преступниковъ, напротивъ, должно уже представлять собою, согласно уставамъ теперешнихъ колоній, мѣсто обязательнаго труда и нравственно-воспитательнаго воздѣйствія. Такой же характеръ должно имѣть и отдѣленіе для отбившихся, по лѣни или пьянству, отъ труда, съ той лишь разницей, что пребываніе такихъ лицъ въ этомъ отдѣленіи не обусловлено никакимъ срокомъ, а совершенно зависитъ отъ ихъ собственнаго поведенія и тѣхъ доказательствъ своего желанія измѣнить прежній образъ жизни, которыя они дадутъ администраціи колоніи. Отъ совѣта колоніи, и никого болѣе, зависитъ переводъ такихъ лицъ на общемъ основаніи въ 1-ое отдѣленіе свободно-трудящихся. Впрочемъ, освобожденіе такихъ лицъ изъ обязательнаго отдѣленія должно имѣть мѣсто и при соотвѣтствующихъ поручительныхъ ходатайствахъ ихъ болѣе или менѣе нравственно-благонадежныхъ родственниковъ. Соотвѣтственно такимъ важнымъ и въ то же время разнообразнымъ задачамъ своимъ, колоніи должны управляться лицами, представляющими своимъ образованіемъ, всею своею прошлою служебною или частною дѣятельностью необходимыя гарантіи,—съ одной стороны, своей несомнѣнной нравственной благонадежности и житейской опытности, а, съ другой, не только способности, но и душевной склонности къ этому дѣлу. На послѣднее обстоятельство, говоритъ г. Линевъ, должно быть обращено самое главное вниманіе, такъ какъ безъ этого никакое знаніе, никакая благонадежность и опытность не принесутъ въ дѣлѣ управленія колоній всей необходимой пользы. Отсюда и необходимость выбора лишь такихъ лицъ, которыя были бы избирателямъ хорошо извѣстны не съ внѣшней только или, вѣрнѣе, не съ офиціальной только стороны. Кромѣ этого, если не самъ директоръ, то его помощникъ долженъ хорошо знать сельско-хозяйственное дѣло, которое въ каждой колоніи будетъ, разумѣется, на первомъ планѣ. Выборъ этихъ двухъ лицъ долженъ принадлежать совѣту колоніи, въ который, кромѣ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя губернской земской управы, головы губернскаго города, предсѣдателя окружнаго суда, представителей отъ администраціи и духовенства, должны входить съ равнымъ правомъ совѣщательнаго голоса, во-1-хъ, всѣ тѣ, кто явится матеріальными или духовными учредителями колоніи, и, во-

Digitized by Google

2-хъ, представители наиболѣе выдающихся благотворительныхъ обществъ губернскаго города. Всѣ эти лица выбираютъ изъ своей среды на три года предсѣдателя совѣта. Въ дальнѣйшемъ совѣтъ, разумѣется, можетъ избрать въ свои члены и другихъ лицъ, дѣятельность которыхъ окажется полезна колоніи. Далѣе, всѣ другія должностныя лица колоніи,—кромѣ священника,—всѣ другіе воспитатели и надзиратели избираются и назначаются уже единолично директоромъ, какъ главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за состояніе колоніи. Крайне важно, разумѣется, чтобы зависящій отъ епархіальнаго начальства выборъ священника для колоніи падалъ на лицо, выдающееся по своей духовной опытности и энергіи, такъ какъ поле для духовной дѣятельности въ колоніи обширное, и именно священникъ-воспитатель можетъ приносить въ ней огромную пользу.

По плану г. Линева, для первоначальнаго устройства такихъ колоній, во всѣхъ губернскихъ городахъ должны быть учреждены временные комитеты учредителей изъ тѣхъ же представителей суда, земства, города, администраціи совѣта земледѣльческихъ колоній, гдѣ таковыя уже имѣются, и представителей мѣстныхъ благотворительныхъ обществъ. На обязанности каждаго изъ этихъ комитетовъ лежитъ, прежде всего, выбрать вблизи города наиболѣе удобное мѣсто для колоніи, не менѣе какъ въ 500—600 десятинъ, останавливая свой выборъ,—гдѣ имѣется казенная или городская земля,—прежде всего на этихъ земляхъ, объ уступкѣ которыхъ подъ колоніи и возбуждаетъ надлежащее ходатайство. И, конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что правительство, не отказывавшее въ землѣ земледѣльческимъ колоніямъ для малолѣтнихъ преступниковъ, тѣмъ болѣе сочувственно отнесется къ новымъ колоніямъ труда, преслѣдующимъ и другія, не менѣе полезныя цѣли. То же самое приходится сказать и относительно губернскихъ городовъ, которые также едва ли отнесутся иначе къ дѣлу столь огромной важности. Наконецъ, во многихъ мѣстахъ, гдѣ уже существуютъ земледѣльческія колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, комитеты встрѣтятъ уже на половину готовое дѣло, нуждающееся только въ расширеніи и преобразованіи.

Тамъ, гдѣ подходящей казенной или городской земли не окажется, или гдѣ она почему либо не можетъ быть уступлена,—тамъ, добавляетъ г. Линевъ, конечно, неизбѣжно пріобрѣтеніе земли покупкой. Средства для этого, какъ и вообще для устройства колоній и ихъ содержанія на первое время, — такъ какъ несомнѣнно, что при умѣлой постановкѣ дѣла онѣ впослѣдствіи не только не будутъ нуждаться ни въ какой денежной поддержкѣ, но будутъ имѣть и чистый доходъ,—должны дать частью безвозвратно, а частью и

Digitized by Google

съ условіемъ возврата, тѣ самыя учрежденія, которыя въ настоящее время субсидируютъ земледѣльческія колоніи, т. е. земство и городъ; причемъ на помощь дѣлу, надо полагать, явится и казна, а затѣмъ неизбѣжна и дѣятельно пропагандируемая подписка по губерніи. Все дѣло несомнѣнно зависитъ отъ энергіи временныхъ комитетовъ, что доказывается исторіей учрежденія почти всѣхъ существующихъ земледѣльческихъ колоній для малолѣтнихъ преступниковъ; а на такую ихъ энергію, конечно, и государство, и общество вправѣ разсчитывать.

VIII.

Представленный нами обзоръ теоретическихъ трудовъ по вопросу объ искорененіи у насъ нищенства и бродяжничества, и по вопросу о сельско-хозяйственныхъ колоніяхъ, составляетъ въ совокупности сложную систему, которая, если будетъ проведена въ гармоническомъ соотвѣтствіи во всѣхъ своихъ частяхъ, дѣйствительно, можетъ дать ожидаемые результаты, и изъ этихъ разнородныхъ мѣръ общаго сочувствія и расположенія заслуживаетъ идея устройства сельско-хозяйственныхъ колоній. Эта идея, въ настоящее время,—наканунѣ осуществленія въ нашей сѣверной столицѣ, благодаря анонимному пожертвованію на этотъ предметъ неизвѣстныхъ лицъ.

Но предстоящее учрежденіе сельско-хозяйственной колоніи подъ Петербургомъ не будетъ дѣломъ совершенно новымъ въ нашемъ отечествѣ. Болѣе культурныя окраины опередили насъ и въ этомъ отношеніи, и практикуютъ уже нѣсколько лѣтъ этотъ способъ борьбы съ нищенствомъ, оказавшій наиболѣе благотворные результаты, какъ показалъ болѣе ранній опытъ западной Европы. Мы имѣемъ въ виду «сельско-хозяйственную колонію для бѣдныхъ» въ городскомъ имѣніи Штадгофъ, основанную митавскимъ обществомъ поощренія трудолюбія. Съ устройствомъ этой колоніи и результатами, ею достигнутыми, знакомитъ насъ баронъ Буксгевденъ, и краткимъ описаніемъ этой первой попытки насажденія у насъ новаго типа общественно-филантропическихъ учрежденій мы и закончимъ нашу статью.

Сельско-хозяйственная колонія «Штадгофъ» открыта митавскимъ обществомъ поощренія трудолюбія 22 декабря 1891 года, въ арендованномъ имѣніи близъ Митавы. Ко дню открытія колоніи, въ ней находилось 4 человѣка, а затѣмъ вскорѣ число колонистовъ, работавшихъ одновременно, возросло до 26. Въ первый годъ дѣйствія колоніи было принято всего 73 человѣка; во второй—74, такъ что

Digitized by Google

среднимъ числомъ работало въ теченіе двухъ лѣтъ по 22 человѣка въ день. Колонія была открыта зимою, а потому, на первыхъ порахъ, пришлось занять рабочихъ производствомъ домашнихъ издѣлій для надобностей заведенія и ремесленнымъ трудомъ: плетеніемъ матовъ и ковровъ, изготовленіемъ садовыхъ скамеекъ и пр.; съ весны же начались полевыя и садовыя работы, которыхъ оказалось такъ много, что ими могло бы заниматься гораздо бо̀льшее число лицъ, чѣмъ какое было налицо. Причины малаго количества рабочихъ въ колоніи, сравнительно съ числомъ нуждающихся, объясняются, съ одной стороны, выгодностью нищенскаго промысла въ Митавѣ, а съ другой стороны—тутъ играетъ роль также и необходимость подвергаться въ заведеніи строгой дисциплинѣ, и ограниченные размѣры вознагражденія въ колоніи сверхъ содержанія. Для иллюстраціи выгодности нищенскаго промысла, у бар. Буксгевдена приведены любопытные примѣры изъ дневника смотрителя колоніи. Вотъ, напр., одинъ изъ нихъ. Садовникъ изъ Любека поступилъ въ число рабочихъ колоніи. Затѣмъ онъ ушелъ и, вернувшись въ тотъ же день вечеромъ, принесъ 17 руб. сер., собранныхъ подаяніемъ. Кромѣ того, онъ истратилъ часть подаяній на продовольствіе и вино, потому что былъ пьянъ.

Но, съ другой стороны, въ томъ же дневникѣ есть примѣры и благотворнаго нравственнаго вліянія колоніи. Такъ напр., садовникъ же изъ Курляндіи, 43 лѣтъ, попалъ въ колонію послѣ отбытія наказанія въ тюрьмѣ. Тутъ онъ чистосердечно раскаялся и исправился настолько, что черезъ три мѣсяца былъ принятъ на службу на старое мѣсто.

Теперь нѣсколько словъ относительно матеріальныхъ средствъ колоніи. Въ первый годъ, на приходѣ общества было 5,364 руб., изъ которыхъ колонія заработала 450 руб.; остальная сумма прихода составилась изъ членскихъ взносовъ, процентовъ съ капитала и займа въ 1,500 руб. На второй годъ, прихода было 3,980 руб. и въ томъ числѣ доходовъ по хозяйству 268 руб. и отъ разныхъ работъ 218 руб. Расходъ въ первый годъ равнялся 5,259 руб., причемъ бо̀льшая часть денегъ ушла на содержаніе колоніи — 2,570 руб., на инвентарь — 1,100 руб., строительныя работы — 700 руб. и аренду—460 руб. Расходъ во второй годъ равнялся 4,019 руб., причемъ на содержаніе колоніи пошло 2,400 руб. и на меліорацію полей и луговъ 500 руб. Митавское общество поощренія трудолюбія открыло первую въ Россіи сельско-хозяйственную колонію Штадгофъ на основаніи § 1 своего устава, который говоритъ: «Общество имѣетъ своимъ назначеніемъ устройство домовъ трудолюбія для предоставленія нуждающимся работъ, съ необхо-

Digitized by Google

димыми для сего матеріалами и инструментами, и сбытъ ихъ произведеній». Совершенно аналогичную задачу, какъ извѣстно, ставитъ по уставу и существующее, напр., въ Петербургѣ общество дешевыхъ столовыхъ, чайныхъ и домовъ трудолюбія.

Срокъ существованія и дѣятельности рабочихъ колоній, не только у насъ, но и за границей, слишкомъ кратокъ для того, чтобы имѣть достаточно основаній рѣшительно судить о значеніи этого новаго института для борьбы съ бѣдностью и крайнимъ ея проявленіемъ—нищенствомъ. Тѣмъ не менѣе, результаты ихъ дѣятельности,—какъ это видно изъ представленнаго нами очерка,—уже обнаруживаются весьма осязательно. Они выражаются значительнымъ уменьшеніемъ цифры нищихъ и бродягъ въ районахъ дѣйствій колоній; но что особенно важно, такъ это то, что при помощи колоній является возможность отдѣлить временно впавшихъ въ нищету, случайныхъ нищихъ и бродягъ отъ профессіональныхъ и первымъ—дать средство выйти на путь нормальной жизни, а по отношенію послѣднихъ предпринять болѣе энергичныя воздѣйствія, въ смыслѣ возвращенія ихъ къ трудовому нормальному существованію. Наконецъ, еще необходимо имѣть въ виду, что сельско-хозяйственныя колоніи способствуютъ отвлеченію нищихъ отъ центровъ, куда ихъ до сихъ поръ разнообразными учрежденіями преимущественно привлекали, и содѣйствуютъ водворенію оторваннаго отъ земли элемента населенія на первобытномъ его мѣстожительствѣ—землѣ, которая,—какъ справедливо говорилъ одинъ изъ докладчиковъ о колоніяхъ въ вольно-экономическомъ обществѣ,—«надежнѣе расплачивается за всякій трудъ, въ нее вложенный, и расплачивается не плетеными корзинками, картузами и пенькой, а хлѣбомъ, рынокъ для котораго найдется прежде всего въ собственномъ желудкѣ трудоваго человѣка».

Вотъ почему, не увлекаясь тою надеждою, что сельско-хозяйственныя рабочія колоніи явятся радикальнымъ средствомъ противъ бродяжничества и нищенства, какъ прямаго проявленія бѣдности, слѣдуетъ признать, что въ ряду мѣръ, направленныхъ къ борьбѣ съ этимъ соціальнымъ недугомъ, колоніи могутъ оказать значительную услугу и обществу, и государству.

Н. Арепьевъ.

Конецъ.

Digitized by Google

НАША МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Истекшій сезонъ, вслѣдствіе траура, былъ кратковременъ; два слишнимъ мѣсяца увеселеній не существовало и художественной жизни не было; тѣмъ не менѣе, сезонъ изобиловалъ новинками, о которыхъ стоитъ поговорить; новинки эти были, какъ въ казенномъ оперномъ театрѣ, такъ и на частныхъ сценахъ. Если къ этому прибавимъ нѣсколько словъ о симфоническихъ собраніяхъ и дѣятельности консерваторіи, то въ итогѣ получимъ всю сумму выдающихся явленій нашей музыкальной жизни за 1894—95 г.

Казенные театры.

Здѣсь вновь поставлена была одна только опера: «Дубровскій», г. Направника, и возобновлены: «Севильскій цирюльникъ» — Россини и «Майская ночь»—г. Римскаго-Корсакова; хотя нужно тутъ же прибавить, что послѣднія двѣ оперы, вслѣдствіе ремонта Маріинскаго театра, давались на михайловской сценѣ.

1. «Майская ночь».

Опера эта написана въ 1880 г., когда она и была поставлена; недолго продержалась она на репертуарѣ и вскорѣ была снята; четырнадцать лѣтъ прошло, пока снова взялись за нее и, не смотря на то, что ее нельзя считать образцомъ русской оперы, она все же имѣетъ достоинства, ради которыхъ ее стоило бы давать время отъ времени. «Майская ночь»—вторая опера г. Римскаго-Корсакова; испробовавъ свои силы на поприщѣ драматической оперы («Псковитянка»; о ней рѣчь будетъ ниже), естественно, что композиторъ захотѣлъ испытать себя въ комическомъ жанрѣ; но и тутъ стремленіе къ новшествамъ и къ оригинальничанью во что бы то ни стало сказалось въ значительной степени. Мы ничего не имѣемъ противъ «новаго слова» въ искусствѣ; даже напротивъ, такому явленію надо радоваться; но придумывать разные кунстштюки, измышлять всевозможные фокусы въ области ли сценическихъ пріемовъ, или оркестровки только ради оригинальничанія, когда все это не вытекаетъ, какъ необходимость, изъ самой сущности,—задача, на нашъ взглядъ, недостойная серьезнаго художника.

А между тѣмъ, группа композиторовъ, считающихся у насъ передовыми или, какъ они себя называютъ, «національными», въ большинствѣ случаевъ, если въ чемъ либо говорятъ «свое», новое,

Digitized by Google

то именно въ чемъ-то внѣшнемъ, и притомъ не необходимомъ, т. е. въ такомъ, безъ чего легко можно было бы обойтись. Намъ скажутъ: никто не имѣетъ права предписывать свои законы художникамъ, авторамъ и композиторамъ; мы съ этимъ вполнѣ согласны; да и не беремъ на себя такой отвѣтственной роли, какъ руководство дарованіями и талантами; но, съ другой стороны, никто не можетъ и насъ лишить права смотрѣть на произведенія искусства своими собственными глазами, именно считаясь съ тѣмъ, что художникъ далъ, и не навязывая ему своихъ требованій. Все хорошо, что хорошо, и нѣтъ никакой надобности въ интересахъ искусства и своихъ собственныхъ называть бѣлое чернымъ и наоборотъ. Если же мы своимъ мнѣніемъ кому либо не угодили, что дѣлать? Объ этомъ мы не заботимся.

Итакъ, новшества въ «Майской ночи» сказались въ либретто и инструментовкѣ. Либретто составлено по Гоголю самимъ композиторомъ и въ общемъ составлено довольно удачно; сцены планированы искусно и связь между картинами не нарушена; всѣхъ картинъ четыре, т. е. второе дѣйствіе состоитъ изъ двухъ. Но авторъ либретто нашелъ нужнымъ иллюстрировать порою прозаическій гоголевскій текстъ; это маленькая натяжка, оправдываемая желаніемъ держаться ближе гоголевскаго текста съ его оригинальными оборотами рѣчи и выраженіями; для композитора здѣсь представлялись кое-какія затрудненія, но г. Римскій-Корсаковъ порою выходитъ побѣдителемъ изъ нихъ. Другой вопросъ—нужно ли это, выигрываетъ ли музыкальная часть отъ такого tour de force? Мы знаемъ, что либретто «Жизни за царя», «Руслана и Людмилы», «Гугенотовъ», «Донъ-Жуана», «Пророка» и др. выдающихся оперъ весьма посредственны, что, однако, не мѣшаетъ самимъ произведеніямъ блистать яркими звѣздами на оперномъ горизонтѣ; но, повторяемъ, это дѣло вкуса композиторовъ.

Ужь кто захочетъ оригинальничать, тотъ всегда найдетъ болѣе или менѣе логическое оправданіе своимъ желаніямъ. Перейдемъ однако къ сути, не придираясь къ мелочамъ, хотя бы самъ авторъ придавалъ особенное значеніе именно этимъ мелочамъ. «Майская ночь» представляетъ прекрасную канву для комической оперы; тутъ есть гдѣ композитору развернуть свое дарованіе: во-первыхъ, гоголевскій сюжетъ комиченъ, во-вторыхъ, дѣйствующія лица весьма ярко очерчены въ литературномъ отношеніи; затѣмъ, для композитора, знакомаго съ малороссійской музыкой, нѣтъ ничего легче, какъ дать цѣлый рядъ опредѣленныхъ музыкальныхъ типовъ въ лицѣ Головы, Свояченицы, Левка, Ганны и пр. Именно изъ этого сюжета, дающаго такой обильный матеріалъ для комической оперы, притомъ чисто-малороссійской, и можно было создать нѣчто выдающееся, цѣльное, законченное, что могло бы служить въ свою очередь типомъ; къ сожалѣнію, мы этого не находимъ въ трудѣ нашего композитора.

Правда, есть болѣе или менѣе удачныя попытки, хорошія намѣренія; мѣстами авторъ дѣйствительно напоминаетъ вамъ объ Украйнѣ съ ея чудными мотивами; но это происходитъ не часто въ теченіе партитуры, и притомъ отдѣлка страдаетъ излишней уче-

Digitized by Google

ностью, точно авторъ хотѣлъ простаго мужика нарядить во фракъ и бѣлыя перчатки. Поэтому, говорить о цѣльномъ впечатлѣніи не приходится, какъ бы панегиристы г. Римскаго-Корсакова ни старались насъ увѣрить, что «это произведеніе—художественное, талантливое, очень интересное по фактурѣ, по инструментовкѣ (они вообще на хвалебныя прилагательныя не скупятся), съ большимъ успѣхомъ (?!) исполняемое на *многихъ* частныхъ оперныхъ провинціальныхъ сценахъ» (гдѣ это, — интересно бы знать; болѣе или менѣе и намъ извѣстно, гдѣ и что дается на нашихъ провинціальныхъ оперныхъ сценахъ). Бумага все терпитъ и писать можно, что угодно, но надо же помнить и объ истинѣ. «Майская ночь» и до настоящаго времени не была поставлена даже на московской сценѣ Большаго театра.

Но полемизировать нисколько не входитъ въ нашу задачу. Мы глубоко увѣрены, что истина всегда будетъ торжествовать и, если произведеніе талантливо, оно всегда проложитъ себѣ путь, какъ бы ни старались его погубить (допускаемъ для иллюзіи даже такую крайность) и, наоборотъ, столько бы ни муссировали и ни рекламировали произведеніе и его автора, если въ нихъ нѣтъ того, что приковываетъ массу, въ концѣ концовъ надѣланный шумъ пройдетъ и останется лишь одно воспоминаніе. Нуженъ ли лучшій примѣръ, чѣмъ взмыленный шарлатанскими рекламами итальянскаго издателя Сондзоньо—пресловутый авторъ «Сельской чести»—Масканьи, сразу упавшій послѣ провалившихся даже въ Италіи, при всѣхъ рекламахъ, «Друга Фрица», «Братьевъ Ранцау», «Сильвано» и еще какой-то оперы? Это самый разительный примѣръ, насколько въ искусствѣ, какъ и во всемъ прочемъ, важна неподкупная истина.

Тѣмъ болѣе, казалось бы, могъ подойти выбранный сюжетъ къ дарованію композитора, что тутъ представился значительный просторъ и фантастическому элементу, существующему въ пьесѣ и находящему обыкновенно у г. Римскаго-Корсакова достаточно яркія краски. Какъ это ни странно, но слабѣйшей частью во всей оперѣ приходится признать послѣдній актъ, въ которомъ композиторъ хотѣлъ блеснуть фантастикой; именно эта часть и вышла наиболѣе растянутой, дѣланной, сухой и холодной: сцена русалокъ, ихъ игры и пѣсни—самыя скучныя во всей оперѣ. При отсутствіи яркаго couleur locale въ цѣломъ и типично обрисованныхъ музыкальныхъ фигуръ въ частности, «Майскую ночь» нельзя считать удачнымъ произведеніемъ вообще, а тѣмъ болѣе «образцовымъ», «художественнымъ»,—что въ то же время не препятствуетъ находить отдѣльныя мѣста въ разныхъ актахъ очень удачными.

Напр., въ первомъ дѣйствіи вполнѣ закончены дуэтъ Левка и Ганны, равно какъ и баллада, для которой композиторъ, вѣроятно, воспользовался какимъ нибудь мѣстнымъ мотивомъ, что въ настоящее время нисколько не считается предосудительнымъ; многіе современные композиторы въ такихъ случаяхъ прямо говорятъ: лучше молъ взять готовый да хорошій мотивъ, чѣмъ самому изобрѣсти плохой (мы это не относимъ собственно къ г. Римскому-Корсакову); отчасти это правда, но не можемъ при этомъ не вспомнить, что изобрѣтеніе темъ—главное условіе музыкальнаго творче-

Digitized by Google

ства, ибо все остальное (инструментовка, отдѣлка и даже само оригинальничанье), такъ сказать, «благопріобрѣтаемо», тогда какъ тематическая изобрѣтательность—это и есть тотъ божій даръ, который заставляетъ всѣхъ преклоняться предъ композиторомъ; это и есть покорительный нервъ.

За отсутствіемъ его, многимъ приходится хитроумничать, прибѣгать къ фокусамъ, чтобы замаскировать свое духовное убожество, выдумывать разныя сплетенія, выѣзжать на инструментальныхъ побрякушкахъ, измышлять разные звуковые эффекты при помощи комбинированія различнаго тембра инструментовъ и пр. Все это, конечно, болѣе или менѣе удачный разсчетъ, но все, что основано на *разсчетѣ*, не есть предметъ вдохновенія, творчества, фантазіи. Вотъ почему мы всегда были того мнѣнія, что Вагнеръ со своей реформой породилъ цѣлый легіонъ, если не бездарностей, то во всякомъ случаѣ посредственныхъ композиторовъ, которымъ его примѣръ послужилъ на пользу, въ томъ смыслѣ, что они «и безъ драки попали въ забіяки». Конечно, г. Римскій-Корсаковъ сюда не относится, но и его сила заключается больше во внѣшней отдѣлкѣ, чѣмъ въ музыкальномъ содержаніи, и онъ также охотно прибѣгаетъ къ народнымъ пѣснямъ.

Такой характеръ имѣетъ большинство его хоровъ въ «Майской ночи»; напр., «А мы просо сѣяли» въ первомъ актѣ; мы бы сказали, что сюда же слѣдуетъ причислить заключительный хоръ (Левко съ хоромъ: «За чуприну»). Въ области характеристикъ наиболѣе удался композитору Каленикъ;—его фраза: «Самъ себѣ я голова» прекрасна и врѣзывается въ память; Голову же авторъ наградилъ скороговоркой (à la Фарлафъ въ «Русланѣ»), равно какъ и Свояченицу. Недурнымъ вышелъ Винокуръ; особенно хорошъ его разсказъ о тещѣ и о подавившемся галушкой (здѣсь есть много тонкихъ штриховъ въ оркестрѣ). Писарю придана, въ духѣ вагнеровскаго Leit motiv'a, небольшая маршеобразная фразка, долженствующая, вѣроятно, характеризовать его, какъ бывшаго военнаго. Вообще интересныхъ мелочей (и даже иногда очень остроумныхъ) можно найти немало въ разсматриваемой оперѣ.

Отмѣтимъ еще въ послѣднемъ дѣйствіи двѣ пѣсни Левка, какъ наиболѣе мелодическіе нумера въ «Майской ночи». Если къ этому прибавимъ очень интересное тріо во второй картинѣ втораго дѣйствія—Головы, Писаря и Винокура, пробирающихся къ Сатанѣ,—то этимъ, кажется, исчерпаемъ все, что есть выдающагося здѣсь. Общій характеръ всего произведенія не оставляетъ однако впечатлѣнія законченной комической оперы, какъ напр., хотя бы «*Севильскій цирюльникъ*» Россини, возобновленный на той же сценѣ. Мы, конечно, далеки отъ мысли о параллели между этими двумя операми, но комическій талантъ ихъ авторовъ слишкомъ сказался, чтобы хоть невольно не подумать о произведеніи Россини: «а вѣдь вотъ собственно настоящій типъ, вотъ къ чему долженъ стремиться композиторъ, берущійся за комическій жанръ, какой бы національности онъ бы ни былъ».

И какъ подумаешь, что этотъ chef-d'oeuvre написанъ Россини въ теченіе лишь *тринадцати дней* и поставленъ, съ момента за-

Digitized by Google

думанія оперы, въ продолженіе двадцати двухъ дней, — просто не вѣрится, что это такъ. Было ли у Россини время обдумывать здѣсь какіе-то фокусы? Чувствуется, что все произведеніе сразу вылилось; не было времени написать новую увертюру, и авторъ прибавляетъ ее изъ другой оперы («Елизавета»). Россини также мало заботился о разныхъ мелочахъ, какъ и объ успѣхѣ своей оперы на первомъ представленіи; ему шикаютъ и свищутъ со всѣхъ сторонъ, а онъ преспокойно аплодируетъ исполнителямъ, подбодряя ихъ окончить оперу. И тѣмъ не менѣе «Севильскій цирюльникъ» уже съ третьяго представленія завоевываетъ свой успѣхъ, который до сихъ поръ неизмѣнно сопровождаетъ его, гдѣ бы онъ ни давался.

Не знаемъ, что побудило поставить эту оперу послѣ громаднаго перерыва со времени первой постановки ея на русской сценѣ, но она во всякомъ случаѣ очень интересна, и мы никакъ не можемъ раздѣлять раздававшееся мнѣніе, будто русскіе артисты не въ состояніи исполнять эту итальянскую оперу, которой, молъ, мѣсто исключительно въ итальянской оперѣ. Напротивъ, большинство нашихъ исполнителей прекрасно исполняли свои роли, не только въ вокальномъ смыслѣ, но и въ сценическомъ отношеніи. Партіи были распредѣлены такимъ образомъ: Розину пѣли г-жи Мравина и Баулина, Альмавиву — гг. Михайловъ и Чупрынниковъ, Фигаро — г. Тартаковъ, Донъ-Базиліо — гг. Корякинъ и Майборода, Бартоло — гг. Фрей и Стравинскій.

Изъ названныхъ лицъ г-жа Мравина, голосъ которой все больше и больше слабѣетъ, очень недурно справилась съ колоратурной частью. Г-жа Баулина—начинающая артистка, подававшая въ консерваторіи большія надежды, оправданія которыхъ приходится, однако, еще ждать. Г. Михайловъ, всегда имѣвшій право гордиться партіей Альмавивы, какъ единственный ея исполнитель въ Россіи, вынужденъ былъ почему-то оставить нашу оперную сцену, прослуживъ на ней съ пользою въ теченіе десяти-двѣнадцати лѣтъ; вѣроятно, не однажды придется сожалѣть о томъ, что дирекція не возобновила контракта съ этимъ пѣвцомъ. Г. Чупрынниковъ—начинающій свою карьеру пѣвецъ съ симпатичнымъ теноромъ, но совершенно неопытный на сценѣ новичокъ. Прекраснымъ Фигаро оказался г. Тартаковъ, внесшій много жизни и таланта въ созданіе этого типа. Отличный донъ-Базиліо—по прежнему г. Корякинъ.

2. «Дубровскій».

Такъ называется третья опера г. Направника, явившаяся единственной новинкой истекшаго сезона; первыя двѣ его оперы: «Нижегородцы» и «Гарольдъ». Какъ названіе показываетъ, сюжетъ новой оперы заимствованъ изъ повѣсти Пушкина того же названія. Вообще нужно сказать, что въ «Дубровскомъ» нашъ композиторъ подпалъ подъ вліяніе Чайковскаго, и именно его «Пиковой дамы»; думаемъ, что этому способствовалъ не только успѣхъ послѣдней оперы, но и либреттистъ, скроившій изъ «Дубровскаго» такое же трескучее либретто, какъ и изъ «Пиковой дамы»; г. М. Чайковскій не находитъ нужнымъ считаться съ замыслами Пушкина; онъ

Digitized by Google

обходится съ нимъ довольно безцеремонно, заботясь исключительно объ эффектномъ либретто для оперы. Правда, онъ съ избыткомъ достигъ своей цѣли: его либретто носятъ блескъ настоящихъ французскихъ бульварныхъ мелодрамъ; но бѣдному Пушкину немало достается отъ радѣтеля объ оперныхъ эффектахъ. Мы уже знаемъ, что̀ вышло изъ «Пиковой дамы»; посмотримъ, что̀ онъ сдѣлалъ изъ «Дубровскаго».

Опера состоитъ изъ четырехъ актовъ и пяти картинъ (въ первомъ дѣйствіи двѣ картины). Всякій несомнѣнно знаетъ Пушкина и поэтому нѣтъ, разумѣется, надобности разсказывать содержаніе оперы; ограничимся только обзоромъ того, что̀ происходитъ въ каждомъ ея актѣ. Первая картина происходитъ въ саду Дубровскаго въ Костеневкѣ. Владиміръ пріѣзжаетъ домой, его радостно встрѣчаютъ. Оставшись наединѣ съ сыномъ, Андрей Дубровскій разсказываетъ Владиміру исторію своей ссоры съ Троекуровымъ, Владиміръ обѣщаетъ отмстить за поруганную честь. Вдругъ пріѣзжаетъ Троекуровъ мириться со старикомъ Дубровскимъ; послѣдній его выгоняетъ вонъ, Троекуровъ уѣзжаетъ взбѣшенный, а Андрей Дубровскій отъ волненія и гнѣва умираетъ.

Вторая картина—на дворѣ той же усадьбы. Дворовые люди оплакиваютъ старика Дубровскаго; въ это время приказные съ засѣдателемъ во главѣ пьянствуютъ въ избѣ. Владиміръ сначала успокоиваетъ народъ, наконецъ злость его беретъ и онъ рѣшается поджечь усадьбу. Пожаромъ эффектно кончается первый актъ. Второй происходитъ въ лѣсу. Маша Троекурова собираетъ здѣсь грибы съ подругами (грибной эффектъ — новость въ оперѣ). Надъ обрывомъ показывается Дубровскій,—уже начальникъ шайки разбойниковъ,—и плѣняется красотой Троекуровой; ея «кроткій взоръ смирилъ» его, и онъ откладываетъ свою месть ad meliora tempora. Тѣмъ временемъ дѣвицы уходятъ домой, а шайка Дубровскаго потѣшается надъ несчастнымъ французомъ Леформжемъ, умоляющимъ les brigands o «pitié». Дубровскій беретъ бумаги Леформжа, даетъ ему деньги и велитъ своей командѣ проводить француза и отпустить его на всѣ четыре стороны, а самъ отправляется въ Покровское къ Троекуровымъ.

Здѣсь (третье дѣйствіе) Дубровскій, подъ именемъ Леформжа, даетъ урокъ пѣнія Машѣ Троекуровой. Дуэтъ ихъ прерывается появленіемъ Троекурова съ княземъ Верейскимъ, которому онъ разсказываетъ о продѣлкѣ Дубровскаго съ медвѣдемъ. По уходѣ князя Троекуровъ заявляетъ дочери о намѣреніи выдать ее за князя, Верейскаго; Маша, конечно, въ отчаяніи, но полученная записка изъ окна отъ «француза» ее успокоиваетъ; она, по крайней мѣрѣ, говоритъ: «Онъ защититъ меня, у меня есть другъ». Послѣдній актъ въ паркѣ. Собравшіеся гости поютъ: «Здоровье нареченныхъ»; Троекуровъ и будущій тесть пьютъ за здоровье гостей; общее веселье, танцы. Затѣмъ всѣ удаляются; нужно же очистить сцену для любовнаго дуэта, которому предшествуетъ «интермеццо ночи». Маша узнаётъ, что мнимый французъ никто иной, какъ Дубровскій; тутъ происходитъ нѣчто непростительное со стороны либреттиста: Маша все время кричитъ—«люблю, твоя»! Нетрудно по

Digitized by Google

одному этому судить, насколько онъ проникся духомъ пушкинской героини.

Между тѣмъ, подаютъ сигналъ свисткомъ Дубровскому, что опасность близка; онъ убѣгаетъ, но вскорѣ возвращается раненый; на крикъ Маши собираются всѣ гости; Дубровскій со словомъ: «моя» уже давно умеръ, а Маша все еще продолжаетъ кричать при всѣхъ: «твоя и никому принадлежать не буду». На этомъ такъ и кончается опера, и дальнѣйшая судьба Маши неизвѣстна. Чтобы составить себѣ понятіе о Машѣ г. М. Чайковскаго, достаточно привести хотя бы слѣдующій отвѣтъ отцу, когда онъ ей предлагаетъ выйти за Верейскаго; вотъ что она говоритъ: «Неужли, *совѣстью торгуя* (!), къ супругу злобою горя, должна солгать у алтаря»? Мы ужь не говоримъ о сценѣ съ Дубровскимъ, когда она узнаётъ, кто онъ; у Пушкина она «плачетъ и молчитъ», а когда онъ нападаетъ на карету, въ которой она находится съ Верейскимъ, она ему говоритъ чуть ли не словами Татьяны изъ «Онѣгина»: «Я отдана теперь другому; моя судьба ужь рѣшена и буду вѣкъ ему вѣрна».

Такъ понималъ русскую женщину Пушкинъ и въ такомъ идеальномъ видѣ считалъ нужнымъ ее представить; но не такъ понимаетъ ее, воспитанный на французскихъ романахъ и бульварныхъ мелодрамахъ, г. М. Чайковскій; его Маша Троекурова, какъ истая эмансипированная барышня fin de siècle, потерявшая всякій стыдъ, но не желающая однако «торговать совѣстью», кричитъ при всѣхъ: «Твоя и никому принадлежать не буду» (какой слогъ, какая рѣчь въ устахъ барышни!). А самъ Дубровскій! Куда дѣлись всѣ симпатичныя стороны его натуры? Во что онъ обратился въ рукахъ либретнаго маэстро г. М. Чайковскаго?—Въ лгунишку, хвастунишку; это шаблонный оперный любовникъ, не имѣющій никакой индивидуальной физіономіи. Затѣмъ, самый конецъ оперы какъ-то туманенъ, не ясенъ. Можно подумать, что вся цѣль либреттиста заключалась въ нагроможденіи пожара, иллюминаціи, танцевъ, куплетовъ и пр.

Впрочемъ, взгляды этого драматурга достаточно извѣстны; его стремленія въ области эстетики и пониманія сцены достаточно опредѣлились не только по либреттамъ, въ которыхъ онъ уродуетъ Пушкина преимущественно, но и по его оригинальнымъ пьесамъ: «Симфоніи», «Предразсудкамъ», кажется, еще «Дню въ Петербургѣ». Чего же, собственно говоря, изумляться передъ либретто «Дубровскаго»? Если же композиторъ принялъ это либретто и нашелъ его хорошимъ, то и этому удивляться нечего: гг. композиторы въ большинствѣ случаевъ все таки преслѣдуютъ свои музыкальныя цѣли; имъ нужно разнообразіе, тутъ веселье, тамъ горе,—любовный дуэтъ, танцы, «нумера» для солистовъ, иначе такой-то не согласится пѣть такую-то партію, а если не будетъ участвовать именно этотъ «такой-то», то опера можетъ и вовсе не идти при извѣстныхъ условіяхъ... Винить ли и композитора?

Такъ или иначе, повѣсть Пушкина изуродована, зато есть эффектное либретто съ удобными для пѣвцовъ нумерами (читай: удобными для четы Фигнеръ, ибо «Дубровскій» покуда нигдѣ еще не

Digitized by Google

идетъ, да едва ли такъ скоро и будетъ поставленъ гдѣ либо, слѣдовательно, все, что дѣлалось, дѣлалось для нихъ). Композиторъ старался въ новой своей оперѣ по возможности угодить всякимъ вкусамъ и въ итогѣ долженъ быть доволенъ успѣхомъ своего произведенія... пока въ Петербургѣ. Артисты старались сдѣлать все, что могли; участвовали лучшія силы нашей оперы—даже маленькія партіи были поручены первымъ сюжетамъ; объ оркестрѣ, старавшемся и съ своей стороны угодить стоящему во главѣ его, и говорить не приходится. Это само собою разумѣется: хоры находятся въ рукахъ такого опытнаго и талантливаго артиста, какъ г. Палечекъ, немало труда положившаго на лучшую постановку своей части; въ итогѣ, при столькихъ стараніяхъ со всѣхъ сторонъ, получилось въ общемъ нѣчто весьма старательно поставленное.

Этимъ мы не хотимъ сказать, что «Дубровскій», обязанъ своимъ успѣхомъ однимъ только внѣшнимъ обстоятельствамъ; напротивъ, опера имѣетъ и свои достоинства, о которыхъ грѣшно умолчать, и во всякомъ случаѣ является шагомъ впередъ въ творчествѣ г. Направника, хотя образцовымъ произведеніемъ назвать ее нельзя, и главнымъ образомъ потому, что стиль ея не выдержанъ; прослушавъ всю оперу нѣсколько разъ, вы все таки не переноситесь въ эпоху, описываемую Пушкинымъ; характеръ оперы невполнѣ русскій, не смотря на то, что авторъ порою пользуется народными мотивами. Затѣмъ, въ области характеристики героевъ, нашъ авторъ не старался ярко очертить своихъ героевъ; многіе изъ послѣднихъ охарактеризованы посредствомъ речитативовъ, а этотъ способъ намъ кажется наименѣе удобнымъ для рельефнаго созданія музыкальныхъ фигуръ; такъ, Троекуровъ, Андрей Дубровскій и Верейскій ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются,—всѣ одинаково кричатъ.

А между тѣмъ, это три различныхъ типа, которые могли бы имѣть самостоятельную музыкальную физіономію, если такъ можно выразиться; отличаются же между собой Марсель, Сенъ-Бри и Неверъ въ «Гугенотахъ»; или Командоръ, Лепорелло и Мазетто въ «Донъ-Жуанѣ»; именно въ музыкальной характеристикѣ и сказывается крупный талантъ опернаго композитора. Невольно приходятъ на память также Русланъ, Фарлафъ и хоть Ратмиръ, такъ ярко очерченные музыкой; въ созданіи музыкальныхъ типовъ лежитъ великая заслуга композиторовъ. Многіе, напр., не признаютъ заслугъ Верстовскаго, а по нашему мнѣнію, созданіе такого музыкальнаго типа, какъ Торопка въ «Аскольдовой могилѣ», не имѣющаго себѣ равнаго во всей нашей музыкальной оперной литературѣ, не смотря на всѣ клички, которыя себѣ присвоиваютъ иные современные наши композиторы, считающіе себя чуть ли не родоначальниками русской музыки,—составляетъ незабвенную заслугу и достойно всякаго уваженія (мы вспомнили о Верстовскомъ, такъ какъ въ этомъ году исполняется шестьдесятъ лѣтъ со времени постановки его «Аскольдовой могилы»).

Но возвратимся къ «Дубровскому»; въ связи съ указаннымъ недостаткомъ находится и другой, не менѣе важный на нашъ взглядъ,—это именно отсутствіе въ общемъ цѣльнаго колорита: получается какая-то разрозненность, отрывочность впечатлѣнія. По-

*

Digitized by Google

ложимъ, г. Направникъ старался придавать опредѣленное выраженіе хоровымъ массамъ и въ этомъ большая его заслуга; хоры его, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ довольно интересны и участіе ихъ въ операхъ довольно живо. То народъ встрѣчаетъ молодаго барина, то возстаетъ противъ Троекурова, то оплакиваетъ стараго барина, то возмущается противъ притѣснителей—приказныхъ, то осмѣиваетъ французика,—словомъ, его дѣйствіе довольно активно. И, не смотря на это, все таки не получается цѣльнаго впечатлѣнія, благодаря вышеуказанному пробѣлу въ характеристикѣ героевъ. Впрочемъ, нѣкоторою любовью композитора пользуются Маша Троекурова и молодой Дубровскій; въ ихъ партіяхъ сосредоточены главнымъ образомъ лирическія настроенія.

Однимъ изъ важныхъ достоинствъ оперы является оркестровка; въ «Дубровскомъ» авторъ не прибѣгаетъ къ чрезмѣрному шуму и треску, замѣняющимъ большинству современныхъ композиторовъ болѣе серьезныя задачи, требуемыя отъ оперы; напротивъ, въ этомъ отношеніи нашъ композиторъ даже сдѣлалъ уступку модному пріему и написалъ свое интермеццо въ послѣднемъ дѣйствіи, которое и въ «Дубровскомъ» также не является необходимостью, какъ и въ другихъ операхъ, гдѣ оно только ни введено; впрочемъ, само по себѣ оно красиво и даже на первыхъ представленіяхъ было повторяемо. Очень удачно сдѣланы увертюра къ операмъ и танцы. Но первая мало подходитъ по своему характеру (не русскому) къ цѣлому, а вторые слишкомъ длинны и богаты не въ мѣру оркестровыми красками; соединеніе двухъ оркестровъ,—струннаго и духоваго,—едва ли возможно въ имѣніи Троекурова, въ Покровскомъ; во всякомъ случаѣ, танцы слѣдовало бы сократить къ выгодѣ впечатлѣнія.

Сократить или—вѣрнѣе—выпустить слѣдовало бы, на нашъ взглядъ, и всю вторую картину перваго дѣйствія (сцену пожара), не вытекающую, какъ необходимость, и только замедляющую дѣйствіе; если же композитору почему либо дорого аріозо Владиміра,—къ слову сказать, единственный интересный нумеръ во всей картинѣ,—то его можно бы перенести въ слѣдующій актъ, когда Дубровскій остается одинъ въ лѣсу; мы говоримъ объ аріозо: «о, дай мнѣ забвенья, родная», которое нисколько не потеряло бы своего интереса и дальше. Для разнообразія, композиторомъ введена комическая сцена разбойниковъ съ французомъ (хотя у Пушкина и помину объ этомъ нѣтъ); сцена ему удалась, даже не смотря на то, что она немного напоминаетъ куплеты Трикэ въ «Онѣгинѣ» Чайковскаго; лишнимъ, правда, являются эти насмѣшки, когда Лефоржъ удаляется, послѣ приказанія Дубровскаго—вывести его изъ лѣса невредимымъ и отпустить. Въ итогѣ все таки приходится констатировать, что въ операхъ есть элементы драматическій, лирическій и комическій.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній можно перейти къ обзору нѣкоторыхъ отдѣльныхъ нумеровъ по актамъ. Въ первой картинѣ недуренъ по своей выразительности разсказъ старика Дубровскаго объ обидѣ, нанесенной ему Троекуровымъ; дуэтъ его съ сыномъ немного дѣланъ; изображеніе въ оркестрѣ пріѣзда и отъѣзда Троекурова, въ которомъ должны слышаться бубенчики, мало удалось композитору.

Digitized by Google

Если во второй картинѣ исключить вышеупомянутое аріозо Владиміра, то почти ничего не останется выдающагося по музыкѣ. Введеніе извѣстной: «Ахъ, вы сѣни, мои сѣни» для обрисовки пьянствующихъ и безчинствующихъ засѣдателя съ приказными недурно, хотя оно могло быть замѣнено чѣмъ либо собственнымъ и болѣе оригинальнымъ. Вотъ, кажется, все, что́ можно отмѣтить во всемъ первомъ актѣ, кромѣ хоровъ.

Сцена съ грибами во второмъ дѣйствіи интересна; недурна также романцетта Маши: «Въ свѣтломъ молчаньѣ», хотя стиль ея речитативный, точно композиторъ боялся дать просторъ своимъ музыкальнымъ мыслямъ; тутъ-то и слѣдуетъ видѣть желаніе автора угодить людямъ отрицающимъ необходимость закругленныхъ мелодическихъ нумеровъ въ оперѣ; иные въ этомъ видятъ оригинальность а иные же возводятъ изгнаніе мелодій въ принципъ, а принципъ этотъ оказывается многимъ на руку: они становятся композиторами безъ всякаго мелодическаго дара. Мы не относимъ этого къ г. Направнику, доказавшему свою способность къ мелодическимъ рисункамъ, а приписываемъ лишь желанію его нравиться и той партіи, которая не признаётъ, въ силу того или другаго «принципа», необходимости мелодіи. Въ этомъ дѣйствіи выдѣляется еще, какъ мы сказали, комическая сцена разбойниковъ съ Леформемъ, вносящая нѣкоторое разнообразіе въ общій характеръ оперы.

Въ третьемъ актѣ слѣдуетъ отмѣтить французскій дуэтъ: «Ne jamais la voir», красиво звучащій и, вѣроятно, навѣянный аріей Графини изъ «Пиковой дамы»—«Je crains de lui parler»; очень удачно написаны вокализы, которыя Маша Троекурова проходитъ на «урокѣ пѣнія». Остальное все—въ речитативномъ стилѣ. Въ послѣднемъ дѣйствіи,—кромѣ нѣкоторыхъ танцевъ, блестяще инструментованныхъ, и мелодическаго интермеццо,—удался еще автору любовный дуэтъ Владиміра и Маши: «Ты обновленье», созданный, повидимому, въ минуту творческаго настроенія. Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить, что еслибы авторъ согласился на указанныя выше купюры и выпустилъ бы всю вторую картину перваго дѣйствія, отнимающую довольно много времени, то его «Дубровскій» выигралъ бы. Будетъ ли онъ имѣть долговременный успѣхъ,—сказать трудно; въ немъ мало оригинальнаго, мало такихъ сценъ, которыя способны электризовать слушателей, а это необходимое условіе прочнаго успѣха.

3. Дебюты.

Чтобы покончить съ дѣятельностью русской оперы на казенныхъ театрахъ, остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ силахъ, которыя подвергались испытанію предъ власть имущими въ оперѣ и которыя вновь приглашены въ составъ труппы; тутъ же умѣстно будетъ упомянуть и о тѣхъ, которые должны были по тѣмъ или другимъ причинамъ оставить нашу оперную сцену.

Обыкновенно, ежегодно разыгрываются двѣ комедіи, носящія громкія названія; «комедіями» мы ихъ называемъ только по результатамъ, которые онѣ обыкновенно приносятъ; первая можетъ

Digitized by Google

быть названа: «пробой голосовъ», а вторая—«дебютами». Проба голосовъ въ принципѣ очень хорошее установленіе; отчего не дать молодымъ силамъ, окончившимъ свое музыкальное образованіе, послушать себя, или же молодымъ артистамъ, пріобрѣвшимъ нѣкоторый навыкъ къ сценѣ въ провинціи, показать себя предъ музыкальнымъ ареопагомъ? Съ другой стороны, и послѣднему небезынтересно слѣдить за развивающимися талантами; кромѣ того, изъ этихъ свѣжихъ силъ могъ бы пополняться и освѣжаться составъ труппы; вѣдь время налагаетъ извѣстную печать на пѣвцовъ; голосъ болѣе всякаго другаго инструмента поддается вліянію времени. Вѣроятно, въ силу этихъ соображеній и существуетъ «проба голосовъ», имѣющая въ своемъ развитіи двѣ ступени: проба съ роялемъ и проба съ оркестромъ.

До второй доходятъ лишь тѣ, которые благополучно прошли первую; нерѣдко случается, что изъ сорока человѣкъ, явившихся на первую пробу, пятнадцать или шестнадцать допускается ко второй пробѣ (такъ было, между прочимъ, и въ истекшемъ сезонѣ); но и эта проба еще ничего не опредѣляетъ въ положеніи чающихъ попасть въ эдемъ, т. е. на казенную сцену; если они и выдержали второе испытаніе, то это еще не значитъ, что ихъ допустятъ къ «дебюту», или что, тѣмъ менѣе, они будутъ приняты на сцену; для этого нужно что-то; совсѣмъ другое напротивъ, чтобы попасть фактически на сцену, вовсе не нужно проходить всей процедуры пробъ и дебютовъ. Ужь кому «суждено» быть артистомъ казенной сцены, тотъ не нуждается ни въ офиціальныхъ пробахъ, ни даже иногда и въ публичномъ дебютѣ; тотъ бываетъ принятъ какъ-то самъ собою, а порою для этого не требуется ни особенно выдающійся голосъ, ни необычайный сценическій талантъ, а лишь хорошая протекція, знакомство...

Жалко становится этихъ несчастныхъ юнцовъ и молодыхъ артистовъ, готовящихся къ «пробамъ», не спящихъ ночей по десяти до этого момента, волнующихся за исходъ своего испытанія, видящихъ золотые сны объ успѣхахъ, сопровождаемыхъ цвѣтами и подношеніями, объ обезпеченномъ солидномъ окладѣ (у всѣхъ чета Фигнеръ, получающая бѣшеныя деньги, какъ бѣльмо на глазу, ибо каждый думаетъ про себя, что и онъ не хуже ихъ), о гремящей по Европѣ славѣ и пр. Жалко, говоримъ мы, всѣхъ этихъ будущихъ и сущихъ дѣятелей, надѣющихся сразу занять видное положеніе въ артистическомъ мірѣ и вынужденныхъ испытать горькое разочарованіе въ видѣ отвѣта: «ничего» или: «намъ васъ не нужно»,—а между тѣмъ сколько волненій вынесено, сколько обманчивыхъ надеждъ пережито, сколько выстрадано за это время,—время «комедій», именуемыхъ пробами голосовъ и дебютами?

Рѣдко-рѣдко случается, чтобы человѣкъ, прошедшій всѣ описанныя мытарства, попалъ въ труппу, но если ужь случается такое рѣдкое исключеніе, то во всякомъ случаѣ онъ пойдетъ не дальше третьестепенныхъ партій и то въ теченіе одного года, много-много двухъ лѣтъ, а потомъ ему заявятъ лаконическое: «намъ васъ не нужно». Кто же, однако, попадаетъ на сцену? А тѣ, у которыхъ, во-первыхъ, рука сильная за кулисами, а, во-вторыхъ, тѣ, которые, по своимъ

Digitized by Google

достоинствамъ, не становятся опасными соперниками прочно сидящимъ на своихъ мѣстахъ артистамъ. Какой результатъ отсюда вытекаетъ въ смыслѣ обновленія силъ труппы,—понятно само собой: составъ остается обыкновенно неизмѣннымъ, а если пополняется, то во всякомъ случаѣ болѣе количественно, чѣмъ качественно. Что же такое «дебютъ» послѣ этого? Своего рода комедія, ибо обыкновенно дебютирующій, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, давнымъ-давно въ принципѣ принятъ на сцену и подписалъ уже контрактъ на нѣсколько лѣтъ впередъ.

Предпославъ такое «введеніе», можно ужь перейти къ дебютантамъ, которыхъ въ этомъ году было особенно много, т. е. много званыхъ и мало избранныхъ, а тѣ, которые избраны, во всякомъ случаѣ не имѣютъ тѣхъ достоинствъ, которыя обнаружили отвергнутые послѣ дебютовъ. Начнемъ съ женскаго персонала. Принята снова на сцену, и безъ всякаго дебюта, бывшая артистка нашей сцены, меццо-сопрано, г-жа Фриде; артистка эта составила себѣ у насъ довольно прочное имя и возвращеніе ея на сцену было встрѣчено нѣкоторыми органами печати весьма сочувственно; безспорно имѣетъ свои заслуги и въ нѣкоторыхъ партіяхъ она незамѣнима, напр., въ качествѣ няни въ «Онѣгинѣ». Дебютировали г-жи Томкевичъ, Носилова, Пржебылецкая, Бзуль и Картавина; изъ нихъ приняты (разумѣется, еще до дебюта) первыя двѣ, изъ которыхъ у г-жи Томкевичъ—лирическое сопрано (она мало училась пѣть, совсѣмъ еще неопытна и имѣетъ склонность детонировать), а у г-жи Носиловой—меццо-сопрано (отрицательныя стороны значительно превышаютъ положительныя; но обѣ обладаютъ красивой сценической внѣшностью).

У непринятыхъ, у всѣхъ прекрасный матеріалъ: у г-жи Пржебылецкой—альтъ, у г-жи Бзуль—настоящее драматическое сопрано, какого у насъ въ труппѣ совсѣмъ нѣтъ, не смотря даже на то, что г-жа Фигнеръ считаетъ себя таковою, а у г-жи Картавиной—очень симпатичное лирическое сопрано, весьма хорошо обработанное (послѣднія двѣ—ученицы профессора нашей консерваторіи, г-жи Цванцигеръ). Именно этихъ трехъ, изъ которыхъ г-жа Картавина уже пѣла съ успѣхомъ нѣсколько сезоновъ на провинціальныхъ сценахъ, и слѣдовало принять въ труппу и дать имъ ходъ. Но намъ не приходится говорить о томъ, что́ слѣдовало бы, а считаться съ тѣмъ, что́ есть; такъ вотъ прибавились двѣ пѣвицы, вовсе ненужныя и не имѣющія за собой такихъ качествъ, которыя давали бы имъ право фигурировать на образцовой оперной сценѣ.

Въ мужскомъ персоналѣ прибавилось трое: гг. Морской и Ершовъ (теноръ) и Шаляпинъ (басъ); изъ нихъ послѣдній подаетъ большія надежды; этотъ юный артистъ одаренъ талантомъ и прекраснымъ голосомъ (basso-cantante); теноръ же изъ себя ничего особеннаго не представляютъ: голоса у нихъ неважные; особенной школы пѣнія они также не обнаруживаютъ; что же касается сценическихъ данныхъ, то г. Морской недурно играетъ. И все таки они оба вмѣстѣ не замѣнятъ вышедшихъ изъ состава труппы пѣвцовъ, обладавшихъ хорошими голосами. Изъ нихъ г. Морской беретъ на себя драматическій репертуаръ, а г. Ершовъ—

Digitized by Google

лирическій; что же останется на долю г. Фигнера? Вѣроятно... денежный гешефтъ за исполненіе одноактныхъ оперъ *съ игрой*. Дебютировалъ еще и не безъ успѣха г. Супруненко, тоже нѣкогда бывшій на маріинской сценѣ теноръ, но звѣзда его не такъ ярко горѣла... за кулисами, и онъ, послѣ удачнаго выхода въ трудной партіи Германа въ «Пиковой дамѣ», остался при пиковомъ интересѣ.

Гастролировалъ еще теноръ пражской національной оперы г. Флоріанскій, получавшій ни больше, ни меньше, какъ 500 рублей за каждый выходъ и... надо радоваться, что онъ только «пропѣлъ» семь разъ, а то онъ вывезъ бы за свое «искусство» больше, чѣмъ три съ половиной тысячи рублей. Если новинки сезона мало интересны, мы, право, въ этомъ не виноваты; рады были бы сообщить что нибудь лучшее. Вышли изъ состава труппы г-жа Нивинская (меццо-сопрано), гг. Михайловъ, Горскій (тенора) и Борисоглѣбскій (баритонъ); особенно жалко, что не удержали г. Михайлова, много лѣтъ несшаго весь серьезный репертуаръ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ г. Фигнеръ совсѣмъ сталъ терять свой голосъ.

II. Частныя сцены.

Частная русская опера пріютилась, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, въ *панаевскомъ театрѣ*, и по примѣру прошлыхъ же лѣтъ не выдержала сезона и вынуждена была прекратить свои дѣйствія гораздо раньше, чѣмъ предполагалось. Для объясненія причины достаточно будетъ сказать, что тутъ дѣйствовало «*товарищество*»; тогда сразу все станетъ ясно: и отношенія артистовъ другъ къ другу, и отношенія ихъ къ искусству и къ публикѣ, и любовь къ дѣлу, и пр. Для насъ, по крайней мѣрѣ, совершенно понятны результаты дѣятельности нашихъ «товариществъ» (какой ироніей звучитъ это слово въ примѣненіи къ нашимъ артистамъ, готовымъ другъ друга потопить въ ложкѣ воды, думающимъ только о своихъ личныхъ интересахъ и мечтающимъ о себѣ богъ вѣсть что, абсолютно не признавая въ то же время ни за кѣмъ никакихъ достоинствъ),—«товариществъ», основанныхъ на безвѣріи, подозрѣніи и... вѣтрѣ, вмѣсто матеріальныхъ средствъ.

Нужно ли говорить о томъ, что вышло изъ этого товарищества и что имъ было сдѣлано? Новаго оно ничего не поставило, если исключить «Самсона и Далилу»—Сенъ-Санса; репертуаръ былъ и здѣсь самый смѣшанный; «кто палку взялъ, тотъ и капралъ» — этимъ руководствовались во всемъ; оперы ставились для капраловъ и «капралихъ», если такъ можно выразиться; нетрудно себѣ представить, въ какомъ видѣ здѣсь давались «Роберты», да «Африканки», да «Аиды», да «Фаусты» и т. д. Мудрено ли, что публика, достаточно знакомая по прежнимъ годамъ съ дѣйствіями нашихъ товариществъ, относилась недовѣрчиво къ труппѣ панаевскаго театра и приберегала свои деньги для болѣе интересныхъ эстетическихъ удовольствій? Впрочемъ, одну услугу оказало это товарищество: оно выдвинуло молодаго баса г. Шаляпина, который и попалъ отсюда на казенную сцену. Нужно однако сказать, что

Digitized by Google

въ мужскомъ персоналѣ были хорошія силы, зато женскій совсѣмъ былъ плохъ, а безъ него опера существовать не можетъ.

Если русской оперѣ не посчастливилось въ товариществѣ, зато она процвѣтала въ разныхъ кружкахъ любителей; одинъ кружокъ поставилъ въ этомъ театрѣ «Псковитянку»—г. Римскаго-Корсакова, а литературно-артистическій выдвинулъ «Прохожаго»—Паладиля, дававшагося вмѣстѣ съ надѣлавшей большой шумъ пьесой Гауптмана, сопровождаемой музыкой гг. Иванова и Главача. За отсутствіемъ правильно организованной у насъ частной русской оперы, приходится говорить о случайныхъ явленіяхъ, ибо послѣднія имѣютъ больше значенія для искусства, чѣмъ профессіональныя занятія нашихъ присяжныхъ артистовъ. Конечно, такое положеніе вещей заслуживаетъ сожалѣнія: любители кружка, какъ бы старательно они ниотносились къ своему дѣлу и какъ бы ни любили искусство, все таки носятъ случайный характеръ и имѣютъ преходящее значеніе, а между тѣмъ русскіе артисты, вслѣдствіе неумѣнія устраивать свои дѣла, голодаютъ и ничего не могутъ сдѣлать.

«Псковитянка».

Это первая опера нашего композитора, написанная и оконченная въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Поставленная на маріинской сценѣ въ 1873 г., «Псковитянка» вскорѣ была снята съ репертуара и съ тѣхъ поръ больше не возобновлялась. Не удивительно поэтому, что она представляла большой интересъ, тѣмъ болѣе, что авторъ пересмотрѣлъ ее, кое-что передѣлалъ, и она, послѣ двадцатилѣтняго перерыва, когда уже всѣ успѣли достаточно позабыть ее, появилась какъ бы совершенно новою. Нужно отдать справедливость любителямъ (въ особенности это относится къ хорамъ); они отнеслись съ полнымъ уваженіемъ и вниманіемъ къ многочисленнымъ репетиціямъ, которыми руководили г. Палечекъ и самъ авторъ. Опера прошла нѣсколько разъ и, еслибы не безпорядокъ среди солистовъ, вызванный неумѣлыми распорядителями, «Псковитянка» могла бы выдержать гораздо большее число представленій, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ.

Въ «Псковитянкѣ» мы имѣемъ типъ драматической оперы нашего композитора, написанной, когда автору было 24 года и когда онъ особенно увлекался разными «новшествами» и стремленіемъ къ оригинальничанью. Мы уже тутъ имѣемъ всѣ особенности дарованія композитора, которыя такъ вѣрно и метко опредѣлилъ его другъ и одномышленникъ по направленію, самъ композиторъ и критикъ, г. Кюи, своимъ выраженіемъ: «игра въ звуки»; это дѣйствительно такъ; весь свой талантъ (и талантъ громадный) г. Римскій-Корсаковъ расходуетъ на звуковую игру, на разныя оркестровыя комбинаціи, на отдѣлку чего-то, а этого-то «чего-то», т. е. самаго главнаго, въ сущности говоря, у него нѣтъ. Крайне мало одаренный мелодической изобрѣтательностью, онъ всѣ свои силы кладетъ на живопись въ музыкѣ, на описательную ея сторону; конечно, гдѣ это подходитъ, онъ достигаетъ значительной высоты и пора-

Digitized by Google

жаетъ блескомъ своихъ оркестровыхъ красокъ, но въ мѣстахъ, требующихъ неподдѣльнаго чувства, лиризма, драматическаго паѳоса, тутъ ихъ положительно нѣтъ, а между тѣмъ музыка—по преимуществу языкъ чувствъ и настроеній.

Мы видѣли по «Майской ночи», что онъ не одаренъ комической жилкой; его комизмъ придуманный; мѣстами кое-что ему удается, но общаго подъема у него нѣтъ; почти тоже приходится сказать и о драматической музыкѣ: отдѣльные моменты и здѣсь ему удаются, но въ цѣломъ вы не чувствуете вліянія подавляющаго васъ драматическаго таланта; многое удачно придумано, присочинено, но ничего захватывающаго здѣсь нѣтъ; мы, по крайней мѣрѣ, не можемъ назвать ни одной сцены во всей оперѣ, которая оставила бы глубокое впечатлѣніе своей драматической музыкой. Апологисты г. Римскаго-Корсакова называютъ таковою послѣднюю сцену между Грознымъ и Ольгой; основанная на речитативахъ, она насъ оставила совершенно холодными; отдѣльныя фразы, повторяемъ, недурны и здѣсь, но драматическаго подъема въ общемъ нѣтъ.

Что̀ безусловно̀ красиво въ «Псковитянкѣ», такъ это хоры; вообще нужно сказать, что для обрисовки массъ у композитора обыкновенно находятся болѣе яркія краски, чѣмъ для очертанія отдѣльныхъ фигуръ и личностей. Массы удаются ему еще и потому, что для ихъ изображенія онъ иногда прибѣгаетъ къ народнымъ мотивамъ (дѣлаетъ ли онъ это за отсутствіемъ мелодической изобрѣтательности, или по другой причинѣ,—вопросъ, не подлежащій теперь обсужденію), а послѣднее всегда подкупаетъ слушателей. Чуть ли не во всѣхъ его операхъ лучшими сценами являются тѣ, въ которыхъ дѣйствуетъ народъ, а въ разсматриваемой оперѣ онъ прямо таки стоитъ на первомъ мѣстѣ. Особенное вниманіе поэтому обращаетъ на себя второе дѣйствіе, въ которомъ изображено народное вѣче; это положительно лучшая сцена во всей оперѣ, состоящей изъ четырехъ дѣйствій и шести картинъ, изъ которыхъ одна почему-то выпускалась.

Драма Мея того же названія достаточно извѣстна, чтобы представлялась необходимость останавливаться на содержаніи; замѣтимъ только, что напрасно композиторъ пропустилъ «Прологъ», ибо безъ него совершенно непонятны отношенія между Грознымъ и Ольгой; правда, онъ впослѣдствіи написалъ «Прологъ» отдѣльно (исполнялся въ концертахъ въ 1879 г.), но онъ почему-то не былъ даваемъ при возобновленіи оперы. Въ инструментовкѣ «Псковитянки» замѣтны уже стремленія автора во что бы то ни стало сказать что либо новое, небывалое; онъ часто прибѣгаетъ къ изысканнымъ гармонизаціямъ, играетъ разнообразіемъ ритмовъ, бьетъ на звуковые эффекты, какъ бы нарочно не выдвигаетъ человѣческаго голоса, а весь центръ тяжести переноситъ въ оркестръ à la Вагнеръ и пр. Обратимся теперь къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ.

Въ первомъ дѣйствіи выдѣляются: женскій хоръ—«По малину я ходила молода», сказка мамки Власьевны про «Витязя Горыню, змѣя Тугарина и царевну Ладу», аріозо Михаила Тучи, написанное въ русскомъ духѣ, и дуэтъ его съ Ольгой. Сцена же боярина

Digitized by Google

Токмакова съ Матутой, состоящая изъ сплошныхъ речитативовъ и заканчивающая этотъ актъ, расхолаживаетъ впечатлѣніе. Во второмъ актѣ прекрасно изображены набатъ и вообще народное движеніе; горячо здѣсь воззваніе Тучи; рѣчь Токмакова, предшествующая воззванію, служитъ ей хорошимъ контрастомъ по своему спокойному духу. Хорошъ очень и заключительный хоръ удаляющейся подъ звуки набата вольницы съ Тучей во главѣ: «Государи псковичи, собирайтесь на дворы». Въ слѣдующемъ дѣйствіи снова выдѣляются хоры: «Грозенъ царь идетъ во великій Псковъ» и сцена встрѣчи царя. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще женскій хоръ славленья царя въ теремѣ Токмакова и такой же женскій хоръ отправляющихся на богомолье.

Литературно-артистическій кружокъ, не смотря на свою сравнительную молодость, успѣлъ уже достаточно обозначиться; это не кружокъ любителей, собравшихся спѣть какую нибудь оперу любимаго ими композитора или же сыграть нѣсколько спектаклей для пріятнаго препровожденія времени; это кружокъ, въ которомъ соединились литературныя и артистическія силы для продуцированія мало извѣстныхъ у насъ произведеній, какъ драматической литературы, такъ и музыкальной. Публика весьма сочувственно относится къ спектаклямъ кружка, и можно надѣяться, что мысль образовать со временемъ свой Théâtre-libre осуществится; цѣлый рядъ представленій, переполнившихъ панаевскій театръ, доказалъ воочію, что надо только умѣть браться за дѣло и дѣйствительно преслѣдовать художественныя задачи, если желаютъ имѣть солидный успѣхъ и прочно поставить задуманное предпріятіе.

Первымъ спектаклемъ шла впервые поставленная «Іоркширская трагедія» (въ одномъ дѣйствіи), приписываемая Шекспиру, а второй спектакль, повторенный разъ двѣнадцать при полныхъ сборахъ, составляла фантастическая пьеса Гауптмана — «Ганнеле»; почти при каждомъ спектаклѣ давалась одноактная опера Паладиля — «Прохожій» (Le passant). Оставимъ коментаторамъ спорить о томъ, принадлежитъ ли «Іоркширская трагедія» самому Шекспиру, или ему только приписывается; согласимся ли мы со Шлегелемъ, Тикомъ, Франсуа Гюго, Ульрици и др., доказывающими, что авторъ «Гамлета»—творецъ названной сейчасъ трагедіи, или же съ г. Стороженко, раздѣляющимъ мнѣніе Кольера и др., что трагедію эту Шекспиръ только просмотрѣлъ и исправилъ,—отъ этого суть не измѣнится, а заключается она въ томъ, что впечатлѣніе, оставленное пьесой, слишкомъ сильно и бьетъ по нервамъ: промотавшійся кутила-отецъ, убивающій своихъ дѣтей и ранящій свою жену изъ-за отсутствія средствъ для широкой игры въ кости,—сюжетъ, не особенно симпатичный, какъ бы онъ ни былъ хорошо выполненъ сценически.

Иной характеръ носитъ пьеса «*Ганнеле*»; и здѣсь нѣтъ любовной интриги, и тутъ реальныя, неприглядныя картины дѣйствительной жизни, но онѣ освѣщены лучами примиряющей поэзіи. Сюжетъ, собственно говоря, не сложенъ и можетъ быть переданъ въ нѣсколькихъ словахъ. Ганнеле—деревенская дѣвочка, выросшая

Digitized by Google

въ нуждѣ и оставшаяся по смерти матери у пропойцы-отчима, который бьетъ ее и выгоняетъ ночью изъ дому просить милостыню, чтобы потомъ пропить самому собранныя деньги; у нея натура впечатлительная, она религіозна. Не видя никакого исхода своему бѣдственному положенію, на которое никто не обращаетъ вниманія, и не находя никакого утѣшенія въ жизни, въ видѣ сочувствія съ чьей бы то ни было стороны или ласки, Ганнеле бросается въ озеро, но ее вытаскиваютъ изъ воды и приносятъ въ пріютъ для нищихъ. Съ этого момента начинается пьеса, полная реальныхъ и глубоко правдивыхъ сценъ.

Авторомъ выведена цѣлая группа правдиво очерченныхъ, хотя и въ нѣсколько сжатой формѣ, фигуръ, наполняющихъ этотъ пріютъ и помогающихъ высказаться экзальтированной натурѣ больной героини; она видитъ свою мать, отчима, упрекающаго ее въ лѣни и дармоѣдствѣ и всегда готоваго приколотить ее; видитъ ангела смерти, являющагося за нею, свѣтлыхъ духовъ, обѣщающихъ ей счастливую жизнь въ будущемъ, наконецъ самого Спасителя, проходящаго въ видѣ странника и берущаго ее на небо. Контрастъ между реальной обстановкой, среди которой находится умирающая Ганнеле, и заоблачнымъ, поэтическимъ міромъ, куда уноситъ ее экзальтированная фантазія; теплое чувство, которое авторъ съумѣлъ вложить въ описаніе реальной и фантастической сторонъ своей пьесы; пониманіе сценическихъ требованій вмѣстѣ съ умѣньемъ компактно обрисовать героевъ,—все это выдвигаетъ Гауптмана изъ ряда посредственныхъ драматурговъ.

Эти картины, выдержавшія въ Берлинѣ и Парижѣ десятки представленій, иллюстрированы очень элегантной музыкой, поддерживающей необходимое настроеніе слушателей и подготовляющей ихъ къ предстоящимъ на сценѣ картинамъ; тутъ есть хоръ ангеловъ, дѣтскій хоръ, такъ называемая «мелодрама» (разговоръ подъ музыку); эту часть взяли на себя гг. Ивановъ и Главачъ. Въ видѣ добавленія къ этимъ спектаклямъ, обыкновенно давалась одноактная опера Паладиля—«Прохожій», написанная на сюжетъ поэтической пьесы Франсуа Коппэ того же названія. Интересно, что «Le passant» выдвинулъ автора и исполнительницу (Сарра Бернаръ) въ одно время; никто не зналъ о начинавшемъ тогда свою карьеру писателѣ, какъ и объ актрисѣ, рѣшившейся сыграть роль въ никому неизвѣстной пьесѣ, принадлежавшей никому неизвѣстному автору; съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка и имена автора и исполнительницы гремятъ вездѣ.

Съ композиторомъ, взявшимся написать оперу на сюжетъ «Прохожаго», случилось то, что̀ нерѣдко бываетъ съ крупными талантами: произведеніе или часть его популярны, а имя автора остается неизвѣстнымъ; кто не знаетъ или не слыхалъ извѣстной мандолинаты, разыгрываемой всѣми шарманками, какъ «La donna e mobile» изъ «Риголетто» или Miserere изъ «Трубадура»? А между тѣмъ многіе ли знаютъ, что авторъ этой популярнѣйшей вещи—Паладиль, непризнанный при жизни и умершій въ крайней нищетѣ? Но въ «Прохожемъ» есть еще, кромѣ этой мандолинаты, очень красивая арія для сопрано (мандолинату поетъ уличный пѣвецъ Занетто,—

Digitized by Google

меццо-сопрано) и большой дуэтъ между Занетто и главной героиней пьесы Сильвіей. Въ настоящее время, когда одноактныя оперы снова вошли въ моду, благодаря главнымъ образомъ шарлатанскимъ продѣлкамъ итальянскихъ издателей, «Прохожій» является въ пору, а слушается онъ съ большимъ интересомъ и легко.

Была еще одна новинка и тоже поставленная на частной сценѣ; мы говоримъ объ одноактной оперѣ г. Аренскаго: «Рафаэль», данной художниками въ залѣ дворянскаго собранія при участіи артистовъ императорскихъ театровъ; но въ виду того, что опера эта поставлена будетъ въ предстоящемъ сезонѣ на маріинской сценѣ, мы о ней поговоримъ въ будущемъ году, если суждено будетъ намъ свидѣться съ читателемъ на этихъ столбцахъ, а теперь обратимся къ третьей категоріи частныхъ сценъ,—къ итальянской оперѣ, привившейся у насъ въ такой степени, какъ нигдѣ въ мірѣ; ростъ ея идетъ у насъ обратно пропорціонально процвѣтанію русской оперы: чѣмъ больше проваливаются разныя товарищества русскихъ артистовъ, тѣмъ больше шансовъ для хорошихъ дѣлъ антрепренерамъ итальянской труппы; что бы они ни ставили, съ кѣмъ бы ни поставили и сколько бы они ни давали свой заѣзженный репертуаръ,—это все равно: публика въ восторгѣ отъ *итальянской* оперы, а это артистамъ на руку.

Итальянская опера.

Нашъ великій постъ является обыкновенно настоящей масляницей для всякихъ иностранцевъ и въ особенности для итальянцевъ; но въ этомъ году «масляница» началась съ рождества и, въ сущности говоря, они напрасно не открываютъ своей лавочки съ начала сезона; нашлись бы охотники слушать ихъ заигранный репертуаръ, состоящій изъ «Риголетто», «Травіаты», «Сонамбулы» и подобныхъ новинокъ, не по три, по четыре раза, какъ это дѣлается теперь, а по десяти, двѣнадцати разъ. Сами итальянцы изумляются нашей щедрости по отношенію къ нѣкоторымъ пѣвцамъ; вотъ что, между прочимъ, сказалъ Сондзоньо одному изъ расплодившихся теперь интервьюверовъ: «Вы бы лучше не платили такихъ бѣшеныхъ денегъ всякимъ иноземнымъ тенорамъ сомнительнаго свойства, а то вы наносите намъ вредъ, балуете пѣвцовъ безъ всякой нужды и только набиваете имъ цѣну, а намъ потомъ приходится расплачиваться за вашу щедрость; вы безъ мѣры расточительны». И это нисколько не преувеличено: нигдѣ пѣвцы столько не получаютъ, сколько у насъ!

Недаромъ же они насъ любятъ (конечно, покуда они въ Россіи). Да и антрепренерамъ это очень выгодно: пригласятъ двухъ-трехъ любимцевъ изъ «старенькихъ», наполнятъ остальной персоналъ кѣмъ попало (конечно, «числомъ поболѣе, цѣною подешевле»); наскоро наберутъ хорикъ и оркестрикъ, пообѣщаютъ цѣлую кучу новинокъ, изъ которыхъ рѣдко-рѣдко исполнятъ третью часть, объявятъ абонементы, а довѣрчивая публика, забывши прошлогодніе опыты, несетъ свои рублики въ кассу, надѣясь, авось антреприза въ этомъ году не надуетъ и она услышитъ новыя произве-

Digitized by Google

денія въ исполненіи «старыхъ любимцевъ». Такимъ-то образомъ дѣйствовали у насъ двѣ итальянскія оперы: въ «Акваріумѣ» съ г-жами Зембрихъ и Кальве и гг. Баттистини, Маркони и Котоньи,—и въ Маломъ театрѣ съ г. Мазини, который все еще продолжаетъ быть кумиромъ нашей публики, не смотря на то, что онъ уже избѣгаетъ высокихъ нотъ и что голосъ его достаточно уже сипитъ таки.

Въ театрѣ, гдѣ дѣйствовалъ г. Мазини, новинокъ никакихъ не было; поэтому пройдемъ его молчаніемъ; въ «Акваріумѣ» же возобновленъ былъ «Орфей» Глюка и поставлены были впервые: «Демонъ» Рубинштейна и «Манонъ Леско» Пуччини; послѣдняя опера надѣлала нѣкотораго шума въ Италіи; скажемъ о ней нѣсколько словъ. «Орфей» давался только въ двухъ дѣйствіяхъ; почему сочли нужнымъ уродовать это классическое произведеніе ради пошлой «Сельской чести», дававшейся обыкновенно послѣ «Орфея»?—не знаемъ; но жалко было смотрѣть на эти отрепья, которыя носили громкую кличку произведенія знаменитаго реформатора французской оперы. «Демонъ» былъ поставленъ гораздо старательнѣе: во-первыхъ, обстановка соотвѣтствовала необходимому, во-вторыхъ, главныя партіи распредѣлены были между лучшими силами труппы: Демона пѣлъ г. Баттистини, а Тамару исполняла г-жа Зембрихъ, уступившая требованіямъ печати и отказавшаяся отъ своихъ собственныхъ введеній въ партію.

«Манонъ Леско».

Мы сказали, что новая опера Пуччини произвела нѣкоторый шумъ въ Италіи; эта фраза требуетъ нѣкотораго разъясненія. Дѣло въ томъ, что въ центрѣ итальянской музыки, т. е. въ Миланѣ, существуютъ двѣ издательскія фирмы—Сондзоньо и Рикорди; это своего рода Монтекки и Капулетти въ музыкальномъ мірѣ; вражда ихъ непримирима и онѣ, конечно, стараются дѣлать другъ другу всевозможныя непріятности. У каждой изъ этихъ фирмъ находится въ рукахъ извѣстная часть продажной печати, готовой служить «честно и добросовѣстно» своимъ заказчикамъ. Достаточно, чтобы оперу, напримѣръ, издала фирма Рикорди, чтобы сондзоніевскія газеты ругали ее на чемъ свѣтъ стоитъ; наоборотъ, похвалы фирмѣ Сондзоньо доходятъ до безстыдства, разъ дѣло касается собственныхъ изданій. Отсюда два постоянныхъ лагеря, изъ которыхъ ни одному, разумѣется, вѣрить нельзя; но шумъ въ смыслѣ «за» и «противъ» они мастера натворить.

Что касается собственно разсматриваемой оперы, то тутъ ожесточеніе имѣло особенную причину: существуютъ двѣ оперы того же названія — Массенэ, изданная Сондзоньо и называемая просто «Манонъ», и теперь—Пуччини, изданія Рикорди; тутъ значитъ дѣло касалось прямо кармана пресловутаго издателя, слѣдовательно надо было топить произведеніе во что бы то ни стало; тѣмъ менѣе заслуживаютъ довѣрія отзывы газетъ, руководимыхъ этимъ безпристрастнымъ судьей. Но газеты, не заинтересованныя меркантильными интересами издателей, увѣряютъ, что опера кое-гдѣ имѣла

Digitized by Google

успѣхъ, напр., въ Римѣ, Луккѣ (родина Пуччини) и въ другихъ городахъ; тѣмъ болѣе слѣдуетъ изумляться вкусамъ итальянской публики, могущей восторгаться такою слабою вещью, какъ «Манонъ Леско», сюжетомъ для которой послужилъ тотъ же извѣстный романъ аббата Прево, съ котораго скроено либретто для оперы Массенэ.

Въ виду того, что произведеніе Прево, вѣроятно, всѣмъ извѣстно, мы на исторіи кавалера де-Гріе и Манонъ Леско останавливаться не станемъ; насъ болѣе интересуетъ отношеніе двухъ композиторовъ къ одному и тому же сюжету. Французъ Массенэ посмотрѣлъ на романъ съ легкой вѣтряностью въ головѣ; онъ выбралъ все болѣе легкое, болѣе пикантное, болѣе удобное для легкой, игривой музыки. Совсѣмъ иначе практикуетъ этотъ сюжетъ итальянецъ Пуччини: онъ все беретъ въ «сурьезъ», прикладывая весь вагнеровскій кодексъ писанія оперъ. Массенэ порою граціозенъ, кокетливъ, мелодиченъ, пикантенъ, тогда какъ Пуччини серьезенъ, тяжеловѣсенъ, неповоротливъ даже въ тѣхъ моментахъ, когда по смыслу требуется веселое настроеніе. Массенэ старается (несовсѣмъ удачно) подойти къ Гуно, Пуччини же—къ «Тристану и Изольдѣ» Вагнера.

Отсюда уже нетрудно заключить, какъ о направленіи оперы, такъ и о достоинствахъ ея; музыки въ обыкновенномъ смыслѣ здѣсь мало, чтобы не сказать: вовсе нѣтъ. Она вся почти написана въ речитативномъ стилѣ; яркихъ характеристикъ нѣтъ; всѣ герои кричатъ, а, между тѣмъ, собственно пѣнія за весьма рѣдкими исключеніями очень мало; всѣ силы свои композиторъ кладетъ на оркестръ, и нѣкоторые нумера ему дѣйствительно удались; напр., менуэтъ во второмъ дѣйствіи; здѣсь выдержанъ стиль наивной музыки прошлаго столѣтія; что же касается моднаго «интермеццо», безъ котораго не обходится ни одна новая опера, то оно намъ не особенно понравилось; въ немъ нѣтъ того подъема, который свидѣтельствуетъ о непосредственномъ творчествѣ. Но въ общемъ все какъ-то безцвѣтно, сѣро; да и въ оркестровкѣ у него очень мало оригинальнаго и талантливаго. Въ видѣ оазисовъ попадаются иныя недурныя аріозо; напр., у де-Гріе въ первомъ актѣ и у Манонъ во второмъ и четвертомъ дѣйствіяхъ; мадригалъ же страдаетъ отсутствіемъ того жеманнаго, напыщеннаго характера, который особенно выдѣляетъ этотъ родъ произведеній. И о такой-то оперѣ кричатъ въ Италіи, какъ о чемъ-то выдающемся; просто надо диву даваться.

III. Русское музыкальное общество.

Дѣятельность русскаго музыкальнаго общества выразилась въ симфоническихъ и квартетныхъ собраніяхъ; первыхъ обыкновенно бываетъ десять, кромѣ экстренныхъ, а вторыхъ—восемь. Экстренное симфоническое собраніе состоялось по случаю смерти А. Г. Рубинштейна и было посвящено исключительно его произведеніямъ; сюда вошли: впервые исполненное посмертное произведеніе, посвященное русскому музыкальному обществу,—сюита Es-dur (op. 119), состоящая изъ шести частей;—пѣніе; четвертый фортепіанный кон-

Digitized by Google

цертъ съ оркестромъ (D-moll), исполненный въ первый разъ самимъ Рубинштейномъ ровно тридцать лѣтъ назадъ (въ ноябрѣ 1864 г.); музыкально-характеристическая картина «Фаустъ», посвященная композитору Гаде; двѣ пьесы для скрипки, написанныя авторомъ «Демона» для Вильгельми и исполненныя теперь г. Ауэромъ, подъ управленіемъ котораго прошло первое отдѣленіе этого выдающагося вечера. Вторымъ отдѣленіемъ дирижировалъ г. Направникъ, включившій, кромѣ «Фауста» и скрипичныхъ пьесъ, пѣніе (извѣстный г. Котоньи) и балетную музыку изъ «Фераморса».

1. Симфоническія собранія.

Оркестромъ дирижировали гг. Направникъ, Крушевскій, Ауэръ, Виноградскій и два автора (послѣдніе только своими произведеніями); каждый дирижеръ являлся со своей программой; отсюда въ итогѣ получилось извѣстное разнообразіе. Мы, конечно, не можемъ по мѣсту позволить себѣ подробный обзоръ всѣхъ десяти вечеровъ, хотя они этого и заслуживаютъ; поэтому скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ этихъ собраній, остановившись лишь на крупнѣйшихъ новинкахъ, съ которыми насъ познакомилъ тотъ или другой дирижеръ.

Мы всегда отмѣчали и не можемъ теперь не упомянуть о томъ безпристрастіи, которое обнаруживаетъ русское музыкальное общество въ лицѣ составителей его программъ; оно включаетъ всѣ произведенія всѣхъ авторовъ, къ какому бы лагерю они ни относились, составляя въ этомъ смыслѣ полную противоположность такъ называемымъ «русскимъ симфоническимъ концертамъ», носящимъ спеціально кружковый характеръ, проникнутымъ духомъ нетерпимости ко всему, что не входитъ въ ихъ тѣсные интересы, за исключеніемъ, конечно, такихъ композиторовъ, какъ Рубинштейнъ и Чайковскій. Пріятно поэтому отмѣтить, говоря о русскомъ музыкальномъ обществѣ, его безпартійность и преслѣдованіе болѣе широкихъ задачъ, чѣмъ муссированіе только нѣкоторыхъ личностей въ ущербъ задачамъ искусства, возвеличеніе своихъ членовъ и восхваленіе своихъ собственныхъ дѣйствій и дѣятелей (вспомнимъ десятилѣтній юбилей издателя г. Бѣляева и шумъ, натворенный по этому маленькому, незначительному случаю).

Наибольшее количество вечеровъ выпало на долю г. Крушевскаго; дирижеръ этотъ—очень серьезный музыкантъ въ житейскомъ смыслѣ слова, т. е. онъ не соединяетъ въ своемъ лицѣ учености съ воодушевленіемъ, съ жизнью, и поэтому обыкновенно бываетъ скученъ; «искусство безъ жизни», — говаривалъ Лешетицкій, — «мертво есть»; за что бы ни брался этотъ капельмейстеръ, онъ вездѣ показываетъ свою серьезность, свои познанія, добросовѣстность въ изученіи трактуемыхъ имъ авторовъ, но нигдѣ вы не чувствуете у него того живаго нерва, который воодушевляетъ послушную армію, который электризуетъ слушателей и вызываетъ извѣстный подъемъ. Изъ исполненныхъ имъ капитальныхъ произведеній слѣдуетъ назвать «Рай и Пери» Шумана, «Эпизодъ изъ жизни артиста» Берліоза и впервые сыгранную вторую сим-

Digitized by Google

фонію (B-dur) Свендсена, не особенно однако понравившуюся посѣтителямъ симфоническихъ собраній.

Второй дирижеръ, г. Направникъ, выступилъ всего два раза, изъ которыхъ первый былъ посвященъ памяти П. И. Чайковскаго и состоялъ изъ его сочиненій; программу составили: вторая симфонія, пѣніе (г-жа Фриде), фортепіанный концертъ съ оркестромъ (игралъ бывшій директоръ московской консерваторіи и дирижеръ московскихъ симфоническихъ собраній, г. Танѣевъ), танцы изъ «Кузнеца Вакулы». Во второй вечеръ г. Направникъ включилъ свои: симфоническій концертъ для фортепіано съ оркестромъ и симфоническую поэму «Востокъ». Третій дирижеръ, г. Ауэръ, съ избыткомъ продуцировалъ произведенія Вагнера, нагоняющія мертвящую скуку на абонентовъ; впрочемъ, въ первомъ его вечерѣ участвовалъ извѣстный въ Германіи баритонъ г. Шейдемантель, нѣсколько оживившій публику; затѣмъ онъ повторилъ послѣднюю сюиту Рубинштейна, не говорящую объ особенномъ настроеніи композитора.

Особеннымъ характеромъ отличался концертъ, проведенный дирижеромъ кіевскихъ симфоническихъ собраній, г. Виноградскимъ, выбравшимъ, кромѣ такъ называемой «Реформаціонной симфоніи» Мендельсона, симфоническую поэму Франка: «Le chasseur maudit», фортепіанный концертъ г. Римскаго-Корсакова, Алжирскую сюиту Сенъ-Санса и др. «Проклятый охотникъ» Франка—совершенно новая для насъ вещь, да и самъ композиторъ у насъ безвѣстенъ, хотя онъ во Франціи пользуется нѣкоторымъ реномэ среди молодыхъ композиторовъ. Сказать, что Франкъ или его произведеніе, написанное на сюжетъ бюргеровской баллады, представляютъ что либо исключительное, выдающееся — невозможно; мы, русскіе, въ области оркестроваго рева и шума, ко всему привыкли и насъ ничѣмъ не удивишь; можетъ быть, во Франціи такія произведенія еще диковины, но не у насъ, гдѣ царствуетъ цѣлая группа дѣятелей въ этой области. Г. Виноградскій, какъ дирижеръ, очень увлекается, и это слѣдовало бы ему поставить въ заслугу, еслибы онъ не впадалъ въ другую крайность: онъ черезчуръ увлекается; впрочемъ, онъ очень понравился и имѣлъ большой успѣхъ.

Намъ остается еще упомянуть о двухъ авторахъ, продирижировавшихъ свои произведенія; это были гг. Глазуновъ и Казаченко; первый сыгралъ свою сюиту «Scènes de ballet», а второй—армянскую сюиту; первая состоитъ изъ восьми частей, а вторая—изъ шести. Г. Казаченко во время бытности на Кавказѣ познакомился съ армянскими народными пѣснями, которыя онъ тутъ же записалъ и составилъ изъ готоваго матеріала рядъ пьесъ, которымъ онъ придалъ, въ сущности говоря, несвойственный имъ европейскій костюмъ, въ смыслѣ черезчуръ изящной инструментовки; чтобы сдѣлать изъ выбранныхъ народныхъ темъ нѣчто въ родѣ листовскихъ рапсодій, надо имѣть листовскій талантъ... Больше понравилась сюита г. Глазунова, въ которую входятъ: мазурка, восточный танецъ, вальсъ, полонезъ и другія части. Если откинуть совершенно ея длинное и трескучее вступленіе (Préambule), не имѣющее, къ тому же, никакого соотношенія ко всѣмъ послѣдующимъ частямъ и въ которомъ авторъ безъ всякой необходимости платитъ обиль-

Digitized by Google

ную дань новаторству въ музыкѣ, то получается очень милое сочиненіе, имѣющее несомнѣнный художественный интересъ; особенно красива часть, называемая «Marionettes», въ которой композитору прекрасно удалось воспроизвести шарманочную музыку.

Квартетныя собранія давались и въ этомъ году въ двухъ серіяхъ и съ тѣмъ же составомъ главныхъ исполнителей: первую скрипку игралъ г. Ауэръ, вторую—г. Крюгеръ, альтъ—г. Гильдебрандтъ и віолончель—г. Вержбиловичъ; кромѣ этого постояннаго кадра исполнителей, здѣсь появлялись солистами піанисты и піанистки. И здѣсь опять таки исполнялись произведенія русскихъ и иностранныхъ авторовъ, и опять безъ различія лагерей, къ которымъ они принадлежатъ, составляя и тутъ противоположность съ вечерами, устраиваемыми на средства г. Бѣляева, и именуемыми «русскими симфоническими концертами»; послѣднихъ въ истекшемъ сезонѣ было четыре, которыми управлялъ стоящій во главѣ художественной части этихъ концертовъ г. Римскій-Корсаковъ. Здѣсь и публика своя (все одинъ и тотъ же кружокъ знакомыхъ, одобряющихъ и ободряющихъ другъ друга), и программы свои (новаго здѣсь очень мало исполняется, хотя они называютъ себя «*новой* русской школой»), и одобрители—свои (публика совсѣмъ не посѣщаетъ этихъ концертовъ) и все свое; попадешь на эти вечера, точно въ гости въ мало знакомый частный домъ, гдѣ однако музицируютъ.

2. Консерваторія.

Изъ отчета петербургской консерваторіи за истекшій годъ мы узнаёмъ, что онъ—тридцать третій въ музыкальной дѣятельности нашей высшей школы, открытой 8 сентября 1862 г., и что произведенъ былъ тридцатый выпускъ учащихся въ ней. Всѣхъ учениковъ и учениць было 592 человѣка (на 41 лицо больше, чѣмъ въ прошломъ году), въ томъ числѣ 254 ученика и 338 учениць, которые размѣщались по спеціальнымъ предметамъ и классамъ слѣдующимъ образомъ: въ оркестровомъ отдѣлѣ—165, въ классахъ пѣнія—99 (несчастные,—куда они пойдутъ по окончаніи курса, при отсутствіи у насъ частныхъ сценъ и при невозможности обыкновеннымъ путемъ попасть на казенныя сцены, хоть будь семи пядей во лбу!) по классу игры на органѣ — 9, теоріи композиціи—19, обязательныхъ классахъ теоріи и сольфеджіо—18 и игры на фортепіано—282.

Въ личномъ составѣ преподавателей произошли нѣкоторыя перемѣны: выбылъ профессоръ игры на роялѣ г. Рейхардъ; приглашенъ профессоромъ пѣнія извѣстный артистъ итальянской оперы, г. Котоньи; на мѣсто профессора Габеля, отказавшагося отъ веденія хороваго класса, приглашенъ профессоръ г. Галкинъ, состоящій дирижеромъ оркестра Александринскаго театра и управляющій концертами и симфоническими вечерами лѣтомъ въ Павловскѣ,—человѣкъ, во всякомъ случаѣ, болѣе опытный въ дѣлѣ руководствованія массами, чѣмъ его предшественникъ; допущенные къ исполненію обязанностей преподавателей игры на фортепіано гг. Дуба-

Digitized by Google

совъ, Миклашевскій и Штейнъ, элементарной теоріи г. Пузыревскій и пѣнія г. Ивановъ-Смоленскій,—утверждены въ званіи преподавателей; приглашенъ также по классу фортепіано для низшаго курса г. Экштейнъ.

Въ теченіе года состоялось: 1) въ Мраморномъ дворцѣ одно испытаніе учащихся, 2) въ залѣ консерваторіи 19 музыкальныхъ вечеровъ, въ томъ числѣ 10 въ присутствіи публики, 3) въ залѣ городскаго кредитнаго общества—большой концертъ подъ управленіемъ г. Галкина въ пользу недостаточныхъ учениковъ консерваторіи и 4) въ Александринскомъ театрѣ 4 оперныхъ представленія,—собственно говоря, 2 спектакля, повторенные; въ составъ перваго вошли: сцены изъ «Русалки» Даргомыжскаго и 2 послѣднихъ акта изъ «Фераморса» Рубинштейна, а для втораго выбраны были: моцартовскій «Донъ-Жуанъ» и сцена Вани передъ монастыремъ изъ «Жизни за царя». Не смотря на обиліе публичныхъ вечеровъ и спектаклей, нельзя однако сказать, чтобы консерваторія могла въ текущемъ году похвастать какими либо выдающимися талантами или голосами (исключеніе—г-жа Бзуль); это вполнѣ доказалъ торжественный актъ.

Окончившихъ курсъ, и даже съ отличіемъ, много; но это все—количество, а не качество. Положимъ, отъ школы нельзя требовать, чтобы она создавала таланты, это само собой разумѣется; но не мѣшаетъ однако отмѣтить, какъ печальный фактъ, что нынѣшній выпускъ весьма бѣденъ выдающимися дарованіями; выше посредственности, правда, технически достаточно подготовленной (собственно этимъ и ограничивается задача школы) ничего не было, хотя окончившихъ очень много и съ званіемъ свободнаго художника, и просто съ аттестатами. «Свободными художниками» стали: г-жа Кашперова (по классу композиціи), Бѣлаго и Лоренцъ (пѣвицы), Брилліантъ, Брюггеманъ, Катеринова, Клеменцъ, Медвѣдева, Руміевская и гг. Вендель и Трусковскій (по классамъ фортепіано), Іозуусъ (на органѣ) и Михайловскій (скрипка); изъ прежнихъ ученицъ выдержала испытаніе на это званіе г-жа Ханженкова (фортепіано).

Окончили курсъ, какъ по спеціальнымъ, такъ и по обязательнымъ музыкальнымъ и научнымъ предметамъ, по программѣ, установленной для полученія *аттестата*, слѣдующія лица: г-жи Дроэдова (классъ композиціи), Синицына (пѣніе), Воскобойникова и Мелисова (фортепіано), Рехакъ (классъ арфы) и г. Гуляевъ (контрабасъ); сверхъ этого, получили аттестаты нѣкоторые, державшіе экзамены, изъ бывшихъ воспитанниковъ и воспитанницъ нашей консерваторіи, а также и частныя лица,—вольноприходящія. Къ этому слѣдуетъ прибавить имена тѣхъ, которые окончили какой нибудь спеціальный предметъ и имѣютъ право впослѣдствіи выдержать экзамены по спеціальнымъ и научнымъ предметамъ для полученія диплома на званіе свободнаго художника или аттестата; это—г-жи Бзуль и Лузинова (пѣвицы) и гг. Поташниковъ (труба) и Талентъ (классъ віолончели).

Консерваторскій актъ состоялся въ этомъ году въ залѣ городской думы 28 мая и на немъ выступили: піанистки: г-жи Мелисова и Руміевская (послѣдняя получила почему-то въ даръ рояль

Digitized by Google

фабрики Шредера, ежегодно жертвуемый имъ лучшему ученику въ память 50-лѣтія артистической дѣятельности А. Г. Рубинштейна) и піанистъ г. Трусковскій, скрипачъ г. Михайловскій, арфистка г-жа Рехакъ, пѣвицы г-жи Синицына и Бзуль и композиторша г-жа Кашперова, подъ управленіемъ которой исполнена была ея кантата для соло, хора и оркестра на сюжетъ поэмы г. Мережковскаго «Орваси». (Программа объясняетъ при этомъ слѣдующее: «Царь Пуруава, называемый въ индійскомъ сказаніи бѣлымъ слономъ, ищетъ свою возлюбленную въ заколдованномъ лѣсу, гдѣ она превращена въ ліану, чарами одного отшельника). Особеннаго актъ этотъ не обнаружилъ ничего ни по какому классу,—а это очень печально.

Закончимъ нашу лѣтопись двумя свѣдѣніями, касающимися памяти А. Г. Рубинштейна.

Первое. Русское музыкальное общество, желая почтить память того, чьей иниціативой и стараніями оно обязано своимъ существованіемъ, исходатайствовало и получило высочайшее соизволеніе: 1) Открыть повсемѣстную подписку на составленіе капиталовъ имени А. Г. Рубинштейна: а) для выдачи пособій лучшимъ ученикамъ музыкальныхъ училищъ русскаго музыкальнаго общества, желающимъ довершить свое музыкальное образованіе въ консерваторіяхъ, а также для предоставленія возможности оканчивающимъ курсъ съ отличіемъ совершить заграничныя путешествія съ цѣлью пріобрѣтенія извѣстности и ознакомленія съ лучшими иностранными музыкальными артистами и б) для оказанія пособій и поощренія музыкальнымъ дѣятелямъ въ Россіи вообще. 2) Учредить для сбора пожертвованій при главной дирекціи музыкальнаго общества комисію подъ предсѣдательствомъ вице-предсѣдателя общества. 3) Предоставить августѣйшему предсѣдателю общества, если окажется нужнымъ, образовать особый комитетъ для обсужденія порядка завѣдыванія капиталами имени Рубинштейна и расходованія ихъ, и 4) поставить статую Рубинштейна во вновь строющемся зданіи петербургской консерваторіи.

Слухи прибавляютъ, что среди членовъ общества возникла мысль о постановкѣ памятника и Чайковскому рядомъ съ Рубинштейномъ. При всемъ уваженіи къ композиторскому таланту Чайковскаго, нужно однако сказать, что въ смыслѣ организаціи русскаго музыкальнаго общества, образованія и устройства русскихъ музыкальныхъ школъ и консерваторій и учрежденія званія «свободнаго художника», пользующагося извѣстными правами гражданства на родинѣ, Чайковскій ровно ничего не сдѣлалъ и ставить его въ этомъ отношеніи рядомъ съ Рубинштейномъ значитъ не знать значенія и дѣятельности того и другаго. Мы ничего не имѣемъ противъ помѣщенія въ новой консерваторіи и бюста Чайковскаго, какъ одного изъ выдающихся нашихъ композиторовъ; скажемъ даже болѣе: необходимо помѣстить всѣхъ русскихъ композиторовъ, и въ томъ числѣ, само собою разумѣется, и Чайковскаго, но не рядомъ съ Рубинштейномъ, статуя котораго при открытіи новой консерваторіи имѣетъ особенное значеніе, съ которымъ не можетъ сравниться никакое

Digitized by Google

другое. Въ настоящее время имѣется для вышеозначенной цѣли 6,000 рублей.

Второе. Въ текущемъ году состоится второй международный конкурсъ имени А. Г. Рубинштейна въ Берлинѣ, такъ какъ прошло четыре года со времени перваго конкурса, состоявшагося въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ самого жертвователя капитала въ 25 тысячъ рублей, проценты съ котораго въ количествѣ 5,000 франковъ (черезъ каждые четыре года) должны составлять двѣ преміи, въ $2^1/_2$ тысячи франковъ каждая, для выдачи лучшему композитору и лучшему піанисту, которые выдержатъ на конкурсѣ испытаніе по установленной для этого программѣ. На первомъ конкурсѣ композиторскую премію получилъ итальянецъ г. Бузони, а исполнительскую г. Дубасовъ; любопытно, получитъ ли кто нибудь изъ русскихъ премію на второмъ конкурсѣ; ѣдутъ-то многіе.

В. Баскинъ.

Digitized by Google

ГРОБЪ.

(Разсказъ въ пріятельской компаніи).

I.

Въ большомъ, сыромъ, невеселомъ городѣ, въ тѣсной квартиркѣ на Екатерининскомъ каналѣ, собрались они вчетверомъ подѣлиться впечатлѣніями дня, когда весь городъ облекся въ трауръ и тяжелыя свинцовыя тучи нависли, какъ траурный покровъ сверху, надъ печальной церемоніей, надъ «тризной большихъ похоронъ». Говорили о печали того, кто шелъ за гробомъ, о важномъ видѣ многочисленнаго духовенства, привыкшаго къ похоронамъ, о пышномъ гробѣ... и перешли къ гробу вообще, къ ужасу, имъ наводимому. Дмитрій Васильевичъ, старшій изъ собесѣдниковъ, не признавалъ этого ужаса и взялся если не развеселить всѣхъ, то разогнать унынiе собесѣдниковъ такимъ разсказомъ, гдѣ «героемъ» былъ именно гробъ...

«Въ своей жизни—началъ онъ—я имѣлъ два раза дѣло съ гробомъ, и оба раза онъ оставилъ во мнѣ пріятное воспоминаніе; первый разъ совсѣмъ даже веселое; второй—отчасти грустное, но совсѣмъ не мрачное и не страшное. Гробъ былъ свидѣтелемъ моей юности, моего веселаго и беззаботнаго студенчества. Гробъ же отмстилъ потомъ за мое разореніе ростовщику, къ которому за ростовщическіе проценты, за двойные векселя, перешло мое имѣніе, мой конный заводъ, моя обстановка и все мое имущество!.. Это было такъ. Учился я въ петербургскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ. Жили мы втроемъ, я и два товарища, получали каждый по сту рублей въ мѣсяцъ, значитъ, были по студенчески людьми богатыми, и учились неважно, но зато усердно посѣщали «Лондонъ», добывали и смаковали подпольные листки и брошюрки—это было въ семидесятыхъ годахъ—и поглощали пиво въ своей студенческой компаніи. А компанія была у насъ большая и шумная, не одинъ разъ привлекавшая вниманіе и подозрѣнія полиціи, причемъ у насъ иногда производились обыски, но безъ всякаго успѣха, да иначе и быть не могло, такъ какъ въ сущности мы ни

Digitized by Google

подо что и ни подъ кого не собирались подкапываться, хотя, конечно, случалось, спорили цѣлыя ночи о народѣ, о земствѣ, о конституціи, словомъ, проводили время въ мечтаніяхъ.

«Мы не строили себѣ никакихъ плановъ и программъ будущей дѣятельности по окончаніи университета, но во всякомъ случаѣ не были карьеристами и не щеголяли внѣшнимъ лоскомъ и бѣлыми подкладками. Напротивъ, господствовавшее въ то время направленіе въ литературѣ и лекціи нашихъ профессоровъ внушали намъ самую искреннюю и безкорыстную любовь къ народу,—къ простому народу, къ крестьянству,—а также и къ свободѣ, къ самостоятельной, независимой дѣятельности, къ земской работѣ. Мы посѣщали лекціи, только не всѣ,—напримѣръ, на Лебедева, Дорна и Рождественскаго почти никогда не ходили: ужь очень скучно и уныло они читали! Зато лекціи А. Градовскаго почти не пропускали, отчасти «страха ради іудейска»,—какъ самъ покойный профессоръ любилъ выражаться,—по причинѣ его неумолимости на экзаменѣ.

«Мы и жили въ одномъ домѣ и даже на одной лѣстницѣ съ профессоромъ Градовскимъ, и однажды имѣли съ нимъ такого рода столкновеніе. Возвращаемся мы какъ-то вдвоемъ съ сожителемъ моимъ Корсаковымъ изъ «Лондона», уже за полночь, въ сильно пьяномъ видѣ, и по ошибкѣ, съ пьяныхъ глазъ, къ себѣ до верху не добрались, а позвонили этажемъ ниже, какъ разъ у Градовскаго. Какъ намъ отворила и впустила въ квартиру его горничная, этого я не помню и не понимаю, что́ за дура была эта горничная; но только мы очутились въ его пріемной: одѣтые, въ шапкахъ, въ калошахъ, и разсѣлись... Тутъ только мы поняли, что забрались въ чужую квартиру, но не знали, разумѣется, что къ Градовскому, и уже приготовились поскорѣе улизнуть, какъ навстрѣчу намъ, торжественно, въ сопровожденіи какихъ-то людей,—всѣ со свѣчами,—выходитъ самъ профессоръ, въ халатѣ и туфляхъ и съ такимъ грозно-презрительнымъ выраженіемъ, что мы, какъ ни были пьяны, опѣшили и машинально опять сѣли въ кресла—стоять намъ было трудно—и подняли свои осовѣлые отъ пива глаза на профессора. Онъ сейчасъ же узналъ насъ и пришелъ, при видѣ нашихъ развязныхъ позъ, въ страшный гнѣвъ, который былъ написанъ на его лицѣ. Затрудняясь подняться, чтобы тутъ же не упасть, мы, напрягая всѣ силы, начали съ креселъ отчаяннымъ, заплетающимся языкомъ оправдываться и извиняться. Но Градовскій, очевидно, и слышать ничего не хотѣлъ.

«— Что это? Безобразіе... студенты... пьянство! Это чортъ знаетъ, что такое»!.. гремѣлъ на насъ раздраженный профессоръ.

«Отъ этихъ его словъ и отъ стыда мы рады были бы бѣжать

Digitized by Google

на край свѣта или провалиться, но страхъ, что, поднявшись съ креселъ, мы не устоимъ на ногахъ и еще болѣе сконфузимся, приковывалъ насъ къ нимъ, а профессоръ этого не понималъ и, видя, что мы не пытаемся покинуть его, раздражался еще болѣе и громилъ насъ ядовитыми словами, проникавшими намъ въ самое сердце.

«Наконецъ, мой сожитель не вынесъ такого положенія и пытался возражать Градовскому:

«— Совсѣмъ это... не чортъ знаетъ, что такое!—услышалъ я голосъ Корсакова, выражавшій полное отчаяніе и озлобленіе.— Вотъ сами когда нибудь напьетесь... и съ вами то же будетъ, что теперь съ нами. Мы вѣдь извинились... чего же вамъ больше?

«Послѣ такой реплики, оба мы сразу сорвались съ креселъ и встали, но больше силъ не хватило, ноги наши подкашивались и мы медленно, глядя во всѣ глаза, со страхомъ и почтеніемъ, на профессора, опустились обратно на кресла, довольно апатично выжидая новой распеканціи со стороны Градовскаго. Но понялъ ли профессоръ истинную причину нашей непочтительности, или просто не хотѣлъ тратить на насъ даже бранныхъ словъ, только, по его знаку, прислуга помогла мнѣ и Корсакову, осторожно взявши каждаго изъ насъ за шиворотъ, приподняться съ креселъ и направиться къ широко распахнутой передъ нами выходной двери. Самъ онъ свѣтилъ намъ, и выходило довольно торжественное и медленное шествіе, потому что мы все таки пошатывались и переступали съ величайшей осторожностью, пока наконецъ не были выпровожены за дверь и она съ шумомъ захлопнулась за нами.

«Къ гробу, конечно, это обстоятельство не относится, а только къ нашей характеристикѣ... Градовскій же ни разу не напомнилъ намъ впослѣдствіи о нашемъ безобразіи. На лекціи его мы стали ходить неупустительно, курсъ его прочли къ экзаменамъ четыре раза и сдали экзаменъ блистательно. До сихъ поръ, какъ сойдемся, мы любимъ вспоминать покойнаго профессора, его любимыя остроты, и сравнивать его вдохновенныя лекціи о правовомъ порядкѣ и государственномъ соціализмѣ со схоластическими лекціями новѣйшихъ профессоровъ о сходствѣ и различіи между «указомъ» и «закономъ».

«А гробъ мы, т. е. я, Корсаковъ и третій нашъ сожитель, завели собственно для Корсакова, который имѣлъ несчастную привычку сваливаться ночью съ кровати и при этомъ нерѣдко ушибался. Пробовалъ онъ загораживать себя стульями, но это было хлопотно и мало помогало. Тогда мы съ другимъ сожителемъ, курьеза ради, заказали и презентовали Корсакову просторный и съ высо-

Digitized by Google

кими боками сосновый гробъ, съ крышкой, съ нарисованной на ней смертью съ косой и все прочее, какъ слѣдуетъ. Стоилъ онъ намъ 18 рублей. Съ тѣхъ поръ Корсакова,—особенно когда онъ возвращался несовсѣмъ трезвымъ,—мы и клали спать въ этотъ гробъ, и онъ ни разу изъ него не вываливался. Только это недолго продолжалось. Скоро гробъ нашъ арестовали и отправили въ участокъ, а насъ къ мировому. Дѣло въ томъ, что случилось какъ-то, что мы прожились и прозаложились до нитки. Пришли пріятели, угостить не на что. А на углу въ нашемъ домѣ была портерная и хозяинъ ея, злѣйшій ростовщикъ, отпускалъ намъ въ кредитъ подъ закладъ часовъ пиво; но на этотъ разъ, къ несчастію, у него уже все было отъ насъ забрано, а заложить больше было нечего. Въ столь отчаянномъ положеніи рѣшились мы на отчаянное средство: спустили втроемъ нашъ гробъ по лѣстницѣ, быстро прошли съ нимъ улицу и тихонько внесли его въ портерную, при всей наполнявшей портерную публикѣ, и потребовали у хозяина хоть полдюжины пива подъ закладъ гроба. Скандалъ произошелъ ужаснѣйшій. Публика почти вся разбѣжалась изъ портерной, хозяинъ заоралъ на насъ благимъ матомъ, появился городовой, а за нимъ и господинъ околодочный. Въ заключеніе, изъ портерной была отправлена въ участокъ настоящая похоронная процессія, только безъ духовенства. Впереди шелъ старикъ околодочный, за нимъ несли гробъ городовые, а за ними трое насъ, студентовъ, и хозяинъ портерной съ двумя молодцами; дамъ въ числѣ провожатыхъ не было. Сначала идти было весело, публика провожала и смѣялась; потомъ всѣ провожатые изъ публики отстали; околодочный и городовые шли молча и были суровы, и намъ стало такъ скучно, словно бы мы въ самомъ дѣлѣ хоронили кого нибудь близкаго. Чтобы развеселиться, поддержать въ себѣ юмористическое настроеніе и подразнить полицію, запѣли было мы старинную студенческую пѣсню:

Впереди-то старый попъ,
А за нимъ-то черный гробъ...
Безъ покойника!..

«Но унылый напѣвъ и слова такъ напоминали «со святыми упокой», что мы разомъ замолчали и до самаго участка шли молча и печально. Въ участкѣ былъ составленъ протоколъ, арестованъ гробъ и записаны наши адреса. Черезъ недѣлю мы уже фигурировали у мироваго судьи по обвиненію, согласно протоколу, въ произведеніи шума въ публичномъ мѣстѣ, а Корсаковъ, сверхъ того, въ наименованіи,—какъ говорилось въ протоколѣ,—г. околодочнаго «фараономъ», а его оружія—«селедкой». Судья приговорилъ

Digitized by Google

Корсакова къ недѣльному, а меня съ другимъ сожителемъ — къ трехдневному аресту. Дѣло по нашей апеляціи перешло въ мировой съѣздъ и привлекло многочисленную публику. Мы всѣ трое горячо защищались и доказывали, что шумѣли вовсе не мы, а хозяинъ портерной и полиція, а что мы пришли за дѣломъ—закладывать принадлежащее намъ движимое имущество, и вели себя скромно, требуя лишь себѣ пива за гробъ. Корсаковъ краснорѣчиво доказывалъ, что *фараонъ* былъ царь, а *селедка* есть рыба, и оба эти слова не могутъ быть оскорбительными для г. околодочнаго и его благороднаго оружія. Публика хохотала, сами судьи едва сдерживали улыбки и смягчили намъ наказаніе. Корсакова присудили къ тремъ днямъ ареста, насъ двухъ къ однодневному заточенію и постановили: гробъ освободить изъ-подъ ареста и выдать намъ изъ участка, взявъ подписку не выносить его изъ нашей квартиры. Мы всѣ трое возстали противъ такой подписки, прося судей не обезцѣнивать нашего гроба, потому что кто же его купитъ у насъ, если его нельзя будетъ вывезти изъ нашей квартиры? Но судьи остались неумолимы, и мы, ничего не добившись насчетъ гроба, вышли изъ мироваго съѣзда при громкомъ хохотѣ многочисленной публики, относившейся къ намъ съ большимъ добродушіемъ. День этотъ былъ однимъ изъ самыхъ веселыхъ дней моей юности.

II.

«Прошло съ того времени лѣтъ десять. Я жилъ у себя въ имѣніи, управлялъ имъ и... постепенно разорялся, только не по рецепту С. Атавы въ «Оскуденіи». За границу или «на теплыя воды» я не ѣздилъ, француженокъ себѣ не заводилъ, дорогихъ машинъ не покупалъ, нѣмцевъ-агрономовъ не выписывалъ, «честью сословія», т. е. дворянскими выборами и сопровождавшими ихъ попойками, интересовался, какъ прошлогоднимъ снѣгомъ. Съ мужиками я дружилъ, учился у нихъ; случалось, и имъ кое-когда полезные совѣты давалъ. Разорялся я самымъ простымъ способомъ, безъ «принциповъ», безъ «увлеченія». За двухъ купцовъ, всегдашнихъ моихъ покупателей, я поручился въ большой суммѣ. Они не уплатили. Значитъ, нужно было закладывать имѣніе подъ первую закладную. А тутъ подошли рядомъ три неурожайныхъ года. Нужно было закладывать имѣніе подъ вторую закладную. Ну и пошло. Развѣ можетъ доходъ съ имѣнія покрывать проценты за двѣ закладныхъ? Да и самому, вѣдь, тоже хоть какъ-нибудь надо жить! Я любилъ всего больше лошадей. У меня были тысячныя лошади

Digitized by Google

своего завода. Изъ-за лошадей я и гробъ себѣ заказалъ, настоящій гробъ, дорогой дубовый, по моей мѣркѣ, обитый, съ позументами, на ножкахъ, съ саваномъ, съ подушкой, совсѣмъ, какъ есть, и даже свѣчей на панихиды заранѣе, сколько слѣдуетъ, купилъ, потому что я любилъ лошадей...

«Вы наблюдали когда нибудь, что какъ только у помѣщика умираетъ кто нибудь, особливо ежели самъ хозяинъ, то хуже всего приходится лошадямъ. Обыкновенно лучшихъ изъ нихъ загоняютъ на спѣшныхъ посылкахъ, то за гробомъ въ городъ, то за погребальными свѣчами, за трауромъ, за массой похоронныхъ мелочей и принадлежностей, а настоящаго ухода за лошадьми въ это время никакого не бываетъ: не до нихъ! На моихъ глазахъ такимъ образомъ пропали красавицы-лошади у нѣкоторыхъ изъ моихъ сосѣдей...

«Я былъ такъ убитъ своимъ разореніемъ, что заболѣлъ съ тоски, слегъ въ постель и совершенно равнодушно думалъ о смерти. Вотъ тогда-то и пришло мнѣ въ голову сдѣлать доброе дѣло для своихъ любимыхъ коней, и я заказалъ себѣ гробъ со всѣми принадлежностями; а когда онъ былъ готовъ, поставилъ его въ своей спальнѣ, строго на строго наказавши своимъ наслѣдникамъ и всѣмъ домашнимъ, въ случаѣ моей смерти, лошадей зря и понапрасну никуда не гонять, и объяснилъ всѣмъ подробно, что и для чего заранѣе припасено мною къ погребенію моего грѣшнаго тѣла. Но, провалявшись съ мѣсяцъ въ постели, я выздоровѣлъ и, чтобы не смущать домашнихъ гробомъ, приказалъ вынести его изъ спальни на антресоли и заперъ тамъ въ пустой комнатѣ на замокъ. А между тѣмъ главный мой кредиторъ, пензенскій ростовщикъ, Колупаевъ первой гильдіи и потомственный почетный гражданинъ, получилъ уже на меня исполнительный листъ и угрожалъ мнѣ описью. Пріѣхалъ я въ Пензу—просить ростовщика отсрочить опись и продажу моего имущества на двѣ недѣли, пока съѣзжу въ Петербургъ и достану ему денегъ въ уплату по исполнительному листу. Купецъ, выговоривъ съ меня за эти двѣ недѣли процентовъ по копѣйки въ день съ рубля, въ видѣ особаго одолженія, согласился, и я уѣхалъ въ Питеръ, предупредивши на всякій случай ростовщика, что если черезъ двѣ недѣли денегъ ему не привезу и онъ поѣдетъ описывать мою движимость, то не отпиралъ бы запертой комнаты на антресоляхъ, такъ какъ тамъ никакого имущества не найдетъ.

«Денегъ я въ столицѣ не добылъ и на пятнадцатый день, въ мое отсутствіе, его степенство пожаловалъ ко мнѣ въ имѣніе съ судебнымъ приставомъ. Когда все уже было имъ описано и оцѣнено за грошъ, купецъ торжественно заявилъ приставу, что самыя-то

Digitized by Google

настоящія драгоцѣнности скрыты мною въ запертой на замокъ комнатѣ на антресоляхъ, и потребовалъ взлома замка и наложенія ареста на все, находящееся въ запертой комнатѣ, имущество. Были, какъ слѣдуетъ по закону, приглашены понятые и полиція; сломали замокъ и, сгорая отъ нетерпѣнія, купецъ мой первый бросился въ комнату и сразу попятился назадъ: кромѣ гроба съ принадлежностями, въ комнатѣ ничего не было. Купецъ сталъ было со страха отказываться отъ описи такого имущества, но полиція и судебный приставъ признали нужнымъ произвести осмотръ гроба: нѣтъ ли здѣсь какого нибудь преступленія? Раскрыли его, осмотрѣли саванъ, позументы, кисти, припасенныя свѣчи и все прочее. Ничего подозрительнаго не нашли; а домашніе мои пояснили, что заказанъ былъ мною этотъ гробъ во время болѣзни и пр. Затѣмъ приставъ предложилъ купцу оцѣнить гробъ. Купецъ оцѣнилъ его въ три рубля, и на торгахъ, не смотря на такую необычайно малую оцѣнку, никто не хотѣлъ купить моего гроба, и онъ остался въ трехъ рубляхъ за моимъ ростовщикомъ, къ его величайшему конфузу: ему въ Пензѣ проходу не давали этимъ гробомъ, который, наконецъ, и доканалъ его! Дѣло въ томъ, что у моего купца была теща, очень богатая старуха, сама промышлявшая ростовщичествомъ и всегда выручавшая зятя, когда у него въ торговыхъ дѣлахъ оказывалась заминка платежей по срочнымъ векселямъ.

«Нашлись досужіе пензенскіе сплетники, которые досконально и съ самыми преувеличенными подробностями доложили богатой старухѣ всѣ детали разысканія, описи и оцѣнки ея зятемъ моего гроба, и представили ей все дѣло въ такомъ видѣ, будто судебный приставъ стѣснялся описывать гробъ, но зять настаивалъ и говорилъ, что вотъ-де у него есть теща, старуха, давно ей умирать пора,—такъ вотъ молъ для нея и пригодится гробъ. Разсвирѣпѣла старуха несказанно, выгнала зятя изъ дому и перестала поддерживать его своимъ капиталомъ. Ростовщикъ мой сталъ плошать, а черезъ полтора года и совсѣмъ разорился на хлѣбной торговлѣ, былъ объявленъ несостоятельнымъ и недавно умеръ въ тюрьмѣ, усаженный туда кредиторами. Для него самого и пригодился мой гробъ, а старуха и до сихъ поръ живетъ и богатѣетъ въ Пензѣ. И я вотъ живъ, слава богу»!

В. Вельскій.

Digitized by Google

Инквизиторы.

(Съ испанскаго—изъ Балагуэра.)

Передъ грознымъ Торквемадою
Вся Испанія дрожитъ:
Инквизиціи безжалостной
Въ ней свирѣпствуетъ синклитъ
«Ad majorem Dei gloriam»—
И, судя еретиковъ,
На костеръ возвесть бы каждаго
Некатолика готовъ!
Но евреями и маврами
Не одними занятъ онъ,—
Между слугами христовыми
Слышны также плачъ и стонъ!
Если вѣруешь по своему,—
Какъ за нравственную ложь,
Скоро ты въ застѣнки мрачные
По доносу попадешь...
Тѣло бѣдное тамъ съ яростью
Истерзаютъ палачи:
Не домчатся къ ближнимъ жалобы,—
Лучше даромъ не кричи.
Нѣтъ! презрѣньемъ, зубы стиснувши,
Ты мучителей казни,
Чтобъ геройскаго терпѣнія
Испугалися они...
Знай: святоши эти гнусные—
Только дерзкіе жрецы;
Слава ихъ пройдетъ позорная
По землѣ во всѣ концы!
Пусть они рукой могучею
Нынѣ душатъ слабый міръ,—

Digitized by Google

Прекратитъ пора завѣтная
Хищныхъ птицъ кровавый пиръ!..
Если въ силахъ, то подъ пыткою
Ты не лей напрасно слезъ:
Вспомни, какъ за слово истины
Тяжко мучился Христосъ.
Гордымъ быть должно страданіе—
И тогда желанный плодъ,
Хоть въ грядущемъ, человѣчеству
Непремѣнно принесетъ!..

С. Кіевскій.

Digitized by Google

ЗЛОЕ ДѢЛО.

Романъ.

I.

Большой бѣлый пароходъ шелъ да шелъ, оставляя за собою гряды волнъ, точно въ испугѣ бросавшихся отъ него все дальше и дальше къ берегамъ и начинавшихъ метаться на песокъ, на камни, на кусты тальника. Въ отдаленіи начинала обрисовываться, словно сквозь туманъ, неопредѣленная бѣлая масса большаго губернскаго города. Пустынный нагорный берегъ дѣлался нѣсколько оживленнѣе. Показался рыбачій шалашъ, одинокій домикъ телеграфиста, какой-то бездѣйствующій заводъ съ заколоченными окнами и дверями, наконецъ—цѣлый рядъ довольно большихъ деревянныхъ домовъ.

— Вотъ и дачи,—сказалъ, взглянувъ на нихъ, загорѣлый некрасивый господинъ лѣтъ тридцати, довольно давно уже разговаривавшій съ пожилымъ купцомъ.—Интересно знать, что тамъ перемѣнилось.

Онъ всталъ, передвинулъ сбившійся ремень отъ сумки, висѣвшей у него черезъ плечо, покрѣпче надвинулъ шляпу и перешелъ на другое мѣсто, съ котораго было удобнѣе смотрѣть на берегъ.

— Это кто же такой?—спросилъ у его собесѣдника сидѣвшій рядомъ съ нимъ, высохшій, сморщенный, окутанный шарфомъ старичокъ, все время слушавшій ихъ разговоръ, но не сказавшій отъ себя ни одного слова.

— Рытовъ, Григорій Петровичъ. Бывшаго мироваго судьи, Петра Александровича Рытова, сынъ,—отвѣчалъ пожилой купецъ.

— Вотъ кто... Рытовъ!—протяжно проговорилъ старичокъ и, подумавъ немного, спросилъ опять:—Да чѣмъ же онъ былъ-то на этой желѣзной дорогѣ? Служилъ... или по подрядамъ?

Digitized by Google

— На постройкѣ служилъ. Онъ вѣдь инженеръ.

— Вотъ что... инженеръ,—тѣмъ же протяжнымъ голосомъ повторилъ старичокъ, и потомъ прибавилъ:—Только отчего у него глаза такъ и свѣтятся... будто у бѣшенаго?..

— Горячъ онъ,—усмѣхнувшись, отвѣчалъ пожилой человѣкъ.

Между тѣмъ, пароходъ подходилъ все ближе и ближе къ дачамъ. «Да ничего не перемѣнилось»!—думалъ, глядя на нихъ, Рытовъ, стоявшій у перилъ пароходнаго балкона. Все, какъ было три года назадъ,—когда онъ уѣхалъ отсюда,—такъ и осталось. Сѣрые, бѣлые, бурые домики, изукрашенные дешевой рѣзьбой; корявый лѣсъ, ухитрившійся вырости почти на отвѣсномъ обрывѣ берега; купальни, крашеныя лодочки, гимназисты съ удочками и сачками въ рукахъ, бѣлая натоптанная тропинка, по которой растянутою вереницей прогуливаются: двѣ барышни съ красными зонтиками, два студента, мальчикъ съ хлыстомъ, огромная черная собака, высокая дама въ синихъ очкахъ, сѣдобородый старикъ въ черной шляпѣ и длинной бѣлой рубахѣ, опоясанной краснымъ шнуркомъ. Старика зовутъ, кажется, Адріаномъ Михайловичемъ, даму,—сколько помнится,—Елизаветой Ивановной, а собаку—несомнѣнно Арапомъ. Все по прежнему; не стало только одной души, одной бѣдной, скромной, даже не особенно красивой дѣвушки, и этого оказывается достаточнымъ для того, чтобы всѣ эти знакомые предметы, люди и картины получили въ его глазахъ совершенно новое освѣщеніе. И голубое небо, и серебристыя облака, и гладь широкой рѣки, и черные камни, торчавшіе изъ воды, точно надгробные памятники,—все, все, казалось, было проникнуто печалью. «Ахъ, Аня, Аня! Ахъ, бѣдная, милая «куколка»! Никогда онъ не воображалъ, чтобы чья бы то ни было смерть могла опечалить его и подѣйствовать на него такъ сильно.

Года два назадъ, родные и знакомые, далеко не баловавшіе его обстоятельными письмами, написали ему въ двухъ строчкахъ, что Аня вышла замужъ за одного изъ его лучшихъ пріятелей, можно даже сказать—за его друга, Берестина. Въ первую минуту это извѣстіе нѣсколько поразило Рытова своею неожиданностью, но потомъ онъ отъ души порадовался за новобрачныхъ. Лучше этого выбора они и не могли сдѣлать. Бе-

Digitized by Google

рестинъ—въ высшей степени порядочный человѣкъ, а она еще лучше его... Потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, кто-то написалъ ему, что Аня безпрестанно прихварываетъ. А дальше, съ годъ назадъ, пришли, одно за другимъ, три письма и коротко объявили ему, что она безнадежно плоха, умираетъ и, наконецъ, умерла и похоронена... И міръ, и жизнь сразу показались ему какою-то во истину «глупою шуткою», какъ сказалъ поэтъ. Какой смыслъ въ этой смерти? Зачѣмъ должна была умереть эта молоденькая женщина, когда живутъ люди дряхлые, разбитые параличемъ, ослѣпшіе, оглохшіе, до того измученные болѣзнями, что жизнь давно сдѣлалась имъ въ тягость? Съ чего ей было умирать, когда она обладала завиднымъ здоровьемъ?..

II.

Еще черезъ часъ съ небольшимъ, Рытовъ входилъ въ квартиру своего отца, уже лѣтъ двѣнадцать жившаго въ одномъ и томъ же домѣ и все больше и больше приспособлявшаго это жилище къ своимъ вкусамъ и требованіямъ. Мѣдная доска на входной двери сіяла, какъ своего рода четырехъугольное солнце. Бѣлыя каменныя ступени на лѣстницѣ, очевидно, по прежнему мылись и чистились каждое утро. Столъ, стулъ, зеркало, вѣшалка въ прихожей смотрѣли только что сегодня отполированными. Петръ Александровичъ, почти никогда не хворавшій, былъ убѣжденъ въ глубинѣ души, что если онъ сохранилъ свое здоровье до шестидесяти съ лишнимъ лѣтъ, то единственно благодаря своему умѣнью жить, а также и пониманію того, что чистота жилища, воздуха, одежды, всей обстановки—если не необходимѣйшее, то ужь, во всякомъ случаѣ, одно изъ необходимыхъ условій для предохраненія себя отъ болѣзней.

Въ прихожей, какъ показалось Рытову, было что-то ужь слишкомъ много шляпъ, пальто и палокъ; въ сосѣдней комнатѣ говорили, спорили и горячились, повидимому, человѣкъ десять. Но когда онъ осторожно отворилъ дверь въ эту комнату, то увидѣлъ, что въ ней было всего только четыре человѣка, сидѣвшіе по сторонамъ разложенной на ломберномъ столѣ огромной шахматной доски, которую иные игроки называютъ, какъ карету, «четверомѣстной». При появленіи Рытова, шумный споръ разомъ затихъ, точно оборвался, и, послѣ какой

Digitized by Google

нибудь секунды недоумѣнія и молчанія, послышались разнообразные возгласы.

— Ба... ба... ба!.. хи-хи-хи!.. Вотъ это кто!.. Вотъ не ожидалъ!.. Какимъ это аквилономъ тебя принесло? Ты же вѣдь писалъ, что, можетъ быть, останешься до зимы,—говорилъ благообразный, съ длинными полусѣдыми волосами и черными бровями, Петръ Александровичъ, въ желтоватой лѣтней парѣ, въ сѣрыхъ туфляхъ и съ узенькимъ сѣрымъ же галстучкомъ вокругъ воротничка рубашки.

— Ну, да... Я такъ и писалъ, что, *можетъ быть*, останусь. А вышло такъ, что не было надобности оставаться,— отвѣчалъ Рытовъ.

Покуда онъ здоровался и говорилъ съ гостями отца, которые, всѣ трое, были ему довольно хорошо знакомы, Петръ Александровичъ все время смотрѣлъ на него и тихонько посмѣивался.

— Удивительнѣйшій человѣкъ!—сказалъ онъ наконецъ.— Никогда я не видывалъ, чтобы кто нибудь другой ухитрялся такъ отдѣлывать себя, какъ онъ. Хи-хи-хи... Вы только посмотрите на него: вѣдь онъ татуированный! Половина лба бѣлая, половина темная, носъ красный, какъ у жестокаго пьяницы, кожа лупится... А руки, руки?..

Петръ Александровичъ по своему любилъ сына и даже уважалъ его, какъ человѣка безусловно порядочнаго въ нравственномъ отношеніи, но никогда не могъ примириться съ тѣмъ, что онъ относится непозволительно небрежно къ своей наружности, и безъ того уже не особенно представительной отъ природы.

— Однако, къ чаю, къ чаю, господа. Милости прошу!— заторопился вдругъ Петръ Александровичъ.—Ты дѣлай, что тебѣ тамъ нужно,—переодѣваться или мыться,—и приходи пить чай... Давно пора... Восемь часовъ. А мы плетемъ всего только первую партію.

За чаемъ говорили преимущественно о желѣзной дорогѣ, на постройкѣ которой былъ Рытовъ, и о разныхъ городскихъ новостяхъ и перемѣнахъ, происшедшихъ въ его отсутствіе.

— Жаль, жаль,—сказалъ Рытовъ, услышавъ о внезапной смерти одного изъ своихъ знакомыхъ, уже немолодаго, но еще смотрѣвшаго крѣпкимъ,—доктора, котораго онъ считалъ очень

Digitized by Google

хорошимъ человѣкомъ.—Но чья смерть не выходитъ у меня изъ головы и кого мнѣ больше всѣхъ жаль, такъ это бѣдную Анну Родіоновну...

Отецъ поднялъ на него глаза.

— Какую Анну Родіоновну?—съ недоумѣніемъ спросилъ онъ.

— Воспитанницу Софьи Андреевны... Берестину...

— Да, темная исторія,—пробормоталъ какъ будто себѣ въ бороду одинъ изъ гостей Петра Александровича, нѣкто Алексашинъ, ушедшій со стаканомъ чая къ шахматной доскѣ и хмуро разсматривавшій свою порядочно таки разстроенную игру.

— То есть, что же за особенная исторія?—сказалъ несовсѣмъ разслышавшій его замѣчаніе Петръ Александровичъ.— Простудилась, не обратила вниманія на первые признаки начинавшагося нездоровья и, вслѣдствіе этого, заполучила себѣ смертельную болѣзнь. Самое обыкновенное дѣло! А что она была молода и, по состоянію своего здоровья, обѣщала прожить еще полсотню лѣтъ на радость своимъ ближнимъ... такъ что же изъ этого? Такіе ли еще неожиданные сюрпризы бываютъ въ жизни? Здѣсь же на дворѣ, во флигелѣ, жила одна очень бѣдная женщина-вдова со своимъ единственнымъ сыномъ. Отдавала она жильцамъ комнаты въ своей квартирѣ, брала швейную работу и просиживала за нею ночи. Билась она, главнымъ образомъ, изъ-за того, чтобы дать надлежащее образованіе своему сыну. Ну, и добилась. Кончилъ онъ довольно порядочно курсъ, получилъ какое-то мѣстишко... да сейчасъ же и умеръ. Выпилъ слишкомъ холоднаго квасу и чуть ли не черезъ четыре дня лежалъ на столѣ...

Рытовъ, знавшій эту исторію, разсѣянно слушалъ отца и задумчиво посматривалъ на озабоченное и по прежнему склоненное надъ шахматной доской лицо Алексашина. Почему онъ сказалъ по поводу смерти Ани, что это—«темная исторія»? Что могло быть въ ней темнаго?

Когда Петръ Александрвичъ замолчалъ, Алексашинъ всталъ, посмотрѣлъ на него мрачными глазами и, сунувъ свой стаканъ на столъ, проговорилъ:

— Остается только васъ поблагодарить, и больше ничего. Послѣ того, какъ вы сдѣлали этотъ прелестный ходъ—коро-

Digitized by Google

левой на середину доски,—по настоящему, не стоило бы и играть. Зарѣзали и меня, и себя... Вамъ слѣдовало бы ходить офицеромъ... чернымъ, чернымъ!.. А теперь, что̀ я буду дѣлать, когда вы спутали меня по рукамъ и по ногамъ?..

Петръ Александровичъ тоже всталъ и заговорилъ все громче и громче. Два другихъ партнера, игравшіе противъ нихъ, въ свою очередь поднялись со стульевъ и начали кричать, что игра еще не кончена и, слѣдовательно, вовсе не время обсуждать ходы, которые были сдѣланы или могли быть сдѣланы. Въ комнатѣ опять поднялся такой ожесточенный споръ и шумъ, какъ будто къ четыремъ, препиравшимся въ ней, игрокамъ ворвалось еще пятеро шумливыхъ и озлобленныхъ буяновъ.

— Батя, вы не будете на меня въ претензіи, если я уйду покуда къ Бузунову?—сказалъ Рытовъ, улучивъ такую минутку, когда промелькнула нѣкоторая надежда, что горячившійся отецъ можетъ услышать и понять его.

— Отлично, отлично!—отвѣчалъ ему Петръ Александровичъ и тотчасъ же опять ринулся со своимъ порядочно таки громкимъ голосомъ въ общую свалку голосовъ своихъ трехъ партнеровъ по шахматамъ.

III.

Бузуновъ жилъ прежде въ Троицкой улицѣ, въ домѣ Лыковой, вмѣстѣ съ тремя другими товарищами, по профессіи тоже учителями, какъ и онъ. Всѣ четверо холостые или, вообще, одинокіе люди, они сообща нанимали большую квартиру, прислугу, и были чрезвычайно довольны тѣмъ, что за небольшія, сравнительно, деньги пользовались прекраснымъ *своимъ* помѣщеніемъ, хорошимъ *своимъ* столомъ и всякими удобствами, которыми никогда бы не могли пользоваться, еслибы жили въ одиночку. Однако, въ домѣ Лыковой Рытовъ не нашелъ ни Бузунова и никого изъ его сожителей. Оказалось, что Бузуновъ уже довольно давно переѣхалъ на Троицкую площадь, въ домъ Овсянникова.

Домъ Овсянникова оказался очень небольшимъ деревяннымъ домикомъ, и Рыжовъ почти сейчасъ же отыскалъ квартиру, въ которой помѣщался Бузуновъ.

Digitized by Google

— Господи помилуй!—съ величайшимъ радостнымъ изумленіемъ вскричалъ Бузуновъ, увидѣвъ входившаго къ нему Рытова.—Вотъ радость-то неожиданная!.. Да, можетъ быть, вы умерли, и это только ваша тѣнь явилась ко мнѣ, тѣмъ болѣе, что я сію минуту думалъ о васъ...

Бузуновъ, дѣйствительно, чрезвычайно обрадовался его пріѣзду. Онъ былъ человѣкъ женатый, но жена, вышедшая за него замужъ по любви, года черезъ три послѣ свадьбы влюбилась въ другаго, и уже лѣтъ пять назадъ оставила мужа. Послѣ нея, у Бузунова остался, въ видѣ утѣшенія, маленькій сынишка, но и онъ скоро умеръ. Такъ недавно чувствовавшій себя однимъ изъ счастливѣйшихъ людей въ мірѣ, Бузуновъ вдругъ увидѣлъ себя точно потерпѣвшимъ кораблекрушеніе и выброшеннымъ въ какую-то пустыню, въ которой онъ не могъ встрѣтить не только дорогаго и милаго, но даже просто близкаго человѣка. Пусто, холодно, темно, безмолвно!.. Воспользовавшись тѣмъ, что его ребенокъ умеръ лѣтомъ, когда учителя свободны отъ обязательныхъ занятій, Бузуновъ цѣлыхъ два мѣсяца почти не выходилъ изъ квартиры, не видѣлъ никого, кромѣ прислуживавшей ему старой кухарки, и само собою разумѣется, что подавлявшее его ощущеніе холода, мрака, пустоты и одиночества все возрастало и возрастало. Ему казалось, что онъ бредетъ по камнямъ на какую-то пустынную гору, на которой съ каждымъ новымъ днемъ и съ каждой новой пройденной верстой становится труднѣе и труднѣе дышать. Зачѣмъ онъ идетъ? Куда? Что онъ можетъ найти дальше на этой вершинѣ? Не лучше ли, закрывъ глаза, пройти въ сторону и навсегда исчезнуть въ бездонной пропасти?

Къ этому времени, душевное состояніе Бузунова было уже таково, что онъ безъ малѣйшаго колебанія призналъ этотъ исходъ самымъ простымъ и лучшимъ. Онъ досталъ изъ шкафика склянку съ морфіемъ, котораго оказалось даже слишкомъ достаточно, чтобы усыпить человѣка непробуднымъ сномъ. Потомъ онъ написалъ женѣ прощальное, очень доброе и дружеское письмо, затѣмъ—задумался, вспомнилъ свою раннюю молодость, вспомнилъ дѣтство, отцовскій домъ, высокую каменную стѣну, около которой онъ особенно любилъ пускать на воздухъ легонькія птичьи перышки, воображая, что пускаетъ живыхъ птичекъ. И вотъ, когда онъ, точно не въ воображеніи,

Digitized by Google

а дѣйствительно увидѣлъ передъ собою бѣлую каменную стѣну и розовенькое перышко, которое, кружась, поднималось къ вершинѣ этой стѣны, въ его ушахъ совершенно явственно раздался протяжный дѣтскій голосъ: «Па-па»! Бузуновъ машинально всталъ и посмотрѣлъ вокругъ себя безумными глазами... Голосъ былъ его сынишки... Что это такое? Галлюцинація?.. Конечно, такъ. Но, во-первыхъ, онъ совсѣмъ не думалъ въ это время о своемъ ребенкѣ; во-вторыхъ, никогда ему не приходилось слышать въ голосѣ сынишки такого страннаго выраженія, полнаго и укоризны, и какой-то недѣтской скорби... Рѣшительно никогда! Бузуновъ ходилъ по комнатѣ, останавливался, прислушивался, смотрѣлъ вокругъ себя растерянными, полубезумными глазами. Онъ не вѣрилъ ни во что сверхъестественное и любилъ при случаѣ повторять, что если остается еще кое-что не разслѣдованное наукою, то на него можно смѣло не обращать вниманія, потому что въ нашей жизни это неизвѣстное не играетъ никакой роли. Разумѣется, никакой... Однако же, помимо своей воли, онъ вслушивался въ это почудившееся ему слово, точно все еще звучавшее въ его ушахъ, и старался разгадать: съ какою цѣлью оно было сказано? И точно также, какъ бы помимо его воли, въ немъ все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе складывалось заключеніе, что этотъ укоризненный и скорбный голосъ хотѣлъ остановить его отъ самоубійства. Бузуновъ пожалъ плечами, говоря самому себѣ, что совсѣмъ сошелъ съ ума; однако, еще черезъ нѣсколько времени, онъ изорвалъ прощальное письмо къ женѣ и спряталъ на прежнее мѣсто склянку съ морфіемъ. Жить—такъ жить. Жизнь тяжела; но онъ не боится ея, и если являются какія бы то ни было, хотя бы и фантастическія, сомнѣнія, онъ будетъ жить. По крайней мѣрѣ, никто не скажетъ о немъ, что онъ струсилъ и убѣжалъ, если не съ поля битвы, то отъ тяжелой будничной работы.

Мало по малу Бузуновъ началъ возвращаться къ прежней рабочей прозаической жизни, которую велъ до своего затворничества. Всѣ его знакомые чувствовали, что въ немъ произошла какая-то глубокая внутренняя перемѣна, но такъ какъ для всѣхъ было понятно, что пережитыя имъ несчастія, разумѣется, не могли пройти для него безслѣдно, то дальше этого никто не шелъ и никому не приходило въ голову присмо-

Digitized by Google

трѣться, въ чемъ именно состояла происшедшая въ немъ перемѣна. Онъ былъ спокойный, не особенно разговорчивый, иногда разсѣянный человѣкъ, производившій такое впечатлѣніе, какъ будто онъ потерялъ что-то очень важное и то забывалъ объ этомъ на нѣкоторое время, — причемъ нѣсколько оживлялся,—то опять вспоминалъ объ утраченномъ и тотчасъ же уходилъ въ себя.

IV.

— Оказывается, что вы уже довольно давно перебрались сюда изъ дома Лыковой,—сказалъ Рытовъ, взглянувъ на новое помѣщеніе Бузунова и на старыя знакомыя вещи, размѣщавшіяся по всѣмъ угламъ и стѣнамъ.

— Да, ужь порядочно таки,—отвѣчалъ Бузуновъ.—А что?

— Особеннаго ничего, кромѣ того, что вы забыли написать мнѣ о перемѣнѣ квартиры,—сказалъ Рытовъ съ усмѣшкой.

— Въ самомъ дѣлѣ? Развѣ же забылъ? Мнѣ казалось, что я написалъ вамъ. А такъ какъ ваши письма доставлялись мнѣ безъ всякихъ разговоровъ и на эту квартиру, то я и не обращалъ вниманія на адресъ,—съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ проговорилъ Бузуновъ и, доставъ изъ ящика послѣднее письмо Рытова, посмотрѣлъ на его адресъ.—Въ самомъ дѣлѣ... адресъ старый. Видно, я дѣйствительно виноватъ, если только мое письмо съ новымъ адресомъ не затерялось гдѣ нибудь на дорогѣ.

— По всей вѣроятности, не затерялось, потому что его и не было. Ну, да все равно. Я говорю объ этомъ только къ тому, что вы вѣдь ровно ничего не писали мнѣ ни о вашихъ компаньонахъ по квартирѣ, ни о томъ, почему вы ушли отъ нихъ. Гдѣ они?

Бузуновъ, перебиравшій въ рукахъ спички, взялъ четыре изъ нихъ и разложилъ на столѣ въ довольно порядочномъ разстояніи одна отъ другой.

— Аносовъ тутъ, Плаксинъ тутъ, Веретьевъ тутъ, а я вотъ здѣсь, — съ усмѣшкой отвѣчалъ онъ, указывая на каждую спичку порознь.—Всѣ въ разныхъ мѣстахъ и, право, не могу вамъ сказать, видятся ли теперь другъ съ другомъ. По крайней мѣрѣ, недѣли двѣ назадъ даже и не видѣлись.

Digitized by Google

— Но что же такое случилось?—съ удивленіемъ спросилъ Рытовъ.

— Скандалъ. Ахъ, какой скандалъ! — отвѣчалъ Бузуновъ и на минутку даже прикрылъ ладонью глаза, какъ будто ему сдѣлалось стыдно смотрѣть въ лицо людямъ. — Баба, самая обыкновенная, курносая кухарка, разрушила всю эту нашу, въ нѣкоторомъ родѣ, товарищескую общину. Въ одинъ прекрасный вечеръ, я вдругъ слышу изъ моей комнаты выстрѣлъ. Бросаюсь въ одну комнату, въ другую... Потомъ слышу какую-то возню, бросаюсь по ея направленію на кухню и застаю такое зрѣлище: Плаксинъ лежитъ на полу съ револьверомъ въ рукѣ; Веретьевъ старается выкрутить у него револьверъ, а Аносовъ сидитъ на Плаксинѣ и, разсвирѣпѣвши, дуетъ его кулакомъ по физіономіи. Оказалось, что они всѣ трое увлеклись этой курносой кухаркой и никакъ не могли подѣлить ее между собою.

Рытовъ брезгливо передернулъ плечами.

— Мерзость какая!—проговорилъ онъ.—А я считалъ ихъ порядочными людьми.

— Вы?—сказалъ Бузуновъ съ многозначительнымъ удареніемъ.—Мало ли кого вы считаете порядочными людьми. Я постарше и понедовѣрчивѣе васъ, да и то считалъ ихъ недурными людьми, покуда только слушалъ то, что они говорили, а не видѣлъ того, что они дѣлали. Но неужели же я ничего не писалъ вамъ о нихъ?

— Ни единаго слова. Вообще говоря, я долженъ поблагодарить васъ за то, что вы писали мнѣ больше и чаще, чѣмъ всѣ другіе, вмѣстѣ взятые. Но, съ другой стороны, вы выводили меня изъ терпѣнія, потому что упорно молчали именно о томъ, что было для меня всего важнѣе и интереснѣе. Почему, напримѣръ, вы ничего не писали мнѣ о бѣдной «куколкѣ»? Я двадцать разъ допрашивалъ васъ о ней и двадцать разъ вы писали мнѣ о чемъ угодно, только не о ней. Отчего вы молчали о ней?

— А сами они развѣ не писали вамъ?—спросилъ Бузуновъ, слушавшій его, опустивъ голову и точно занавѣсивъ свои глаза рѣсницами.

— Они?—съ горечью отвѣчалъ Рытовъ.—Аня написала мнѣ одно письмо передъ свадьбой и больше—ни слова. Отъ

Digitized by Google

Берестина, со времени его женьбы, я получилъ ровно три пустыхъ письма, изъ которыхъ ничего нельзя было выжать, а потомъ и онъ пересталъ писать. Сначала я страшно сердился на нихъ, но когда узналъ, что Аня больна, тогда я сталъ сердиться уже не на нихъ, а на васъ. Вы-то, вы-то отчего молчали о нихъ?

— Просто оттого, что мнѣ не хотѣлось вмѣшиваться въ чужія дѣла, тѣмъ болѣе, что...—съ видимою неохотою началъ отвѣчать Бузуновъ и пріостановился на половинѣ фразы.

Рытовъ смотрѣлъ на его продолговатое худощавое лицо съ тонкими костями, съ тонкой бѣлой кожей, сквозь которую просвѣчивали мѣстами голубыя жилки. Какъ прежде, такъ и теперь, это тонкое, худощавое, меланхолическое лицо производило на Рытова такое впечатлѣніе, что Бузуновъ, не въ примѣръ другимъ людямъ, думаетъ, чувствуетъ, страдаетъ и любитъ гораздо больше, чѣмъ высказываетъ. Не хочетъ вмѣшиваться въ чужія дѣла... Въ переводѣ на болѣе опредѣленный языкъ, это могло означать, что въ жизни Берестина происходило нѣчто такое, о чемъ онъ находилъ неудобнымъ писать.

— Ну, хорошо,—продолжалъ Бузуновъ уже совсѣмъ другимъ тономъ, точно освободившись вдругъ отъ связывавшей его нерѣшительности.—Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ будетъ лучше, если я стану говорить съ вами откровенно. Я вамъ не писалъ о Берестиныхъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, вы знаете, что я смотрю на Берестина далеко не такъ хорошо, какъ смотрите вы, и меня не могло не останавливать то соображеніе, что ко всему тому, что мнѣ пришлось бы написать вамъ о нихъ, вы непремѣнно должны были отнестись подозрительно и недовѣрчиво. Мнѣ вы, по всей вѣроятности, ничего не написали бы и не сказали, но про себя непремѣнно должны были подумать, что я, хотя бы и безсознательно, преувеличиваю, выдумываю и придираюсь къ Берестину. У меня вовсе не было охоты ставить себя въ такое неудобное положеніе передъ вами и испытывать на самомъ себѣ справедливость пословицы, что враги нашихъ друзей дѣлаются и нашими врагами... А, во-вторыхъ, скажу вамъ откровенно, я и самъ боюсь, что эта исторія представляется мнѣ въ болѣе черномъ свѣтѣ, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Я не могу

Digitized by Google

еще разобраться въ ней. Если не все, то очень, очень многое въ ней—для меня непонятно и темно... совсѣмъ темно...

— Часъ назадъ, когда я сказалъ отцу, что мнѣ больше всего жаль Аню, одинъ изъ его гостей пробурчалъ себѣ подъ носъ, что это «темная исторія»,—замѣтилъ Рытовъ, задумчиво и тревожно слушавшій его.

— Это говорятъ или, по крайней мѣрѣ, думаютъ всѣ, кто хоть сколько нибудь интересовался этой исторіей, — сказалъ Бузуновъ.—Ну, да хорошо,—вы сами увидите, когда я вамъ разскажу ее. Не знаю только, съ чего начать мое повѣствованіе?.. А, впрочемъ, начну съ того, что вскорѣ послѣ вашего отъѣзда старая самодурка, Софья Андреевна, начала прихварывать. Нужно вамъ сказать, что она почти никогда не хворала хоть сколько нибудь серьезно. Вслѣдствіе этого, самое обыкновенное недомоганье, которое другимъ людямъ не мѣшаетъ даже работать, представляется ей уже страданіемъ и предвѣстникомъ приближающейся смерти. Такъ было и на этотъ разъ. Что такое у нея разстроилось, а, можетъ быть, и ничего не разстроилось, и всѣ ея прихварыванія происходили отъ одного воображенія, — я хорошенько не знаю, но только наша Софья Андреевна совершенно серьезно собралась умирать. «Нѣтъ ужь... умираю... умру... чувствую, что умру»... Дѣло дошло даже до того, что она принялась распредѣлять разныя мелкія домашнія вещи: это пойдетъ Феклушѣ, кухаркѣ, это—Лизѣ, горничной, это—Дарьюшкѣ, нянькѣ Анны Родіоновны. Больше же всего она распространялась и заботилась о самой Аннѣ Родіоновнѣ. «Аня—для меня—не пріемышъ, не воспитанница,—она родная дочь; да и родныя дочери рѣдко живутъ такъ хорошо съ матерями, какъ она жила со мной. Что будетъ съ нею безъ меня? Только тогда я и могла бы умереть спокойно, еслибы мнѣ удалось пристроить ее». Всѣмъ своимъ многочисленнымъ знакомымъ она не уставала повторять, что еслибы Аня выбрала себѣ по душѣ какого нибудь порядочнаго человѣка, то она, Софья Андреевна, теперь же обезпечила бы имъ на всю жизнь кусокъ хлѣба, а послѣ ея смерти они получили бы еще половину ея остальнаго имущества. Другую половину она хотѣла завѣщать въ женскій монастырь... И вотъ въ это самое время началось сближеніе Берестина съ Аней.

Digitized by Google

— Онъ и прежде былъ хорошъ съ нею,—хмуро замѣтилъ Рытовъ.

— Да, какъ всѣ мы. Даже меньше, чѣмъ всѣ мы. Въ это же время онъ сблизился съ нею больше всѣхъ насъ. Нужно отдать ему справедливость, онъ чрезвычайно богато одаренъ судьбою. Когда ему захочется расположить къ себѣ кого нибудь,— откуда только берутся у него и сильныя чувства, и прекрасныя мысли, и краснорѣчіе, и какая-то особенная выразительность голоса, и добродушный юморъ, и горькая иронія, и самыя милыя шутки... и рѣшительно все, что̀ требуется въ данную минуту. По правдѣ сказать, я нисколько не удивляюсь, что Анна Родіоновна увлеклась имъ. Онъ былъ, что называется, неотразимъ. Никогда мнѣ не приходилось видѣть его до такой степени милымъ и очаровательнымъ.

Рытовъ продолжалъ хмуриться. Бузуновъ помолчалъ нѣсколько времени и раскладывалъ на столѣ, въ равномъ разстояніи одна отъ другой, десятка три спичекъ, точно разставливалъ разсыпнымъ строемъ маленькій отрядъ солдатъ. Потомъ онъ слегка пожалъ плечами и продолжалъ:

— Я передаю вамъ только факты. Да и то—какіе же это факты? Такъ... обрывки... Изъ цѣльной длинной цѣпи вырвано нѣсколько отдѣльныхъ звеньевъ. Сколько въ нихъ ни всматривайтесь, а точнаго и яснаго представленія о всей цѣпи вы себѣ никогда не составите. Въ одинъ прекрасный вечеръ, я узнаю, безъ особеннаго удивленія, что между Анной Родіоновной и нашимъ общимъ другомъ все уже переговорено и рѣшено. Анна Родіоновна—невѣста Берестина. Остается позаботиться только о свадьбѣ. Прекрасно... Но какъ разъ въ это самое время возникаетъ неожиданное осложненіе со стороны Софьи Андреевны. Софья Андреевна въ это время выздоровѣла и почувствовала себя такъ хорошо, какъ уже давно не чувствовала. Пріѣхавшій изъ заграничной поѣздки старичокъ-докторъ, Ѳедоръ Васильевичъ, которому она особенно вѣрила, сказалъ ей, что она завидно здорова и что онъ нисколько не удивится на томъ свѣтѣ, если она запоздаетъ туда переселиться еще лѣтъ на тридцать. Весьма естественно, что Софья Андреевна прежде всего подумала о томъ: какъ же будетъ она жить безъ Анны Родіоновны?

Digitized by Google

Бузунову сдѣлалось смѣшно, и онъ беззвучно засмѣялся, а потомъ махнулъ рукой.

— Найти другую Анну Родіоновну, разумѣется, смѣшно было и надѣяться, потому что такіе люди незамѣнимы. За Анной Родіоновной старая самодурка жила, какъ за какой нибудь доброй волшебницей. Все дѣлалось точно само собой, и Софьѣ Андреевнѣ оставалось только переходить съ постели на кресло, съ кресла на диванъ, и беззаботно посматривать въ свой лорнетъ на всѣ стороны. Все въ образцовомъ порядкѣ, никто ее не раздражаетъ, у прислуги веселыя и довольныя лица... Что же будетъ, когда Аня уйдетъ?.. И вотъ пошла исторія... Софья Андреевна стала сердиться и говорить всѣмъ и каждому, что Берестинъ ей не нравится, что его мать и сестры—какія-то невозможныя женщины. Всѣ трое, не исключая и старухи, накрасятся, напудрятся, распустятъ длинные хвосты и рыскаютъ по городу, только пыль столбомъ. Ужасныя женщины! Развѣ можно порядочной дѣвушкѣ идти въ такую семью?!. Дальше—хуже. Видя, что Анна Родіоновна остается все таки при своемъ, старая самодурка не замедлила перенести свой гнѣвъ и на нее. Безсердечная дѣвушка! Четыре года лелѣяли ее, какъ любимую родную дочь, а она, при первомъ же представившемся случаѣ, бросаетъ пріютившую ее одинокую старуху богъ знаетъ ради кого. Ни привязанности, ни благодарности! Покуда ей некуда было идти, она четыре года ухитрялась разыгрывать передъ нею роль преданнаго друга, а какъ только первый прохожій поманилъ ее пальцемъ,—тотчасъ же и прощайте!.. Въ концѣ концовъ, мнѣ кажется, старуха также сильно возненавидѣла Аню, какъ прежде сильно представлялась влюбленною въ нее. Она со злостью сдѣлала ей кое-какое приданое, подарила пять или шесть выигрышныхъ билетовъ разныхъ займовъ и, послѣ этого, стала такъ держать себя съ нею, что Анна Родіоновна перестала показываться къ ней.

— Бѣдная, бѣдная «куколка»!—проговорилъ Рытовъ, вставая и принимаясь въ волненіи ходить по комнатѣ.—Я воображаю, какъ должно было подѣйствовать это на ея нѣжное сердечко!

Бузуновъ ничего не сказалъ.

— Не помню, черезъ сколько именно времени послѣ свадьбы

Digitized by Google

я зашелъ къ новобрачнымъ,—продолжалъ онъ, помолчавъ.—Анны Родіоновны не было дома, Берестинъ тоже ушелъ куда-то, но зато его мать и сестры оказались всѣ налицо.

— Да развѣ же они жили всѣ вмѣстѣ?—спросилъ Рытовъ, круто обернувшись къ нему.

— Въ томъ-то и дѣло, что вмѣстѣ.

Рытовъ продолжалъ стоять и въ недоумѣніи смотрѣлъ на него.

— Всѣ вмѣстѣ,—повторилъ Бузуновъ.—Всѣ трое тотчасъ же накинулись на меня, какъ будто все это время только и поджидали, скоро ли я приду. Одна тянула меня за рукавъ, другая за локоть, всѣ обсыпали меня пудрой и всѣ разомъ кричали. «Это неслыханный скандалъ! Такія вещи дѣлаются только въ торгашескихъ семьяхъ, да и то въ самыхъ сѣрыхъ, въ самыхъ послѣднихъ. Это прямо надувательство, какъ на базарной площади... Обѣщала чуть не золотыя горы, а дала тысячу рублей съ небольшимъ. Вы вѣдь слышали, вы слышали, что она обѣщала? Она всѣмъ говорила, что обезпечитъ... Какое же это обезпеченіе? У Николая нѣтъ ничего, кромѣ жалованья, на которое ему приходилось содержать, кромѣ самого себя, еще цѣлую большую семью. И безъ того невозможно было сводить концы съ концами, не дѣлая долговъ... Что же это такое? Вы вѣдь бываете у этой проклятой старухи,—поговорите, пожалуйста, съ нею. Усовѣстите ее... Напомните ей, что она обѣщала. Иначе останется только сослаться на свидѣтелей, слышавшихъ ея обѣщанія, и начать противъ нея процессъ»...

Бузуновъ опять беззвучно засмѣялся и махнулъ рукой.

— И вотъ въ то время, когда онѣ кричали, жаловались и грозились, не давая мнѣ выговорить двухъ связныхъ словъ, за нами точно выросъ изъ-подъ пола Берестинъ. «Я вамъ сказалъ уже, чтобы вы не смѣли больше заводить этихъ разговоровъ»! прикрикнулъ онъ. Его дамы переглянулись между собою, и каждая сдѣлала по особой гримасѣ. «Что жь такое? Развѣ это не правда? Все равно, весь городъ говоритъ объ этомъ». Однако, все таки онѣ замолчали и одна за другою ушли изъ комнаты. Послушайте, однако,—обратился Бузуновъ къ Рытову,—я и не спрошу васъ: можетъ быть, вы не пили чаю? Хотите?

Digitized by Google

Рытовъ, задумчиво стоявшій передъ нимъ, облокотившись на спинку стула, встрепенулся, точно разбуженный.

— Что вы говорите? Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... Я пилъ дома. Пожалуйста, не безпокойтесь.

— Еще черезъ нѣсколько времени, я зашелъ къ нимъ опять и засталъ Анну Родіоновну одну,—продолжалъ Бузуновъ, немного помолчавъ.—Съ перваго же взгляда на нее мнѣ показалось, что она какая-то растерянная: не знаетъ, какъ меня встрѣтить, куда посадить и о чемъ со мной разговаривать. Совсѣмъ сбилась съ толку. Поговорили о томъ, о семъ, преимущественно объ общихъ знакомыхъ. Потомъ я спросилъ ее, какъ она привыкаетъ къ новому дому и къ новой жизни. «Да ровно ничего—говоритъ—теперь не дѣлаю. Не знаю, къ чему приступиться, потому что за что ни возьмусь, все выходитъ не такъ»... Что, думаю, милушка? Ошиблись мы... Я воображалъ, что съ какими бы людьми тебѣ ни пришлось жить, вездѣ будетъ тебѣ хорошо. А оказывается, что и тебѣ не подъ силу устроиться хоть сколько нибудь сносно со здѣшними дамами.

— Да неужели, неужели же они все время жили вмѣстѣ?!—воскликнулъ Рытовъ, опять ходившій по комнатѣ и остановившійся, чтобы сдѣлать этотъ вопросъ.

— О, да... до самаго конца!—отвѣчалъ Бузуновъ.—Ну, потомъ, приблизительно мѣсяца черезъ два послѣ свадьбы, Анна Родіоновна стала расхворываться, и пошло все хуже, хуже, тяжелѣе, тяжелѣе... Какія-то перемежающіяся боли, въ родѣ ревматическихъ, лихорадка, головныя боли, потъ по ночамъ, сердцебіенія, а потомъ все это вдругъ проходитъ и замѣняется чѣмъ нибудь новымъ, въ родѣ разстройства желудка или болей въ печени. Мнѣ пришлось говорить о ней съ однимъ изъ лѣчившихъ ее докторовъ и я вынесъ изъ этой бесѣды то впечатлѣніе, что онъ и самъ не понималъ ея болѣзни, потому что ровно ничего не могъ объяснить мнѣ толкомъ. «Сложная, говоритъ, болѣзнь, путаная болѣзнь, захватывающая почти всѣ функціи. Можетъ быть, она и безъ того возникла на нервной почвѣ, а дальнѣйшія болѣзненныя осложненія еще тяжелѣе отзываются на нервахъ». Я не знаю... Видѣлъ только то, что наша «куколка» таетъ. Личико ея милое, которое мы называли фарфоровымъ, осунулось. Глаза сдѣлались огромные. Губы точно прилипли къ зубамъ и деснамъ.

Digitized by Google

Бузуновъ замолчалъ и закурилъ папиросу.

— Часто вы у нея бывали?—спросилъ съ другаго конца комнаты Рытовъ, замѣтно взволнованный.

— Да... бывалъ...

— Жаловалась она?

— Нѣтъ, не жаловалась. То есть, если хотите, жаловалась, но только на то, что она стала въ тягость и другимъ, и себѣ. Раза два она говорила, что рада бы уйти куда нибудь,—въ лѣсъ, что ли,—и остаться тамъ одной, покуда не прошла бы болѣзнь или не пришла бы смерть.

— Часто она говорила о мужѣ?

— Нѣтъ. И, вообще, она любила говорить только о томъ времени, когда жила съ отцомъ и матерью въ деревнѣ. Стоило только ей завести разговоръ объ этомъ, и она могла говорить, кажется, безъ конца. О каждой мелочи... Какъ они ѣздили лѣтомъ въ городъ изъ своей деревни, какъ переправлялись черезъ рѣку, ночевали на половинѣ дороги, въ деревнѣ, у знакомаго мужика, какой у него былъ огромный крытый дворъ, какъ они устраивались на ночь въ тарантасѣ на этомъ дворѣ и какъ странно было, проснувшись ночью, слышать, что кругомъ жуютъ лошади, переходятъ съ мѣста на мѣсто коровы и гдѣ-то копошатся и похрюкиваютъ поросята. Все, до послѣдней мелочи... Вспоминала людей, съ которыми тогда видѣлась,—черемисъ, татаръ, башкиръ, русскихъ старообрядцевъ... Описывала характеры и привычки бывшихъ у нея домашнихъ животныхъ,—собакъ, кошекъ, коровъ, куръ, голубей... Потомъ я началъ уже самъ наводить ее на эти воспоминанія, покуда, въ одинъ прекрасный вечеръ, она не разрыдалась до такой степени среди одного изъ этихъ разсказовъ, что мнѣ казалось—она умретъ отъ этихъ рыданій.

— А Берестинъ? Онъ бывалъ въ это время съ вами?

— Бывалъ и онъ. Но онъ обыкновенно такъ хмурилъ брови и такъ тяжело вздыхалъ, глядя на нее, что она дѣлалась очень неразговорчивой. На эти случаи я приносилъ съ собой какую нибудь книгу, которая могла развлечь ее, и принимался читать вслухъ...

— Вздыхалъ, вздыхалъ!.. Но, вѣдь, любилъ же онъ ее?—вскричалъ Рытовъ.

Digitized by Google

— Надо думать, что любилъ,—нѣсколько неохотно и не тотчасъ отвѣчалъ его собесѣдникъ.

— «Надо думать»!.. Но вѣдь видѣли же вы его вмѣстѣ съ нею и во время ея болѣзни, и послѣ смерти. Могли же видѣть...

— Что я могъ видѣть? Лицо, не душу... Ну, я и говорю вамъ, что видѣлъ, какъ онъ хмурился, вздыхалъ, бросался съ видомъ отчаянія въ кресло, схватывался рукою за то мѣсто, гдѣ у людей обыкновенно помѣщается сердце. Было и во время ея болѣзни, и послѣ смерти, что онъ приходилъ иногда ко мнѣ. Войдетъ, какъ блѣдное привидѣніе, сядетъ и сидитъ, молчитъ... Спросишь или скажешь что нибудь,—молчитъ и смотритъ въ стѣну. Повторишь погромче то же самое,—посмотритъ, спроситъ: «что»?—и опять замолчитъ. Сидитъ, сидитъ, потомъ встанетъ и уйдетъ тѣмъ же блѣднымъ призракомъ. Ну, я видѣлъ это. Видѣлъ, что онъ считалъ пульсъ жены, измѣрялъ ея температуру, дѣлалъ ей компрессы, даже самъ лѣчилъ своими собственными, то есть вычитанными изъ журналовъ, способами,—металлотерапіей, напримѣръ: прикладывалъ ей разныя металлическія пластинки. Это я видѣлъ...

— И только это?—съ горечью проговорилъ взволнованный Рытовъ.—Вѣдь въ вашихъ словахъ ясно слышится, что вы не вѣрите въ его искренность...

— Да нѣтъ же, нѣтъ, не должно этого слышаться,—возразилъ Бузуновъ.—Къ чему же я предупредилъ васъ съ самаго начала, что не берусь судить объ этой исторіи? Именно потому и предупредилъ, что не могу разобраться въ ней. Ничего я не знаю. Двадцать разъ пробовалъ заглянуть поглубже въ душу этого нашего общаго друга и, разумѣется, ничего не могъ въ ней разсмотрѣть, какъ въ бездонной пропасти. Что увидишь? Не выдумано еще такихъ очковъ, чтобы разглядывать человѣческую душу... Иной разъ кажется, что онъ не любилъ ея даже въ то время, когда ухаживалъ, а одумаешься хорошенько и прикрикнешь на самого себя: «да съ чего я взялъ это»?.. Въ другое время, въ головѣ примется бродить та мысль, что сначала онъ любилъ ее, а когда она очутилась передъ его ужасными барынями и растерялась... и пошли всѣ эти домашнія дрязги, и стала она прихварывать,—тогда онъ и раскаялся, что женился на ней. Переворачиваешь, переворачиваешь эту

Digitized by Google

мысль, покуда, наконецъ, не опомнишься и не спросишь самого себя: да съ чего я вообразилъ себѣ это? Кто можетъ разобрать,—любитъ человѣкъ или не любитъ?.. Я зналъ одного угрюмаго господина, который во всю свою жизнь не сказалъ женѣ ни одного добраго слова, по крайней мѣрѣ, при постороннихъ, а между тѣмъ не могъ жить безъ нея. Другіе любятъ и терзаютъ тѣхъ, кого любятъ. Третьи любятъ—и убиваютъ любимаго человѣка... Я знаю только то, что ничего въ этой исторіи не понимаю... и самое лучшее—не говорить о ней и не думать.

Онъ опять замолчалъ. Рытовъ тоже молчалъ и въ видимомъ волненіи ходилъ по діагонали комнаты, не поднимая головы и, казалось, совсѣмъ забывъ о своемъ замолчавшемъ собесѣдникѣ.

— Вы еще не заходили къ Берестинымъ?—спросилъ, наконецъ, Бузуновъ.

Рытовъ остановился.

— Что?.. Ахъ, да... къ нему!.. Нѣтъ. Мнѣ сказали, что его нѣтъ въ городѣ.

— И, дѣйствительно, нѣтъ. Онъ долженъ воротиться завтра вечеромъ или въ воскресенье утромъ.

Рытовъ опять принялся ходить взадъ и впередъ. Наступило молчаніе.

— Знаете ли, кто здѣсь чаще всѣхъ вспоминалъ о васъ?—сказалъ черезъ нѣсколько минутъ Бузуновъ, дѣлая попытку дать его мыслямъ другое направленіе.

— Что?.. меня?—спросилъ онъ такимъ тономъ, какимъ говорятъ разбуженные и несовсѣмъ еще очнувшіеся люди.

— Чаще всѣхъ вспоминала о васъ Евгенія Васильевна.

— Обо мнѣ? Евгенія Васильевна?.. Ахъ, да... Евгенія Васильевна,—повторилъ Рытовъ, только съ трудомъ сообразивъ, кто такая эта Евгенія Васильевна, и сейчасъ же прибавилъ:—Пожалуйста, извините мою разсѣянность. У меня въ головѣ такая путаница, точно тамъ все перемѣшали ложкой. И что было при мнѣ, и что сдѣлалось безъ меня... и Берестинъ... и эта бѣдная «куколка»... Ахъ, куколка, куколка!.. Она будто стоитъ у меня передъ глазами и ни о чемъ другомъ я не могу ни говорить, ни думать.

Digitized by Google

V.

Разсѣянно держа въ рукѣ шляпу, Рытовъ спустился по лѣстницѣ и вышелъ на улицу. Было темно и тихо. Фонари не были зажжены, мѣсяца не было видно и свѣтили однѣ только звѣзды. Гдѣ-то, въ отдаленіи, церковный колоколъ меланхолически дозванивалъ послѣдніе изъ одиннадцати или двѣнадцати ударовъ. Гдѣ-то недалеко, въ темнотѣ, позвякивая подковами о камни, лошадь тихо тащила какой-то легкій экипажъ, постукивавшій колесами, и вдругъ остановилась. Стало совсѣмъ тихо.

Въ этой тишинѣ Рытову сдѣлалось какъ будто еще тяжелѣе. Изъ всего слышаннаго имъ отъ Бузунова онъ вынесъ то преобладающее и болѣзненно подавлявшее его впечатлѣніе, что «куколка» умерла страшно несчастною,—умерла жестоко оскорбленною тѣми людьми, которыхъ любила, обманутою другими, покинутою третьими... Что за ужасъ, если это правда! Но это навѣрное, навѣрное неправда. Бузуновъ—безусловно правдивый и искренній человѣкъ, неспособный ради какихъ нибудь соображеній переиначить то, что онъ видѣлъ; но дѣло въ томъ, что въ немъ всегда сидѣло какое-то необъяснимое предубѣжденіе противъ Берестина и мѣшало ему видѣть вещи такъ, какъ онѣ происходили въ дѣйствительности.

Рытовъ задумался о Берестинѣ и вспомнилъ старые школьные годы. Тогда весь ихъ не особенно большой кружокъ жилъ довольно дружно, и даже Бузуновъ какъ будто мало придирался къ Берестину. Потомъ онъ, Рытовъ, уѣхалъ въ Петербургъ и пріѣзжалъ домой только на лѣто и иногда еще на рождество. Ему вспомнилась теперь одна такая же поздняя и тихая, но только зимняя рождественская ночь. Онъ, Бузуновъ, Берестинъ, Чоглоковъ, возвращались со студенческой вечеринки и довольно долго шли всѣ вмѣстѣ. Было очень холодно. Всѣ кутались въ свои шубы, поднимали повыше воротники, запрятывали поглубже руки въ рукава и отъ времени до времени «брррыкались», какъ выразился Берестинъ. Одинъ только онъ, бывшій тогда, по его собственнымъ словамъ, на положеніи «pauvre diable'я», чувствовалъ себя совершенно хорошо въ своемъ вытертомъ драповомъ пальто и черной по-

Digitized by Google

ярковой шляпѣ. Когда по той или по другой сторонѣ тротуара попадалась накатанная ребятишками узенькая ледяная площадка, онъ съ разбѣга прокатывался по ней на своихъ подошвахъ, потомъ останавливался и, подождавъ отставшихъ молчаливыхъ товарищей, продолжалъ прерванную на минутку рѣчь. Посмѣиваясь надъ ихъ «звѣриными шкурами» и «безсловесностью», онъ говорилъ, что дѣло не въ морозѣ, не въ шубахъ, даже не въ томъ, чтобы желудокъ былъ достаточно снабженъ матерьяломъ для усиленнаго согрѣванія тѣла, а просто въ нервахъ и въ настолько высокомъ подъемѣ духа, чтобы человѣкъ могъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относиться къ «ярости безсмысленныхъ стихій» и ко всякимъ «ударамъ стрѣлъ враждующей Фортуны». Сильные духомъ могутъ безопасно купаться въ крещенскихъ прорубяхъ; сильные духомъ остаются здоровыми въ разгарѣ самыхъ страшныхъ эпидемій, когда трусы валятся, какъ трава подъ косой; сильные духомъ могутъ однимъ великимъ усиліемъ воли излѣчиваться отъ такихъ болѣзней, которыя наука признаетъ неизлѣчимыми. Приводя десятки примѣровъ, долженствовавшихъ подтвердить его мысль, Берестинъ перемѣшивалъ были съ небылицами, серьезное съ шутовствомъ, прозу со стихами и, въ концѣ концовъ, добился того, что всѣхъ расшевелилъ и заставилъ разговориться.

Года за три передъ тѣмъ, умеръ отецъ Берестина. Мать его вторично вышла замужъ,—за своего земляка, знавшаго ее еще въ то время, когда она была маленькой дѣвочкой. Это былъ тоже вдовецъ, бездѣтный, пожилой уже человѣкъ, служака-чиновникъ, не любившій никакихъ «умствованій» и проникнутый убѣжденіемъ, будто бо́льшая половина всякаго зла на землѣ происходитъ оттого, что люди, вмѣсто того чтобы заниматься каждый своимъ дѣломъ, глазѣютъ по сторонамъ и думаютъ о всякихъ постороннихъ глупостяхъ. «Мое дѣло—служба, ваше дѣло—учиться; дѣло вашей матушки и сестрицъ—хозяйство и женскія занятія, а остальное до насъ не касается», добродушно, но очень твердо сказалъ онъ Берестину, какъ бы заранѣе предупреждая его, на какихъ условіяхъ они могутъ жить мирно подъ одной кровлей.—«Извините, не могу съ вами согласиться. Когда идетъ долго дождь, я непремѣнно начинаю ворчать; а когда вижу, что кого нибудь грабятъ или лупятъ

Digitized by Google

по мордѣ, принимаюсь орать на всю улицу. Обязательно»! также твердо отвѣчалъ тотъ и остался жить одинъ. Все время своей студенческой жизни Берестинъ жилъ отдѣльно отъ семьи, перебиваясь преимущественно «силою духа», а также кое-какими уроками и случайными занятіями. Потомъ кончилъ курсъ, былъ нѣсколько времени учителемъ, круто «разошелся во взглядахъ» со своимъ начальствомъ и перешелъ на «вольную» службу, на которой состоялъ и по сіе время.

Между тѣмъ, еще въ то время, когда Берестинъ учительствовалъ, его вотчимъ, кажется, никогда не знавшій никакихъ болѣзней и сулившій свое цвѣтущею наружностью прожить еще лѣтъ сорокъ, скоропостижно скончался. Сбереженный имъ на черный день небольшой капиталецъ мать и сестры Берестина ухитрились прожить чуть не въ нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ оказались въ очень незавидномъ положеніи. Берестинъ не зналъ, что̀ съ ними дѣлать. Жить вмѣстѣ съ этими тремя особами ему не хотѣлось, потому что у него не было съ ними ничего общаго, кромѣ крови и нѣкоторыхъ старыхъ воспоминаній. Онъ даже не любилъ говорить о нихъ и, если было уже нельзя избѣжать этого, то ограничивался полушутливыми, полудосадливыми фразами, въ родѣ: «Очень, очень слабыя созданія»! или: «О, женщины! Ничтожество—вамъ имя»! Сначала онъ хотѣлъ было отдавать имъ половину своего жалованья и жить по прежнему отдѣльно отъ нихъ. Но потомъ ему пришло въ голову, что вѣдь онѣ, со своей безалаберностью, непремѣнно будутъ проживать эти деньги въ первыя же двѣ недѣли, а затѣмъ ему опять придется выручать и содержать ихъ. Въ концѣ концовъ, скрѣпя сердце, онъ рѣшился поселиться вмѣстѣ съ этими «очень слабыми созданіями» и, по возможности, держать ихъ въ рукахъ. По крайней мѣрѣ, будутъ сыты и не станутъ половину мѣсяца сидѣть на кофе съ хлѣбомъ.

Эти воспоминанія нѣсколько успокоили Рытова. Казалось несомнѣннымъ, что человѣкъ съ такимъ чистымъ прошлымъ, такъ мало заботившійся о своихъ матеріальныхъ интересахъ, не былъ способенъ на что нибудь даже приблизительно подобное тому, въ чемъ смутно подозрѣвалъ его Бузуновъ. Бузуновъ просто сошелъ съ ума... Но потомъ Рытову вспомнилось, что Бузуновъ и прежде мало довѣрялъ чистотѣ побужденій

Digitized by Google

Берестина. Еще дальше Рытовъ опять задумался надъ вопросомъ: какъ могъ Берестинъ, женившись на Анѣ, поселить ее вмѣстѣ со своими сестрами и матерью? Самъ онъ могъ кое-какъ уживаться съ ними, потому что съ дѣтства присмотрѣлся къ ихъ глупости, алчности, безалаберности, крикливой назойливости, безсердечію и ко всѣмъ безчисленнымъ недостаткамъ этихъ «очень слабыхъ созданій». Но какъ могъ онъ отдать на терзаніе этимъ поганымъ мухамъ чистую сердцемъ и впечатлительную Аню?... Рытовъ опять повѣсилъ голову и наморщилъ лобъ.

Навстрѣчу ему попались возвращавшіеся по домамъ три партнера его отца. Впереди шелъ Алексашинъ и, сладко зѣвая во весь ротъ, прикрывалъ его ладонью, а потомъ принимался сонными голосомъ кликать извощика. Позади Алексашина шли остальные двое и горячо спорили.

— Да я не могъ, не могъ... Поймите, что не могъ!—кричалъ одинъ. — Мнѣ былъ сдѣланъ шахъ съ лѣвой руки... конемъ... Какъ же я могъ прикрывать васъ, когда мнѣ приходилось уходить отъ шаха? Шахъ конемъ!..

— Да нѣтъ же... Это вамъ потомъ былъ сдѣланъ шахъ конемъ... со слѣдующимъ ходомъ,—возражалъ другой.

VI.

Рытовъ нашелъ отца въ той же обширной комнатѣ, въ которой происходила игра. Но теперь эта комната была уже выметена и прибрана: всѣ столы и вещи, до послѣдней пепельницы или спичечницы, стояли на своихъ обычныхъ мѣстахъ, всѣ окна были растворены настежъ, и легкій сквознячокъ, ходившій между ними, выгонялъ послѣдніе остатки табачнаго дыма. Петръ Александровичъ сидѣлъ въ красивомъ сафьянномъ креслѣ въ углу, куда не доходилъ сквознякъ, и, сложивъ на животѣ руки, припоминалъ разныя случайности только что окончившихся шахматныхъ битвъ.

— Ваши противники такъ жарко спорили и кричали на улицѣ, что, должно быть, ушли побитыми,—сказалъ Рытовъ.

Петръ Александровичъ весело захихикалъ.

— Побитыми, побитыми!—отвѣчалъ онъ.—Изъ четырехъ игръ проиграли три. А что потѣшнѣе всего, такъ это то, что

Digitized by Google

они проиграли и первую игру, которая уже на добрыхъ три четверти была выиграна ими, хи-хи-хи!.. Чудакъ этотъ Алексашинъ. Хотѣлъ сдаваться!.. Прежде мы играли кому съ кѣмъ придется по жеребью—каждый съ каждымъ—по очереди. Но потомъ, уже давно что-то, раздѣлились на постоянные союзы, и я всегда играю заодно съ Алексашинымъ, а тѣ двое—противъ насъ.

— Это началось еще при мнѣ,—замѣтилъ сынъ.

— Ну, вотъ... Тебя вѣдь не было, должно быть, два года.

— Три слишкомъ.

— Даже три... Значитъ, мы съ нимъ уже года четыре тянемъ въ одномъ дышлѣ, и все таки онъ не можетъ приноровиться ко мнѣ. Сдаваться!.. Да никогда, ни вѣ жизни, ни въ игрѣ, не слѣдуетъ сдаваться, покуда не объявятъ матъ. Да и то нужно еще осмотрѣть со всѣхъ боковъ, дѣйствительно ли матъ. Мало ли какія бываютъ затмѣнія!.. А то сплоховали, сбрендили, запутали съ самаго начала свою игру, потеряли одну, другую фигуришку,—и сейчасъ сдаваться! Извините, пожалуйста, господа. Если принять въ разсчетъ нѣкоторыя психологическія обстоятельства, то шансы-то, пожалуй, оказываются равными для обѣихъ сторонъ. Та сторона, которая вообразила, что теперь игра уже навѣрное выиграна ею, обыкновенно продолжаетъ играть спустя рукава и больше глазѣетъ по окнамъ да приговариваетъ: «не лучше ли, господа, начать новую партію»? А та сторона, которая видитъ, что ея дѣло плохо, та—вытребовала всѣ свои умственные резервы, брендить уже не будетъ больше и не спуститъ своимъ противникамъ ни единаго промаха. Не прогнѣвайтесь!.. Одной ошибкой воспользуется ловко, другою — еще ловчѣе, налѣво поставитъ хорошенькую западню, направо — другую; глядишь,—силы-то и уравнялись во всѣхъ отношеніяхъ. Какой оборотъ по милости божіей! Хи-хи-хи!.. Та же самая исторія, что̀ и въ жизни. Нерѣдко видишь какого нибудь много обѣщающаго молодаго человѣка, у котораго есть все, чтобы выдѣлиться изъ обыкновенной толпы: и блестящія способности, и здоровье, и счастливая наружность, и хорошія матеріальныя условія, и вліятельные родственники, и протекція... Ну, думаешь, поднимется высоко, какъ звѣзда небесная!.. Но такъ какъ онъ и самъ знаетъ, что всякія дороги для него

Digitized by Google

открыты во всякое время, то и не торопится приниматься за дѣло. Бьетъ баклуши, наслаждается разными маленькими радостями жизни, благо ихъ много вокругъ него. Время идетъ, идетъ, да и совсѣмъ уходитъ. Бывшіе таланты оказываются заржавѣвшими и ни на что негодными, способность къ труду потеряна. И вышелъ—нуль!.. А другой,—бѣднякъ безъ роду и племени, голякъ съ продранными сапогами,—которому судьба на каждомъ шагу дѣлаетъ шахъ и угрожаетъ матомъ,—тотъ борется. Тотъ напрягаетъ всѣ свои силёнки и гдѣ ползкомъ на брюхѣ, гдѣ цѣпляясь и ногтями, и зубами за всякую попавшуюся опору, подвигается да подвигается впередъ. Глядишь, и вышелъ на дорогу, побѣдилъ!..

— Такъ-то такъ,—тихо проговорилъ Рытовъ, уже съ десятокъ разъ слышавшій отъ отца всѣ эти разсужденія и столько же разъ возражавшій на нихъ.—Но гораздо чаще, и въ игрѣ, и въ жизни, бываетъ, что когда человѣкъ сдѣлалъ одну, другую, третью серьезную ошибку, онъ совсѣмъ теряетъ голову.

Петръ Александровичъ весело засмѣялся.

— И клади его въ карманъ... Хи-хи-хи!.. Правда, правда, это чаще бываетъ,—согласился онъ.—Однако, ты напрасно ходишь на сквознякѣ. Шахматы—большое удовольствіе для меня, но непріятно, что всѣ мои партнеры курятъ, и къ концу вечера напустятъ столько дыма, что не скоро очистишь воздухъ. Не очень хорошо также, что послѣ этой вечерней игры всегда чувствуешь себя въ нѣсколько возбужденномъ состояніи и рѣдко засыпаешь въ свой положенный часъ. Ну, да что дѣлать? За всякое удовольствіе приходится расплачиваться такъ или иначе... А ты практиковался за это время въ шахматахъ?

— Нѣтъ, не приходилось.

— Жаль. Изъ тебя могъ бы выработаться хорошій игрокъ. Впрочемъ, можетъ быть, теперь ты надолго устроишься здѣсь? Или думаешь опять уѣхать?

— Право, не знаю, какъ придется. Если кто нибудь изъ товарищей опять позоветъ куда нибудь на постройку или на другую работу, — поѣду; а если нѣтъ, попробую устроиться здѣсь,—нѣсколько грустно отвѣчалъ Рытовъ, вдругъ почувствовавъ съ особенною болью въ сердцѣ, что и на постройкѣ онъ былъ пришлымъ рабочимъ, и здѣсь—точно въ гостяхъ, а не дома. Нѣтъ у него своего дома.

Digitized by Google

— Что это ты какъ будто чѣмъ-то озабоченъ или разстроенъ... или усталъ?—нѣсколько безпокойно проговорилъ Петръ Александровичъ, не любившій ни озабоченныхъ лицъ, ни печальныхъ разговоровъ, ни вздоховъ, ни слезъ,— ничего, что̀ непріятно дѣйствуетъ на нервы.

— Нѣтъ. Большихъ заботъ я еще не нажилъ. Скорѣе разстроенъ. Бузуновъ разсказывалъ мнѣ объ Аннѣ Родіоновнѣ, и она, бѣдняга, не выходитъ у меня изъ головы.

— Анна Родіоновна? — переспросилъ отецъ, опять успѣвшій позабыть, кто такая эта Анна Родіоновна.—Ахъ, да... Аня... Что она засѣла у тебя въ головѣ? Ты былъ влюбленъ въ нее, что ли?..

Рытовъ, продолжавшій ходить по комнатѣ, вдругъ остановился и, повернувшись къ отцу, посмотрѣлъ на него съ величайшимъ изумленіемъ.

— Я?.. Вовсе нѣтъ... Когда мнѣ написали, что она выходитъ замужъ, я очень порадовался и за нее, и за ея мужа... Ничего похожаго!..

— Въ такомъ случаѣ, я ужь и совсѣмъ ничего не понимаю. Что̀ она тебѣ?.. Сначала она, дѣйствительно, произвела на меня довольно милое впечатлѣніе: пріятный голосъ, ясные глаза, умѣнье держаться какъ разъ на своемъ мѣстѣ,—ни слишкомъ впереди, ни слишкомъ назади... Но потомъ она объявилась... не умѣю, какъ тебѣ сказать... глупенькой, не глупенькой, а приблизительно въ родѣ этого...

— Она?—съ такимъ же недоумѣніемъ произнесъ Рытовъ, опять остановившись и во всѣ глаза смотря на отца.

— Скорѣе, простоватенькой или, еще вѣрнѣе, простодушненькой. Оказалось, что она вѣритъ и въ предчувствія, и въ духовъ, и въ таинственныя силы, и не знаю, во что еще... чуть ли не въ оборотней. Хи-хи-хи!.. Положимъ, сколько помнится, она все время жила въ какой-то лѣсной трущобѣ; однако, все таки... Хи-хи-хи!..

Прищуривъ глаза, Петръ Александровичъ неудержимо смѣялся, какъ смѣялся всегда, когда ему приходилось слышать, что взрослые люди изъ образованнаго общества оказывались вѣрующими въ какихъ-то сказочныхъ букъ.

— Батя, батя!—сказалъ Рытовъ съ упрекомъ и съ досадой на близорукость отца.—Да вѣдь главная прелесть этой

Digitized by Google

дѣвушки именно и заключалась въ ея искренности. Сотни, тысячи такъ называемыхъ образованныхъ мужчинъ и женщинъ тоже вѣрятъ во что угодно, только скрываютъ это. Изъ боязни показаться неразвитыми людьми, они дѣлаютъ видъ, что довѣряютъ одной только наукѣ. Лгутъ! Лгуны и трусы... Я зато больше всего и любилъ Аню, что она была неспособна лгать. Что она говорила, то, слѣдовательно, и думала. Чистая, хрустальная душа!

Петръ Александровичъ продолжалъ тихонько посмѣиваться, размышляя, что сынъ, пожалуй, правъ, и суевѣровъ, въ самомъ дѣлѣ, несравненно больше, чѣмъ кажется. Хи-хи-хи!.. Потомъ онъ сладко зѣвнулъ и почувствовалъ себя совсѣмъ хорошо. Этотъ веселый смѣхъ и свѣжій ночной воздухъ, уже наполнившій всю комнату, успокоили его нервы. Теперь можно было и идти спать безъ опасенія, что не заснешь долго.

— Искренность, конечно, хорошая вещь,—сказалъ онъ, вставая,—однако, я думаю,—и ты согласишься со мной,—что было бы еще лучше, еслибы она сопровождалась достаточнымъ образованіемъ и развитіемъ. Хи-хи-хи! Ну, пора спать. И безъ того ложусь сегодня почти на цѣлый часъ позже обыкновеннаго.

VII.

Уйдя въ свою комнату, Рытовъ поставилъ лампу на столъ и остановился въ нѣкоторомъ недоумѣніи: что же онъ будетъ теперь дѣлать? Спать ему совсѣмъ не хотѣлось, лежать на постели въ ожиданіи сна,—тяжело и скучно, бродить по комнатѣ—было неудобно, потому что онъ могъ потревожить сонъ отца. Правда, между ихъ спальнями была еще одна очень узкая комната, служившая кабинетомъ и библіотекой, но отецъ, когда ему случалось почему нибудь спать плохо, раздражался каждымъ звукомъ и придирался ко всему: къ крысѣ, которая скреблась подъ поломъ, къ собакѣ, глодавшей кость подъ окнами его спальни, къ коровѣ, чесавшей шею объ уголъ дома.

Рытовъ осторожно отворилъ окно и, усѣвшись на подоконникѣ, закурилъ папиросу. Нѣсколько влѣво отъ окна возвышалась темная стѣна пристройки, въ которой помѣщалась кухня. Прямо передъ окномъ и направо отъ него виднѣлся

Digitized by Google

широкій дворъ, освѣщенный лучами мѣсяца. Почти посрединѣ его лежала корова и пережевывала жвачку. Дальше было сложено, правильными четырехъугольными столбами, нѣсколько тысячъ кирпича. Еще дальше тянулись сплошною линіею погреба, хлѣва, сараи, а за ними возвышались, точно нарисованныя черною краскою на свѣтломъ фонѣ неба, неподвижныя вершины высокихъ березъ и вязовъ.

Теперь у Рытова на сердцѣ было, пожалуй, еще тяжелѣе, чѣмъ въ то время, когда онъ шелъ отъ Бузунова домой. Нѣсколько часовъ назадъ, когда онъ приближался на пароходѣ къ городу и увидѣлъ знакомыя деревни, колокольни, утесы и затоны,—его охватило такое неожиданное чувство, какъ будто все это было именно то, чего ему недоставало въ эти три года и о чемъ нерѣдко тосковало его сердце. Неужели же, дѣйствительно, есть какая-то таинственная нить, которая связываетъ человѣка съ его родиной,—вотъ съ этой землей, изъ которой онъ создался? Развѣ же даромъ нѣкоторые изъ докторовъ, безуспѣшно перепробовавъ надъ больнымъ всѣ извѣстныя въ наукѣ средства, совѣтуютъ ему попробовать еще одно, послѣднее,—родной воздухъ?.. Но теперь Рытовъ испытывалъ чувство разочарованія. Пожалуй, онъ былъ радъ, что находился дома, опять видѣлъ передъ собой эти старые березы и вязы, эти стѣны, среди которыхъ провелъ столько дней и ночей съ того времени, когда былъ четырнадцати или пятнадцатилѣтнимъ школьникомъ. Однако, онъ ожидалъ чего-то бо́льшаго. Ани уже не было на свѣтѣ, Бузуновъ произвелъ на него какое-то странное впечатлѣніе, къ Берестину онъ не могъ относиться по прежнему, отъ отца ожидалъ чего-то другаго, хотя не могъ не видѣть, что отецъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ и прежде. Все не то, что̀ ожидалось... И все перевернула Аня! Не будь этой странной и печальной исторіи, разумѣется, онъ совсѣмъ иначе встрѣтился бы съ Бузуновымъ, съ Берестинымъ, съ отцомъ, со всѣми. Тогда его возвращеніе домой было бы веселымъ праздникомъ для него; а теперь... точно все о́бтянуто траурно́й матеріей, точно на него навалилась какая-то тяжесть, мѣшающая ему свободно дышать.

Рытовъ опять припоминалъ подробности всего разсказаннаго ему Бузуновымъ, опять перебиралъ въ своей памяти все, что̀ зналъ о Берестинѣ, и, въ концѣ концовъ, снова спраши-

Digitized by Google

валъ себя съ тревожнымъ недоумѣніемъ: какъ могъ Берестинъ поселить Аню со своими сестрами и матерью? Все другое Рытовъ могъ объяснить себѣ такъ или иначе, но это обстоятельство оставалось для него необъяснимымъ.

О чемъ бы онъ ни начиналъ думать, мысли его постоянно переходили къ Анѣ, и если не надолго обращались на что нибудь другое, то сейчасъ же опять возвращались къ ней. Она точно стояла у него передъ глазами, проходила передъ ними и снова появлялась,—то въ своемъ любимомъ сѣромъ платьѣ, то въ «парадномъ» черномъ, въ которомъ казалась еще болѣе тоненькою и стройною; то съ непокрытою темноволосою головкою, то съ наброшеннымъ на нее платкомъ. Рытову вспомнилось, что она не любила женскихъ шляпъ, въ особенности модныхъ, которыя приходилось держать обѣими руками во время вѣтра и только что не прятать отъ дождя. Потомъ ему припомнилось, какъ однажды на дачахъ, мимо которыхъ онъ проѣзжалъ сегодня вечеромъ, она шла рядомъ съ нимъ, набросивъ, по татарски, на голову свой ватерпруфъ, и его рукава, развѣвамые вѣтромъ, мотались у нея за плечами. Это было уже въ началѣ осени. Они шли только вдвоемъ, съ корзинками въ рукахъ; довольно долго шли по берегу, потомъ повернули на гору, въ лѣсъ, и пошли по извилистой тропинкѣ, проложенной не столько людьми, сколько вешнею водою. Кругомъ былъ орѣшникъ. Собирая орѣхи, попадавшіеся на каждомъ шагу, они заговорили къ чему-то о змѣяхъ, о заклинаніяхъ змѣй, и затѣмъ у нихъ пошелъ довольно странный разговоръ о колдунахъ, знахаряхъ, заговорителяхъ крови, предчувствіяхъ, вѣщихъ снахъ, видѣніяхъ. Аня разсказывала, повидимому, своимъ обыкновеннымъ ровнымъ голосомъ, какъ она сама испытывала раза три нѣчто очень похожее на сбывавшіяся потомъ предчувствія; какъ «у нихъ» бывалый пастухъ, прежде чѣмъ пойдетъ въ первый разъ со стадомъ въ поле, непремѣнно заходитъ къ колдуну за чѣмъ-то въ родѣ талисмана, дающаго особенную силу держать скотину около себя и не позволять ей расходиться далеко по сторонамъ; какъ она сама видѣла, что одна баба,—очень скверная и пьяная женщина,—въ одну минуту заговорила у собаки кровь, которую никакими средствами не могли остановить ни отецъ, ни фельдшеръ, ни докторъ. Разсказывала все это Аня такимъ образомъ,

Digitized by Google

что изъ ея словъ нельзя было понять, — вѣритъ ли она въ особенную таинственность всего этого, или не вѣритъ. Однако, въ ея голосѣ и въ выраженіи глазъ Рытову почувствовалось что-то такое, по чему можно было подумать, что она скорѣе вѣритъ, чѣмъ не вѣритъ.

— Силы невѣдомыя,—съ усмѣшкой сказалъ онъ, прибѣгая къ своему любимому выраженію, сдѣлавшемуся у него почти поговоркой.—А вѣдь вы, пожалуй, вѣрите въ нихъ?

— Я... не знаю, — задумчиво отвѣчала она и, посмотрѣвъ своими странно мерцавшими глазами въ чащу лѣса, громоздившагося по скату оврага, повторила:—Я не знаю... Папа прежде ни во что не вѣрилъ, а потомъ, кажется, сталъ вѣрить. Онъ говорилъ, что изо всего міра мы знаемъ, да и то плохо, только ту узенькую тропиночку, по которой бредемъ... а что по сторонамъ,—ничего этого мы не знаемъ. Хотѣлось бы вѣрить...

Когда она произнесла эти слова, что ей «хотѣлось бы вѣрить», Рытову вдругъ показалось, что онъ понялъ ея тепершнее душевное настроеніе, и ему стало очень жаль ее. Какъ только онъ увидѣлся сегодня съ нею, ему тотчасъ же бросилось въ глаза, что она или несовсѣмъ здорова, или хандритъ. Софья Андреевна подтвердила, что «куколка» хандритъ еще со вчерашняго дня, должно быть, по милости этихъ несносныхъ дождей, которые уже четвертый день не даютъ высунуть носа изъ дому и подышать воздухомъ. И вотъ теперь, когда она говорила о «нашихъ краяхъ», о «папѣ», Рытовъ угадалъ, что ей взгрустнулось именно о ея прошломъ, объ умершихъ отцѣ и матери, и «хотѣлось бы вѣрить» именно ради того, чтобы не чувствовать себя совсѣмъ и навсегда оторванной отъ этихъ людей, которые были для нея дороже всего въ мірѣ. «Пусть вѣритъ, если можетъ», подумалъ онъ, какъ будто даже съ нѣкоторою завистью, и принялся разспрашивать объ ея отцѣ, матери, объ ихъ прежней жизни, разсчитывая, что въ теперешнемъ настроеніи Ани ей будетъ пріятно говорить именно объ этомъ.

Дѣйствительно, оказалось, что объ этомъ она была готова говорить, пожалуй, безъ конца. Она разсказала, что ея отецъ былъ прежде лѣсничимъ. Онъ былъ серьезный, не особенно долюбливавшій общество, даже нѣсколько меланхолическій человѣкъ, и настолько добросовѣстно относился къ своему дѣлу, что иногда «мама» даже сердилась на него и говаривала, что

Digitized by Google

изъ-за какихъ нибудь десяти деревъ онъ всегда готовъ испортить себѣ десять недѣль жизни. На одномъ мѣстѣ онъ прослужилъ года четыре. Потомъ его перевели въ другой уѣздъ. Тамъ у него сейчасъ же начались непріятности съ купцами-лѣсопромышленниками. Эти купцы стали добиваться, чтобы отъ нихъ убрали такого непокладливаго человѣка, и въ концѣ концовъ достигли таки того, что его перевели опять на новое мѣсто, въ третій уѣздъ, въ которомъ даже и лѣсовъ почти не было. Но на этотъ разъ «папа», чувствовавшій себя совершенно правымъ, потерялъ всякое терпѣніе. Внѣ себя онъ объявилъ «мамѣ», что выходитъ въ отставку и скорѣе будетъ таскаться по дорогамъ съ коробомъ за плечами и торговать нитками, чѣмъ поступитъ опять на какую бы то ни было службу, гдѣ его могутъ швырять съ мѣста на мѣсто, какъ куклу.

— Да что же ты кричишь и клянешься?—сказала «мама», больше всего заботившаяся о томъ, чтобы онъ не волновался и не мучилъ себя.—И хорошо сдѣлали, что заставили тебя выйти въ отставку. У тебя есть теперь своя земля, тебѣ давно слѣдовало бы самому заняться хозяйствомъ.

Дѣйствительно, у него была своя земля, не такъ давно доставшаяся ему по наслѣдству. Поѣхали туда и принялись устраиваться своимъ хозяйствомъ. Сначала было довольно тяжело, такъ какъ денегъ у нихъ было немного, а обзаводиться приходилось рѣшительно всѣмъ, начиная съ лопаты и кончая домомъ и службами. Первую зиму въ новомъ домѣ только и дѣлали, что хворали, угорали, простуживались, не смотря на то, что всѣ ходили постоянно въ валенкахъ и въ тепломъ платьѣ. На каждомъ шагу оказывались разные недостатки. Сѣни между комнатами и кухней стояли безъ потолка, подъ одной только крышей; надворныхъ строеній оказывалось мало; сарая для дровъ вовсе не было; вмѣсто настоящаго забора, были по одну сторону двора поставлены прясла. Но потомъ, понемногу, все пошло лучше и лучше. Представилась даже возможность выписывать газету, два журнала и книги. Скотный дворъ наполнился лошадьми, коровами, телятами. Развелось много всякой птицы. Все устроилось хорошо. Народъ кругомъ, смѣшанный изъ татаръ, башкиръ и русскихъ старообрядцевъ, оказался въ сущности славнымъ народомъ и хорошими сосѣдями. «Папа» утратилъ всю свою прежнюю меланхолію,

Digitized by Google

благопріобрѣтенную на службѣ, и сдѣлался тѣмъ, чѣмъ былъ отъ природы, то есть очень добрымъ и хорошимъ человѣкомъ, добивавшимся отъ жизни только того, чтобы у него была дѣльная работа и любимая семья, среди которой онъ могъ бы отдохнуть послѣ этой работы. Все, все устраивалось хорошо. И вотъ, въ это время,—точно, въ самомъ дѣлѣ, боги позавидовали ихъ счастью,—«мама» захворала и, проболѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ, умерла.

— Ужасъ, что такое!.. Точно какое-то предательство или какъ будто ее ударили ножемъ изъ-за угла... Не хотѣлось вѣрить, что она могла умереть! Вѣдь она была сильнѣе и здоровѣе меня и отца, хотя и мы были не изъ хилыхъ. Она никогда не падала духомъ и только посмѣивалась надъ нами, когда мы вѣшали носы... Она съ утра до ночи выдумывала себѣ все новыя работы и чувствовала себя особенно хорошо только тогда, когда, улегшись спать, немедленно засыпала, какъ только укладывала голову на подушку. Ей все было мало дѣла... У нея было столько силъ, что некуда было дѣвать ихъ. Никакая болѣзнь не могла бы справиться съ нею, еслибы подошла къ ней прямо. Но въ томъ-то и дѣло, что она подкралась къ ней точно изъ-за угла, врасплохъ, со всякими хитростями и предосторожностями. О, подлая!.. Начала съ легкой простуды, съ кашля, который безпокоилъ по ночамъ, съ разныхъ ревматическихъ побаливаній, потомъ подослала небольшую лихорадку... И когда совсѣмъ обезсилила и измучила маму, тогда только и разразилась настоящей болѣзнью, — воспаленіемъ въ легкихъ. Ужасно!.. Человѣку, которому живется нехорошо, который никого не любитъ самъ и видитъ, что и его никто не любитъ,—даже и такому человѣку, говорятъ, тяжело умирать... А ей-то, ей... когда она любила насъ больше самой себя и знала, что и мы любимъ ее больше всего на свѣтѣ?! О, мама, мама!... Папу это, разумѣется, убило. Онъ сразу точно сгорбился, постарѣлъ и часто говорилъ, что «теперь онъ поконченный человѣкъ», «теперь солнца не стало и никогда больше не будетъ», «теперь пойдутъ только бѣлыя ночи»... Нельзя сказать, чтобы онъ былъ нелюдимый человѣкъ и совсѣмъ избѣгалъ общества, но онъ чувствовалъ себя хорошо только дома. Когда ему приходилось обѣдать въ гостяхъ, онъ всегда пріѣзжалъ домой голодный, потому что въ гостяхъ у него не было даже апетита. И

Digitized by Google

вдругъ, этого дома, то есть того, что̀ было для него всего дороже и составляло душу дома,—не стало... Онъ не находилъ себѣ мѣста. Придетъ домой и, точно не видя того, что̀ ему нужно, уйдетъ. Скажетъ, что поѣдетъ въ городъ дня на четыре, а возвратится на другой же день. Къ тому же онъ еще вообразилъ себѣ съ чего-то, что мало заботился о мамѣ и что она умерла, пожалуй, черезъ него, потому что онъ, вмѣсто того чтобы спокойно служить себѣ на казенномъ хлѣбѣ, притащилъ ее сюда въ пустыню, гдѣ не было ни порядочнаго жилья,—ни общества, ничего, кромѣ тяжелой работы и заботъ... Я боялась, что онъ сойдетъ съ ума. А потомъ, какъ нарочно, одно къ одному, пошли всякія неудачи и несчастія. Сначала градъ выбилъ половину полей, дальше—сгорѣли всѣ надворныя постройки, на слѣдующій годъ—неурожай. Отецъ только смѣялся такимъ смѣхомъ, отъ котораго дѣлалось страшно. «Да я ужь такъ и зналъ напередъ,—говорилъ онъ.—Покуда былъ у насъ ангелъ-хранитель, все шло хорошо. А теперь, когда его не стало, все такъ и ползетъ прямо въ пропасть»! Дѣла запутались, появилось много долговъ, безпрестанно надо было платить проценты и продавать то одно, то другое. Самое же худшее—папа началъ пить... Я довольно долго не подозрѣвала этого и совсѣмъ случайно узнала, что онъ началъ пить уже черезъ полгода послѣ смерти мамы, но только всячески старался скрыть это отъ меня; иногда по нѣсколько часовъ онъ прятался гдѣ нибудь въ людской избѣ или на сѣновалѣ, покуда хмѣль не проходилъ. По временамъ, мнѣ думается теперь: какъ, должно быть, тяжело было у него на душѣ всѣ эти годы послѣ смерти мамы!

Лѣсъ кончился. Они вышли въ поле. Въ полуверстѣ, направо, чернѣла какая-то деревенька съ нѣсколькими вѣтряными мельницами; налѣво, глубоко внизу, разстилалась рѣка. Аня повернула къ ней.

— Онъ недолго прожилъ послѣ этого?—спросилъ Рытовъ.

— Нѣтъ, недолго... безъ двухъ мѣсяцевъ три года послѣ смерти мамы. И какъ-то странно, вдругъ... точно былъ уже надломленъ и, при первомъ прикосновеніи, переломился. Былъ, онъ, повидимому, здоровъ, писалъ какую-то бумагу; потомъ вдругъ разболѣлась голова, начался жаръ, бредъ... и черезъ четыре дня все было кончено... Сядемте на минутку здѣсь; это

Digitized by Google

любимое мое мѣсто,—прервала она сама себя, остановившись у обрыва высокаго берега.—Немного посидимъ, а потомъ спустимся вонъ по той тропинкѣ прямо домой.

Вдали, направо, виднѣлась неопредѣленная бѣлая масса большаго города на горѣ; еще дальше влѣво можно было разсмотрѣть другую одинокую гору, на которой бѣлѣлъ своими высокими стѣнами, колокольнями и церквями старинный монастырь, а между этими двумя горами разстилалась обширная низина, вся изрѣзанная рѣками, затонами, озерами, грядами бѣлаго и желтаго песку, темными полосами лѣса, пожелтѣвшими полянами луговъ, уставленныхъ стогами. Довольно сильный вѣтеръ, дувшій съ самаго утра, теперь почти совсѣмъ затихъ, и широкая рѣка, озаренная вечернимъ солнцемъ, блестѣла, какъ зеркало.

Рытовъ спросилъ: что же сдѣлалось съ ихъ домомъ и хозяйствомъ.

— Домъ продали за долги, а потомъ онъ сгорѣлъ,—отвѣчала она. — Землю тоже продали. Все описали и продали. Ничего не осталось... Право, мнѣ иногда думается, что моего прошлаго, можетъ быть, и не было на самомъ дѣлѣ, а все это просто приснилось мнѣ. Нѣтъ ли тутъ какого-то страннаго недоразумѣнія... Какъ по вашему: много ли мнѣ лѣтъ?..

— Софья Андреевна говорила, что девятнадцать...

— Мнѣ тоже говорили, что девятнадцать, но я думаю: не ошибка ли? Не девяносто ли?.. Какъ-то странно и мало вѣроятно, чтобы дѣвчонка въ девятнадцать лѣтъ могла похоронить всѣхъ своихъ родныхъ, пріятелей, любимцевъ, все... и остаться одна одинёшенька. Не девяносто ли?.. Меня сбиваетъ съ толку одно то, что все таки при мнѣ остался одинъ единственный старый другъ,—няня. А то вѣдь ни собаки, ни кошки,—никого и ничего! Мнѣ кажется, это случается только съ очень, очень старыми людьми, слишкомъ долго засидѣвшимися на свѣтѣ.

Послѣ этого, она заговорила о своихъ былыхъ «любимцахъ». У нея была любимая саврасенькая лошадка, маленькая, кругленькая, точно выточенная, съ умными, веселыми глазами, большая озорница на свободѣ, но тотчасъ же становившаяся серьезною и старательною работницею, какъ только ее запрягали. Когда, зимой, приходилось ѣхать гусемъ, ее всегда за-

Digitized by Google

прягали впереди другихъ лошадей, потому что она ничего не боялась и, не задумываясь, шла куда угодно,—въ рѣку, въ оврагъ, въ кусты или, пожалуй, хоть на лѣстницу... Была другая любимица,—большая сѣрая собака «Сѣрка», съ длиннымъ острымъ носомъ, съ пушистымъ хвостомъ, изогнутымъ въ видѣ серпа, съ крутыми ребрами и подтянутымъ животомъ. Что это было за преданное и милое животное! Сколько словъ она знала и съ каждымъ мѣсяцемъ узнавала все новыя и новыя. «Спать», «гулять», «обѣдать», «сахаръ», «плетка», «стыдно», «платокъ», «зонтикъ», «молчи», «папа», «мама»— все это она понимала, и когда ей говорили: «веди папу обѣдать»,—Сѣрка разыскивала «папу» и, ухвативъ его зубами за полу пальто, ласково тащила домой. Былъ любимецъ котъ— «Шушушка», тоже сѣрый, меланхоликъ, съ нервно-подергивавшимися усами, но очень ласковый, приходившій прощаться на сонъ грядущій со всѣми изъ домашнихъ, кто укладывался спать. Придетъ на постель, «пошушукаетъ», т. е. споетъ тихонько пѣсенку и подождетъ, чтобы его приголубили. Въ послѣднее время онъ особенно сдружился съ папой. «Папа» крошилъ ему кушанье, наливалъ молоко, приготовлялъ на ночь особый уголокъ въ ногахъ своей постели. И когда «папа» умеръ, Шушушка заскучалъ, пересталъ ѣсть и тоже кончился. О, милые, милые! Что это были за прелестныя созданія!

Н. Бажинъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ГОСПОДИНЪ МИНИСТРЪ.

Романъ Кларети.

Этотъ несчастный Сюльписъ, который жилъ когда-то мечтами такими прекрасными, такъ много хлопоталъ о свободѣ, чистотѣ нравовъ, о правдѣ, о гражданскихъ преобразованіяхъ, о переработкѣ національныхъ нравовъ, о святости семейнаго очага, о воспитаніи чувства чести,—этотъ Водрей теперь, измятый жизнью, порабощенный своими порочными наклонностями, сидѣлъ, подъ яркимъ освѣщеніемъ лампы, съ расширенными отъ ужаса зрачками, точно человѣкъ, сидящій передъ пропастью и жаждущій смерти. Онъ, не отрываясь, глядѣлъ на этотъ печатный листъ бумаги, на которомъ были поименованы дѣльцы, ищущіе поживы отъ вкладовъ, щедро предлагаемыхъ огромной легковѣрной толпой.

Его имя! Поставить здѣсь имя Водрея, которое онъ мечталъ когда-то видѣть подписаннымъ подъ благородными законодательными актами, поставить его на этой бумагѣ рядомъ съ другими именами ловкихъ плутовъ, жонглёровъ, привлекаемыхъ мошною публики. Сдѣлать это... пасть до такой степени... продаваться! Но какъ же не продаваться? Кто жь тогда уплатитъ по этому векселю, по векселю Гошара? Надо отдать долгъ прошлому. Это вѣдь цѣна ночей, проведенныхъ съ Маріанной Кейзеръ. Поцѣлуи дѣвчонки обошлись въ сто тысячъ франковъ! Сюльписъ чувствовалъ, что отъ увеличивающагося волненія его начинаетъ бить лихорадка, и хладнокровіе совсѣмъ покидаетъ его. Всѣ его мысли пришли въ какой-то хаотическій безпорядокъ. Въ этомъ хаосѣ, надъ всѣми мыслями царила одна:—необходимость раздобыться ста шестьюдесятью тысячами франковъ? Но гдѣ же найти ихъ, гдѣ?

У Молина, который предлагалъ даже двѣсти тысячъ. Этотъ кредитъ былъ также доступенъ Водрею, какъ распоротый мѣ-

Digitized by Google

шокъ, въ которомъ ему стоило только покопаться. Грубый, насмѣшливый голосъ жида-банкира раздавался еще въ ушахъ Сюльписа: «они всѣ такъ дѣлаютъ!» И, право, ужь не такъ трудно было отдать свое имя «внаймы», какъ выражался Соломонъ. И кто обратитъ на это вниманіе въ такое время, когда равнодушіе скользитъ по скандалу, точно море по гнили, разбросанной по берегу, смѣшивая свои волны съ этой харкотиной.

— Они всѣ таковы.

Но нѣтъ! Не смотря на иронію этого денежнаго воротилы, есть еще совѣсть, которая сопротивляется, не поддается соблазну! Водрей хотѣлъ бы, чтобы были иные нравы и иная честность. Ахъ, какъ же онъ допустилъ этому яду проникнуть до мозга его костей? О, какъ она сваляла, смѣсила его на свой ладъ,—эта Маріанна, о которой онъ думалъ и теперь не иначе, какъ со вновь пробуждающейся жаждой поцѣлуевъ и неутолимой страсти. Ахъ, женщины, женщины!

Дѣйствительно, женщина всегда бываетъ главной причиной нравственной анеміи и слабости мужчинъ. Она устраивала политику по своему вкусу, уничтожая политическихъ людей. Еще еслибъ онъ отказался отъ власти съ высоко-поднятымъ челомъ, не имѣя за собой ни песчинки долгу! Но этотъ вексель... Кто же уплатитъ по этому векселю?

— Э! да Молина, чортъ возьми, Молина, Молина!

Онъ былъ правъ, этотъ толстый торжествующій жидъ со своимъ наглымъ добродушіемъ. Въ концѣ концовъ, смѣшно быть такимъ дуракомъ, чтобы отталкивать блюдо, которое вамъ протягиваютъ. Быть богатымъ—это стоитъ всякаго могущества, всякой власти. Деньги всегда остаются и, кажется, только онѣ и не измѣняютъ въ этомъ мірѣ. Интересно было бы видѣть человѣка, отказывающагося отъ предлагаемаго ему богатства??. И ради чего? Ради ничтожнаго, глупаго угрызенія совѣсти! Въ новѣйшемъ мірѣ дѣла и сдѣлки—это все. Этотъ Молина, ворочающій капиталами, также полезенъ, какъ и другіе люди, ворочающіе идеями. Его алжирскій газъ,—это такое же гражданское дѣло, какъ и всякое другое!

И вотъ, мало по малу, понукаемый необходимостью избавиться отъ этого долга, который душилъ его, какъ петлей, Сюльписъ Водрей приходилъ къ этому софизму разсужденій, къ этой низкой сдѣлкѣ съ совѣстью и чувствомъ чести.

Digitized by Google

Его имя! Ну, хорошо, онъ превратитъ его въ монету, стоитъ же оно слитка золота. Журналистъ, продающій свои идеи, художникъ, который продаетъ свой мраморъ, разсказчикъ, продающій свои впечатлѣнія и воспоминанія, — всѣ они отлично торгуютъ своимъ именемъ. На минуту передъ нимъ предсталъ, какъ живой упрекъ, Рамель, съ его худощавымъ лицомъ и сѣдыми усами, когда онъ, сидя у окна, вдыхалъ въ себя солнечныя испаренія въ своей маленькой комнаткѣ, въ улицѣ Бурсоль. Но онъ тутъ же громко возразилъ себѣ:

— Ну, и что же? Рамель святой, это герой! Но я не святой. Я грѣшный человѣкъ и хочу пожить.

И онъ сердито взялъ въ руки объявленіе, оставленное ему Молина, перечиталъ его нѣсколько разъ и, угрюмо вглядываясь въ строки этой промышленной рекламы, какъ будто искалъ предлога, которымъ могъ бы мотивировать свое согласіе. Такъ какъ онъ ужь согласился, съ этимъ покончено. Все было сказано. Его совѣсть пошатнулась. Ему уже хотѣлось смѣяться.

— Вотъ еще одного снялъ съ крюка и сбросилъ, этотъ старьевщикъ Молина!

И онъ сидѣлъ, смущенный передъ этимъ quasi-товариществомъ, теперь окончательно рѣшеннымъ, передъ этимъ соучастіемъ пачкуна въ грязныхъ аферахъ. И, устремивъ глаза на слова этого объявленія, когда-то возбуждавшія въ немъ отвращеніе: «анонимное общество, общественный капиталъ», на свое «публичное рукоприкладство» во главѣ совѣта администраціи,— Сюльписъ не замѣтилъ, на порогѣ полуосвѣщеннаго кабинета, фигуру женщины въ дорожномъ костюмѣ, которая остановилась на мгновеніе, чтобы еще разъ взглянуть на этого несчастнаго, голова котораго, озаряемая свѣтомъ, падавшимъ изъ подъ абажура лампы, казалось еще болѣе полысѣвшей. Она тихо подошла къ нему, слегка кашлянувъ, — не рѣшаясь назвать его по имени или прикоснуться къ нему рукой, затянутой въ перчатку, чтобы предупредить его, что она здѣсь.

Водрей рѣзко обернулся, инстинктивно отталкивая отъ себя объявленіе Молина, какъ будто ему стало стыдно даже держать его въ рукахъ.

Онъ покраснѣлъ, увидавъ Адріенну. Холодная поза молодой женщины выражала безповоротное рѣшеніе. Она пришла съ нимъ проститься, она уѣзжала.

Digitized by Google

У него не хватило даже энергіи ее удерживать. Онъ боялся услышать неумолимый отвѣтъ, который прозвучалъ бы, какъ новое оскорбленіе.

— Развѣ вы согласились сдѣлаться сообщникомъ Молина?— спросила Адріенна яснымъ голосомъ, глядя на Сюльписа, вставшаго передъ нею.

— Какъ? Молина?—пролепеталъ онъ.

— О, да, онъ ловкій дѣлецъ. Покидая васъ, онъ просилъ доложить и мнѣ о своемъ приходѣ. Онъ думалъ, что я имѣю на васъ настолько вліянія, что толкну васъ «къ вашему счастью», какъ онъ выражается. Онъ сказалъ мнѣ, что вы нуждаетесь въ деньгахъ, и, попробовавъ искусство искушенія на мужѣ, предложилъ мнѣ,—точно магарычъ дѣвчонкѣ,—какое-то изумрудное украшеніе, если я постараюсь склонить васъ на его предложеніе! Онъ не знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, этотъ господинъ.

— Негодяй!—проговорилъ Водрей,—и онъ это сдѣлалъ?

— И я его поблагодарила,—холодно отвѣчала Адріенна.— Я не знала, что у васъ есть долги, и, чтобы уплатить ихъ, вы были готовы воспользоваться протекціей такого человѣка. Онъ мнѣ возвѣстилъ объ этомъ. Это большая, съ его стороны, услуга для васъ и для меня.

— Для меня?

Водрей быстро схватилъ объявленіе объ алжирскомъ газѣ и гнѣвно разорвалъ его на мелкіе кусочки.

— Мы, вѣроятно, уже никогда больше не увидимся,—сказала Адріенна рѣшительнымъ голосомъ, представлявшимъ странный контрастъ съ ея кроткой фигуркой,—но я никогда не забуду, что ношу ваше имя, и это имя, мнѣ принадлежащее,—я хочу сохранить его честнымъ.

Она протянула какую-то бумагу Сюльпису.

— Вотъ полномочіе на имя моего нотаріуса, г. Бовэ! Все, что вамъ только понадобится изъ моего приданаго, чтобы поправиться, принадлежитъ вамъ. Я не хочу знать, почему вы надѣлали долговъ, но я надѣюсь узнать, что вы ихъ уплатили. Моя же подпись дастъ вамъ на это полную возможность.

Уничтоженный, съ пылающимъ сердцемъ, съ подступающими къ горлу рыданіями, Водрей испустилъ громкій крикъ, кинувшись къ ней.

Digitized by Google

— Адріенна!

Она медленно отвела свою руку, которую онъ пытался схватить.

— Вамъ нечего меня благодарить,—сказала она.—Я соучастница, которая спасаетъ, какъ можетъ, честь дома. Эта ассоціація, конечно, лучше ассоціаціи Молина. Прощайте,—живо проговорила она.

— Вы уѣзжаете? Ты уходишь?—сказалъ Сюльписъ, пробуя вложить въ тонъ своего восклицанія какъ бы эхо прошлой любви.

— Но кто же въ этомъ виноватъ?—возразила молодая женщина голосомъ, твердымъ, какъ сталь. Это была уже не прежняя Адріенна, та маленькая конфузливая провинціалка, съ пылавшими щеками и стыдливыми манерами. Горе и ужасное разочарованіе точно закалили и окаменили ее. Водрей хорошо чувствовалъ, что умолять ее смилостивиться было бы напраснымъ трудомъ. Только время могло смягчить эту бѣдную женщину, сломить добровольное упрямство ея страданія. Поза и рѣзкій голосъ Адріенны выражали это.

— Вѣдь рѣшено!—продолжала она, предлагая этотъ вопросъ о своемъ счастьѣ, точно разрѣзая самыя чувствительныя фибры въ своемъ существѣ, безъ малѣйшаго содроганія, съ хладнокровіемъ хирурга, который разрѣзаетъ рану,—вѣдь уже рѣшено, что мы не будемъ дѣлать ни драмы, ни скандала? Мы разлучаемся не судебнымъ порядкомъ и безъ свидѣтелей. По взаимному соглашенію, мы будемъ жить далеко другъ отъ друга, хотя никому не должно быть извѣстно о нашемъ полномъ разрывѣ.

— Адріенна!—повторялъ Сюльписъ,—это невозможно, вы не уѣдете?

— О!—сказала она.—Ваши мольбы не поколеблютъ теперь моей рѣшимости. Я спѣшу покинуть Парижъ. Мнѣ кажется, что я отвоевала себя, убѣгая отъ фальши, отъ позора, отъ тучи противныхъ насѣкомыхъ, которыя ползали по моему тѣлу! Я вамъ говорю: прощайте, и значитъ прощайте!

— Ну, хорошо,—вскричалъ Водрей.—Уѣзжайте. Но если отъ меня уѣзжаетъ совсѣмъ чужая женщина, то я ничего не приму отъ нея. Вотъ ваша довѣренность. Возьмите ее назадъ!

— Я? нѣтъ, я ея не возьму. Если вы хотите, чтобы я

Digitized by Google

съ достоинствомъ носила ваше имя, то сохраните его неприкосновеннымъ, хотя бы для свѣта, такъ какъ обмануть, попрать и оскорбить женщину, — это не обезчещиваетъ. Я одна имѣю право спасти васъ. Оставьте мнѣ эту привилегію, умоляю васъ. Я не хочу, чтобы человѣкъ, бывшій моимъ мужемъ, завязъ бы въ грязномъ болотѣ этого Молина. Вы меня уже и такъ много оскорбляли, не наносите же мнѣ этой послѣдней обиды! Затѣмъ, въ послѣдній разъ, прощайте!

Она вышла, и онъ позволилъ ей уйти, склоняясь передъ этимъ живымъ вдовствомъ. Она убѣжала, и онъ допустилъ ее сойти по лѣстницѣ, въ сопровожденіи горничной. Она сѣла въ ожидавшій ее фіакръ, и онъ не отважился побѣжать за этой каретой, различивъ только, среди уличнаго шума, болѣе ускоренный грохотъ ея колесъ, который отдался въ немъ такъ тяжело, какъ будто эти колеса смяли ему грудь.

— Ахъ, какой я былъ негодяй!—вскричалъ онъ, ударивъ себя кулакомъ по колѣну.—Какъ я несчастливъ! Адріенна!

И вдругъ, вскочивъ съ мѣста, точно на пружинахъ, онъ кинулся къ окну, раскрылъ его настежъ, впустивъ въ комнату порывъ холоднаго ноябрьскаго вѣтра, и сталъ напряженно всматриваться во всѣ проѣзжавшія мимо кареты, которыя точно ныряли въ буроватыхъ испареніяхъ, со своими зажженными фонарями, сверкавшими, какъ два глаза, стараясь угадать между ними фіакръ, уносившій Адріенну. Онъ подумалъ, что это она и есть, когда увидалъ карету съ увязанными чемоданами, которая катилась тамъ внизу, едва уже замѣтная.

Онъ свѣсился съ подоконника, и, какъ потонувшій, который видитъ удаляющуюся лодку, испустилъ крикъ, раздавшійся посреди суматохи и уличнаго шума:

— Адріенна, Адріенна!

И ничего въ отвѣтъ. Карета, катившаяся въ отдаленіи, теперь совсѣмъ скрылась въ туманѣ.

Сюльписъ остался неподвижно стоять, оглушенный и ошеломленный этимъ уличнымъ гамомъ, какъ бурей на морѣ. Ему казалось, что вокругъ него образовалась какая-то пустота, а передъ нимъ точно открылась зіяющая черная пропасть, въ которой нерѣшительно двигались какіе-то незнакомцы, совершенно безучастные къ его жизни. Это уединеніе испугало

Digitized by Google

его. Онъ поспѣшно сошелъ внизъ и, бросившись въ карету, приказалъ везти себя на желѣзную дорогу, надѣясь настигнуть Адріенну.

— Скорѣе, скорѣе! Какъ можно скорѣе!

Кучеръ хлесталъ лошадей, и стекла кареты танцовали и дребезжали, смѣшиваясь съ общимъ гамомъ. Водрей пріѣхалъ слишкомъ поздно. Поѣздъ уже отошелъ двадцать минутъ тому назадъ. Онъ слишкомъ долго ждалъ, стоя и раздумывая у окна своего кабинета.

«Къ тому же,—съ грустью подумалъ онъ,—все равно она не простила бы. Она никогда не позабудетъ»!

Въ то же время, предавалась размышленіямъ въ своемъ вагонѣ, Адріенна, закрывъ глаза, представляла себѣ все прошлое, оказавшееся сегодня такимъ жестоко-ироническимъ. Качка поѣзда усиливала ея лихорадку; она чувствовала, что ея грудь разрывается на части, и призывала,—бѣдное, разбитое созданіе!—всѣ свои силы, чтобы не заплакать и не закричать отъ боли. Она увозила съ собой на родину полузавядшія рождественскія розы изъ Гренобля, и въ безпорядкѣ мыслей, толпившихся въ ея головѣ, ей представился блѣдный образъ Лиссака, и она точно вьявь услыхала опять: «Это потому, что вы честная женщина, и потому что я васъ люблю!»

— Честная женщина... Она, по крайней мѣрѣ, умѣетъ любить!—прошептала она, возвращаясь мысленно къ Водрею, котораго больше не увидитъ и котораго уже больше не любитъ.

— И вотъ я теперь вдова... вдова, которая никогда никого не полюбитъ и ни за кого не выдетъ замужъ!

VIII.

Очутившись теперь въ Парижѣ совершенно одинокимъ и затерянным, снѣдаемый скукой, полный горькихъ сожалѣній о своей разбитой жизни, Сюльписъ все повторялъ, что Адріенна, находясь вдали отъ него, конечно, никогда не проститъ его и, можетъ быть, теперь, въ своемъ уединеніи въ Греноблѣ, уже подумываетъ серьезно о разводѣ. Не зная, что̀ съ собой дѣлать, Водрей, послѣ долгаго, скучнаго дня, отправился въ

Digitized by Google

оперу, чтобы, по крайней мѣрѣ, усладить и развлечь свои взоры, если ужь не мысль.

Давалась «Аида», съ дебютанткой, о которой говорили, какъ о новой звѣздѣ.

Сюльписъ Водрей, съ самаго отъѣзда Адріенны, — прошло уже двѣ нѣдѣли! — блуждалъ по Парижу, какъ грѣшная душа, въ тѣ дни, когда не шелъ въ палату, гдѣ онъ къ тому же чувствовалъ себя очень скверно, какъ человѣкъ, упавшій съ высоты своего величія.

Водрей, скучающій и меланхолическій, усѣлся въ театрѣ, чтобы какъ нибудь убить вечеръ. Это была прекрасная зала, по которой носилась сверкающая брилліантовая пудра, — зала съ разукрашенными ложами, съ креслами, составлявшая славу Парижа. Въ амфитеатрѣ не было ни одного мѣста, не занятаго какой нибудь знаменитостью. Судьба устроила такъ, что на глазахъ всего Парижа должны были сѣсть рядомъ г-жа Марси и г-жа Жерсонъ, бывшія пріятельницы, которыя теперь ненавидѣли другъ друга. Хорошенькая маленькая г-жа Жерсонъ наполняла своей болтовней ложу префекта полиціи — № 30, — гдѣ г. Жювенэ показывалъ всѣмъ свой профиль церковнаго старосты. Она громко говорила о своихъ салонахъ, о своихъ собраніяхъ, о своихъ связяхъ; она подавляла г-жу Марси своимъ торжественнымъ видомъ. Въ глубинѣ ложи спалъ г. Жерсонъ, отягощенный усталостью. Жена его принялась хохотать, увидавъ издали Водрея въ креслахъ передъ оркестромъ.

— Стойте! кажется, г. Водрей; онъ имѣетъ какой-то *пришибленный видъ*! — сказала она, возобновляя старое словечко.

И она разсказала своимъ друзьямъ, прильнувшимъ къ ея ложѣ и разглядывавшимъ хорошенькое декольтэ ея корсажа, какъ Водрей долженъ былъ ужинать у нея въ тотъ самый вечеръ, какъ провалилось его министерство.

— И, конечно, ему не было необходимости приходить! — сказала она. — Прежде чѣмъ приглашать кого нибудь на обѣдъ, слѣдовало бы наводить точныя справки. Вѣдь это скучно; подумайте только! Приглашаютъ на обѣдъ, положимъ, секретаря президента совѣта министра. Ставятъ его имя на пригласительной карточкѣ. Онъ пріѣзжаетъ. И вдругъ кончено! Онъ больше не секретарь; президентъ совѣта министровъ больше не президентъ; нѣтъ, можетъ быть, даже и совѣта. Надо этимъ

Digitized by Google

господамъ удостовѣряться въ дѣйствительности своего титула, прежде чѣмъ принимать приглашеніе на обѣдъ.

Она много и громко хохотала, а г-жа Марси, уже отчасти развѣнчанная, нервно обмахивалась въ своей ложѣ вѣеромъ, дѣлая презрительную мину въ сторону прежней пріятельницы. Вотъ она, окислившаяся дружба!

Водрей, съ усталымъ и задумчивымъ видомъ, усѣлся въ свое кресло передъ оркестромъ. Былъ антрактъ. Сюльписъ оглядывалъ машинально залу, удивляясь, что не встрѣчаетъ поклоновъ, не видитъ склоненныхъ передъ нимъ головъ, какъ прежде.

Онъ чувствовалъ себя въ состояніи затерянной вещи. Ба! но онъ утѣшалъ себя мыслью, что человѣчество ужь такъ устроено: оно все принадлежитъ успѣху, отъ котораго можно поживиться. Къ чему же было волноваться?

Вдругъ, въ то время какъ Сюльписъ лорнировалъ поочередно г-жу Марси, Жювенэ и г-жу Жерсонъ, представлявшихъ для него живыя горькія воспоминанія,—и притомъ очень ироническія,—онъ весь вздрогнулъ и приковался взглядомъ къ одной ложѣ, на темно-красномъ фонѣ которой ясно вырѣзались два лица: де-Розаса и Маріанны.

Онъ почувствовалъ себя очень непріятно уязвленнымъ, увидавъ передъ собой, — между двумя огромными колоннами, на которыхъ двѣ гигантскія позолоченныя маски, казалось, смѣялись надъ нимъ,—эту женщину, которую обожалъ, видъ которой еще раздиралъ ему сердце, и которая, въ бѣломъ платьѣ, блѣдная, склонилась прелестнымъ движеніемъ въ сторону Розаса, со своими роскошными, полураспущенными по плечамъ, волосами,—по тѣмъ плечамъ, которыя, казалось, еще трепетали подъ его поцѣлуями, въ которыя онъ впивался своими горячими губами. Эта красивая оригинальная блѣдность, эти волосы и уши, сіяющія драгоцѣнными камнями, ярко выдѣлялись на темномъ фонѣ ложи. Еще блѣднѣе ея, съ болѣзненнымъ, но улыбающимся видомъ, сидѣлъ рядомъ съ Маріанной де-Розасъ, съ его безкровной испанской физіономіей, трагическій, какъ старинный портретъ Коэлло. Его усталая, задумчивая, сухощавая голова, опиравшаяся на руку, въ которой онъ держалъ лорнетъ, казалась восковою. На пальцѣ его руки, подъ газовымъ освѣщеніемъ, горѣлъ огромный изумрудъ. Де-Розасъ почти не двигался; она же, напротивъ, наклонялась иногда къ

Digitized by Google

нему, приближаясь губами къ уху кастильца, и шептала ему слова, смыслъ которыхъ Водрей угадывалъ, потому что они зажигали радостный блескъ въ грустныхъ глазахъ Хозэ. Когда же она откидывалась назадъ, на спинку кресла, то шолковый корсажъ, обрамлявшій ея бюстъ, исчезалъ за краемъ ложи, и Сюльпису оставались видны только ея лицо, шея, ея ослѣпительно бѣлыя плечи, и она казалась ему совсѣмъ голой, со змѣеобразнымъ тѣломъ, точно перерѣзаннымъ красной линіей бархатнаго бордюра. Онъ продолжалъ дорисовывать въ своемъ воображеніи всѣ изгибы этого восхитительнаго тѣла.

Онъ почувствовалъ свирѣпое искушеніе подойти къ этой ложѣ, открыть въ нее дверь и крикнуть этому человѣку, который еще не успѣлъ дать свое имя Маріаннѣ:

— Вы ея не знаете. Это олицетворенный развратъ и ложь!

Водрею показалось, что сзади Маріанны и Розаса подымалась по временамъ какая-то бородатая фигура въ бѣломъ галстукѣ: это была величественная голова дядюшки Симона. Пока по сценѣ двигались церемоніальнымъ маршемъ ряды египтянъ, Сюльписъ пробовалъ смотрѣть на нихъ, чтобы отвлечься отъ той, привлекавшей его вниманіе, группы. Но, противъ воли, онъ взглядывалъ иногда въ ту сторону, и точно самъ втыкалъ себѣ въ сердце булавку. Маріанна, казалось, даже не замѣтила его.

Занавѣсъ упалъ, и онъ пошелъ за кулисы, чтобы избѣжать этого раздражающаго вида. Вдыхая этотъ театральный запахъ, онъ испытывалъ какое-то странное чувство, которое заставляло его страдать, но вмѣстѣ съ тѣмъ и утѣшало. Машинисты двигали по обѣимъ сторонамъ сцены передвижныя точки огней, тащили огромныхъ бѣлыхъ сфинксовъ и обширное полотно, на которомъ изображались высокія пальмы, выдѣлявшіяся на голубомъ небѣ. Сюльписъ почувствовалъ жестоко-ироническое поползновеніе очутиться сейчасъ на этихъ самыхъ подмосткахъ, на которыя онъ всходилъ когда-то въ тотъ вечеръ, полный радостнаго возбужденія, когда ему всѣ кланялись и вокругъ него раздавался шопотъ, сладкій, какъ майскій вѣтерокъ:

— Господинъ министръ!

Это была та же самая сцена; тѣ же черныя платья вы-

Digitized by Google

дѣлялись на свѣтлыхъ мосткахъ, тѣ же лучи элекрическаго освѣщенія, которые сіяли и теперь, при его паденіи, также какъ и при восшествіи, тѣмъ же банальнымъ ореоломъ.

Мастера тихо проходили по сценѣ, наблюдая за всѣмъ съ усталымъ видомъ. Поливщики устанавливали деревья и опрыскивали паркетъ; другіе же выметали пыль. Сюльписъ разглядывалъ эти банальныя подробности, какъ будто онѣ его интересовали; онъ глядѣлъ на нихъ съ разсѣяннымъ видомъ, съ далеко уносившейся мечтой.

Вдругъ, въ серединѣ одной группы, со шляпой на головѣ, окруженный толпой низко склонявшихся людей, съ заискивающими, льстивыми улыбками, Сюльписъ увидалъ Люсьена Гранэ, исполненнаго торжественности въ своемъ тріумфальномъ шествіи; онъ прошелъ черезъ сцену съ видомъ покровительства, кидая направо и налѣво легкіе поклоны.

Толстякъ Молина слѣдовалъ за новымъ министромъ, громко хохоча, со звукомъ сильно встряхиваемаго денежнаго мѣшка, наполненнаго мелкой монетой.

Водрея точно ударили кулакомъ въ грудь. Онъ вспомнилъ о своей встрѣчѣ съ Пишерò, на тѣхъ же самыхъ подмосткахъ, въ день его паденія, кажется, на томъ же самомъ мѣстѣ, и, чтобы избѣжать дружески-ироническаго пожатія руки Гранэ, который какъ разъ шелъ къ нему навстрѣчу,—пожатія, которымъ онъ въ свою очередь наградилъ когда-то Пишерò—онъ такъ быстро двинулся, что задѣлъ машиниста, прилаживавшаго какой-то аксесуаръ въ декораціи, причемъ тотъ быстро проговорилъ: «извините, сударь», между тѣмъ какъ танцовщица, которой онъ наступилъ на пятку ноги, обутой въ розовую туфлю, сердито крикнула: «Ахъ, какой вы неловкій»!

Онъ повернулся къ танцовщицѣ, чтобы извиниться, и увидалъ дѣвочку, всю розовую, глаза которой испуганно расширились, а розовыя щочки еще больше вспыхнули, когда она узнала Водрея. Это была Марія Лонэй, которую онъ видѣлъ въ прошломъ году въ фойэ.

Она еще не дошла до извѣстной ступени, между тѣмъ какъ онъ уже сошелъ съ нея.

— О, я васъ не узнала! Прошу извиненія, господинъ министръ.

Онъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но этотъ титулъ, данный ему

Digitized by Google

маленькой танцовщицей, очевидно несвѣдущей въ политическихъ преобразованіяхъ, царапнулъ его по сердцу, какъ ножемъ. Тѣмъ временемъ онъ снова увидалъ Люсьена Гранэ, возвращавшагося въ залу и окруженнаго своей свитой, съ Варколье во главѣ, который очень громко что-то говорилъ, а среди этой толпы, сопровождавшей новаго министра, выдѣлялся Молина со своимъ огромнымъ животомъ и грубымъ смѣхомъ.

Можетъ быть, г-жа Марси попросила, чтобы ей представили этого Гранэ,—съ иронической насмѣшкой думалъ Водрей, припоминая Лиссака, какъ тотъ бѣжалъ тогда слѣдомъ за нимъ, чтобы провести его въ ложу модной львицы. О, какъ все это было теперь далеко!—Сабина Марси была уже развѣнчана. А онъ?..

Когда онъ хотѣлъ уже уходить, то почувствовалъ, что кто-то дружески хлопнулъ его по плечу. Онъ обернулся: это былъ Варколье, который, замѣтивъ его, вѣроятно, еще издали, подошелъ къ нему, просто ради удовольствія принять покровительственный видъ съ тѣмъ, кого онъ такъ долго звалъ: «господиномъ министромъ».

— Ну, милый Водрей, что новенькаго?—сказалъ Варколье, высоко поднявъ голову, съ глупою, задорною надменностью, какъ всѣ самодовольные дураки, когда они съ кѣмъ нибудь говорятъ тономъ превосходства.

— Ничего, — отвѣчалъ Водрей. — Я нахожу превосходной музыку Верди.

— О! немножко по вагнеровски,—замѣтилъ Варколье, который и теперь повторилъ то, что сейчасъ услыхалъ.—Но что скажете вы насчетъ политики?

— Ахъ! насчетъ политики? Но это касается теперь уже только васъ.

— Ну, такъ я скажу вамъ, что все идетъ хорошо,—съ торжествомъ проговорилъ Варколье.—Теперь у насъ министерство болѣе, болѣе...

— Болѣе «однородное»,—сказалъ Водрей нѣсколько насмѣшливымъ тономъ.

— Это правда. А затѣмъ обязанность всѣхъ добрыхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы защищать настоящій образъ правленія.

Ахъ! по правдѣ, Водрей находилъ своего бывшаго товарища

Digitized by Google

довольно таки глупымъ. Онъ засмѣялся ему прямо въ глаза и круто повернулся спиной.

Варколье не разсердился на это: онъ былъ въ восхищеніи, что могъ досадить бывшему министру. Ударъ ослиной ноги... выходка дурака!

Водрей собирался опять занять свое мѣсто, очень разсерженный и на то, что вздумалъ сюда прійти, и на этого глупаго нахала, какъ вдругъ, проходя изъ-за кулисъ черезъ маленькую прихожую, гдѣ записывались имена входившихъ, столкнулся съ Лиссакомъ. Гюи слегка покраснѣлъ, увидавъ его.

— Надо встрѣтиться съ тобой здѣсь, чтобы тебя увидѣть,— сказалъ Сюльписъ. — Почему не показываешься ты больше у меня? Развѣ потому, что я уже не министръ?

— Это было только причиной, что ты чаще бы меня видѣлъ,—отвѣчалъ Лиссакъ.—Но это не то! Что же я могу тебѣ на это сказать? Ты знаешь мое мнѣніе. Я вовсе не женируюсь и не проповѣдую морали. Къ тому же, мораль идетъ ко мнѣ также, какъ монтіоновская премія — къ уличной дѣвчонкѣ! Я вернулся въ свой уголокъ, и лучше чѣмъ когда нибудь знаю свое мѣсто. Я затормозился. Я уже старѣюсь, и вотъ хочу погрести себя въ какомъ нибудь укромномъ уголкѣ города и полѣчиться отъ моихъ ревматизмовъ.

Въ тонѣ Лиссака прозвучала неожиданная меланхолія.

— Стало быть, ты ко мнѣ больше не придешь?

— Чтобы тебѣ наскучить? Но къ чему же это? Подумай-ка самъ за себя, мой простачокъ! Ты не нуждаешься во мнѣ, чтобы подчеркнуть твой промахъ. Ахъ, кстати, ты знаешь, что тутъ въ залѣ сидитъ наша блудливая любовница?

— Я ее видѣлъ!—сказалъ Водрей, сильно поблѣднѣвъ.

— Она еще не герцогиня, но дѣльце сварганится черезъ четыре дня. Ахъ, еслибъ нашелся такой негодяй, который показалъ бы въ настоящемъ свѣтѣ эту плутовку! Но, впрочемъ, къ чему? И хорошъ этотъ Розасъ, который одурѣлъ до полнѣйшаго самозабвенія—до того, что вдругъ женится на ней. Большое добро сдѣлалъ бы ему тотъ, кто помѣшалъ бы этому браку!

— Но скажи, — спросилъ Лиссакъ, вдругъ сдѣлавшись серьезнымъ,—ты читалъ газеты?

— Нѣтъ, а развѣ тамъ есть что нибудь?

Digitized by Google

Они были уже въ проходѣ оперы, и послышалась прелюдія передъ поднятіемъ занавѣса. Гюи вытащилъ изъ кармана газету «Soir» и передалъ ее Водрею.

— На, посмотри! Этотъ бѣдный Рамель! Ты вѣдь его очень любилъ?

— Рамель!

Водрею не нужно было читать. Онъ уже догадался обо всемъ, какъ только Гюи заговорилъ о немъ съ дрожью сожалѣнія въ голосѣ.

— Онъ умеръ! Умеръ тихо, сидя въ своемъ креслѣ у окна, точно заснулъ. «Возвѣщаемъ,—говорилъ некрологъ,—о смерти одного изъ старѣйшихъ сотрудниковъ парижской прессы, о г. Денисѣ Рамелѣ, когда-то знаменитомъ журналистѣ, писавшемъ въ газетѣ, теперь уже изчезнувшей, а именно: la «Nation Française».

И ничего больше, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей предсмертной агоніи. Ни одного слова похвалы или порицанія! Банальное констатированіе свершившагося факта. Водрей находилъ, что этого было слишкомъ мало для человѣка, такъ славно державшаго свое знамя.

— Ну, какъ ты объ этомъ думаешь?—сказалъ онъ Лиссаку.—Не правда ли, они неблагодарны?

— Богъ мой! чего же ты хочешь,—отвѣчалъ Гюи.—Зачѣмъ не писалъ онъ оперетокъ?

И они разстались, послѣ банальнаго пожатія рукъ, нѣсколько грустные. Сюльписъ бросилъ послѣдній взглядъ на ложу де-Розаса.

Маріанна стояла во весь ростъ, озаренная свѣтомъ, падавшимъ на нее изъ глубины ложи. Въ рукахъ у нея было блюдце, съ котораго она ѣла мороженое. Онъ вспомнилъ, какъ тогда, на вечерѣ у Сабины Марси, она вотъ точно также слизывала съ ложечки шербетъ возлѣ буфета... Онъ закрылъ глаза и въ сильномъ волненіи сбѣжалъ съ лѣстницы, гдѣ очутился наконецъ одинъ. Онъ сталъ думать о Рамелѣ, чтобы позабыть о Маріаннѣ.

Денисъ Рамель давно уже хворалъ. Онъ чувствовалъ, что уходитъ изъ этого міра—и улыбался. Онъ хотѣлъ исчезнуть безъ шума, «вѣжливо», какъ говорилъ онъ, не привлекая ничьего вниманія, по англійски. Бѣдный человѣкъ! Желаніе его исполнилось.

Digitized by Google

Водрей бросился въ карету и приказалъ везти себя въ Батиньоли. Дорогой онъ раздумывалъ объ этихъ вѣчныхъ антитезахъ парижской жизни: извѣстіе о смерти друга, узнанное въ оперѣ, при звукахъ какого-то вальса!

И затѣмъ, переносясь мыслью къ себѣ, онъ подумалъ: «Изъ оперы въ оперу! Вотъ, однако, исторія моего министерства... а также и министерства Гранэ, во всякомъ случаѣ»...

Консьержка въ улицѣ Бурсоль сама привела его въ жилище Дениса Рамеля. Старый журналистъ казался уснувшимъ, лежа на своей постели, съ добрымъ улыбающимся лицомъ. Холодная печать смерти, придавала могущественное величіе этой поблѣднѣвшей фигурѣ. Отъ свѣчи, поставленной около сухощаваго лба, проходили иногда тѣни по этимъ оледенѣвшимъ членамъ. Денисъ Рамель! это былъ вѣрный путеводитель его молодости и добрый совѣтчикъ во всю жизнь. Онъ вспоминалъ о первомъ своемъ дебютѣ, когда впервые пріѣхалъ въ Парижъ, о своихъ первыхъ сочиненіяхъ, принесенныхъ въ редакцію газеты «Nation Française»! Еслибъ онъ былъ президентомъ республики, то этимъ онъ былъ бы обязанъ никому другому, какъ этому человѣку, лежащему здѣсь. Онъ тихо наклонился къ трупу и запечатлѣлъ на лбу умершаго прощальный поцѣлуй. Когда онъ обернулся, то увидалъ человѣка, раньше имъ не замѣченнаго. Этотъ человѣкъ, очень блѣдный и очень робкій, поклонился ему. Водрей узналъ въ немъ Гарнье, котораго когда-то видѣлъ у Рамеля, когда онъ страшно кашлялъ, съ видомъ умирающаго. Чахоточный пережилъ, однако, старика!

— Вамъ слѣдовало прійти, сударь,—говорилъ работникъ,—онъ васъ такъ любилъ!

— Онъ умеръ вдругъ?

— И совершенно одинъ, за чтеніемъ книги. Его нашли тамъ. Думали, что онъ заснулъ. Но все было кончено. Завтра его похоронятъ. Вы придете, сударь? Я не зналъ, кто вы такой, когда говорилъ съ вами. Но хорошо... не будемъ толковать объ этомъ. Прошу у васъ извиненія... На погребеніи, вѣроятно, будетъ много народу, если придетъ только четверть тѣхъ, кому онъ былъ полезенъ.

Водрей былъ очень взволнованъ въ день похоронъ. За гробомъ Рамеля почти никого не было. Сюльписъ да Гарнье, да одна или двѣ старыхъ женщины изъ дома въ улицѣ Бурсоль,

Digitized by Google

которыя не проводили его даже до кладбища Сентъ-Уанъ, такъ какъ до него было порядочно далеко. Вотъ и все! Передъ могилой, Водрей очутился одинъ съ могильщиками и работникомъ. Рамеля хоронили въ новой траншеѣ, почти внизу, у насыпи желѣзной дороги.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ, онъ былъ позабытъ и позабылъ самого себя,—этотъ Рамель, который выдвигалъ впередъ столько разныхъ честолюбцевъ, оказавшихся, въ концѣ концовъ, неблагодарными эгоистами. Теперь его не было больше! И тѣ, кто просилъ у него разныхъ милостей и звалъ его когда-то «милымъ учителемъ», которыхъ онъ поучалъ и съ которыми бесѣдовалъ, позабыли объ его имени. Исчезъ ли онъ, жилъ ли еще этотъ предокъ, этотъ старый бонза, безполезный, не умѣвшій стяжать себѣ ни положенія, ни богатства, хотя онъ съ великой готовностью подталкивалъ другихъ къ тому и другому? Этого никто не зналъ, да и никто объ этомъ не заботился. Иногда, впрочемъ, подсмѣивались надъ этимъ «романтикомъ политики», жившимъ, какъ привратникъ, бѣднымъ, затерянным, утонувшимъ въ массѣ анонимовъ, послѣ того какъ дѣлалъ людей министрами и разрушалъ министерства. При извѣстіи объ его смерти, ни одинъ изъ тѣхъ, кто былъ ему всѣмъ обязанъ, ни одинъ изъ этихъ политикановъ, красующихся въ сѣдлѣ,—хотя онъ подавалъ имъ стремя,—ни одинъ изъ этихъ палатскихъ и театральныхъ комедіантовъ, всячески заискивавшихъ въ немъ, ни одинъ изъ нихъ не пришелъ туда, чтобы отдать этому умершему послѣдній долгъ! Это зловѣщее одиночество, въ соединеніи съ острымъ зимнимъ вѣтромъ, показались Водрею гнусной низостью, жестокой небрежностью по отношенію къ усопшему. Только два человѣка очутились за гробомъ этого двигателя людей.

— Вотъ и занимайтесь послѣ этого журналистикой, то есть дѣлайте все для другихъ!—проговорилъ Водрей, покачавъ головой.

— Въ концѣ концовъ, — отвѣчалъ Гарнье, — во всѣхъ ремеслахъ существуютъ неудачники, а они-то и есть самые честные люди.

Оставивъ могилу, надъ которой со свистомъ и грохотомъ проносились поѣзда,—причемъ разгыралась страшная гололедица,—этотъ человѣкъ, бывшій министромъ, тихо удалился съ кладбища, сопровождаемый бѣднякомъ, который уныло покашли-

Digitized by Google

валъ въ поднятый воротникъ своего редингота. Прежде чѣмъ съ нимъ разстаться, Водрей почти робко спросилъ у него, получше ли идетъ у него работа?

— Благодарю васъ, — отвѣчалъ Гарнье. — Да, я нашелъ мѣсто. Къ тому же (и онъ, покачивая головой, указалъ, за почернѣвшими деревьями и бѣлыми памятниками, на то мѣсто, гдѣ только что похоронили Рамеля) подъ конецъ разсчета со всѣмъ, всегда найдешь таки вѣрное мѣсто, и оно, можетъ быть, самое лучшее.

Онъ поклонился, а Водрей уѣхалъ, мрачный. Ему начинало казаться, что жизнь его крошится, что онъ разбрасываетъ по дорогѣ, кусокъ за кускомъ, отрывая ихъ отъ своего тѣла.

Черные покровы гроба Рамеля напомнили ему—и онъ грустно улыбнулся этой новой ироніи—о своемъ долгѣ поставщикамъ ковровъ, для украшенія праздника въ министерствѣ, послужившаго послѣднимъ днемъ его власти и благополучія. Тогда онъ заказалъ особенно модныя украшенія и обивку для торжественнаго дня. Онъ сказалъ кучеру адресъ обойной мастерской, на бульварѣ Капуциновъ. Онъ вошелъ въ магазинъ со словами: «Я пріѣхалъ уплатить за поставку обивки и ковровъ, сдѣланную для министерства»! Этотъ счетъ обойщику, уплачиваемый за позабытое представительство, казался ему, дѣйствительно, чѣмъ-то похороннымъ. Ему показалось, что, когда онъ расплачивался по накладной, то мебельный поставщикъ насмѣшливо улыбнулся. Сюльписъ почувствовалъ облегченіе, когда очутился на улицѣ; ему захотѣлось пройтись, чтобы согрѣть оледенѣвшіе отъ холода члены.

Его имя, кѣмъ-то произнесенное, заставило его обернуться. Онъ увидалъ передъ собой Желіотта, своего соотчича, своего друга дѣтства, который сердечнымъ жестомъ протягивалъ ему обѣ руки, добродушно усмѣхаясь:

— Я говорилъ, что ты всегда найдешь меня, когда я не буду имѣть видъ куртизана. Ну, такъ вотъ и я!—сказалъ Желіоттъ.—Теперь ты будешь видѣть меня такъ часто, какъ только пожелаешь.

— А!—замѣтилъ Водрей.

Желіоттъ взялъ его за руку.

— Ты, можетъ быть, идешь въ палату?

— Да, дѣйствительно.

Digitized by Google

— Ну, такъ я тебя провожу! А, теперь ты больше не министръ, мой милый, и съ тобой можно разговаривать, не имѣя вида льстеца и искателя. Ты надѣлалъ много ошибокъ! Ты былъ слишкомъ довѣрчивъ... слишкомъ умѣренъ, а тутъ нуженъ кулакъ. Такъ не могло долго длиться. Этого рода положенія... они хороши, но они скоро трещатъ. Вѣдь всѣмъ хочется заполучить подобное мѣстечко, не такъ ли? Ба! знаешь ли, что̀ я тебѣ скажу? Вѣдь теперь ты счастливѣе! Я тебя гораздо больше люблю такимъ.

Водрею хотѣлось отбросить отъ себя этого дуралея, такъ крѣпко уцѣпившагося за его руку.

— Таковъ ужь я есть!—началъ опять Желіоттъ.—Я больше люблю своихъ друзей, когда они падаютъ на землю. Благородство натуры,—чего же ты хочешь? Кстати, знаешь ли, что меня не было въ Парижѣ, и только поэтому ты не видалъ меня раньше? Я возвращаюсь съ Изеры.

— А!—проговорилъ Водрей, подумавъ объ Адріеннѣ.

— Ну, такъ у меня есть для тебя хорошенькая новость. Если тебѣ надоѣла политика, то ты можешь отдохнуть на ближайшихъ выборахъ!

— Какъ?—спросилъ Сюльписъ.

— Да, Тибодье дѣйствуетъ въ Греноблѣ. Онъ держитъ въ рукахъ весь городъ и очень любимъ, это образецъ мэровъ! Для всѣхъ онъ родная мать (и Желіоттъ расхохотался, находя себя очень забавнымъ).—Онъ можетъ составить весь избирательный списокъ и провести на выборахъ своихъ кандидатовъ.

— И онъ противъ меня?

— Противъ тебя. О, Тибодье очень популяренъ и твердъ, какъ скала. Конечно, какъ и всѣ, онъ находитъ себя умѣреннымъ, слишкомъ умѣреннымъ.

— Онъ-то? да вѣдь онъ принадлежалъ къ комитету плебисцита временъ имперіи!

— Дѣйствительно. Но теперь онъ такой же радикальный республиканецъ, насколько былъ ярымъ бонапартистомъ. О, это человѣкъ безъ уступокъ. Что за головушка! Онъ тебя побьетъ. Къ тому же, въ Изерѣ хотятъ, чтобы было однородное представительство...

— Ну, и тутъ!—сказалъ Водрей, чувствуя, что это слово его преслѣдуетъ.

*

Digitized by Google

Да и что ему за дѣло до этихъ депутатовъ, до этихъ выборовъ, до этой политики? Денисъ Рамель постигъ всю тщету этого, и унесъ много добра съ собой въ могилу.

— Ну, бросимъ этого Тибодье!—сказалъ Желіоттъ.—Кстати, я видѣлъ въ Гренобле твою жену.

Водрей поблѣднѣлъ и проговорилъ только:—А!

— Она очень измѣнилась, не выходитъ изъ дома своего дяди-доктора, и никого не принимаетъ. Ужь не больна ли она?

— Да, немножко!

— И вы разстались?

— Нѣтъ!—сказалъ Сюльписъ.

Желіоттъ засмѣялся.

— Ахъ, шутникъ! Я понимаю: твоя жена оказалась слишкомъ нравственна. Боже мой, да вѣдь она такая провинціалка. Ба! это пройдетъ, пройдетъ и ты будешь свободенъ,—вотъ и все! Э! но скажи же: если ты не будешь вновь избранъ, то поѣдешь къ ней въ Гренобль? Твои кліенты опять вернутся къ тебѣ. Какъ адвоката, тебя уважаютъ, но какъ министра, а! я долженъ тебѣ сказать, какъ министра...

— Я буду опять избранъ,—твердо проговорилъ Водрей, чтобы пресѣчь нескончаемое разглагольствіе Желіотта.

Онъ былъ сильно взволнованъ. Глупость этого человѣка просто выводила его изъ себя. Съ нѣкоторыхъ поръ, онъ постоянно натыкался на что нибудь раздражающее и непріятное. Ему хотѣлось на комъ нибудь выместить это. Онъ отъ всей души сломалъ бы руки этой Маріаннѣ. Войдя въ залу потерянныхъ шаговъ, онъ машинально столкнулся съ быстро бѣжавшимъ господиномъ, который даже не поклонился ему, но котораго онъ узналъ.

— Но вѣдь я его, однако, знаю!

Онъ не сдѣлалъ и трехъ шаговъ, какъ отлично вспомнилъ этого вѣчнаго посѣтителя министерскихъ пріемныхъ, который, казалось, также крѣпко прицѣпился къ просительскому креслу, какъ улитка къ скалѣ, и котораго huissiers звали по дружески столько лѣтъ господиномъ Эженемъ.

Это ужь было черезчуръ! очевидно подъ такой невѣжливостью слѣдовало подозрѣвать что-то нехорошее.

Digitized by Google

Сюльписъ рѣзко повернулся и, подойдя къ нему, сухо проговорилъ:

— Помнится, нѣсколько времени тому назадъ, вы кланялись мнѣ гораздо ниже, милостивый государь. Вы, кажется, съ утра до вечера сидѣли въ министерской пріемной!

Онъ приготовился услыхать надменный отвѣтъ отъ Ренодена, и тогда онъ поплатился бы за другихъ.

Но господинъ Эжень съ улыбкой отвѣчалъ:

— Но я и теперь постоянно тамъ, сударь!

Водрей взглянулъ на него съ удивленіемъ, затѣмъ съ сильнымъ гнѣвомъ выпалилъ ему, точно желая отмстить ему за всѣхъ неблагодарныхъ и глупыхъ прихвостней, такъ подобострастно гнувшихъ передъ нимъ спину:

— Ну, такъ вотъ что: когда нибудь вы мнѣ опять низко поклонитесь, потому что я опять туда вернусь!—дерзко проговорилъ онъ. И, круто повернувъ спину этому подлецу, отправился въ палату. Онъ услыхалъ взрывы «браво» и цѣлую бурю энтузіазма, которые точно ударили его по лицу. Онъ взглянулъ и сердито закусилъ губы.

Люсьенъ Гранэ стоялъ на трибунѣ, а большинство одобряло его рѣчь.

IX.

Маріанна Кейзеръ предпочитала и, можетъ быть, съ нѣкоторой умной сообразительностью, чтобы бракосочетаніе совершилось безъ особой торжественности. Ей было рѣшительно все равно, что она какъ бы украдкой вступала въ свое герцогство.

Позднѣе у нея будетъ время, чтобы высоко поднять голову подъ ея герцогской короной, а пока она притворялась смиренницей, въ ожиданія флеръ-д'оранжеваго вѣнка. Она отпустила Жана и Жюстину, надѣливъ ихъ очень щедро, потому что нашла безполезнымъ держать при себѣ людей, которые знали очень хорошо Водрея. Она совѣтовала Жюстинѣ выйти замужъ за Жана.

— Замужство было бы очень забавно,—говорила она.

— Сударыня такъ добра!—отвѣчала Жюстина.—Но барынѣ самой хорошо извѣстно, что иногда слѣдуетъ подождать. Ни-

Digitized by Google

когда не надо слишкомъ торопиться. Не знаешь, что можетъ произойти.

Будущая герцогиня, казалось, была очень мало польщена соображеніями, высказанными горничной. Однако, ей надо было еще постѣсниться даже съ прислугой,—съ этими дураками, которые сейчасъ же кусаютъ ту руку, изъ которой получали подачки. Но въ будущемъ она, конечно, покажетъ себя уже не такой покладливой простушкой. Она будетъ держать людей на извѣстномъ разстояніи. Это всѣ хорошо увидятъ. А пока она была въ восхищеніи, что очистила свой домъ и прогнала прислугу. По крайней мѣрѣ, теперь она могла лгать, какъ хотѣла, де-Розасу.

Къ тому же герцогъ, до безумія влюбленный, страсть котораго поджигалась Маріанной съ каждымъ днемъ все больше, все сильнѣе, готовъ уже былъ на все согласиться и все ей простить, только бы сжимать эту женщину въ своихъ объятіяхъ. Она окружала его опьяняющимъ обольщеніемъ, искусно вкладывая въ каждой поцѣлуй, зажигавшій огонь въ жилахъ Хозѣ, обѣщаніе еще болѣе горячихъ ласкъ. Она взялась за эту игру съ какой-то особенной, изысканно-нѣжной страстностью, какъ куртизанка, которая хотя и привыкла къ легкимъ сдѣлкамъ, но старается противостоять порывамъ своего темперамента, разсчитывая на успѣхъ, требующій до поры, до времени особенной сдержанности. Она боялась слишкомъ скоро поддаться, хотя по временамъ сама готова была уступить безумному увлеченію, подталкиваемая къ де-Розасу жаждой неизвѣданныхъ наслажденій.

Матовая блѣдность этого рыжеватаго человѣка, съ глубокимъ взглядомъ и дрожащими губами, почти холодными,—когда она отыскивала ихъ въ его огненныхъ усикахъ,—очень ей нравились. Она иногда говорила ему, что, не смотря на свой кроткій видъ, онъ похожъ на тигра.—«О! на котика, а это мнѣ такъ нравится, потому что я сама кошка. Ахъ, какъ я тебя люблю!» Она чувствовала, что у нея самой пробѣгаетъ по тѣлу нервная страстная дрожь въ отвѣтъ на волненіе этого человѣка, до такой степени ею покореннаго, что онъ былъ весь въ ея власти, хотя тайныя его мысли смутно ее безпокоили. Она торопилась, чтобы этотъ бракъ былъ окончательно рѣшенъ,—если хотятъ, тайкомъ, но лишь бы законнымъ обра-

Digitized by Google

зомъ, безповоротно. Она опасалась, чтобы въ Хозэ не появилось пробужденія, вслѣдствіе какого нибудь анонимнаго письма или встрѣчи съ Гюи, или какого нибудь объясненія,—кто знаетъ?

«Правду сказать, — думала она, — я была таки порядочно глупа, что волновалась изъ-за какого-то Гюи. Угрозы на словахъ,—вотъ и все»!

Герцогъ обращался съ ней, какъ съ честной дѣвушкой, взявъ съ нея клятву въ томъ, что она никого, кромѣ него, не любила, и что ни одинъ смертный не осмѣлится утверждать, что онъ ею обладалъ.

Она поклялась ему во всемъ, въ чемъ ему только было угодно, говоря дядюшкѣ Кейзеру:—Эти клятвы — то же, что политическія клятвы; вѣдь онѣ ни къ чему не обязываютъ!

Дядюшка начиналъ приходить въ неистовое восхищеніе отъ своей «маленькой Маріанны». Вотъ такъ женщина, чортъ побери! Изумительная у нея гибкость! Она обѣщала выстроить ему мастерскую, въ которой онъ могъ бы, какъ хотѣлъ, отдаваться своему рисованію, или, протянувшись на диванѣ, куря свою трубку, пускать къ потолку ѳиміамъ своего краснорѣчія о превосходствѣ нравственности въ искусствѣ. Это его идеальнѣйшая мечта. Онъ также стоялъ за скорость брака. И чтобы не было слишкомъ много шума... Малѣйшій какой нибудь крючокъ, и все потеряно. А тогда какая бѣда!

— Знаешь ли, что̀ я тебѣ скажу? Мнѣ кажется, что ты, отправляясь въ мэрію, будешь сидѣть точно на яйцахъ.

— Будь спокоенъ,—отвѣчала Маріанна, громко расхохотавшись:—я ихъ не раздавлю!

И вотъ свадьба отпразднована. Это была скорѣе формальность, чѣмъ церемонія. Маріанна, очаровательно хорошенькая, ликовала, осуществляя свою мечту. Блѣдный цвѣтъ ея лица принималъ розоватый оттѣнокъ отъ азалій, позлащенныхъ солнцемъ. Никогда раньше Розасъ не находилъ ее такой прелестной. Какъ онъ былъ когда-то глупъ, избѣгая ее, вмѣсто того чтобы сказать, что онъ ее любитъ! Онъ потерялъ даромъ годы, цѣлые годы любви, наслажденіе которой, даже въ счастливой лихорадкѣ этого союза, пожалуй, не будетъ уже такъ жгуче-сладостнымъ. Увы, эти радости, которыми онъ тогда пренебрегъ,—онѣ невозвратимы!

Digitized by Google

Ахъ, какъ теперь онъ будетъ ее любить, обожать, беречь, какъ воплощеніе сладострастія! Они поѣдутъ путешествовать. Черезъ три дня они отправятся въ Италію. Чемоданы заполонили уже ихъ отель въ предмѣстьѣ Монтэнь, въ ихъ брачномъ домѣ. Маріанна увезетъ съ собой собранные ею сувениры изъ той маленькой комнатки à la grisette, въ улицѣ Кювье, гдѣ Розасъ увидалъ ее и впервые сказалъ: «Я тебя люблю»!—Люди увозятъ своихъ пенатовъ, и я увожу своихъ фетишей,—говорила она.

Розасъ былъ безумно счастливъ. Обладаніе этой женщиной, которую онъ желалъ, какъ любовницу, оказавшееся еще болѣе чувственнымъ, еще болѣе страстнымъ, чѣмъ онъ ожидалъ, съ этими спазмами отъ слезъ и поцѣлуевъ, совсѣмъ вскружило ему голову, точно пронизанную какою-то неземною радостью.

Что-то въ немъ пѣло, какъ въ тѣ дни, когда ему было двадцать лѣтъ. Онъ страстно хотѣлъ поскорѣе очутиться съ Маріанной на дорогѣ въ Италію, подальше отъ этой парижской пыли и грязи.

— Эти дождливые тротуары съ мигающимъ газомъ кажутся мнѣ какими-то траурными,—говорилъ онъ.—Поѣдемъ поближе къ голубому небу, Маріанна, къ померанцевымъ деревьямъ въ Ниццу; къ звѣздамъ въ Неаполь!

Она улыбалась.

«Ахъ, опять это *голубое*!—подумала она.—Стало быть, они всѣ любятъ его»?

Она хотѣла остаться еще на нѣсколько дней въ этомъ Парижѣ, чтобы повѣдать о своемъ новомъ званіи этимъ улицамъ, этому лѣсу, этимъ театрамъ, которые раньше знали ее такой грустной и отчаявшейся. Ей показалось теперь, что своимъ тріумфомъ она какъ бы подавляетъ людей и вещи. Что ей Неаполь? Она не таскала въ немъ своихъ презрѣнныхъ разочарованій и своей злости! Во Флоренціи на нее взглянутъ, какъ на всякую герцогиню. Но въ Парижѣ, гдѣ всякій уголокъ былъ ей знакомъ, гдѣ каждый пейзажъ былъ заполоненъ ея былымъ безумствомъ, ея надеждами, ея паденіями, ея сердечной кручиной,—всѣми этими злоключеніями, которыя сдѣлали ее такою дерзкою,—она хотѣла бы все пріобщить къ своему тріумфу.—Еще два дня... Еще хоть бы день!—говорила она.—

Digitized by Google

Послѣ перваго же представленія въ Варьетэ, мы и уѣдемъ... хочешь?

— Ахъ, парижанка! какая ты яростная парижанка!—отвѣчалъ Хозэ.

Она, улыбаясь, смотрѣла на него своими сѣрыми искрящимися глазами.

— Въ Варьетэ! Ты же, вѣрно, помнишь... тотъ отрывокъ изъ аріи? Тотъ самый, который ты напѣвалъ, когда былъ боленъ?.. Мнѣ кажется, что я его какъ сейчасъ слышу:

Voyez vous là bas
Cette maison blanche
Où chaque dimanche
Sous le frais lilas...

Дядюшка Кейзеръ, всегда благоразумный, торопилъ ее съ отъѣздомъ. Онъ чего-то опасался, самъ не зная, чего именно. Онъ всего боялся. Каждое утро онъ боялся прочитать въ газетахъ какой нибудь неприличный каламбуръ или намекъ насчетъ герцога и герцогини де-Розасъ.

— Эти газетчики такъ привыкли подымать на зубокъ частную жизнь, колебать эту моральную стѣну!

Наконецъ, черезъ два дня, рѣшено было уѣхать. Это было уже окончательное рѣшеніе.

Розасъ пожелалъ видѣть Гюи въ послѣдній разъ. Въ улицѣ Омаль, ему отвѣтили, что господинъ де-Лиссакъ находится въ путешествіи. Но ставни у оконъ не были закрыты. Герцогъ хотѣлъ было настаивать, затѣмъ отретировался и вышелъ съ какимъ-то грустнымъ предчувствіемъ на сердцѣ. Погода стояла отличная. Было совершенно сухо. Онъ отправился пѣшкомъ въ предмѣстье Монтэнь, гдѣ должна была находиться Маріанна, занятая укладываніемъ своихъ чемодановъ.

Войдя въ отель, гдѣ всѣ двери были открыты,—какъ это бываетъ, когда переѣзжаютъ или совсѣмъ уѣзжаютъ,—гдѣ звучно раздавались голоса, придавая всему жилищу видъ чего-то заброшеннаго, онъ былъ удивленъ, услыхавъ голосъ какого-то человѣка, не принадлежавшій ни Симону Кейзеру, ни лакею, и громко отвѣчавшій на голосъ Маріанны, повидимому, очень разгнѣванной.

Этотъ мужской голосъ былъ ему незнакомъ, но звукъ сердито дернутой сонетки, подъ впечатлѣніемъ отчаянной ярости,

Digitized by Google

заставилъ его ускорить шагъ, точно его осѣнило предчувствіе какой-то опасности, угрожавшей герцогинѣ.

При безпорядкѣ, царившемъ тутъ и придававшемъ всему видъ грабежа, отель, въ этотъ сѣрый декабрьскій вечеръ, бросавшій на все какія-то фатальныя тѣни, имѣлъ видъ крайне зловѣщій. Въ сердце Хозэ прокралось страшное безпокойство. Онъ быстро вбѣжалъ въ салонъ, гдѣ Маріанна, въ черномъ шолковомъ платьѣ, стоя у камина, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ, отчаянно дергала за шнурокъ сонетки.

Передъ ней стоялъ усатый молодой человѣкъ, котораго г. де-Розасъ совсѣмъ не зналъ, въ шляпѣ на бекрень. Онъ имѣлъ очень дерзкій, заносчивый видъ въ своемъ черномъ рединготѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы; онъ говорилъ что-то грубымъ, крикливымъ голосомъ, заложивъ руки въ карманы, и имѣлъ вообще гнусный и въ то же время угрожающій видъ.

Маріанна вызванивала какого нибудь лакея. Она вся покраснѣла отъ ярости. Но, увидавъ Хозэ, она позеленѣла.

— Что тутъ такое?—холодно проговорилъ Розасъ, становясь между герцогиней и этимъ человѣкомъ.

Человѣкъ взглянулъ на него, снялъ шляпу и произнесъ громкимъ голосомъ, испуская при этомъ какой-то непріятный запахъ:

— Господинъ герцогъ де-Розасъ, кажется?

— Да,—отвѣчалъ Хозэ.—Но могу узнать?..

— Глупости! тутъ нѣтъ ничего такого! — вскричала Маріанна, кидаясь быстро къ Хозэ, и схватила его за руки, какъ бы желая оттащить.

— Какъ, ничего такого?—спросилъ пришлецъ, дерзко становясь въ позицію со шляпой въ рукѣ, подбочениваясь кулакомъ въ лѣвое бедро и принявъ, для пущей элегантности, позу фехтовальнаго учителя.—Третировать кого нибудь, какъ вы меня третируете, это по вашему ничего?

Онъ повернулся къ де-Розасу и коротко проговорилъ, раскланиваясь съ театральнымъ жестомъ:

— Адольфъ Гошаръ!.. Вы развѣ не знаете меня, господинъ герцогъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Хозэ.

— Но чего же вы хотите?..

— А! нѣтъ, теперь ужь извините,—сказалъ Гошаръ, пе-

Digitized by Google

ребивая Маріанну.—Вы звонили, вы хотѣли собрать свидѣтелей. Вы угрожали мнѣ тѣмъ, что прикажете вытолкать меня въ шею за дверь. Ну, такъ вотъ же вамъ! разъ вы позвали свидѣтеля, такъ пусть онъ меня и выслушаетъ.

Прислуга, которую такъ отчаянно вызванивали, появилась, остановившись въ полутемнотѣ, у порога двери.

— Убирайтесь всѣ вонъ,—закричала Маріанна.

— Зачѣмъ это?—холодно спросилъ ее удивленный герцогъ.

— Потому что madame предпочитаетъ, чтобы я сказалъ вамъ кое-что съ глазу на глазъ!—замѣтилъ Гошаръ.—А! такъ вы смѣли мнѣ сказать, что я хочу сдѣлать шантажъ? Я, старый бригадиръ, стану марать себя шантажемъ? Ну, такъ поговоримъ.

— Милостивый государь, — сказалъ герцогъ, смертельно блѣдный, скрипнувъ зубами, ярко сверкнувшими въ его рыжей бородкѣ,—я не знаю, что̀ сказала вамъ г-жа герцогиня де-Розасъ, и что̀ вы осмѣлились ей сказать, но вы сейчасъ же выдете отсюда вонъ!

— Вотъ какъ?—сказалъ Гошаръ, поведя своими коренастыми плечами, какъ противникъ передъ барьеромъ.

— Да, вотъ такъ.

— Это меня бы очень удивило! Но, чортъ меня побери, у васъ, *въ свѣтѣ*, не особенно вѣжливы!

— Не вѣжливы съ такими, какъ вы, олухами! Вы тутъ находитесь у меня, въ моемъ домѣ.

— О! вамъ нечего учить меня, я знаю, гдѣ я нахожусь!—сказалъ любовникъ Дюжарье, сверкнувъ глазами.—Но эта госпожа долго проклажалась на мои денежки въ улицѣ Прони, и только благодаря моей подписи—да, моей подписи!—могла она нанимать отель Ванды. И ей нечего ужь заноситься!

— Ваша подпись?... Отель Ванды?

Герцогъ взглянулъ на Маріанну, блѣдную, какъ трупъ, которая, вмѣсто того чтобы выказать благородное негодованіе, едва находила въ себѣ энергію, чтобы съ умоляющимъ видомъ отталкивать своего мужа отъ этого человѣка, какъ будто отсюда грозила ей большая опасность.

— А!—вскричалъ Хозэ.—Когда такъ, то вы мнѣ все объясните.

— Это очень просто! Я нуждаюсь въ деньгахъ. Дюжарье

Digitized by Google

мнѣ очень мало выдѣлила изъ этого дѣльца. Она таки порядочная жила. И вотъ я прихожу сюда, попросить денегъ у madame. Она принимаетъ меня свысока и, вмѣсто того чтобы понять, что я пришелъ, какъ добрый пріятель, начинаетъ угрожать мнѣ, что вытолкаетъ меня за дверь. А чтобы производить шантажъ? Я? Я?.. Глупости, пріятель!

И этотъ человѣкъ осмѣливается говорить такимъ языкомъ съ той, которая носитъ имя герцогини де-Розасъ; онъ приходитъ къ ней потолковать «по пріятельски». Этотъ дерзкій алкоголистъ помогалъ Маріаннѣ нанимать какой-то отель, отель дѣвчонки, въ улицѣ Прони! Ванда!.. Что могло быть общаго у этихъ людей съ именемъ герцогини? И Дюжарье,—эта Дюжарье, которую кастилецъ зналъ за потаскушку,—какимъ образомъ примѣшалась она къ жизни Маріанны?

А! но ужь разъ Гошаръ началъ, то пусть и кончитъ. Онъ все скажетъ. Онъ не хотѣлъ этого дѣлать, но теперь ужь извините! Испуганный Розасъ чувствовалъ, что услышитъ что-то гнусное и подлое,—уже потому, какъ сильно дрожала рука Маріанны, ухватившейся за его руку, и мало по малу, по мѣрѣ того какъ Гошаръ говорилъ, герцогъ чувствовалъ, что Маріанна какъ бы порывается улизнуть. Но теперь ужь онъ, въ свою очередь, удерживалъ ее при себѣ, впиваясь пальцами въ кисть руки молодой женщины, принуждая ее силой не бѣжать, а все выслушать,—до конца все выслушать.

— А! такъ вы воображали, что я побоюсь говорить. Я-то! Вотъ вы увидите.

И тогда, съ ужимками кулачнаго забіяки и кабацкаго завсегдатая, выискивающаго забавныя словечки, подло мстя грязными выходками, вонючими, какъ табачные плевки, горя желаніемъ поскорѣе отмстить оскорбившей его женщинѣ, заговорившей о полиціи и шантажѣ, угрожавшей ему лакеями, которые вытолкаютъ его за дверь,—онъ разсказалъ все, что зналъ, о бѣдности Маріанны, о ея злоключеніяхъ и любовныхъ похожденіяхъ, о комбинаціи Дюжарье, о томъ, какъ Маріанна наняла отель Ванды; о векселѣ Водрея, о возобновленіи его, о глупости его, Гошара,—о промахѣ честнаго мальчика, слишкомъ наивнаго и слишкомъ довѣрчиваго, повѣрившаго на слово Кларѣ Дюжарье. Никогда не слѣдуетъ вѣрить подобнымъ женщинамъ!..

Digitized by Google

Розасъ слушалъ съ полуоткрытымъ ртомъ, чувствуя, какъ кровь заливаетъ ему уши, виски, и все глубже и глубже вонзаясь ногтями пальцевъ въ руку Маріанны, глядѣвшей на Гошара съ дикой яростью.

Когда онъ кончилъ, то Маріанна ужаснымъ усиліемъ высвободила свою руку изъ когтей де-Розаса, подбѣжала къ этому негодяю и плюнула ему въ лицо.

Онъ замахнулся на нее и сказалъ:

— А, ну! ну!

— Теперь выходите отсюда вонъ. Вамъ все будетъ уплачено!

— Деньги, это еще не все. Я желаю удовлетворенія!— отвѣчалъ Гошаръ, вытирая щеку. И онъ положилъ свою карточку на каминъ.

— Адольфъ Гошаръ. Вотъ мой адресъ. Да и madame его очень хорошо знаетъ. На пистолетахъ, на сабляхъ или на кулакахъ; на чемъ вамъ будетъ угодно. Я никого не боюсь!

— Вѣдь тебѣ заплатятъ; тебѣ сказали, что заплатятъ,— вскричала Маріанна, совершенно обезумѣвъ, готовая исцарапать его ногтями.—Убирайся вонъ, безпутный, пошелъ вонъ, воришка!

— Глупости!—отвѣчалъ Адольфъ, надѣвая шляпу на свою коротко-остриженную голову.—Я сказалъ то, что хотѣлъ сказать. Я не люблю, когда мнѣ надоѣдаютъ!

И онъ исчезъ, съ жестами разгильдяя, какъ плохой комедіантъ, смущенный своимъ выходомъ. Розасъ даже не замѣтилъ, какъ онъ ушелъ. Онъ взялъ Маріанну за обѣ руки, подтащилъ къ окну, откуда чуть брезжилъ дневной свѣтъ, и съ лицомъ, сдѣлавшимся похожимъ на мѣловую маску, въ рамкѣ кроваво-рыжихъ волосъ, весь подергиваемый конвульсіями, онъ безумнымъ, пристальнымъ взглядомъ вонзился въ самую глубь ея глазъ.

Она смертельно испугалась. Она думала, что умираетъ, предчувствуя уже, что онъ ее убьетъ. Вдругъ она опустилась на колѣни. Онъ продолжалъ глядѣть на нее, склоняясь къ ней съ совершенно безумнымъ видомъ.

— Такъ, стало быть, Водрей?.. Водрей? Этотъ человѣкъ, котораго я видѣлъ тогда, у твоего дяди? такъ мы съ нимъ сталкивались локтями, имѣя тебя сообща? Водрей?.. И это былъ твой любовникъ?

Digitized by Google

Она ничего не отвѣчала, внѣ себя отъ испуга.

— Такъ ты мнѣ лгала? Ну, отвѣчай же, презрѣнная женщина: ты мнѣ лгала?

— Я любила тебя, я хотѣла тебя,—простонала Маріанна.

— Поди ты!—сказалъ Розасъ шипящимъ голосомъ.—Ты хотѣла того же, что̀ хотѣлъ и этотъ негодяй: денегъ! Ну, такъ слѣдовало у меня ихъ попросить. Я вамъ все бы отдалъ, все свое состояніе, все... Но не мое имя, не мое имя!—И онъ грубо оттолкнулъ ее. Она оставалась стоять на колѣняхъ. Ея свѣсившіяся руки касались ковра. Она тупо разглядывала его узоры. Она была увѣрена, что сейчасъ умретъ. Гнѣвъ Хозэ походилъ на гнѣвъ разъяреннаго дикаго звѣря. Онъ, казалось, хотѣлъ поразить ее своимъ страшнымъ взглядомъ, своими налитыми кровью глазами. Но вдругъ онъ нервно захохоталъ, какъ истеричная дѣвушка.

— О, дуракъ, дуракъ, дуракъ! Въ отелѣ дѣвки, тамъ, въ улицѣ Прони, у Ванды... Ванды! И она отдавалась въ постели проститутки... продавалась. Одна изъ де-Розасъ! Вѣдь она теперь герцогиня де-Розасъ. О, какой я дуракъ!

Маріанна хотѣла было говорить, умолять. Но ужасъ точно сковалъ ея члены, пробѣжавъ ледяной струйкой у нея по кожѣ, вливаясь мало по малу въ ея жилы.

Она чувствовала, что у этого идеалиста созрѣло неумолимое рѣшеніе. На этотъ разъ она нашла себѣ повелителя.

— Хозэ!—тихо прозвучалъ боязливый голосъ Маріанны.

При этомъ имени, онъ выпрямился, какъ передъ оскорбленіемъ.

— Ну, хорошо! Пусть будетъ, что̀ будетъ. То, что̀ сдѣлано, того не воротишь. Тѣмъ хуже для глупцовъ. Слушайте только хорошенько!

И этотъ блѣдный, маленькій, рыжій человѣкъ, въ наступавшей темнотѣ, казался портретомъ одного изъ своихъ предковъ, вышедшимъ изъ рамки. И его стальная рука снова, тяжелая, какъ камень, легла на руки Маріанны.—Вы мечтали, хотѣли уцѣпиться за этотъ титулъ? Но я не хочу, чтобъ вы таскали его по разнымъ заламъ, подъ разстрѣломъ ироническихъ взглядовъ, при улыбкахъ разныхъ шутниковъ, подъ лорнетами,—словомъ, я думаю, что весь этотъ парижскій соръ и вся грязь такъ крѣпко пристали къ вамъ, что вы ихъ не можете такъ скоро съ себя сбросить. Чортъ возьми! пари держу,

Digitized by Google

что, кромѣ Водрея, у васъ были и еще любовники. Можетъ быть, Лиссакъ да еще и много другихъ. Развѣ я знаю?..

— Но клянусь вамъ...

— А! лучше не клянитесь, вы и такъ мнѣ довольно лгали. Хорошо же! Мы уѣдемъ. Но не въ Италію. Это хорошо для тѣхъ, кто другъ друга любитъ. Вы не знаете Фюэнтекарраля? Такъ вы его узнаете! Теперь это будетъ вашъ дворецъ. *Вашъ, вашъ,* такъ какъ вы одна изъ де-Розасъ.

И онъ снова разразился безумнымъ смѣхомъ, угрожающимъ, какъ приговоръ судьи осужденному.

— Мы поѣдемъ въ Толедо. Какъ-то вы спрашивали меня, что̀ это за дворецъ, въ которомъ я родился; такъ скажу вамъ, что это просто на просто тюрьма. Тамъ можно жить уже послѣ всего. Но разъ туда войдутъ, то рѣдко оттуда выходятъ. Девизъ, вамъ принадлежащій, не очень веселый, но довольно краснорѣчивый. Онъ гласитъ: Hasta la muerte! (До самой смерти).

— Что скажете вы на это? Въ Толедо мы будемъ черезъ три дня. Тамъ есть портреты герцогинь де-Розасъ, которыя будутъ глядѣть на васъ съ высоты своихъ высокихъ, круглыхъ воротниковъ и, такъ какъ между ними не было никакого адюльтера, не водилось ни одной куртизанки, то онѣ, можетъ быть, съ удивленіемъ будутъ спрашивать другъ у друга: зачѣмъ пожаловала эта парижанка въ Фюэнтекарраль? Ну, тогда я отвѣчу имъ, что она пришла сюда, чтобы провести тутъ всю свою остальную жизнь—слышите ли вы?—лицомъ къ лицу со мною, котораго вы такъ *хотѣли*, какъ увѣряете; и никто не будетъ имѣть права издѣваться надъ герцогомъ де-Розасомъ, потому что никто, никогда, внѣ этой тюрьмы, его не увидитъ. О! я знаю, что я человѣкъ другаго времени! Я смѣшенъ, я романтикъ. Но таковъ ужь я! Вы разбудили во мнѣ полуараба, спавшаго въ кастильцѣ. Тѣмъ хуже для васъ: вы напомнили мнѣ, что я—Розасъ!

Она, точно пригвожденная, оставалась все на томъ же мѣстѣ, слушая, какъ герцогъ ходитъ взадъ и впередъ, причемъ каблуки его стучали, не смотря на толстые ковры, какъ воинскіе доспѣхи.

Иногда, когда онъ подходилъ къ Маріаннѣ такъ близко, что тѣнь отъ него падала на нее,—она приходила въ ужасъ. Она чувствовала, какъ будто передъ ней открывается могила, и какой-то гнилостный запахъ точно бьетъ ее въ лицо.

Digitized by Google

Она вздрогнула съ головы до ногъ и умоляющимъ голосомъ шептала:

— Сжалься!.. Прости!

— Госпожа герцогиня!—холодно проговорилъ Розасъ,—я изъ тѣхъ, кого можно обмануть:—никто не избѣгаетъ измѣны,—но я не изъ тѣхъ, которые прощаютъ. Я былъ слишкомъ наивенъ, глупъ, легковѣренъ. Тѣмъ хуже для меня... Но еще хуже и для васъ! Вы—герцогиня де-Розасъ, вы ею останетесь. А! я сдѣлался вашей добычей. Ну, и хорошо, а вы будете моей! Ничего не можетъ быть справедливѣе, думаю я. Я не желаю ни скандальнаго процесса, ни дуэлей. Я стану смѣшнымъ въ глазахъ другихъ, но не въ вашихъ и не въ моихъ. Я не хотѣлъ быть вашимъ любовникомъ и едва сталъ вашимъ мужемъ. Теперь я вашъ спутникъ навсегда. Hasta la muerte! Что̀ касается до меня, то холодъ камней нашего замка не внушаетъ мнѣ страха. Я привыкъ къ нему. Если же васъ заставляетъ онъ дрожать, то кто же виноватъ? Вы этого хотѣли. Итакъ, свершается двойное самоубійство. Сегодня вечеромъ, мы уѣзжаемъ.—Сегодня вечеромъ!—повторилъ Розасъ, весь страшный, между тѣмъ какъ Маріанна, леденѣя отъ ужаса, чувствовала, что этотъ титулъ: «герцогиня де-Розасъ», падаетъ на нее, какъ тяжелая гиря.

Симонъ Кейзеръ пришелъ къ обѣду. Онъ съ огорченіемъ узналъ, что «чугунокъ опрокинулся». Какъ? онъ все знаетъ, этотъ дьявольскій герцогъ? И онъ такъ драматически взглянулъ на дѣло?—Вотъ глупость-то!

— Ну, это все равно,—сказалъ дядя, спрашивая себя: куда бы пойти ему пообѣдать. Ну, вышло дѣльце! Онъ замуруетъ ее тамъ у себя въ четырехъ стѣнахъ. Слѣдовало обдумать лучше эту махинацію, чтобы какая нибудь каналья Гошаръ не пришелъ и не напортилъ. Мнѣ жаль эту маленькую Маріанну! Такъ хорошо все было распланировано... великолѣпно. И вдругъ—крахъ по всѣмъ швамъ. Вотъ что̀ значитъ заниматься искусствомъ—этимъ ремесломъ дураковъ!—О, какъ безнравственна судьба!—Мы были бы, можетъ быть, счастливѣе,—я и она,—еслибъ она оставалась просто на просто кокоткой, а я сдѣлался бы фотографомъ.—Только,—прибавилъ этотъ «честный человѣкъ»:—или у васъ есть высшіе взгляды и надежды, или ихъ нѣтъ совсѣмъ. Трудно передѣлать себя артисту!

Конецъ.

Digitized by Google

У моря.

Разсвѣтъ блеснулъ. Востокъ въ огнѣ.
И гдѣ ты, слѣдъ моей печали?
Внимаю ласковой волнѣ,
Вперяю взоръ въ багрянецъ дали.
Гляжу, какъ влажные кусты
На встрѣчу солнцу смотрятъ жадно...
Растутъ въ груди моей мечты,
А сердце бьется такъ отрадно.
Въ пурпурномъ отблескѣ огня
Мелькаютъ чайки на свободѣ...
О, неужели радость дня
И мнѣ доступна, какъ природѣ?

П. Тулубъ.

Digitized by Google

ЗАБЫТЫЕ ДИПЛОМАТЫ ТАМБОВСКАГО КРАЯ.

Въ январьской книгѣ «Наблюдателя» за 1892 годъ была помѣщена мною статья подъ заглавіемъ: «Тамбовцы-дипломаты XVII в.». Въ дополненіе къ этой статьѣ и въ видахъ объединенія добытыхъ мною историческихъ матеріаловъ на данную тему, я предлагаю вниманію читателей новую статью — тоже о тамбовскихъ дипломатахъ и той же эпохи.

Приступаю къ дѣлу безъ предисловій, такъ какъ я уже и прежде высказывалъ свой взглядъ на государственное значеніе тамбовскихъ воеводъ, пользовавшихся благоволеніемъ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, которые впервые обратили особенное вниманіе на тамбовскую украйну и посылали туда на воеводство своихъ излюбленныхъ людей, извѣстныхъ дѣловитостью и расторопностью.

Много было тамбовскихъ дипломатовъ, которымъ первые цари изъ дома Романовыхъ ввѣряли свои интересы за границей (Пушкинъ, Проестевъ, Зюзинъ, Приклонскій и др.). Но о нихъ я уже печаталъ раньше. Здѣсь я прибавлю только то, что еще царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ началъ понемногу привлекать тамбовскихъ воеводъ къ дипломатической дѣятельности.

Въ 1600 году онъ посылалъ въ Персію, для заключенія *вѣчной* дружбы, шацкаго намѣстника князя Александра Жироваго-Засѣкина *съ товарищи*. Послы шли нашею украйною на Астрахань, Терекъ и далѣе. Съ ними грузно двигался огромный обозъ *съ посольскими кормами и персидскими поминками*—дарами щедраго московскаго царя; да и нашъ шацкій воевода былъ не бѣдный и хотѣлъ блеснуть своей боярской тароватостью... Между *поминками* самое видное мѣсто занимали мѣха и кречеты. Кромѣ того, послы везли Аббасъ-Шаху *живыхъ соболей, живаго медвѣдя, да двухъ собакъ борзыхъ, да двухъ собакъ меделянскихъ*...

Во время переговоровъ съ персіянами, князь Жировой-Засѣкинъ, по смыслу данной ему инструкціи, долженъ былъ съ особенною твердостью настаивать на томъ, *чтобы персидскіе купчины не занимались продажею дѣвокъ и ребятъ*... Такимъ образомъ, еще на

Digitized by Google

самомъ рубежѣ XVI — XVII вѣковъ Русь начинала въ Азіи свою цивилизаторскую миссію, которой суждено съ особенною силою проявиться именно въ наше время, когда по средне-азіатскимъ пустынямъ шумно и быстро несутся русскіе желѣзнодорожные поѣзда съ русскими людьми и товарами, разнося по бывшимъ притонамъ мѣстнаго самодурства и изувѣрства принципы христіанской гуманности...

Справивши свое посольство, Засѣкинъ вернулся домой. Съ тѣхъ поръ между Персіей и Москвой начались усиленныя политическія сношенія, которыя, смотря по обстоятельствамъ, принимали разнообразный тонъ: или слишкомъ высокій, или совершенно минорный... Чаще и чаще стали проходить черезъ наши тамбовскія степи, по московскому тракту, и персидскіе послы. Въ 20-хъ годахъ XVII в., въ Москву пріѣзжалъ персидскій посолъ Мегметъ-али-Бекъ, который, во время царскаго пріема, *великому государю челомъ ударилъ и поздравленіе справилъ*. И молвилъ: «великій государь съ царевичемъ Алексѣемъ Михайловичемъ былъ бы здоровъ на многія лѣта». Послѣ обычныхъ рѣчей, началось приношеніе *поминковъ*. А были тѣ шаховы поминки таковые: аргамакъ гнѣдой, чарка золотая съ бирюзой, одежды бархатныя и куски разныхъ дорогихъ матерій... *И царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, послѣ того привѣту, персидскаго посла пожаловалъ: велѣлъ сѣсть при себѣ на скамейкѣ.*

На другой день посолъ говорилъ съ московскими боярами о дѣлахъ и жаловался на бывшаго московскаго гонца князя Тюфякина, что онъ *шаху кречетовъ не давалъ и въ томъ стоялъ накрѣпко и шаха разгнѣвалъ, и на выходѣ приносилъ ему не живыя птицы, а хвосты и перье...* И еще Мегметъ-али-Бекъ сказывалъ: князь Тюфякинъ долженъ былъ явиться къ шаху править посольство вмѣстѣ съ послами турецкимъ, индѣйскимъ и нѣмецкимъ, а онъ на посольство не пошелъ вмѣстѣ и тѣмъ *прогнѣвалъ шахово величество*... Послѣ того шахъ Аббасъ пожелалъ, чтобы русскій гонецъ, по крайней мѣрѣ, обѣдалъ за шаховымъ столомъ вмѣстѣ съ *турскими* послами. Но упрямый Тюфякинъ отвѣчалъ: «при турскихъ послахъ мнѣ, *великому послу*, быти не пригоже». На эти слова шахъ сильно прогнѣвался, грозилъ нашему гонцу тюрьмой и голодомъ, и срывалъ свой гнѣвъ на придворныхъ... Однако, скоро смиловался и звалъ Тюфякина смотрѣть на конное ученье. На эту любезность Тюфякинъ отвѣчалъ такъ: «эка невидаль! видали мы на Москвѣ кое-что и почище». Шахъ Аббасъ все таки упорствовалъ въ своихъ любезностяхъ: онъ подарилъ нашему послу платье и велѣлъ ему явиться на аудіенцію. Тюфякинъ и тутъ заупрямился, и на аудіенцію не пошелъ: свое-де платье у меня много лучше, дороже и шире, а

Digitized by Google

персидское узко и своеобычно. *И стало то*,—жаловался Мегметъ-али-Бекъ,—*шахову величеству въ великое подавленіе и прогнѣвалъ его московскій посолъ, упрямье котораго и не бывало.* При персидскомъ дворѣ, какъ извѣстно, никакихъ хмѣльныхъ питій не бывало. Но Тюфякинъ, вѣрный московскимъ обычаямъ, этого знать не хотѣлъ и все приставалъ къ персидскимъ вельможамъ, *чтобы шахово величество пилъ про государево и патріархово здоровье.*

Когда нашъ спесивый гонецъ проѣзжалъ по улицамъ персидскихъ городовъ, всѣ встрѣчные кланялись ему, а онъ не глядѣлъ на нихъ, ѣхалъ *неуказною дорогою* и всячески самодурствовалъ: *во дворы въѣзжалъ насильствомъ и ималъ кормы.* А когда бывалъ въ гостяхъ у шаха, *то государевыхъ чашъ не допивалъ и опивки тѣхъ чашъ выливалъ въ воду.* За все это Тюфякинъ чуть было не поплатился головою. Его спасъ патріархъ Филаретъ и уговорилъ сына ограничить наказаніе зазнавшагося гонца тюрьмою [1]).

Вскорѣ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ снарядилъ новое посольство въ Персію къ шаху Аббасу. Цѣль посольства состояла *въ прошеніи казны взаймъ, въ помочь имѣющейся войны съ Жигимонтомъ королемъ, понеже русскіе люди отъ многія розни и междоусобія и войны оскудѣли.* Старшіе чины посольства были слѣдующіе: князь Барятинскій, дворянинъ Иванъ Чичеринъ и дьякъ Михаилъ Тюхинъ. Такъ какъ князь Барятинскій на пути умеръ, то посольскія дѣла и полномочія приняты были дворяниномъ Чичеринымъ — нашимъ тамбовскимъ вотчинникомъ—и были *правлены имъ гораздо по статьямъ.*

«Пришли мы въ шахову землю, въ Шемаху, моремъ,—отписывался впослѣдствіи Чичеринъ,—и привезли шахову величеству кречеты, и шахово величество велѣлъ встрѣтить насъ, пословъ, многимъ своимъ людямъ, коннымъ и пѣшимъ»... Но это была единственная посольская честь. Въ то время персидскій шахъ проживалъ въ Испагани. Туда-то и направили нашихъ пословъ. Шахъ Аббасъ не безъ основанія кичился своимъ могуществомъ и потому московское посольство ѣхало къ нему въ великой неволѣ. Наши послы шли въ Персиду *смирнымъ обычаемъ.* Они взяли съ собой только толмачей кречетниковъ, да 10 человѣкъ *людишекъ своихъ* и, подходя ко двору шаха, съ лошадей *сѣли* и пошли къ шаху пѣшкомъ. «А палаты шаховы стоятъ въ превеликомъ саду, — писалъ Чичеринъ,—и ждали мы тамъ шаха часа съ три и больши, и говорилъ намъ шахъ съ гнѣвомъ». Чаяли себѣ наши послы смертнаго часу, но Богъ пронесъ грозу... Не смотря на шахскій гнѣвъ, пословъ по обычаю угощали. Передъ шаховымъ тропомъ постелили огромную

[1]) Москов. арх. министер. иностранныхъ дѣлъ, ст. сп. № 10 (Персид. дѣла).

Digitized by Google

скатерть и на ней изобильно поставили *всякія ягоды, яблоки и овощи многіе. А въ золотыхъ сулеяхъ питья были сладкія, и вокругъ шаха стояли ханы многіе.* Послѣ того Чичеринъ говорилъ обычную посольскую рѣчь и цѣловалъ шаха въ ногу. Немедленно послѣ угощенія, нашихъ пословъ повели на шаховъ дворъ и показывали имъ 6 слоновъ *съ чердаки, а на нихъ стоятъ арапы, — и лошадокъ и буйволовъ, да въ серебряныхъ клѣткахъ птицъ разныхъ, и тѣ птицы говорятъ разными языки... И то утѣха великаго государя шаха, Аббасова величества.* И боялись наши послы на себя отъ шаха *кручины.* Вспоминалась имъ на далекомъ и знойномъ югѣ Москва многоглавая, вспоминалась Ивану Чичерину его отцовская вотчина тамбовская *со всѣми угодьи.* И были нерѣдко наши посольскіе люди *пьяны добрѣ*, опасаючись за свои головы... Особенно смущало ихъ персидское неуваженіе къ бѣлому царю, которое выражалось въ томъ, что посольству *лошадей не присылали и встрѣчъ не учиняли.*

Послѣ обычныхъ на востокѣ прицѣпокъ и задержекъ, посольство наше, не добившись цѣли, тѣмъ же *смирнымъ обычаемъ* возвратилось домой. Обратное посольское шествіе было до того *печально и уныльниво*, что Чичеринъ вынужденъ былъ для безопасности обратиться къ защитѣ кумыцкаго хана Гирея, причемъ именовалъ его *братомъ государевымъ*, что было крайнею уступкою со стороны величаваго московскаго боярина, привыкшаго держать имя своего государя «честно и грозно»...

Посольство Чичерина зазимовало на Терекѣ. Здѣсь на свободѣ, не безъ сожалѣнія, вспоминали наши послы о своихъ посольскихъ неудачахъ. Надъ московскою землею все еще не расходились грозныя тучи, навѣянныя событіями *эпохи лихолѣтья.* Ко всѣмъ-то *добрымъ* сосѣдямъ своимъ обращался молодой русскій царь *за подмогой*, и всѣ-то они оставили его... Невеселыя думы волновали пословъ нашихъ. Сказывали имъ на Москвѣ — замолвить у шаха Аббаса словечко и за иверскую единовѣрную землю, но послы ничего не говорили и не посмѣли говорить объ этомъ ближнимъ шаховымъ людямъ: не до того было... Когда Чичеринъ возвращался черезъ нашу степь въ Москву, то во всѣхъ нашихъ городахъ и поселкахъ жители *дивовались* на огромнаго слона, назначеннаго въ подарокъ царю.

Вслѣдъ за Чичеринымъ, поѣхало въ Москву и персидское посольство подъ начальствомъ Булатъ-Бека. Персіянъ встрѣчали у насъ съ большими почестями. Ихъ снабжали обильными *кормами, питьями* и разными подарками. Не таково было то время, чтобы отвѣчать персіанамъ за грубость грубостью. Прибывъ въ Москву, Булатъ-Бекъ былъ *у государя на дворѣ и у бояръ въ отвѣтѣ.* Во

Digitized by Google

время этихъ переговоровъ, московскіе приказные люди были передъ Булатомъ *во многомъ числѣ и въ чистомъ платьѣ... И какъ учалъ Булатъ-Бекъ выходить изъ саней и спрашивали его о здоровьѣ. А въ золотой Грановитой палатѣ государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ сидѣлъ въ царскомъ вѣнцѣ и въ діадимѣ съ скифетромъ въ большомъ нарядѣ.* По лѣвую сторону отъ царя, сидѣлъ царевичъ Алексѣй Михайловичъ. Близь него на особомъ столѣ лежало *государево яблоко.* Рынды стояли у царскаго престола въ два ряда, въ бѣлыхъ кафтанахъ и золотыхъ цѣпяхъ. А по крыльцу и лѣстницамъ выстроены были дворяне, дѣти боярскія, приказные люди и подъячіе, всѣ въ цвѣтныхъ платьяхъ. На площади же и *Тверскою улицею* стояли стрѣльцы съ пищалями. Ласковый и почетный пріемъ персидскаго посольства и измѣнившіяся политическія условія московскаго государства улучшили наши отношенія *къ Персидѣ.* Въ 1629 году шахъ Аббасъ послалъ въ Москву Мегметъ-али-Бека съ цѣнными подарками. При этомъ святѣйшему патріарху Филарету поднесенъ былъ драгоцѣнный посохъ съ мощами великомученика Георгія...

Спустя нѣсколько лѣтъ, по нашей украйнѣ снова шли въ Москву персидскіе послы и во главѣ ихъ Асанъ-Бекъ. Русскіе къ этому времени успѣли уже оправиться. Наши казаки громили на Каспійскомъ морѣ персидскихъ *купчинъ.* Тогда и посольскія персидскія рѣчи перемѣнились. А когда наши послы и гонцы пріѣзжали въ Испагань, то самъ шахъ сталъ спрашивать про государево здоровье, *приподнявшись съ мѣста.* И наши дипломаты уже не церемонились по прежнему, а стали *за грузинъ вычитывать и ихъ оберегать.* Тогда *утвердилось обновленіе и утвержденіе межъ великихъ государей братскія дружбы.* Начался живой обмѣнъ *любительными грамотами.* Установились безпрерывныя торговыя сношенія [1]).

Въ 1642 году, черезъ тамбовскія степи, астраханскимъ и калмыцкимъ трактомъ, медленно двигалось въ Персію наше посольство подъ начальствомъ дворянина Семена Волынскаго, одного изъ нашихъ воеводъ.

Когда нашъ посолъ *началъ править посольство*, то онъ держалъ къ шаху слѣдующую *затѣйливую* рѣчь:

«Бога единаго безначальнаго, безконечнаго, невидимаго и неописаннаго, страшнаго и неприступнаго, превыше небесъ пребывающаго, живущаго въ свѣтѣ неприступномъ, владѣющаго силами небесными и словомъ премудрости своея Іисусъ Христомъ вся сотворшаго и божественнымъ духомъ вся оживляющаго и недреман-

[1]) Моск. архивъ мин. иностр. дѣлъ, №№ 6 и 7 (Дѣла персид.).

Digitized by Google

нымъ окомъ на землю призирающаго и утѣшенія благая всѣмъ человѣкомъ подающаго, Его же трепещутъ небесная и земная,— того единаго Бога милостію и неизреченнымъ промысломъ мы, великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руссіи самодержецъ, владимірскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, царь сибирскій... шаху персидскому, древнихъ персидскихъ царей превознесенную честь достигшему и величествомъ чести многихъ мусульманскихъ повелителей превосходящему, любительному брату нашему великому государю шаху Сефіеву поздравленіе. Слыша про ваше, брата нашего, здоровье, по премногу порадовались... А съ турскими послами нашимъ посламъ быти у твоего шахова двора вмѣстѣ не пригоже и ты бъ турскимъ посламъ съ нашими быти не велѣлъ. А ѣдутъ съ нашими послами для твоей потѣхи кречетники и ястребинники, и сокольники. Да были бъ посламъ нашимъ у городовъ встрѣчи большія и лошадей бы по нихъ присылывали съ людьми честными и изъ царскія конюшни, и честь была бы выше иныхъ пословъ и кормы и питья, дабы братская дружба и любовь межъ великихъ государей множились и прибавлялись свыше прежняго»...

Волынскій принятъ былъ *въ Персидѣ* съ большимъ почетомъ. Такимъ образомъ, наши политическія отношенія къ Персіи постепенно улучшались и по нашей тамбовской украйнѣ все чаще и чаще двигались грузные посольскіе обозы: то наши московскіе въ Персію, то персидскіе—въ Москву [1]).

Русскія дипломатическія сношенія *съ Персидой* и калмыцкими ханами особенно усилились во второй половинѣ XVII вѣка. Главный посольскій трактъ туда и обратно шелъ черезъ нашъ тамбовскій край. Кизильбашскіе и калмыцкіе послы *ѣзжали почасту* черезъ наши степи. Тогда для мѣстныхъ воеводъ начинались заботы о томъ, какъ бы и чужеземнымъ посламъ угодить, и свое *служилое* достоинство соблюсти. А для мѣстнаго населенія начиналась *страда* въ смыслѣ *дароваго* приготовленія всякихъ пристойныхъ посольскихъ припасовъ...

Въ XVII вѣкѣ нерѣдко проходили черезъ тамбовскій край московскіе послы и къ *турскому салтану*. Но свѣдѣнія о *турскихъ* посольствахъ у меня самыя скудныя. Мнѣ извѣстно только то, что турки съ нашими послами вовсе не церемонились. Когда наши бояре предлагали турецкимъ визирямъ царскую дружбу, то обычный отвѣтъ этихъ визирей былъ такой: «Если дача будетъ, то и дружба будетъ». Правда, въ своихъ отвѣтныхъ грамотахъ турецкій сул-

[1]) Москов. арх. мин. иностр. дѣлъ, ст. сп. № 10 (Персид. дѣла).

Digitized by Google

танъ именовалъ московскихъ царей *почтенными и великими друзьями*, но въ то же время какъ бы одумывался и высокомѣрно объявлялъ имъ *согласіе благоволенія*... Себя же называлъ *прибѣжищемъ всѣхъ земныхъ царей*.

Заключаю свою статью описаніемъ проѣзда персидскаго посольство черезъ Тамбовъ въ 1741 году.

Персидскій посолъ Хуссейнъ-ханъ ѣхалъ въ Россію въ сопровожденіи многочисленной свиты. Цѣль посольства заключалась въ объявленіи о персидскихъ побѣдахъ надъ бухарцами и индѣйцами, и въ выраженіи разныхъ претензій относительно Россіи. Въ шахской инструкціи Хуссейнъ-хану претензіи эти высказаны въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) шахъ желалъ съ Россіею свойствò учинить, токмо въ томъ ему отказано (т. е. въ рукѣ цесаревны Елизаветы Петровны); 2) по просьбѣ шаховой, персидскихъ плѣнныхъ и также грузинцевъ и армянъ не возвратили; 3) ногайцы въ персидскую сторону не уступлены; 4) корабельные мастера для дѣланія въ Персіи судовъ не даны; 5) капельмейстеры для обученія музыкѣ не присланы; 6) мастера, которые стѣнные шерстяные обои ткутъ, не даны, и 7) персидскимъ купцамъ безпошлинно торговать не велятъ.

Какъ представитель могущественнаго монарха, похвалявшагося покорить весь міръ, Хуссейнъ-ханъ ѣхалъ въ Петербургъ съ богатѣйшими подарками и съ 14 слонами. Посла окружала нарядно одѣтая свита изъ 128 человѣкъ. 9 декабря 1739 года персидское посольство прибыло въ Кизляръ, но дальше не было пропущено астраханскимъ губернаторомъ, княземъ Сергѣемъ Голицынымъ, такъ какъ на этотъ предметъ не было еще изъ Петербурга никакихъ приказаній. Въ ожиданіи дальнѣйшаго путешествія, персіяне требовали себѣ и слонамъ *корму* и конвой въ 3,000 человѣкъ для *береженья* отъ горскихъ народовъ. Вслѣдствіе этого, въ персидскій лагерь высланъ былъ конвойный отрядъ въ 1,000 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника *Фролова-Багреева*, и транспортъ съѣстныхъ припасовъ и водокъ *во многомъ числѣ*. Въ Кизлярѣ персіяне простояли до августа слѣдующаго года.

Наконецъ, разрѣшеніе на путешествіе посольства въ Петербургъ было получено. 11 сентября 1740 года Хуссейнъ-ханъ торжественно вступилъ въ Астрахань, встрѣченный губернаторомъ и войсками *съ надлежащею церемоніею, отданіемъ чести и пушечною пальбою*. Здѣсь къ послу явились новые пристава: Тефкелевъ и Эгбрехтъ. Хуссейнъ-ханъ принялъ ихъ съ крайнею надменностью и черезъ переводчика приказалъ имъ какъ можно тщательнѣе заботиться о почтовыхъ лошадяхъ и съѣстныхъ припасахъ. Въ доне-

Digitized by Google

сеніи графу Остерману Тефкелевъ такъ описывалъ персидскаго посла: «изъ себя Хуссейнъ-ханъ простъ и разсужденія недалекаго, токмо весьма величаво себя имѣетъ и людей своихъ въ страхѣ содержитъ и одному человѣку, за продерзость его, ухо отрѣзалъ и всѣхъ безщадно бьетъ». 18 сентября персидскіе послы выступили изъ Астрахани на Царицынъ. Ѣхали они и ихъ свита на 170 подводахъ. Лошади при этомъ доставались издалека, потому что отъ Астрахани до Царицына въ описываемое время была *токмо степь и нигдѣ жилья не имѣлось*. Въ донскихъ степяхъ къ посламъ прибыло ихъ свиты еще 120 человѣкъ. Поэтому вновь назначенный къ персіанамъ главный приставъ генералъ-маіоръ Апраксинъ приказалъ разсадить посольство и разложить персидскій багажъ *на 800 подводахъ*. Съ дороги Хуссейнъ-ханъ писалъ Остерману слѣдующее извѣстительное цвѣтистое письмо: «Высокопоставленный и высокоповѣренный и высочайшею честью превосходящій, первенственнѣйшій министръ и верховный визирь, счастье коего въ цвѣтущемъ состояніи да пребудетъ навсегда! Желаю вамъ отъ Господа всякаго благополучія и счастливаго въ высокомъ градусѣ пребыванія. По объявленіи дружескихъ комплиментовъ, вашему степенству извѣстно да будетъ, что я—великаго Надира, шахъ-инъ-шаха, довѣренный посолъ Хуссейнъ-ханъ».

7 марта 1741 года, Хуссейнъ-ханъ остановился близъ Тамбова, въ Кузьминой гати. Здѣсь явился къ нему переводчикъ Чиколевскій, состоявшій при Апраксинѣ, и отъ имени тамбовскихъ властей поздравилъ съ пріѣздомъ. На слѣдующій день былъ торжественный въѣздъ посла въ Тамбовъ. Около села Бокина выстроился сибирскій драгунскій полкъ съ оркестромъ музыки и штандартами. Тутъ же были и всѣ мѣстныя власти. Въ 4 часа пополудни Хуссейнъ-ханъ, до того времени отдыхавшій въ одной бокинской избѣ, прикрѣпилъ къ шапкѣ *шахово перо*, сѣлъ на коня и началъ церемоніальное шествіе до самаго Тамбова по такъ называемой большой астраханской дорогѣ. Проѣзжая мимо сибирскаго полка, Хуссейнъ остановился противъ него на нѣсколько минутъ, но не привѣтствовалъ солдатъ, опасаясь унизить свое посольское величіе. Въ 3-хъ верстахъ отъ Тамбова, посолъ встрѣченъ былъ своимъ товарищемъ Етиматомъ, прибывшимъ въ Тамбовъ еще 13 января. За посольскимъ товарищемъ въ одну линію поставлены были слоны, числомъ 10. Въ моментъ вступленія посольства въ городскую крѣпость, произведенъ былъ ему салютъ изъ 25 пушекъ. У квартиры Хуссейнъ-хана, на улицѣ стоялъ почетный караулъ изъ 500 человѣкъ ростовскаго пѣхотнаго полка. Во дворѣ стояла того же полка рота со знаменемъ и музыкою. Ни на кого не глядя и не слушая музыки,

Digitized by Google

Хуссейнъ быстро вошелъ въ свои комнаты и немедленно занялся обѣдомъ. Усталый и проголодавшійся посолъ ѣлъ молча. Вслѣдствіе этого, и вся свита его не смѣла сказать слова. Даже приставъ Тефкелевъ, присутствовавшій на обѣдѣ, вынужденъ былъ просидѣть болѣе часу, опасаясь пошевельнуться и тѣмъ потревожить его степенство... Послѣ обѣда, къ послу явился на поклонъ тамбовскій воевода Золотиловъ, но не былъ допущенъ къ самому Хуссейну. Свитскіе чиновники приняли Золотилова въ караульной, нѣсколько минутъ посмотрѣли на него и затѣмъ разошлись. Этимъ и закончился неудачный воеводскій визитъ...

За неимѣніемъ въ городѣ квартиръ, большинство чиновъ персидскаго посольства расквартировано было въ селѣ Боршовкѣ и въ подгородномъ лагерѣ. Послы прожили въ Тамбовѣ до первыхъ чиселъ іюня и все это время по своей надменности и жадности были истиннымъ бременемъ для мѣстнаго народонаселенія. Самъ генералъ Апраксинъ,—впослѣдствіи извѣстный герой семилѣтней войны,—жаловался на Хуссейнъ-хана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «по обыкновенной своей гордости, персидскій посолъ поступаетъ со мною и со всѣми съ немалою спесью». Вообще персіяне жили въ Тамбовѣ очень безпокойно. Они ссорились и дрались съ жителями ежедневно. Ихъ за это брали подъ караулъ и отсылали къ послу, а посолъ ихъ не наказывалъ. Близъ главной посольской квартиры часто играла персидская музыка. Персіяне чуть не еженедѣльно праздновали побѣды своего шаха и при этомъ громко похвалялись: «удивляемся — говорили они — храбрымъ военнымъ дѣйствіямъ и несказанному искусству нашего шахъ-инъ-шаха. И тотъ шахъ скоро воевать имѣетъ и пойдетъ на горцевъ, Крымъ и Астрахань, а по прошествіи того термина намѣренъ для поклоненія въ Мекку сходить».

Чисто азіатская надменность персидскаго посла особенно ярко выражалась въ его необузданныхъ отношеніяхъ къ приставамъ. Такъ, Хуссейнъ-ханъ позвалъ къ себѣ однажды подполковника Эгбрехта *и учалъ кричать на него: для чего-де почтовыя лошади были у тебя слабы и худы?* Смущенный Эгбрехтъ молчалъ.

— Пукъ палочья подать сюда,—приказалъ Хуссейнъ.

Слуги принесли палки и ждали только начальническаго мановенія, чтобы приступить къ дикой расправѣ. Тогда Эгбрехтъ отошелъ къ стѣнѣ и чрезъ толмача началъ объяснять послу, что въ Россіи офицеровъ не бьютъ и что во всякомъ случаѣ онъ будетъ защищаться на смерть. Хуссейнъ *смиловался* и выслалъ слугъ, а съ Эгбрехтомъ съ тѣхъ поръ сталъ гораздо ласковѣе. Но не всѣ такъ счастливо отдѣлывались отъ свирѣпаго персидскаго дипломата. Разнымъ казацкимъ сотникамъ и старшинамъ, конвойнымъ капра-

Digitized by Google

ламъ и солдатамъ и всякому встрѣчному люду постоянно доставалось: ихъ *немилостиво и почасту били топорными обухами и палками.* Между прочимъ, *смертельно* биты были персіянами казацкіе полковники Серебряковъ и Наслѣдушевъ. Слухи о неистовствахъ Хуссейнъ-хана дошли, наконецъ, до Петербурга и оттуда велѣно было *пристойнымъ образомъ унимать посла.*

Пребываніе персидскаго посольства въ нашихъ предѣлахъ ознаменовано также безпрерывнымъ клянченьемъ, съ какимъ высокомѣрный тегеранскій вельможа постоянно относился къ тамбовскимъ властямъ по поводу денегъ и съѣстныхъ припасовъ. Персіянамъ все было мало, для нихъ опустошили городскія лавки, для нихъ же посылали гонцовъ въ Астрахань и Москву за рисомъ, шафраномъ, сахаромъ и винами. А они обижались: корму-де мало. Дипломатическую дѣятельность свою въ Тамбовѣ Хуссейнъ-ханъ началъ именно съ того, что сталъ просить прислать ему побольше денегъ, въ которыхъ онъ имѣлъ будто бы крайнюю нужду. Съѣстные припасы выходили на персіянъ въ ужасающемъ количествѣ. Одного рису съѣдали они въ мѣсяцъ по 1,260 пудовъ; барановъ пригоняли къ нимъ ежемѣсячно по 1,113 штукъ. Въ то же время сахару издерживалось по 66 пудовъ. Всякіе другіе ежемѣсячные харчи расходовались въ подобномъ же количествѣ. А персіяне за все платили квитанціями...

Не смотря на извѣстныя предписанія корана о трезвости, персіяне вели у насъ невоздержную жизнь и первые чины ихъ посольства напивались до пьяна чуть не ежедневно, истребляя гданской водки въ одинъ присѣстъ по $1^1/_2$ штофа на человѣка. Самого Хуссейнъ-хана, случалось, относили въ опочивальню на рукахъ. Отъ невоздержной жизни персидскій посолъ 31 марта, наконецъ, заболѣлъ. Въ его квартирѣ поднялась суматоха. Послали за приставами и воеводой, и потребовали у нихъ врача и лѣкарствъ, но врача въ Тамбовѣ и на сотни верстъ кругомъ не оказалось. Только при мѣстныхъ войскахъ нашли фельдшера Аврамова, который, однако, отказался лѣчить посла, потому что, по его словамъ, внутреннихъ болѣзней онъ не зналъ и благополучно исцѣлялъ одни лишь нарывы... Принуждены были послать гонца въ Москву за *фундаментальнымъ* лѣкаремъ, въ ожиданіи котораго больной пробавлялся своимъ домашнимъ лѣкарствомъ, составленнымъ изъ *алмазнаго и яхонтоваго порошка...* Посолъ выздоровѣлъ, но сталъ еще капризнѣе, постоянно придирался къ тамбовскимъ властямъ и къ приставамъ, и грозилъ имъ арестомъ: «вотъ я пришлю по васъ,— выкрикивалъ онъ,—5 человѣкъ и велю притащить къ себѣ за ноги и, что у васъ есть, снять».

Digitized by Google

10 мая, персіяне раскинули обширный лагерь къ западу отъ Тамбова и тамъ поселились. Въ полѣ отъ нечего дѣлать забавлялись они военными экзерциціями и по прежнему сильно пили *и чванились*. Нерѣдко Хуссейнъ-ханъ обижался даже на то, что генералъ Апраксинъ слишкомъ близко подсаживался къ нему. Поэтому онъ взялъ свои мѣры предосторожности для огражденія своей посольской чести. Въ его палаткѣ устроенъ былъ высокій рундукъ, куда Апраксинъ, конечно, уже не рѣшался лазить... 2 іюня, персидское посольство, къ великой радости тамбовцевъ, выѣхало изъ Тамбова. Ровно черезъ мѣсяцъ персіяне, въ количествѣ 2,128 человѣкъ, торжественно вступали въ Москву. У Данилова монастыря они встрѣчены были войсками, канцелярскими служителями, *конным*ъ московскимъ купечествомъ и многолюднымъ хоромъ трубачей.

Посольство Хуссейнъ-хана, повидимому, было не особенно удовлетворительнымъ для Россіи, потому что въ томъ же 1742 году персидскія вооруженныя толпы нападали на русскія границы и шахъ Надиръ грозился покорить Россію, какъ доносилъ объ этомъ русскій резидентъ въ Персіи Калушкинъ. Грозный Надиръ-шахъ, подобно Хуссейнъ-хану, былъ далеко не трезвой жизни и во время опьяненія начиналъ величаться своими побѣдами и указывать на сравнительное безсиліе Россіи. Подкупленный персидскій мирза Каибъ-Али сообщалъ русскому правительству: «шахъ не меньше какъ черезъ 14 лѣтъ Россію воевать имѣетъ и въ томъ помѣхи имѣть себѣ не чаетъ».

Высокомѣрное и вызывающее отношеніе Надиръ-шаха къ русскому правительству объясняется, конечно, извѣстнымъ политическимъ состояніемъ Россіи. Между тѣмъ какъ Персія была на верху могущества, управляемая деспотомъ-завоевателемъ и обладателемъ неслыханныхъ награбленныхъ сокровищъ, русская земля переживала тяжкую эпоху придворныхъ переворотовъ и внутреннихъ соціально-административныхъ неурядицъ. Персіяне отлично знали это и потому вели себя относительно русскихъ съ крайнею безцеремонностью. Въ этомъ случаѣ сильно поддерживалъ ихъ грузинскій царевичъ Бакаръ, недовольный русскимъ правительствомъ и хотѣвшій переселиться въ Персію. Именно онъ тайно сообщалъ Надиръ-шаху, что въ Россіи дѣла идутъ дурно и что этого государства бояться нечего...

И. Дубасовъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

«Обзоръ внѣшней торговли Россіи», изданіе департамента таможенныхъ сборовъ.—Сколько у насъ всѣхъ таможенъ и конторъ, и какъ велико протяженіе границъ, подлежащихъ таможенной охранѣ?—Составныя части таможенныхъ доходовъ и общій ихъ размѣръ въ 1893 г.—Распредѣленіе таможеннаго сбора по отдѣльнымъ государствамъ.—Въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ иностранныя государства по вывозу товаровъ изъ Россіи и по ввозу въ нее? — Главные предметы русскаго отпуска.—Вопросъ о всесословной волости.—Обширность уѣзда, какъ основной единицы земскаго управленія. — Отсутствіе у земства исполнительнаго органа на мѣстахъ. — Дастъ ли благопріятные результаты участіе другихъ сословій въ волостномъ сходѣ?—Вліяніе образованныхъ классовъ на ходъ волостнаго управленія. — Мелкія нужды отдѣльныхъ селъ и безучастное отношеніе къ нимъ уѣзднаго земства.—Справедливо ли содержать волостныя учрежденія на средства одного лишь крестьянскаго сословія? — Проэктъ всенародной переписи, утвержденный государственнымъ совѣтомъ.—Подготовлено ли русское населеніе къ предстоящей переписи и есть ли у насъ необходимый контингентъ статистиковъ?—Пожарный вопросъ въ деревянно-соломенной Россіи.—Что спасетъ насъ отъ ужасныхъ пожаровъ:—огнеупорныя зданія, или вольныя пожарныя дружины?—Пожарный сезонъ и неизмѣнные разговоры о пожарахъ.—Соблюденіе извѣстныхъ интерваловъ между зданіями, широкія улицы и посадка деревьевъ передъ зданіями, какъ средства борьбы съ огнемъ.

Недавно выпущенъ въ свѣтъ «Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1893 годъ», съ «Краткимъ очеркомъ внѣшней торговли и таможенныхъ доходовъ Россіи за 1856—1893 гг.», составленнымъ извѣстнымъ статистикомъ В. И. Покровскимъ. Это изданіе департамента таможенныхъ сборовъ отличается большой обстоятельностью и полнотой свѣдѣній, причемъ авторъ работы вездѣ, гдѣ было нужно, приводитъ данныя за нѣсколько лѣтъ, отчего смыслъ и поучительность цифръ несомнѣнно увеличиваются.

Общее протяженіе границъ европейской Россіи и Кавказа, подлежащихъ таможенной охранѣ, простиралось въ 1893 году до 10,709 верстъ, въ томъ числѣ на берега Бѣлаго моря приходилось 706, Балтійскаго—2,605, на западную сухопутную границу—3,332, на берега Чернаго и Азовскаго морей до Кавказа—1,552, на кавказскія границы (морскія и сухопутныя)—1,764 версты, и на гра-

Digitized by Google

ницу съ Финляндіею — 750 верстъ. Таможенныхъ округовъ было въ 1893 году въ европейской Россіи 7, а именно: с.-петербургскій, рижскій, вержболовскій, калишскій, радзивиловскій, бессарабскій и южный; въ среднеазіатскихъ владѣніяхъ Россіи — 2: туркестанскій и семипалатинскій; на Кавказѣ 2 карантинно-таможенныхъ округа: кутаисскій и бакинскій. Кромѣ того, внѣ округовъ находились таможни: московская, с.-петербургская портовая, кронштадтская, харьковская, иркутская и архангельская, управляющему которой подчинены всѣ таможенныя учрежденія Бѣлаго моря. Всѣхъ таможенъ и карантинно-таможенныхъ конторъ въ 1893 году было 94, заставъ—57, постовъ и переходныхъ пунктовъ—83, участковъ—2, а всего таможенныхъ учрежденій 236, въ 1881 г.—192, въ 1856 г.—130.

Таможеннаго дохода получено въ 1893 году, по курсу, принятому для государственной росписи на этотъ годъ, 168.520,582 кредитныхъ рубля, или 99.129,754 рубля золотомъ; по среднему же биржевому курсу—152.155,311 кредитныхъ рублей. Сумма доходовъ въ 1893 году была *наивысшая* за все время существованія таможенныхъ учрежденій, если не считать 1894 года. Такъ, въ 1856 г. таможенные доходы выражались скромной цифрой 29.608, въ 1866—33.551, въ 1876—70.675, въ 1886—118.487 и въ 1893—152.156 тысячъ кредитныхъ рублей.

Таможенные доходы, по роду поступленій, состоятъ изъ слѣдующихъ частей: а) ординарныя пошлины съ привозимыхъ въ Россію и отпускаемыхъ изъ Россіи товаровъ; б) штрафныя поступленія; в) сборы съ судоводства; г) канцелярскія пошлины; д) хозяйственные и прочіе доходы. Въ общихъ суммахъ таможеннаго дохода, таможенныя пошлины съ привозныхъ и отпускаемыхъ товаровъ приблизительно составляютъ 98,3%. По отдѣльнымъ границамъ государства, таможенный доходъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ. Получено таможеннаго дохода въ кредитной валютѣ: въ 1893 г. по европейской границѣ 151.361, по азіатской границѣ 17.160, всего 168.521; въ 1892 г. по европейской границѣ — 119.578, по азіатской границѣ 15.484, всего 135.062, въ 1891 г. по европейской границѣ 116.454, по азіатской 13.853, всего 130.307; въ 1881 г. по европейской 80.201, по азіатской 5.395, всего 85.596. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что доходы по европейской границѣ, со включеніемъ таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, привезенныхъ изъ Финляндіи, въ 1893 году составляли 89,8%, по азіатской—10,2%.

Вывозъ товаровъ изъ Россіи за 1893 годъ оцѣнивается въ 613.732,409, привозъ въ 463.546,017, общій же оборотъ въ 1.077.278,426 кредитныхъ рублей. Въ сравненіи съ 1892 годомъ, 1893 г. далъ гораздо болѣе значительныя цифры, какъ отпуска, такъ и привоза, что объясняется хорошимъ урожаемъ хлѣбовъ, давшимъ возможность оправиться мѣстностямъ, пострадавшимъ отъ неурожая 1891 года. Всего отпущено было въ 1893 г. больше чѣмъ въ 1892 г. на $124^{1}/_{4}$ милл. руб., или на $25^{2}/_{5}$%; привезено больше на $59^{2}/_{3}$ милл. руб., или на $14^{3}/_{4}$%. Увеличеніе привоза оказалось по всѣмъ тремъ границамъ; вывозъ же, увеличившись по европейской границѣ, уменьшился (на 12%) въ торговлѣ съ Финляндіею. Если сравнить 1893 годъ съ цѣлымъ рядомъ предыдущихъ лѣтъ,

Digitized by Google

начиная съ 1856 г., то окажется, что за время, раздѣляющее эти два момента, отпускъ по всѣмъ границамъ, вмѣстѣ взятымъ, увеличился въ 3,71, привозъ—въ 3,12, весь оборотъ—въ 3,43 раза; въ частности же—въ торговлѣ по европейской границѣ оборотъ увеличился въ 3½;—въ торговлѣ съ Финляндіею—въ 8 разъ;—по азіатской границѣ—вчетверо. При этомъ оборотъ въ торговлѣ по европейской границѣ составляетъ уже не 88,4% всей суммы, какъ въ 1856—60 гг., а только 85%; въ торговлѣ съ Финляндіею—не 1,4%, а 3,2%; по азіатской границѣ—не 10,2, а 11,8%.

Въ 1893 году размѣры оборота въ морской торговлѣ по вывозу и привозу составляли по цѣнности 67,3, а въ сухопутной—32,7%. Приблизительно такое же отношеніе замѣчалось и въ предшествовавшія 20—25 лѣтъ; но ранѣе было не такъ. Въ 1856—1860 гг. обороты морской торговли составляли, въ среднемъ, болѣе 85%, а сухопутной — менѣе 15%. Съ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти, сухопутное движеніе товаровъ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. Изъ отдѣльныхъ морей первое мѣсто по значенію для внѣшней торговли принадлежитъ Балтійскому; этотъ морской путь въ послѣднее десятилѣтіе сталъ уступать южнымъ морямъ, торговое движеніе по которымъ усиливается, благодаря росту производительности въ тяготѣющихъ къ нимъ южныхъ губерніяхъ и областяхъ европейской Россіи и на Кавказѣ, пользующихся и болѣе теплымъ климатомъ, и лучшею почвой. Въ первое пятилѣтіе взятаго нами для сравненій періода, по Балтійскому морю шло за границу и изъ-за границы 56% (по цѣнности) всего количества товаровъ, обращавшихся во внѣшней торговлѣ европейской Россіи, въ 1886 — 1890 гг.—35½%, въ 1893 г.—34,9%. По Черному и Азовскому морямъ шло въ 1856—1860 гг. 23,7%, въ 1886—1890 гг.—33½%. За три послѣдніе года, обороты торговли черноморской и азовской (вслѣдствіе неурожая и временнаго запрещенія отпуска нѣкоторыхъ хлѣбовъ въ 1891 году) уменьшились, но все же оказываются выше, чѣмъ были въ 1856—1885 гг. Обороты бѣломорской торговли, не уменьшившись за четыре десятилѣтія абсолютно, уменьшились относительно: въ 1856 — 1860 гг. они составляли 2½% всей суммы оборотовъ русской внѣшней торговли, въ 1886—1890 гг. и въ 1890—1893 гг. не болѣе 0,8%.

Разсматривая данныя о вывозѣ и привозѣ по главнѣйшимъ портамъ и таможнямъ за время съ 1856 по 1893 г., видимъ, что степень значенія многихъ изъ нихъ для внѣшней торговли Россіи значительно измѣнилась. Обороты внѣшней торговли Петербурга, поднявшіеся въ теченіе первыхъ пятилѣтій взятаго нами 38-лѣтняго періода съ 121 до 190 милліоновъ, упали въ два слѣдующія (1881—1890 гг.) до 135 милліоновъ, въ 1891 г.—до 129, въ 1892 г.—до 125 милліоновъ, чтобы въ 1893 г. снова подняться до 152 милл. рублей. Главною причиной несомнѣннаго упадка внѣшней торговли Петербурга является соперничество другихъ портовъ на Балтійскомъ морѣ, усилившихся, благодаря проведенію къ нимъ желѣзныхъ дорогъ. Изъ другихъ портовъ Балтійскаго моря наибольшее, по размѣрамъ оборотовъ, значеніе имѣла Рига, цѣнность отпуска которой въ пятилѣтія съ 1856—60 г. по 1876—80 г. включительно увели-

Digitized by Google

чилась втрое, а привоза—въ 7 разъ. Въ послѣднія 13 лѣтъ общій оборотъ Риги упалъ на 20%, но все же и теперь обороты внѣшней торговли Риги втрое значительнѣе, чѣмъ были въ шестидесятыхъ годахъ. Отпускъ изъ Ревеля съ 1856—1860 по 1881—1885 гг. увеличился въ 29, а привозъ въ 70 разъ; въ послѣдніе годы обороты Ревеля, какъ и Балтійскаго порта, стали уменьшаться и въ отчетномъ году были втрое меньше, чѣмъ въ пятилѣтіе 1876—80 гг. Обороты внѣшней торговли Либавы, не переставая возрастать за всѣ семь пятилѣтій взятаго нами для сравненій періода, увеличились даже въ неурожайномъ 1891 году, но въ 1892 г. упали, чтобы вновь нѣсколько подняться въ 1893 г. Цѣнность отпуска изъ Либавы въ отчетномъ году была въ 25 разъ, цѣнность привоза — слишкомъ во сто разъ болѣе, чѣмъ въ пятилѣтіе 1856—60 гг. Обороты внѣшней торговли Одессы, увеличивавшіеся съ нѣкоторыми колебаніями до пятилѣтія 1886—90 гг., въ 1891 г. немного уменьшились, чтобы снова подняться въ 1893 году. Въ самое блестящее пятилѣтіе своей внѣшней торговли, 1886—90 гг., Одесса отпускала товаровъ на 132 милл. рублей (слишкомъ впятеро больше, чѣмъ въ 1856—60 гг.), а получала изъ-за границы на $35^1/_4$ милл. рублей (втрое больше, чѣмъ въ 1856—60). Въ отчетномъ 1893 г. одесскій отпускъ простирался до $92^1/_4$, а привозъ до 39 милл. рублей. Отпускная торговля Таганрога достигла наибольшихъ результатовъ—15 милл. рублей—въ пятилѣтіе 1876—80 гг. Послѣ значительныхъ колебаній, она въ 1891 г. достигла 17 милл., въ 1892 упала до 13, чтобы въ 1893 подняться до 16 милл. рублей. Привозная торговля Таганрога, увеличившаяся съ 1856 — 60 по 1866 — 70 гг. въ $3^1/_2$ раза—до 7 милл. рубл., послѣ того стала постепенно уменьшаться и въ отчетномъ 1893 г. не превышала 1,9 милл. рублей. Недавно возникшій новороссійскій портъ съ каждымъ годомъ расширяетъ свою, преимущественно отпускную, торговлю. За пятилѣтіе 1886—90 гг. онъ отпускалъ товаровъ, преимущественно хлѣба, на 9 милл. рублей въ годъ, въ 1893 г.—на 25 милл. руб. Привозъ иностранныхъ товаровъ въ Новороссійскъ достигаетъ лишь полумилліона рублей. Изъ сухопутныхъ таможенъ отмѣтимъ вержболовскую, отпускъ которой съ 1861—65 по 1881—85 гг. увеличился въ 14 разъ, а привозъ на 16%. Послѣ того отпускъ остался въ прежнемъ размѣрѣ, а привозъ уменьшился на 40%. Въ иркутской торговлѣ постепенно уменьшается отпускъ и увеличивается привозъ. Въ 1856 г. чрезъ Иркутскъ вывозилось товаровъ почти на 6 милл. рублей, а привозилось чрезъ него на 7 милл.; въ послѣдніе годы вывозится на 1 милл., а привозится на 16 милл. рублей.

Таможенныя данныя, заключающіяся въ «Обзорѣ», не всегда вѣрно опредѣляютъ мѣста окончательнаго назначенія отпускаемыхъ товаровъ: товаръ можетъ получить другое назначеніе безъ извѣщенія о томъ отпускной таможни, хотя бы потому, что переданъ уже въ другія руки. Что же касается товаровъ, привозимыхъ въ Россію, то нѣкоторые изъ нихъ сопровождаются документами, составленными не на мѣстѣ происхожденія товаровъ, а на пути слѣдованія, въ какомъ нибудь другомъ государствѣ. Съ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти, транзитный, передаточный и комисіонный способъ веденія торговли

Digitized by Google

играютъ все болѣе и болѣе важную роль, участіе посредниковъ въ торговлѣ становится все болѣе и болѣе обширнымъ и важнымъ. Особо цѣнные и срочные грузы пользуются преимущественно желѣзными дорогами. На выходахъ желѣзнодорожной сѣти устраиваются, какъ въ Россіи, такъ и за границей, склады и комисіонерства, при посредствѣ которыхъ товары идутъ къ мѣстамъ назначенія совершенно независимо отъ воли первыхъ отправителей или послѣднихъ получателей товаровъ. Нѣкоторые изъ восточныхъ товаровъ, напримѣръ, приходятъ въ Россію подъ именемъ тріестскихъ или германскихъ; нѣкоторые изъ направляемыхъ черезъ сухопутную границу въ Германію находятъ себѣ окончательный сбытъ въ болѣе отдаленныхъ государствахъ западной Европы и въ Америкѣ. Иногда комисіонеры по закупкѣ товаровъ намѣренно не объявляютъ дѣйствительнаго происхожденія товаровъ, чтобы удержаніемъ этой коммерческой тайны оградить себя отъ конкурренціи. По всѣмъ этимъ причинамъ статистика внѣшней торговли по государствамъ не отличается достаточною вѣрностью, и можетъ лишь указать государство, куда изъ Россіи непосредственно направляются товары и откуда они объявлены прибывшими.

Изъ иностранныхъ государствъ, имѣющихъ торговыя сношенія съ Россіею, первое мѣсто по привозу занимаетъ Великобританія—118,4 мил. руб., за нею слѣдуютъ: Германія—101,2, Китай—33,1, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—31,5, Франція—28,5, Австро-Венгрія—22,9 мил. руб.

По вывозу изъ Россіи, государства распредѣляются такъ: Великобританія—155,1, Германія—132,6, Франція—71,8, Австро-Венгрія—34,6, Италія—30,7 мил. руб.

Интересно отмѣтить, что вывозъ товаровъ въ Великобританію постепенно увеличивался до неурожайнаго 1891 года, въ 1886—1890 гг. онъ превышалъ 210 мил. кред. руб.; привозъ же, достигнувъ въ пятилѣтіе 1876—1880 гг. 131 мил. кред. руб., постепенно уменьшался послѣ того и въ 1886—1893 годахъ былъ меньше, чѣмъ въ 1871—1875 гг. Вывозъ въ Германію, не смотря на затрудненія въ видѣ высокихъ германскихъ пошлинъ на русскій хлѣбъ, постоянно повышался и въ 1881—1885 гг. достигъ 168 мил. кред. руб.; послѣ этого онъ незначительно понизился. Гораздо болѣе сократился привозъ изъ Германіи, очень быстро повышавшійся до 1881 года и державшійся выше 180 мил. кред. руб. три пятилѣтія. Обороты торговли Россіи съ Германіей и Великобританіей составляютъ около $^1/_2$ всѣхъ торговыхъ оборотовъ Россіи по европейской границѣ. Изъ остальныхъ государствъ, первое мѣсто занимаетъ Франція, за ней слѣдуютъ: Сѣверо-Американскіе Штаты, Голландія, Австро-Венгрія и Италія.

При изслѣдованіи движенія внѣшней торговли за послѣднее время, начиная съ 1856 года, оказывается, что въ первое пятилѣтіе этого періода 54% всего русскаго отпуска составляли *сырые матеріалы*, для фабрикъ и заводовъ западной Европы, и *полуобработанныя издѣлія*; второе мѣсто занимали *жизненные припасы*, составляющіе болѣе 38% всего отпуска; третье—*фабричныя издѣлія*—6$^3/_4$%, послѣднее—*животныя*—1$^1/_8$%. Съ тѣхъ поръ отпускъ

Digitized by Google

сырья увеличился абсолютно слишкомъ вдвое, жизненныхъ припасовъ—впятеро, фабричныхъ издѣлій—втрое, причемъ относительное значеніе каждой изъ главныхъ группъ представляется уже въ слѣдующемъ видѣ: сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ вывезено въ 1893 году только 37,2%, жизненныхъ припасовъ 55,4%, животныхъ 2,2%, издѣлій 5,2%. Доля сырья въ общемъ вывозѣ сокращалась, съ большею или меньшею правильностью, непрерывно; процентъ вывоза жизненныхъ припасовъ, немного уменьшившись въ 1861—65 гг., сталъ быстро увеличиваться, достигнувъ въ 1876—1880 гг. 58%, на этой цифрѣ держался до 1886—90 гг., чтобы нѣсколько понизиться, вслѣдствіе неурожая 1891 г., въ послѣднее трехлѣтіе. Вывозъ фабричныхъ издѣлій, превышавшій въ теченіе первыхъ трехъ пятилѣтій 6%, въ четвертое—круто упалъ до 2,8%, въ слѣдующее до 2,2%; послѣ чего сталъ подниматься: въ 1881—1885 достигъ 2,7%, въ 1886—1890—4,0, въ отчетномъ же году, какъ выше сказано,—5,2%. Отпускъ жизненныхъ припасовъ всегда былъ значительнѣе привоза, причемъ разница въ пользу отпуска непрерывно увеличивается. Разница эта, доходившая въ 1861—1865 гг. до 14%, въ слѣдующія пятилѣтія сильно увеличилась и достигла: въ пятилѣтіе 1876—1880 гг. 157%, а въ пятилѣтіе 1886—1890—328%. Въ 1893 году отпускъ жизненныхъ припасовъ былъ на 237% болѣе ихъ привоза, т. е. болѣе, чѣмъ втрое. Отпускъ сырья въ первыя пятилѣтія былъ больше привоза; съ 1866—1870 гг. отношеніе становится обратнымъ. Наибольшая разница въ пользу привоза (30%) была въ 1876—1880 гг. Съ тѣхъ поръ она стала уменьшаться и въ 1886—1890 гг. упала до 2½%. Въ 1893 г. привозъ сырья былъ больше вывоза на 17%. Отпускъ фабричныхъ издѣлій всегда былъ меньше привоза: въ первыя два пятилѣтія—втрое, въ 1866—1870 гг.—меньше въ пять разъ, въ 1871—1880 гг.—почти въ 13 разъ; послѣ того разница стала уменьшаться: въ 1881—1885 гг. привозъ былъ больше вывоза только въ семь разъ, въ 1886—1890 гг.—почти втрое, тоже и въ 1893 году.

Изъ жизненныхъ припасовъ, составлявшихъ въ отчетномъ году, по цѣнности, 48% всего отпуска, первое мѣсто принадлежитъ *хлѣбу*, котораго вывезено 404 милліона пудовъ на 296 милліоновъ рублей; въ составѣ же хлѣбнаго отпуска первое мѣсто, по количеству, занимаетъ *пшеница* (38,7%), за которою слѣдуютъ: *ячмень* (27,5), *овесъ* (14,1), *рожь* (7,9), *кукуруза* (3,9), *горохъ* (1,0), *бобы* (0,5) и *греча* (0,4). Немаловажную статью хлѣбнаго отпуска (2,3%—по цѣнности) составляютъ отруби и другіе отбросы мельничнаго производства, которыхъ вывезено болѣе 13½ милліоновъ пудовъ на 6¾ милл. руб., тогда какъ муки пшеничной—всего 3,2 милл. пуд. на 6,2 милл. руб., а муки ржаной—4,4 милл. пуд. на 4,1 милл. руб. Отпускъ муки составляетъ въ 1893 году, какъ и въ цѣломъ рядѣ предыдущихъ годовъ, немного болѣе 3½% всего хлѣбнаго отпуска, по цѣнности.

До 1878 года, по количеству вывозимаго хлѣба, Россія занимала на всемірномъ рынкѣ первое мѣсто. Въ 1878 г. Соединенные Штаты Сѣверной Америки стали вывозить хлѣба больше, чѣмъ

Digitized by Google

Россія, хотя отпускъ хлѣба изъ Россіи постоянно возрасталъ (не безъ колебаній, впрочемъ). Уступая Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ въ суммѣ всего хлѣбнаго отпуска, Россія до сихъ поръ еще первенствуетъ въ международной торговлѣ рожью, овсомъ и ячменемъ. За хлѣбомъ, по цѣнности вывоза, изъ главнѣйшихъ жизненныхъ припасовъ слѣдуютъ: яйца, которыхъ вывезено 785 милл. штукъ (больше чѣмъ по два милл. въ день).

Изъ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ первое мѣсто по цѣнности занимаетъ *льняное волокно*, котораго (вмѣстѣ съ льняной паклей) вывезено 13½ милл. на 64 милл. руб. На международномъ льняномъ рынкѣ Россія занимаетъ первое мѣсто. За льномъ, по цѣнности отпуска, слѣдуютъ: *лѣсные матеріалы* (вывезено на 40 милл. руб.), *масляничныя сѣмяна* (на 25 милл. руб.), *нефть и продукты изъ нея* (на 23 милл. руб.), *пенька и пеньковая пакля* (на 12,7 милл.), *кожи* (7,1 милл. руб.), *шерсть* (6,5 милл. руб.), *шолкъ* (1,3 милл. руб.). Животныхъ вывезено на сумму въ 13 милл. руб., въ томъ числѣ лошадей на 3,6 милл. руб., крупнаго и мелкаго скота на 4,4 милл. руб., птицы живой почти на 5 милл. руб. Изъ вывозныхъ фабричныхъ издѣлій первое мѣсто заняли хлопчатобумажныя ткани (на 9,2 милл. руб.) за ними слѣдуютъ: металлическія издѣлія (на 4,6 милл. руб.), шерстяныя издѣлія (2,6 милл. руб.) гуттаперчевая обувь (2,3 милл. руб.), бѣлье (2,1 милл. руб.), льняныя издѣлія (1,6 милл. руб.).

Преобладающею страною назначенія русскаго хлѣба является *Англія*. Второе мѣсто въ ряду странъ назначенія русскаго хлѣба принадлежало въ 1893 г. *Франціи*, которая въ прежніе годы, по количеству предназначавшагося ко ввозу въ нее русскаго хлѣба, занимала обыкновенно четвертое или пятое мѣсто. *Германіи*, по значенію для русской хлѣбной торговли, въ 1893 г. принадлежало всего только *3-е мѣсто*, а именно въ Германію было вывезено по европейской границѣ 35,519 тыс. пуд., или 9,6% всего отпущеннаго количества. Не смотря на высокую пошлину, какою обложенъ въ Германіи русскій хлѣбъ, Россія до послѣдняго времени остается для Германіи главною поставщицей хлѣба вообще, особенно же ржи, пшеницы и овса. На русскую пшеницу всего сильнѣе требованіе въ Англіи, Франціи и Италіи; въ 1893 г. отправлено въ Англію по европейской границѣ 45.546 тыс. пуд., или 32,6% всего количества. Вывозится пшеница преимущественно изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ. Рожь въ 1893 г. вывозилась преимущественно въ Англію, которая вмѣстѣ съ Германіей издавна служатъ главнѣйшими рынками сбыта этого продукта, а вывозилась преимущественно изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей. Для русскаго ячменя, овса и кукурузы главной рынокъ—Англія. Отправляются: ячмень и кукуруза,—главнымъ образомъ, изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей, а овесъ—Балтійскаго. Пшеничная мука требуется преимущественно въ Турцію и Египетъ, ржаная мука—въ Швецію и Норвегію, отруби и горохъ—въ Германію. Главные рынки для русскаго льнянаго волокна—Германія и Англія. Вывозится оно преимущественно чрезъ Ригу, Петербургъ и другіе порты Балтійскаго моря, а также по сухопутной русско-прусской гра-

Digitized by Google

ницѣ—чрезъ Вержболово. Русская пенька направляется преимущественно въ Германію (въ 1893 г.—68%) чрезъ сухопутную границу.

Главнымъ рынкомъ сбыта льнянаго сѣмени служитъ *Англія*. Въ вывозѣ льнянаго сѣмени наибольшее участіе принимаютъ Новороссійскъ, Рига, Петербургъ и Либава. Главный рынокъ для русскаго лѣса—Англія, куда въ 1893 г. отправлено различнаго лѣснаго товара (по преимуществу—пиленаго лѣса) на 17.103 тыс. руб. или 42,8% всего вывоза по европейской границѣ. Яйца вывозятся главнымъ образомъ по балтійской границѣ—въ Англію и, по сухопутной границѣ съ Австріей и Германіей—въ эти государства. Кожи и щетина вывозятся преимущественно въ Германію, шерсть—въ Великобританію. Изъ нефтяныхъ продуктовъ вывозится болѣе всего керосина, смазочнаго масла очищеннаго и нефтяныхъ остатковъ. Керосинъ въ 1893 году вывозился преимущественно въ Турцію, Австро-Венгрію и Англію, смазочное масло—въ Германію и Бельгію, нефтяные остатки—въ Австро-Венгрію, Францію и Бельгію. Масло коровье вывозилось преимущественно въ Германію, Турцію и Англію. Лошади и домашняя птица направляются въ Германію, рогатый скотъ и овцы—преимущественно въ Турцію и Грецію.

Сахаръ вывозится главнымъ образомъ въ Персію (рафинадъ, бѣлый песокъ), чрезъ астраханскую и бакинскую таможни, а также въ Англію изъ Одессы. Спиртъ вывозился главнымъ образомъ чрезъ Либаву, Ревель, Одессу, и по сухопутной прусской границѣ. Главными странами назначенія вывозимаго спирта были: Германія, Великобританія и Турція. Бумажныя ткани вывозятся преимущественно по азіатской границѣ: въ Персію, Китай и средне-азіатскія ханства, въ торговлѣ съ которыми Россія вывозитъ, главнымъ образомъ издѣлія. Значительная часть вывозимыхъ изъ Россіи издѣлій фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ (болѣе ⅓) отправлена въ 1893 году во Владивостокъ и другія мѣста восточной Сибири.

Въ виду предполагаемой въ скоромъ времени реформы крестьянскаго самоуправленія, своевременно, будетъ вспомнить о старомъ и почти забытомъ вопросѣ—о замѣнѣ нынѣшней сословно-крестьянской волости всесословною, или безсословною. Дѣло въ томъ, что едва ли мы ошибемся, сказавъ, что такое радикальное преобразованіе волости является единственнымъ средствомъ, способнымъ вывести наше мѣстное самоуправленіе изъ настоящаго хаотическаго и печальнаго состоянія. Вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управленія и самоуправленія подвергался уже и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ, и въ различныхъ комисіяхъ такой многосторонней и тщательной разработкѣ, что трудно прибавить какія нибудь новыя доказательства въ защиту той или другой системы, но зато аргументы, нѣкогда приводимые за или противъ всесословной волости, измѣнили силу своей убѣдительности. Такъ, было время, когда обществу казалось небезопаснымъ появленіе на волостномъ сходѣ лицъ другихъ сословій, такъ какъ это,—думали тогда,—неминуемо

Digitized by Google

приведетъ къ установленію зависимости крестьянъ отъ новыхъ членовъ волости. Въ настоящее время это опасеніе потеряло всякую основательность, такъ какъ результаты дѣятельности земствъ самымъ наглядным образомъ убѣдили, что участіе въ самоуправленіи всѣхъ сословій вовсе не приводитъ къ порабощенію крестьянскаго населенія. Такъ, извѣстно, что земскія собранія, составленныя преимущественно изъ представителей экономически господствующаго класса, лишь по исключенію, преслѣдуютъ свои кастовые интересы, въ ущербъ нуждамъ крестьянъ. Если ужь въ организаціи мѣстнаго управленія исходить изъ интересовъ крестьянскаго населенія, то представляется особенно желательнымъ участіе въ волостномъ сходѣ лицъ другихъ сословій, и вотъ почему. Крестьянское населеніе въ настоящее время далеко не представляетъ собою среды съ совершенно однородными интересами, такъ какъ деревня въ наше время состоитъ изъ массы бѣдняковъ, съ одной стороны, и немногихъ богачей, эксплуатирующихъ бѣдноту, съ другой. Однимъ изъ весьма сильныхъ средствъ такой эксплуатаціи является захватъ кулаками всего «самоуправленія» въ свои руки. Экономически слабая и умственно неразвитая часть крестьянскаго населенія заключаетъ въ себѣ слишкомъ мало данныхъ, необходимыхъ для борьбы съ деревенскимъ кулачествомъ, а потому было бы весьма желательно, чтобы къ участію въ волостномъ сходѣ были привлечены образованные классы, которые явятся, въ этомъ случаѣ, весьма полезнымъ противовѣсомъ кулачеству.

Съ другой стороны, при сословномъ характерѣ нашей волости, въ Россіи нѣтъ доселѣ мелкой земской единицы, въ которой окончательно растворились бы остатки сословности, — различія интересовъ, преимуществъ и стремленій. Въ настоящее время самой мелкой земской единицей является нашъ уѣздъ, который, при средней величинѣ въ 900,000 дес. для европейской Россіи, представляется слишкомъ обширной и разнородной въ своихъ частяхъ территоріею. Для правильнаго и успѣшнаго удовлетворенія всѣхъ разнообразныхъ нуждъ населенія, предѣлы настоящаго уѣзда слишкомъ велики, а потому необходимо установленіе болѣе мелкой земской единицы, вѣдающей мѣстные интересы своего района и избирающей представителей въ уѣздное земское собраніе, которое должно охватывать интересы всего уѣзда. Если вся система земскаго самоуправленія построена на началѣ безсословности, то на томъ же началѣ должна быть организована и первоначальная мелкая земская единица. Въ земскихъ учрежденіяхъ должны находить удовлетвореніе всѣ разнообразные интересы мѣстности, между тѣмъ, при обширности уѣздовъ, обыденныя нужды каждой отдѣльной мѣстности не могутъ быть хорошо извѣстны гласнымъ, которые, вслѣдствіе этого, относятся къ нимъ съ крайнимъ равнодушіемъ. Давно уже замѣчено это безучастное отношеніе уѣздныхъ земскихъ собраній къ мелкимъ мѣстнымъ нуждамъ, которыя, наиболѣе затрогивая интересы населенія, въ дѣйствительности и составляютъ сущность земскаго хозяйства. Совсѣмъ было бы другое, еслибы земской единицей была принята волость или какая нибудь другая мелкая административная единица, — тогда бы земское собраніе имѣло возможность

Digitized by Google

рѣшать дѣла сознательно и съ полнымъ ихъ знаніемъ. Только при небольшомъ размѣрѣ земской единицы, положенія и постановленія земства получатъ ту жизненность, которая способствуетъ дѣйствительному преуспѣянію страны, удовлетворенію дѣйствительныхъ земскихъ потребностей, состоящихъ исключительно изъ мелочей. Главные центры уѣзднаго земства слишкомъ удалены отъ всѣхъ этихъ мелочей обыденной жизни, между тѣмъ волостныя собранія обратятъ особенное вниманіе именно на эти мелкія дѣла, для всѣхъ одинаково интересныя и всѣмъ одинаково близкія, такъ какъ гласные волостнаго собранія будутъ всегда работать надъ своимъ личнымъ дѣломъ, на самихъ себя, и притомъ въ той узкой сферѣ жизни, подробности которой имъ хорошо извѣстны, ощущаются ими непосредственно. Напротивъ того, уѣздъ нашъ слишкомъ великъ, и интересы его, по различію мѣстныхъ условій, слишкомъ разнообразны, чтобы можно было соединить и дѣйствительно сплотить на этой почвѣ малоразвитыхъ людей, которые не въ состояніи заинтересоваться и составить себѣ правильное понятіе о нуждахъ мѣстности, лежащей въ 100 верстахъ отъ ихъ мѣста жительства, мѣстности, въ которой они никогда не были.

Совершенно справедливы указанія рязанскаго гласнаго кн. С. В. Волконскаго, говорившаго, что «у насъ есть еще села, деревни, хутора, фабрики, заводы и т. п., которые имѣютъ свои общія сосѣдскія нужды, мало интересныя для крупныхъ хозяйственныхъ единицъ, но для нихъ самихъ насущныя, часто составляющія вопросъ о поднятіи или упадкѣ ихъ благосостоянія. Вотъ эти-то нужды и забыты положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. А между тѣмъ, только онѣ, эти мелкія единицы, эти наши сельскія захолустья и даютъ средства къ осуществленію всѣхъ земскихъ надобностей, не только ихъ собственныхъ, но и губернскихъ, и уѣздныхъ, такъ какъ въ нихъ однѣхъ живутъ и только черезъ ихъ посредство могутъ развиться производительныя земскія силы, и, конечно, никакое уѣздное, а тѣмъ паче губернское, собраніе не угадаетъ и не удовлетворитъ ихъ собственныхъ нуждъ также успѣшно, какъ они сами».

Между тѣмъ, эти живыя силы, эти мелкія производительныя единицы разобщены между собою, а съ существующими земскими учрежденіями имѣютъ одну только связь, выростающую изъ обязанности выплачивать земскія повинности. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что, для правильнаго и успѣшнаго развитія земскаго дѣла, недостаточно однихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, что наши мелкія хозяйственныя единицы, наши сельскія захолустья, эти производители всего нашего богатства, слишкомъ отдалены, слишкомъ изолированы отъ центровъ земской дѣятельности, такъ что необходимо соединить ихъ въ земскіе округа, менѣе крупные, чѣмъ уѣздъ, но болѣе способные видѣть ихъ нужду, и предоставить, наконецъ, имъ право совѣщаться о своихъ нуждахъ и удовлетворять ихъ общими силами. Затѣмъ, земское управленіе располагаетъ только однимъ исполнительнымъ органомъ—управой, дѣйствующей на пространствѣ всей территоріи уѣзда, а на мѣстахъ это управленіе никакихъ органовъ не имѣетъ: учрежденія же мѣстныя—сельскія и волостныя—отъ земства не зависятъ и въ непосредственной

Digitized by Google

связи съ нимъ не состоятъ. Отсутствіе на мѣстахъ органовъ, чрезъ которые могли бы быть выполняемы возложенныя на земскія учрежденія обязанности, въ значительной мѣрѣ затрудняетъ земскую дѣятельность. Управа же не въ состояніи услѣдить за всѣми подробностями выполненія земскихъ дѣлъ на мѣстахъ, уже потому, что члены ея не могутъ обладать хотя бы даже достаточнымъ знакомствомъ съ условіями всѣхъ мѣстностей уѣзда. Настоятельная потребность земства въ мѣстныхъ земскихъ органахъ иногда удовлетворялась учрежденіемъ спеціальныхъ—для даннаго дѣла—органовъ въ родѣ, напримѣръ, приходскихъ, санитарныхъ и другихъ попечительствъ, смотрителей, агентовъ и пр., но всѣ эти мѣры не приводили къ цѣли: земство нуждается въ такомъ мѣстномъ органѣ, которому можно было бы поручить всевозможныя дѣла, подвѣдомственныя земскимъ учрежденіямъ.

Съ устройствомъ всесословныхъ волостныхъ собраній, нужно думать, произойдетъ весьма полезная децентрализація мѣстнаго управленія, которая передвинетъ завѣдываніе существенными отраслями управленія въ волость.

Собственно говоря, наша сословная волость, въ силу вещей, по характеру своей дѣятельности, давно уже сдѣлалось всесословною. Законодательству остается только признать ея фактическую всесословность и устранить несправедливость содержанія ея исключительно на средства одного сословія—крестьянъ, тѣмъ болѣе, что для послѣднихъ расходы на содержаніе волостныхъ учрежденій становятся уже непосильными. Естественно, что только съ привлеченіемъ къ участію въ этихъ расходахъ остальныхъ сословій, волость получитъ средства и на удовлетвореніе разныхъ хозяйственныхъ нуждъ данной мелкой территоріи—на улучшеніе дорогъ, устройство школъ, пріютовъ, больницъ и т. п.

Въ государственномъ совѣтѣ разсмотрѣнъ и утвержденъ проэктъ первой всенародной переписи жителей Россіи. До настоящаго времени, въ Россіи, какъ извѣстно, численность населенія опредѣлялась полиціею, и притомъ отдѣльно—въ каждой части имперіи; общаго же подсчета жителей Россіи не было со времени послѣдней ревизіи въ 1858 году. Такъ какъ ревизіи, нѣкогда производившіяся у насъ, были признаны неудобными для правильнаго опредѣленія численности населенія, то наша высшая администрація остановилась на мысли о необходимости производства однодневной переписи. Это предположеніе возникло еще въ концѣ 60-тыхъ годовъ, и Россіи пришлось ждать около 30 лѣтъ, чтобы, наконецъ, разрѣшена была перепись. По утвержденному государственнымъ совѣтомъ проэкту, перепись распространяется на всѣхъ жителей Россіи и пріурочивается повсемѣстно къ одному дню, назначенному высочайшею волею. Перепись выясняетъ: имя, отчество и фамилію каждаго, его семейное положеніе, полъ, возрастъ, сословіе, вѣроисповѣданіе, мѣсторожденіе, мѣсто приписки, мѣсто постояннаго жительства, родной языкъ, грамотность, занятіе, ремесло, промыселъ или должность и важнѣйшіе физическіе недостатки. Такимъ образомъ, каждый, живущій въ Россіи въ моментъ переписи, будетъ охарактеризованъ

Digitized by Google

13 признаками. Для руководства переписью образуется особая главная переписная комисія подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ; затѣмъ въ каждомъ губернскомъ или областномъ городѣ будетъ образована губернская комисія подъ предсѣдательствомъ губернатора и, наконецъ, для руководства переписью въ уѣздѣ будетъ сформирована уѣздная комисія. Дѣйствительное же производство переписи будетъ происходить подъ непосредственнымъ надзоромъ земскихъ начальниковъ, а въ мѣстностяхъ, гдѣ не введенъ этотъ институтъ,—подъ надзоромъ мировыхъ посредниковъ, непремѣнныхъ членовъ по крестьянскимъ дѣламъ и пр. Разработка результатовъ переписи возложена на усиленный въ своемъ составѣ центральный статистическій комитетъ, которымъ съ этой цѣлью выписана уже изъ-за границы электрическая машина.

Въ нашемъ журналѣ («Наблюдатель» 1894 г., мартъ, «Къ вопросу о всенародной переписи», г. Статистика) было высказано мнѣніе о трудностяхъ предстоящей переписи и нашъ журналъ выражалъ сожалѣніе, что министерство внутреннихъ дѣлъ, въ теченіе 30 лѣтъ своихъ неудачныхъ ходатайствъ о разрѣшеніи переписи, не приняло никакихъ мѣръ, способныхъ подготовить къ ней населеніе. Затѣмъ, у насъ нѣтъ и достаточнаго числа подготовленныхъ къ дѣлу статистиковъ; вотъ почему пришлось, при организаціи переписи, обратиться къ содѣйствію земскихъ начальниковъ, конечно, незнакомыхъ со статистической техникой. Въ такой малокультурной странѣ, какой является наше отечество, производство всенародной переписи представляется дѣломъ, дѣйствительно, весьма труднымъ. Укажемъ хотя бы на обширность Россіи, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, безграмотность населенія, разноплеменность его состава и пр., и пр. Вслѣдствіе этого, было бы весьма желательно, еслибы наша администрація приняла рѣшительныя мѣры для проведенія въ массы народа свѣдѣній о цѣляхъ переписи и для выясненія связи ея съ мѣропріятіями, необходимыми для пользы самого же населенія. Есть много, конечно, средствъ для подготовки жителей къ ожидаемой переписи, но теперь, за недостаткомъ времени, придется ограничиться хотя бы лишь составленіемъ и распространеніемъ дешевыхъ и популярныхъ книжечекъ для народа.

Ежегодно лѣтомъ, то тамъ, то здѣсь, горитъ наша «деревянно-соломенная Русь» и ежегодно лѣтомъ у насъ возникаетъ пожарный вопросъ: русское общество, потрясаемое цѣлымъ рядомъ грандіозныхъ пожаровъ, старается какъ нибудь разрѣшить ужасную задачу. Настоящее лѣто не было, конечно, исключеніемъ и въ нынѣшнемъ году немало мѣстностей сдѣлалось жертвою пожаровъ, а населеніе оставалось, по обыкновенію, безъ крова и пристанища; вотъ почему у насъ опять былъ поднятъ вопросъ о борьбѣ съ краснымъ пѣтухомъ. Россія, къ несчастію, очень хорошо знакома съ ужасной стихіей огня, и борьба съ нею должна была бы имѣть у насъ постоянное и весьма важное значеніе. Между тѣмъ, пожарный вопросъ возникаетъ у насъ лишь періодически, и о немъ вспоминаютъ лишь тогда, когда некогда уже думать о серьезной органи-

Digitized by Google

заціи борьбы—будетъ ли эта борьба выражаться въ образованіи обывательскихъ пожарныхъ дружинъ, или въ устройствѣ огнеупорныхъ построекъ, или въ устраненіи скученности зданій, посадкѣ деревьевъ и пр. Наши спеціальные журналы: «Пожарное дѣло» и «Пожарный» усердно рекомендуютъ два различныхъ средства: первый органъ видитъ все спасеніе въ огнеупорныхъ постройкахъ, забывая, вѣроятно, что, во-1-хъ, нѣтъ еще дѣйствительно огнеупорнаго матеріала, а, во-2-хъ, что потребуется, вѣроятно, цѣлый рядъ десятилѣтій прежде чѣмъ «деревянно-соломенная Русь» обзаведется этими огнеупорными постройками. Въ свою очередь «Пожарный» энергически настаиваетъ на распространеніи вольныхъ пожарныхъ обществъ, какъ на главномъ средствѣ сократить пожарныя бѣдствія Россіи. Мы же думаемъ, что этими двумя мѣрами далеко не исчерпывается борьба населенія съ пожарами, требуется еще строгій надзоръ за соблюденіемъ извѣстныхъ интерваловъ между постройками, чѣмъ, конечно, устраняется скученность зданій. Затѣмъ, опытъ убѣдилъ, что большое практическое значеніе для охраны зданія отъ огня имѣетъ посадка деревьевъ, которыя защищаютъ зданіе во время пожара. Конечно, нельзя отрицать и того безспорнаго положенія, что пожарное дѣло, какъ и всякое другое спеціальное дѣло, требуетъ извѣстныхъ познаній и сноровки, и чѣмъ населеніе лучше подготовлено и болѣе пріучено къ пожарному дѣлу, тѣмъ и пожаръ представляетъ менѣе опасности. Опять таки жизненный опытъ указываетъ намъ, что пожары принимаютъ грандіозные размѣры въ тѣхъ особенно мѣстностяхъ, гдѣ пожарныя команды оказываются никуда негодными и гдѣ, слѣдовательно, огонь не встрѣчаетъ сколько нибудь серьезнаго сопротивленія ни въ умѣлости огнетушителей, ни въ совершенствѣ инструментовъ, ни въ исправности обоза. Если борьба съ пожаромъ требуетъ извѣстнаго навыка, то, конечно, весьма желательно образованіе пожарныхъ дружинъ, не только систематически дѣйствующихъ на пожарахъ, но и являющихся на пожаръ съ необходимыми инструментами и орудіями. Но, по нашему мнѣнію, еще большее значеніе имѣетъ ширина улицъ и разстояніе зданій другъ отъ друга; эти два условія важны, во-1-хъ, въ томъ отношеніи, что при нихъ не такъ легко распространяется огонь и, во-2-хъ, эти условія являются весьма благопріятными для дѣйствій пожарной команды, а потому мы полагали бы весьма полезнымъ установить извѣстное разстояніе, ближе котораго воспрещалось бы строить два сосѣднихъ зданія.

Заканчивая настоящую замѣтку о пожарномъ дѣлѣ, мы пожелаемъ, чтобы русское общество всегда помнило объ ужасной стихіи огня, а не вспоминало о ней лишь въ самый разгаръ «пожарнаго сезона». Организація борьбы съ огнемъ представляется дѣломъ весьма труднымъ и сложнымъ,—вотъ почему намъ необходимо въ теченіе цѣлаго года подготовляться къ лѣту, чтобы встрѣтить лѣтніе пожары съ полною увѣренностью въ побѣдѣ надъ ними.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

Учебникъ науки полицейскаго права, выпускъ III. *И. Т. Тарасовъ*. 1895 г.

Недавно вышедшій 3-й выпускъ большаго труда проф. Тарасова заключаетъ въ себѣ разработку весьма интересныхъ вопросовъ о народномъ образованіи и о средствахъ сообщенія. Онъ содержитъ такъ много общеинтересныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній, что эту работу проф. Тарасова можно смѣло рекомендовать каждому образованному человѣку. Всѣ отдѣлы настоящаго труда совершенно соотвѣтствуютъ, какъ по своему предмету, такъ и по изложенію, пониманію интеллигентнаго читателя, который съ живымъ интересомъ ознакомится, конечно, съ такими вопросами, какъ цѣль и значеніе народнаго образованія, отношеніе государства и церкви къ этому дѣлу, системы образовательныхъ учрежденій, управленіе народнымъ образованіемъ, исторія народнаго образованія въ Россіи и пр. Въ отдѣлѣ 7-омъ, «Средства сообщенія», особенной обстоятельностью изложенія отличается вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ. Кромѣ исторіи желѣзныхъ дорогъ, проф. Тарасовъ излагаетъ начала завѣдыванія желѣзнодорожными предпріятіями, а также характеристическія черты желѣзнодорожнаго промысла въ хозяйственномъ отношеніи и основы тарифной политики. Останавливаясь на цѣли ученыхъ школъ, авторъ, къ сожалѣнію, заявляетъ себя фанатическимъ сторонникомъ классической системы. «Гимназія,—говоритъ проф. Тарасовъ на стр. 753,—должна не только давать образованіе, но и воспитать такъ, чтобы ея выученики способны были къ *самовоспитанію и къ воспринятію университетскаго образованія*. Эта цѣль и это назначеніе гимназій достигается посредствомъ даваемаго въ нихъ *классическаго образованія*, т. е. изученія, независимо отъ другихъ предметовъ, главнѣйшимъ образомъ классиковъ, въ виду того *испытаннаго и доказаннаго глубокаго воспитательно-образовательнаго значенія*, какое имѣетъ это изученіе». А нѣсколько далѣе авторъ прибавляетъ: «необходимость изученія классическихъ языковъ обусловливается цѣлью гимназіи:—положить прочное основаніе для ученаго образованія; между тѣмъ зачатки всякаго знанія коренятся въ классической древности, и дошедшія до насъ произведенія классической литературы и искусства являются одною изъ главнѣйшихъ основъ современной

Digitized by Google

культуры. Согласно съ этимъ, *ученое образованіе должно имѣть своимъ фундаментомъ изученіе древнихъ классиковъ*, а изученіе это не можетъ быть совершеннымъ и полнымъ безъ знакомства съ ихъ языкомъ и исторіей». Намъ думается, что почтенный авторъ сильно преувеличиваетъ значеніе древнихъ классиковъ для нашей молодежи, стремящейся въ университеты вовсе не затѣмъ, чтобы посвятить себя ученой дѣятельности. И, въ самомъ дѣлѣ, если принять въ разсчетъ, какъ малъ, въ общемъ числѣ оканчивающихъ гимназіи, процентъ будущихъ «людей науки», то придется согласиться, что ради десятка будущихъ ученыхъ едва ли удобно заставлять тысячу молодыхъ людей изучать классиковъ въ теченіе многихъ лѣтъ гимназическаго курса, подрывая безъ особой пользы ихъ физическія и умственныя силы. Не нужно забывать, что, за отсутствіемъ у насъ высшихъ и среднихъ профессіональныхъ школъ, вся почти наша молодежъ *принуждена* поступать въ гимназіи и университеты, совершенно не имѣя въ виду ученой карьеры, а слѣдовательно и не нуждаясь въ изученіи древнихъ классиковъ, какъ въ фундаментѣ ученаго образованія.

Весьма полезнымъ и важнымъ мы считаемъ указаніе автора на медленное развитіе нашего торговаго мореходства, что̀, конечно, отражается крайне неблагопріятно на хозяйственномъ ростѣ нашей страны и даже на нашихъ государственныхъ финансахъ. И, въ дѣйствительности, наши суда принимаютъ весьма слабое участіе въ привозѣ и вывозѣ товаровъ, между тѣмъ какъ оборотовъ нашей внѣшней торговли, превышающихъ милліардъ рублей, было бы совершенно достаточно для существованія и развитія огромнаго торговаго флота. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ департамента торговли и мануфактуръ за 1893 г., видно, что всѣхъ торговыхъ судовъ заграничнаго плаванія пришло и ушло въ теченіе года 20,193, изъ которыхъ русскихъ судовъ было всего 2,439. Такое отсталое положеніе нашего торговаго флота ставитъ Россію въ отношеніи другихъ государствъ въ положеніе какъ бы колоніальной страны, экономически зависящей отъ иностранцевъ, и мы принуждены переплачивать иностранцамъ значительныя суммы за ихъ товары, а за свои товары получаемъ, напротивъ, значительно меньше того, что̀ получили бы при отсутствіи этой зависимости. Отсюда видно, до какой степени вопросъ о мѣрахъ содѣйствія развитію мореходства, въ связи съ судостроеніемъ, является существеннымъ вопросомъ въ русскомъ народномъ хозяйствѣ вообще, въ особенности же въ отношеніи къ сельскому хозяйству, такъ какъ продукты именно этого хозяйства составляютъ главный предметъ нашей экспортной торговли.

Молодая поэзія. Сборникъ избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ. Составили *П.* и *В. Перцовы*. С.-Петербургъ. 1895 г. Цѣна 1 рубль.

Этотъ сборникъ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ. Есть, наконецъ,

Digitized by Google

возможность приглядѣться поближе, что̀ это за диковинная штука—«молодая поэзія», — о которой всѣ или пренебрежительно молчатъ, или говорятъ оскорбительнымъ тономъ насмѣшки. «Первый въ своемъ родѣ» сборникъ, имѣющій цѣлью представить публикѣ молодыхъ поэтовъ, даетъ удобный поводъ поговорить о современной поэзіи, вложить персты въ ея раны и погадать объ ея завтрашнемъ днѣ. Но прежде два замѣчанія по адресу составителей: ни «молодой», ни «старой» поэзіи нѣтъ—поэзія вѣчна и только поэты могутъ проходить извѣстные возрасты. Затѣмъ, для лучшаго выполненія поставленной задачи—характеризовать состояніе современной поэзіи,—составители должны были бы предоставить поэтамъ право выбирать изъ своихъ произведеній тѣ, которыя они считаютъ наиболѣе характерными, а составители, какъ видно изъ предисловія, «сами пытались охарактеризовать отдѣльныхъ авторовъ». Такимъ образомъ, на современную поэзію волей-неволей приходится смотрѣть подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, подъ которымъ смотрѣли на нее составители, прикрывшись, допускающимъ безпредѣльно широкія толкованія, афоризмомъ Тургенева—«въ дѣлѣ поэзіи важна только одна поэзія».

Обращаясь къ современной поэзіи, какъ она представлена въ сборникѣ, мы прежде всего останавливаемся надъ вопросомъ: что она такое? Г. Мережковскій, съ свойственной ему напыщенностью, невразумительно восклицаетъ въ отвѣтъ: «пѣтуха ночное пѣнье, холодъ утра—это *мы*... *Мы*—соблазнъ неутоленныхъ, *мы*—посмѣшище (*sic*!) людей»... Я думаю, что тѣ, отъ лица которыхъ онъ говоритъ (а такъ какъ г. Мережковскій—одинъ изъ молодыхъ представителей русскаго парнаса, то приходится допустить, что онъ говоритъ отъ лица собратьевъ), не поблагодарятъ его и охотно уступятъ г. Мережковскому, какъ поэту, отличительныя черты, непрошенно навязанныя имъ и въ сущности глубоко субъективныя. Отвергнувъ за негодностью приведенную характеристику, намъ приходится самимъ опредѣлить содержаніе современной поэзіи. Объ этомъ можно сказать и много, и мало: мало—потому что содержаніе въ большинствѣ произведеній отсутствуетъ; много—потому что въ указанномъ фактѣ заключается нѣчто зловѣщее... Все таки, если (за немногими исключеніями) приглядѣться поближе къ мотивамъ современной поэзіи и привести къ одному знаменателю, то ихъ всего лучше можно опредѣлить словами никому невѣдомаго поэта: «рука обвивалась по таліи нѣжной, а чащею вѣтеръ носился мятежный», причемъ одни поэты культивируютъ смыслъ первой строчки, другіе—второй, а третьи—и той, и другой вмѣстѣ, что̀ кому нравится. *Любовь* и *природа*—вотъ исключительные мотивы современной поэзіи, упивающейся «Безцѣльной красотой» и съ негодованіемъ относящейся ко всякому *проявленію мысли*. Сказанное приложимо, по крайней мѣрѣ, къ половинѣ представленныхъ поэтовъ. Въ связи съ этимъ стоитъ одно очень печальное явленіе: licentia poetica—противъ здра-

Digitized by Google

ваго смысла. Одинъ поэтъ пишетъ: «*съ заката* ночь идетъ и чутко *слышу я*, какъ яблони *цвѣтутъ* и тополи *вздыхаютъ*»... Другой поэтъ (В. Лебедевъ) сплавляетъ «сѣдое (!) желѣзо и красную мѣдь» и потомъ предлагаетъ кузнецу выковать изъ этого сплава сердце («наше сердце, кузнецъ—наставительно замѣчаетъ онъ—въ эти хмурые дни *не должно* ни любить, ни пылать»?!) забывая, что подобный сплавъ не годится ковать даже въ декадентскомъ воображеніи... У того же г. Лебедева находимъ слѣдующее: «суровый сфинксъ, дитя (!) востока, товарищъ (!) вѣчныхъ пирамидъ, прилегъ (!) на сѣверный гранитъ» и мечтаетъ въ снѣжную ночь о Египтѣ... «Онъ слышитъ вздохи и *моленья*, онъ снова *богъ*, *и передъ нимъ* звучатъ былыя пѣснопѣнья, волнуя трепетомъ былымъ». Это горькое заблужденіе могъ бы разсѣять любой учебникъ исторіи, вѣроятно, мало знакомой г. Лебедеву.

Недостатокъ содержанія «молодые поэты» стараются выкупить якобы богатствомъ и разнообразіемъ формы, полагая, что имъ многое простится «за звонъ и пестроту риѳмованной строки». По части формы они еще, дѣйствительно, туда-сюда. Стихи довольно звучны, риѳмы богаты, иногда даже черезчуръ: риѳмы «Египетъ—выпитъ», «папирусъ—выросъ» смахиваютъ скорѣе на минаевщину, чѣмъ на настоящее искусство.

Пусть не подумаютъ господа молодые поэты, что все это говорится имъ единственно «въ судъ и. осужденіе». Напротивъ, мы далеки отъ желанія видѣть въ современной поэзіи только дурное, и если указываемъ на недостатки, то указываемъ на нихъ съ болью сердечной. Чтобы оставить глубокій слѣдъ на пескахъ времени, нужно сознательнѣе и серьезнѣе относиться къ той высокой задачѣ, на которую указываетъ самое слово «поэтъ». Приглядываясь внимательно къ жизни и черпая изъ нея матеріалъ для вдохновенія — прежде всего слѣдуетъ быть искреннимъ и отзывчивымъ на все хорошее. Послѣднее поможетъ разобраться въ запутанной сложности «мелочей жизни», а искренность сообщитъ выраженію необходимую теплоту. Въ молодыхъ поэтахъ есть хорошіе задатки, какъ во всемъ молодомъ. Будемъ надѣяться, что со временемъ они разовьются въ желательный ущербъ дурнымъ и оправдаютъ тѣ надежды, которыя возлагаютъ на современную поэзію люди, относящіеся къ ней снисходительно и участливо.

В. Свѣтловъ. **Золоченая богема.** Романъ. Спб. 1895 г.

Романъ г. Свѣтлова «Золоченая богема» печатался въ прошломъ году на страницахъ «Наблюдателя» и хорошо извѣстенъ нашимъ постояннымъ читателямъ, которые съумѣли, конечно, оцѣнить и бойкое перо, и живость красокъ его автора, давно уже составившаго себѣ извѣстность интересными очерками станичной жизни Крыма и превосходными кавказскими легендами. Эти обстоятельства избавляютъ насъ отъ необходимости входить въ подробную оцѣнку достоинствъ и недостатковъ романа — мы

Digitized by Google

хотимъ только обратить вниманіе читателей на тотъ любопытный уголокъ жизни, который въ живыхъ картинахъ рисуетъ авторъ, удачно заклеймивъ его названіемъ «золоченой богемы». Обыкновенный богемецъ—это «человѣкъ, не имѣющій пріюта, человѣкъ, не знающій, гдѣ онъ будетъ завтра обѣдать и жить... Все въ жизни богемца зависитъ отъ случая, удачи и труда... Подъ нимъ нѣтъ твердой почвы; она постоянно колеблется подъ его ногами». Таковы основныя черты *богемы*. Чаще всего это слово примѣняется къ міру искусства и напрасно принято думать, что въ немъ заключается нѣчто позорное. Богема артистическая, художественная, литературная состоитъ большей частью изъ «рядовыхъ» людей — людей обыкновенныхъ, со средними способностями и слабою волей, которыхъ только затеплившаяся «искра божія» спасаетъ отъ окончательнаго опошленія и неудержимо влечетъ, въ смутномъ стремленіи къ идеалу, на путь искусства. Это—средніе люди, это простые труженики въ искусствѣ, съ которыхъ мало спросится, потому что имъ мало дано. Но ихъ работа, какъ работа муравьевъ, незамѣтная въ частности, въ цѣломъ приноситъ обществу значительную пользу и — надо замѣтить къ чести богемцевъ — среди горькой нужды и искушеній жизни они идутъ по избранному имъ пути правды, рѣдко уклоняясь въ сторону и уступая соблазнамъ... Не то—«золоченая богема». Характерныя черты людей этого сорта—внутренняя пустота и внѣшній кажущійся блескъ. Безпочвенные, безпринципные люди, они, на свое горе, обладаютъ непомѣрными апетитами при полномъ отсутствіи средствъ къ ихъ удовлетворенію. Отсюда происходитъ роковая коллизія: апетиты требуютъ удовлетворенія, а нѣтъ ни ума, ни воли, чтобы найти необходимыя средства. Имъ, пріучившимъ себя съ дѣтства жить на чужой счетъ, трудъ—не по нутру, разумная жизнь—не по сердцу. Деньги, деньги, деньги — вотъ pia desideria этихъ жалкихъ отбросовъ высшаго общества и наглыхъ выскочекъ изъ низшихъ слоевъ. Для людей «золоченой богемы», воспитанныхъ въ удушливой атмосферѣ разврата, постыдно изгоняющихъ изъ головы всякое проявленіе мысли, нѣтъ на свѣтѣ ничего святаго; молодость, совѣсть, честь — все приносится въ жертву золотому богу, ради минутнаго наслажденія, ради призрачнаго блеска. Это тѣ, о которыхъ сказалъ великій писатель—«они проходятъ по жизни съ просонья, и умираютъ въ чаду нелѣпостей и пустяковъ». Въ самомъ дѣлѣ, что такое вся жизнь людей подобныхъ Воеводскимъ, какъ не сплошная нелѣпость?! До какой низости, до какой степени паденія способенъ дойти человѣкъ, можно видѣть именно на примѣрѣ молодаго Воеводскаго. Любовная связь съ Анной, которую смѣнила затѣмъ «Пантеонша», галантно уступленная «за негодностью» отцу, исторія женитьбы, отношенія къ родителю—слишкомъ ярко характеризуютъ нравственный обликъ пошлаго и ничтожнаго человѣка, чтобы могли еще возникнуть сомнѣнія, къ какому разряду существъ его отнести. Вѣнценосцевъ—подъ стать Воеводскому. При

Digitized by Google

несходствѣ характеровъ, ихъ объединяетъ, однако, общее стремленіе къ благамъ жизни; и тотъ, и другой все свое счастье основываютъ на деньгахъ; но первый, прошедшій суровую школу и успѣвшій обнаглѣть и постигнуть тайну успѣха, не отказывается все таки отъ труда въ преслѣдованіи намѣченной цѣли. Второй же—беззаботный, какъ птица небесная,—всѣ свои надежды возлагаетъ на случай, на возможность выгрыша, на выгодную женитьбу, на поддѣльный вексель... Героини не далеко ушли отъ героевъ: та же жизнь на «уру», та же нравственная дряблость.... И тѣмъ ярче выдѣляются образы этихъ «рыцарей тьмы», что авторъ, параллельно съ исторіей ихъ похожденій, описываетъ исторію любви художника Замойскаго—обыкновеннаго богемца—къ Аннѣ, бывшей любовницѣ Воеводскаго, перерождающейся подъ благотворнымъ вліяніемъ этой любви. Образъ Замойскаго глубоко симпатиченъ, а страницы, посвященныя описанію его любви, дѣйствительно, лучшія страницы романа, хотя не избѣгли нѣкоторой дѣланности и сантиментальности. Онѣ съ избыткомъ выкупаютъ нѣкоторую натянутость начала, легкій шаржъ по мѣстамъ (поэтическія способности Вѣнценосцева, исторія займа 5-ти рублей) и рѣдкія неточности стиля) «натурщицу, удовлетворяющую *моїй идеалъ*»; «жажда денегъ *колотила* его»; стр. 8). Романъ будитъ мысль, чувствуется правдивое отношеніе автора къ изображаемой жизни, а это, право, много значитъ при нашей довольно печальной литературной современности...

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Пустота лѣтней журналистики.—Переругиванія газетъ.—Юбилей 70-го года въ Германіи. — Избіеніе европейскихъ миссіонеровъ. — Спасеніе отъ катострофы.—Открытіе англійскаго парламента.—Безпокойства въ Бельгіи.—Китайскія дѣла.—Открытіе новой части свѣта.

Давно уже положеніе политической публицистики въ Европѣ не представляло такой одуряющей пустоты, такой положительно вздорной болтовни, какъ въ нынѣшнее лѣто. За цѣлый мѣсяцъ, газеты цѣлаго міра представляли такую удручающую пустоту, такую жалкую безсодержательность, что становится стыдно за журнальную политику. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ томъ, что одни органы утверждали какое нибудь совершенно пустое мнѣніе, которое не стоило и высказывать, другіе съ ожесточеніемъ опровергали его. Затѣмъ черезъ нѣсколько времени органы сознавались, что они, можетъ быть, и невполнѣ правы въ своихъ сужденіяхъ. Однимъ словомъ, переливалась изъ пустаго въ порожнее такая дребедень, что становилось совѣстно за европейскую политическую прессу. Еслибы не убійство Стамбулова, да не двѣ мелкія депутаціи въ Петербургъ, трудно сказать, чѣмъ бы наполнялись столбцы лѣтнихъ газетъ. Началось съ ярыхъ выходокъ нѣмецкой печати противъ Россіи: она несомнѣнно послала убійцъ зарѣзать бывшаго диктатора въ тотъ самый день, когда Кобургъ, сочинивъ небывалую сцену прощанія со своими офицерами, удралъ изъ Софіи, не зная, возвращаться ему, или нѣтъ, на насиженное мѣсто. Скоро пришла и въ Петербургъ вѣсть объ искалѣченіи и похоронахъ Стамбулова.

Еще съ бо̀льшею злобою, хотя и въ болѣе дипломатическихъ выраженіяхъ, зашипѣла англійская печать. Тутъ ужь не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ виновникахъ преступленія. Сверхъ того, друзья наши обрушились еще сильнѣе на Кобурга и стали доказывать ему, что онъ недостоинъ имени порядочнаго человѣка, если вернется въ Софію. Потомъ они нѣсколько смягчили свои сужденія и цѣлыя недѣли проводили въ спорахъ о Кобургѣ: слѣдуетъ ли ему возвращаться, или нѣтъ. Заподозрили не только болгарскую депутацію, члены которой извѣстны всѣ на перечетъ, но и экспедицію абиссинскую, составленную дѣйствительно изъ довольно сомнительныхъ царедворцевъ. Къ нимъ придрался ужь заодно завоеватель Эритреи, Шоа, Тигре и чуть не всей Абиссиніи, генералъ Баратьери, непремѣнно желающій

Digitized by Google

объявить войну Менелику изъ дружбы къ Криспи, хотя и безо всякихъ денежныхъ средствъ. Дѣйствительно, положеніе негуса несовсѣмъ прочно на его тронѣ. Законный наслѣдникъ убитаго негуса Ѳеодора еще живъ, а всѣ эти Рашмаконены, Рашалулы и друг. — весьма сомнительные приверженцы. Но куда же Италіи съ ея безденежьемъ лѣзть въ абиссинскія трущобы? Въ Индіи, на Памирахъ, Англія продолжаетъ вести свою мелкомошенническую политику, но чего она добивается, кромѣ смутъ въ Европѣ, никто не знаетъ. Россія, Германія и Англія заключили между собой договоръ о реформахъ въ Арменіи, но англичанамъ этого мало и они хотятъ все чего-то другаго.

Нѣмцы праздновали 25-лѣтнюю годовщину своихъ побѣдъ надъ Франціею. Въ празднованіи этомъ самый обидчивый французскій шовинизмъ не могъ бы найти ничего задирательнаго. Въ день первыхъ побѣдъ при Шпихернѣ и Вейсенбургѣ, собралось въ Берлинъ не больше 10-ти тысячъ бывшихъ ветерановъ 70-таго года; никакихъ овацій, никакого почета и энтузіазма, даже мало музыки, чѣмъ особенно недовольны берлинцы. Ждали на другой день приказаній, чтобы приходить въ азартъ, такъ какъ въ Берлинѣ безъ мундирнаго начальства и полицейскаго одобренія даже чиханіе подозрительно. Существенныхъ подношеній не приносилось, даже даровыхъ билетовъ на проѣздъ желѣзныя дороги не дали и ветераны платили сами за свое торжество. Берлинская дума расщедрилась, ассигновавъ полторы тысячи на вѣнокъ, возложенный у подножія побѣдной колонны, да полторы тысячи марокъ на угощеніе десяти тысячъ крестьянъ, которымъ не показали даже императора, уѣхавшаго наканунѣ ночью въ Англію на парусныя гонки въ Коусъ. Газеты обвиняютъ публику, а публика журналистику—въ отсутствіи патріотизма. Почему же мужики не позаботились поддержать энтузіазмъ, который надо подогрѣвать ради выгоды или изъ тщеславія? Пріѣзжіе консервативные крестьяне сочли себя обиженными, спрашивали другъ друга: стоитъ ли жертвовать здоровьемъ и жизнью, если эти жертвы такъ скоро забываются?

Въ Коусѣ, на кораблѣ «Вертъ», Вильгельмъ не могъ удержаться отъ рѣчи и счелъ нужнымъ сказать его экипажу, что онъ долженъ вести себя геройски, если придетъ нужда. Англичане не оставляютъ безъ замѣчаній даже и такихъ августѣйшихъ выходокъ и совѣтуютъ ему не поддаваться соблазну, хотя слова императора были произнесены на военномъ германскомъ суднѣ, на которое не распространяются англійскіе законы даже въ британскихъ водахъ, но вѣдь событіе это имѣетъ также мало отношенія и къ Англіи.

Какую-то странную, плохо разъясненную комедію, съиграли въ это время европейскія державы съ Марокко. Англійскія, нѣмецкія, итальянскія, испанскія суда отправили цѣлый флотъ къ Тангеру, чтобы вытребовать за убійство двухъ нѣмцевъ марокскими пиратами 250 тысячъ фран-

Digitized by Google

ковъ. Флотъ не долженъ былъ возвращаться, не получивъ этихъ денегъ до копѣйки. А между тѣмъ, тѣ же англичане, когда нужно дѣйствовать серьезно, а не изъ-за денегъ, только разговариваютъ, а не принимаютъ никакихъ мѣръ. Въ Китаѣ возобновились убійства христіанскихъ миссіонеровъ, и тамъ нельзя оставить дѣлъ въ такомъ положеніи, какъ они находятся. Въ Кутченгѣ разбои совершались съ такою утонченною жестокостью, въ ближайшей гавани къ европейцамъ, что нельзя оставить ихъ безъ примѣрнаго наказанія. Пастора Стюарда, его жену, двухъ дочерей и семерыхъ миссіонерокъ истязали самымъ варварскимъ образомъ. Стюардъ и его семья были сожжены живыми. Этому необходимо положить конецъ, какъ ни плохо поле дѣятельности миссіонера. За триста лѣтъ труда, изъ 400 милліоновъ китайцевъ нѣтъ и милліона ста тысячъ католиковъ, протестантовъ же не насчитывается и четверти, не смотря на то, что ихъ пропаганда ведется отлично и у нея до пяти тысячъ миссіонеровъ, на которыхъ одна Англія тратитъ болѣе 15 милліоновъ руб., а въ то же время въ одномъ сѣверо-западномъ Китаѣ до 30 милліоновъ мусульманъ, не смотря на то, что ихъ пропаганда закончилась девятымъ вѣкомъ назадъ.

На дняхъ въ Портсмутѣ принцъ Уэльскій и его единственный сынъ избѣгнули страшной катастрофы: одинъ миноносецъ долженъ былъ производить артиллерійскую стрѣльбу, но она была отложена потому, что вниманіе машиниста было привлечено необыкновеннымъ выходомъ пара изъ котловъ миноносца. Ровно черезъ двѣ минуты послѣ отъѣзда принца, оказалось, что котелъ далъ трещину. Затушивъ топку, предупредили неизбѣжный взрывъ, который не послѣдовалъ, во время пребыванія на миноноскѣ принца и его сына, по какому-то чуду, тѣмъ болѣе, что для скорости въ 27 узловъ давленіе пара было доведено до максимума. Августѣйшія особы, кажется, считаютъ себя застрахованными отъ катастрофъ, случающихся съ обыкновенными людьми, а между тѣмъ еще одна минута и Англія осталась бы съ 80-ти лѣтней королевой и наслѣдникомъ престола въ возрастѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

15-го августа открылся официально англійскій парламентъ. Лордъ-канцлеръ прочелъ тронную рѣчь, гдѣ сказано, что королева получила отъ иностранныхъ державъ завѣреніе въ дружескихъ отношеніяхъ къ Англіи и нигдѣ не возникло международныхъ осложненій, угрожающихъ европейскому миру. Королева надѣется, что миръ между Китаемъ и Японіей, во время котораго Англія соблюдала безусловный нейтралитетъ, будетъ заключенъ на продолжительное время. По поводу же возмутительныхъ жестокостей, которымъ подверглись англійскіе миссіонеры въ провинціи Фукіэнъ, китайское правительство обѣщало принять рѣшительныя мѣры, которыя, какъ надѣется королева, окажутся достаточными для наказанія убійцъ. Упомянуто и о замѣшательствахъ въ Арменіи, сопровождавшихся жестокостями, возбудившими негодованіе всѣхъ христіанскихъ націй, а въ особенности

Digitized by Google

англійскаго народа. Королева съ нетерпѣніемъ ждетъ рѣшенія султана касательно реформъ, предложенныхъ послами.

Кражи въ Италіи обнаруживаются вседневно. Во время обсужденія въ итальянской палатѣ бюджета строительныхъ работъ обнаружились самыя возмутительныя хищенія, продолжающіяся десятки лѣтъ; особенно при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ растрачены сотни милліоновъ. Линія между Пармой и Спеціей, по смѣтѣ стоившая восемь милліоновъ, обошлась въ 50. Линія «Джови»—90 вмѣсто 16. Обвиняются, конечно, прежніе кабинеты. Виновниковъ этихъ кражъ теперь и не разыскать, но новыхъ желѣзныхъ дорогъ строить все таки нельзя. Съ шоссейными дорогами дѣла идутъ также не лучше. Одно шоссе было разсчитано на 87,000 франк., а обошлось въ два милліона. Воры—конечно, министры и депутаты. Палата распущена до декабря, сильно передравшись въ послѣднее засѣданіе.

Бельгійскаго короля народъ не очень долюбливаетъ. Когда король открывалъ мѣстную выставку въ Санжилѣ, толпа встрѣтила его криками: «долой школьный вопросъ! долой Конго»! Соціалисты разбрасывали прокламаціи, требовавшія свободы совѣсти. Эти прокламаціи, вымазанныя клеемъ, прилѣпляли къ одеждѣ и шляпѣ короля. На враждебные крики Леопольдъ отвѣчалъ дружескими поклонами. Министръ просвѣщенія долженъ былъ скрыться, вслѣдствіе угрозъ толпы. Произведено множество арестовъ. Студенты католики вмѣшались въ демонстрацію. Произошла свалка и въ ходъ были пущены камни и палки. Волненія продолжались цѣлый день, что̀ не рѣдкость въ Бельгіи, гдѣ ненавидятъ клерикаловъ.

Послѣднее время нѣмецкія и жидовскія газеты стали особенно усиленно клеветать на Россію, обвиняя ее въ желаніи обратить евреевъ въ православіе. Вліятельнѣйшая газета «Франкфуртское Обозрѣніе» печатаетъ, что русское правительство отдаетъ три милліона евреевъ на растерзаніе дикихъ и разнузданныхъ мужиковъ, причемъ имъ предоставлено на выборъ—отреченіе отъ ихъ вѣры. Смѣшно, что насильно крещеныхъ тотчасъ же допускаютъ къ занятію важнѣйшихъ должностей и повсюду оказываютъ имъ содѣйствіе. Выжавъ изъ нѣмцевъ всѣ соки, какъ изъ сухаго лимона, Россія принялась за эксплуатацію евреевъ. На дняхъ назначенъ насильственный переходъ ста тысячъ евреевъ въ христіанство, что̀ отзовется, конечно, на развитіи русской промышленности и на всемъ процвѣтаніи русскаго государства. Ясно, что дѣла семитовъ плохи, если они прибѣгаютъ къ такимъ выходкамъ. Въ Австріи антисемитизмъ разгорается въ виду муниципальныхъ выборовъ. Депутатъ Шнейдеръ хотѣлъ закрыть собраніе либераловъ, но либераламъ кричали: «что̀ вы тутъ дѣлаете, поганые жиды? уходите въ Палестину». Полиціи съ трудомъ удается возстановить порядокъ и сцены эти, повторяясь ежедневно, дѣлаются ожесточеннѣе.

Мы недавно сообщали о жестокомъ обращеніи съ умалишенными въ Германіи. Повидимому, тамъ это явленіе не единичное. Въ германской

Digitized by Google

психіатрической больницѣ тѣлесныя наказанія—обыкновенныя явленія и примѣняются съ ужасною жестокостью. Женщина, страдающая меланхоліей, сорвала въ припадкѣ чепецъ съ сидѣлки; несчастную избили до полусмерти. Докторъ Шольцъ хотѣлъ пристыдить сидѣлокъ, но пасторъ Бодошвингъ вступился за нихъ и врачи должны были покинуть больницу. Шольцъ собралъ цѣлую массу фактовъ: онъ передаетъ, что больныхъ бьютъ ногами, таскаютъ за волосы, давятъ за горло, колотятъ ногами по животу. Пасторъ Бодошвингъ служилъ примѣромъ жестокаго обращенія; онъ раздавалъ пощечины направо и налѣво, прибавляя, что пощечины—насущный хлѣбъ для сумашедшихъ. Бременскій парламентъ опредѣлилъ произвести слѣдствіе... все только слѣдствія и никакихъ послѣдствій!

Ненависть къ іезуитамъ проявилась въ Лиссабонѣ въ формѣ уличныхъ волненій и нападенія на духовенство. Ихъ ненавидитъ даже сѣрое католическое населеніе; не смотря на то, что законъ объ ихъ изгнаніи изданъ еще въ 1759 году, но правительство никогда его не исполняло. Фанатики начали отказывать: однимъ въ причащеніи, другимъ—въ вѣнчаніи. Тогда толпа напала на базарной площади на проходившихъ священниковъ, и, только скрывшись въ домѣ, они спаслись отъ смерти. Тѣ же нападенія повторились и въ другой части города. Республиканцы воспользовались этимъ взрывомъ народнаго негодованія и усилили свою агитацію противъ королевской власти, пользующейся весьма сомнительной популярностью.

Нахальство и дерзость жидовъ дошли до такой степени даже у насъ въ Россіи, что близь Могилева-Подольскаго, потерявшій всякое терпѣніе, раздраженный землевладѣлецъ тремя выстрѣлами изъ револьвера убилъ ростовщика,—конечно, жида,—Ойзера Диманта, на котораго цѣлая губернія нигдѣ не находила управы!!. Многое уже было говорено о томъ, что жидовство, какъ злокачественная язва, разъѣдаетъ матеріально и нравственно цѣлыя области Россіи. Въ Орлѣ ростовщики имѣютъ огромное состояніе и по нѣскольку домовъ. Суды безъ церемоніи продаютъ имъ заложенныя имѣнія. Какой-то К—ій (къ чему еще тутъ псевдонимы?) купилъ въ мценскомъ уѣздѣ имѣніе Тимирязева въ 800 десятинъ съ усадьбой. Въ той же орловской губерніи судъ заставилъ старшаго нотаріуса утвердить купчую «по незначительности имѣнія», купленнаго жидомъ. Во всѣхъ ли судахъ царствуетъ у насъ правда?

Въ китайскихъ дѣлахъ такая путаница, что никакъ не разберешь, что происходитъ тамъ въ настоящее время. Китайцы офиціально публикуютъ, что они не обязаны уплачивать еще 50 милліоновъ таелей за очищеніе Ліатонгскаго полуострова и если странно было воображать себѣ, что присоединеніе Формозы и Пескадоровъ пройдетъ спокойно и мирно, то еще страннѣе мандаринамъ съ красными и голубыми шариками возбуждать

Digitized by Google

чернь къ возстанію и сжигать живыми миссіонеровъ. Насъ, конечно, должны болѣе всего занимать наши отношенія къ серединному царству, а они достаточно любопытны.

Въ Китаѣ, вслѣдствіе отсутствія правильно устроенной арміи, централизаціи общей обороны государства, существуютъ войска всевозможныхъ наименованій: манджурскія или восьми-знаменныя, китайскія трехъ категорій (луины, юны, лянъ-дзюнь) и инородческія милиціи. Всѣхъ ихъ болѣе милліона. Для огромной территоріи и полумилліарднаго народа это мало; кромѣ того, всѣ они въ послѣдней войнѣ оказались ниже всякой критики. Пока это не армія, а какой-то жалкій сбродъ.

Знакомство съ этой организаціей имѣетъ значеніе только съ точки зрѣнія исторической, но не военно-политической, которая насъ занимаетъ въ настоящую минуту.

Тяжкій урокъ, данный въ пятнадцать разъ слабѣйшимъ народомъ, навѣрно заставитъ китайцевъ произвести значительныя преобразованія и тогда общая картина государственной обороны будетъ совсѣмъ другая.

По всему протяженію нашей границы въ центральной и восточной Азіи мы соприкасаемся не съ собственнымъ Китаемъ, а съ его *застѣнными* владѣніями: *Новой линіей*, *Монголіей* и *Манджуріей*. Такимъ образомъ, наибольшаго вниманія нашего военнаго вѣдомства заслуживаетъ Манджурія. Наблюденіе же со стороны Монголіи и Новой линіи представляетъ уже болѣе задачу дипломатическую.

Подъ «Новой линіей» подразумѣвается страна, граничащая съ нашимъ Туркестаномъ и съ западной Сибирью (на протяженіи 900 верстъ). Нѣкогда она входила въ составъ обширнаго монгольскаго ханства, образованнаго еще при Чингисъ-ханѣ въ XIII вѣкѣ, по распаденіи котораго въ XVII вѣкѣ здѣсь образовались независимыя владѣнія Чжунгаріи и восточнаго, или какъ его теперь называютъ, китайскаго Туркестана. Оба эти ханства, послѣ перехода китайскаго престола въ руки манджуръ, вели безпрерывную борьбу съ китайцами. Императоръ Канси покорилъ ихъ, переселилъ сюда дунганъ (китайскихъ мусульманъ), а также изъ восточнаго Туркестана переселилъ въ Чжунгарію часть осѣдлаго населенія тюркскаго происхожденія—таранчей. Въ 1856 г. здѣсь вспыхнуло общее возстаніе. Китайское иго было свергнуто. Вслѣдъ затѣмъ содѣйствіе нашихъ властей, оказанное китайцамъ въ подвозѣ хлѣба для войскъ. Въ самомъ разгарѣ войны съ Китаемъ, Якубъ-бекъ внезапно умеръ, одни говорятъ отъ удара, другіе—отъ отравы. Китайскій главнокомандующій дѣйствовалъ не только оружіемъ, но и подкупомъ. Порядокъ въ умиротворенныхъ странахъ возстанавливался жестоко.

Всѣ народности, обитающія въ предѣлахъ Новой линіи: таранчи, дунганы, сарты, монголы и киргизы, питаютъ взаимную другъ къ другу вражду, но всѣ сходятся по прежнему въ ненависти къ Китаю.

Digitized by Google

Во всемъ краѣ, весьма обширномъ, содержится до 50 тысячъ войскъ, которыя, сгущаясь близъ нашей границы, разбросаны этапами на протяженіи 1375 верстъ отъ этой границы до Цзяюйгуаньскихъ воротъ (въ великой китайской стѣнѣ). Въ виду такого удаленія собственно отъ Китая, въ случаѣ войны, здѣсь не можетъ быть первостепенныхъ военныхъ дѣйствій; въ особенности если припомнить, что любезнымъ подвозомъ провіанта мы сами способствовали утвержденію здѣсь китайской власти.

Монголія когда-то была колыбелью одного изъ величайшихъ всемірныхъ завоевателей—Чингисъ-хана. Въ привольныхъ степяхъ этой страны, также какъ и въ Аравіи, неожиданно появился великій человѣкъ, въ своемъ родѣ подобный Магомету, который въ короткій сравнительно срокъ создалъ огромнѣйшее государство.

Потребовалось болѣе трехъ вѣковъ, чтобы сломить воинственный духъ монголовъ. Въ настоящее время, хотя монголы не отказались отъ кочевой жизни, но воинственный духъ значительно ими утраченъ. Общая численность ихъ—около 3 милліоновъ. Протяженіе нашей границы съ Монголіей отъ р. Кара-Иртыша до Хэйлунцзянской провинціи составляетъ около 2,800 верстъ (!), т. е. въ $1^1/_2$ раза болѣе нашей границы съ Европой отъ Полангена до Килійскаго рукава Дуная. Пути сообщенія по равнинной Монголіи находятся въ первобытномъ состояніи. Болѣе извѣстная дорога во внутренній Китай, отъ Кяхты до Пекина, имѣетъ протяженіемъ 1,770 верстъ. Принимая, по примѣру прошлаго, что китайцы, въ случаѣ войны, двинутъ черезъ Монголію до 100 тысячъ человѣкъ, разсчитываютъ движеніе этой арміи по колоннамъ въ зависимости отъ воды и подножнаго корма; по расчету оказывается, что армія растянется въ глубину на 600 верстъ, да и ширина фронта будетъ громадная; все разстояніе будетъ пройдено не менѣе, какъ въ 3 мѣсяца. О трудностяхъ похода большой арміи черезъ Монголію можно судить по походу 1696 года императора Канси. Состоявшій при послѣднемъ, іезуитскій миссіонеръ Жербильонъ оставилъ подробный дневникъ объ этомъ походѣ.

Такимъ образомъ, Монголія, пока Пекинъ не связанъ съ Кяхтой желѣзной дорогой, можетъ быть разсматриваема отчасти какъ *препятствіе*. Такимъ образомъ, китайцы, пережившіе, также какъ и мы, монгольское иго, не съумѣли создать собственное сильное правительство и подпали подъ новое иго—полудикихъ манджуръ, подъ которымъ находятся и по сіе время. До сихъ поръ главная опора престола зиждется на манджурскихъ войскахъ, которыя представляютъ изъ себя нестройную и утратившую свои боевыя качества милицію. Всѣхъ манджуръ считается отъ 9 до 16 милліоновъ. Наша граница съ Манджуріей имѣетъ протяженіе болѣе 2,700 верстъ. Площадь, непосредственно прилегающая къ нашимъ предѣламъ, населена слабо.

О странномъ географическомъ открытіи сообщено шестому междуна-

Digitized by Google

родному конгрессу въ Лондонѣ: открыта шестая часть свѣта, простирающаяся къ югу Австраліи до сѣвернаго полюса и занимающая пространство вдвое болѣе Европы. О существованіи антарктическаго материка было давно извѣстно въ Европѣ, но никто не изслѣдовалъ его съ тѣхъ поръ, какъ въ этихъ гостепріимныхъ моряхъ, во время экспедиціи Росса, открыто было на далекомъ океанѣ два морскіе кратера, находящіеся въ вѣчномъ изверженіи: «Эребусъ» и «Терроръ». Конгрессъ изъявилъ желаніе отправить международную экспедицію. Открылъ эту землю норвежецъ Борхъ Гревингъ, ѣздившій на плохомъ англійскомъ суднѣ, лѣтомъ прошлаго года, изъ Австраліи по слѣдамъ Чаленджера и проникнувшій дальше его на югъ, гдѣ простирается необозримый материкъ съ богатымъ развитіемъ всѣхъ трехъ царствъ природы. Большой кусокъ скалы, привезенный изслѣдователемъ, заключаетъ въ себѣ жилы нѣсколькихъ цѣнныхъ минераловъ, образцы рудъ каменнаго угля и неисчерпаемыя залежи гуано. Открыватель даже нашелъ слѣды человѣческой руки на спинѣ убитыхъ имъ китовъ; удары могли быть нанесены только острымъ орудіемъ, но не похожимъ на нынѣшнія орудія европейскихъ китолововъ. Правительство южной Австраліи объявило уже англійскому министру колоній, что если кабинетъ не займетъ антарктическаго материка для всей британской имперіи, то южная Австралія сдѣлаетъ это на свой страхъ. Салисбюри лично хочетъ какъ можно скорѣе присвоить своему министерству славу величайшаго пріобрѣтенія, когда либо сдѣланнаго Англіей. Только одни нѣмцы сомнительно пожимали плечами при извѣстіи о сдѣланныхъ открытіяхъ и попрекали англичанъ въ слишкомъ эгоистическомъ пользованіи обстоятельствами и недобросовѣстномъ отношеніи къ товарищамъ по дѣлежу чужой собственности. Оказалось, что Борхъ Гревингъ даже и не норвежецъ, а англійско-австралійскій чиновникъ на службѣ мѣстной администраціи, предлагающій свои услуги отправиться въ будущемъ году на новый материкъ и тамъ перезимовать. Но не успѣли еще открыть полюса, какъ сдѣланы предложенія дѣлать открытія на полюсѣ. Воздухоплаватель Андрэ, сдѣлавшій нѣсколько замѣчательныхъ улучшеній въ аэронавтикѣ, замѣтилъ, что воздухоплаваніе легче на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ нѣтъ снѣга и мятелей и вслѣдствіе долгаго непрерывнаго дня и ровнаго свѣта. Шаръ можетъ быть отведенъ до крайняго обитаемаго пункта на сѣверѣ и тамъ наполненъ газомъ; онъ можетъ содержать въ себѣ все нужное для трехъ человѣкъ, чтобы пробыть въ воздухѣ до двухъ мѣсяцевъ, и даже можетъ быть до извѣстной степени направляемъ. Уже въ одной Швеціи Андрэ нашелъ всѣ средства нужныя для поѣздки и отправляется туда будущимъ лѣтомъ. Французы высказались на конгрессѣ за предпочтеніе гринвичскаго меридіана надъ парижскимъ; удержана организація конгресса вплоть до его новаго собранія; слѣдующій соберется въ Берлинѣ.

Digitized by Google

ФОТОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

Восточные поэты.

Какой-то знатный князь,
Проѣздомъ издалека,
Попалъ въ Багдадъ—алмазъ
Прекраснѣйшій востока!
Багдадъ отъ древнихъ дней
Былъ славенъ во вселенной
Ученѣйшихъ мужей
Наукой многоцѣнной.
Но повелѣлъ пророкъ:
Всѣмъ вѣрнымъ на усладу,
Расцвѣлъ иной цвѣтокъ
На улицахъ Багдада.
Красивѣй и пышнѣй,
Чѣмъ скромный цвѣтъ науки,
Служилъ онъ у людей
Лѣкарствомъ противъ скуки.
Воздѣлывать цвѣтокъ
Призвалъ Аллахъ поэтовъ—
И залилъ міръ потокъ
Элегій, одъ, сонетовъ...

Князь былъ плохой знатокъ
Поэзіи и сроду
Онъ отличить не могъ
Отъ эпиграммы оду...
Любовный мадригалъ
Считалъ онъ ерундою,
Поэтовъ же прозвалъ
Общественной бѣдою!..

Сойдясь съ однимъ муллой
Учености великой,
Князь рѣчію такой
Пронзилъ его, какъ пикой:

Digitized by Google

«По свѣту по всему,
О чудесахъ Багдада
Легендъ и сказокъ тьму
Я слыхивалъ когда-то...
И вотъ, признаться, здѣсь
Все подтвердилось это.
Но изо всѣхъ чудесъ
Чуднѣй у васъ поэты.
Мнѣ странно, что они
Въ своихъ стихахъ, отъ вѣка,
Заладивъ о лунѣ,
Забыли человѣка!
Пожаръ, и моръ, и гладъ
Вокругъ въ подлунномъ мірѣ,
Они же, знай, бренчатъ
О звѣздахъ да зефирѣ.
На свѣтѣ льется кровь,
Текутъ рѣками слезы...
Имъ грезится любовь
И—розы, розы, розы!..
Когда же ихъ напѣвъ
Спознается съ землею,
Въ немъ слишкомъ много дѣвъ,
А смыслу меньше вдвое.
Пускай ихъ легокъ стихъ,
Но темы пѣсенъ лживы:
Не слышны вовсе въ нихъ
Высокіе мотивы.
Кругомъ же, между тѣмъ,
Въ прекрасномъ божьемъ мірѣ
Есть много важныхъ темъ
Для каждой честной лиры.
Скажи мнѣ, почему,
Скажи, о, жрецъ пророка,—
Въ толкъ самъ я не возьму!—
Поэтъ здѣсь, что̀ сорока,
Поетъ о пустякахъ
Ненужныхъ и фальшивыхъ,
О важныхъ же дѣлахъ
Молчитъ въ стихахъ красивыхъ?!.
Какой, скажи, у васъ
Изъянъ или канальство:—
Безлюденъ ли Парнасъ,
Иль строго такъ начальство»?

Почтительно смѣясь,
Мулла отвѣтилъ гостю:
«Достопочтенный князь,
Сомнѣнья ваши просто
Я разъясню тотчасъ:

Digitized by Google

Благодаренье Богу,
Поэтовъ-то у насъ,
Пожалуй, слишкомъ много;
Такъ много, что Багдадъ
Имъ скоро станетъ тѣсенъ;
Начальство же преградъ
Не дѣлаетъ для пѣсенъ!
Но мы,—такъ повелось
По волѣ Магомета,—
Не судимъ вкривь и вкось
О прегрѣшеньяхъ свѣта
Ни въ рѣчи, ни въ стихахъ;
О благѣ же народа
Заботится Аллахъ
И сверхъ того—природа!

Графъ Лимбургскій.

Digitized by Google

По необходимости.

О безрадостномъ удѣлѣ
Цѣлый вѣкъ скорбя,
Раза два иль три въ недѣлѣ
Самъ кляня себя—
Быть бродягою отличнымъ
Выказавъ талантъ,
Вдоль по улицамъ столичнымъ
Рыщетъ квартирантъ!
Онъ достоинъ сожалѣній
За усердный трудъ:
Лѣстницъ каменныхъ ступени
Къ небесамъ ведутъ,
На вопросы даже ухомъ
Дворникъ не ведетъ,
А цѣна... цѣна обухомъ
По карману бьетъ.
Господинъ домовладѣлецъ
Скорбно, безъ конца,
Плачетъ самъ изъ-за бездѣлицъ,
Но деретъ съ жильца.
Прелесть лѣстницы античной,
Статуи, коверъ
И швейцаръ дипломатичный—
Все ласкаетъ взоръ;
Есть подъемная машина,
Освѣщенье—кладъ,
Но клѣтушки въ два аршина
(Сирѣчь, «комнатъ рядъ»)
Сгонятъ съ васъ слѣды улыбки,—
Такъ тоскливъ ихъ видъ...
Въ нихъ, едва ль не по ошибкѣ,
Солнца лучъ глядитъ...

Digitized by Google

Хоть въ карманѣ недостатокъ,—
Вспомнивъ странствій рядъ,
Дать, въ концѣ концовъ, задатокъ
Все жь несчастный радъ,
Чтобъ, спустя двѣ-три недѣли,
Вновь по цѣлымъ днямъ,
О своемъ скорбя удѣлѣ,
Рыскать здѣсь и тамъ...

Невскій Житель.

Digitized by Google

Поздніе мечты.

Баринъ, когда-то бездѣльный,
Весь промотавшійся въ пухъ,
(Нынѣ жилецъ богадѣльни)—
Сѣтуетъ жалобно вслухъ:
«Эхъ! еслибъ было возможно
Прежнее снова вернуть,
Я бы съумѣлъ осторожно
Съ шикомъ и съ толкомъ кутнуть!»—

Купчикъ, сидящій въ острогѣ
За шаромыжный подрядъ,
Громко вздыхаетъ о Богѣ,—
Втайнѣ же мысли мутятъ:
«Еслибъ мнѣ было возможно
Прежнее снова вернуть,
Я бы съумѣлъ осторожно
Гниль по подряду спихнуть!»—

Скромный чиновникъ, за взятки
Службы доходной лишенъ,
Тихо вздыхаетъ украдкой,
Въ думу одну погруженъ:
«Эхъ, еслибъ было возможно
Прежнее снова вернуть,
Я бы съумѣлъ осторожно
Кушъ покрупнѣе рвануть!»—

Вотъ—отставная кокотка,
Сидя въ каморкѣ своей,
Сердцемъ печалится кротко;
Молодость вспомнилась ей:

Digitized by Google

«Еслибъ мнѣ было возможно
Прежнее снова вернуть,
Я бы нашла осторожно
Въ жизни удачнѣйшій путь!»

Далъ Богъ тринадцать малютокъ
Мнѣ и красотку—жену,
Счастливъ въ семьѣ... кромѣ шутокъ,—
Мысль же лелѣю одну:
«Эхъ, еслибъ было возможно
Прежнее снова вернуть,
Я бъ поступалъ осторожно,
Жилъ холостымъ какъ нибудь»!

И. Т.

Digitized by Google

Наше время.

Все наизнанку въ наше время:—
Плутъ знамя честности несетъ,
Фатъ проклинаетъ жизни бремя,
Кретинъ ворчитъ на мысли гнетъ;
Профессоръ биржѣ отдается,
Хозяйствомъ праздный занятъ мотъ,
Золя въ салонахъ модныхъ трется,
Лассаль въ урядники идетъ!
Ослы съ предлинными ушами
Тисненью ревъ свой предаютъ,
А ихъ «лидахтуры» грошами
За этотъ ревъ имъ воздаютъ.
Кокотка къ дѣтямъ лѣзетъ въ бонны,
Добру и правдѣ ихъ учить;
Законникъ учитъ, какъ законы
Всего удобнѣй обходить;
Исправникъ взятки судитъ строго,
Поэтъ анаѳемы поетъ;
Злодѣи храмы строятъ Богу
И имъ вездѣ зато почетъ!..
Лесть и нахальство мчатся въ гору
И, чтобъ прославиться вѣрнѣй,
Мели какъ можно больше вздору,
Дней нашихъ сладостный Орфей!..

Сфинксъ.

Арханг. Областная БИБЛИОТЕКА Периодика

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 9-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

		Стран.
I.	Счастливые уголки. Василія Ив. Немировича-Данченко.	11
II.	Тоска. Стих. К. М. Фофанова.	55
III.	Германія въ Россіи. А. П. Липранди.	56
IV.	Круговая порука. (Романъ въ двухъ частяхъ) К. В. Назарьевой.	71
V.	Звѣздочка. Стих. В. К. Булгакова.	151
VI.	Воспоминанія уланскаго корнета. Николаевскаго офицера.	152
VII.	Сестра. Романъ Эрнста Вильденбруха	175
VIII.	Русалки. Стих. Л. Афанасьева	234
IX.	Сельско-хозяйственныя рабочія колоніи. Н. Ѳ. Арепьева .	235
X.	Наша музыкальная жизнь. В. С. Баскина	252
XI.	Гробъ. (Разсказъ въ пріятельской компаніи). В. Вельскаго.	278
XII.	Инквизиторы. (Съ испанскаго—изъ *Балагуэра*). Стих. С. Кіевскаго	285
XIII.	Злое дѣло. Романъ Н. Ѳ. Бажина.	287
XIV.	Господинъ министръ. Романъ Кларети. *(Окончъ.)* . . .	322
XV.	У моря. Стих. П. Тулуба	353
XVI.	Забытые дипломаты тамбовскаго края. И. И. Дубасова .	354

Современное обозрѣніе.

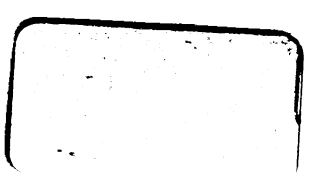
XVII.	Наши внутреннія дѣла	1
XVIII.	Новыя книги	14
XIX.	Политическая хроника.	20
XX.	Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). Стихотворенія: Графа Лимбургскаго, Невскаго Жителя, И. Т. и Сфинкса .	28

GENERAL BOOKBINDING CO.
74 1989HV 040 P 2 6559 13
QUALITY CONTROL MARK

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google